Digitized by Google

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

№ 3

A. BOGDANOV
А. Богдановъ.

EMPIRIOMONIZM

ЭМПИРІОМОНИЗМЪ.

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФІИ.

КНИГА I.

Book I

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА 1905.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
арендуемая В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

Digitized by Google

Phil 510.155 (1-3)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 13 1956

Digitized by Google

Изъ числа трехъ статей, предлагаемыхъ здѣсь вниманію читателя, одна („Universum“) появляется въ свѣтъ впервые, двѣ другія были напечатаны въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“:

„Идеалъ познанія“—въ 1903 г., 3—4.
„Жизнь и психика“—1903 г., 9—10 и 11—12.

Digitized by Google

Digitized by Google

Идеалъ познанія.

(Эмпиріомонизмъ физическаго и психическаго).

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ критики по преимуществу. Начиная съ эпохи Возрожденія, великое освободительное движеніе человѣческаго духа шагъ за шагомъ расчищаетъ путь для непрерывнаго, безпрепятственнаго прогресса человѣческихъ силъ индивидуальныхъ и общественныхъ... Въ сферѣ *мышленія* эта освободительная работа выступаетъ въ формѣ критики, разбивающей безчисленные фетиши, стоящіе на пути познанія, разрывающей безчисленныя путы, сковывающія его развитіе. Но рѣшительное господство критики начинается съ конца XVIII вѣка. Французская революція сдѣлала критику всепроникающимъ принципомъ общественнаго бытія людей; Кантъ сдѣлалъ ее всепроникающимъ принципомъ мышленія: всякія границы для критики были принципіально устранены, она должна была отнынѣ сама устанавливать свои границы.

Съ тѣхъ поръ критика была лозунгомъ всего прогрессивнаго въ жизни и мышленіи. Подъ ея знаменемъ шли прежде утописты въ своихъ нападеніяхъ на общественный строй, а теперь подъ ея знаменемъ ведется великая классовая борьба. Въ наукѣ сила критики привела къ выработкѣ точныхъ методовъ, въ философіи—къ неуклонному позитивизму.

Конечно, не разъ наступали моменты авторитарной реакціи въ жизни, догматической реакціи въ мышленіи. Но и здѣсь ярко сказывалась сила критики, сказывалась не только въ томъ, что она рано или поздно побѣждала, но также и въ

Digitized by Google

томъ, что реакція большей частью старалась нарядиться въ ея костюмъ, старалась выдать себя за критику. Это стремленіе реакціонныхъ силъ провозить свою историческую контрабанду подъ флагомъ критики всего лучше доказываетъ то могущество и то уваженіе, которыми пользуется этотъ благородный флагъ во всѣхъ моряхъ и заливахъ бурнаго океана современности.

Чѣмъ же объяснить себѣ такое громадное и, повидимому, все возрастающее жизненное значеніе критики? Оно означаетъ борьбу различныхъ формъ жизни, отживающихъ и нарождающихся, накопленіе силъ, для которыхъ тѣсны сложившіяся рамки, жажду простора и свободы. Какъ мы знаемъ, бываютъ въ развитіи народовъ эпохи органическія и критическія, — эпохи, когда жизнь спокойно течетъ по привычному руслу, медленно расширяясь и углубляясь, не нуждаясь въ новыхъ путяхъ, потому что старые пока еще ея не стѣсняютъ, и эпохи, когда она бурно стремится черезъ пороги и скалы, прокладывая новыя русла взамѣнъ старыхъ, слишкомъ узкихъ и тѣсныхъ. Тяжелые, поросшіе мхомъ камни катятся и уносятся въ море, рушатся подмытыя вѣковыя горы — это критическая работа жизни, и такова та эпоха, въ которую мы живемъ.

Но рѣка течетъ не для того, чтобы сворачивать камни и горы, критика никогда не можетъ быть конечной цѣлью, результатомъ, на которомъ жизнь могла бы остановиться. Удовлетвориться одной критикой не можетъ ни чувство, ни воля людей, ни даже познаніе. Растущая жизнь, накопляющіяся силы необходимо должны складываться въ новыя формы, должны организоваться въ новыя единства. Дѣло критики—дать просторъ для этихъ формъ, помѣшать имъ развиться уродливо и дисгармонично; но создать ихъ она не можетъ. Критика — это садовникъ, который тщательно расчищаетъ почву для дерева, подстригаетъ лишнія и неправильно растущія вѣтки; но не онъ — причина того, что дерево растетъ и приноситъ роскошные плоды. Жизнь развивается изъ жизни, и сама опредѣляетъ свою цѣль; эта цѣль—творчество, а не критика.

Digitized by Google

То содержаніе, которое въ наше время ищетъ для себя новыхъ формъ, поистинѣ громадно. Коллективныя силы человѣчества въ его борьбѣ съ внѣшней природой возросли въ сотни разъ за послѣдніе вѣка и примѣняются въ безконечно разнообразныхъ направленіяхъ; еще значительнѣе расширилась область научнаго опыта, по отношенію къ которой сфера производства является теперь только небольшой частью; неизмѣримо увеличилось богатство идей и міровоззрѣній, переплетающихся и сталкивающихся въ современномъ мірѣ. Нужны формы безконечно широкія и прочныя, но и безконечно пластичныя, чтобы охватить и свободно совмѣстить такое содержаніе въ его непрерывномъ развитіи; нужны формы безконечно сложныя и въ то же время безконечно гармоничныя, чтобы въ нихъ безъ противорѣчій уложилось все разнообразіе этой безпредѣльно прогрессирующей жизни. Наше воображеніе не въ силахъ представить себѣ, какъ несравненно величественны должны быть эти новыя формы въ своей грандіозности, какъ несравненно изящны въ своей стройности.

Въ неясныхъ, общихъ контурахъ онѣ уже обрисовываются вдали. Развивающееся сознаніе смутно ихъ различаетъ и страстно къ нимъ стремится. Идеалъ практической жизни въ наше время выступаетъ яснѣе: онъ выражаетъ стремленіе гармонически объединить все человѣчество для борьбы со стихійнымъ міромъ, для непрерывнаго развитія силъ. Не такъ ясенъ идеалъ познанія; онъ не для всѣхъ формулированъ въ живомъ, понятномъ словѣ, его имя чуждо громадному большинству даже тѣхъ, кому близокъ идеалъ практической жизни. А между тѣмъ живое, нераздѣльное единство практики и познанія говоритъ намъ, что оба идеала должны быть неразрывно связаны между собою, должны находиться въ строгой гармоніи. Поэтому законна всякая попытка, хотя бы въ такой общей схемѣ, въ какой представляется намъ идеалъ жизни, обрисовать также идеалъ познанія.

Ставя себѣ такую задачу, мы уже заранѣе знаемъ, что путь къ ея рѣшенію идетъ черезъ область критики:—не той страст-

Digitized by Google

ной критики, которая преобразуетъ формы практической жизни, но холодной и строгой критики опыта и отвлеченнаго мышленія.

I.

Если мы стремимся опираться въ своемъ изслѣдованіи на всѣ пріобрѣтенія великой эпохи критики, то исходной точкой его для насъ всего цѣлесообразнѣе взять наиболѣе законченное и строгое выраженіе духа критики въ познавательномъ отношеніи къ дѣйствительности. Такимъ выраженіемъ критической тенденціи для нашего времени представляется намъ *эмпиріокритицизмъ*—критика всего познанія съ точки зрѣнія опыта и критика самаго опыта съ точки зрѣнія его связи и закономѣрности.

Эмпиріокритицизмъ есть современная форма позитивизма, развившаяся на почвѣ новѣйшихъ методовъ естествознанія съ одной стороны, новѣйшихъ формъ философской критики — съ другой. Это философское теченіе нашло себѣ самыхъ видныхъ выразителей въ Эрнстѣ Махѣ и Рихардѣ Авенаріусѣ, изъ которыхъ первый формулировалъ его съ особенной ясностью и прозрачностью, второй—съ особенной полнотой и точностью *). Оно привлекаетъ къ себѣ все больше сторонниковъ среди молодыхъ представителей науки и философіи какъ на каѳедрѣ, такъ и внѣ ея; оно оказываетъ все большее вліяніе на научное и философское развитіе нашего времени. Эту возрастающую силу и это возрастающее вліяніе признаютъ даже противники эмпиріокритицизма.

Излагать сколько-нибудь полно философскія основы эмпиріокритицизма намъ не приходится; съ точки зрѣнія нашей задачи достаточно характеризовать самое общее познавательное отношеніе этой школы къ дѣйствительности, къ міру опыта.

---

*) Самый терминъ „эмпиріокритицизмъ“ принадлежитъ, собственно, Авенаріусу, но онъ хорошо характеризуетъ также воззрѣнія Маха, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ они и отличаются отъ взглядовъ Авенаріуса.

Digitized by Google

Задача познанія, по воззрѣніямъ Маха и Авенаріуса, заключается въ томъ, чтобы систематизировать содержаніе опыта, такъ что опытъ является и естественной основой и естественной границей познанія. По своему объективному значенію, систематизація эта является могучимъ жизненнымъ приспособленіемъ, орудіемъ сохраненія жизни и ея развитія. Взглядъ на познаніе, какъ на приспособленіе, возникшій въ эволюціонномъ мышленіи, конечно, гораздо раньше эмпиріокритицизма, въ работахъ этой школы находитъ себѣ самое широкое и всестороннее развитіе, и дѣлается базисомъ послѣдовательной *критики* познанія. „Die Analyse der Empfindungen" Маха и его научно-критическія работы, особенно „der Wärmelehre", съ одной стороны, и „Kritik der reinen Erfahrung" Авенаріуса съ другой, даютъ цѣльную и во всемъ существенномъ однородную картину критически-эволюціонной теоріи познанія *).

Но познаніе въ этой картинѣ является не только приспособленіемъ вообще, а также приспособленіемъ *соціальнымъ*. Соціальный генезисъ познанія, его зависимость отъ соціальнаго опыта, принципіальная равноцѣнность мышленія различныхъ людей и его непрерывное соціальное взаимодѣйствіе ярко выступаетъ и сознательно подчеркивается обоими мыслителями. Здѣсь ихъ предшественниками надо признать великихъ

*) Въ развитіи взглядовъ Маха исходной точкой послужилъ философскій *идеализмъ*, тогда какъ для Авенаріуса съ самаго начала характерна *реалистическая* окраска. Тѣмъ замѣчательнѣе тожество философскихъ выводовъ, къ которымъ совершенно независимо одинъ отъ другого пришли оба эти мыслителя, реформируя теорію познанія на основѣ выработанныхъ научныхъ методовъ. Весьма несущественныя разногласія между этими философами носятъ на себѣ однако явный отпечатокъ различія начальныхъ пунктовъ развитія (особенно это относится къ понятію „элементовъ-ощущеній" у Маха; объ этомъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

Нѣсколько особое положеніе занимаетъ въ ряду основныхъ произведеній эмпиріокритицизма „Der menschliche Weltbegriff" Авенаріуса (ученіе объ интроекціи); но къ нему мы также еще вернемся.

Digitized by Google

основателей историческаго монизма, о которыхъ оба философа врядъ ли имѣли сколько-нибудь ясное понятіе *).

Тамъ, гдѣ Махъ обрисовываетъ связь познанія съ соціально-трудовымъ процессомъ, совпаденіе его взглядовъ съ идеями Маркса становится порой прямо поразительнымъ. Въ нѣкоторыхъ философскихъ этюдахъ его „Wärmelehre“ мы встрѣчаемъ такія положенія, какъ, напр., слѣдующее: «наука возникла изъ потребностей практической жизни... изъ техники» (стр. 451),—форулировка строго соотвѣтствующая принципу историческаго матеріализма. Для насъ это—лишнее доказательство глубокой прогрессивности эмпиріокритицизма, какъ теченія, способнаго органически воспринять все наиболѣе жизненное въ его идейной средѣ.

Изслѣдуя познаніе, какъ соціальное приспособленіе, эмпиріокритицизмъ не находитъ никакого принципіальнаго различія между познаніемъ обыденнымъ не критическимъ, и познаніемъ научно-философскимъ, критическимъ. И задачи, и методы по существу въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же, разница только въ степени выработки приспособленій: научными и критическими методами задачи познанія достигаются съ относительно большей полнотой при меньшихъ затратахъ энергіи; эти методы характеризуюся *экономизаціей* времени и силъ. Такимъ образомъ, обыденное и неточное познаніе, въ

---

*) Ближе по времени къ Маху и Авенаріусу стоитъ А. Риль, который также признаетъ спеціальность познанія и его біологическую роль какъ приспособленія, но далеко не вполнѣ выдерживаетъ этотъ принципъ въ своемъ анализѣ познанія („Der philosophische Kriticismus“. II B. 2 T.). Вообще за послѣдніе десятки лѣтъ идеи эти встрѣчаются нерѣдко въ философской и соціально-философской литературѣ; развитіе сравнительной филологіи не мало способствовало ихъ упроченію, выясняя органическую связь мышленія съ рѣчью—соціальной формой общенія (здѣсь особенно Нуаре, Максъ Мюллеръ); но обыкновенно эта соціально-генетическая точка зрѣнія на мышленіе ни философами, ни учеными не проводится до конца со строгой методологической послѣдовательностью.

Digitized by Google

своемъ прогрессивномъ развитіи, стремясь охватить все возрастающее богатство и разнообразіе опыта, необходимо должно переходить шагъ за шагомъ въ критическое и точное. При этомъ познаніе все въ большей мѣрѣ приближается къ *чистому описанію* того, что имѣются въ опытѣ,—разумѣется, къ такому описанію, которое обобщаетъ и систематизируетъ.— Тутъ выступаетъ вопросъ о содержаніи опыта, о его связи и закономѣрности и о жизненномъ значеніи различныхъ частей этого содержанія. Это и есть вопросъ о критикѣ опыта.

Безконечный потокъ опыта, изъ котораго кристаллизуется познаніе, представляетъ въ своемъ цѣломъ не только очень грандіозную, но и очень пеструю картину. Разлагая шагъ за шагомъ это цѣлое, анализъ переходитъ отъ болѣе крупныхъ его частей къ все болѣе и болѣе мелкимъ и достигаетъ, наконецъ, нѣкоторой границы, гдѣ разложеніе дальше не удается. Здѣсь лежатъ *элементы* опыта. Что же это за элементы?

Махъ называетъ ихъ «элементами-ощущеніями». Тотъ опытъ, который мы имѣемъ относительно «внѣшняго міра», сводится къ «тѣламъ», какъ сочетаніямъ различныхъ «признаковъ»,— мѣста, времени, цвѣта, формы, величины и т. п Разложеніе этихъ «признаковъ» приводитъ насъ къ элементарнымъ ощущеніямъ пространства, времени, цвѣтовъ, тоновъ, къ ощущеніямъ иннерваціоннымъ, осязательнымъ, вкусовымъ и т. д. Въ такъ называемомъ «внутреннемъ мірѣ» мы имѣемъ воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи. Дальнѣйшій анализъ даетъ здѣсь частью такіе же элементы, какъ для внѣшняго опыта (напр., въ «воспріятіи» какого-нибудь тѣла также пространственныя, цвѣтовыя, иннерваціонныя, и т. под. ощущенія), частью элементы, повидимому, иные — волевые, эмоціональные *)... Собственно, только по отношенію къ «психическому»

*) Авенаріусъ различаетъ „элементы“ и „характеры“, при чемъ подъ „элементами“ подразумѣваетъ цвѣта, тоны, твердое и мягкое, сладкое и горькое и т. под., а подъ „характерами“—окраску удовольствія и страданія, красоты и безобразія, реальности и кажущагося, ясности и смутности и т. д. Для нашихъ

Digitized by Google

міру элементы можно съ полнымъ правомъ называть «ощущеніями», потому что «ощущенія»—терминъ психологическій, который неудобно примѣнять къ физической области опыта *); но въ высшей степени важно, что одни и тѣ же элементы могутъ принадлежать «тѣламъ», какъ ихъ «признаки» («красное», «зеленое», «холодное», «горячее», «твердое», и т. д.) и входить въ составъ «воспріятій» и «представленій», какъ собственно, «ощущенія» (ощущеніе краснаго, зеленаго, холоднаго, и т. д.). «Красное» въ тѣлахъ и «ощущеніе краснаго» въ ихъ воспріятіи суть *тожественные* элементы опыта, которые мы только различно обозначаемъ.

Тѣла—это комплексы такихъ же элементовъ, какіе въ «воспріятіяхъ» мы называемъ «ощущеніями». Положеніе чрезвычайно важное, на которомъ слѣдуетъ остановиться.

Человѣческій организмъ существуетъ для насъ, какъ тѣло въ ряду другихъ тѣлъ. Изъ какихъ же элементовъ опыта склады-

---

цѣлей это различіе не существенно, и потому мы въ изложеніи предпочитаемъ слѣдовать Маху.

*) Это различіе Махъ самъ не разъ отмѣчаетъ для того, чтобы устранить возможность идеалистическаго истолкованія своихъ взглядовъ. Его русскій переводчикъ (Энгельмейеръ. Очерки по теоріи познанія Э. Маха, 1901, изд. Маноцковой) нѣсколько погрѣшаетъ тѣмъ, что мало обращаетъ вниманія на эту сторону дѣла; передавая взгляды Маха, онъ доходитъ даже до такихъ формулировокъ, какъ слѣдующая: „наши ощущенія не производныя міра, а мы произвели міръ изъ нашихъ ощущеній“ (Введеніе, стр. 17). Махъ на эту формулировку никогда бы не согласился. Онъ указалъ бы, во-1), что элементы только тогда правильно называть ощущеніями, когда мы говоримъ о нихъ съ психологической точки зрѣнія, а по отношенію къ „физическому“ міру этотъ терминъ не допустимъ; и во-2), что элементы не то, изъ чего мы произвели міръ, а *продуктъ познавательнаго разложенія* опыта, такъ что опытъ въ цѣломъ, по отношенію къ нимъ, *первичное*, а не вторичное. Можетъ-быть удастся и дальнѣйшее разложеніе теперешнихъ „элементовъ“—они, вѣдь не атомы; тогда они смѣнятся элементами болѣе простыми, но еще болѣе „производными“, въ смыслѣ длины того пути, по которому познаніе дойдетъ до нихъ.

Digitized by Google

вается это тѣло? Прежде всего мы имѣемъ рядъ элементовъ, воспринимаемыхъ при помощи зрѣнія, рядъ элементовъ цвѣта и пространства (формы). Затѣмъ рядъ совершенно иныхъ элементовъ, воспринимаемыхъ при помощи чувства давленія и чувства температуры: элементы формы и пространства, какіе даются намъ ощупываніемъ тѣла, элементы тепла и охлажденія, выступающіе рядомъ съ ними, и т. д. Далѣе рядъ элементовъ, доступныхъ слуху — тоны и шумы, изъ которыхъ слагается рѣчь, пѣніе, плачъ, смѣхъ, и т. под... Всѣ эти ряды совершенно различны по своему матеріалу—*качественно разнородны*, и однако всѣ они объединяются въ одинъ комплексъ, обозначаемый словомъ «человѣкъ». Рядъ зрительный—элементы цвѣта и видимой формы—немыслимо даже и сравнивать въ его непосредственности съ рядомъ тактильнымъ—элементами осязаемой формы, твердости, тепла,—или съ рядомъ акустическимъ—тонами и шумами; немыслимо сравнивать въ этомъ смыслѣ даже отдѣльные элементы одного ряда между собою, напр., «красное» съ «зеленымъ». Но «тѣло» есть нѣчто единое. Что же даетъ ему это единство? Устойчивая связь частей комплекса.

Эта устойчивая связь въ нашемъ опытѣ далеко не безусловна. Въ массѣ случаевъ мы только видимъ проходящихъ мимо людей, но не слышимъ и не осязаемъ; данъ зрительный рядъ, остальные не даны, и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами «тѣла», «люди». Въ другихъ случаяхъ мы только слышимъ или только осязаемъ, или видимъ и слышимъ и т. д. Но отдѣльные ряды прочно ассоціированы между собою—изъ опыта мы знаемъ, что если видимъ человѣка, то достаточно намъ подойти и потрогать его, чтобы осязать и, вѣроятно, также слышать. Изъ каждаго ряда можетъ оставаться лишь незначительная часть элементовъ, и однако весь комплексъ, все «тѣло» вступаетъ въ сферу нашего опыта: мы можемъ видѣть одинъ палецъ человѣка, или осязать только его руку, или слышать только походку,—и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами человѣкъ. Если дѣло идетъ о данномъ человѣкѣ—

Digitized by Google

г-нѣ А., то весь составъ комплекса можетъ сильно измѣниться, напр., будетъ надѣтъ новый костюмъ, цвѣтъ лица и фигура пострадаютъ отъ болѣзни, голосъ охрипнетъ и т. д.; однако мы будемъ признавать то же лицо, тотъ же коплексъ. Вообще, относительная устойчивость комплекса элементовъ достаточна, чтобы сдѣлать изъ него «тѣло» *).

Для насъ очень важна одна сторона дѣла, на которой не останавливаются ни Махъ, ни Авенаріусъ. Рядъ зрительный, рядъ тактильный, рядъ акустическій, входящіе въ составъ одного «тѣла», качественно различаются по своимъ элементамъ, совершенно несравнимы съ точки зрѣнія матеріала—сравните, напр., красное съ твердымъ или съ горькимъ,—и однако они выступаютъ въ неразрывной связи. Отчего они не образуютъ для познанія самостоятельныхъ комплексовъ? Развѣ познаніе не стремится соединять однородное и разъединять разнородное? Почему же нашъ опытъ складывается въ такіе неоднородные по составу комплексы? Отвѣтъ на эти вопросы получается очень легко, если мы остановимся на основномъ фактѣ опыта—на *параллелизмѣ рядовъ*, образующихъ тѣла.

Если мы одновременно видимъ человѣка, слышимъ его и осязаемъ его тѣло, то *взаимныя отношенія* элементовъ во всѣхъ трехъ рядахъ опыта находятся въ извѣстномъ соотвѣт-

*) Изъ этой относительности возникаетъ самое абсолютное въ философіи, „субстанція", или „вещь въ себѣ". Каждой данной части комплекса можетъ не хватятъ въ нашемъ опытѣ въ данный моментъ, и однако мы признаемъ „вещь" за *то же самое*, чѣмъ является для насъ цѣлый комплексъ. Не значитъ ли это, что можно откинуть всѣ „элементы", всѣ „признаки" вещи, и все-таки она останется,—уже не какъ явленіе, а какъ „субстанція"? Конечно, это только старая логическая ошибка: каждый волосъ въ отдѣльности можно вырвать, и человѣкъ не станетъ лысымъ; но если ихъ вырвать всѣ вмѣстѣ, человѣкъ будетъ лысый; таковъ и процессъ, которымъ создается „субстанція", которую Гегель недаромъ называлъ „caput mortuum абстракціи". Если откинуть всѣ элементы комплекса, то комплекса не будетъ; останется только обозначающее его *слово*. Слово—это и есть „вещь въ себѣ".

Digitized by Google

ствіи между собою. Измѣненіямъ въ зрительномъ ряду соотвѣтствуютъ опредѣленныя измѣненія въ тактильномъ ряду, и наоборотъ. Когда мы видимъ, что человѣкъ поднялъ руку (измѣненіе въ комбинаціи цвѣтовыхъ и пространственныхъ элементовъ), то мы, если желаемъ, всегда можемъ одновременно ощутить это и при помощи осязанія (измѣненіе въ комбинаціи тактильныхъ элементовъ), отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленной связи, которая не можетъ быть замѣнена другою. Если мы видимъ опредѣленныя движенія губъ и грудной клѣтки, то мы, обыкновенно, слышимъ опредѣленные звуки рѣчи; и опять-таки отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленномъ взаимномъ соотвѣтствіи. Предположимъ, что вы имѣете зрительный рядъ элементовъ, но тактильнаго совсѣмъ нѣтъ, и не можете получить, т.-е. вы видите человѣка, но при его ощупываніи не получаете никакихъ осязательныхъ ощущеній—ни сопротивленія, ни тепла; въ такомъ случаѣ это вовсе не человѣкъ, а привидѣніе, или какая-нибудь оптическая иллюзія. Вы слышите рѣчь человѣка, но, несмотря на наличность всѣхъ обычныхъ условій для воспріятія соотвѣтственнаго зрительнаго ряда, не получаете его, или получаете рядъ съ совершенно иными отношеніями; въ такомъ случаѣ это опять-таки не человѣкъ, а галлюцинація слуха или, можетъ быть, фонографъ. Тамъ, гдѣ нарушается обычный параллелизмъ такихъ-то данныхъ рядовъ, тамъ устраняется и признаніе въ опытѣ обычно воспринимаемаго такого-то даннаго «тѣла», и выступаетъ необходимость иначе объединить факты опыта, признать не то «тѣло», какъ обыкновенно, а другое, или совсѣмъ отрицать наличность «тѣла».

Параллелизмъ разнородныхъ рядовъ опыта, объединенныхъ въ одно «тѣло», даетъ этимъ рядамъ нѣкоторую однородность; но это однородность *отношеній*, а не элементовъ. Именно эта однородность отношеній, наблюдаемая для различныхъ рядовъ опыта, и есть ближайшая основа единства *тѣла*. Пространственное и временное единство тѣла—только опредѣленныя

Digitized by Google

формы этой однородности отношеній, этого параллелизма рядовъ: пространство, напр., зрительное координируется съ пространствомъ доступнымъ осязанію именно въ силу параллелизма между рядами элементовъ; а единство времени есть прямо другое названіе для параллельнаго теченія всѣхъ этихъ рядовъ среди общаго потока непосредственныхъ переживаній.

Замѣтимъ, что одинъ изъ этихъ рядовъ обыкновенно играетъ въ комплексѣ особую—*организующую* роль. Когда мы представляемъ себѣ человѣческое тѣло, то оно является намъ *по преимуществу* какъ осязаемый, или *по преимуществу* какъ видимый предметъ, т.-е. въ основу комплекса ложится одинъ рядъ, по большей части именно тактильный (рѣже зрительный); а другіе ряды объединяются около него, какъ центральной части комплекса. Нетрудно понять, чѣмъ обусловливается такая особенная роль тактильнаго ряда: она связана съ его особеннымъ значеніемъ—значеніемъ въ біологической борьбѣ. Обыкновенно, только при наличности тактильнаго ряда предметы могутъ оказываться серьезно полезными или серьезно вредными для жизни: всѣ объекты «производства» въ смыслѣ экономистовъ — матеріалы труда, орудія, предметы потребленія—представляютъ «осязаемые» предметы; тѣла, лишенныя тактильнаго ряда, напр., тѣни, отраженія, облака, являются жизненно-неважными (по крайней мѣрѣ, непосредственно неважными; косвенно и они могутъ пріобрѣтать большое значеніе, какъ, положимъ, дождевыя облака). Кромѣ того, немалое значеніе имѣетъ тѣсно связанная съ этой біологической ролью большая полнота и опредѣленность тактильнаго ряда (при ощупываніи предметовъ); однако въ этомъ отношеніи онъ скорѣе уступаетъ зрительному ряду, который и выступаетъ какъ рядъ организующій, вмѣсто тактильнаго, когда этого послѣдняго не имѣется, а иногда даже и при его наличности.

Возвратимся теперь къ изложенію взглядовъ Маха. Какъ было уже сказано, одни и тѣ же элементы могутъ входить въ составъ «физическихъ тѣлъ» и въ составъ «психическихъ процессовъ». Если «тѣло», называемое человѣческимъ орга-

Digitized by Google

низмомъ, есть комплексъ такихъ-то цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильныхъ и другихъ элементовъ, то *воспріятіе* этого тѣла — изъ какихъ элементовъ онъ слагается? Да очевидно, изъ тѣхъ же самыхъ цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильныхъ и т. д.; только здѣсь эти же элементы называются «ощущеніями». Изъ тѣхъ же элементовъ слагается и «представленіе» тѣла, когда тѣла нѣтъ въ непосредственномъ воспріятіи. Но какая же разница между «тѣломъ» и «воспріятіемъ тѣла», или его «представленіемъ». Вѣдь это, несомнѣнно, далеко не одно и то же съ точки зрѣнія нашего опыта.

Тѣло въ ряду другихъ тѣлъ принадлежитъ къ опредѣленной системѣ вещей, которая характеризуется опредѣленными отношеніями, и называется «физическимъ» или «внѣшнимъ» міромъ. Воспріятіе или представленіе тѣла принадлежитъ къ другой системѣ, въ которой отношенія иныя, и которая называется «психическимъ» или «внутреннимъ» міромъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ различію двухъ областей опыта— физической и психической «внѣшней» и «внутренней».

Въ мірѣ физическомъ комплексы — тѣла характеризуются извѣстной устойчивой закономѣрностью своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній. Передъ вами столъ; ваше воспріятіе стола мѣняется съ каждой перемѣной положенія вашей головы: оно исчезаетъ, если вы отвернетесь или уйдете; но столъ, какъ тѣло, не измѣняется при этомъ и остается на своемъ мѣстѣ. Представленіе стола вы можете произвольно, однимъ усиліемъ вниманія, вызвать и фиксировать въ ряду другихъ представленій въ самыхъ различныхъ ассоціаціяхъ образовъ; но вы не можете такъ же произвольно, однимъ актомъ воли, достигнуть того, чтобы столъ возникъ въ ряду другихъ тѣлъ или выступилъ въ новомъ соотношеніи съ ними. Связь явленій въ обоихъ случаяхъ различна; въ физическомъ мірѣ она имѣетъ гораздо болѣе опредѣленный характеръ, чуждый всякого произвола, *независимый отъ случайно измѣняющихся состояній нашего организма;* въ мірѣ психическомъ явленія выступаютъ *въ опредѣленной зависимости именно отъ со-*

Digitized by Google

стояній организма; ближайшимъ образомъ отъ нервной системы.

Воспріятія получаются тогда, когда возбужденіе различныхъ органовъ чувствъ передается центральному нервному аппарату, и измѣняются сообразно съ формой этого возбужденія съ одной стороны, состояніемъ нервныхъ проводниковъ и нервныхъ клѣтокъ — съ другой. Перерѣжьте два оптическихъ нерва, и весь міръ зрительныхъ воспріятій исчезнетъ для данной психики; или отравите нервную систему сантониномъ, и всѣ предметы будутъ восприниматься въ иной окраскѣ, чѣмъ прежде. Подвергните организмъ дѣйствію хорошей дозы наркотическаго яда, и исчезнутъ не только воспріятія, но и представленія, даже эмоціи и стремленія. Нарушьте питаніе коры головного мозга, и весь психическій міръ окажется спутаннымъ, разстроеннымъ; всѣ его отношенія рѣзко измѣнятся. А физическій міръ, несмотря ни на что, остается по прежнему.

Всѣ такія сопоставленія—ихъ можно дѣлать безъ конца—приводятъ къ слѣдующей формулировкѣ: поскольку данныя опыта выступаютъ *въ зависимости отъ состоянія данной нервной системы,* постольку они образуютъ *психическій міръ* данной личности; поскольку данныя опыта берутся *внѣ такой зависимости,* постольку передъ нами *физическій міръ*. Поэтому Авенаріусъ обозначаетъ эти двѣ области опыта, какъ *зависимый рядъ* и *независимый рядъ* опыта.

Для пониманія реальнаго различія обоихъ рядовъ опыта особенно важны тѣ промежуточные случаи, гдѣ происходитъ ихъ временное смѣшеніе. Свои образы сновидѣній, свои галлюцинаціи человѣкъ относитъ сначала къ внѣшнему міру; но послѣдующій опытъ убѣждаетъ его, что эти явленія зависѣли всецѣло отъ особаго, преходящаго состоянія его нервной системы, и тогда онъ относитъ ихъ уже къ психическому міру. Если человѣкъ не настолько образованъ, чтобы установить эту форму зависимости, кака это часто бываетъ у неразвитыхъ людей по отношенію къ галлюцинаціямъ, то явленіе, несмотря на всю свою неустойчивость, будетъ отнесено къ «внѣшнему»

Digitized by Google

міру — галлюцинація будетъ понята, какъ «привидѣніе» или «духъ», вообще, какъ *тѣло*, хотя и съ особенными свойствами (слово «духъ» не должно вводить здѣсь въ заблужденіе, «духъ», фетишиста есть отнюдь не «психическое» въ научномъ смыслѣ).

Кромѣ тѣхъ комплексовъ, которые одинаково могутъ выступать и въ физическомъ ряду, какъ тѣла и въ психическомъ, какъ воспріятія или представленія, существуютъ еще комплексы иного рода, принадлежащіе всецѣло къ психическому міру, и никогда не относимые нами къ физической области опыта. Это комплексы эмоціональные и волевые: чувства, аффекты, стремленія, и т. под. Радость, гнѣвъ, желаніе, любовь, никогда не представляются намъ «тѣлами», а всегда только психическими процессами. Между тѣмъ, такого рода комплексы бываютъ иногда чрезвычайно устойчивы — много устойчивѣе иныхъ мимолетныхъ явленій физическаго міра. Мало того, той же исключительной «психичностью» отличается комплексъ наиболѣе устойчивый въ ряду нашихъ переживаній, тотъ, который мы обозначаемъ словомъ «я». Какъ понять эту особенную группу переживаній?

Спеціально-психическій характеръ всей группы опредѣдѣляется тѣмъ фактомъ, что она стоитъ въ особенной, непосредственной зависимости отъ состояній данной нервной системы, и не можетъ быть представлена внѣ этой зависимости, въ той закономѣрной связи, которая характеризуетъ физическую сферу опыта. Отсюда легко возникаетъ стремленіе рѣзко выдѣлить спеціально-психическій рядъ изъ общей системы опыта, отдѣлить его, какъ нѣчто самостоятельное, отъ всѣхъ психо-физическихъ переживаній. Но такой взглядъ нельзя было бы признать правильнымъ.

Комплексы эмоціональные, волевые, и комплексъ «я» разлагаются анализомъ на элементы, и эти элементы *однородны* съ тѣми, которые выступаютъ во всякихъ иныхъ, психо-физическихъ сочетаніяхъ. Такъ, въ эмоціяхъ, согласно экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, если даже не принимать обобщающей теоріи Джемса и Ланге, несомнѣнно играютъ боль-

Digitized by Google

шую роль элементы иннерваціонные и тактильные, элементы, которые въ другихъ сочетаніяхъ входятъ въ составъ «воспріятій» и въ составъ «тѣлъ». Точно также волевые комплексы представляютъ изъ себя сложныя комбинаціи различныхъ элементовъ съ опредѣленными «характерами» (по терминологіи Авенаріуса); особенное значеніе имѣютъ здѣсь иннерваціонные элементы *). Что же касается «я», то это сложнѣйшій комплексъ жизненно важныхъ комбинацій, по преимуществу эмоціальныхъ и волевыхъ, вообще тѣхъ, которыя стоятъ въ наиболѣе тѣсной связи съ самосохраненіемъ организма **). Такимъ образомъ, по своимъ *элементамъ* по своему *матеріалу*, и спеціально-психическіе комплексы не отличаются отъ другихъ группировокъ въ сферѣ опыта, не отличаются отъ психическихъ-физическихъ комбинацій.

II.

Мы обрисовали, насколько это требуется для поставленной нами задачи, самое общее отношеніе эмпиріокритицизма къ дѣйствительности, какъ системѣ опыта. Передъ нами выступило міровоззрѣніе, съ одной стороны — глубоко обоснованное на пріобрѣтеніяхъ современной науки, съ другой стороны—очень увлекательное по своей простотѣ и ясности. Оно съ трудомъ укладывается въ рамки обычныхъ философскихъ опредѣленій. Оно рѣдко отличается отъ наивнаго реализма своимъ глубоко аналитическимъ и строго критическимъ отношеніемъ ко всему содержанію опыта. Но не менѣе далеко отстоитъ оно и отъ всякаго идеализма: отъ трансендентнаго — тѣмъ, что не признаетъ никакой высшей, сверхчувственной реальности

*) См. R. Avenarius, „Kritik der reinen Erfahrung“, II, 206 и слѣд. стр., а также прим. 54. См. также G. Simmel, „Skizze einer Willenstheorie“, Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnessorgane, 1895 г.—иннерваціонная теорія воли.

**) См. R. Avenarius. Kr. d. r. Drf.“, II, стр. 355 и стр. 275 (о „доминантѣ*); также E. Mach, „Analyse der Fmpf.“, стр. 13—20 (3-е изд., 1902).

Digitized by Google

идей, а считаетъ всякую мыслимую идею продуктомъ усложненія и обработки опыта, отъ имманентнаго—тѣмъ, что дѣйствительность, опытъ оно отнюдь не укладываетъ всецѣло въ рамки психическаго, въ рамки «представленія», но это «психическое» признаетъ только за одну опредѣленную область опыта. Эмпиріокритицизму нѣтъ также дѣла ни до матеріализма, ни до спиритуализма, ни до какой метафизики вообще: и матерія, и духъ для него только комплексы элементовъ, а всякая «сущность» и всякое сверхъ-опытное познаніе — термины безъ содержанія, пустыя абстракціи. Если мы назовемъ это міровоззрѣніе критическимъ, эволюціоннымъ, соціологически окрашеннымъ позитивизмомъ, то мы сразу укажемъ тѣ главныя теченія философской мысли, которыя слились въ немъ въ одинъ потокъ.

Разлагая все физическое и психическое на тожественные элементы, эмпиріокритицизмъ не допускаетъ возможности какого бы то ни было дуализма. Но здѣсь и возникаетъ новый критическій вопросъ: дуализмъ опровергнутъ, устраненъ, а достигнутъ ли монизмъ? Освобождаетъ ли въ дѣйствительности точка зрѣнія Маха и Авенаріуса все наше мышленіе отъ его дуалистическаго характера? На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить отрицательно.

Критика опыта сдѣлала дуализмъ невозможнымъ,—и все же онъ остался, только принялъ новую форму. Опытъ одинъ по своему матеріалу — *но почему же въ немъ двѣ закономѣрности?* Связь физическаго и связь психическаго ряда принципіально различны, не сводимы одна на другую, и не допускаютъ объединенія въ какой-нибудь третьей, высшей закономѣрности *). Это не дуализмъ реальности, а дуализмъ *способа познанія*, и Авенаріусъ полагаетъ, что «diese Dualität ist

*) Можно, конечно, свести ту и другую къ обобщающей ихъ абстракціи,—но это будетъ лишь безсодержательное понятіе о связи вообще, неспособное органически объединить двѣ основныя формы закономѣрности опыта.

Digitized by Google

kein Dualismus» (эта двойственность — не дуализмъ). Но такую точку зрѣнія трудно признать правильной, какъ бы ни была она успокоительна.

Дѣло въ томъ, что принципіально различныя, несводимыя къ единству закономѣрности для цѣльности и стройности познанія немногимъ только лучше принципіально различныхъ, несводимыхъ къ единству реальностей. Когда область опыта разбивается на два ряда, съ которыми познаніе принуждено оперировать совершенно различно, то познаніе не можетъ чувствовать себя единымъ и гармоничнымъ. Неминуемо возникаетъ рядъ вопросовъ, направленныхъ къ устраненію двойственности, къ ея замѣнѣ высшимъ единствомъ. Почему въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта возможны двѣ принципіально различныхъ закономѣрности? И почему ихъ именно двѣ? Почему зависимый рядъ, «психическое», находится въ тѣсномъ функціональномъ соотношеніи именно съ нервной системой, а не другимъ какимъ-либо «тѣломъ», и почему нѣтъ въ опытѣ безчисленнаго множества зависимыхъ рядовъ, связанныхъ съ «тѣлами» другихъ типовъ? Почему одни комплексы элементовъ выступаютъ въ обоихъ рядахъ опыта—и какъ «тѣла», и какъ «представленія», а другіе никогда не бываютъ тѣлами, и принадлежатъ всегда къ одному ряду, и т. д.?

Эмпиріокритицистъ будетъ, конечно, правъ со своей точки зрѣнія, отвергая самую постановку этихъ вопросовъ: дѣло познанія — описать то, что имѣется въ опытѣ, и если въ немъ есть двойственность, то это надо констатировать, а незачѣмъ спрашивать «почему»? Но вопросъ «почему» выражаетъ въ данномъ случаѣ несомнѣнную, вполнѣ реальную потребность въ описаніи дѣйствительно гармоничномъ, логически единомъ,— потребность, которую въ общемъ критика опыта признаетъ вполнѣ законною, и отрицаніе вопроса оставляетъ эту потребность совершенно неудовлетворенною.

Между «двойственностью» и «дуализмомъ» въ познаніи нѣтъ никакой рѣзкой границы: двойственность становится дуализмомъ по мѣрѣ того, какъ выступаетъ интенсивнѣе стрем-

Digitized by Google

леніе къ гармоніи познанія, къ его единству, по мѣрѣ того, какъ развивающаяся психика становится чувствительнѣе ко всякому раздвоенію, а элементы обѣихъ сторонъ двойственности все чаще одновременно выступаютъ въ сознаніи, порождая накопляющееся чувство противорѣчія. Для Спинозы двойственность познаваемыхъ аттрибутовъ единой субстанціи, мышленія и протяженія, совсѣмъ не противорѣчила монизму системы, но для насъ, людей XX вѣка, она уже несомнѣнный дуализмъ. То же должно стать и со всякой принципіальной двойственностью способовъ познанія.

Вотъ почему наше стремленіе къ идеалу познанія необходимо ставитъ задачу — преодолѣть эту двойственность.

III.

Разсмотримъ нѣсколько ближе и внимательнѣ отношеніе двухъ рядовъ опыта — физическаго и психическаго. Намъ надо какъ можно точнѣе *характеризовать* ихъ различія и, если окажется возможнымъ, выяснить *генезисъ* этихъ различій. Вопросъ о генезисѣ можетъ показаться здѣсь несообразнымъ; но постараемся отдѣлаться отъ всякаго предвзятаго сужденія о немъ и посмотримъ, не приводитъ ли къ этому вопросу строго критическій анализъ самыхъ различій.

Постоянная характеристик веего «физическаго» — это его *объективность*. Никто не можетъ представить себѣ физическаго тѣла или процесса, которые можно было бы обозначать какъ нѣчто «субъективное». Здѣсь нѣтъ никакихъ исключеній. Но что значитъ «объективное»?

Первый, представляющійся наиболѣе простымъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы такой: объективнымъ мы называемъ то, что прочно и устойчиво въ нашемъ опытѣ. Но подобный взглядъ необходимо сразу отвергнуть. Въ физическомъ мірѣ наблюдаются крайне мимолетныя, почти неуловимыя событія, и это не лишаетъ ихъ характеристики «объективнаго». Наоборотъ, въ психическомъ мірѣ встрѣчаются крайне прочныя

Digitized by Google

и устойчивыя, постоянно возвращающіяся комбинаціи, къ которымъ эта характеристика безусловно не подходитъ. Форма даннаго облака въ данный моментъ есть нѣчто вполнѣ объективное, хотя черезъ $^1/_{10}$ секунды она будетъ уже совсѣмъ не та; наоборотъ, воспріятіе солнечнаго движенія по небесному своду — чрезвычайно устойчивая, часто повторяющаяся психическая комбинаціи, и однако, мы не можемъ признать этого движенія за объективный фактъ. Очевидно, надо искать иного опредѣленія.

Можно стать на такую точку зрѣнія: объективно для насъ въ явленіяхъ то, на чемъ мы можемъ съ успѣхомъ основываться въ своей дѣятельности, то, что не приводитъ насъ къ практическимъ противорѣчіямъ. Физическія тѣла съ ихъ свойствами представляютъ нѣчто объективное потому, что мы, принимая эти тѣла за реальности и пользуясь ихъ выясненными свойствами, не приходимъ къ противорѣчіямъ съ самими собой. Это, въ сущности, модификація предыдущаго взгляда, только захватывающая опытъ въ болѣе широкихъ рамкахъ. Но и она должна быть отвергнута, и именно постольку, поскольку она относится *къ индивидуальному, а не коллективному опыту*. Отдѣльное лицо въ теченіе всей своей жизни нерѣдко исходитъ практически изъ весьма субъективныхъ воззрѣній, но, благодаря узости рамокъ своего опыта, не приходитъ къ ощутительнымъ противорѣчіямъ. Крестьянинъ, не выѣзжающій изъ деревни, можетъ всю жизнь считать землю плоскимъ кругомъ, небо—голубымъ хрустальнымъ сводомъ, а солнце — блестящимъ кружкомъ, ежедневно проходящимъ по этому своду; и гармонія его практической жизни нисколько не пострадаетъ; однако, объективны ли эти данныя его опыта? Еще больше могутъ уяснить вопросъ нѣкоторые патологическіе случаи. Встрѣчаются параноики, которые до конца остаются въ своемъ собственномъ, нереальномъ мірѣ, съ несуществующими людьми, обыкновенно ихъ преслѣдующими. Считаясь съ этими личностями, ведя борьбу противъ нихъ, параноикъ иногда, именно при высоко систематизированномъ бредѣ, не при-

Digitized by Google

ходитъ ни къ какимъ познавательнымъ противорѣчіямъ въ своемъ опытѣ; но попробуй онъ (что, конечно, едва ли возможно) хоть на короткое время отнестись къ своимъ врагамъ объективно въ нашемъ смыслѣ, т.-е. признать ихъ не реальными, не принимать мѣръ противъ ихъ злоумышленій, и очень скоро новыя репрессіи съ ихъ стороны привели бы его къ практическому противорѣчію. Здѣсь въ *личномъ* опытѣ «объективное» не можетъ служить надежной основой для практики, а «субъективное» можетъ *).

Мы приходимъ къ такому выводу: характеристика «объективности» вообще не можетъ имѣть своей основой индивидуальный опытъ—ни устойчивость его сочетаній, ни гармонію результатовъ дѣятельности съ ея исходными данными опыта. Основа «объективности» должна лежать въ сферѣ *коллективнаго* опыта.

Объективными мы называетъ тѣ данныя опыта, которыя имѣютъ одинаковое жизненное значеніе для насъ и для другихъ людей, тѣ данныя, на которыхъ не только мы безъ противорѣчія строимъ свою дѣятельность, но на которыхъ должны, по нашему убѣжденію, основываться и другіе люди, чтобы не прійти къ противорѣчію. Объективный характеръ физическаго міра заключается въ томъ, что онъ существуетъ не для меня лично, а для всѣхъ, и для всѣхъ имѣетъ опредѣленное значеніе, по моему убѣжденію, такое же, какъ для меня. Объективность физическаго ряда—это его *общезначимость* **). «Субъективное» же въ опытѣ,—это то, что не обладаетъ обще-

*) Прекрасный случай этого рода цитированъ у С. Корсакова („Курсъ психіатріи", т. I. стр. 198 и слѣд.)—систематизированный бредъ съ детальнымъ описаніемъ членовъ преступнаго тайнаго общества, которое преслѣдуетъ больного, ихъ наружности, манеръ и характеровъ. Вся жизнь больного сводилась къ различнымъ отношеніямъ съ этими несуществующими людьми.

**) Въ нашей литературѣ чаще употребляютъ терминъ „общеобязательность"—менѣе точный, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ излишній нормативный оттѣнокъ.

Digitized by Google

значимостью, что имѣетъ значеніе лишь для одного или нѣсколькихъ индивидуумовъ.

Эта точка зрѣнія не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; она является общераспространенною и принимается очень различными философскими доктринами. Но если ее понять послѣдовательно-генетически, то она представится намъ въ новомъ освѣщеніи.

Общезначимость есть не что иное, какъ *согласованность* опыта различныхъ людей, *взаимное соотвѣтствіе* ихъ переживаній. Откуда же берется эта согласованность, это взаимное соотвѣтствіе? Слѣдуетъ ли считать ее «предустановленной гармоніей» или же результатомъ развитія?

Данныя для отвѣта мы можемъ найти въ развитіи формъ пространства и времени.

IV.

Въ ученіи о пространствѣ необходимо строго различать пространство чувственнаго воспріятія и абстрактное пространство—Sehraum u Raumbegriff Геринга, физіологическое и геометрическое пространство Маха. Хотя ихъ связь неразрывна, но въ системѣ опыта ихъ роль различна.

Физіологическое пространство есть то, которое нашъ непосредственный опытъ даетъ намъ съ одной стороны въ актѣ зрѣнія, съ другой стороны—въ актѣ осязанія: то, которое мы прямо воспринимаемъ въ видѣ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ. Абстрактное пространство—это пространство нашего мышленія, всеобъемлющее, не связанное ни съ какимъ частнымъ воспріятіемъ, пространство, представляемое нами, какъ «всеобщая» и «чистая» форма созерцанія. Свойства того и другого во многомъ очень различны.

Физіологическое пространство не обладаетъ ни однородностью, ни непрерывностью, ни постоянствомъ отношеній; точнѣе—оно обладаетъ всѣмъ этимъ лишь отчасти. Въ различ-

Digitized by Google

ныхъ его частяхъ вещи представляются неодинаковыми: одна и та же вещь становится больше или меньше—смотря по разстоянію, такой или иной формы—смотря по положенію относительно глаза. Находясь близко, предметы являются рельефными, вдали они теряютъ рельефъ, становятся плоскими, на извѣстномъ предѣлѣ—исчезаютъ. Это относится къ пространству глаза; пространство осязанія болѣе устойчиво, но въ общемъ оно сходно съ первымъ. Въ немъ величина и форма предметовъ также измѣняются въ зависимости отъ условій прикосновенія: то или иное положеніе рукъ при ощупываніи, вообще прикосновеніе тѣми или иными частями тактильной поверхности, а также обычное или необычное состояніе этой поверхности. Въ полости рта, при ощупываніи языкомъ одинъ и тотъ же предметъ представляется больше, чѣмъ при осязаніи руками; то, что гладко при прикосновеніи къ щекамъ, оказывается шероховатымъ для пальцевъ; то, что составляетъ два предмета, напр., два острія циркуля, для кожи пальцевъ, можетъ быть однимъ предметомъ для кожи лба или плечъ, и т. д. Вообще, неоднородность физіологическаго пространства, неустойчивость его отношеній настолько привычны для насъ, что даже не привлекаютъ нашего вниманія, несмотря на крайнюю иногда фантастичность происходящихъ въ немъ превращеній.—Наконецъ, физіологическое пространство всегда *ограничено*; это то, что мы называемъ «полемъ» зрѣнія или осязанія.

Не таково абстрактное пространство. Во всѣхъ своихъ частяхъ оно строго однородно; въ немъ все совершается непрерывно, и всѣ отношенія закономѣрны. Въ немъ вещи не мѣняютъ ни формы, ни величины безъ внѣшняго воздѣйствія, не появляются и не исчезаютъ безъ достаточныхъ основаній, не мѣняютъ своихъ свойствъ въ силу одного только положенія въ той или иной его области. Это пространство безконечно.

Въ физіологическомъ пространствѣ звѣзды являются маленькими свѣтящимися точками съ расходящимися отъ нихъ измѣнчивыми полосками свѣта—лучами, съ непрерывными пе-

Digitized by Google

реливами цвѣта; эти точки существуютъ въ теченіе ночи и исчезаютъ съ наступленіемъ дня; разстояніе ихъ отъ глаза не больше разстояніи видимаго вдали лѣса или горъ. Въ абстрактномъ пространствѣ онѣ таковы, какими изображаетъ ихъ намъ астрономія въ своихъ подавляющихъ всякое воображеніе картинахъ...

Каково же взаимное отношеніе обоихъ видовъ пространства? Физіологическое пространство есть результатъ развитія; въ жизни ребенка оно лишь постепенно кристаллизуется изъ хаоса зрительныхъ и тактильныхъ элементовъ. Это развитіе продолжается и за предѣлами первыхъ лѣтъ жизни: въ воспріятіи взрослаго человѣка и разстоянія, и величины, и формы предметовъ устойчивѣе, чѣмъ въ воспріятіи ребенка. Я отчетливо помню, что мальчикомъ лѣтъ 5 разстояніе между землей и небомъ я воспринималъ, какъ величину въ 2 — 3 раза больше высоты двухъэтажнаго дома, и очень удивлялся, когда, забравшись на крышу, не нашелъ, чтобы замѣтно приблизился къ небесному своду. Такъ я ознакомился съ однимъ изъ *противорѣчій* физіологическаго пространства. Въ воспріятіи взрослаго человѣка этихъ противорѣчій меньше, но они всегда есть.

Абстрактное пространство *свободно отъ противорѣчій*. Въ немъ одинъ и тотъ же предметъ, не подвергающійся достаточнымъ воздѣйствіямъ, не оказывается и больше, и меньше опредѣленнаго другого предмета, и такой и иной формы и т. д. Это пространство строгой закономѣрности, всюду совершенно однообразной.—Существуетъ мнѣніе, что оно для всѣхъ вполнѣ одинаково и не можетъ измѣняться. Апріористы утверждаютъ что за всю исторію человѣчества, поскольку она намъ извѣстна, «чистое пространство» (пространство, какъ форма интуиціи) не измѣнялось.

Но это послѣднее утвержденіе *фактически* невѣрно. Исторія показываетъ, что и абстрактное пространство есть результатъ развитія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, нѣтъ надобности даже идти къ ребенку, къ дикарю, къ первобытному человѣку,

Digitized by Google

которыхъ апріористъ такъ охотно надѣляетъ абстрактнѣйшими изъ своихъ представленій. Достаточно обратиться къ философамъ древности и новаго времени.

Аристотель отрицалъ возможность пустого пространства, и въ то же время утверждалъ пространственную ограниченность вселенной. Такимъ образомъ для него пространство не являлось безконечнымъ, хотя безконечность времени онъ признавалъ.—Для Эпикура пространство въ самомъ себѣ заключало верхъ и низъ, чѣмъ онъ и объяснилъ движеніе потока атомовъ; такимъ образомъ абсолютное пространство было неоднородно. Въ сущности, кажется, только Кантъ достаточно отчетливо представилъ абстрактное пространство строго однороднымъ: только онъ установилъ впервые *относительность всякаго движенія*, а эта относительность есть именно прямое выраженіе всеобщей однородности пространства. Если пространство обладаетъ абсолютной однородностью, то движеніе А по направленію къ В и движеніе В по направленію къ А, очевидно, вполнѣ тожественны — безъ отношенія къ другому тѣлу положеніе даннаго тѣла не можетъ различаться въ пространствѣ, всѣ части котораго совершенно одинаковы. Такъ какъ относительность всякаго движенія, однако, не сознавалась прежде, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что и абстрактное пространство людей того времени сохраняло еще нѣкоторые слѣды неоднородности *). Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что абстрактное пространство есть дѣйствительно результатъ познавательнаго развитія человѣчества.

Отношеніе физіологическаго и абстрактнаго времени, въ общемъ, таково же, какъ отношеніе разсмотрѣнныхъ нами формъ

---

*) Исторія геометріи указываетъ также на различную степень абстрактности пространства у греческихъ и индусскихъ геометровъ. Одна и та же пара фигуръ для грека представляла случай равенства, а для индуса—случай симметріи. Аналогичныя различія имѣлись и въ ученіи о подобіи фигуръ.

Digitized by Google

пространства. Физіологическое время по сравненію съ абстрактнымъ неоднородно: оно течетъ неравномѣрно, то быстро, то медленно, иногда даже какъ будто перестаетъ существовать для сознанія—именно во время глубокаго сна или обморока; кромѣ того, оно ограничивается предѣлами личной жизни. Соотвѣтственно всему этому измѣнчива и «временная величина» однихъ и тѣхъ же явленій, взятыхъ въ физіологическомъ времени: одинъ и тотъ же процессъ, не испытывая никакихъ воздѣйствій, можетъ протекать для насъ «быстро» или «медленно», а иногда и совсѣмъ оказывается внѣ нашего физіологическаго времени *). Не таково время абстрактное («чистая форма созерцанія»): оно строго однородно и непрерывно въ своемъ теченіи, и явленія въ немъ выступаютъ въ строгой закономѣрности. Въ обоихъ своихъ направленіяхъ — въ прошломъ и будущемъ — оно безконечно.

Несомнѣнно, что время—не только болѣе общая, но и болѣе ранняя по генезису форма опыта, чѣмъ пространство **). Поэтому уловить слѣды историческихъ измѣненій по отношенію къ этой формѣ гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію къ пространству — даже абстрактное время повсюду на памяти исторіи является уже приблизительно сложившимся. Однако можно съ большимъ основаніемъ утверждать, что въ неразвитомъ мышленіи дѣтей или низко стоящихъ дикарей чистое время еще не обладаетъ характеромъ *безконечности*. Кромѣ

---

*) Любопытенъ въ этомъ отношеніи тотъ общеизвѣстный фактъ, что скучно проводимое время, которое тянется въ непосредственномъ переживаніи страшно медленно, въ воспоминаніи кажется затѣмъ очень короткимъ. Попытку объясненія этого факта см. у Маха, „Analyse der Empf.“, глава XII, гдѣ дается и общій анализъ временныхъ ощущеній.

**) Rudolph Willy отожествляетъ даже физіологическое время *съ потокомъ опыта*, со смѣною переживаній различной широты и интенсивности („Время—это самый опытъ въ его теченіи“... См. „Krisis der Psychologie“, глава, посвященная критикѣ Маха). Для нашей цѣли вопросъ объ *элементахъ* физіологическаго времени значенія не имѣетъ.

Digitized by Google

врем вопросъ о *началѣ* времени существовалъ еще и для тем ческой философіи, а затѣмъ игралъ извѣстную роль въ па- от ристикѣ. Но если этотъ вопросъ могъ выступать въ сознаніи мыслителей, то очевидно, что самая «форма созерцанія» не обладала еще той опредѣленностью и отчетливостью, какъ въ наше время.

Мы приходимъ къ такимъ выводамъ. Абстрактное пространство и время суть продукты развитія. На своихъ низшихъ стадіяхъ они сохраняютъ частью и такія особенности физіологическаго пространства и времени, которыя на высшихъ стадіяхъ совершенно или почти совершенно теряютъ. Очевидно, чистыя «формы созерцанія» возникаютъ *изъ* физіологическаго пространства и времени. Но какимъ способомъ? Это можно выяснить путемъ сравненія тѣхъ и другихъ формъ.

Абстрактное пространство и время характеризуется тѣмъ, что въ нихъ *устранены всѣ противорѣчія* физіологическаго пространства и времени, такъ что опытъ *гармонизированъ*, согласованъ въ различныхъ своихъ частяхъ. Это достигается путемъ устраненія неоднородности физіологическаго пространства и времени, путемъ внесенія въ нихъ непрерывности, и путемъ ихъ мысленнаго расширенія за предѣлы всякаго даннаго опыта.

Далѣе, абстрактное пространство и время *объективны*, т.-е. существуютъ не только для данной личности и въ данныхъ ея переживаніяхъ, но для всѣхъ познающихъ, обладаютъ *общезначимостью;* въ этомъ они также представляютъ противоположность физіологическому пространству и времени, у которыхъ окраска субъективная, значеніе индивидуальное, ограниченное.

Всѣ эти различія очень глубоки и важны, но на основаніи предыдущаго мы не должны придавать имъ абсолютнаго характера: если абстрактныя формы пространства и времени сложились въ процессѣ развитія, то и ихъ специфическія особенности на каждой данной ступени развитія принадлежатъ имъ лишь постольку, поскольку эти формы дѣйствительно уже

Digitized by Google

сложились. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, въ мышлактдревнихъ не достигалась въ такой мѣрѣ, какъ въ соврем то номъ, ни однородность пространства, ни его безграничность, и, слѣдовательно, объективность, т.-е. общезначимость, нашихъ «формъ созерцанія» не безусловна по отношенію къ древнимъ, а также и наоборотъ.

Это приводитъ насъ къ слѣдующему важному положенію: объективность или общезначимость данныхъ формъ пространства и времени относится въ дѣйствительности только къ существамъ, до извѣстной степени близкимъ по степени своего познавательнаго развитія *). Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно выступаетъ вопросъ о происхожденіи этой объективности. Оно же неразрывно связано съ происхожденіемъ другихъ особенностей абстрактнаго пространства и времени.

Какимъ путемъ возможенъ для познающей личности переходъ отъ постоянно неоднородныхъ, лишенныхъ непрерывности и всегда ограниченныхъ пространственныхъ и временныхъ *воспріятій* къ однороднымъ, непрерывнымъ, безгранично развертывающимся *абстрактнымъ формамъ* пространства и времени? Только однимъ путемъ — *черезъ общеніе съ другими людьми.*

Въ индивидуальномъ опытѣ время течетъ иногда быстрѣе, иногда медленнѣе, иногда какъ будто прерывается. Измѣняется

---

*) Я понимаю, что это положеніе можетъ вызвать въ душѣ читателя интенсивное чувство противорѣчія. Мы такъ привыкли представлять себѣ, что и всѣ другіе люди, прошлаго, настоящаго и будущаго, — и даже животныя живутъ „въ томъ же пространствѣ и времени, что и мы“. Но привычка — не доказательство. Безспорно, что *мы* мыслимъ этихъ людей и животныхъ въ *нашемъ* пространствѣ и времени, но чтобы *они* мыслили себя и насъ *въ томъ же самомъ* пространствѣ и времени, это ни изъ чего не слѣдуетъ. Конечно, поскольку ихъ организаціи вообще сходны съ нашею, и поскольку ихъ высказыванія намъ понятны, мы можемъ предположить и у нихъ сходныя, но не тожественныя съ нашими „формы созерцанія“.

Digitized by Google

временная мѣра опыта, и всѣ переживанія мѣняютъ свой темпъ. Что могъ бы создать изъ этого совершенно отдѣльный отъ другихъ людей познающій индивидуумъ—этотъ вѣчный Робинзонъ философіи? Все, что угодно, только не то, что для насъ требуется—однородность и неприрывность абстрактнаго времени. Воспоминанія означеннаго Робинзона обрываются на извѣстной границѣ; что онъ могъ бы вывести изъ этого? Все, что угодно, только не безконечность времени.—Но безчисленныя высказыванія другихъ людей, заполняя пробѣлы и сглаживая неровности его личнаго опыта, убѣждаютъ его въ томъ, что перерывы въ теченіи процессовъ природы, существующіе для него, не существуютъ для другихъ, и съ успѣхомъ могутъ быть замѣщены ихъ опытомъ, что замедленія и ускоренія въ теченіи опыта также «не объективны», т.-е. не сходятся съ опытомъ другихъ людей, и съ пользою могутъ быть выравнены соотвѣтственно этому чужому опыту. *Согласуя свои переживанія съ переживаніями другихъ людей, создалъ человѣкъ абстрактную форму времени.*

Совершенно невѣрно представленіе большинства психологовъ о томъ, что будто бы простое наблюденіе періодичности естественныхъ процессовъ, напр., движенія солнца, достаточно, чтобы создать идею равномѣрнаго теченія времени. Періодичные процессы природы въ воспріятіи дикаря идутъ также неравномѣрно: когда онъ доволенъ,—солнце движется быстрѣе, все кругомъ происходитъ въ болѣе живомъ темпѣ, когда ему скучно,—солнце движется медленно, и все окружающее замедляетъ свой темпъ. И это вполнѣ понятно для дикаря: вѣдь онъ—анимистъ и представляетъ всю природу по образу и подобію себя самого; онъ знаетъ, что онъ ходитъ иногда быстро, иногда медленно, въ зависимости отъ настроенія; и солнце, съ его точки зрѣнія, также мѣняетъ въ зависимости отъ настроенія свою небесную походку. Только высказыванія другихъ людей, для которыхъ нерѣдко время течетъ быстро тогда, когда для него медленно, и наоборотъ, только эти высказыванія ведутъ къ выработкѣ идеи однороднаго времени.

Digitized by Google

Что касается пространства, то въ личномъ опытѣ верхъ и низъ постоянно неоднородны, всѣ тѣла мѣняютъ свои свойства и характеръ движенія въ зависимости отъ того, приходится ли направлять кверху или книзу ихъ движеніе. Только такой поздній результатъ коллективнаго опыта, какъ представленіе о шарообразности земли и о паденіи тѣлъ къ ея центру, даетъ возможность принять принципіальную однородность всѣхъ направленій пространства; а для тѣхъ людей прошлаго, которые думали, что антиподы невозможны, потому что нельзя людямъ ходить вверхъ ногами, пространство, очевидно, не было однороднымъ.

О безконечности пространства въ индивидуальномъ опытѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Слѣдовательно, о пространствѣ приходится сдѣлать тотъ же выводъ, что и о времени: оно есть форма соціальнаго согласованія опыта различныхъ людей.

Всѣмъ этимъ рѣшается для насъ и вопросъ о генезисѣ объективности пространства и времени. Поскольку въ опытѣ различныхъ людей оказываются *согласованными* пространственныя и временныя отношенія, постольку отношенія эти и пріобрѣтаютъ общезначимость, т.-е. объективность.

Итакъ, что же означаютъ въ концѣ концовъ абстрактныя формы пространства и времени? Онѣ выражаютъ *соціальную организованность опыта*. Обмѣниваясь безчисленными высказываніями, люди непрерывно устраняютъ взаимно противорѣчія своего соціальнаго опыта, гармонизируютъ его, организуютъ его во всеобщія по значенію, т.-е. объективныя формы. Дальнѣйшее развитіе опыта идетъ уже на основѣ этихъ формъ и необходимо укладывается въ ихъ рамки.

Въ наше время экономисты и соціологи уже затрудняются примѣнять въ анализѣ нелѣпую фигуру Робинзона. Но экономическій Робинзонъ все-таки болѣе возможенъ, чѣмъ познавательный, этотъ невѣроятный солипсистъ, который чаще всего выступаетъ героемъ гносеологическихъ анализовъ, который познаетъ совершенно самостоятельно отъ другихъ людей и лишь

Digitized by Google

при помощи разныхъ тонкихъ уловокъ успѣваетъ перебраться за предѣлы своего «внутренняго міра» въ болѣе просторный міръ, «внѣшній», гдѣ обыкновенно и начинаетъ создавать различныхъ фетишей: «матерію», существующую независимо отъ нашего опыта, а также иныя «субстанціи». Кто изъ людей и когда интеллектуально жилъ и развивался внѣ соціальнаго опыта, внѣ среды «высказываній?» Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ наше время человѣкъ получаетъ абстрактныя формы опыта почти готовыми въ своей наслѣдственной психической организаціи. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что и соціально-сложившіяся формы могутъ въ долгомъ ряду поколѣній пріобрѣсти прочность, подобную прочности другихъ біологическихъ образованій, ту прочность, которая выражается въ органической наслѣдственности. При этомъ соціально-сложившіяся формы опыта окажутся дѣйствительно «a priori» опыта индивидуальнаго; и такой соціально-эволюціонный апріоризмъ допустить вполнѣ возможно. Но надо помнить, что опытъ людей не можетъ быть всецѣло и безусловно уложенъ въ рамки этихъ сложившихся формъ: шагъ за шагомъ онъ можетъ измѣнять ихъ, что, какъ мы видѣли, и происходило на самомъ дѣлѣ.

V.

Теперь у насъ есть исходная точка для рѣшенія болѣе общаго вопроса—о физическомъ и психическомъ мірѣ.

Общую характеристику «физической» области опыта представляетъ, какъ мы указали, объективность или общезначимость. Къ физическому міру мы относимъ исключительно то, что считаемъ объективнымъ; и если затѣмъ оказывается, что отнесенное такимъ образомъ переживаніе субъективно, т.-е. не обладаетъ дѣйствительной общезначимостью, то мы немедленно переносимъ его въ сферу психическаго, подъ именемъ, напр., галлюцинаціи, иллюзіи, сновидѣнія; а если научныя привычки мышленія у насъ недостаточно сложились, то мы

Digitized by Google

это переживаніе можемъ просто признать непостижимымъ, чудомъ и т. под., другими словами,— перестаемъ познавательно къ нему относиться.

Вопросъ о происхожденіи объективности физическаго міра послѣ предыдущаго не долженъ представлять большихъ затрудненій. Та согласованность коллективнаго опыта, которая выражается въ этой «объективности», могла явиться лишь какъ результатъ прогрессивнаго согласованія опыта различныхъ людей при помощи взаимныхъ высказываній. Объективность физическихъ тѣлъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ своемъ опытѣ, устанавливается въ конечномъ счетѣ на основѣ взаимной повѣрки и согласованія высказываній различныхъ людей. Вообще, физическій міръ это—соціально-согласованный, соціально-гармонизированный, словомъ — *соціально-организованный опытъ*. Вотъ почему онъ нераздѣленъ для насъ отъ абстрактнаго пространства и времени—этихъ основныхъ формъ, въ которыхъ выражается соціальная организованность опыта.

Здѣсь возможно такое возраженіе: въ цѣлой массѣ случаевъ мы убѣждаемся, и съ полнымъ основаніемъ, въ объективности различныхъ внѣшнихъ предметовъ помимо всякихъ чужихъ высказываній. Если я ушибъ ногу о камень, неужели объективность этого камня будетъ подлежать для меня сомнѣнію, пока я не дождусь чужихъ высказываній относительно этого камня? Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи.

Объективность внѣшнихъ предметовъ всегда сводится къ обмѣну высказываній *въ конечномъ счетѣ*, но далеко не всегда—*непосредственно* на немъ основывается. Въ процессѣ соціальнаго опыта складываются извѣстныя общія отношенія, общія закономѣрности (абстрактное пространство и время принадлежатъ къ ихъ числу), которыя характеризуютъ собою физическій міръ, которыя его охватываютъ. Эти общія отношенія, соціально сложившись и упрочившись, по преимуществу связаны соціальной согласованностью опыта, по преимуществу *объективны*. Всякое новое переживаніе, которое всецѣло согласуется съ ними, которое всецѣло укладывается въ ихъ

Digitized by Google

рамки, мы признаемъ объективнымъ, не дожидаясь ничьихъ высказываній: новый опытъ естественно получаетъ характеристику того стараго опыта, въ формы котораго онъ кристаллизуется.

Въ нашемъ примѣрѣ съ камнемъ, критеріемъ объективности камня является тотъ фактъ, что онъ находитъ себѣ мѣсто среди пространственной и временной послѣдовательности физическаго міра, какъ тѣло среди другихъ тѣлъ, и въ *причинной* связи съ другими явленіями этого ряда *). Камень оказывается среди «объективной» области опыта, и потому самъ выступаетъ для насъ какъ нѣчто объективное. Но контроль развивающагося соціальнаго опыта стоитъ всегда надъ этой объективностью и иногда отмѣняетъ ее. Домовой, который меня душитъ по ночамъ, обладаетъ для меня характеромъ объективности, быть-можетъ, ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ камень, о который я ушибаюсь; но высказыванія другихъ людей отнимаютъ эту объективность. Если забыть объ этомъ высшемъ критеріи объективности, то систематическія галлюцинаціи могли бы образовать объективный міръ, на что здоровые люди врядъ ли согласятся.

---

*) Причинная связь представляетъ изъ себя болѣе поздній продуктъ соціально-познавательнаго развитія, чѣмъ абстрактное пространство и время. На памяти исторіи она шагъ за шагомъ переходила отъ формы анимистической (причина явленія—дѣйствіе скрывающейся за нимъ воли, духа) къ формѣ энергитической (причина явленія—другое явленіе, съ нимъ соизмѣримое, количественно ему эквивалентное, безъ остатка въ него переходящее). О различныхъ стáдіяхъ этого развитія см. мои работы „Основ. элементы историч. взгляда на природу", 1898 г., и „Познаніе съ историч. точки зрѣнія", 1901. См. также В. Оствальда—„Натуръ-философія" (1901 года, русск. переводъ 1902 г.).

Въ своей новѣйшей фазѣ, „энергетической", причинность пріобрѣтаетъ тотъ характеръ *однородности* отношеній между явленіями опыта, который раньше выработался въ „объективныхъ" формахъ пространства и времени. Что касается до *непрерывности* и *безконечности*, то эти черты были уже давно общи при-

Digitized by Google

Итакъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ характеризовать физическій міръ, какъ соціально-организованный опытъ. Какова же въ такомъ случаѣ должна быть характеристика «психическаго»?

Область психики характеризуется прежде всего тѣмъ, что психическія переживанія одного лица не обладаютъ общезначимостью по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Мои воспріятія и представленія, взятыя въ ихъ непосредственности, существуютъ только для меня и лишь косвенно пріобрѣтаютъ познавательное значеніе для другихъ дѣтей, да и то только отчасти. То же самое относится къ моимъ эмоціямъ и стремленіямъ. Всѣ эти факты «внутренняго опыта» отличаются величайшей несомнѣнностью — но только для меня, только для того, кто ихъ переживаетъ. Они «субъективны», т.-е. не согласованы съ переживаніями другихъ людей, не приведены въ гармонію съ ихъ опытомъ и потому не имѣютъ для другихъ людей «объективнаго» характера. Они лишены той *соціальной организованности*, которая свойственна физическому опыту.

Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что и психическое соціально сообщается отъ однихъ людей другимъ при

чинному ряду съ временнымъ и пространственнымъ (хотя и не всегда въ немъ имѣлись).

Во всякомъ случаѣ, причинная связь — болѣе сложное образованіе, чѣмъ абстрактное пространство и время, и *ихъ уже предполагаетъ*; поэтому намъ и нѣтъ надобности спеціально останавливаться на ея соціальномъ генезисѣ. Юмъ, который сводилъ причинную связь только къ привычнымъ послѣдовательностямъ опыта, былъ, конечно, неправъ, и правъ былъ Кантъ, указывая, что изъ привычныхъ послѣдовательностей нельзя получить *общеобязательности* (общезначимости) причинной связи. Но и Юмъ имѣлъ полное основаніе отрицать *абсолютную общезначимость* причинной связи,—тутъ ошибка была на сторонѣ „гносеологія“ Канта. Рѣшить же вопросъ не могли ни тотъ, ни другой, такъ какъ стояли на почвѣ индивидуализма въ опытѣ и познаніи, а *соціально-генетическая* точка зрѣнія была чужда имъ обоимъ.

Digitized by Google

помощи высказываній — мимики, рѣчи, искусства. Сообщать свои переживанія другимъ—еще не значитъ достигать согласованности, гармоніи ихъ съ чужими переживаніями; отъ этого психическій опытъ отдѣльнаго лица еще не становится интегральной, органической составной частью коллективнаго опыта, онъ остается личнымъ опытомъ *).

Однако, психическій опытъ не является просто неорганизованнымъ, хаотическимъ. Хотя въ меньшей степени, чѣмъ опытъ физическій, но онъ обладаетъ извѣстной связностью, согласованностью. Его элементы *ассоціируются*—это его спеціальная форма организаціи; воспріятія, представленія, стремленія группируются въ опредѣленныя цѣпи и комплексы; наконецъ, все это объединяется около одного, наиболѣе прочнаго и устойчиваго комплекса воспоминаній, чувствъ и стремленій—того комплекса, который обозначается словомъ «я». Иначе говоря, и психическое организовано, но только не соціально, а индивидуально: это—индивидуально-организованный опытъ.

Во избѣжаніе путаницы терминовъ, я замѣчу, что и опытъ индивидуальный можетъ быть организованъ соціально, и опытъ соціальный можетъ быть организованъ индивидуально. Для астронома, только что открывшаго комету, эта комета пока еще только индивидуальный комплексъ элементовъ опыта; но такъ какъ онъ немедленно укладываетъ ее въ рамки соціально-организованнаго опыта, ставитъ въ общую связь этого опыта

---

*) Различіе между простой соціальностью опыта, выражающейся въ его передачѣ отъ людей къ людямъ, и его соціальной организованностью, совпадающей съ „объективностью“, можно пояснить аналогіей изъ экономическаго міра. Въ мѣновомъ обществѣ трудъ, несомнѣнно, соціаленъ, потому что одни работаютъ для другихъ и наоборотъ, что и обнаруживается въ обмѣнѣ товаровъ; но это не значитъ еще, чтобы трудъ былъ соціально-организованъ, т.-е. чтобы трудовыя дѣйствія людей были соціально согласованы, гармонизированы. Напротивъ, мѣновое производство всегда характеризуется, какъ неорганизованное, „анархическое“.

Digitized by Google

и согласуетъ съ другими его данными, то это его индивидуальное переживаніе сразу оказывается составной частью соціально-организованнаго опыта, въ данномъ случаѣ — астрономическаго міра. Наоборотъ, черезъ высказыванія другихъ людей человѣкъ усваиваетъ себѣ значительную часть соціальнаго опыта; но поскольку онъ ассоціативно объединяетъ этотъ соціальный опытъ съ другими психическими переживаніями около своего «я», постольку организуетъ его индивидуально; тогда этотъ опытъ является всецѣло психическимъ и относится, напр., къ сферѣ личной памяти.

Возможно еще одно терминологическое недоразумѣніе. Могутъ сказать: психическое познается, подобно физическому; существуетъ наука психологія и психологическіе законы; эта наука и эти законы выработаны соціально и органически входятъ въ систему общественнаго познанія, стало быть, психическій опытъ соціально организуется въ формѣ этихъ законовъ и не есть только опытъ индивидуально-организованный. Но это возраженіе легко устраняется выясненіемъ понятій «закона» и «опыта».

Законы отнюдь не принадлежатъ къ сферѣ опыта, къ сферѣ непосредственныхъ переживаній; законы — результатъ познавательной обработки опыта; они не даны въ немъ, а создаются мышленіемъ, какъ средство организовать опытъ, гармонически согласовать его въ стройное единство. Законы — это *абстракціи познанія;* и физическіе законы такъ же мало обладаютъ физическими свойствами, какъ психологическіе — свойствами психическими. Ихъ нельзя относить къ тому или другому ряду опыта; а потому, если они сами и образуютъ соціально-организованную систему, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы была соціально-организована и охватываемая ими область опыта. Они получаются изъ опыта путемъ отвлеченія; а можно вѣдь отвлечься, между прочимъ, именно отъ того, что дѣлаетъ данный опытъ соціально-неорганизованнымъ. Какъ разъ такъ и обстоитъ дѣло съ психологіей и ея законами: она отвлекается отъ *данной* конкретной личности,

Digitized by Google

отъ ея даннаго, отдѣльнаго «я», имѣетъ дѣло съ психической личностью вообще. Но именно данное отдѣльное «я», конкретность данной отдѣльной личности и есть то, что дѣлаетъ ея опытъ организованнымъ индивидуально, а не соціально.

Резюмируемъ. Антитеза физическаго и психическаго ряда переживаній сводится къ различію опыта, соціально-организованнаго, и опыта, организованнаго индивидуально.

VI.

На основаніи предыдущаго насъ не можетъ болѣе удовлетворять установленная Махомъ и Авенаріусомъ формулировка различій между физическимъ и психическимъ; мы не будемъ говорить о рядѣ «независимомъ» и рядѣ, зависимомъ отъ системы *C*; держась терминовъ Авенаріуса, мы должны были бы говорить о рядѣ, зависимомъ отъ «конгрегальной системы» (соціальной), и о рядѣ, зависимомъ отъ индивидуальной системы *C*. Но и такая характеристика еще недостаточно выражаетъ идею о *типѣ организаціи* того и другого ряда; между тѣмъ сущность дѣла заключается именно въ типѣ организаціи.

Теперь для насъ не представляютъ особыхъ затрудненій тѣ «вопросы дуализма», которые мы должны были поставить эмпиріо-критическому монизму. Если въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта мы находимъ двѣ принципіально различныхъ закономѣрности, то все же обѣ онѣ вытекаютъ одинаково изъ нашей собственной организаціи: онѣ выражаютъ двѣ біологически-организующихъ тенденціи, въ силу которыхъ мы выступаемъ въ опытѣ одновременно, какъ особи и какъ элементы соціальнаго цѣлаго. На вопросъ, почему этихъ типовъ организаціи опыта только два, мы скажемъ: ищите отвѣта въ біологической и соціальной исторіи человѣка; она разскажетъ вамъ, какъ въ борьбѣ за существованіе возникла родовая жизнь человѣка, какъ обособлялась въ ней личность, и въ то

Digitized by Google

же время развертывалась все болѣе широкая связь соціальная, и, наконецъ, какъ развивались, приспособляясь все къ той же борьбѣ, человѣческія формы мышленія съ ихъ современной двойственностью. При этомъ разрѣшится также вопросъ о томъ, почему одни комплексы элементовъ опыта выступаютъ иногда въ физическомъ, иногда въ психическомъ ряду, а другіе — только въ психическомъ: исключительно психическими являются комплексы эмоціональные и волевые, т.-е. тѣ переживанія, которыя, по условіямъ соціальной и внутри-соціальной борьбы, наиболѣе различно направлены въ различныхъ людяхъ.

Но если такимъ образомъ раньше поставленные вопросы дуализма теряютъ свою остроту, оказываясь принципіально разрѣшимыми, то тѣмъ настоятельнѣе требуетъ себѣ вниманія новый, вытекающій изъ этого ихъ рѣшенія вопросъ: каково относительное значеніе обоихъ типовъ организаціи опыта, какъ оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія развитія, какой судьбы надо ожидать для каждаго изъ нихъ въ случаѣ дальнѣйшаго прогресса человѣческой жизни? Вопросъ очень сложенъ, и можно надѣяться пока только на очень приблизительное его рѣшеніе, но нѣкоторыя данныя для этого рѣшенія имѣются.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ можно наблюдать взаимное соотвѣтствіе и гармонію обоихъ рядовъ опыта — физическаго и психическаго, и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ—ихъ взаимную конкурренцію и даже противорѣчія. Гармонія и соотвѣтствіе обнаруживаются наиболѣе непосредственнымъ образомъ тамъ, гдѣ воспріятія и представленія, какъ принято говорить, «правильны» или «соотвѣтствуютъ самимъ вещамъ», такъ что физическое тѣло и его психическій образъ въ достаточной степени «совпадаютъ», чтобы не получалось практическихъ и теоретическихъ недоразумѣній. Наоборотъ, когда воспріятія или представленія «неправильны», «не соотвѣтствуютъ вещамъ», когда человѣкъ испытываетъ «иллюзію», принимая одну «вещь» за другую, или переживаетъ «галлюцинаціи», «ошибки памяти», или просто «не понимаетъ», съ

Digitized by Google

какой вещью имѣетъ дѣло, то онъ, съ одной стороны, можетъ неудачно реагировать практически, такъ что получаетъ отъ данной «вещи» различныя вредныя воздѣйствія, съ другой стороны—оказывается неприспособленъ теоретически, т.-е. его высказыванія порождаютъ противорѣчія въ другихъ людяхъ, а также и въ немъ самомъ, поскольку онъ усвоилъ себѣ коллективный опытъ. Это—тѣ формы, въ которыхъ наиболѣе непосредственно проявляется взаимное несоотвѣтствіе, дисгармонія опыта соціально-организованнаго съ опытомъ, организованнымъ индивидуально, ряда физическаго съ рядомъ психическимъ.

Менѣе непосредственно выступаютъ гармонія и противорѣчія обоихъ рядовъ опыта въ процессѣ ихъ *познанія*, ихъ систематизаціи путемъ обобщенія и различенія. Здѣсь гармонія сводится къ тому, что и физическое, и психическое подводятся подъ однѣ и тѣ же обобщающія формы—«категоріи» или «законы», противорѣчіе начинается тамъ, гдѣ это не удается. Наприм., поскольку познающій подчиняетъ и физическое, и психическое единому закону причинности, постольку оба ряда гармонически объединяются въ познаніи; поскольку онъ подводитъ физическое подъ категорію причинности, а психическое—подъ категорію «свободы», т.-е. необусловленности, или представляетъ причинныя цѣпи обоихъ рядовъ абсолютно раздѣльными, нигдѣ не сливающимися, постольку передъ нами противорѣчіе физическаго и психическаго ряда въ видѣ «дуализма», т.-е. невозможности для познанія довести до конца свою объединяющую и обобщающую тенденцію.

Иногда противорѣчіе физическаго и психическаго принимаетъ форму ихъ конкурренціи. Это наблюдается и непосредственно—тамъ, гдѣ человѣкъ, какъ это бываетъ при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ, считаетъ «реальное» за «кажущееся», дѣйствительность—за иллюзію, или, наоборотъ, принимаетъ за физическую реальность образы сновидѣній, галлюцинаціи, и т. под.; тогда область «физическаго» или «психическаго» прямо расширяется въ личномъ опытѣ за счетъ

Digitized by Google

другой. Затѣмъ въ познаніи, особенно въ философіи, конкурренція рядовъ выступаетъ въ видѣ матеріалистическаго или спиритуалистическаго монизма: въ первомъ случаѣ психическое просто включается познаніемъ въ физическій рядъ, во второмъ—наоборотъ: физическое укладывается въ рамки психическаго ряда. Въ обоихъ случаяхъ одинъ рядъ, такъ сказать, вытѣсняетъ другой, занимая его мѣсто въ познаніи.

Физіологическое пространство со всѣмъ его содержаніемъ представляетъ примѣръ того, какъ реально комбинируется физическое и психологическое, опытъ, организованный соціально, и опытъ, организованный индивидуально. Мы очень рѣдко поддаемся иллюзіямъ физіологическаго пространства, и наше воспріятіе того или иного предмета фактически, обыкновенно, заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ то, и притомъ гораздо больше, чѣмъ даетъ изображеніе въ сѣтчаткѣ. Видя какой-нибудь предметъ отчасти и только съ одной стороны, мы въ то же время сразу представляемъ его себѣ въ цѣломъ и со всѣхъ сторонъ, какимъ онъ является, собственно, лишь въ геометрическомъ пространствѣ, и это дополняющее представленіе такъ неразрывно сливается съ непосредственнымъ воспріятіемъ, что нужно спеціальное усиліе психики, чтобы ихъ разграничить, чтобы видѣть не больше, чѣмъ имѣется въ оптическомъ изображеніи; а въ полной мѣрѣ это даже никогда не удается. Вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное воспріятіе въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подвергается и нѣкоторому исправленію; напр., мы не только вообще не видимъ предметовъ вдвойнѣ двумя глазами, но они не удваиваются замѣтно для насъ по большей части и тогда, когда изображенія въ обоихъ глазахъ расположены не вполнѣ соотвѣтственно одно другому: дальніе предметы далеко не всегда двоятся въ тѣхъ случаяхъ, когда мы смотримъ на близкіе предметы, и наоборотъ. Психика постоянно стремится согласовать свой «психическій» опытъ съ опытомъ «физическимъ», дополняетъ и исправляетъ его этимъ послѣднимъ, въ результатѣ чего и получаются такія формы опыта, какъ физіологическое пространство,—формы, окрашен-

Digitized by Google

ныя частью «субъективнымъ», частью «объективнымъ» оттѣнкомъ.

Здѣсь мы попутно получили и біологическую оцѣнку обоихъ типовъ организаціи опыта: повсюду, гдѣ они конкуррируютъ или сталкиваются, жизненно высшимъ оказывается типъ соціально-организованный или объективный; съ нимъ долженъ быть согласованъ опытъ субъективный или организованный индивидуально, иначе получается жизненная неприспособленность. И это вполнѣ понятно, такъ какъ базисъ объективнаго опыта несравненно шире: этотъ базисъ—соціальное развитіе, жизнь милліоновъ людей въ тысячахъ поколѣній, тогда какъ субъективный опытъ имѣетъ своей органической основой въ каждомъ данномъ случаѣ лишь индивидуальный процессъ развитія опредѣленной личности. Такая оцѣнка въ сущности уже дана была нами, когда мы характеризовали одинъ рядъ опыта его «общезначимостью», другой—лишь «индивидуальной значимостью» *).

---

*) Еще разъ напомнимъ читателю, что „объективный" опытъ вовсе не то, что „соціальный" опытъ, и „субъективный" не то, что „индивидуальный". Соціальный опытъ далеко не весь соціально организованъ и заключаетъ въ себѣ всегда различныя противорѣчія, такъ что однѣ его части не согласуются съ другими; лѣшіе и домовые могутъ существовать въ сферѣ соціальнаго опыта даннаго народа или данной группы народа, напр., крестьянства; но въ опытъ соціально-организованный или объективный включать ихъ изъ-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируютъ съ остальнымъ коллективнымъ опытомъ и не укладываются въ его организующія формы, напр., въ цѣпь причинности. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ опытъ, пока еще индивидуальный, напр., опытъ какого-нибудь изслѣдователя, открывающаго новые факты и провѣряющаго, а частью опровергающаго старые, фактически въ наибольшей мѣрѣ гармонируетъ со всей совокупностью коллективнаго опыта и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его общими организующими формами. При этомъ въ случаяхъ перваго рода дисгармоническіе элементы соціальнаго опыта въ процессѣ развитія шагъ за шагомъ устраняются, со-

Digitized by Google

Но если одинъ изъ двухъ типовъ организаціи опыта является біологически-высшимъ, то очевидно, что процессъ развитія долженъ вести къ возрастающему господству именно этого типа, къ постоянной кристаллизаціи всего содержанія опыта именно въ его формахъ. Значитъ ли это, что другой типъ долженъ просто исчезнуть? Изъ предыдущаго нельзя сдѣлать такого вывода. Мы только видѣли, что во всѣхъ случаяхъ, когда между двумя типами возникаетъ конкурренція или прямое противорѣчіе, то одинъ изъ нихъ долженъ подчиняться другому, уложиться въ его рамки, согласоваться съ нимъ, но отнюдь не просто уничтожиться. Тамъ, гдѣ «воспріятія» не соотвѣтствуютъ «воспринимаемымъ вещамъ», тамъ они должны быть исправлены въ соотвѣтствіи съ этими «вещами», но вовсе не исчезнуть и не перестать быть «воспріятіями», т.-е. «психическими фактами», а не «физическими явленіями». Психическій рядъ долженъ прогрессивно приспособляться къ ряду физическому, гармонизироваться съ нимъ, но не вытѣсняться имъ.

Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія. Индивидуальная организованность вовсе не исключаетъ организованности соціальной, а, наоборотъ, легко становится элементомъ этой послѣдней, такъ же, какъ и въ процессахъ труда гармоническое единство личной воли отнюдь не исключаетъ гармоническаго единства воли коллективной, а, наоборотъ, при извѣстныхъ условіяхъ позволяетъ этому послѣднему достигнуть выс-

---

храняя свое значеніе сначала для все меньшихъ и меньшихъ группъ общества, и затѣмъ только для отдѣльныхъ личностей; въ случаяхъ же второго рода индивидуальный опытъ принимаетъ мало-по-малу характеръ соціальнаго, распространяясь въ обществѣ все шире и шире. Именно на этомъ основана, съ одной стороны, непрерывная гармонизація соціальнаго опыта путемъ устраненія его противорѣчій, съ другой стороны, расширеніе соціальнаго опыта путемъ внесенія въ него новыхъ и новыхъ элементовъ индивидуальнаго опыта отдѣльныхъ, развивающихся личностей.

Digitized by Google

шей ступени. Несомнѣнно, что всякое низшее единство можетъ явиться интегральной частью единства высшаго, лишь бы оно было въ достаточной мѣрѣ согласовано съ другими низшими единствами, входящими въ составъ высшаго.

VII.

Дуализмъ опыта и познанія начинается не тамъ, гдѣ существуютъ два типа организаціи опыта, но тамъ, гдѣ тотъ и другой типъ не находятся въ организованномъ соотношеніи, т.-е. не объединены гармонически. Организація клѣтки, съ одной стороны, и организма, къ которому она вмѣстѣ съ другими клѣтками принадлежитъ, съ другой стороны, не образуетъ еще жизненнаго дуализма; онъ возникаетъ только тамъ, гдѣ клѣтка начинаетъ жить самостоятельной жизнью, не приспособляясь къ своему цѣлому; тогда отсутствіе гармоніи между частью и цѣлымъ даетъ себя почувствовать въ пониженіи жизнеспособности либо части, либо цѣлаго, либо того и другого вмѣстѣ. Это и есть дуалистическое противорѣчіе.

Такимъ же образомъ въ опытѣ и познаніи дуализмъ получается въ томъ случаѣ, если индивидуально-организованный опытъ перестаетъ быть нераздѣльной частью опыта соціально-организованнаго, если первый складывается въ самостоятельныя формы, независимыя отъ формъ второго, не приспособленныя къ нимъ гармонически, словомъ, если «психическое» превращается въ особый міръ со своими собственными категоріями и законами, не образующими органическаго единства съ категоріями и законами «физическаго». Тогда міръ опыта, лишенный цѣлостности, превращается въ міръ противорѣчій и борьбы; личность оказывается неспособной согласовать свои переживанія вообще и дѣйствія въ частности съ переживаніями и дѣйствіями другихъ людей, которые выступаютъ тогда въ ея опытѣ, какъ иначе организованныя единицы; а сознаніе путается въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ анимизма и метафизики. Именно таково современное положеніе человѣческой психики.

Digitized by Google

Выходъ изъ этого дуалистическаго положенія возможенъ только въ томъ случаѣ, если произойдетъ систематическое приспособленіе опыта индивидуально-организованнаго къ организованному соціально, такъ что первый найдетъ себѣ мѣсто въ объединяющихъ формахъ второго, какъ клѣтка въ системѣ тканей организма. Что этотъ путь единственный, какой можно теоретически допустить, въ томъ легко убѣдиться по способу исключенія. Если бы приспособленіе происходило въ обратномъ направленіи, соціально-организованный типъ приспособлялся бы къ индивидуально-организованному, то это означало бы, очевидно, просто уничтоженіе перваго изъ нихъ, его систематическое разложеніе; ни о какой гармоніи соціальнаго опыта не могло бы быть и рѣчи. А предположить ихъ гармоническое сліяніе въ какомъ-нибудь иномъ, третьемъ и высшемъ типѣ мы не можемъ, если не хотимъ выходить изъ рамокъ опыта, въ которомъ вообще не имѣется никакихъ указаній на подобный третій типъ *). Остается только одинъ путь гармонизаціи опыта, именно тотъ, который былъ сейчасъ указанъ.

Въ самой дѣйствительности такая тенденція развитія непосредственно обнаруживается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прямыя практическія потребности вынуждаютъ человѣка искать примиренія противорѣчивыхъ данныхъ опыта. Тогда онъ обыкновенно не задумывается ставить свой «психическій» и «субъективный» опытъ подъ контроль опыта «физическаго» и «объективнаго», провѣряетъ свои воспріятія и »представленія» при помощи этого послѣдняго, и устраняетъ изъ нихъ все, что въ его рамки и формы не укладывается. Тогда онъ высказывается,

---

*) Философія не разъ искала гармонизаціи опыта именно на этомъ пути—за предѣлами опыта, въ высшемъ познаніи. Но фактически выйти за предѣлы опыта и она, конечно, не могла, а приходила только къ пустымъ абстракціямъ и противорѣчивымъ образамъ, всѣ элементы которыхъ брались все-таки изъ опыта.

Digitized by Google

приблизительно, въ такомъ родѣ: «Мнѣ показалось то-то и то-то (опытъ какъ «психическое»); но этого не могло быть по такимъ-то и такимъ-то причинамъ (провѣрка при помощи причинности—формы «объективнаго» опыта, и установленныхъ, также изъ «объективнаго» опыта, фактовъ); очевидно, я ошибся (устраненіе тѣхъ элементовъ «субъективнаго», которые не приспособлены къ «объективному»); вѣроятно, въ дѣйствительности имѣется то-то и то-то; я думаю это по такимъ-то и такимъ-то причинамъ» (приблизительная гармонизація «субъективнаго» и «объективнаго» путемъ приспособленія перваго ко второму).—Существуетъ, правда, и противоположный путь приспособленія: «хотя все говоритъ въ пользу этого, но я немогу допустить, чтобы это было такъ, и вѣрю, что это не такъ, а вотъ какъ» (приспособленіе «объективнаго» къ «субъективному»); но это регрессивный путь приспособленія, на этомъ пути противорѣчія могутъ только возрастать, а система опыта и познанія—только дезорганизоваться.

Въ системѣ познанія, которая вся представляетъ прогрессивную гармонизацію опыта, подчиненіе «субъективнаго» въ опытѣ «объективному» представляетъ основной организующій принципъ, внѣ котораго самое познаніе немыслимо. Поэтому съ «субъективнымъ» оно считается лишь постольку, поскольку стремится согласовать его съ формами «объективнаго», напр., поставить въ причинную связь съ опредѣленными объективно установленными данными опыта. Только въ сферѣ познанія и возможна окончательная и общая гармонизація опыта, его всеохватывающая монистическая организація; опытъ же непосредственный, постоянно приносящій новыя и новыя переживанія, неизбѣжно приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ новыя частныя противорѣчія, которыя и должно примирить затѣмъ познаніе.

Вопросъ заключается теперь въ томъ, на какомъ пути познаніе способно осуществить эту монистическую организацію опыта, дать всеобщее примиреніе его дуалистическихъ противорѣчій. Чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ слѣ-

Digitized by Google

дуетъ разсмотрѣть связь «физическаго» и «психическаго» тамъ, гдѣ обѣ эти области опыта всего тѣснѣе соприкасаются между собою.

VIII.

Психологи въ своихъ изслѣдованіяхъ большею частью принимаютъ практически,—а многіе изъ нихъ и теоретически,—принципъ такъ называемаго «психофизическаго параллелизма». Это — идея объ извѣстномъ постоянномъ соотношеніи между психическими явленіями и «физіологическими процессами нервной системы», именно такомъ соотношеніи, при которомъ каждому данному акту сознанія соотвѣтствуетъ опредѣленное измѣненіе въ нервной системѣ, такъ что «параллельно» ряду фактовъ сознанія развертывается рядъ одновременныхъ физіологическихъ нервныхъ процессовъ въ неразрывной и неизмѣнной связи съ ними. Какъ методъ изслѣдованія, эта точка зрѣнія оказалась въ высокой степени полезною и не встрѣтилась ни съ какими противорѣчіями, которыя могли бы принципіально подорвать ее,—вообще оправдала себя въ достаточной мѣрѣ.

Надо замѣтить, что на идеѣ параллелизма нѣкоторые философы—главнымъ образомъ, нео-кантіанскаго оттѣнка—пытались построить своеобразную форму «монистическаго міровоззрѣнія». Именно, физическое и психическое разсматриваются, какъ «двѣ стороны единой реальности»—внѣшняя и внутренняя; то, что для «внѣшняго» воспріятія выступаетъ, какъ физическое, для «внутренняго» воспріятія, по этому взгляду, является, какъ психическое, подобно тому, какъ дуга круга, разсматриваемая извнѣ, представляется выпуклою линіей, а изнутри — вогнутой. Взглядъ этотъ, очевидно, не стоитъ въ необходимой логической связи съ научно-психологической теоріей параллелизма; онъ заключаетъ въ себѣ то, чего въ ней нѣтъ—такъ называемую «интроэкцію», помѣщеніе психическаго міра *внутри* нервной системы, гипотезу, для нашихъ цѣлей

Digitized by Google

совершенно излишнюю и болѣе чѣмъ спорную. Принимать такую гипотезу намъ нѣтъ никакой надобности, разъ мы стремимся не удаляться безъ необходимости отъ того, что имѣется въ опытѣ; это нисколько не помѣшаетъ намъ сохранять *методологическую* идею параллелизма *).

Положеніе Авенаріуса о «функціональномъ соотношеніи» психическаго или, какъ онъ выражается, «ряда Е», съ физіологическими измѣненіями центральнаго нервнаго аппарата, съ «рядомъ С», въ сущности, есть лишь другая формулировка *научнаго* психо-физическаго параллелизма. Въ самомъ дѣлѣ, это и есть признаніе постоянной, опредѣленной связи между соотвѣтственными членами обоихъ рядовъ; а понимать параллелизмъ въ какомъ-либо иномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, вродѣ, напр., геометрическаго параллелизма, конечно, не приходится, потому что явленія обоихъ рядовъ недостаточно сходны для того, чтобы допускать возможность такого параллелизма, какъ параллелизмъ однородныхъ линій или поверхностей.

Терминъ «психо-физическій параллелизмъ» употребляется и у Маха, но уже въ иномъ значеніи, когда онъ говоритъ о

---

*) Терминъ „интроэкція“ введенъ Авенаріусомъ, который ученію объ интроэкція посвятилъ свою замѣчательную работу „Der menschliche Weltbegriff“. Тамъ дана и общая исторія интроэкціи (съ точки зрѣнія скорѣе логическаго, чѣмъ культурно-историческаго ея развитія), и ея общая критика (выясненіе логическихъ противорѣчій интроэкціи, обнаруживающихъ ея философскую несостоятельность).

Въ современномъ мышленіи интроэкціи принадлежитъ безусловное господство. Въ обыденной психологіи она выражается въ признаніи „тѣла“ внѣшней оболочкой „души“, какъ внутренней сущности. Въ психологической наукѣ и въ философіи она сказывается въ представленіи о „внѣшнихъ чувствахъ“, которыми воспринимается физическій міръ, и „внутреннемъ чувствѣ“, которымъ воспринимается міръ психическій. Физіологическій организмъ представляется какъ бы ящикомъ съ непрозрачными стѣнками, внутри котораго помѣщается „психика“.

Основное соображеніе, опровергающее интроэкцію, таково.

Digitized by Google

повтореніи однихъ и тѣхъ же комплексовъ въ сферѣ физическаго и въ сферѣ психическаго: то, что въ связи физическаго опыта является, какъ «тѣло», становится «воспріятіемъ» или «представленіемъ» въ связи психическаго опыта. Но этотъ параллелизмъ *) не стоитъ ни въ какомъ противорѣчіи съ тѣмъ психо-физическимъ параллелизмомъ, о которомъ у насъ теперь идетъ дѣло, и относится къ совершенно иной области отношеній—не къ болѣе узкому отношенію между индивидуальнымъ сознаніемъ и нервной системой, а къ болѣе широкому отношенію между индивидуальнымъ сознаніемъ и физическимъ міромъ вообще. Для насъ же важно въ данный моментъ лишь первое изъ этихъ отношеній.

Если мы припомнимъ то. что говорилось раньше о параллелизмѣ рядовъ опыта, образующихъ «тѣла» или «процессы» физическаго міра, то сразу увидимъ, что психо-физическій параллезизмъ относится безусловно къ тому же типу.—Въ самомъ дѣлѣ, физическое «тѣло» или «процессъ» образуется

Самъ организмъ есть опредѣленный комплексъ зрительныхъ, тактильныхъ, и т. под. элементовъ въ ихъ опредѣленныхъ отношеніяхъ, и „внутри" этого комплекса можно помѣщать только однородные съ нимъ, но меньшіе комплексы: органы, ткани, волокна, клѣтки; а помѣщать тамъ комплексы элементовъ иного типа, не однородные съ первымъ, не имѣетъ смысла: это все равно, что помѣщать мелодію, воспринимаемую слухомъ, внутри музыкальнаго инструмента, воспринимаемаго зрѣніемъ и осязаніемъ. Пространственныя отношенія сами по себѣ суть *зрительно-тактильныя*, и потому нельзя комплексы иного, не зрительно-тактильнаго типа, ставить въ чисто-пространственныя отношенія „внутри" и „внѣ".

*) Махъ называетъ его также „тожествомъ", что, однако, не вполнѣ вѣрно: элементы, дѣйствительно, одни и тѣ же, но „воспріятіе тѣла", взятое отдѣльно, гораздо бѣднѣе ими, чѣмъ само „тѣло". „Тѣло"—комплексъ гораздо болѣе опредѣленный и гораздо болѣе сложный, потому что оно образовалось путемъ соціальной гармонизаціи безчисленныхъ „воспріятій"; въ „воспріятіи" оно никогда не является полностью, цѣликомъ, а всегда только отчасти; напр., „воспріятіе" тѣла никогда не можетъ дать его сразу со всѣхъ сторонъ.

Digitized by Google

путемъ органическаго сліянія различныхъ рядовъ опыта — различныхъ именно *по элементамъ*. Рядъ зрительный, тактильный, акустическій объединяются въ комплексъ, называемый хотя бы «человѣческое тѣло»; и основой этого объединенія является именно *параллелизмъ* этихъ рядовъ, т.-е. опредѣленное соотвѣтствіе между элементами одного и элементами другого, третьяго ряда. Различіе между самыми рядами не количественное, а *качественное*, т.-е. ихъ элементы абсолютно несводимы одни къ другимъ; но на основѣ взаимнаго параллелизма всѣ они объединяются вокругъ одного (обыкновенно тактильнаго) ряда въ цѣлостный комплексъ, съ которымъ и оперируетъ познаніе.

Совершенно таково же по существу отношеніе рядовъ психическаго и нервно-физіологическаго въ занимающемъ насъ вопросѣ: они *качественно различны по элементамъ, но связаны параллелизмомъ*, при чемъ параллелизмъ такой же, какъ, напр., между зрительнымъ и тактильнымъ рядомъ въ комплексѣ, называемомъ «человѣческій организмъ»: это строго опредѣленное функціональное соотношеніе между рядами, но отнюдь не прямое количественное и качественное соотвѣтствіе. Имѣется опредѣленное воспріятіе, эмоція, стремленіе; это — комплексъ такихъ-то и такихъ-то иннерваціонныхъ, тактильныхъ, зрительныхъ, слуховыхъ и т. д. элементовъ. Соотвѣтственно такому «психическому» явленію мы, если возможно, наблюдаемъ, если не удается, представляемъ себѣ нѣкоторый опредѣленный «физіологическій процессъ»; это — комплексъ совершенно иныхъ элементовъ, тоже зрительныхъ, тактильныхъ и т. д., но отнюдь не тѣхъ, какіе образуетъ «психическій» комплексъ. Если, напр., въ воспріятіи имѣются элементы «зеленаго», то ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобы въ соотвѣтственномъ «физіологическомъ фактѣ» имѣлись такіе же элементы «зеленаго»; ихъ можетъ даже совсѣмъ не быть въ нашемъ представленіи нервныхъ процессовъ, а могутъ быть, напр. изъ цвѣтовыхъ элементовъ только «бѣлое», «черное», «красное». Рядъ физіологическій, при всемъ своемъ соотвѣтствіи съ

Digitized by Google

рядомъ психическимъ, оказывается состоящимъ изъ совершенно иного матеріала, точно такъ же, какъ въ любомъ «физическомъ тѣлѣ» рядъ зрительно-иннерваціонный, состоитъ изъ иного матеріала, чѣмъ тактильно-иннерваціонный, и т. под.

Изъ всего этого слѣдуетъ сдѣлать такой выводъ. Если познаніе въ своемъ стремленіи гармонизировать опытъ будетъ послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своему уже выработанному методу, то оно должно связать психическій и нервно-физіологическій рядъ въ одинъ «процессъ», различно воспринимаемый, но цѣлостный, не психическій и не физіологическій, но психо-физіологическій,—какъ человѣческое тѣло не есть комплексъ зрительный или тактильный, но зрительно-тактильный. Для познанія и здѣсь и тамъ дѣло должно итти о цѣлостныхъ комплексахъ, которые не даны ему непосредственно, но образованы имъ изъ многообразія элементовъ опыта; разница только въ томъ, что по отношенію къ физическимъ комплексамъ эта задача уже давно выполнена въ исторіи человѣчества, а по отношенію къ психо-физіологическимъ ее еще надо выполнить.

Именно такая активно-организующая дѣятельность познанія способна, по нашему мнѣнію, устранить дуалистическія противорѣчія и привести къ дѣйствительной гармоніи міровоззрѣнія. Это не будетъ монизмъ «сущности» или «реальности» — такія безсодержательныя понятія не могутъ удовлетворить критически-монистическаго мышленія; это будетъ монизмъ типа организаціи, по которому систематизируется опытъ, монизмъ познавательнаго метода. Посмотримъ, съ самомъ дѣлѣ, что даетъ онъ познающему въ его стремленіи достигнуть единства міропониманія.

Познаніе физическаго міра уже въ наше время по своему методу въ высокой степени монистично. Физическія явленія, при всей своей безконечной сложности и разнообразіи, уложены въ рамки всеохватывающихъ формулъ, пріобрѣтающихъ шагъ за шагомъ все болѣе опредѣленное содержаніе, все полнѣе гармонизирующихъ опытъ, дающихъ все больше возмож-

Digitized by Google

ности практическаго предвидѣнія и приспособленія. При этомъ для такихъ формулъ, особенно для основной изъ нихъ—закона сохраненія энергіи, не имѣютъ уже прямого значенія непосредственные элементы опыта въ ихъ смѣнѣ и различіяхъ: одно и то же «тѣло» или «процессъ», воспринимаются ли они въ зрительныхъ или тактильныхъ, или акустическихъ рядахъ, представляютъ однѣ и тѣ же энергетическія величины и комбинаціи. Познаніе отвлекается отъ способовъ непосредственнаго воспріятія, и на мѣсто міра «элементовъ» въ немъ выступаетъ міръ *отношеній*. Въ этомъ мірѣ стройность достигается путемъ цѣлесообразной группировки комплексовъ—ихъ разграниченій и соединеній соотвѣтственно требованіямъ наименьшихъ противорѣчій и наибольшей гармоніи;—самыя же группировки выполняются и фиксируются при помощи символовъ, выработка и подборъ которыхъ происходятъ въ соціальномъ процессѣ общенія. На этотъ процессъ общенія опирается все коллективное научное и философское творчество.

То же, что дѣлаетъ познаніе по отношенію къ физическому опыту, стремится оно выполнить и по отношенію къ опыту психическому. Но здѣсь оно наталкивается на массу особенныхъ трудностей и противорѣчій, которыхъ не удается устранить до тѣхъ поръ, пока познаніе въ этой области идетъ не тѣмъ путемъ, какимъ шло въ другой области опыта. Эти трудности и противорѣчія резюмируются, въ концѣ концовъ, однимъ словомъ «дуализмъ», а сущность ихъ заключается въ томъ, что тѣ различные методы, которыми оперируетъ познаніе въ обѣихъ областяхъ опыта, неминуемо то и дѣло встрѣчаются въ одномъ полѣ сознанія и создаютъ раздвоеніе психической дѣятельности, которое ощущается какъ познавательная неприспособленность, какъ дисгармонія мысли. Когда же психическое выступаетъ для познанія, какъ одинъ изъ параллельныхъ рядовъ комплекса, въ которомъ другіе ряды—зрительный, тактильный—способны образовать «физическое тѣло» (нервную систему), тогда дисгармонія исчезаетъ.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, познанію не приходится создавать особаго метода для каждаго изъ параллельныхъ рядовъ, сливающихся въ томъ или иномъ комплексѣ—оно имѣетъ дѣло съ цѣлыми комплексами. Психо-физіологическій процессъ, познаваемый какъ одно цѣлое, долженъ укладываться въ рамки того же метода, какимъ познается созданный изъ нѣкоторыхъ его рядовъ процессъ физіологическій—метода наукъ о физическомъ, для нашего времени—метода *энергетики*. При этомъ совершенно безразлично, будемъ ли мы брать для анализа элементы изъ ряда «физіологическаго» или изъ ряда «психическаго»; каждый разъ дѣло будетъ итти объ одной и той же энергетической величинѣ, потому что энергетическое познаніе отвлекается отъ способа воспріятія, а не беретъ, напр., рядъ зрительный и рядъ тактильный, какъ отдѣльные энергетическіе комплексы. Какъ въ обычномъ физическомъ комплексѣ, который называется «тѣломъ», одинъ изъ рядовъ опыта является организующимъ для другихъ, напр., рядъ тактильный, такъ въ комплексѣ психо-физіологическомъ одинъ изъ его рядовъ окажется организующимъ, основнымъ для познанія, и мы полагаемъ, что такимъ будетъ именно рядъ физіологическій, какъ болѣе опредѣленный, болѣе устойчивый въ своихъ отношеніяхъ. Но это различіе и здѣсь такъ же несущественно для познанія, какъ въ физическомъ комплексѣ различіе организующаго тактильнаго и группирующихся около него зрительнаго, акустическаго и т. д. рядовъ. Одно и то же познавательное цѣлое — психо-физіологическій процессъ — можетъ восприниматься различными способами, но для познанія остается однимъ и тѣмъ же. Различія *элементовъ* исчезаютъ въ единствѣ *отношеній*, и цѣльность познанія возстановляется.

Но при этомъ теряетъ свой смыслъ и самое противопоставленіе «физическаго» и «психическаго». Опытъ организованный индивидуально входитъ въ систему опыта организованнаго соціально, какъ его нераздѣльная часть, и перестаетъ составлять особый міръ для познанія. «Психическое» исчезаетъ въ объединяющихъ формахъ, созданныхъ познаніемъ для «физиче-

Digitized by Google

скаго», но и физическое перестаетъ быть «физическимъ», какъ только у него нѣтъ его постоянной антитезы—психическаго. Единый міръ опыта выступаетъ, какъ содержаніе для единаго познанія. Это—эмпиріомонизмъ.

Эмпиріомонизмъ возможенъ только потому, что познаніе активно гармонизируетъ опытъ, устраняя его безчисленныя противорѣчія, создавая для него всеобщія организующія формы, замѣняя первичный хаотическій міръ элементовъ производнымъ, упорядоченнымъ міромъ отношеній. Можно, разумѣется, допустить, что эмпиріомонизмъ осуществится не въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его представляемъ; но онъ долженъ осуществиться, а его невозможность означала бы конечную несостоятельность познанія.

Было бы неправильно думать, что, придя къ схемѣ эмпиріомонизма, мы достигли монистическаго міросозерцанія. Эта схема формулируетъ высшую познавательную тенденцію; но цѣльное міросозерцаніе можетъ получиться лишь путемъ систематическаго проведенія этой тенденціи. Познавательная картина міра не дается въ одной формулѣ — это организованная система наукъ и философіи; монистическая же схема есть лишь гармонизирующій принципъ этой картины, и нужна громадная работа, чтобы провести этотъ принципъ во всѣхъ частяхъ картины; а пока этого не сдѣлано, пока остаются частности, не подчиняющіяся гармонизирующей схемѣ, ей противорѣчащія или просто не проникнутыя ею, до тѣхъ поръ нельзя говорить о настоящемъ эмпиріомонизмѣ.

Принимая во вниманіе колоссальную массу коллективнаго труда, которую положило человѣчество на выработку системы наукъ и философіи, и долгій періодъ времени, въ теченіе котораго активно обнаруживалась тенденція къ познавательному монизму, естественно поставить вопросъ: почему же до сихъ

Digitized by Google

поръ монизмъ этотъ, несмотря на все, не успѣлъ сложиться? Почему даже схема его такъ долго не могла быть отчетливо формулирована?

Можно было бы, конечно, не останавливаться на этомъ вопросѣ, а просто принять, что гармонизація опыта дѣло настолько сложное и трудное, что, несмотря на массу затраченнаго времени и энергіи, человѣчество выполнило пока только часть его,—и этимъ удовлетвориться. Но намъ кажется, что есть основанія отмѣтить нѣкоторыя спеціальныя препятствія, которыя именно въ наше время ставятъ границу монистической тенденціи. Это позволитъ намъ сдѣлать и нѣкоторыя приблизительныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи познанія въ этомъ направленіи.

Современное общество раздроблено на классы и полно антагонизма. Люди, принадлежащіе къ одной соціальной системѣ, часто очень сильно отличаются другъ отъ друга и рѣзко сталкиваются въ жизни на почвѣ различія интересовъ. Конкурренція съ одной стороны отношенія раздѣленія труда и особенно господства и подчиненія съ другой окрашиваютъ собою всю соціальную жизнь нашего времени. Эти господствующія формы жизни не могутъ не наложить своего отпечатка и на область познанія.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что человѣкъ практически и познавательно противополагается другому человѣку. Практически — ихъ стремленія сталкиваются въ борьбѣ интересовъ, какъ той, которая ведется въ видѣ конкурренціи между представителями одного класса или группы, такъ и въ той, которая идетъ между классами или группами. Теоретически— они не понимаютъ другъ друга, какъ люди различнаго опыта и различныхъ типовъ мышленія. И борьба и непониманіе далеко не охватываютъ всей жизни людей, а существуютъ лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, рядомъ съ сотрудничествомъ и взаимнымъ пониманіемъ, также частичными; но поскольку они существуютъ, постольку монистическая организація опыта наталкивается на величайшія затрудненія.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ борется съ другимъ, онъ не можетъ съ достаточной полнотой передавать ему свой опытъ; какъ извѣстно, дѣло доходитъ до того, что человѣкъ въ борьбѣ часто принужденъ скрывать свои переживанія или даже извращенно передавать ихъ; отсюда столько «лжи» въ современномъ обществѣ, лжи зачастую необходимой, интегрально входящей въ самую систему отношеній. Уже этого достаточно для взаимнаго непониманія; но раздѣленіе труда дѣлаетъ сферу этого непониманія еще шире, чѣмъ сфера борьбы. Спеціалистъ не понимаетъ спеціалиста, поскольку матеріалъ ихъ опыта различенъ (напр., художникъ не понимаетъ ученаго, филологъ—естественника и т. п.), подчиняющійся не понимаетъ господствующаго, и наоборотъ, поскольку различенъ не только матеріалъ ихъ переживаній, но и ихъ фактическое отношеніе къ однимъ и тѣмъ же даннымъ опыта (напр., что для одного—орудіе труда, то для другого—орудіе эксплоатаціи и т. под.). Но что означаетъ «непониманіе»?

Оно означаетъ, что доступныя намъ (путемъ соціальнаго общенія) переживанія другихъ людей не укладываются въ закономѣрность нашего опыта, — мы не можемъ поэтому правильно оцѣнивать ихъ психическія состоянія и предвидѣть ихъ дѣйствія. И очевидно, поскольку опытъ однихъ людей лежитъ внѣ закономѣрности, т.-е. организованности для другихъ людей, постольку онъ необходимо является соціально неорганизованнымъ, или «субъективнымъ», или «психическимъ». Напротивъ, та часть опыта, для которой выработалась въ соціальномъ процессѣ общая, точнѣе — общезначимая закономѣрность, та часть выступаетъ какъ соціально-организованная, съ аттрибутомъ «объективности», съ характеристикой «физическаго». Здѣсь исходная точка антитезы, здѣсь же и базисъ для опредѣленія ея историческихъ границъ.

Замѣтимъ, что въ нашемъ опытѣ «психическимъ» являются по преимуществу тѣ его стороны, для которыхъ всего меньше достигается соціальное единство: эмоціи людей и ихъ стремленія наиболѣе рѣзко расходятся въ жизни, и именно эти

Digitized by Google

комплексы элементовъ никогда не находятъ себѣ мѣста въ физическомъ ряду, тогда какъ другіе комплексы, находящіеся у различныхъ людей въ менѣе противорѣчивыхъ отношеніяхъ, выступаютъ то въ психическомъ ряду, какъ «воспріятія» или «представленія», то въ физическомъ, какъ «тѣла». Стало быть, психическое тѣмъ въ большей мѣрѣ оказывается «психическимъ», чѣмъ болѣе оно индивидуально по своему характеру.

Въ наивномъ, неразвитомъ сознаніи нерѣдко и эмоціи «объективируются», переносятся въ физическій міръ; напр., красота, безобразіе, пріятность и т. под. считаются свойствами самихъ предметовъ (а не явленіями воспринимающаго сознанія). Это бываетъ именно тогда, когда эмоціональныя высказыванія людей настолько сходятся, такъ мало противорѣчатъ одни другимъ въ массѣ случаевъ даннаго рода, что люди привыкаютъ считать эти эмоціи *общезначимыми*, соціально согласованными, что и лежитъ, согласно нашей точкѣ зрѣнія, въ основѣ характеристики «объективнаго» или «физическаго» опыта.

Организующій центръ для всего психическаго представляетъ индивидуальное «я», противополагающееся другимъ «я». Когда «я» исчезаетъ изъ поля сознанія, прекращается и антитеза психическаго съ физическимъ. А это бываетъ не только въ моменты потери сознанія, но и въ моменты наивысшей его дѣятельности. Какъ отмѣчалъ еще Шопенгауэръ, глубокій эстетическій аффектъ устраняетъ «индивидуацію», т.-е. противопоставленіе нашего «я» внѣшнему міру, и психическаго физическому: въ восторженномъ созерцаніи прекрасной картины природы или истинно-художественнаго произведенія мы перестаемъ чувствовать раздвоеніе въ нашемъ опытѣ. Но то же относится и къ моментамъ познавательнаго творчества, и къ моментамъ напряженнаго проявленія коллективной воли: человѣкъ «забываетъ себя», и тогда его переживанія наиболѣе гармоничны.

Приспособленіе, называемое «я», выступаетъ всего ярче тамъ, гдѣ въ опытѣ обнаруживается дисгармонія, — дисгармо-

Digitized by Google

нія, подрывающая индивидуальное существованіе: это бываетъ тогда, когда мы чувствуемъ голодъ, холодъ, страхъ, тоску, неудовлетворенность... Это—приспособленіе для *индивидуальной* борьбы за жизнь, и потому только въ *индивидуалистическомъ* обществѣ, каково современное, оно для каждой личности становится центромъ опыта, рѣзко отдѣляющимъ ея «психическій міръ» отъ психическаго міра другихъ людей. Не такъ было въ первобытномъ обществѣ, съ его коммунизмомъ, съ отсутствіемъ внутренней борьбы и противорѣчій. Тамъ человѣкъ не умѣлъ отдѣлять себя отъ своей группы; его опытъ непосредственно сливался съ опытомъ другихъ людей, слово «я» обозначало для него собственное тѣло съ его непосредственными потребностями, но вовсе не комплексъ эмоцій и стремленій, рѣзко отграниченныхъ отъ эмоцій и стремленій другихъ людей, какъ это бываетъ въ современномъ обществѣ. Въ обществѣ высшаго типа, съ коллективно-организованнымъ трудомъ, съ устраненными внутренними противорѣчіями и рѣзкими различіями особей, человѣческое «я» такъ же мало, какъ въ обществѣ первобытномъ, могло бы послужить центромъ особаго міра—міра индивидуально-психическаго: въ тѣсномъ взаимномъ общеніи, въ глубокомъ взаимномъ пониманіи людей исчезла бы всякая склонность противополагать свою «психику» психикѣ другихъ людей; и гармонически организованный коллективный опытъ далъ бы людямъ такую грандіозную полноту жизни, о которой мы, люди эпохи противорѣчій, не можемъ составить себѣ понятія.

Въ этомъ мірѣ и для познанія легко будетъ объединить всю сумму человѣческихъ переживаній въ гармонически-цѣлостныя, безконечно-пластичныя формы, въ которыхъ опытъ каждаго органически сольется съ опытомъ всѣхъ. И тамъ будутъ, конечно, противорѣчія въ опытѣ и въ познаніи; но это не будутъ безысходныя противорѣчія окаменѣлыхъ фетишей мысли, не допускающихъ никакой инстанціи надъ собою, а временныя разногласія творческаго мышленія людей, сознательно стремящихся согласовать и свести къ единству свои переживанія,

Digitized by Google

людей, сознательно отыскивающихъ наилучшія, наиболѣе цѣлесообразныя формы для такого согласованія и единства. Свободное стремленіе къ соціальной гармоніи познанія вмѣстѣ съ глубокой увѣренностью въ возможности и необходимости ея достиженія будетъ постоянно господствовать намъ всѣми проявленіями личнаго сознанія. Освобожденная отъ внутренняго разлада человѣческая мысль, ничѣмъ не затемненная, чистая и ясная, будетъ съ недоступной нашему воображенію энергіей прокладывать себѣ путь въ безконечность. Тамъ будетъ достигнутъ истинный эмпиріомонизмъ, который представляется намъ идеаломъ познанія.

Если мы сравнимъ этотъ идеалъ познанія съ современнымъ идеаломъ практически-трудовой жизни людей, то намъ въ глаза бросится ихъ глубокій внутренній параллелизмъ, общая тому и другому всеохватывающая организующая тенденція. Это не случайное сходство: изъ практики возникаетъ познаніе; гармонія практики и гармонія познанія имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ.

Digitized by Google

Жизнь и психика.

(Эмпиріомонизмъ жизни физіологической и психической).

А. Область переживаній.

I.

Потокъ переживаній, образующій то, что мы называемъ психической жизнью, не во всѣхъ своихъ моментахъ является настоящимъ объектомъ познанія, пригоднымъ его матеріаломъ: онъ становится такимъ объектомъ или матеріаломъ только тамъ, гдѣ выступаетъ въ болѣе или менѣе организованномъ видѣ, въ формѣ *опыта*. Даже въ предѣлахъ непосредственнаго опыта есть много неясныхъ, смутныхъ переживаній, которыя исчезаютъ, едва возникши въ полѣ психики, которыя такъ неопредѣленны и кратковременны, что ускользаютъ отъ познанія, *почти* не существуютъ для него. Но остается еще вопросъ о томъ, что лежитъ за предѣлами *непосредственнаго* психическаго опыта, хотя не за предѣлами возможнаго опыта вообще.

Существуютъ ли достаточныя основанія, чтобы отрицать психическую жизнь въ утробномъ младенцѣ, въ человѣкѣ, спящемъ глубокимъ сномъ безъ остающихся въ памяти сновидѣній?—Все наше познаніе чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ проникается идеей *непрерывности*, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе способно мириться съ какимъ бы то ни было отклонені-

Digitized by Google

емъ отъ этой идеи, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлаетъ ее своей всеобщей предпосылкой. Между тѣмъ идеѣ этой безусловно противорѣчитъ представленіе о томъ, что психическая жизнь возникаетъ изъ ничего, какъ прибавочный феноменъ непрерывно развивающейся жизни физіологической, и на нѣсколько часовъ можетъ совершенно прекращаться, чтобы вновь воскресать изъ психическаго «ничто» въ моментъ пробужденія.—Однако ни утробная жизнь, ни сонъ безъ сновидѣній не даютъ намъ непосредственнаго психическаго опыта, а потому лишь косвенно могутъ служить матеріаломъ для психологическаго познанія. Это—темный хаосъ переживаній, въ которомъ нѣтъ «души», нѣтъ организованнаго единства, характеризующаго міръ опыта.

Психическій міръ ребенка первыхъ лѣтъ жизни, а также міръ сновидѣній и бреда представляютъ рядъ промежуточныхъ проявленій жизни, пограничную область психическаго хаоса и психическаго опыта. Здѣсь есть организованность, но только отрывочная: колеблющіеся образы, неустойчивыя сочетанія,—зарожденіе порядка среди безформеннаго матеріала жизни и вторженіе безформенной жизни въ порядокъ опыта. Естественно, что эти переживанія находятся въ неопредѣленномъ и измѣнчивомъ отношеніи къ системѣ опыта; въ сферѣ памяти мы находимъ только обрывки отъ впечатлѣній первыхъ лѣтъ жизни, перемѣшанные съ иллюзіями памяти и внушенными воспоминаніями, только изолированныя сцены изъ жизни сновъ, исчезающія въ массѣ неясныхъ ощущеній смутности и дисгармоніи. На зарѣ жизни человѣка и человѣчества эта область полу-организованной психической жизни еще господствуетъ надъ зарождающейся стройностью опыта и съ величайшей медленностью отступаетъ передъ ея развитіемъ; до сихъ поръ сохраняются еще слѣды такого господства, въ видѣ суевѣрій, предчувствій, мистики. Но давно уже несомнѣнна побѣда опыта, съ его возрастающей гармоніей и цѣлостностью.

Присмотримся поближе къ этимъ различнымъ степенямъ психическаго единства жизни, постараемся понять ихъ жиз-

Digitized by Google

ненную связь, объективныя условія ихъ взаимныхъ переходовъ.

Сравнивая состояніе спящаго глубокимъ сномъ человѣка съ состояніемъ утробнаго младенца, нельзя не найти большого сходства между ними: и здѣсь и тамъ внѣшнія впечатлѣнія устранены, проявленія жизни сводятся къ растительнымъ процессамъ, питаніе тканей организма преобладаетъ надъ его затратами, реакціи на внѣшній міръ отсутствуютъ, кромѣ немногихъ рефлексовъ. Вообще, глубокій сонъ представляетъ какъ-будто временное возвращеніе къ тому типу жизни, который свойственъ человѣку до рожденія, и по своему созидательному значенію для организма всего меньше похожъ на смерть съ ея неизмѣннымъ спутникомъ—разрушеніемъ организма. Однако между сномъ и утробной жизнью есть глубокая принципіальная разница: спящему достаточно проснуться, чтобы очутиться въ мірѣ опыта, въ сферѣ сознательной жизни; нерожденному младенцу для этого надо еще родиться и развиться. Въ одномъ случаѣ система опыта еще не успѣла развернуться и организоваться, въ другомъ—она временно какъ бы свертывается и дезорганизуется.

Сумма опыта, богатство переживаній и съ количественной, и съ качественной стороны опредѣляются отношеніемъ организма къ его средѣ. Тамъ, гдѣ между организмомъ и средой имѣется полное равновѣсіе, гдѣ соприкосновеніе организма и среды не представляетъ разницы въ напряженіяхъ энергіи, тамъ вообще нѣтъ почвы для переживаній: организмъ какъ бы не существуетъ, сливаясь въ безразличіи со своей средою. Всякое переживаніе есть различеніе, и жизни нѣтъ тамъ, гдѣ нечего различать. Но лишь только среда и организмъ выступаютъ, какъ энергетически-неуравновѣшенная комбинація, лишь только имѣется разность напряженій энергіи, лишь только возникаетъ опредѣленный потокъ энергіи между обоими комплексами—организму есть что переживать, безразличіе смѣняется жизнью.

Но пытаясь стать на эту точку зрѣнія, мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ предразсудковъ, порожденныхъ поверхност-

Digitized by Google

ными аналогіями и недостаточнымъ анализомъ. Эти предразсудки можно формулировать такъ: *вѣра въ реальную жизнь безъ переживаній*, мысль, что переживанія—только эпифеноменъ, побочное явленіе жизни.

II.

До сихъ поръ преобладаетъ дуалистическое пониманіе жизни: физіологическая жизнь организма и его «психическія переживанія» разсматриваются, какъ двѣ совершенно различныхъ области, нигдѣ между собою прямо не соприкасающіяся, хотя и связанныя опредѣленной зависимостью. Зависимость эта, чаще всего обозначаемая, какъ «параллелизмъ», въ личномъ опытѣ оказывается, однако, неполной, прерывающейся; въ цѣломъ рядѣ случаевъ измѣненія нервнаго аппарата протекаютъ безъ всякаго замѣтнаго отраженія въ психикѣ, въ сферѣ сознанія. Только незначительная часть изъ мелкихъ и постоянно дѣйствующихъ на нервную систему раздраженій порождаетъ замѣтныя «впечатлѣнія»; а въ періоды временнаго прекращенія психической работы жизнь физіологическая остается, повидимому, совсѣмъ освобожденной отъ связи съ «психическими переживаніями». Такимъ образомъ переживанія эти какъ-будто представляютъ дѣйствительно только «эпифеноменъ» жизни, неизвѣстно откуда берущуюся и неизвѣстно куда исчезающую прибавку къ ея физіологическимъ проявленіямъ.—Выясняя же границы этого эпифеномена, можно найти много основаній считать ихъ очень узкими по сравненію съ громадными рязмѣрами біологическаго міра вообще.

Естественно предположить, что сложность переживаній психическаго организма соотвѣтствуетъ сложности нервно-мозгового аппарата, съ состояніями котораго они связаны. Но при этомъ самъ собою является выводъ, что такихъ переживаній вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ нервно-мозговой системы, т.-е. напр., у всѣхъ Protozoa и у многихъ низшихъ Metazoa. И такъ какъ даже у человѣка съ его необычайно сложной нервной

Digitized by Google

системой переживанія эти наблюдаются не всегда, а только при наличности цѣлаго ряда условій, и чрезвычайно легко прерываются, то можно, повидимому, принять, что и существованіе центральнаго нервнаго аппарата, вообще говоря, не составляетъ еще достаточнаго базиса для заключенія о томъ, что имѣются «переживанія». — Въ результатѣ получается нельзя сказать чтобы очень стройная и гармоническая картина: передъ нами два типа жизненныхъ процессовъ, совершенно неоднородные по содержанію; одинъ изъ нихъ выступаетъ повсюду, а другой—въ нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, какъ своеобразное дополненіе перваго, связанное съ нимъ опредѣленной для каждаго частнаго случая, но въ общемъ нерѣдко прерывающейся зависимостью.

Однако, если нестройность картины и оскорбляетъ наше эстетическое чувство, то это, повидимому, еще не говоритъ ничего противъ ея объективной вѣрности; основаніемъ же ея служатъ, повидимому, вполнѣ несомнѣнные факты опыта и вполнѣ законныя аналогіи, безъ какихъ вообще не можетъ обойтись познаніе.

Критика всякой познавательной концепціи сводится къ двумъ моментамъ; критика обобщеній и выводовъ съ точки зрѣнія опыта, и критика самого лежащаго въ основѣ ихъ опыта съ точки зрѣнія его связи и закономѣрности. Понятно, что начинать надо съ послѣдняго момента, потому что только провѣренный, освобожденный отъ ошибокъ и иллюзій опытъ является надежной основой для критики познанія. Въ занимающемъ насъ вопросѣ этотъ моментъ является особенно важнымъ.

Прежде всего необходимо установить наиболѣе прямую и непосредственную форму зависимости между «переживаніями» организма и его «физіологическими процессами»,—задача, рѣшеніе которой связано съ немалыми трудностями. Было бы, напр., ошибочно принять за такую форму зависимости связь между сложностью нервно-мозгового аппарата съ одной стороны, разнообразіемъ и полнотой переживаній—съ другой; это было бы ошибочно уже потому, что при самой развитой нервной

Digitized by Google

организаціи — у человѣка — наблюдаются не только сложныя переживанія, но рядомъ съ ними также весьма простыя и элементарныя, не только интенсивныя, но и очень слабыя, не только опредѣленныя, но и очень смутныя. Поэтому безполезны были бы всякія попытки дедуктивно установить, насколько сложный и развитой центральный аппаратъ нуженъ для того, чтобы жизнь организма осложнилась «переживаніями», и въ какомъ мѣстѣ лѣстницы живыхъ существъ они вообще возникаютъ. Для рѣшенія вопроса о психо-физическомъ параллелизмѣ жизни необходимы болѣе точныя и болѣе прямыя аналогіи.

За предѣлами нашего непосредственнаго психическаго опыта всякія переживанія—слѣдовательно, вообще всѣ *не наши* переживанія—становятся доступны нашему познанію лишь косвеннымъ путемъ — посредствомъ *высказываній*. Опредѣленная и постоянная связь нашихъ собственныхъ «психическихъ переживаній»—нашихъ воспріятій, представленій, стремленій, эмоцій—съ нашими двигательными реакціями служитъ основой для объединенія нашей психической жизни съ жизнью другихъ существъ, основой для «взаимнаго пониманія» того, что «переживается нами и другими. Съ анализа высказываній, въ ихъ связи съ непосредственными переживаніями, и начинается критика психическаго опыта.

Съ самаго начала здѣсь возможенъ вопросъ, насколько вообще законно и правильно къ наблюдаемымъ высказываніямъ другихъ организмовъ присоединять переживанія, подобныя нашимъ собственнымъ. Вопросъ этотъ разрѣшается очень легко: наибольшая часть нашего опыта дается намъ чрезъ чужія высказыванія, путемъ такого ихъ «пониманія», и оно же служитъ для насъ способомъ провѣрять и контролировать свой непосредственный опытъ опытомъ другихъ людей. На пониманіи высказываній основывается, такимъ образомъ, вся система объективнаго познанія, и такъ какъ она въ своемъ цѣломъ не впадаетъ въ противорѣчіе ни съ самой собою, ни съ жизнью вообще, такъ какъ на ней мы можемъ съ успѣхомъ строить свою практическую дѣятельность, то намъ остается только принять эту

Digitized by Google

систему, а вмѣстѣ съ ней мы должны принять и нашъ постоянный способъ «понимать» высказыванія, присоединяя къ нимъ, какъ ихъ необходимое дополненіе, воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи, вполнѣ аналогичныя нашимъ собственнымъ *).

Къ высказываніямъ принадлежатъ отнюдь не однѣ только спеціализированныя «формы выраженія», какъ рѣчь, мимика, искусство, но всѣ вообще двигательныя реакціи организма, которыя мы можемъ «понять» въ связи съ психическими переживаніями **). Если, напр., мы видимъ человѣка, выполняющаго какую-нибудь работу, то въ его дѣйствіяхъ мы находимъ для себя цѣлый рядъ высказываній: они ясно выражаютъ наличность, во-1-хъ, *воспріятія* всѣхъ объектовъ и орудій его труда, во-2-хъ, *представленія* о нѣкоторомъ желательномъ преобразованіи этихъ объектовъ, какъ о «цѣли», въ 3-хъ, *стремленія* достигнуть этой «цѣли» и принятаго *рѣшенія* въ этомъ смыслѣ. Всѣ такого рода *практическія* высказыванія имѣютъ не только не меньшее значеніе, чѣмъ «теоретическія», напр., словесныя, но даже значеніе основное по отношенію къ этимъ послѣднимъ: рѣчь, мимика и другія спеціальныя формы выраженія возникаютъ на почвѣ практическаго объединенія человѣческихъ дѣйствій, общественный трудъ людей есть первичная область ихъ общенія, а, стало быть, и высказываній, соціально-техническій процессъ порож-

*) Само собой разумѣется, что всякое частное высказываніе одного организма можетъ быть „неправильно понято“ другими вслѣдствіе, напр., различія ихъ опыта, ихъ физіологическаго строенія и т. под. Но въ этомъ случаѣ для возстановленія познавательной гармоніи и для устраненія практическихъ противорѣчій требуется только вмѣсто однихъ переживаній подставить другія, т.-е. надо опять-таки „понять“ высказыванія, только иначе, чѣмъ они прежде были поняты.

**) Мы думаемъ, нѣтъ надобности выяснять, что въ основѣ „выражающей“ реакціи, даже произносимаго слова, лежитъ опредѣленный комплексъ мускульныхъ сокращеній, реакція *двигательная*.

Digitized by Google

даетъ необходимость гармоническаго *объединенія опыта различныхъ людей*. Сотрудничество въ разнообразныхъ его проявленіяхъ—основа соціальнаго опыта *).

Но за всякой ли двигательной реакціей организма можно предполагать соотвѣтственныя переживанія, и всякое ли переживаніе выражается въ двигательныхъ реакціяхъ? Каждый изъ этихъ вопросовъ требуетъ особаго и внимательнаго разсмотрѣнія.

III.

Изъ непосредственнаго опыта намъ извѣстно, что очень многія изъ нашихъ переживаній, громадное большинство ихъ, протекаютъ безъ всякихъ «высказываній», безъ всякихъ замѣтныхъ двигательныхъ реакцій. Изъ этого очевидно, что сфера переживаній несравненно шире сферы высказываній. Но насколько шире, и каково ближайшее соотношеніе обѣихъ? Это можетъ выяснить психо-физіологія.

Всякая мускульная реакція, а, слѣдовательно, и всякое вы-

---

*) Здѣсь нѣтъ возможности дать обстоятельное обоснованіе идеи о первичномъ характерѣ практическихъ высказываній, да и нѣтъ необходимости въ этомъ. Идея эта вытекаетъ изъ историко-монистической концепціи соціальнаго процесса и находитъ себѣ достаточно подтвержденій въ современныхъ научныхъ воззрѣніяхъ вообще (напр., въ ученіи Нуаре о происхожденіи корней, въ анализѣ связи техники и познанія у Эрнста Маха, и т. под.).

Отмѣтимъ, что Авенаріусъ, основывающій на анализѣ высказываній свою теорію познанія, понимаетъ подъ „высказываніями“ преимущественно или исключительно словесныя, мимическія и т. под., при чемъ упускаетъ изъ виду высказыванія практическаго характера, которыя онъ разматриваетъ только со стороны ихъ непосредственнаго практическаго значенія („ectectosystematische Aenderungen“, „appetitives Verhalten“ и т. под.). Впрочемъ, въ „Критикѣ чистаго опыта“ онъ вообще прямо не выясняетъ, что именно понимаетъ подъ „высказываніями“.

Digitized by Google

сказываніе предполагаетъ *нарушеніе равновѣсія* энергіи центральнаго нервнаго аппарата, потому что осуществляется путемъ *иннерваціи*, потока нервной энергіи отъ центра къ периферическому двигательному аппарату, — а при равновѣсіи системы потокъ этотъ, очевидно, не могъ бы возникнуть. Равновѣсіе же зависитъ отъ непрерывнаго и всесторонняго соотвѣтствія между «питаніемъ» системы и ея «работой», т.-е. между ассимиляціей энергіи изъ окружающей среды и затратами энергіи, ея переходомъ въ окружающую среду. Такимъ образомъ высказываніе обусловливается тѣмъ, что Авенаріусъ называетъ «жизнеразностью», т.-е. неполнымъ совпаденіемъ «питанія» и «работы», частичнымъ или общимъ для системы перевѣсомъ ассимиляціи надъ затратами энергіи или наоборотъ, — колебаніемъ энергіи системы вверхъ или внизъ отъ даннаго ея уровня, выражающаго жизненное равновѣсіе и психическое безразличіе.

Но не всякая «жизнеразность» прямо ведетъ къ высказываніямъ, а только такая, которая достаточно значительна и можетъ вызвать потокъ иннерваціи, способный привести къ замѣтнымъ движеніямъ организма. Громадная масса мелкихъ и мельчайшихъ жизнерадостей остаются безъ внѣшняго проявленія, пока не исчезнутъ путемъ внутренняго уравновѣшенія системы, или пока суммируясь не представятъ достаточную величину, чтобы выразиться въ физическихъ движеніяхъ. Но и крупныя, жизненно-важныя жизнеразности могутъ не порождать высказываній; какъ извѣстно, это бываетъ во-1-хъ, въ случаяхъ патологическихъ, при поврежденіи или разрушеніи нервныхъ проводниковъ, передающихъ иннервацію, при атрофіяхъ и пораненіяхъ мускуловъ и т. д.—вообще при всевозможныхъ паралитическихъ и паретическихъ состояніяхъ частей организма; во-2-хъ, что еще важнѣе, это бываетъ и въ случаяхъ вполнѣ физіологическихъ, вслѣдствіе задерживающаго вліянія однихъ центровъ на другіе, когда начинающійся потокъ иннерваціи непрерывно подавляется, такъ что не переходитъ въ настоящія двигательныя реакціи. Въ такихъ

Digitized by Google

случаяхъ переживаніе не связывается непосредственно съ высказываніемъ. Человѣкъ, напр., можетъ испытывать боль (что соотвѣтствуетъ быстро наступающему перевѣсу затратъ энергіи системы надъ ея ассимиляціей) и не выражать ея, либо потому, что боль слишкомъ незначительна, либо потому, что не имѣетъ возможности ея выразить вслѣдствіе ненормальнаго состоянія организма, либо потому, что желаетъ скрыть ее и подавляетъ ея внѣшнія проявленія.

При современномъ состояніи психофизіологіи наиболѣе вѣроятнымъ представляется такой взглядъ: всюду, гдѣ опытъ даетъ намъ переживанія безъ высказываній, тамъ при достаточномъ изслѣдованіи возможно обнаружить жизнеразность центральнаго аппарата; если же фактически обнаружить ее въ такихъ случаяхъ удается не всегда, то это зависитъ отъ грубости нашихъ методовъ,—и съ ихъ развитіемъ изслѣдованіе все рѣже приводитъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ.

Принимая это во вниманіе, естественно признать, что *область жизнеразностей и область переживаній вообще совпадаютъ*. Такая точка зрѣнія сразу дала бы намъ возможность въ стройной картинѣ представить отношеніе жизни психической и жизни физіологической; но передъ нами немедленно выступаютъ различныя затрудненія.

Прежде всего, если въ нашемъ опытѣ при наличности переживаній не всегда удается констатировать жизнеразности, то дѣйствительно ли это обусловливается только недостатками методовъ изслѣдованія, и не можетъ ли это, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зависѣть просто отъ того, что жизнеразности вовсе нѣтъ? Вообще, можно ли считать доказаннымъ, что полное равновѣсіе системы сопровождается психическимъ безразличіемъ, отсутствіемъ переживаній? Считать это *абсолютно* доказаннымъ при современномъ состояніи науки, разумѣется, нельзя; но очень многіе факты опыта говорятъ опредѣленно въ пользу этого и противъ всякаго иного допущенія.

Въ предѣлахъ существующаго матеріала наблюденій можно считать установленнымъ, что слабымъ жизнерадостямъ соот-

Digitized by Google

вѣтствуютъ и слабыя переживанія; что съ уменьшеніемъ первыхъ падаетъ и интенсивность вторыхъ; судя по этому, сведеніе къ нулю первыхъ должно означать и прекращеніе вторыхъ. Это особенно очевидно въ тѣхъ случаяхъ, когда причины, порождающія жизнеразность, легко поддаются объективному наблюденію и даже измѣренію, напр., въ случаѣ внѣшнихъ раздраженій, воспринимаемыхъ органами чувствъ. Какъ ни сложна зависимость между раздраженіемъ и соотвѣтственнымъ ощущеніемъ, но приближеніе къ нулю первой величины означаетъ приближеніе къ нулю и второй, отсутствіе жизнеразностей даннаго типа соединяется съ отсутствіемъ соотвѣтственныхъ переживаній *). Затѣмъ, когда изъ жизни организма исключаются возбуждающія причины извѣстнаго рода жизнеразностей, то устраняются не только переживанія, ближайшимъ образомъ вызываемыя этими причинами, но мало-по-малу исчезаютъ и тѣ, которыя косвенно обусловливаются ими. Если, напр., человѣкъ ослѣпнетъ, т.-е. если будетъ прегражденъ путь свѣтовымъ раздраженіямъ, то прекращаются сначала зрительныя воспріятія, и это соотвѣтствуетъ устраненію жизнеразностей, получаемыхъ отъ сѣтчатки. Но зрительныя *представленія* временно сохраняются, — очевидно, именно потому, что въ оптическихъ центрахъ, еще сохранившихъ извѣстную неустойчивость равновѣсія, продолжаютъ возникать жизнеразности отраженныя—вызываемыя вліяніемъ другихъ центровъ, а также колебаніями тонуса кровеносной системы—системы питанія. Съ теченіемъ времени, однако, вслѣдствіе отсутствія специфическихъ раздраженій, въ зрительныхъ центрахъ должно сложиться относительно прочное, устойчивое равновѣсіе, жиз-

*) Замѣтимъ, что раздраженіе только *возбудитель* жизнеразности, и потому она не можетъ быть просто пропорціональна ему, такъ какъ зависитъ еще отъ состоянія нервной системы, отъ наличности въ ней накопленной и разряжаемой внѣшнимъ толчкомъ потенціальной энергіи. Но для занимающаго насъ теперь вопроса это неважно, а въ дальнѣйшемъ мы еще вернемся къ этому.

Digitized by Google

неразности *прежняго типа* должны исчезнуть, — и соотвѣтственно этому утрачиваются послѣдніе остатки зрительныхъ переживаній.

Противъ возможности переживаній при отсутствіи жизнеразностей центральнаго аппарата говорятъ также очень важныя біологическія соображенія. Съ точки зрѣнія современной біологіи психическія переживанія представляютъ систему *приспособленія;* между тѣмъ при «идеальномъ» равновѣсіи центральнаго аппарата онъ является «идеально» приспособленнымъ (для этого момента), ему не къ чему приспособляться, и психическая дѣятельность излишня. Вообще, при современномъ состояніи біологіи и психологіи врядъ ли кто-нибудь даже и станетъ особенно защищать идею возможности психическихъ переживаній, не связанныхъ съ колебаніями въ физіологической жизни нервной системы. Поэтому гораздо важнѣе для насъ другая сторона вопроса.

Существуетъ очень много случаевъ, когда мы съ увѣренностью можетъ принять наличность въ нашей нервной системѣ опредѣленныхъ жизнеразностей, и въ то же время въ психическомъ опытѣ соотвѣтственныхъ переживаній не оказывается. Таковы, напр., всѣ жизнеразности, выступающія во время глубокаго сна, наркоза и т. под. состояній. Въ бодрственномъ состояніи нерѣдко тоже, особенно при сильной концентраціи вниманія на одной мысли или объектѣ, остаются «незамѣченными», т.-е. внѣ психическаго опыта, многія внѣшнія воздѣйствія, которыя достаточно сильны, чтобы дойти до мозга и вызвать тамъ жизнеразность. Иногда бываетъ даже такъ, что человѣкъ, который «сильно задумался», цѣлесообразно реагируетъ на внѣшнее вліяніе, совершенно «не сознавая» этого, напр., поправляетъ безпорядокъ своего костюма, отодвигается отъ открытаго окна, «самъ не замѣчая» своихъ дѣйствій. Здѣсь уже имѣется не только жизнеразность, но на ея почвѣ и «высказываніе», однако связанныхъ съ нею переживаній въ полѣ психическаго опыта нѣтъ. Всѣ подобные факты приводятъ, повидимому, ко вполнѣ опредѣленному выводу: жиз-

Digitized by Google

неразности не всегда связаны съ соотвѣтственными переживаніями. Если остановиться на этомъ выводѣ, то опять теряется возможность обобщающаго, стройнаго, словомъ — монистическаго описанія жизни въ ея психическихъ и физическихъ проявленіихъ.

Для рѣшенія вопроса необходима *критика психическаго опыта*, т.-е. выясненіе границъ психическаго опыта и его объективнаго познавательнаго значенія.

IV.

Міръ психическаго опыта личности представляетъ изъ себя очень сложную, но связную систему переживаній. Каждое изъ нихъ болѣе или менѣе прочно объединяется съ другими такъ называемой «ассоціативной» связью, и лишь въ этой связи является частью психическаго опыта. То, что внѣ ея, внѣ психическаго опыта; то, что выпало изъ ея рамокъ, выпало изъ рамокъ психическаго опыта. Таковы безчисленныя «забытыя» переживанія, когда-то входившія въ данную систему, но утратившія свою связь съ нею. Человѣкъ самъ ничего о нихъ не зналъ бы, если бы они снова, уже косвеннымъ путемъ, не вводились въ сферу его опыта: высказыванія другихъ людей сообщаютъ ему объ его прежнихъ высказываніяхъ, съ которыми необходимо должны были соединяться соотвѣтственныя психическія переживанія. Такъ узнаетъ человѣкъ, напр., о большей части своихъ переживаній, относящихся къ первымъ годамъ его жизни.

Какъ видимъ, границы психическаго опыта совпадаютъ съ границами той опредѣленной связи переживаній, которую психологи называютъ «связью ассоціацій». Связь эта отнюдь не является постоянной и однородной во всѣхъ частяхъ системы опыта, а выступаетъ въ самыхъ различныхъ степеняхъ устойчивости и прочности. Есть комплексы переживаній, настолько прочно связанные со всѣми остальными, что ихъ разрушеніе или выпаденіе сразу дезорганизуетъ всю систему; таковъ слож-

Digitized by Google

ный комплексъ органическихъ ощущеній, воспоминаній, стремленій, называемый «я». Есть другіе комплексы, соединеніе которыхъ съ остальными не такъ прочно и не такъ существенно для сохраненія системы, но которые фактически неопредѣленно долго въ ней сохраняются, время отъ времени всплывая при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ; они-то главнымъ образомъ и составляютъ то, что въ обыкновенной рѣчи называютъ «жизненнымъ опытомъ» человѣка (въ психологіи—область «привычныхъ ассоціацій»). Есть далѣе такіе комплексы, связь которыхъ съ остальной системой слаба и мимолетна; они возникаютъ, нѣсколько разъ всплываютъ въ полѣ сознанія и затѣмъ исчезаютъ безъ слѣда, заполняя собою громадную область пережитого—забытаго. Есть еще иного рода переживанія, соединеніе которыхъ съ системой опыта до того непрочно и неуловимо, что они только на моментъ входятъ въ поле психической жизни и совсѣмъ не попадаютъ въ область памяти — даже на время, — такъ что констатируются вообще только косвеннымъ путемъ. И это, какъ увидимъ, еще не предѣлъ; но прежде, чѣмъ итти дальше, остановимся немного на этой группѣ переживаній.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ наше воспріятіе окружающей среды бываетъ крайне неполно. Нѣкоторыя части среды «привлекаютъ наше вниманіе» и отчетливо выступаютъ въ полѣ сознанія, въ опредѣленной координаціи съ другими сознаваемыми переживаніями, входя такимъ образомъ въ систему психическаго опыта; другія части «ускользаютъ отъ вниманія», не входятъ въ общую координацію, а остаются для психическаго опыта какъ бы несуществующими («todte Werte», по выраженію Авенаріуса). Однако, нельзя сказать, чтобы онѣ вовсе не воспринимались, и нельзя даже принять, чтобы соотвѣтственныя воспріятія совершенно пропадали для психическаго опыта. Иногда случается, что, спустя нѣкоторое время человѣкъ при какихъ-нибудь необычныхъ условіяхъ, напр., при ненормальномъ возбужденіи, вспоминая данное событіе съ его обстановкой, въ полѣ воспоминанія находитъ, кромѣ фак-

Digitized by Google

товъ, занимавшихъ его сознаніе въ моментъ событія, также нѣкоторыя въ то время ускользнувшія отъ него частности, при чемъ эти прежде «мертвыя» переживанія воскресаютъ съ большой яркостью. Однако, если бы не возникли необычайныя условія, которыя повели къ воскрешенію «мертвыхъ величинъ», онѣ остались бы мертвыми и никогда не попали бы въ сферу психическаго опыта. Такъ это чаще всего и бываетъ. Пройдитесь, напр., по незнакомой вамъ улицѣ съ большимъ движеніемъ публики, массой товаровъ въ витринахъ, съ яркими вывѣсками,—вы получите милліоны впечатлѣній, а, между тѣмъ, много ли изъ нихъ вы сами въ это время «замѣтите» и много ли изъ этихъ послѣднихъ «вспомните» еще когда-нибудь?

Теперь предположимъ, что вы идете по той же улицѣ, но въ глубокой задумчивости, всецѣло погруженный въ рѣшеніе трудной математической задачи; до окружающаго вамъ «нѣтъ никакого дѣла», оно для васъ не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, вы ведете себя такъ, какъ если бы видѣли и слышали все происходящее вокругъ васъ; вы даете дорогу дамамъ, обходите ѣдущихъ извозчиковъ, извиняетесь, если кто-нибудь васъ толкнетъ... Для посторонняго наблюдателя все это—высказыванія, за которыми должны скрываться *переживанія*. Но высказыванія эти, какъ говорится, «машинальны», въ нихъ «нѣтъ души». Значитъ ли это, что они пусты, что они возникаютъ безъ всякихъ переживаній? Конечно, нѣтъ; но тѣ переживанія, которыя въ нихъ выражаются, остаются *внѣ организованной системы* психической жизни; это—изолированныя переживанія, и о нихъ мы ничего не можемъ знать изъ *непосредственнаго* психическаго опыта.

Въ такомъ изолированномъ положеніи оказываются во многихъ патологическихъ случаяхъ цѣлые обширные комплексы и послѣдовательности переживаній, и иногда вовсе не слабыхъ, а очень интенсивныхъ, если судить по энергіи, высказываній. Вы наблюдаете лунатика и видите, что онъ предпринимаетъ рядъ дѣйствій, сложныхъ и хорошо координированныхъ, объединенныхъ, повидимому, опредѣленной цѣлью, словомъ—про-

Digitized by Google

текающихъ въ такой гармоніи и послѣдовательности, какъ это бываетъ при обычныхъ условіяхъ на почвѣ широкой ассоціативной связи психическихъ переживаній. Изъ послѣдующихъ высказываній больного, наступающихъ по его пробужденіи, вы узнаете, что вся его ночная жизнь совершенно не существуетъ для его психическаго опыта. Сдѣлаете ли вы изъ этого тотъ выводъ, что всѣ проявленія лунатизма «вполнѣ механичны», что никакихъ переживаній съ ними не было связано? Но какъ примирить съ этимъ тотъ фактъ, что лунатикъ въ своихъ движеніяхъ тщательно *различалъ* мельчайшія условія среды, что онъ, идя по карнизу, гдѣ никогда не ходилъ наяву, очень искусно уравновѣшивалъ свое тѣло и умѣлъ ставить ногу именно такъ, какъ того требовали неровности его ненадежной дорожки? Нѣкоторые лунатики въ своемъ странномъ снѣ пишутъ письма, т.-е. вступаютъ въ общеніе съ другими людьми съ цѣлью вызвать въ нихъ опредѣленныя переживанія. Легко ли представить себѣ, что все это—чистый автоматизмъ? Но тогда не было бы никакого основанія относиться иначе и ко всѣмъ обычнымъ, нормальнымъ высказываніямъ другихъ людей, пришлось бы во всѣхъ, кромѣ себя, видѣть оригинально устроенныя машины съ разнообразными и сложными движеніями. При этомъ потеряло бы всякій смыслъ общеніе людей, а съ нимъ исчезла бы почва и вообще для объективнаго познанія.—Нѣтъ никакой надобности создавать такія безцѣльныя и безысходныя познавательныя противорѣчія; необходимо только принять, что нѣкоторыя группы переживаній протекаютъ внѣ связи психическаго опыта, образуя обособленныя частныя координаціи, въ томъ же смыслѣ чуждыя главной системѣ координаціи психическихъ переживаній даннаго лица, въ какомъ чужды ей психическія переживанія другихъ людей *).

*) Иногда ночная жизнь лунатика не вполнѣ изолируется отъ его психическаго опыта: человѣкъ неясно вспоминаетъ потомъ о нѣкоторыхъ своихъ сомнабулическихъ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ, какъ о видѣнномъ сновидѣніи. Такіе промежуточные, переходные случаи являются, конечно, только лишнимъ

Digitized by Google

Яркій примѣръ того, насколько въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть интенсивны переживанія, лежащія за предѣлами психическаго опыта, представляютъ психо-эпилептическіе припадки. Вмѣсто того, чтобы биться на землѣ въ страшныхъ судорогахъ, не имѣющихъ и тѣни цѣлесообразности, эпилептикъ иногда совершаетъ рядъ дѣйствій, повидимому, сознательныхъ, стихійно-энергичныхъ, направленныхъ нерѣдко къ непосредственному разрушенію окружающаго, и тогда потрясающе-ужасныхъ въ своей дикой неудержимости. Сила этихъ «высказываній» говоритъ намъ о громадной интенсивности скрывающихся за ними переживаній; но отъ всего этого въ полѣ психическаго опыта не остается никакихъ слѣдовъ, если не считать послѣдующаго чувства утомленія и какъ бы разбитости организма.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обширныя группы переживаній, отдѣленныя отъ главной системы психическаго опыта, образуютъ сложныя и устойчивыя координаціи того же типа, какъ и эта главная система, въ которую онѣ не вошли. Тогда передъ нами получается то, что въ психо-патологіи называютъ «раздвоеніемъ личности». Это своеобразное явленіе—наличность двухъ, а иногда и болѣе психическихъ особей въ соединеніи съ одной, повидимому, особью физіологической—во многомъ остается еще загадкою и породило цѣлый рядъ взаимно противорѣчащихъ попытокъ научнаго объясненія; но для вопроса о критикѣ психическаго опыта имѣетъ значеніе только фактическая сторона дѣла, независимо отъ ея освѣщенія той или другой гипотезою. Существуютъ достаточно точныя наблюденія и вполнѣ установленные факты, въ которыхъ совершенно ясно выступаетъ явленіе широкой и сложной организаціи переживаній за предѣлами данной системы

подтвержденіемъ принимаемой нами точки зрѣнія: колебаніе границъ непосредственнаго психическаго опыта указываетъ на то, что и за его предѣлами есть еще аналогичныя ему переживанія.

Digitized by Google

психическаго опыта, но въ связи съ тѣмъ же нервнымъ аппаратомъ, съ которымъ она функціонально связана.

Въ наиболѣе типичныхъ и развитыхъ случаяхъ этого рода, каковы, напр., часто цитируемые случаи д-ра Azam'a, Camuset, Mac-Nisch'a, дѣло происходитъ такъ. Вся психика больного періодически измѣняется, переходя отъ одного состоянія къ другому и обратно,—иногда такихъ различныхъ состояній бываетъ и больше двухъ,—при чемъ явнымъ образомъ нарушается или даже прерывается прежняя ассоціативная связь психики, замѣняясь новою. Иногда больной при этомъ совершенно теряетъ даже всякое воспоминаніе о томъ, что онъ думалъ, говорилъ и дѣлалъ въ предыдущемъ своемъ состояніи,—такъ было, напр., въ случаѣ, описанномъ Mac-Nisch-емъ, и въ одномъ изъ двухъ состояній Фелиды, паціентки Azam'a; иногда воспоминанія сохраняются (другое состояніе Фелиды), но паціентъ чувствуетъ себя настолько психически измѣнившимся, что не можетъ признавать себя за ту же самую личность, которая была передъ этимъ. Мѣняется весь «характеръ» человѣка, его взгляды и манеры, и не только онъ самъ считаетъ себя «другимъ» человѣкомъ, но то же самое признаютъ и окружающіе—на основаніи общей картины его высказываній. Если воспоминаніе о предыдущей психической фазѣ сохраняется, то больной обозначаетъ ее выраженіями: «другой», «другой я» и т. п.; паціентка Dufay характеризовала свое первичное (нормальное) состояніе словами; «quand moi est bête». Если же предыдущая фаза совершенно забывается, а, между тѣмъ, это основная, «нормальная» фаза, соотвѣтствующая періоду до заболѣванія, то дѣло можетъ доходить до того, что больному приходится заново учиться читать, писать и считать, частью даже говорить, и заново знакомиться со всей окружающей обстановкой. Такъ было съ той американской дамой, о которой разсказываетъ Mac-Nisch: когда она приходила въ свое «второе состояніе», то знала только то, чему въ этомъ состояніи научилась.—Смѣна одной фазы другою происходитъ обыкновенно болѣе или менѣе рѣзко, ино-

Digitized by Google

гда сразу и неожиданно, иногда послѣ глубокаго сна, иногда послѣ своеобразнаго сумеречнаго состоянія.

Какъ ни истолковывать подобные факты—видѣть ли въ нихъ настоящую «множественность сознанія» или, слѣдуя другой гипотезѣ, обширные, растянутые во времени приступы истеріи со значительными амнезіями, перемѣною органическаго самочувствія и т. д.,—изъ нихъ можно съ несомнѣнностью сдѣлать одинъ выводъ: психическимъ опытомъ личности не исчерпывается вся сумма «переживаній», связанныхъ съ ея физіологическими процессами; за его предѣлами можетъ оставаться масса различныхъ переживаній, которыя въ обычныхъ случаяхъ бываютъ сравнительно изолированными и разбросанными, иногда же группируются въ сложныя единства, во многомъ аналогичныя главной системѣ психическаго опыта. Эти побочныя психическія группировки могутъ даже временно вытѣснять главную и вмѣсто нея господствовать надъ областью высказываній, что и даетъ поводъ къ представленію о «смѣнѣ личностей» въ упомянутыхъ нами наблюденіяхъ спеціалистовъ; аналогичную картину представляетъ также лунатизмъ и психо-эпилепсія. Въ другихъ же случаяхъ удается наблюдать высказыванія побочныхъ психическихъ группировокъ *одновременно и наряду* съ высказываніями главнаго «сознанія». Подобнаго рода факты также очень важны для вопроса о критикѣ психическаго опыта, и на нихъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Въ экспериментахъ, многократно производившихся надъ истеричными субъектами, удавалось получать сложныя, координированныя, строго цѣлесообразныя высказыванія въ отвѣтъ на такія возбужденія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «главнаго» сознанія личности. Вотъ самые типичные примѣры (изъ опытовъ П. Жанэ, Бинэ, Бабинскаго и др.).—Паціентка, страдающая мѣстными анэстезіями, между прочимъ, полной анэстезіей правой руки, помѣщена такимъ образомъ, что эта ея рука закрыта отъ нея ширмой. Въ руку вкладываютъ карандашъ, складываютъ пальцы такъ

Digitized by Google

какъ надо для писанья, и подкладываютъ бумагу. Такъ какъ паціентка не видитъ этого, а рука ея нечувствительна, то сама она ничего не знаетъ объ этомъ. Затѣмъ на тыльную сторону руки накладываютъ металлическую букву или какое-нибудь рельефное изображеніе,—и *нечувствительная* рука сама пишетъ карандашомъ эту букву или довольно точно вычерчиваетъ изображеніе. При этомъ детали изображенія воспроизводятся иногда съ такой точностью, которая указываетъ на настоящую тактильную гиперэстезію—въ нечувствительной рукѣ.—Въ другихъ опытахъ экспериментаторъ, помѣщавшійся сзади отъ паціентки, очень тихимъ голосомъ задавалъ ей вопросы въ то самое время, когда ея вниманіе было совершенно отвлечено оживленнымъ разговоромъ съ другими лицами; эти вопросы ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «сознанія» больной, и однако ея нечувствительная рука писала на нихъ отвѣты карандашомъ, между тѣмъ какъ «сама» больная даже не знала о томъ, что въ ея руку вложенъ карандашъ.

Подобные эксперименты производились съ успѣхомъ въ самыхъ различныхъ варіаціяхъ, напр., съ замѣной обычныхъ истерическихъ анэстезій—внушенными въ состояніи гипноза *). Тѣ высказыванія, которыя при этомъ получались, соотвѣтствуютъ, какъ видно изъ самой постановки экспериментовъ, не «сознанію» личности, не главной ея психической координаціи, а другимъ группировкамъ переживаній, «подсознательнымъ», существующимъ рядомъ съ главнымъ «сознаніемъ» и до извѣстной степени самостоятельно отъ него.

---

*) Измѣняя условія опыта, удавалось установить существованіе довольно тѣсной связи между „сознаніемъ“ и внѣ-сознательными координаціями: дѣйствуя на анэстезированную поверхность кожи, внушали „сознанію“ различныя представленія и даже галлюцинаціи; такъ, дѣлая незамѣтно для больного въ его нечувствительную кожу нѣсколько булавочныхъ уколовъ, предлагали ему задумать какое-нибудь число, и онъ на-

Digitized by Google

Въ сущности, съ этими фактами вполнѣ однородны всѣ «машинальныя» или «безсознательныя» высказыванія нормальныхъ людей, высказыванія, о которыхъ мы говорили раньше: цѣлесообразныя реакціи глубоко задумавшагося или вообще вполнѣ поглощеннаго чѣмъ-нибудь однимъ человѣка на постороннія возбужденія, которыхъ онъ не замѣчаетъ. У истеричныхъ субъектовъ эти явленія только сложнѣе и ярче, что находится въ очевидной связи съ обычнымъ суженіемъ поля главнаго сознанія, составляющимъ основную черту истеріи. «Подсознаніе истеричныхъ, какъ и «второе сознаніе» при періодической смѣнѣ личности, представляетъ изъ себя *отдѣльно организовавшуюся* систему переживаній, оставшихся за порогомъ нормальнаго психическаго опыта; въ большинствѣ же случаевъ такой отдѣльной организаціи не создается, переживанія внѣ главной системы протекаютъ изолированными группами, при чемъ иногда *косвенно* вступаютъ въ связь съ этой системой путемъ высказываній, наблюдаемыхъ другими людьми, или оставляющихъ матеріальные слѣды вродѣ написаннаго слова, рисунка, сломанной вещи и т. под.

Какъ видимъ, критика психическаго опыта, основываясь на сопоставленіи его съ опытомъ объективнымъ, показываетъ, что область «непосредственныхъ переживаній», связанныхъ съ физіологическимъ процессомъ, гораздо шире области психическаго опыта, которая обнимаетъ лишь одну систему такихъ переживаній, не захватывая ни побочныхъ, до извѣстной степени самостоятельно организующихся системъ, ни частныхъ изолированныхъ группъ, ни изолированныхъ отдѣльныхъ пе-

---

зывалъ именно число сдѣланныхъ уколовъ; прикладывали къ нечувствительной кожѣ затылка рельефное металлическое изображеніе, и у больного получался соотвѣтствующій этому изображенію зрительно-галлюцинаторный образъ, и т. под.—Эта связь „сознанія“ и „внѣ-сознательныхъ впечатлѣній“ соотвѣтствуетъ, очевидно, *жизненному единству организма*, хотя она и не есть *непосредственная* ассоціативная связь, какая выступаетъ въ полѣ сознанія.

Digitized by Google

реживаній. Соотвѣтственно этому, должно быть расширено понятіе о «непосредственныхъ переживаніяхъ» для рѣшенія вопроса о связи ихъ съ физіологической жизнью.

Насколько же именно слѣдуетъ расширить это понятіе? Прежде всего очевидно, что надо принять наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются высказыванія, хотя и оставшіяся внѣ связи личнаго психическаго опыта.—Но за высказываніями скрываются *жизнеразности*, именно тѣ изъ нихъ, которыя настолько значительны, чтобы въ достаточной степени нарушить равновѣсіе двигательныхъ центровъ и вызвать изъ нихъ достаточно сильный потокъ энергіи (въ видѣ иннерваціи) по направленію къ периферіи. Между тѣмъ психическій опытъ сообщаетъ намъ о громадной массѣ такихъ переживаній, которыя не выражаются въ высказываніяхъ, потому что связаны съ болѣе слабыми жизнеразностями, неспособными вызвать внѣшнія движенія. Если это такъ, то мы должны принять, что и за предѣлами психическаго опыта «непосредственныя переживанія» существуютъ не только тамъ, гдѣ они выражаются въ замѣтныхъ движеніямъ, но и тамъ, гдѣ соединенныя съ ними жизнеразности недостаточно для этого значительны. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что *область „непосредственныхъ переживаній“ человѣка, въ сферѣ психическаго опыта и за его предѣлами, совпадаетъ съ областью жизнеразностей центральнаго нервнаго аппарата.*

Принявши такую точку зрѣнія, мы не можемъ избѣгнуть вопроса, въ какихъ же случаяхъ переживанія входятъ въ сферу психическаго опыта и въ какихъ нѣтъ? Какія жизнеразности имѣютъ ближайшее отношеніе къ психическому опыту и какія нѣтъ? Отвѣтъ можетъ основаться только на анализѣ основныхъ психо-физіологическихъ данныхъ, касающихся этого вопроса.

Digitized by Google

V.

По своей основной характеристикѣ, психическій опытъ есть система опредѣленныхъ связей, именно ассоціативныхъ. Поэтому переживанія «внѣ опыта», это—тѣ, которыя не попали въ данную систему связей, тѣ, которыя остались изолированными отъ главнаго потока переживаній. Ассоціативная цѣпь воспоминаній, представленій, стремленій, возбуждаемыхъ всякимъ даннымъ переживаніемъ, выражаетъ собою, съ физіологической точки зрѣнія, отраженныя, вторичныя жизнеразности, вызванныя тѣмъ, что первоначальное нарушеніе равновѣсія распространяется по нервному аппарату, порождая въ различныхъ его частяхъ колебанія различной интенсивности и различной формы. Если жизнеразность изолированно протекаетъ въ нѣкоторыхъ элементахъ нервнаго аппарата, не вызывая отзвука въ остальныхъ, то соотвѣтственное переживаніе также должно оказаться внѣ связи психической жизни, потому что нѣтъ промежуточныхъ (ассоціативныхъ) звеньевъ, которыя вводили бы его въ эту связь. Эти общія соображенія еще болѣе подтверждаются, если разсмотрѣть типичные случаи жизнеразностей, не связанныхъ съ психическимъ опытомъ.

Громадное большинство наиболѣе слабыхъ раздраженій, дѣйствующихъ на организмъ человѣка, совершенно «не замѣчаются» въ сферѣ сознанія, не порождаютъ доступныхъ психическому опыту ощущеній. И это вполнѣ понятно: очень слабыя жизнеразности не выходятъ изъ предѣловъ ограниченнаго числа непосредственно затронутыхъ элементовъ, такъ какъ нервные проводники представляютъ извѣстное сопротивленіе передачѣ энергетическихъ колебаній. Но въ *нѣкоторыхъ* спеціальныхъ случаяхъ такія же слабыя раздраженія находятъ доступъ въ поле сознанія; и это также физіологически вполнѣ понятно: нервныя клѣтки сами въ себѣ заключаютъ, какъ аккумуля-

Digitized by Google

торы, запасъ потенціальной нервной энергіи, для разряженія которой достаточно иногда и очень слабой жизнеразности, пришедшей извнѣ, а разряженіе это само можетъ составлять уже гораздо болѣе крупную жизнеразность, съ гораздо болѣе широкимъ кругомъ послѣдовательныхъ колебаній въ другихъ частяхъ нервнаго аппарата.

Какъ извѣстно, человѣкъ дѣлается воспріимчивѣе къ опредѣленнымъ слабымъ раздраженіямъ именно тогда, когда его «вниманіе» направлено къ ихъ воспріятію. Съ точки зрѣнія наиболѣе принятыхъ теорій вниманія (вазомоторно-мускульныхъ), актъ вниманія всегда связанъ съ повышеннымъ питаніемъ тѣхъ элементовъ центральнаго аппарата, которые находятся въ дѣятельномъ состояніи. Вы, положимъ, желаете разсмотрѣть детали отдѣльнаго предмета и внимательно въ него вглядываетесь; это означаетъ, что ваша сосудодвигательная система, путемъ расширенія мелкихъ сосудовъ, питающихъ дѣятельные участки мозга, направляетъ къ этимъ участкамъ, за счетъ другихъ, наибольшую сумму питанія. Такимъ путемъ въ соотвѣтственныхъ оптически-мозговыхъ клѣткахъ быстро накопляется потенціальная энергія, и онѣ превращаются въ заряженные аппараты, при малѣйшемъ внѣшнемъ толчкѣ разряжающіеся какъ бы взрывомъ энергіи, вызывающимъ вторичныя колебанія во многихъ пунктахъ центральной системы. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ въ общую координацію психическаго опыта попадаютъ даже сравнительно очень небольшія свѣтовыя раздраженія, соотвѣтствующія мелкимъ деталямъ воспринимаемой картины. Естественно также и то, что для остальныхъ частей мозга, питаніе которыхъ, наоборотъ, понижено по сравненію съ обычными условіями, энергія которыхъ уменьшена, требуются болѣе значительныя жизнеразности, чтобы вызвать передачу колебанія въ различныхъ направленіяхъ на обширныя области центральной системы; и потому въ сферѣ, напр., тактильныхъ и слуховыхъ, а также не захваченныхъ актомъ вниманія зрительныхъ ощущеній, остаются «незамѣтными» для сознанія такія раздраженія, которыя

Digitized by Google

непремѣнно были бы «замѣчены» если бы не было «отвлечено вниманіе».

Во время глубокаго сна, наркоза, обморока постоянно наблюдается пониженное питаніе мозга—его анемія, слабое кровяное давленіе, медленность тока крови (вслѣдствіе уменьшенной работы сердца). При этомъ, очевидно, въ кортикальныхъ клѣткахъ-аккумуляторахъ напряженіе собственной энергіи очень понижено, и достигающія ихъ возбужденія порождаютъ лишь мелкія жизнеразности, неспособныя широко разлиться въ мозговой корѣ. Кромѣ того, при обыкновенномъ снѣ, наступающемъ послѣ дневного утомленія, связи центральнаго аппарата бываютъ, повидимому, нарушены вслѣдствіе другой еще причины: за время бодрствованія въ клѣткахъ и проводникахъ скопляются различные продукты жизненнаго распада дѣятельныхъ тканей, такъ что вслѣдствіе измѣненія химическаго состава возбудимость клѣтокъ и проводимость проводниковъ очень значительно ослабляются. Возникающія жизнеразности такимъ образомъ остаются изолированными — и то же относится къ соотвѣтственнымъ переживаніямъ.

Впрочемъ, во снѣ, благодаря неравномѣрному распредѣленію питанія, а также сравнительно сильнымъ раздраженіямъ и прочимъ случайнымъ комбинаціямъ условій, легко наступающимъ въ такой сложной системѣ, нѣкоторыя жизнеразности оказываются достаточно велики, чтобы вызвать рядъ вторичныхъ колебаній; тогда получаются сновидѣнія. Распространеніе вторичныхъ колебаній при этомъ можетъ происходить и не по обычнымъ путямъ, а по тѣмъ проводникамъ, которые, такъ сказать, наименѣе засорены продуктами жизнедѣятельности тканей; вѣроятно, въ зависимости отъ этого находится обычная безсвязность сновидѣній, нелѣпыя превращенія, которыя въ нихъ выступаютъ, и т. под. *). При лунатизмѣ же

*) Вполнѣ аналогичны явленія при наркозѣ—тамъ имѣется, съ одной стороны, отравленіе нервныхъ элементовъ, понижающее ихъ возбудимость и проводимость, съ другой стороны—

Digitized by Google

дѣло идетъ, очевидно, о вторичной, особой системѣ физіологическихъ связей, въ нормальномъ состояніи не функціонирующей, а выступающей во время сна, когда главная система подавлена дневнымъ утомленіемъ. Психически это должно выражаться во второй, болѣе узкой координаціи, подобной системѣ психическаго опыта. Въ несравненно болѣе развитой формѣ является эта вторая система при «раздвоеніи сознанія». Тамъ она достигаетъ такой сложности и приспособленности, что можетъ надолго замѣнять первичную, главную систему въ управленіи жизнедѣятельностью организма, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ шагъ за шагомъ совсѣмъ вытѣсняетъ главную систему, при чемъ послѣдняя атрофируется (какъ это было у больной Azam'a).

Связь явленій гипноза съ необычнымъ состояніемъ питанія мозга несомнѣнна: ослабленный пульсъ, нѣкоторое поблѣднѣніе лица, головная боль въ случаѣ рѣзкаго пробужденія указываютъ на анемическое состояніе мозга при пониженномъ давленіи крови. Поле «сознанія» чрезвычайна сужено, но такъ какъ «сознаніе» сохраняется, то можно предполагать, что питаніе коры понижено не такъ равномѣрно повсюду, какъ, положимъ, при глубокомъ снѣ. Неравномѣрность эта выражается особенно ярко въ фактахъ внушенія; при общемъ ослабленіи и дезорганизаціи жизни мозга, путемъ повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, напр., высказываній гипнотизирующаго лица, поддерживается работа *нѣкоторыхъ* элементовъ мозга, и тогда эта работа происходитъ именно въ такой

пониженіе кровяного давленія, а, стало-быть, и питанія. Чѣмъ слабѣе наркотическое средство понижаетъ кровяное давленіе, тѣмъ менѣе постоянно и надежно его снотворное дѣйствіе— не хватаетъ одного существеннаго момента, устраняющаго связность нервно-физіологической жизни. До сихъ поръ не удаются попытки фармакологовъ создать вѣрно-дѣйствующій наркотикъ, который угнеталъ бы систему кровообращенія не въ большей мѣрѣ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ нормальному сну.

Digitized by Google

связи, которая обусловливается этими воздѣйствіями, т.-е. внушеніями.

Тутъ много неяснаго и неизученнаго, но все указываетъ на возможность «психическихъ» группировокъ внѣ главной системы психическаго опыта. Экспериментаторамъ удается внушать полное забвеніе того, что пережилъ паціентъ за время гипнотическаго сна, при чемъ изъ сферы психическаго опыта искусственно вырываются цѣлые сложные ряды переживаній; удается внушить не видѣть или не слышать чего-нибудь въ послѣ-гипнотическомъ состояніи, и это выполняется съ большой точностью, указывающей на то, что организмъ хорошо различаетъ и обособляетъ «невидимые» предметы и «неслышимые» звуки, но соотвѣтственныя воспріятія остаются внѣ связи психическаго опыта и его высказываній; удается внушить сдѣлать что-либо въ опредѣленное время послѣ пробужденія, и въ назначенный моментъ *забытое* внушеніе съ непреодолимой силой вступаетъ въ поле психическаго опыта.— Словомъ, путемъ внушенія достигается до извѣстной степени произвольное обособленіе нѣкоторыхъ группъ переживаній отъ общей и главной ихъ системы, и введеніе ихъ вновь въ эту систему при произвольныхъ условіяхъ. Несомнѣнно, что всему этому соотвѣтствуютъ значительныя измѣненія въ питаніи всего мозга и отдѣльныхъ его частей, колебанія, слѣдовательно, какъ потенціальной энергіи нервныхъ клѣтокъ, такъ и проводимости нервныхъ волоконъ, вообще—условія, измѣняющія систему связей нервнаго аппарата, измѣняющія границы и направленіе передачи въ немъ возникающихъ жизнеразностей. Такимъ образомъ, и здѣсь есть всѣ основанія предполагать, что группировкамъ переживаній соотвѣтствуютъ группировки жизнеразностей и наоборотъ.

Во всякомъ случаѣ, нервный аппаратъ представляетъ одно жизненное цѣлое, и потому врядъ ли въ немъ возможны *безусловно* обособленныя группировки связей, такъ что врядъ ли возможны и безусловно отдѣльныя группировки переживаній. Тѣ комбинаціи переживаній, которыя не входятъ въ глав-

Digitized by Google

ную ихъ систему, состоятъ изъ частей, которыя сами входятъ въ эту систему, только въ иныхъ сочетаніяхъ. Если бы это было не такъ, намъ не были бы понятны высказыванья, связанныя съ такими «внѣ-сознательными» группами переживаній. Когда, напр., лунатикъ совершаетъ разныя дѣйствія, довольно обычныя для него и наяву, то совершенно ясно, что за этими дѣйствіями скрываются цѣлыя довольно сложныя ассоціаціи переживаній, которыя при иныхъ соотношеніяхъ фигурируютъ и въ главномъ полѣ психическаго опыта, въ «полѣ сознанія». Въ другихъ случаяхъ—при мелкихъ «безсознательныхъ» реакціяхъ, напр. человѣка сильно задумавшагося, дѣло идетъ о болѣе узкихъ группахъ переживаній и о сравнительно простыхъ психическихъ комбинаціяхъ, которыя при иныхъ условіяхъ выступаютъ цѣликомъ въ «полѣ сознанія». И наконецъ даже тѣ внѣ опытныя переживанія, которыя наиболѣе несложны и слабы, такъ что вовсе не выражаются внѣшнимъ образомъ, — даже они, соотвѣтствуя жизнеразностямъ различныхъ частныхъ органовъ и клѣтокъ нервнаго аппарата, слагаются во всякомъ случаѣ изъ тѣхъ же *элементовъ*, изъ какихъ и всѣ переживанія психическаго опыта.

Здѣсь мы пришли, въ сущности, къ тавтологическому положенію. Какъ выяснено новѣйшей позитивной философіей, элементы психическаго опыта тожественны съ элементами всякаго опыта вообще, такъ какъ тожественны съ элементами опыта физическаго. Элементы опыта—цвѣтовые, иннерваціонные, тактильные, акустическіе и проч.—элементы краснаго и зеленаго, элементы протяженія, элементы твердаго и мягкаго, теплаго и холоднаго, элементарные тоны и т. д., одинаково образуютъ и «тѣла» объективнаго, физическаго міра, и воспріятія, образы, представленія—міра психическаго. Разница только въ типѣ группировки, въ характерѣ связи, которая является въ одномъ случаѣ—связью объективной закономѣрности, въ другомъ—связью ассоціацій. Такимъ образомъ, вообще не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы «внѣ-психическія» переживанія, соотвѣтствующія изолированнымъ нервнымъ

Digitized by Google

процессамъ человѣческаго организма, по элементарному составу отличались отъ тѣхъ, которыя входятъ въ систему психическаго опыта. Надо только прибавить, что и *типъ группировки элементовъ въ тѣхъ и другихъ переживаніяхъ одинаковый*, *именно*, *ассоціативный*, какъ съ несомнѣнностью можно заключить изъ соотвѣтствующихъ тѣмъ и другимъ высказываній.

Вполнѣ очевидно, что съ нашей точки зрѣнія теряетъ всякое принципіальное значеніе различіе между «центрами сознанія» и «центрами безсознательныхъ реакцій». Если какія-нибудъ жизнеразности въ своемъ распространеніи не выходятъ за предѣлы спинного мозга или отдѣльнаго нервнаго узла, симпатической, напр., системы, то соотвѣтственныя переживанія останутся «внѣ-сознательными» именно въ томъ смыслѣ, что они принадлежатъ *не къ той* координаціи переживаній, которая образуетъ нашъ «психическій опытъ». И такъ какъ жизнеразности центральнаго аппарата слагаются изъ жизнеразностей отдѣльныхъ клѣтокъ, то съ полнымъ основаніемъ можно принять, что всюду, гдѣ имѣется нервная клѣтка и гдѣ возникаетъ въ ней жизнеразность, существуетъ также нѣчто вполнѣ аналогичное нашимъ «непосредственнымъ переживаніямъ», хотя бы очень простое и слабое по сравненію съ обычнымъ содержаніемъ поля нашего сознанія.

Но этого мало. Нервная клѣтка, въ процессѣ индивидуальной эволюціи, есть результатъ развитія и дифференціаціи клѣтки эмбріональной, а весь психо-физическій организмъ въ біологическомъ процессѣ—результатъ эволюціи самостоятельной клѣтки типа protozoa. Развитіе не можетъ создавать ничего новаго *по существу*, а только новыя и болѣе сложныя комбинаціи того, что *въ видѣ элементовъ* имѣлось и раньше. Поэтому всюду, гдѣ есть живая клѣтка, мы должны — если признаемъ законъ единообразія природы—принимать нѣчто принципіально-однородное съ нашими психическими переживаніями. Нѣтъ жизни безъ переживаній, нѣтъ «чисто физіологической жизни». Такъ устраняется тотъ невозможный, го-

Digitized by Google

ловокружительный скачокъ, который создаютъ мыслители типа Du-Bois-Reymond'а въ образѣ «перваго ощущенія», возникающаго въ лѣстницѣ біологическаго процесса.

Но не является ли зато неизбѣжнымъ такой скачокъ тамъ, гдѣ *жизнь* возникаетъ изъ неорганическихъ процессовъ? Конечно, нѣтъ. Для насъ не существуетъ иной природы, кромѣ той, которая состоитъ изъ *элементовъ*, и эти элементы, при всемъ ихъ разнообразіи, одни и тѣ же въ опытѣ физическомъ и психическомъ, а тѣмъ болѣе въ природѣ неорганической и органической. Жизнь есть опредѣленная *организація* этихъ элементовъ, а неорганическій міръ есть иная ихъ комбинація, не обладающая никакой или только низшей организованностью. Только наша способность отвлеченія дѣлаетъ неорганическую природу «безжизненной», что совершенно не соотвѣтствуетъ всему смыслу нашего опыта, такъ какъ эта же неорганическая природа есть необходимая часть *нашей собственной жизни*. Непрерывное превращеніе въ живыхъ организмахъ неорганическаго матеріала въ составную часть самихъ этихъ организмовъ, возможность постояннаго обновленія жизни изъ безжизненнаго съ очевидностью говоритъ намъ, что здѣсь дѣло идетъ только о различіяхъ комбинацій, объ измѣняющихся отношеніяхъ, но не о тѣхъ абсолютныхъ различіяхъ, которыя такъ дороги метафизикамъ. Матеріалъ сознанія, жизни, всей природы всюду одинъ; группировки его различны. Развитіе жизни всегда означаетъ одно и то же: это *возрастаніе организованности* въ группировкѣ элементовъ.

Не пришли ли мы тутъ къ панпсихизму, къ представленію всей природы по типу человѣческаго сознанія? Всего меньше. Природа не есть нѣчто «психическое»; это станетъ ясно, если хорошо понять, что именно называется «психическимъ». Психическое вовсе не «субстанція», а только *отношеніе*. Это— опредѣленная *связь* явленій, опредѣленная *закономѣрность* опыта. Когда «элементы» опыта выступаютъ для насъ въ объективной, общезначимой закономѣрности, мы называемъ ком-

Digitized by Google

плексы этихъ элементовъ «физическими тѣлами», когда закономѣрность иная, необъективная, необщезначимая (именно, ассоціативная), мы называемъ комплексы «психическими». *Элементы* не имѣютъ ни физическаго, ни психическаго характера; они *внѣ* этихъ опредѣленій. Панпсихизмъ, для котораго вся природа слагается изъ психическихъ комплексовъ, который «объясняетъ» физическое черезъ психическое, выражаетъ, слѣдовательно, тенденцію свести объективную закономѣрность явленій къ субъективной связи; это стремленіе въ высшей степени анти-научное. Идеалъ науки діаметрально противоположенъ этому: сведеніе всякой субъективной связи къ объективной закономѣрности. Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ былъ всегда несравненно ближе къ прогрессивнымъ тенденціямъ науки; но онъ шелъ недостаточно далеко въ анализѣ дѣйствительности и вмѣсто прямыхъ элементовъ опыта — физическаго и психическаго — подставлялъ сложные комплексы, называемые «матеріей». Разсматривая же эти комплексы исключительно съ точки зрѣнія объективной закономѣрности, онъ былъ вѣренъ духу научнаго познанія и потому представлялъ ближайшую степень къ научному міровоззрѣнію. Онъ былъ болѣе объективенъ и позитивенъ, чѣмъ спиритуалистическія направленія, но еще недостаточно объективенъ и позитивенъ. Истина и здѣсь, какъ бываетъ обыкновенно, была не въ «золотой серединѣ» между сталкивающимися направленіями, а внѣ ихъ обоихъ. Прогрессивное мышленіе нашего времени къ борьбѣ матеріализма и спиритуализма относится приблизительно такъ же, какъ къ происходившей нѣкогда борьбѣ протестантизма и католицизма: считая одно изъ двухъ направленій «болѣе истиннымъ», оно и имъ, однако, не можетъ удовлетворяться.

Возвращаемся къ нашей главной темѣ. На основаніи всего изложеннаго мы принимаемъ наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются жизнеразности органическихъ процессовъ. Связь переживаній съ жизнеразностями мы признаемъ постоянной, однообразной. Теперь постараемся точнѣе опредѣлить характеръ этой связи.

Digitized by Google

В. Психоэнергетика.

I.

Прежде всего, намъ надо отчетливо установить самое понятіе «жизнеразности». Дѣло въ томъ, что Авенаріусъ, создавшій это понятіе, придалъ ему формулировку, на нашъ взглядъ, совершенно неудовлетворительную съ біологической точки зрѣнія. Въ его формулировкѣ чувствуются остатки консервативнаго, статическаго пониманія жизни, того, которое шагъ за шагомъ устраняется въ развитіи эволюціоннаго мышленія. Эти остатки достаточно выяснить, чтобы отбросить.

Въ основѣ явленій жизни лежитъ подвижное равновѣсіе энергіи, двусторонній потокъ между жизненной системой и ея средою. Ассимиляція, усвоеніе энергіи изъ внѣшней среды идетъ рядомъ съ дезассимиляціей, потерей энергіи, ея разсѣяніемъ въ этой же средѣ. Полное равновѣсіе обоихъ потоковъ во всѣхъ частяхъ системы есть случай идеальнаго консерватизма; такого консерватизма нельзя найти въ дѣйствительности, но онъ—удобная абстракція, которая всего лучше можетъ служить исходной точкой изслѣдованія. Всякій реальный процессъ жизни представляетъ рядъ непрерывныхъ нарушеній идеальнаго консерватизма, то въ одну, то въ другую сторону.

Норма идеальнаго консерватизма жизни сама есть *величина непрерывно измѣняющаяся*. Каждый моментъ прино-

Digitized by Google

ситъ какое-нибудь, хотя бы ничтожное, измѣненіе во внутреннихъ отношеніяхъ системы; въ каждое послѣдующее мгновеніе она уже не вполнѣ та, что въ предыдущее. Это вполнѣ очевидно, если представить себѣ рядомъ цѣлые обширные періоды жизненнаго цикла: равновѣсіе жизни для ребенка не то же, что для старика; для юноши не то же, что для зрѣлаго человѣка. А такъ какъ превращеніе совершается непрерывно, то и безконечно-малыя измѣненія каждаго момента хотя незамѣтны, но несомнѣнны.

Пусть равновѣсіе жизни въ теченіе нѣкотораго времени нарушается въ пользу ассимиляціи: она преобладаетъ надъ затратами энергіи. Затѣмъ въ извѣстный моментъ обѣ стороны жизненнаго процесса уравниваются. Идеальное равновѣсіе возстанавливается, но это—уже не то равновѣсіе, какое было до нарушенія. Та общая сумма энергіи, которую представляетъ система, больше прежней: организмъ выросъ, ребенокъ сталъ юношей. Если бы система вернулась къ прежнему равновѣсію, это означало бы пониженіе жизни, деградацію. Поэтому идеальное (мыслимое) равновѣсіе системы вовсе не есть *идеалъ* жизни; или, вѣрнѣе, это идеалъ, но статическій, застойный, а не динамическій, прогрессивный. Въ анализѣ жизненныхъ колебаній нельзя упускать различія между возрастаніемъ и пониженіемъ энергіи системы, нельзя разсматривать оба случая, какъ принципіально однородные.—Но именно это дѣлаетъ Авенаріусъ.

Ему дѣло представляется такимъ образомъ. Въ теченіе, положимъ, сна въ жизненной системѣ *) накопляется, вслѣдствіе перевѣса «питанія» надъ «работой», избытокъ «питанія». Съ

*) Авенаріусъ занимается въ своемъ изложеніи только „системой С“, центральнымъ нервнымъ аппаратомъ, и даже большей частью составляющими его „частичными системами“ („Partialsystem“). Система С и для насъ представляетъ наибольшій интересъ, но, принимая принципіальную однородность жизненныхъ процессовъ, мы беремъ, расширяя задачу, болѣе общія формулировки.

Digitized by Google

избыткомъ «питанія» человѣкъ вступаетъ въ активную жизнь бодрствованія, и *жизненная задача* организма—установить равновѣсіе путемъ увеличенія «работы». Авенаріусъ не употребляетъ термина «жизненная задача», но именно таково его пониманіе даннаго процесса, потому что онъ считаетъ, что перевѣсъ «питанія» непрерывно уменьшаетъ «жизнесохранимость» системы („Vital-Erhaltungswert"), и только соотвѣтственнымъ возрастаніемъ «работы» это уменьшеніе «жизнесохранимости» можетъ быть сведено до minimum. Въ этомъ смыслѣ для него совершенно однородны оба случая—и перевѣсъ «питанія» надъ «работой», и перевѣсъ «работы» надъ «питаніемъ».

Прежде всего, намъ надо устранить изъ изслѣдованія грубоматеріалистическій и неточный терминъ «питаніе» („Ernährung"). Процессъ питанія есть только главный путь ассимиляціи внѣшней энергіи системою, но не единственный путь. Есть всѣ основанія думать, что энергія, напр., мелкихъ возбужденій, достигающихъ центральнаго аппарата по нервнымъ проводникамъ, можетъ ассимилироваться нервными клѣтками, повышая запасъ ихъ потенціальной энергіи. Терминъ «питаніе» безъ нужды затемняетъ дѣло, заставляя постоянно видѣть въ процессѣ жизненной ассимиляціи—усвоеніе матеріальныхъ частицъ, тогда какъ дѣло идетъ о потокѣ энергіи, для котораго такія частицы являются лишь одною изъ обычныхъ формъ.—Менѣе неудобенъ второй терминъ «работа»; но и онъ заставляетъ думать не о всѣхъ возможныхъ типахъ дезассимиляціи, а главнымъ образомъ объ одномъ—объ иннерваціонномъ процессѣ; и ужъ во всякомъ случаѣ съ нимъ трудно связать, напр., ту непрерывную затрату энергіи клѣтокъ, которая выражается въ разсѣяніи тепла; а игнорировать такіе пути дезассимиляціи нельзя, и нельзя окончательно отъ нихъ отвлечься, потому что жизненный процессъ есть прежде всего процессъ интегральный, динамическое цѣлое.

Перевѣсъ «питанія» надъ «работой» легко можно понимать въ такомъ смыслѣ, что жизненной системѣ доставляются извнѣ

Digitized by Google

запасы энергіи, которыхъ она не успѣваетъ ассимилировать, которые ее какъ бы загромождаютъ, нарушая теченіе ея жизнедѣятельности, вызывая усиленныя растраты ея энергіи. Въ этомъ истолкованіи «жизнеразность» съ перевѣсомъ «питанія» окажется, конечно, жизненно-вреднымъ фактомъ, и ея устраненіе необходимо, чтобы поддержать «жизнесохранимость». Но ясно, что самое понятіе «жизнеразности» примѣнено тогда неправильно. «Жизнеразность» есть разность двухъ жизненныхъ величинъ; но эти величины должны быть строго однородны—только тогда формула вычитанія имѣетъ научное значеніе. Если же сдѣлать уменьшаемымъ количество энергіи извнѣ доставленной системѣ, которую ей еще только предстоитъ ассимилировать, которая, слѣдовательно, является пока еще *чуждой*, *посторонней* для ея жизненнаго процесса, а вычитаемымъ—количество энергіи, которая затрачивается системою, энергіи, которая уже *принадлежитъ* системѣ, есть *ея собственная* энергія, то въ вычитаніи окажутся сопоставлены двѣ жизненно-разнородныя величины, и формула «жизнеразности» не имѣетъ научнаго значенія. Надо сопоставлять дѣйствительно происходящую ассимиляцію энергіи системою съ дѣйствительно происходящей дезассимиляціей — тогда только понятіе «жизнеразности» пригодно для анализа. Въ своихъ опредѣленіяхъ Авенаріусъ, несомнѣнно, склоняется къ послѣднему, болѣе научному понятію жизнеразности; но въ своихъ выводахъ онъ постоянно переходитъ къ первому, неточному понятію, и картина жизни системы С выступаетъ въ очень невѣрномъ освѣщеніи.

Для Авенаріуса представляется безспорнымъ, что перевѣсъ ассимиляціи надъ дезассимиляціей—мы назовемъ это «положительной» жизнеразностью, и перевѣсъ дезассимиляціи надъ ассимиляціей — жизнеразность отрицательная — имѣютъ принципіально одинаковое значеніе, именно—приближаютъ систему къ гибели или дегенераціи, словомъ — означаютъ *неприспособленность*. Съ біологической точки зрѣнія такой взглядъ, хотя до сихъ поръ еще очень распространенный между физіоло-

Digitized by Google

гами, представляется совершенно недопустимымъ; онъ противорѣчитъ и общей концепціи прогресса жизни, и конкретнымъ фактамъ развитія.

Положительная жизнеразность, преобладаніе ассимиляціи означаетъ во всякомъ случаѣ возрастаніе энергіи системы, именно потенціальной энергіи, которая можетъ затѣмъ тратиться въ жизненномъ процессѣ. Очевидно, что въ борьбѣ за жизнь система должна, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сохраняться тѣмъ дольше, побѣждать тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше энергіи она способна затратить на эту борьбу, чѣмъ выше сумма потенціальныхъ силъ, которыми располагаетъ система. Поэтому именно положительныя жизнеразности представляютъ изъ себя *количественную сторону біологическаго прогресса*. Наоборотъ, жизнеразность отрицательная, перевѣсъ затратъ энергіи, ведетъ къ пониженію потенціальной энергіи системы, къ уменьшенію ея силъ въ жизненной борьбѣ; это *количественная деградація системы*. Оба типа явленій взаимно противоположны по жизненному значенію, и ихъ нельзя ставить подъ одну скобку.

Всю первую половину жизненнаго цикла организма, отъ зарожденія до полной зрѣлости, съ полнымъ основаніемъ принято считать прогрессивной эволюціей, возрастаніемъ жизнеспособности организма, силы его сопротивленія въ жизненной борьбѣ съ внѣшней природою. Между тѣмъ вся эта половина эволюціи въ своей основѣ имѣетъ *положительныя жизнеразности*, перевѣсъ ассимиляціи, то накопленіе энергіи, которое обозначается, какъ «процессъ роста» организма.— Когда же преобладаніе переходитъ на сторону отрицательныхъ жизнеразностей, начинается вторая половина жизненнаго цикла: энергія системы шагъ за шагомъ падаетъ, система деградируетъ.

Чтобы устранить еще нѣкоторыя сомнѣнія въ вопросѣ о томъ, какъ слѣдуетъ истолковать эти основные жизненные факты, я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ, написан-

Digitized by Google

ныхъ мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ другой работѣ *).

«...эпоха относительнаго равновѣсія—зрѣлый возрастъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха наибольшей приспособленности системы. Не слѣдуетъ ли вывести изъ этого, что равновѣсіе системы и должно признаваться ея «идеальнымъ состояніемъ»?

«Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько такая мысль неправильна, достаточно вспомнить тѣ случаи, когда жизненное равновѣсіе достигается преждевременно. Если процессъ роста задерживается въ дѣтскомъ возрастѣ, не доходя до нормы, то равновѣсіе системы выступаетъ въ соединеніи съ весьма невысокой жизнесохранимостью; жизнесохранимость эта значительно меньше той, которая наблюдается при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, но при обычномъ перевѣсѣ «питанія» надъ «работою».

«Впрочемъ, врядъ ли кто и станетъ утверждать, что высокая приспособленность зрѣлаго возраста зависитъ именно отъ того, что устранены нормальныя жизнеразности дѣтства и юности, перевѣсъ «питанія» надъ «работою». Вѣроятно, всякій согласится, что здѣсь высокая приспособленность достигается въ значительной мѣрѣ именно *благодаря* этимъ жизнеразностямъ, *благодаря* тому возрастанію энергіи системы, которое ими создано».

Все это представляется довольно элементарнымъ и безспорнымъ. Но такова ли точка зрѣнія Авенаріуса? Вотъ что говоритъ онъ въ своей „Kritik der reinen Erfahrung“ (I B, S. 63—64):

„Aus dem Mutterschoss, diesem Sanktuarium der Erhaltung, wird das Kind vertrieben: ausgestossen in eine fast absolut andere, neue, ungewohnte, nur zum Teil noch erhaltungsfreundliche Umgebung. Nun ist es

---

*) „Познаніе съ историческ. точки зрѣнія“, 1901, стр. 19. Тамъ этотъ же вопросъ—о значеніи жизнеразностей—разсмотрѣнъ мною, но мимоходомъ, сравнительно бѣгло и сжато.

Digitized by Google

ausgesetzt den Änderungen, die ihm aus der Umgebung und deren Wandlungen erwachsen; und ausgeseszt wird es alsbald sein den Schicksalen, weiche ihm die typischen Änderungen des eigenen Entwicklungsganges aufdrängen.

„Und das heisst: das System C ist durch die Geburt aus einer annäherend idealen Umgebung in eine nichtideale Umgebung versetzt worden.

„... Und unsere Aufgabe wird somit zunächst darauf gerichtet sein, bie Änderungen des Systems C zu analysieren: sofern sie als *Verminderung* des vitalen Erhaltungswertes des Systems C oder aber als Behauptungen, dieses Systems unter solchen Verminderungen zu denken sind".

«Младенецъ насильственно удаляется изъ чрева матери— этого святилища сохраненія жизни; онъ выбрасывается въ новую, почти абсолютно иную среду, непривычную, только отчасти благопріятную для поддержанія его жизни. Тутъ онъ подвергается измѣненіямъ, которыя возникаютъ для него изъ условій среды съ происходящими въ ней перемѣнами; и затѣмъ ему предстоитъ переживать тѣ судьбы, которыя съ необходимостью навязываются ему типической послѣдовательностью измѣненій въ его собственномъ циклѣ развитія.

«Другими словами: система *C* путемъ акта рожденія перемѣщается изъ среды приблизительно соотвѣтствующей идеалу въ среду неидеальную.

«... Наша ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы анализировать измѣненія системы, и именно постольку, поскольку ихъ приходится разсматривать либо какъ *уменьшенія* жизнесохранимости системы *C*, либо какъ акты *поддержанія* этой системы при наличности (среди) такихъ уменьшеній».

Такимъ образомъ для Авенаріуса съ самаго рожденія ребенка начинаются «уменьшенія жизнесохранимости», которыя идутъ вплоть до наступленія смерти и, къ счастью, ею заканчиваются. Куда же дѣвается съ этой точки зрѣнія весь

Digitized by Google

періодъ прогрессивной эволюціи человѣка *)? Сущность дѣла заключается въ *абсолютномъ характерѣ* самаго понятія жизнесохранимости у Авенаріуса.

«Da, wie das ganze System *C*, so auch seine Bestandteile, bez. seine Formelemente, entstehend und vergehend gedacht werden, so muss—wenn für irgend einen Zeitpunkt der verlangte denkbar grösste vitale Erhaltungswert des Systems *C* angenommen wird, mit demselben eine *absolute* Erhaltung *aller* centralen Partialsysteme, bez. Formelemente, angenommen werden; d. h. der denkbar grösste vitale Erhaltungswert des Systems *C* ist als die Summe der denkbar grössten Erhaltung aller seiner Bestandteile, bez. Formelemente, zu denken». («Kritik der reinen Erfahrung», I B, S. 66).

«Какъ систему *C* въ ея цѣломъ, такъ и ея составныя части—соотвѣтственно этому, и ея формонные элементы (клѣтки. А. Б.)—мы представляемъ въ процессѣ возникновенія и разрушенія; поэтому, *если* для какого-нибудь момента времени мы принимаемъ означенную наибольшую мыслимую величину жизнесохраненія, то тѣмъ самымъ мы принимаемъ *абсолютное* сохраненіе *всѣхъ* частичныхъ системъ центральнаго ап-

*) „... не слѣдуетъ ли признать жизнесохранимость младенца большею, чѣмъ жизнесохранимость взрослаго, потому что первый можетъ еще прожить лѣтъ 70, а второй, сверхъ своихъ 30, врядъ ли проживетъ болѣе 40 лѣтъ? Но тутъ надо принять во вниманіе вотъ что: шансы младенца на 70 лѣтъ жизни очень малы, напр., 1 изъ 50—60; а шансы взрослаго на 40 лѣтъ жизни довольно велики, напр., 1 изъ 5—6. Обобщающая тенденція науки не позволяетъ намъ считать первую величину жизнесохранимости больше второй: это значило бы—придать больше значенія частнымъ случаямъ, чѣмъ общему правилу. Изъ сопоставленія можно вывести только одно: что жизнесохранимость младенца *еще можетъ возрасти* въ процессѣ его развитія, а для взрослаго она уже близка къ maximum и врядъ ли еще увеличится; поэтому первый *при благопріятныхъ условіяхъ* и проживетъ дольше".

(„Познаніе съ истор. точки зрѣн." стр. 18, примѣч.).

Digitized by Google

парата и, соотвѣтственно этому, всѣхъ форменныхъ элементовъ; другими словами, идеальная наибольшая жизнесохранимость системы *C* должна мыслиться, какъ сумма идеально-наибольшей жизнесохранимости всѣхъ ея составныхъ частей,— всѣхъ ея форменныхъ элементовъ».

Оперируя съ такими «абсолютными» величинами, нельзя, разумѣется, дать вѣрной картины прогрессивнаго развитія жизни: всякое, даже самое цѣлесообразное для жизненной борьбы измѣненіе системы представится, какъ нарушеніе, какъ «уменьшеніе» («Verminderung») абсолютнаго сохраненія жизни, котораго нигдѣ не наблюдается въ природѣ. Въ сущности, даже съ логической стороны эта концепція очень сомнительна: гдѣ есть абсолютный консерватизмъ, тамъ *нѣтъ жизни*, потому что жизнь немыслима безъ представленія активности, борьбы со внѣшней средою: а гдѣ нѣтъ жизни, тамъ неправильно и говорить о какой бы то ни было «величинѣ сохраненія жизни».—Но даже оставляя это въ сторонѣ, концепція идеальнаго консерватизма совершенно несостоятельна съ біологической точки зрѣнія.

Съ тѣхъ поръ какъ эволюціонныя идеи проникли въ область наукъ о жизни, статическое представленіе о неизмѣнныхъ, абсолютно установленныхъ формахъ жизни дѣлалось все болѣе непригоднымъ и день ото дня вытѣснялось изъ научнаго мышленія. Дарвинизмъ, наконецъ, довершилъ гибель этого представленія, показавши, что условіемъ дѣйствительнаго сохраненія жизни является, вообще говоря, *измѣненіе* ея формъ. Только прогрессивное приспособленіе къ средѣ съ ея непрерывно измѣняющимися вліяніями гарантируетъ всякой данной формѣ жизни ея сохраненіе; и это сохраненіе означаетъ, конечно, не абсолютный, а только относительный консерватизмъ. Но зато оно можетъ означать и нѣчто большее, чѣмъ какой бы то ни было консерватизмъ—именно, возрастаніе, прогрессъ жизни. Задача біомеханики—понять этотъ прогрессъ, дать его вѣрное и стройное изображеніе для познающаго. Разъ такая задача поставлена, формулы, построенныя на идеѣ абсо-

Digitized by Google

лютнаго консерватизма, становятся познавательно безполезны.

Самъ Авенаріусъ оказывается не въ состояніи строго выдержать ту точку зрѣнія, на которую онъ сталъ благодаря непригодной абстракціи «абсолютнаго сохраненія системы». Между тѣмъ какъ во всей почти своей работѣ онъ видитъ въ ходѣ жизненныхъ колебаній только «уменьшенія жизнесохранимости» и «поддержаніе (Behauptungen) системы среди такихъ уменьшеній», въ главѣ о «конгрегальныхъ системахъ» (коллективностяхъ, какъ напр., семья, общество) у него выступаетъ неожиданно «увеличеніе жизнесохранимости» («Kr. d. rein. Erf.», I, B. S. 165):

«...je mehr sich die Teilsysteme im Sinne gegenseitiger Vermehrung des vitalen Erhaltungswertes behaupten, desto günstiger sind die Bedingunden für die Erhaltung des Gesamtsystems».

«Чѣмъ болѣе самосохраненіе частичныхъ системъ (напр., отдѣльныхъ личностей. А. Б.) совершается въ такомъ направленіи, что онѣ взаимно увеличиваютъ свою жизнесохранимость, тѣмъ благопріятнѣе условія для сохраненія всей системы»*).

Въ оправданіе своей мысли, что *всякая* жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность системы, Авенаріусъ указываетъ на нѣкоторые конкретные факты. Но факты эти частью невѣрно истолкованы, частью говорятъ противъ мнѣнія Авенаріуса.

Всѣ тѣ случаи, когда жизненной системѣ *доставляется* слишкомъ много «питанія» при сравнительно нормальной «работѣ», и когда она вслѣдствіе этого разстраивается, оказы-

---

*) Надо замѣтить, что глава о „конгрегальныхъ системахъ" какъ-то выдѣляется среди „Критики чистаго опыта": въ то время, какъ остальныя части работы имѣютъ сильно выраженную нео-ламаркистскую окраску, въ этой главѣ преобладаетъ дарвинистическая точка зрѣнія. Къ сожалѣнію, идеи, намѣченныя въ этой главѣ, слишкомъ мало примѣняются въ остальной работѣ.

Digitized by Google

вается неприспособленной,—всѣ эти случаи не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу. Мы уже указали, что доставка питанія совсѣмъ не то, что его ассимиляція, и не можетъ разсматриваться, какъ одна изъ двухъ сторонъ жизненнаго равновѣсія; когда доставляемое извнѣ питаніе не ассимилируется тканями, то оно остается въ нихъ, какъ инородное тѣло, въ видѣ, напр., жировыхъ отложеній. и, стѣсняя жизнедѣятельность тканей, легко можетъ вести къ ихъ атрофіямъ и перерожденіямъ; но при этомъ дѣло будетъ итти именно о чрезмѣрной растратѣ энергіи живыми тканями, благодаря хронически дѣйствующему вредному вліянію, а не о чрезмѣрной ассимиляціи. А когда ассимиляція повышеннаго питанія удается и не покрывается повышенными затратами, тогда наблюдаются только явленія *роста*, въ которыхъ нельзя видѣть неприспособленности.

Частный случай такого же рода представляетъ приводимый Авенаріусомъ психіатрическій примѣръ—маніакальная экзальтація и манія. При нихъ главное физіологическое явленіе это—гиперемія мозга, «also ein zuviel an Ernährung» («стало быть, излишекъ въ питаніи»), замѣчаетъ Авенаріусъ. Но въ томъ-то и дѣло, что гиперемія означаетъ лишь усиленную *доставку* питанія, а не его повышенную ассимиляцію, и терминъ «питаніе», взятый въ его вульгарномъ значеніи, явнымъ образомъ спутываетъ мыслителя. Происходитъ ли дѣйствительная ассимилиція той массы сырого матеріала, которая при маніи доставляется мозгу кровеносной системой, или, напротивъ, нервнымъ клѣткамъ приходится затрачивать массу энергіи, чтобы только освободиться отъ загромождающаго ткани и стѣсняющаго ихъ жизнедѣятельность неусвоеннаго матеріала? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ врядъ ли возможны сомнѣнія: всякая живая клѣтка можетъ ассимилировать питаніе лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, а тѣмъ болѣе нѣжная гангліозная клѣтка головного мозга, да еще при такомъ неблагопріятномъ условіи, какъ длительное увеличеніе внутричерепного давленія.

Но этотъ примѣръ при ближайшемъ анализѣ еще болѣе

Digitized by Google

очевиднымъ образомъ говоритъ противъ Авенаріуса. Въ началѣ развитія маніакальной экзальтаціи, пока гиперемія еще не очень сильна, и клѣткамъ удается ассимилировать избыточное питаніе, организмъ проявляетъ временное повышеніе жизни, патологическій характеръ котораго обнаруживается лишь въ дальнѣйшемъ;—въ началѣ дѣло сводится только къ нѣкоторому пріятному возбужденію, которое сопровождается скорѣе повышеніемъ, чѣмъ пониженіемъ физическаго здоровья; жизненная упругость тканей возрастаетъ, мускульная сила увеличивается, общій видъ человѣка улучшается; все это и особенно хорошее самочувствіе свидѣтельствуетъ о томъ, что передъ нами—нѣкоторое *возрастаніе непосредственной приспособленности*, а не ея уменьшеніе. Между тѣмъ вопросъ заключается именно въ *непосредственномъ*, прямомъ значеніи данной жизнеразности; если же затѣмъ выступаютъ яркія явленія настоящей болѣзни—неприспособленности, то вѣдь и жизнеразность измѣняетъ свой знакъ—изъ положительной переходитъ въ отрицательную: нервная ткань уже не можетъ справляться съ массою матеріала, приносимаго кровью, и онъ нарушаетъ всю ея жизнедѣятельность, да, кромѣ того, громадное количество энергіи тратится на безчисленныя импульсивныя движенія, въ результатѣ которыхъ вся система еще отравляется возникающими въ чрезвычайно увеличенныхъ размѣрахъ продуктами жизненнаго распада функціонирующихъ тканей. Словомъ, пока ассимиляція преобладаетъ, жизнь непосредственно повышается, когда получаетъ перевѣсъ дезассимиляція—жизнь падаетъ. Съ точки зрѣнія Авенаріуса совершенно нельзя объяснить состоянія больного на первыхъ стадіяхъ маніакальной экзальтаціи.

Наибольшее значеніе Авенаріусъ придаетъ тому общему факту, что *недостатокъ работы* ведетъ къ вырожденію и гибели форменныхъ элементовъ. Но здѣсь достаточно небольшого анализа, чтобы увидѣть коренную ошибку. Ткани, которыя недостаточно работаютъ, какъ указываетъ самъ Авенаріусъ, *атрофируются*, т.-е. во всякомъ случаѣ теряютъ энергію, слѣ-

Digitized by Google

довательно—«питаются» недостаточно, ассимилируютъ меньше, чѣмъ дезассимилируютъ (самое слово «атрофія» означаетъ недостатокъ питанія). И это вполнѣ понятно: работа есть необходимый *физіологическій стимулъ* питанія и вообще ассимиляціи; ткань, которая очень мало работаетъ, еще меньше питается, и оттого-то она не растетъ (какъ было бы при дѣйствительномъ перевѣсѣ «питанія»), а уменьшается и становится дряблой. Отложенія жира, которыя при этомъ большей частью получаются, отнюдь не означаютъ излишка ассимиляціи: это—инородное тѣло для ткани.

Несомнѣнно, что бываютъ случаи, когда продолжительный перевѣсъ ассимиляціи ведетъ къ кризисамъ и даже гибели жизненной системы; но и эти факты при ближайшемъ изслѣдованіи не подтверждаютъ взгляда Авенаріуса. Дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока ассимиляція дѣйствительно преобладаетъ, организмъ благоденствуетъ. Поворотъ въ состояніи организма совпадаетъ съ поворотомъ жизнеразностей. Послѣ ряда лѣтъ привольной жизни наступаетъ пресыщеніе или сплинъ. Является хроническое сжатіе мелкихъ сосудовъ—судорожное состояніе вазомоторной системы; затрачивается масса нервной энергіи на это повышеніе иннерваціи безчисленныхъ кольцевыхъ мускульныхъ волоконъ, окружающихъ мелкіе сосуды, и въ то же время уменьшается поверхность, черезъ которую происходитъ питаніе тканей. Положительныя жизнеразности смѣняются отрицательными—«благо во зло обратилось». Но пока превращеніе не произошло, оно было все-таки «благомъ», а не «зломъ» *).

*) Здѣсь, слѣдовательно, причина кризиса не прямо въ положительныхъ жизнеразностяхъ, а въ измѣнившемся мало-помалу, на ихъ почвѣ, строеніи системы, которая, наконецъ, оказывается дисгармоничной. Это „явленіе вполнѣ одного типа съ общими кризисами капиталистическаго производства. Ростъ производительныхъ силъ есть 'фактъ, вообще, благопріятный для жизнесохранимости общества, какъ и возрастаніе энергіи центральнаго нервнаго аппарата—для его жизнесохранимости. Но, совершаясь не гармонически... ростъ производительныхъ

Digitized by Google

Такимъ образомъ мы должны строго различать жизнеразность положительную, которая имѣетъ непосредственно-прогрессивное значеніе для жизни, и «отрицательную», значеніе которой непосредственно-регрессивно. — *Косвенное*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *конечное* значеніе той или другой можетъ быть и иное: повышеніе энергіи системы можетъ вести за собою нарушеніе стройности ея функцій, а пониженіе энергіи—возстановленіе этой стройности; но тогда это и выражается въ случаяхъ перваго рода—послѣдующимъ пониженіемъ энергіи системы, въ случаяхъ второго рода — наоборотъ. Но и въ такихъ *колебаніяхъ* приспособленности непосредственное жизненное значеніе жизнеразностей остается все то же, положительное или отрицательное, соотвѣтственно ихъ знаку—плюсъ или минусъ.

II.

Вопросъ о жизнеразностяхъ положительныхъ и отрицательныхъ въ настоящій моментъ интересуетъ насъ лишь постольку, поскольку возможно установить опредѣленную и необходимую ихъ связь съ «непосредственными переживаніями». При этомъ, само собой разумѣется, дѣло можетъ пока итти только о самыхъ общихъ выраженіяхъ зависимости.

Всѣмъ безъ исключенія переживаніямъ свойственно то, что психо-физіологи называютъ обыкновенно «чувственнымъ тономъ», и что Авенаріусъ обозначаетъ терминомъ «аффекціоналъ»—окраска удовольствія и страданія *). Окраска эта имѣ-

---

силъ можетъ вызвать такое измѣненіе во внутреннихъ отношеніяхъ системы, которое является причиной послѣдующихъ громадныхъ растратъ общественно-трудовой энергіи, растратъ, совершенно непроизводительныхъ. Такъ же обстоитъ иногда дѣло съ накопленіемъ энергіи въ отдѣльной нервной системѣ". („Познаніе съ исторической точки зрѣнія", стр. 20—22, примѣч.).

*) Такъ назыв. „безразличный чувственный тонъ" есть, очевидно, лишь предѣльная величина, гдѣ удовольствіе, умень-

Digitized by Google

етъ явно количественный характеръ: удовольствіе, страданіе, находимыя въ данномъ переживаніи, могутъ быть «больше» или «меньше», различіе же между «удовольствіемъ» и «страданіемъ» есть различіе алгебраическаго знака: какъ величины положительная и отрицательная, удовольствіе и страданіе, соединяясь въ полѣ психическаго опыта, взаимно уменьшаютъ или уничтожаютъ другъ друга.

Различается не мало «качественныхъ» оттѣнковъ удовольствія и страданія, но это не мѣшаетъ тому, что, какъ величины, всѣ «удовольствія» и всѣ «страданія» взаимно сравнимы, соизмѣримы *), хотя, разумѣется, такое сравненіе тѣмъ труднѣе для наблюдателя, чѣмъ различнѣе «качественные» оттѣнки. Наша же задача заключается, къ счастью, не въ такихъ сравненіяхъ, а въ выясненіи самой общей зависимости между алгеброй аффекціонала и алгеброй жизнеразностей.

Вопросъ о біологическомъ значеніи чувственнаго тона не можетъ вызывать особенныхъ сомнѣній: такъ какъ удоволь-

---

шаясь, переходитъ въ начинающееся страданіе или обратно („Indifferenzpunkt“ Вундта).

*) Позволяю себѣ привести поясненіе изъ одной прежней моей работы:

„Не всѣ соглашаются съ этимъ: опираясь на свидѣтельство своего непосредственнаго сознанія, нѣкоторые находятъ, что существуютъ и несравнимые по своей разнородности типы явленій „чувства“; такъ, несравнимыми признаются удовольствія возвышенныя и низменныя, то, напр., которое вытекаетъ изъ благороднаго поступка, и то, которое получается отъ стакана водки. Однако опытъ показываетъ, что и для такихъ разнородныхъ формъ „чувства“ количественное сравненіе возможно, такъ какъ, напр., по отношенію къ приведенному случаю многіе способны задать себѣ и разрѣшить въ ту или другую сторону вопросъ, какое удовольствіе больше“. („Основн. элементы историч. взгляда на природу“, Спб. 1899, стр. 220).

Можно, конечно, не одобрять такихъ „соизмѣреній“ разнородныхъ формъ чувства, особенно если это дѣлается съ практической точки зрѣнія (30 сребренниковъ или жизнь учителя); но они—несомнѣнный фактъ, съ которымъ должна считаться теорія

Digitized by Google

ствіе есть то, къ чему организмъ стремится, а страданіе—то, чего онъ избѣгаетъ, то съ эволюціонной точки зрѣнія удовольстіе должно означать нѣкоторое повышеніе жизни, а страданіе — ея пониженіе; если бы дѣло обстояло иначе, то организмъ имѣлъ бы фальшиваго руководителя въ своихъ стремленіяхъ и неминуемо скоро погибалъ бы. Конечно, и въ дѣйствительности этотъ руководитель не идеально надеженъ — удовольствія бываютъ иногда вредны по результатамъ, страданія—полезны; но въ общемъ совпаденіе пріятнаго съ жизненно-полезнымъ и непріятнаго съ жизненно-вреднымъ достигается, безспорно, въ достаточной мѣрѣ,

Представляя изъ себя *непосредственную* характеристику переживаній, удовольствіе и страданіе означаютъ, очевидно, непосредственно-полезное и вредное для системы, именно для центральнаго нервнаго аппарата, *непосредственное* повышеніе или пониженіе его жизни. Именно такое же непосредственное значеніе имѣютъ въ физіологической жизни положительныя и отрицательныя жизнеразности; поэтому какъ нельзя болѣе естественно принять, что положительный чувственный тонъ, удовольствіе, соотвѣтствуетъ положительной жизнеразности — повышенію энергіи системы, а отрицательный чувственный тонъ, страданіе—отрицательной жизнеразности, пониженію энергіи. И этотъ выводъ можетъ быть подтвержденъ массою фактовъ.

Резюмируя эти факты въ сжатой формулѣ, можно сказать: изъ собственнаго опыта всякому извѣстно, что страданіе истощаетъ нервную систему, понижаетъ энергію ея жизнедѣятельности, тогда какъ удовольствіе увеличиваетъ силы, повышаетъ энергію жизнедѣятельности. Что же касается тѣхъ, несравненно менѣе многочисленныхъ случаевъ, когда наблюдается, повидимому, противоположное отношеніе, то они вполнѣ объясняются тѣмъ, что *послѣдующіе результаты* нѣкоторыхъ жизнеразностей не соотвѣтствуютъ ихъ *непосредственному, прямому* значенію: въ зависимости отъ опредѣленной суммы условій, данное повышеніе энергіи можетъ повести къ гораздо большему затѣмъ пониженію, и наоборотъ. Но непосред-

Digitized by Google

ственный смыслъ всякаго аффекціонала отъ этого не измѣняется *).

Такъ какъ наше представленіе объ аффекціоналѣ вытекаетъ изъ принятаго нами взгляда на жизнеразности, то вполнѣ естественно, что *иное* пониманіе жизнеразностей должно вести и къ иной точкѣ зрѣнія на аффекціоналъ. Для Авенаріуса всякая жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность; поэтому у него удовольствіе означаетъ уменьшеніе или прекращеніе какой бы то ни было жизнеразности, а страданіе — возникновеніе жизнеразности или ея возрастаніе. Это—совершенно логичный выводъ изъ невѣрной посылки, и, какъ таковой, онъ не можетъ не стоять въ противорѣчіи съ дѣйствительностью.

Нѣкоторую біологическую несообразность этого вывода легко замѣтить уже съ перваго взгляда. Если въ системѣ устанавливается опредѣленная жизнеразность—положимъ, отрицательная, которая долгое время держится на одной высотѣ, или очень мало колеблется въ ту и другую сторону, то аффекціоналъ долженъ отсутствовать. Между тѣмъ, ясно, что система при этомъ идетъ къ разрушенію, и если жизнеразность велика, то очень быстро. Аффекціоналъ не даетъ организму

*) Не всѣ переживанія, а только ихъ меньшая часть попадаетъ въ поле психическаго опыта, въ сферу самонаблюденія. Поэтому весьма нерѣдко фактическое повышеніе энергіи нервной системы совершается безъ замѣтныхъ чувствованій удовольствія, фактическое пониженіе—безъ замѣтныхъ чувствованій страданія. Такой именно смыслъ имѣютъ тѣ случаи, когда человѣкъ послѣ долгаго ряда наслажденій, самъ того не замѣчая, переходитъ къ состоянію глубокой разслабленности, или когда онъ изъ цѣлой массы безпросвѣтныхъ, казалось бы, страданій выходитъ болѣе сильнымъ и энергичнымъ, чѣмъ былъ раньше Въ глубинѣ стихійно-органическихъ явленій, въ области неопредѣленныхъ изолированныхъ переживаній совершаются самые важные процессы накопленія и растраты жизни, которымъ психическій опытъ подводитъ затѣмъ итоги, прибавляя свои собственныя слагаемыя. Въ этомъ ярко выражается принципіальная однородность „сознанія“ и „безсознательнаго“.

Digitized by Google

никакихъ указаній; между тѣмъ именно отъ него зависитъ направленіе дальнѣйшихъ жизненныхъ проявленій системы, онъ—стимулъ ея борьбы противъ неблагопріятныхъ условій. Ясно, что онъ оказывается біологически - несостоятеленъ — результатъ, во всякомъ случаѣ, довольно мало вѣроятный.

Существуетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда окраска удовольствія соединяется съ несомнѣннымъ нарушеніемъ имѣвшагося налицо относительнаго равновѣсія системы: это—всѣ «пріятныя неожиданности». Человѣкъ находится въ спокойномъ, безразличномъ настроеніи; и вдругъ почта приноситъ ему извѣстіе, котораго онъ вовсе не ожидалъ, но которое кажется ему очень хорошимъ; или вдругъ случайная комбинація мелкихъ обстоятельствъ наталкиваетъ его на открытіе, къ которому онъ вовсе не стремился, но которое кажется ему цѣннымъ. Какія при этомъ устраняются жизнеразности? Совершенно наоборотъ, онѣ возникаютъ, но это — положительныя жизнеразности. Да и вообще картина физіологическихъ проявленій радости, по сравненію со спокойнымъ состояніемъ организма, всего меньше говоритъ объ устраненіи жизнеразностей, о приближеніи къ идеальному равновѣсію. Расширеніе мелкихъ и мельчайшихъ сосудовъ мозга — основной симптомъ пріятныхъ эмоцій, съ очевидностью говоритъ объ увеличеніи ассимиляціи въ центральномъ аппаратѣ; и только какъ производное явленіе выступаетъ затѣмъ возрастаніе также и затратъ энергіи, въ видѣ повышенія произвольной иннерваціи (движенія, выражающія радость).

Со стороны внѣшнихъ проявленій эмоцію радости очень напоминаетъ состояніе маніакальной экзальтаціи. Самъ Авенаріусъ, какъ мы видѣли, указываетъ на эту болѣзнь, какъ на примѣръ, отрицательнаго значенія той жизнеразности, которая заключается въ перевѣсѣ «питанія». Странно, какъ Авенаріусъ не замѣтилъ, что этотъ примѣръ прямо подрываетъ принятую имъ теорію аффекціонала. Вѣдь самочувствіе больного, особенно въ началѣ болѣзни, когда еще только возникаетъ гиперемія мозга, а съ ней и положительная жизне-

Digitized by Google

разность, бываетъ *пріятное*. По Авенаріусу, оно должно было бы оказаться непріятнымъ.

Особенно трудно понять, съ точки зрѣнія разбираемой теоріи, дѣйствіе наркотическихъ ядовъ на психическую систему. Начальныя стадіи этого дѣйствія характеризуются пріятнымъ возбужденіемъ. Значитъ ли это, что, напр., морфій или алкоголь, отравляя нервную систему, приближаютъ ее къ идеальному равновѣсію ассимиляціи съ дезассимиляціей? Но для этого надо принять, что такіе яды имѣютъ два противоположныхъ физіологическихъ дѣйствія: относительно увеличеніе ассимиляціи при перевѣсѣ дезассимиляціи и ея уменьшеніе, когда она преобладаетъ надъ дезассимиляціей. Болѣе чѣмъ натянутое истолкованіе фактовъ. Гораздо вѣроятнѣе, что дѣло сводится просто къ временному повышенію энергіи системы (разумѣется, *только* временному).

Не подлежитъ сомнѣнію, что отрицательныя эмоціи въ основѣ имѣютъ отрицательную жизнеразность. Печаль, напр., въ своихъ физіологическихъ проявленіяхъ, безспорно, указываетъ на недостаточную ассимиляцію: сжатіе мелкихъ артерій и капилляровъ, съ усиленіемъ, слѣдовательно, иннерваціонныхъ затратъ въ вазомоторной системѣ и съ уменьшеніемъ поверхности питанія тканей составляетъ основную черту эмоціи. Отъ этого и зависитъ истощающее дѣйствіе печали на нервную систему. Предположимъ теперь, что эмоція печали выступаетъ при наличности общаго перевѣса ассимиляціи; въ такомъ случаѣ начало эмоціи, пока она только устраняетъ это неравенство, и приближаетъ систему къ равновѣсію—должно имѣть *пріятную* окраску. Дѣйствительность однако не даетъ намъ такого психо-физіологическаго абсурда.

Легко видѣть, что всѣ указанныя нами трудности вовсе не существуютъ для той точки зрѣнія, которая принята нами: факты цѣликомъ укладываются въ ея рамки. Поэтому, если Авенаріусъ и считалъ свои воззрѣнія на жизненное значеніе жизнеразностей, а стало быть и на природу аффекціонала, «wissenschaftliches Gemeingut» — обще-научнымъ достоя-

Digitized by Google

ніемъ, то онъ въ этомъ ошибался; правильнѣе было бы характеризовать данное воззрѣніе, какъ весьма распространенный между физіологами предразсудокъ, какихъ всегда не мало держится въ наукѣ *). Устраняя этотъ предразсудокъ, надо принять ту точку зрѣнія, которая является наиболѣе простой и естественной, ту, которая ясно формулирована уже Спинозой въ его «Этикѣ» (конечно, въ терминахъ «силы», а не энергіи), и которая можетъ быть въ значительной мѣрѣ связана съ воззрѣніями Мейнерта. Эту точку зрѣнія сжато можно выразить такъ:

аффекціональный знакъ переживаній совпадаетъ съ алгебраическимъ знакомъ жизнеразностей.

III.

Переживанія, это—величины въ полномъ смыслѣ слова. Они обладаютъ не только «знакомъ» (аффекціональнымъ—положительнымъ или отрицательнымъ), но и тѣмъ, что соотвѣтствуетъ алгебраическому понятію абсолютной величины—именно, *интенсивностью*. Правда, точное измѣреніе ихъ интенсивности представляетъ большія затрудненія,—но это не измѣняетъ принципіальнаго значенія изъ измѣримости. Жизнеразности — также величины, онѣ измѣримы *энергетически*. Принимая постоянную связь переживаній съ жизнеразностями,

*) Наибольшая часть матеріала, сгруппированнаго въ „Критикѣ чистаго опыта“, относится къ отрицательнымъ жизнеразностямъ, которыя имѣютъ именно такое біологическое значеніе, какое Авенаріусъ приписываетъ жизнеразностямъ вообще. Поэтому понятно, что противорѣчій въ его описаніяхъ оказывается далеко не такъ много, какъ можно было бы предположить въ виду ошибочности исходной точки изслѣдованія.

Замѣчу, что взглядовъ Авенаріуса на вопросъ о чувственномъ тонѣ переживаній я здѣсь касался отнюдь не во всей ихъ полнотѣ, а только съ одной стороны, которая наиболѣе важна для моей задачи.

Digitized by Google

мы приходимъ, слѣдовательно, къ задачѣ выяснить связь двухъ рядовъ величинъ—ряда интенсивностей для переживаній, ряда энергетическихъ значеній для жизнеразностей. Опытъ, благодаря отсутствію точныхъ способовъ измѣренія, даетъ лишь приблизительныя и очень неопредѣленныя зависимости; переходя къ болѣе точнымъ формулировкамъ, надо заранѣе имѣть въ виду ихъ неизбѣжно-гипотетическій характеръ, конечно, съ большею или меньшею степенью вѣроятности и обоснованности.

Изъ данныхъ психо-физіологіи несомнѣнно слѣдуетъ, что интенсивности переживаній, вообще говоря, тѣмъ больше, чѣмъ больше величины жизнеразностей, и наоборотъ; но этимъ еще не дана точная формула ихъ связи: остается неизвѣстнымъ, возрастаютъ ли однѣ величины пропорціонально другимъ или однѣ медленнѣе, чѣмъ другія, или въ какомъ-нибудь измѣняющемся отношеніи, словомъ, по какому именно закону происходитъ возрастаніе однѣхъ съ возрастаніемъ другихъ. Первое и самое естественное предположеніе, это—мысль о *пропорціональности* переживаній и жизнеразностей: такъ какъ между тѣми и другими мы не можемъ представить себѣ никакихъ посредствующихъ звеньевъ, то сама собой навязывается идея о наиболѣе непосредственной и прямой связи, о взаимно пропорціональномъ измѣненіи тѣхъ и другихъ величинъ.

Но принять такую точку зрѣнія можно только въ томъ случаѣ, если въ нашемъ опытѣ не оказывается фактовъ, которые прямо бы ей противорѣчили. Между тѣмъ психофизика, *повидимому*, даетъ такіе факты; въ этомъ смыслѣ легко, повидимому, истолковать законъ Веберъ-Фехнера.

Психофизическій законъ Веберъ-Фехнера говоритъ, что *ощущеніе растетъ пропорціонально логариѳму раздраженія*, другими словами, что внѣшнее воздѣйствіе на периферическіе аппараты нервной системы обусловливаетъ въ психическомъ опытѣ переживаніе *не пропорціональное* самому этому воздѣйствію, а пропорціональное только его логариѳму (при нѣкото-

Digitized by Google

ромъ опредѣленномъ основаніи). Въ болѣе простой формѣ эта зависимость, выражается такъ: когда раздраженіе увеличивается въ геометрической прогрессіи, ощущеніе растетъ въ ариѳметической; напр., если одинъ рядъ (раздраженія) представляетъ величины 1, 2, 4, 8, 16, 32 . . . . , то другой (ощущенія) выразится въ соотвѣтственныхъ величинахъ 0, 1, 2, 3, 4, 5 . . . . Таково приблизительное выраженіе этого закона, имѣющаго также очень приблизительный характеръ.

Законъ Веберъ-Фехнера легко наводитъ на дуалистическія представленія объ опытѣ и познаніи; онъ какъ будто указываетъ на то, что въ психическомъ опытѣ закономѣрность *принципіально* иная, чѣмъ въ опытѣ объективномъ, «физическомъ»: геометрическія отношенія одной области соотвѣтствуютъ ариѳметическимъ отношеніямъ другой. Но такія заключенія, въ сущности, очень поспѣшны и поверхностны.

Раздраженіе не находится въ *ближайшей* связи съ ощущеніемъ; въ такой связи съ ощущеніемъ находится *жизнеразность*, вызываемая передачей раздраженія при посредствѣ нервныхъ проводниковъ центральному аппарату. А есть ли достаточныя основанія думать, что жизнеразность пропорціональна порождающему ее раздраженію? Основанія для такой мысли, по меньшей мѣрѣ, шатки.

Передача внѣшнихъ воздѣйствій въ живомъ организмѣ отнюдь не имѣетъ грубо-механическаго характера; это крайне сложный рядъ физико-химическихъ процессовъ, въ результатѣ которыхъ могутъ получаться измѣненія центральнаго органа, ни качественно, ни количественно не стоящія въ *прямомъ* и *простомъ* соотношеніи съ измѣненіями периферическихъ аппаратовъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія біологической борьбы, для жизненной устойчивости системы выгодно, чтобы болѣе сильныя воздѣйствія среды передавались въ болѣе ослабленномъ видѣ—иначе они черезчуръ жестоко потрясали бы систему и слишкомъ быстро ее разрушали бы; для организма, слѣдовательно, является жизненно цѣлесообразнымъ такое устройство, при которомъ жизнеразности возрастаютъ

Digitized by Google

медленнѣе, чѣмъ ихъ внѣшніе стимулы, напр., хотя бы въ логариѳмическомъ отношеніи.

Съ другой стороны, логариѳмическая функція чрезвычайно распространена въ сферѣ *физическихъ* и *химическихъ* процессовъ. Она выступаетъ на сцену во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда явленіе происходитъ такъ, что скорость измѣненія выражающей его величины пропорціональна этой самой величинѣ; такова, напр., та формула, которая примѣнима при «физическихъ» и «химическихъ» реакціяхъ растворенія, гдѣ скорость реакціи уменьшается съ уменьшеніемъ количества того вещества, которое еще можетъ быть растворено; или при охлажденіи тѣла въ средѣ съ постоянной температурой, гдѣ скорость охлажденія уменьшается по мѣрѣ уменьшенія разности температуръ тѣла и его среды и т. под. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ промежутокъ времени между двумя опредѣленными фазами процесса оказывается пропорціоналенъ логариѳму величины, выражающей геометрическое отношеніе этихъ фазъ *). И въ занимающемъ насъ вопросѣ важно выяснить, нѣтъ ли какихъ-нибудь указаній на то, что логариѳмическое отношеніе выражаетъ зависимость между различными физіологическими процессами, а не прямо между физіологическими и психическими.

Нетрудно убѣдиться, что для такой мысли есть серьезныя основанія. Прежде всего, присмотримся къ той суммѣ экспериментальныхъ данныхъ, которая резюмируется въ законѣ Веберъ-Фехнера.

Опыты изслѣдователей были поставлены такъ. На опредѣленную чувствительную поверхность прилагалось опредѣленной величины раздраженіе, напр., данный ограниченный участокъ кожи подвергался давленію пластинки, нагруженной гирями даннаго вѣса. При этомъ лицо, надъ которымъ произво-

*) См., напр., Nernst und Schönflies „Einführung in die mathematische Behandlung der Naturwissenschaften", главы объ „Exponentialfunction", объ „Verlauf der unvollständigen Reactionen", и т. д.

Digitized by Google

дится опытъ, получаетъ, конечно, нѣкоторое опредѣленное ощущеніе. Затѣмъ увеличиваютъ силу раздраженія, въ нашемъ примѣрѣ величину груза, до такихъ размѣровъ, чтобы перемѣна въ величинѣ дѣйствующей силы, именно, внѣшняго давленія, была только едва ощутима, но уже ощутима для субъекта опытовъ. Такихъ экспериментовъ выполняютъ очень большое количество, съ различной величины раздраженіями, по отношенію къ различнымъ органамъ внѣшнихъ чувствъ. При раздраженіяхъ болѣе или менѣе обычныхъ — средней силы, всюду оказывается, что минимальная доступная сознанію разница въ ощущеніи получается тогда, когда раздраженіе увеличивается на опредѣленную часть своей величины, для каждаго даннаго органа приблизительно одинаковую. Напр., для осязанія, чувства температуры, а также слуха минимальная замѣтная разница ощущенія получается тогда, когда раздраженіе увеличено на $^1/_3$, для мускульнаго чувства—на $^1/_{17}$, для зрѣнія — на $^1/_{100}$ (все это приблизительно, такъ какъ опыты, очевидно, не могутъ быть особенно точны). Если считать тотъ minimum ощущенія, который уже отмѣчается сознаніемъ, за *единицу* ощущенія, и алгебраически выразить найденную связь ряда раздраженій и ряда ощущеній, то получится именно законъ Веберъ-Фехнера.

Такъ обстоитъ дѣло, какъ мы сказали, для болѣе или менѣе обычныхъ раздраженій — средней силы. Для самыхъ слабыхъ и самыхъ сильныхъ раздраженій формула закона оказывается совершенно неточною: знаменатель прогрессіи съ каждымъ шагомъ мѣняется, именно увеличивается въ ту и въ другую сторону, такъ что для полученія минимальной разницы въ ощущеніи раздраженіе должно возрасти сильнѣе, чѣмъ по формулѣ. Наконецъ, ниже извѣстной границы раздраженіе уже совсѣмъ не вызываетъ ощущенія; выше другой границы, ощущеніе, достигшее maximum, перестаетъ возрастать замѣтно для сознанія.

Вся эта картина всего меньше способна внушить мысль о различныхъ типахъ закономѣрности для физическаго и пси-

Digitized by Google

хическаго міра, потому что никакое опредѣленное соотношеніе въ ней не выдерживается съ достаточной полнотой и строгостью. Скорѣе она наводитъ на представленіе о томъ, что центральный аппаратъ обладаетъ лишь ограниченной чувствительностью къ передаваемымъ нервами раздраженіямъ: для самыхъ слабыхъ раздраженій онъ слишкомъ грубъ, чтобы на нихъ реагировать, для самыхъ сильныхъ обладаетъ только одной предѣльной реакціей, очевидно, исчерпывающей запасъ его специфической энергіи даннаго рода, для остальныхъ же въ немъ имѣются достаточныя внутреннія сопротивленія, чтобы задерживать или разсѣивать энергію раздраженія тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ значительнѣе величина этой энергіи. Тогда исчезаетъ и всякая необходимость принимать непрямую и неуклюже колеблющуюся связь между «психикой» и «физіологіей».

Съ точки зрѣнія современной физіологіи и гистологіи нервнаго аппарата можно дать такую, чисто энергетическую, картину зависимости между внѣшними раздраженіями и жизнеразностями центральнаго органа, въ которой найдетъ себѣ мѣсто не только законъ Веберъ-Фехнера, но и всѣ отклоненія отъ него, главныя и второстепенныя. Заранѣе оговариваемся, что въ рамкахъ статьи, ради простоты и ясности, намъ придется сильно схематизировать сложныя гистологическія и физіологическія отношенія; но свѣдующій читатель легко пополнитъ недостающее.

Какъ извѣстно, энергія внѣшняго раздраженія, преобразованная въ концевомъ аппаратѣ нерва въ недостаточно еще изученную, но чуждую всякаго мистицизма, «телеграфную» форму нервнаго тока, достигаетъ прежде всего нейроновъ, расположенныхъ въ такъ-называемыхъ «низшихъ» центрахъ— гангліозныхъ, спинно-мозговыхъ, субкортикальныхъ. Эти нейроны связаны, во-1-хъ, со смежными нейронами при посредствѣ соприкасающихся вѣточекъ своихъ дендритовъ (развѣтвленныхъ протоплазматическихъ отростковъ), во-2-хъ, съ нейронами высшихъ, кортикальныхъ центровъ при помощи опять-

Digitized by Google

таки «телеграфныхъ» волоконъ проэкціонныхъ системъ (Meynert'a), при чемъ связь эта въ иныхъ случаяхъ прямая, въ иныхъ—косвенная, при посредствѣ еще другихъ центровъ. Сами же нейроны въ своей основной части—нервной клѣткѣ представляютъ, по современнымъ воззрѣніямъ, своеобразные аккумуляторы накопленной нервной энергіи, которую извнѣ притекающая по проводникамъ энергія можетъ разряжать, освобождать, какъ искра разряжаетъ химическую энергію пороха. Теперь сдѣлаемъ одно минимальное и уже a priori наиболѣе вѣроятное предположеніе,—примемъ, что жизнеразность въ клѣткѣ высшихъ центровъ («центровъ сознанія») вызывается именно передачей разряженной собственной энергіи клѣтки спинно-мозговой или субкортикальной, а къ передачѣ энергіи разряжающей, энергіи внѣшняго раздраженія проэкціонные проводники между низшими и высшими центрами неприспособлены, такъ что эта послѣдняя передается только смежнымъ нейронамъ,—и у насъ будетъ почти все, что требуется для объясненія таинственнаго закона.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы не знаемъ той специфической формы, въ которой передается энергія внѣшняго раздраженія отъ нейрона къ нейрону по смежности, но несомнѣнно, что это — энергія кинетическаго характера, и что въ проводникахъ-дендритахъ должно происходить ея разсѣяніе и поглощеніе, вообще—ея растрата. Законъ разсѣянія и поглощенія естественно принять такой, который существуетъ для наиболѣе типичныхъ формъ кинетической энергіи: потеря пропорціональна времени и относительному напряженію энергіи: такъ обстоитъ дѣло, напр., для теплоты при ея разсѣяніи (при не слишкомъ большой разницѣ температуръ тѣла и его среды), для свѣта при его поглощеніи не вполнѣ прозрачною средою, и т. п.*). Тогда окажется, что *число затронутыхъ возбу-*

*) Принципъ энтропіи, а также общій характеръ физіологическихъ процессовъ позволяютъ думать, что разсѣяніе энергіи въ нервныхъ проводникахъ происходитъ исключительно или главнымъ образомъ въ видѣ теплоты.

Digitized by Google

жденіемъ нейроновъ приблизительно соотвѣтствуетъ логариѳму силы раздраженія. Это легко видѣть на произвольно выбранныхъ числовыхъ примѣрахъ.

Чтобы вызвать разряженіе собственной потенціальной энергіи нейрона, необходима нѣкоторая сумма переданной съ периферіи энергіи, которая соотвѣтствуетъ опредѣленной величины раздраженію; примемъ величину этого раздраженія за 1. Затѣмъ, пусть при передачѣ по каждому дендриту теряется $^1/_2$ передаваемой энергіи. Тогда для возбужденія одного нейрона съ периферіи достаточно раздраженія 1, но для возбужденія двухъ требуется уже раздраженіе не 2, а 3: на разряженіе перваго нейрона потрачено 1 единица энергіи, а изъ оставшихся 2 единицъ до второго смежнаго нейрона дойдетъ только 1 единица (остальная растратится по пути); и эта дошедшая единица энергіи вызоветъ возбужденіе второго нейрона, но до третьяго смежнаго нейрона уже ничего или почти ничего не дойдетъ. Для возбужденія трехъ нейроновъ нужно раздраженіе 7 (въ первомъ на освобожденіе его потенціальной энергіи тратится 1, до второго изъ оставшихся 6 доходитъ 3, изъ нихъ опять на разряженіе нейрона тратится 1, и дальше дѣло не идетъ). Четыре нейрона могутъ быть затронуты лишь при раздраженіи 15, пять при раздраженіи 31, и т. д. Получаются два ряда:

Энергія раздраженія . . . . 1, 3, 7, 15, 31, 63, 127, 255...

Число затронутыхъ по смежности нейроновъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8...

Какъ видимъ, связь обоихъ рядовъ лишь минимально отличается отъ той, какая соотвѣтствуетъ «логариѳмическому» отношенію ряда 2, 4, 8, 16, 32... и ряда 1, 2, 3, 4, 5... Каждый изъ низшихъ нейроновъ, передавая по проэкціонному волокну свою освобождающуюся энергію кортикальному нейрону, вызываетъ въ высшихъ центрахъ особую жизнеразность, съ особымъ начальнымъ пунктомъ—этимъ самымъ кортикальнымъ нейрономъ. Тогда оказывается, что каждой такой

Digitized by Google

частной жизнеразности соотвѣтствуетъ минимальное ощущеніе: обнаруживается прямой и полный параллелизмъ жизнеразностей и переживаній. Загадочный характеръ психо-физическаго закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дуалистическое его истолкованіе исчезаютъ.

Въ нашемъ примѣрѣ взятъ совершенно произвольный коэффиціентъ потери энергіи при ея передачѣ между смежными нейронами. Но легко вычислить и дѣйствительную его величину, разъ изъ опыта извѣстенъ знаменатель прогрессіи раздраженій—число, показывающее, во сколько разъ надо увеличить данное раздраженіе, чтобы получить замѣтную разницу въ ощущеніи. Этотъ знаменатель, какъ мы упоминали, для различныхъ «внѣшнихъ чувствъ» различенъ: для осязанія, чувства температуры и для слуха около $1^1/_3$, для мускульнаго чувства (иннервація глазныхъ мускуловъ) около $1^1/_{17}$, для свѣтовыхъ ощущеній около $1^1/_{100}$. Коэффиціентъ потери при каждой передачѣ окажется тогда для первой группы ощущеній $^1/_4$, для второй $^1/_{18}$, для третьей около $^1/_{100}$ — $^1/_{101}$. Такое разнообразіе коэффиціентовъ должно, повидимому, зависѣть отъ различнаго строенія отдѣльныхъ психическихъ центровъ, ихъ нейроновъ и проводниковъ *).

Если теперь, принимая попрежнему минимальное ощутимое раздраженіе за 1, мы составимъ параллельные ряды величины раздраженія и ощущенія, то для осязанія, напр., получится:

А Сила раздраженія 1—2,33—4,11—6,48—9,64—13,85—19,45—26,9—36, 8—50...

В. Число захваченныхъ низшихъ нейроновъ 1—2—3—4—5—6—7—8—9 - 10...

---

*) Очень возможно, что это различіе въ строеніи и расположеніи нейроновъ не будетъ слишкомъ тонкимъ для методовъ современной гистологіи. Тогда изложенная нами точка зрѣнія могла бы послужить исходной точкой изслѣдованія, его „рабочей гипотезой“.

Digitized by Google

(Въ цифрахъ перваго ряда мелкія дроби откинуты для краткости).

Теперь посмотримъ, насколько отношенія этихъ рядовъ соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ отношеніямъ «раздраженій» и «ощущеній».

Соотвѣтствіе нарушается, во-1), для самыхъ верхнихъ частей ряда—для самыхъ сильныхъ раздраженій. Тамъ ощущеніе растетъ медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ по формулѣ ряда, и за извѣстнымъ предѣломъ совсѣмъ перестаетъ замѣтно возрастать. Но это расхожденіе чистой формулы съ опытомъ можно было бы предвидѣть уже a priori на основаніи нашихъ предпосылокъ. Отдѣльные нервные центры обладаютъ ограниченными размѣрами, и число нейроновъ, которые доступны данному виду раздраженія, не безпредѣльно; а кромѣ того нѣкоторые нейроны лежатъ въ сторонѣ отъ обычныхъ путей раздраженія, и оно достигаетъ ихъ съ бо́льшимъ, чѣмъ для другихъ, сопротивленіемъ. При максимальныхъ раздраженіяхъ сначала, вслѣдъ за другими, вводятся въ общую цѣпь реакціи эти труднѣе реагирующіе нейроны — тогда реакція возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ для среднихъ раздраженій. Но затѣмъ, если раздраженіе возрастаетъ еще болѣе, въ спеціальномъ центрѣ не хватаетъ свободныхъ нейроновъ—и ощущеніе замѣтно не измѣняется.

Средніе члены ряда въ опытѣ также представляютъ уклоненія отъ формулы, но незначительныя и неопредѣленныя — то въ ту, то въ другую сторону. Они, естественно, объясняются во-1), нетожественнымъ строеніемъ отдѣльныхъ нейроновъ — различіемъ въ длинѣ и проводимости путей между ними, во-2), просто погрѣшностями эксперимента, который въ данной области еще не отличается большой точностью.

Наконецъ, нижніе члены ряда: первые два, а, можетъ-быть, и три, надо признать довольно сильно уклоняющимися отъ данныхъ опыта. Въ ряду вычисленныхъ раздраженій первое, минимальное, надо увеличить болѣе чѣмъ вдвое, чтобы получить замѣтную разницу ощущенія; въ дѣйствительности же для

Digitized by Google

этого достаточно увеличить раза въ $1^1/_2$ или немного болѣе. Какъ объяснить это? — Вопросъ представляется очень простымъ, если принять, что концевые воспринимающіе аппараты нервныхъ волоконъ, какъ для нѣкоторыхъ случаевъ установлено съ полной несомнѣнностью, обладаютъ нѣкоторымъ постояннымъ напряженіемъ энергіи, которое можетъ противодѣйствовать внѣшнему раздраженію. Такъ, напр., по отношенію къ сѣтчаткѣ глаза вполнѣ выяснено, что она обладаетъ слабымъ «собственнымъ свѣтомъ». Извѣстная часть энергіи раздраженія можетъ тратиться на то, чтобы нейтрализовать напряженіе концевого аппарата. Величину этой излишне затрачиваемой энергіи надо прибавить ко всѣмъ членамъ нашего перваго ряда, чтобы получить дѣйствительную энергію раздраженія для минимальнаго возрастанія ощущеній. Пусть эта периферическая потеря энергіи равна 1. Тогда отношеніе рядовъ представится въ такомъ видѣ:

А. 2—3, 33—5, 11—7, 48—10, 65...

В. 1—2—3—4—5...

и это уже вполнѣ достаточно согласуется съ данными опыта *).

Хотя, какъ было указано, въ интересахъ изложенія намъ пришлось сильно схематизировать физіологическія и гистологическія отношенія нервной системы, но знакомый съ дѣломъ читатель, сдѣлавши всѣ надлежащія дополненія, легко увидитъ, что они нисколько не измѣняютъ вывода. А сущность этого вывода такова: исходя изъ данныхъ психо-физики, съ наибольшими основаніями можно принять, что *ощущенія пропорціональны тѣмъ жизнеразностямъ, съ которыми непосредственно связаны.*

*) Такое же полное согласованіе формулы съ опытомъ получится и въ томъ случаѣ, если концевой аппаратъ чувствительнаго нерва принимать за измѣненный нейронъ, только не имѣющій самостоятельной связи съ высшими центрами. Периферическая чувствующая клѣтка съ ея нейритомъ безъ всякой натяжки можетъ быть признана за такой нейронъ.

Digitized by Google

Разъ это принято, исчезаютъ всякія основанія для того, чтобы принимать сложную дуалистическую связь вообще между жизнеразностями и соотвѣтственными переживаніями: между тѣми и другими надо признать, въ предѣлахъ количественной оцѣнки, *самую простую зависимость прямой пропорціональности* *).

С. Монистическая концепція жизни.

I.

Сдѣланные нами выводы о количественной связи жизнеразностей и переживаній представляются намъ очень важными для психо-энергетики, но важными именно въ томъ смыслѣ, что указываютъ, *какъ понимать* психо-энергетику и *какъ пользоваться* ею въ изслѣдованіи, а не въ томъ смыслѣ, что доказываютъ ея законность, ея «истинность». *Принять* психо-энергетику, признать правильность примѣненія энергетическаго метода къ «психическимъ явленіямъ» можно и слѣдуетъ совершенно независимо отъ этихъ нашихъ выводовъ, — даже если считать ихъ необоснованными и невѣрными. Для принципіальнаго принятія психо-энергетики достаточно одного — признанія *постоянной связи* между физіологическими процессами и переживаніями, какой угодно связи, лишь бы она была вполнѣ опредѣленною и для каждаго даннаго случая имѣла одно значеніе. Въ статьѣ «Идеалъ познанія» мы показали, что если только такая зависимость имѣется, то съ энергетической точки

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изложенныя здѣсь психофизическія построенія, касающіяся закона Веберъ-Фехнера, были уже высказаны мною, но въ популярной и сравнительно бѣглой формѣ („Основ. элементы историч. взгляда на природу" С.-Пб., 1899, стр. 245—249).

Digitized by Google

зрѣнія физіологическое явленіе и связанное съ нимъ психическое представляетъ *одну и ту же* величину, одно и то же энергетическое цѣлое, только различными способами воспринимаемое, подобно тому, какъ человѣческое тѣло «видимое» (зрительный комплексъ) и «осязаемое» (комплексъ тактильный) энергетически одно и то же, и различается также только по способу воспріятія. Для этого вовсе не требуется никакой математической пропорціональности между комбинаціями элементовъ психическаго и физіологическаго ряда, какъ не требуется такой пропорціональности между зрительными и тактильными комбинаціями, чтобы признавать ихъ за одно тѣло *).

Но мы не ограничиваемся общимъ признаніемъ энергетичности психическаго опыта, мы нашли, кромѣ того, прямую пропорціональность между жизнеразностями, по ихъ энергетической величинѣ, и переживаніями, по величинѣ ихъ интенсивности, при чемъ также и знакъ тѣхъ и другихъ сказы-

---

*) Поэтому, напр., В. Оствальдъ признаетъ энергетичность „сознанія", хотя и не видитъ той количественной пропорціональности между энергетикой нервной системы и величинами переживаній, какую мы установили. Для него отношеніе этихъ двухъ областей гораздо сложнѣе, и нельзя сказать, чтобы онъ достаточно ясно его формулировалъ (см. его „Натурфилософію", главу о сознаніи и т. д.).

Обычное, старое возраженіе противъ энергетичности сознанія таково: принять ее, значило бы встать въ противорѣчіе съ закономъ сохраненія энергіи; присоединяясь къ энергіи физическихъ процессовъ, энергія психическихъ измѣняла ея сумму, а эта сумма, согласно принципу вѣчности „механической" энергіи, неизмѣнна (см. Альб. Ланге, Ал. Риль и др.). Возраженіе это исходитъ изъ *механическаго* пониманія энергіи, и не имѣетъ никакого значенія для пониманія *методологическаго*, которое мы принимаемъ вслѣдъ за Р. Майеромъ, Махомъ, Оствальдомъ и др. Вотъ почему мы сочли излишнимъ останавливаться на этомъ возраженіи.

Digitized by Google

вается условно одинаковъ *). Этимъ уже устанавливается опредѣленная форма для энергетики переживаній, форма очень широкая и очень общая, которая должна имѣть опредѣленное научное и философское значеніе. Въ чемъ же именно то и другое заключается?

Что касается возможнаго научнаго значенія сдѣланныхъ нами выводовъ, то оно не требуетъ особыхъ поясненій, оно таково же, какъ вообще значеніе всякой обобщающей формулы, сжато резюмирующей связь фактовъ и такимъ путемъ непосредственно организующей опытъ. Здѣсь можетъ еще возникнуть вопросъ о томъ, пригодна ли данная формула, пока она является гипотетической, пока она не получила рѣшающей провѣрки на фактахъ, — пригодна ли она въ качествѣ исходной точки для дальнѣйшаго изслѣдованія, въ качествѣ «рабочей гипотезы»,—иначе ея значеніе могло бы быть только очень эфемернымъ. Но не трудно видѣть, что наша формула, имѣя дѣло съ принципіально-измѣримыми отношеніями (энергія нервныхъ процессовъ, интенсивность переживаній) открываетъ самый широкій просторъ попыткамъ экспериментальной провѣрки и детальнаго изслѣдованія, давая для нихъ опредѣленную руководящую нить (хотя бы даже только временную).

Другого рода — вопросъ о философскомъ значеніи формулы. Оно зависитъ всецѣло отъ того, насколько формула находится въ гармоніи со всѣми остальными выводами познанія, насколько органически сливается она съ ними, какъ тожественная или однородная, — словомъ, въ какой мѣрѣ проявляется въ ней та *всеобщая монистическая тенденція*, которая составляетъ философскую душу познанія. Этотъ критерій мы и должны примѣнить къ нашимъ психо-энергетическимъ выводамъ.

---

*) „Условно“—потому, что отъ насъ зависитъ считать въ анализѣ удовольствіе за положительную величину и страданіе—за отрицательную, а не наоборотъ.

Digitized by Google

II.

Прежде всего, очевидно, что если существуетъ прямая пропорціональность между жизнеразностями и непосредственными переживаніями, то невозможно представить себѣ ни жизнеразностей безъ соотвѣтственныхъ переживаній, ни наоборотъ, переживаній безъ жизнеразностей: нулевая величина однихъ соотвѣтствуетъ нулевой величинѣ другихъ, конечная величина однихъ конечной величинѣ другихъ. Это, какъ видимъ, опять тотъ же выводъ, къ которому критика психическаго опыта привела насъ раньше другимъ путемъ—путемъ сопоставленія переживаній и высказываній. Уже тогда для насъ выяснилось, что область переживаній, связанныхъ съ даннымъ организмомъ, нельзя безъ противорѣчій ограничивать сферою психическаго опыта данной особи; мы видѣли, что за предѣлами психическаго опыта необходимо принять множество переживаній и ихъ группировокъ, не входящихъ въ основную координацію, а потому и недоступныхъ непосредственному наблюденію, какъ недоступенъ такому же наблюденію психическій опытъ другихъ людей; мы пришли къ мысли, что непосредственныя переживанія должны существовать всюду, гдѣ есть живыя клѣтки и ихъ жизнеразности—всюду, гдѣ есть жизнь «физіологическая». Теперь мы вновь убѣждаемся, что эта идея есть неизбѣжная предпосылка гармонической, свободной отъ противорѣчій концепціи опыта.

Однако не пришли ли мы къ той философской доктринѣ, которая гласитъ, что физическое и психическое суть «двѣ параллельныя стороны одной непознаваемой въ себѣ сущности», или, въ болѣе позитивной варіаціи, «одной реальности», которая познается именно въ этихъ своихъ «двухъ сторонахъ»? Такова одна изъ формъ «монизма», еще очень распространенная въ наше время. Но мы никакъ не можемъ

Digitized by Google

остановиться на такой точкѣ зрѣнія, не можемъ хотя бы потому, что считаемъ ее вовсе не монистической, а *дуалистической*. Объединеніе двухъ «сторонъ», а съ ними двухъ методовъ познанія въ одномъ *словѣ* «реальность» вовсе не кажется намъ дѣйствительнымъ объединеніемъ; два метода познанія съ нашей точки зрѣнія могутъ означать только дуалистическое познаніе, а двѣ «параллельныя стороны» — только плохую геометрическую метафору. Рѣшенія занимающаго насъ вопроса тутъ еще нѣтъ, а есть въ лучшемъ случаѣ только его постановка; но и она не особенно удачна, такъ какъ при анализѣ опыта «сторонъ» оказывается не двѣ, а больше.

Поставимъ себѣ такой вопросъ: что есть «живое существо», напр., «человѣкъ»? и постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи, съ одной стороны, данныхъ опыта, съ другой стороны, тѣхъ обобщающихъ положеній (о связи жизнеразностей съ переживаніями), къ которымъ мы до сихъ поръ пришли.

«Живое существо», напр., «человѣкъ», это, прежде всего, опредѣленный комплексъ «непосредственныхъ переживаній», частью входящихъ въ одну основную координацію—«психическій опытъ», частью, какъ мы признали, въ нее прямо не входящихъ, но находящихся въ нѣкоторой (пока еще не получившей ближайшаго опредѣленія) связи съ этой координаціей. Таковъ «человѣкъ» въ его «непосредственномъ существованіи», такъ сказать, «человѣкъ an sich». Но не такимъ является онъ въ опытѣ *другого*.

Для другого «живого существа» человѣкъ выступаетъ, прежде всего, какъ *воспріятіе* въ ряду другихъ воспріятій, какъ опредѣленный зрительно-тактильно-акустическій комплексъ въ ряду другихъ комплексовъ. Этотъ комплексъ возникаетъ и исчезаетъ и вновь появляется въ такой же связи, какъ другія «воспріятія»; иногда онъ воспроизводится въ нѣсколько иной связи и съ иной окраской, какъ «представленіе». Таковъ *первоначальный психическій образъ* человѣка въ опытѣ другого человѣка.

Digitized by Google

Аналогичный, но во многихъ частностяхъ отличающійся комплексъ представляетъ человѣкъ и для самого себя, поскольку онъ «воспринимаетъ» свое «тѣло» при помощи зрѣнія, слуха, осязанія и т. д., какъ «воспринимаютъ» это «тѣло» другіе люди.

Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ развитіи опыта, «человѣкъ» оказывается для себя и для другихъ физическимъ тѣломъ въ ряду другихъ физическихъ тѣлъ. Это тѣло связано съ остальными тѣлами и вообще со всѣмъ «физическимъ міромъ» опредѣленной *объективной закономѣрностью*; оно при опредѣленныхъ условіяхъ возникаетъ, нѣкоторое время непрерывно существуетъ, подвергается опредѣленному, объективно обусловленному циклу измѣненій и, наконецъ, завершаетъ этотъ циклъ тѣмъ, что разрушается. Это также комплексъ зрительныхъ, тактильныхъ и прочихъ элементовъ, очень сходный съ двумя предыдущими фазами, вполнѣ «параллельный» имъ по выраженію Маха, но выступающій въ иной связи опыта: человѣкъ, какъ объективный физіологическій процессъ.

Наконецъ, благодаря тому, что люди взаимно «понимаютъ» другъ друга въ своихъ «высказываніяхъ», человѣкъ и для другихъ становится координаціей непосредственныхъ переживаній, «психическимъ процессомъ». Такое представленіе, присоединяясь къ предыдущему, составляетъ съ нимъ вмѣстѣ обычный дуалистическій образъ человѣка, при чемъ дѣло довершается «интроекціей»: переживанія вкладываются въ физіологическій организмъ, и получается наиболѣе распространенное, вульгарно-синтетическое представленіе «человѣка». Человѣкъ является тогда себѣ и другимъ людямъ, какъ сочетаніе «тѣла» и находящейся внутри его «души»,—сочетаніе по меньшей мѣрѣ не особенно гармоничное.

Таковъ рядъ различныхъ понятій о «человѣкѣ», съ которыми имѣетъ дѣло познаніе. Возникаетъ задача, — оставаясь всецѣло на почвѣ опыта, свести всѣ эти понятія къ познавательному единству. Другими словами, надо свести ихъ взаимную связь къ простѣйшимъ, постояннымъ и всеобщимъ отно-

Digitized by Google

шеніямъ опыта. Такъ долженъ быть поставленъ вопросъ съ точки зрѣнія эмпиріомонизма.

Исходной точкой изслѣдованія для насъ естественно принять первое изъ указанныхъ понятій —«человѣкъ», какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, или, говоря общѣе, «жизнь» въ ея непосредственномъ осуществленіи. Каждое отдѣльное переживаніе есть уже болѣе или менѣе сложная группировка элементовъ опыта, на которые оно и можетъ быть разложено: жизненный процессъ есть организованное единство цѣлаго ряда такихъ группировокъ, взаимно связанныхъ то въ болѣе, то въ менѣе прочныя и устойчивыя координаціи. Развитіе жизни, при такомъ ея пониманіи, представляется какъ прогрессивная организація элементовъ опыта во все болѣе широкія и стройныя единства.

Этотъ организующій процессъ на различныхъ его стадіяхъ образуетъ жизненные комплексы самыхъ различныхъ типовъ строенія, различные по количеству элементовъ и по степени гармоничности ихъ объединенія. Но для познанія, монистически организующаго опытъ, между всѣми комплексами немыслимы *принципіальныя* различія, различія *по существу*, и отношенія между ними не могутъ быть принципіально иныя, чѣмъ между всякими вообще комплексами опыта. Такимъ образомъ, жизненные комплексы, комплексы переживаній взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, прямо или косвенно, — взаимно измѣняютъ другъ друга, взаимно *отражаются* одинъ въ другомъ, совершенно аналогично тому, какъ всякія комбинаціи элементовъ, съ которыми имѣетъ дѣло познаніе.

Но какъ вообще «отражаются» одни въ другихъ комплексы опыта? При всемъ разнообразіи этихъ отношеній, они существенно сходны для всей области опыта, какъ «физическаго», такъ и «психическаго» — и легко обобщаются въ одной формулѣ. Что касается міра «физическаго», то мы, напр., знаемъ, какъ «отражается» форма предметовъ въ физико-химическомъ строеніи свѣточувствительной пластинки фотографическаго аппарата, какъ «отражаются колебанія» воздушнаго давленія въ

Digitized by Google

движеніяхъ стрѣлки анероида, измѣненія естественной среды растительнаго или животнаго организма—въ измѣненіяхъ структуры его тканей и органовъ и т. д. Совершенно аналогичнымъ образомъ происходитъ дѣло и съ «психическими» комплексами. Возникшій въ психикѣ образъ съ особенно сильной аффекціональной окраской удовольствія или страданія «отражается» во всѣхъ другихъ образахъ, встрѣчающихся съ нимъ въ полѣ сознанія, налагая на нихъ свой отпечатокъ, дѣлая ихъ яркими, живыми, свѣтлыми или наоборотъ, тусклыми, блѣдными, мрачными. Новая идея, возникшая въ сознаніи, «отражается» обыкновенно во многихъ частныхъ представленіяхъ, вступающихъ въ связь съ нею. Такъ, съ того момента, какъ человѣкъ усвоилъ себѣ общее представленіе о строеніи и функціяхъ живыхъ организмовъ, измѣняются шагъ за шагомъ всѣ его частныя представленія о томъ или другомъ человѣкѣ, животномъ, растеніи, которые вступали въ поле его опыта: общая біологическая идея «отражается» во всѣхъ этихъ представленіяхъ, усложняя и обогащая ихъ содержаніе новыми отношеніями и элементами. Новая философская концепція, проникшая въ міровоззрѣніе человѣка, можетъ «отразиться» во всѣхъ частыхъ комбинаціяхъ, изъ которыхъ слагается это міровоззрѣніе; напр., монистическая идея существенно преобразуетъ строеніе всѣхъ образовъ сознанія, сформированныхъ раньше по дуалистическому типу, сглаживая рѣзкія границы, создавая между группировками такіе переходы и связи, которыхъ раньше не было.

Подобныхъ иллюстрацій можно было бы привести безконечное множество, но и приведенныхъ вполнѣ достаточно, чтобы вывести общую формулировку, которая должна быть приблизительно такова:

комплексъ *A*, прямо или косвенно отражаясь въ комплексѣ, *B*, воспроизводится въ немъ не въ своемъ непосредственномъ видѣ, но въ видѣ опредѣленнаго ряда измѣненій этого второго комплекса, измѣненій, связанныхъ съ содержаніемъ и строеніемъ перваго комплекса функціональной зависимостью.

Digitized by Google

Очевидно, что эта формула выражаетъ всѣ случаи *взаимнаго вліянія* («взаимодѣйствія») комплексовъ опыта. Въ своихъ различныхъ модификаціяхъ она соотвѣтствуетъ различнымъ исторически развивавшимся формамъ пониманія «причинности» явленій *). И эта формула является также вполнѣ достаточной, чтобы монистически выразить связь различныхъ «параллельныхъ сторонъ» жизни, или, что то же, «объяснить» ихъ параллелизмъ.

Первое понятіе «жизни», то, къ которому привела насъ критика психическаго опыта, какъ мы указали, сводится къ слѣдующему. Жизненный процессъ, взятый въ его непосредственномъ содержаніи («жизнь an sich») есть комплексъ переживаній, въ различной мѣрѣ объединяемыхъ организующей связью въ одно цѣлое. Комплексъ этотъ можетъ прямо или косвенно «отражаться» въ другихъ аналогичныхъ комплексахъ но, согласно всеобщей формулѣ отношеній опыта, онъ «отражается» въ нихъ не какъ таковой, не въ своемъ непосредственномъ видѣ, а въ видѣ такого или иного ряда измѣненій этихъ комплексовъ, въ видѣ входящей въ нихъ новой группировки элементовъ, усложняющей ихъ «внутреннія» отношенія. *Эта новая группировка и есть „воспріятіе“ даннаго жизненнаго процесса въ другомъ подобномъ процессѣ*, напр., воспріятіе «человѣка» (какъ организма), выступающее въ ряду переживаній другого человѣка. Это «воспріятіе», какъ всякое вообще «отраженіе», отнюдь не есть прямая копія «отражаемаго», но связано съ нимъ лишь опредѣленной, въ различныхъ случаяхъ различной, *функціональной зависимостью*. И, какъ мы знаемъ, такая функціональная зависимость между переживаніями одного живого существа, и воспріятіемъ этого

*) Терминъ „отраженіе“ мы примѣняемъ здѣсь исключительно въ виду его наглядности. Пользуясь выраженіемъ болѣе точнымъ, мы должны были бы говорить о „результатахъ вліянія одного комплекса на другой“, объ ихъ функціональной зависимости отъ содержанія „вліяющаго“ комплекса; это было бы и очень отвлеченно, и очень тяжеловѣсно.

Digitized by Google

существа въ опытѣ другого имѣется въ дѣйствительности; на ней основано всякое общеніе живыхъ существъ, ихъ взаимное «пониманіе».

Здѣсь очень важно еще одно обстоятельство. Взаимодѣйствіе «живыхъ существъ» не совершается прямо и непосредственно; переживанія одного не лежатъ въ полѣ опыта другого. Одинъ жизненный процессъ «отражается» въ другомъ лишь косвенно, а именно при посредствѣ «среды». Но что такое «среда»?

Понятіе это имѣетъ смыслъ только въ противопоставленіи тому, что имѣетъ свою «среду», т.-е. въ данномъ случаѣ — жизненному процессу. Если мы разсматриваемъ жизненный процессъ, какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, то «среда» будетъ все, что не входитъ въ этотъ комплексъ. Если же это та «среда», при посредствѣ которой одни жизненные процессы «отражаются» въ другихъ, то она должна представлять изъ себя совокупность элементовъ, не входящихъ въ организованные комплексы переживаній—совокупность неорганизованныхъ элементовъ, хаосъ элементовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это то, что въ воспріятіи и въ познаніи выступаетъ для насъ, какъ «неорганическій міръ».

Тутъ надо устранить возможныя недоразумѣнія. *Въ нашемъ опытѣ* неорганическій міръ не есть хаосъ элементовъ, а рядъ опредѣленныхъ пространственно-временныхъ группировокъ; *въ нашемъ познаніи* онъ превращается даже въ стройную систему, объединенную непрерывной закономѣрностью отношеній. Но «въ опытѣ» и «въ познаніи», это значитъ — въ чьихъ-либо *переживаніяхъ;* единство и стройность, непрерывность и закономѣрность принадлежатъ именно переживаніямъ, какъ организованнымъ комплексамъ элементовъ; взятый независимо отъ этой организованности, взятый «an sich», неорганическій міръ есть именно хаосъ элементовъ, полное или почти полное безразличіе. Это отнюдь не метафизика, это только выраженіе того факта, что неорганическій міръ не есть жизнь, и той основной монистической идеи, что неорга-

Digitized by Google

ническій міръ отличается отъ живой природы не своимъ матеріаломъ (тѣ же «элементы», что и элементы опыта), а своей неорганизованностью (точнѣе, вѣроятно, *низшей* организованностью).

Если неорганизованная «среда» является промежуточнымъ звеномъ во взаимодѣйствіи жизненныхъ процессовъ, если при посредствѣ ея комплексы переживаній «отражаются» одинъ въ другомъ, то не представляетъ ничего новаго и страннаго тотъ фактъ, что при посредствѣ ея же данный жизненный комплексъ «отражается» и въ себѣ самомъ. Комплексъ *A*, воздѣйствуя на комплексъ *B*, можетъ при посредствѣ его оказать вліяніе на комплексъ *C*, — но также и на комплексъ *A*, т.-е. на самого собя. Такъ, въ сѣтчаткѣ глаза, при посредствѣ свѣтовой среды, получается не только изображенія другихъ предметовъ, напр., чужого глаза, но также, при опредѣленной комбинаціи условій, изображеніе этого самого глаза; живой организмъ, измѣняя свою жизненную среду, косвенно измѣняетъ себя самого, такъ какъ эта измѣненная среда въ свою очередь воздѣйствуетъ на него. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, что живое существо можетъ имѣть «внѣшнее воспріятіе» себя самого, можетъ видѣть, осязать, слышать себя, и т. д., т.-е. можетъ въ ряду своихъ переживаній находить такія, которыя представляютъ косвенное (при посредствѣ «среды») отраженіе этого же самаго ряда. Естественно также, что это «воспріятіе» окажется въ значительной мѣрѣ сходно съ «воспріятіемъ» даннаго жизненнаго процесса другими аналогично-организованными живыми существами, но отчасти также будетъ отъ него отличаться, въ силу не вполнѣ одинаковыхъ отношеній къ «средѣ», составляющей промежуточное звено между жизненнымъ процессомъ и его «воспріятіемъ». Напр., зрительное воспріятіе лица *A* у него самого во многомъ не такое, какъ у другихъ окружающихъ его людей—*B*, *C* и т. д.; но это различіе того же порядка, какъ различіе воспріятія *A* въ психикѣ другого лица *B* въ зависимости отъ разстоянія, взаимнаго положенія того и

Digitized by Google

другого, отъ освѣщенія, отъ мѣста, занимаемаго разными предметами среды, и пр. Словомъ, отношеніе «жизни» и ея «внѣшняго воспріятія» и здѣсь ничѣмъ принципіально не отличается отъ обычныхъ отношеній между какимъ-либо комплексомъ опыта и его «отраженіемъ».

Остается, наконецъ, еще одна и послѣдняя изъ основныхъ фазъ пониманія «жизни»—ея *объективная* концепція: жизнь, какъ объективно-закономѣрный процессъ въ ряду другихъ процессовъ объективнаго, «физическаго» міра. Съ точки зрѣнія индивидуалистической психологіи, эта фаза всецѣло выводится изъ ассоціацій личнаго опыта: координируя свои воспріятія и представленія, психика вырабатываетъ для нихъ пространственно-временной порядокъ; тѣсно объединяя въ этой системѣ воспріятія и представленія, взаимно сходныя по элементамъ, строенію и по отношеніямъ съ другими комплексами, психика образуетъ изъ нихъ «тѣла» и «процессы» объективнаго міра.

Такъ, съ этой точки зрѣнія, объективно-существующее «тѣло» человѣка является, въ опытѣ его самого и каждаго изъ другихъ людей, результатомъ простой индивидуальной координаціи (въ пространственно-временномъ порядкѣ) различныхъ «воспріятій» этого «тѣла» въ данной психикѣ.—Но для насъ такое пониманіе дѣла представляется весьма недостаточнымъ.

Мы не будемъ подробно излагать здѣсь наши воззрѣнія по этому вопросу, такъ какъ это выполнено въ предыдущей нашей статьѣ—«Идеалъ познанія»; мы ограничимся тѣмъ, что сжато резюмируемъ свою точку зрѣнія.—Она такова. Характеристикой «физическаго» міра со всѣми его «тѣлами» или «процессами» является его «объективность», т.-е. общезначимость. Принимая «объективный» опытъ съ его связью и закономѣрностью, человѣкъ принимаетъ тѣмъ самымъ, что этотъ опытъ, эта связь и закономѣрность не только для него и въ данное время, но для всякаго познающаго существа и во всякое время имѣютъ одинаковое познавательное значеніе. Такое отношеніе къ опыту не можетъ сложиться исключи-

Digitized by Google

тельно на почвѣ опыта индивидуальнаго; оно является результатомъ взаимнаго пониманія живыхъ существъ въ ихъ высказываніяхъ, и взаимнаго согласованія, взаимной гармонизаціи «высказываемыхъ» переживаній; словомъ, оно возникаетъ путемъ коллективной организаціи опыта.

Всего легче и яснѣе это можно показать на всеобщихъ формахъ «объективности» опыта, каковы «чистое» или «ариѳметическое» время, «чистое» или «геометрическое» пространство, и причинность. Ариѳметическое время и геометрическое пространство характеризуется своей полной *однородностью, непрерывностью и безграничностью;* для всѣхъ этихъ основныхъ чертъ нѣтъ почвы въ индивидуальномъ опытѣ, въ которомъ вырабатывается только «физіологическое» время и «физіологическое» пространство, неоднородныя въ своихъ частяхъ, лишенныя непрерывности и конечныя по своей величинѣ. Точно такъ же въ индивидуальномъ опытѣ нѣтъ почвы для всеобщихъ объективныхъ отношеній причинности, а могутъ сложиться только *привычныя отношенія послѣдовательности явленій*, отношенія частнаго характера.

Такимъ образомъ формы «объективности» опыта суть формы его соціальной координаціи, а «объективный опытъ», вообще, опытъ соціально-организованный *). Всякія «объективно существующія» тѣла и процессы являются продуктомъ соціальнаго согласованія воспріятій и представленій, «переживаемыхъ» отдѣльными людьми и «выражаемыхъ» высказываніями. Таковы и «живыя тѣла»,—физіологическіе процессы, то, что называется «физіологической стороной» жизни. Какъ видимъ, тутъ нѣтъ никакой особой «стороны» жизненнаго процесса, а только особый типъ группировки того же матеріала, какой имѣется

*) Хотя бы „опытъ“ былъ по содержанію въ отдѣльномъ случаѣ еще только индивидуальнымъ, онъ есть опытъ соціально-организованный или объективный, если вполнѣ укладывается въ формы „объективности“ опыта, въ формы его соціальнаго согласованія. См. вышеупомянутую статью.

Digitized by Google

въ предыдущихъ двухъ фазахъ понятія жизни (жизнь во «внѣшнемъ воспріятіи» различныхъ живыхъ существъ и, конечно, въ соотвѣтствующемъ ихъ «представленіи»).—Это результатъ коллективной гармонизаціи тѣхъ безчисленныхъ «отраженій», которыя порождаются одними жизненными комплексами въ другихъ.

Благодаря этой гармонизаціи достигается то, что «объективное» представленіе жизни (какъ физіологическаго процесса) все въ большей мѣрѣ начинаетъ соотвѣтствовать ея дѣйствительному, *непосредственному* содержанію. Психо-энергетика впервые создаетъ настоящій *познавательный параллелизмъ* между жизнью, какъ комплексомъ переживаній, и ея отраженіемъ въ соціально-организованномъ опытѣ *). Въ то же время отношеніе между жизнью въ ея непосредственномъ содержаніи и между жизнью объективированной для познанія оказывается принципіально то же, что между какимъ бы то ни было комплексомъ опыта и его отраженіемъ въ другомъ комплексѣ. Тутъ не остается мѣста никакому дуализму. Это точка зрѣнія *эмпиріомонизма*.

Съ этой точки зрѣнія какъ нельзя болѣе просто и понятно, какимъ образомъ для каждаго человѣка, кромѣ его собственнаго непосредственно-психическаго опыта, существуетъ также психическій опытъ другихъ людей и вообще другихъ живыхъ существъ. Этотъ чужой опытъ, какъ мы знаемъ, конструируется на основаніи высказываній. Воспроизводя чужое «сознаніе», психика дѣйствуетъ по типу фонографа. Воспринятыя вами высказыванія другихъ людей представляютъ своеобразное «отраженіе» ихъ переживаній, отраженіе очень «непохожее», но функціонально-зависимое отъ «отражаемаго»,—

*) Намъ нѣтъ надобности останавливаться на обычныхъ „психо-физическихъ“, всегда, въ сущности, дуалистическихъ представленіяхъ о жизни (жизнь, какъ совокупность параллельныхъ или не параллельныхъ рядовъ психическаго опыта и физіологическихъ процессовъ). Это исторически необходимая и преходящая комбинація.

Digitized by Google

точно такъ же какъ черточки на валикѣ фонографа «непохожи» на отразившуюся въ нихъ мелодію, но функціонально-зависимы отъ ея строенія. И какъ эти черточки при движеніи фонографа служатъ исходной точкой «воспроизведенія» мелодіи, т.-е. собственно *второго ея отраженія*, болѣе съ ней сходнаго, чѣмъ первое, такъ чужія высказыванія при ассоціативной дѣятельности сознанія служатъ исходной точкой «воспроизведенія» чужихъ переживаній, т.-е. второго ихъ отраженія, болѣе съ ними сходнаго, чѣмъ первое. Чужой психическій опытъ въ нашемъ познаніи есть *отраженное отраженіе* непосредственныхъ переживаній другихъ существъ.

Въ предыдущемъ мы показали, что стройная и гармоническая концепція опыта возможна только въ томъ случаѣ, если мы за всякой физіологической организаціей жизни будемъ принимать «ассоціативную» организацію переживаній — если признаемъ полный параллелизмъ жизни въ «объективныхъ» и «субъективныхъ» ея проявленіяхъ. Другими словами, всякій «физіологическій» процессъ долженъ разсматриваться, какъ обнаруженіе, «высказываніе» ассоціативныхъ, непосредственныхъ комплексовъ (мы назвали бы ихъ «психическими», если бы съ этимъ терминомъ не соединялось обыкновенно представленіе объ извѣстной сложности переживаній).

Не слѣдуетъ ли распространить этотъ принципъ, кромѣ живой природы, также на всю «мертвую», неорганическую? Для послѣдовательнаго монистическаго мышленія, это неизбѣжно, но только какъ *познавательная тенденція;* конкретно же осуществить ее мы въ настоящее время *почти* не въ силахъ. Фонографъ только тогда можетъ правильно воспроизвести мелодію, когда игла его движется въ средѣ, достаточно сходной съ тою, въ которой мелодія была воспринята (т.-е. съ атмосферою). Помѣстите фонографъ въ воду или въ безвоздушное пространство — и воспроизведеніе записанныхъ фонографомъ мелодій въ прежней ихъ формѣ не удастся ни въ какомъ случаѣ: То же относится и къ «фонографической» дѣятельности психики. Наша психика тѣмъ менѣе точно воз-

Digitized by Google

создаетъ переживанія другого существа, чѣмъ менѣе сходна она съ психикой этого существа: несходство психической среды переживаній препятствуетъ «пониманію» чужихъ высказываній. Намъ удается еще до извѣстной степени воспроизводить въ своей психикѣ различныя переживанія высшихъ животныхъ, и это познавательно-полезно, такъ какъ помогаетъ намъ предвидѣть ихъ дѣйствія. Но уже по отношенію къ низшимъ животнымъ—сравнительно рѣдко удается стать на точку зрѣнія ихъ психики; обыкновенно мы не «понимаемъ» ихъ высказываній настолько, чтобы предвидѣть что-либо на этомъ основаніи. Такимъ образомъ, уже здѣсь чаще приходится подставлять «физіологическое» вмѣсто «психическаго», чѣмъ наоборотъ. По отношенію къ растеніямъ самое понятіе «высказываній» становится почти безполезнымъ; тѣмъ болѣе безполезно оно по отношенію къ неорганическому міру. Ассоціативные комплексы—это комплексы опредѣленнымъ образомъ *организованные*; какимъ образомъ можемъ мы ихъ подставить подъ неорганическія явленія, въ которыхъ вообще не находимъ организованности? Хаосъ элементовъ—вотъ въ какомъ видѣ приходится намъ представлять неорганическій міръ «въ самомъ себѣ».

Первобытный анимистъ и современный поэтъ отнюдь не выходятъ за предѣлы законныхъ пріемовъ познавательнаго творчества, когда они «одушевляютъ» всю природу. Но научное познаніе изъ безчисленныхъ примѣненій этихъ пріемовъ выбираетъ только то, что можетъ послужить къ расширенію человѣческаго «предвидѣнія», т.-е. въ концѣ концовъ къ возрастанію власти человѣка надъ природою.

III.

Та элементарно-простая и понятная концепція жизни, которую мы приняли, неминуемо должна встрѣтить рядъ возраженій, съ которыми мы и должны, по мѣрѣ возможности, считаться заранѣе. Мы не обязаны, конечно, принимать во вни-

Digitized by Google

маніе тѣ безчисленныя недоумѣнія и противорѣчія, которыя будутъ исходить изъ привычныхъ дуалистическихъ концепцій или изъ метафизическихъ основаній: первыя потому, что дѣло идетъ какъ разъ объ устраненіи всякаго дуализма, вторыя— потому что наша задача отнюдь не выходитъ за предѣлы гармонизаціи возможнаго опыта и, слѣдовательно, не имѣетъ къ мет-эмпиріи никакого отношенія. Но явятся и такія возраженія, которыя будутъ стоять всецѣло на эмпирической почвѣ; легко предвидѣть тѣ изъ нихъ, которыя должны представляться наиболѣе очевидными и естественными.

Прежде всего, можетъ показаться страннымъ, до какой степени велико въ нашей концепціи несходство между «отраженіемъ» и «отражаемымъ». Если «воспріятіе» живого существа *A* въ сознаніи другого существа *B* есть отраженіе всего комплекса переживаній *A* въ комплексѣ *B*, то это, какъ будто, слишкомъ ужъ незначительное и непохожее отраженіе: колоссальный комплексъ переживаній, охватывающій цѣлый міръ индивидуальнаго опыта, съ одной стороны, и незначительная зрительно-тактильно-акустическая комбинація элементовъ, съ другой: что здѣсь общаго? Отвѣтить легко: общаго здѣсь то, что всегда имѣется общаго между «отражаемымъ» и «отраженіемъ», насколько извѣстна намъ связь опыта: это общее— функціальная зависимость «отраженія» и «отражаемаго». Зависимость эта достаточно опредѣленна и полна, чтобы существо *B*, на основаніи своего воспріятія *A*, могло «понимать» *A*, т.-е. представлять себѣ, съ приблизительной вѣрностью, его непосредственныя переживанія и ихъ измѣненія, нерѣдко даже очень незначительныя. Иного «сходства» мы и ожидать не можемъ. Какое «сходство» между перемѣной погоды и между движеніемъ ртутныхъ столбиковъ барометра и термометра? Между тѣмъ, для метеоролога это достаточно ясныя «отраженія». И притомъ здѣсь еще скорѣе можно было бы ожидать нѣкотораго непосредственнаго сходства между отражаемымъ и отраженіемъ, потому что дѣло идетъ о вліяніи одного *неорганизованнаго* комплекса элементовъ —

Digitized by Google

атмосфера — на другой, также *неорганизованный* — ртутный столбикъ: неорганизованные комплексы должны «отражать» другъ друга съ наименьшимъ, такъ сказать, сопротивленіемъ.— Напротивъ, комплексы организованные, т.-е. стройные, устойчивые, сохранявшіеся подъ различными вліяніями, должны «отражать» эти вліянія въ наиболѣе «измѣненномъ» видѣ. Сложившаяся организація жизни отнюдь не простое зеркало для ея среды.

Но, скажетъ читатель, даже для чисто функціональной зависимости тутъ дано слишкомъ мало. Человѣкъ живетъ, положимъ, страшно интенсивной жизнью; за самое короткое время его психика испытываетъ цѣлые перевороты, вся дѣятельность сознанія мѣняетъ свое направленіе и характеръ, а «воспріятіе» этого человѣка, т.-е. отраженіе его переживаній въ психикѣ другого, остается приблизительно такимъ же, какъ и прежде. Отчего оно не мѣняется столь же радикально, какъ и то, чего «отраженіемъ» оно является?

Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи. Тотъ организованный комплексъ переживаній, который составляетъ данное «существо», вовсе не подвергается *въ своемъ цѣломъ* такимъ «переворотамъ», какіе происходятъ въ сферѣ «сознанія», не подвергается никогда, кромѣ развѣ случая дезорганизаціи, т.-е. смерти. Въ предыдущемъ было достаточно выяснено, что дѣйствительная сумма переживаній, соотвѣтствующая данному физіологическому организму, неизмѣримо шире того, что въ данный моментъ имѣется въ полѣ сознанія. Даже область собственно «психическаго опыта», считая въ ней всю совокупность переживаній, сохраняющихся въ сферѣ «памяти» и возобновляющихся въ сознаніи при наличности извѣстныхъ условій, даже эта область почти безконечно превосходитъ по своимъ размѣрамъ всякое данное поле сознанія: въ этомъ полѣ выступаютъ, главнымъ образомъ, текущія жизненно важныя измѣненія въ системѣ психическаго опыта. Съ какой бы быстротой и интенсивностью ни совершалась работа сознанія, она не можетъ внести большихъ перемѣнъ въ самую обшир-

Digitized by Google

ную область опыта — область прошлаго, и въ самыя главныя его группировки — общія формы координаціи, выработанныя этимъ прошлымъ опытомъ.—Но и вся сфера психическаго опыта составляетъ только часть и, можно думать, незначительную часть той суммы переживаній, которая въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ данному «организму»: психическій опытъ есть только главная координація этихъ переживаній; но кромѣ нея, какъ мы видѣли, существуетъ еще множество побочныхъ, находящихся съ ней въ связи, но и въ то же время относительно независимыхъ координацій, болѣе узкихъ и менѣе организованныхъ; всякой живой клѣткѣ соотвѣтствуетъ, съ нашей точки зрѣнія, нѣкоторый, хотя бы незначительный комплексъ переживаній, и эти безчисленные комплексы лишь въ ничтожномъ меньшинствѣ случаевъ попадаютъ въ сферу непосредственнаго психическаго опыта. Такое живое существо, какъ человѣкъ, это — цѣлый міръ переживаній, и всѣ «перевороты», происходящіе въ сознаніи, преобразуютъ каждый разъ лишь ничтожную часть этого міра. Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что и «внѣшнее воспріятіе», которое является «отраженіемъ» этого міра въ другомъ подобномъ мірѣ, лишь незначительно измѣняется при кажущихся переворотахъ психики *). И все же оно измѣняется настолько, что въ большинствѣ случаевъ достаточно «выражаетъ» подобные перевороты, иначе они не могли бы быть замѣчены и поняты другими живыми существами при помощи высказываній.

Но простое «воспріятіе» одного живого существа въ опытѣ другого (или его самого) есть только низшая фаза «отраженія» жизненнаго коплекса въ другихъ такихъ комплексахъ

---

*) Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія вполнѣ мыслимо двойственное сознаніе при одномъ „физіологическомъ организмѣ“: оно означало бы лишь частичную дезорганизацію въ сферѣ психическаго опыта, т.-е. опять-таки въ одной частной области даннаго комплекса переживаній — „живого существа“.

Digitized by Google

(или въ немъ самомъ). На дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія изъ такихъ «воспріятій» создаются «тѣла» и «процессы» объективнаго міра. Это происходитъ путемъ накопленія индивидуальнаго опыта—съ одной стороны, и путемъ соціальнаго общенія—съ другой. Въ личномъ опытѣ однородныя воспріятія и представленія объединяются въ прочные комплексы; взаимная передача переживаній при обмѣнѣ особей высказываніями ведетъ къ тому, что однородные комплексы, сложившіеся въ опытѣ различныхъ особей, взаимно дополняются и гармонизируются, пріобрѣтая характеръ общезначимости или объективности, становясь комплексами соціально-организованнаго опыта. Такъ получаются «физическія тѣла» и «процессы». Въ ряду ихъ выступаютъ и «живые организмы», объективныя физіологическія координаціи—отраженіе индивидуальной жизни въ соціально-организующемся опытѣ, отраженіе неизмѣримо болѣе сложное и полное, чѣмъ отдѣльное «воспріятіе» живого организма въ опытѣ другого.

Непрерывно расширяющійся коллективный опытъ, принимающій въ жизни культурнаго человѣчества форму опыта научнаго, основаннаго на планомѣрномъ изслѣдованіи, вноситъ все новыя и новыя черты въ понятіе о физіологическомъ процессѣ, обогащаетъ представленіе объ организмѣ новыми и новыми элементами. Въ результатѣ—«отраженіе» начинаетъ все точнѣе соотвѣтствовать «отражаемому», функціональная связь того и другого стоновится все болѣе прямой и отчетливой. Имѣя передъ собою тѣ или иныя «непосредственныя переживанія», люди сознательно ищутъ прямо соотвѣтствующихъ имъ физіологическихъ процессовъ, и наоборотъ. При этомъ всѣ различныя степени и формы организаціи непосредственныхъ переживаній находятъ себѣ объективное отраженіе въ различныхъ степеняхъ и формахъ организаціи физіологической. Это *психо-физіологическій параллелизмъ жизни*, но не въ дуалистическомъ, а въ строго монистическомъ его значеніи: параллелизмъ не двухъ аттрибутовъ одной субстанціи, не двухъ сторонъ одной реальности, а параллелизмъ отражае-

Digitized by Google

маго съ его отраженіемъ, такой же, какой наблюдается при взаимодѣйствіи всѣхъ возможныхъ комплексовъ опыта, когда одни комплексы «отражаются» въ другихъ и обратно.

Путь, которымъ мы пришли къ принятой нами точкѣ зрѣнія, въ основныхъ чертахъ таковъ. Вслѣдъ за большинствомъ современныхъ психологовъ, мы признали, какъ фактъ, психофизіологическій параллелизмъ жизни, или, говоря общѣе, функціональную зависимость между жизнью физіологической и непосредственными переживаніями. Объясненія этой связи мы считали возможнымъ искать только въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ опыта, не пытаясь выйти за его предѣлы. Въ опытѣ параллелизмъ или однозначущая функціональная зависимость выступаетъ, какъ постоянное отношеніе, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ «отраженіи» одного комплекса въ другомъ или, выражаясь точнѣе и отчетливѣе, о результатахъ вліянія одного комплекса на другой. Конечно, параллельны не только «отраженіе» съ «отражаемымъ», но также и два «отраженія» одного и того же третьяго; однако, такъ какъ въ опытѣ мы не находимъ ничего третьяго, «отраженіемъ» чего могли бы быть одновременно и физіологическій процессъ, и потокъ непосредственныхъ переживаній, а за предѣлы опыта мы не умѣли и не желали выходить, то мы должны были принять, что изъ двухъ послѣднихъ одно является «отражаемымъ», а другое «отраженіемъ». Но такъ какъ исторія психическаго развитія показываетъ, что объективный опытъ съ его непрерывной связью и стройной закономѣрностью есть результатъ долгаго развитія, и лишь шагъ за шагомъ кристаллизуется изъ потока непосредственныхъ переживаній, то намъ оставалось только принять, что *объективный* физіологическій процессъ есть «отраженіе» комплекса непосредственныхъ переживаній, а не наоборотъ. Дальше оставался вопросъ: если «отраженіе», то въ чемъ же именно? Отвѣтъ мы дали сообразно съ принятой нами соціально-монистическій концепціей опыта. Признавая общезначимость объективнаго опыта за выраженіе его соціальной организованности, мы пришли къ слѣдующему

Digitized by Google

эмпиріомонистическому выводу: жизнь физіологическая есть результатъ коллективной гармонизаціи «внѣшнихъ воспріятій» живого организма, изъ которыхъ каждое является отраженіемъ одного комплекса переживаній въ другомъ (или въ немъ самомъ). Другими словами: *физіологическая жизнь есть отраженіе жизни непосредственной въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ.*

Digitized by Google

Universum.

(Эмпиріомонизмъ отдѣльнаго и непрерывнаго).

Эмпиріомонистическая точка зрѣнія на жизнь и міръ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ новымъ вопросомъ, съ новой загадкой. Если различныя координаціи ассоціативнаго характера могутъ «отражаться» одна въ другой, т.-е. вызывать одна въ другой измѣненія по типу причинной связи, то онѣ должны находиться въ нѣкоторомъ «общемъ полѣ», быть не вполнѣ «отдѣльными» одна отъ другой. — Для дуализма *въ этомъ пунктѣ* особыхъ трудностей не возникаетъ. Онъ принимаетъ, что всѣ «тѣла» находятся въ одномъ, непрерывномъ общемъ полѣ — въ «природѣ физической», и понятно, что тамъ они могутъ «воздѣйствовать» одно на другое; психика же «воздѣйствуетъ» на другую психику *при посредствѣ* тѣлъ, а не прямо; поэтому для двухъ психикъ и не требуется непосредственно «общаго поля» (хотя, конечно, требуется другое «общее поле»—для каждой психики съ соотвѣтственнымъ ей «тѣломъ»). Но мы признали, что сама «физическая природа» есть *производное* отъ комплексовъ непосредственнаго характера (къ числу которыхъ принадлежатъ и «психическія» координаціи), что она есть отраженіе такихъ комплексовъ въ другихъ, имъ аналогичныхъ, только самаго сложнаго типа (въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ). Такимъ образомъ

Digitized by Google

сдѣлать «физическій міръ» посредникомъ между отдѣльными непосредственными координаціями, напр., психикой человѣка *A* и человѣка *B*, оказывается невозможно. Для нихъ требуется иное всеобщее поле, иная система непрерывныхъ связей, которой непосредственный опытъ однако не даетъ. Какимъ образомъ чужое сознаніе, находясь, несомнѣнно, *внѣ* моего, можетъ порождать въ немъ измѣненія по закону причинности, который выражаетъ соотношенія *непрерывнаго* характера? Какимъ образомъ мои собственныя «безсознательныя переживанія» одновременно являются и жизненно-связанными съ главной координаціей—«сознаніемъ», какъ части одной и той же «психической системы», и отдѣльными отъ этой координаціи—«недоступными сознанію»? — Вообще, если познаніе стремится установить *непрерывность* всего, что познается, то какимъ образомъ оно можетъ допустить *отдѣльность* различныхъ явленій, какъ мирится оно съ тѣмъ фактомъ, что различные комплексы выступаютъ *не въ одномъ* полѣ, не сливаются въ одинъ непосредственный *πάν*-комплексъ?

Этотъ же вопросъ можно выразить, какъ задачу объ «индивидуальномъ» и «универсальномъ», какъ требованіе охватить одной стройной познавательной концепціей самостоятельность «частнаго» и единство «всеобщаго». Фатальный для философіи вопросъ объ «я» и «не-я» представляетъ изъ себя только часть, только извѣстную сторону этой задачи, и разрѣшается вмѣстѣ съ нею.

Познаніе не можетъ создать точной картины опыта, если въ ней не найдутъ себѣ мѣста всевозможные *перерывы* опыта. Но картина не будетъ монистической, если эти перерывы останутся простыми *нарушеніями непрерывности*. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы свести ихъ къ тѣмъ же объединяющимъ формамъ, которыя вообще создаютъ познавательную непрерывность «реальнаго», — подобно тому какъ перерывъ между «организмомъ» и «психикой» мы свели къ объединяющей непрерывности причинной связи. Если бы это не удалось, то мы пришли бы только къ новой формѣ

Digitized by Google

дуализма, или, пожалуй, къ плюрализму «непрерывностей, раздѣленныхъ перерывами». Здѣсь—рѣшающее испытаніе для эмпиріомонистической точки зрѣнія.

I.

Изслѣдованіе нашей задачи всего удобнѣе начать съ вопроса о реальномъ единствѣ психической системы—о жизненной связи «сознанія» и «безсознательнаго» въ рамкахъ такой системы.

Принимая полный параллелизмъ физіологическихъ процессовъ съ непосредственными переживаніями, принимая, что первые представляютъ опредѣленное «отраженіе» вторыхъ, мы пріобрѣли для своего анализа большое методологическое преимущество: возможность, вмѣсто одной «стороны» жизни подставлять, по мѣрѣ надобности, другую. Однѣ особенности жизненныхъ комплексовъ легче прослѣдить и систематизировать съ «физіологической» точки зрѣнія, другія—съ «психической». Вопросъ о реальномъ единствѣ живого существа, очевидно, цѣлесообразнѣе разсматривать сначала «физіологически», потому что физіологія даетъ намъ это единство и въ наиболѣе наглядной, и въ наиболѣе понятной формѣ, какъ единство «живого тѣла». Опираясь на всѣ пріобрѣтенія физіологическаго анализа, гораздо легче преодолѣть трудности анализа «непосредственныхъ переживаній».

Физіологически, живое существо представляется, какъ непрерывный, пространственно-ограниченный комплексъ физико-химическихъ процессовъ. Процессы эти познаются энергетически, какъ усвоеніе и затрата энергіи въ томъ или другомъ «мѣстѣ» организма. «Непосредственныя переживанія» соотвѣтствуютъ тѣмъ случаямъ, когда усвоеніе и затрата взаимно не уравновѣшиваются, когда возникаетъ «жизнеразность». Въ сферу «психическаго опыта» входятъ лишь тѣ изъ непосредственныхъ переживаній, которыя соотвѣтствуютъ жизнераз-

Digitized by Google

ностямъ центральнаго нервнаго аппарата—наиболѣе развитой, наиболѣе *связной* изъ физіологическихъ системъ организма. Но и эти переживанія еще далеко не всѣ протекаютъ въ предѣлахъ психическаго опыта: когда въ различныхъ уголкахъ центральной нервной системы «жизнеразности» протекаютъ изолированно, не сливаясь съ общимъ потокомъ жизнеразностей объединяющихъ, «высшихъ» центровъ, то соотвѣтственныя переживанія остаются «внѣ сознанія». Гдѣ прерывается связь жизнеразностей, тамъ прерывается и связь непосредственныхъ переживаній *).

Итакъ, «общее поле сознанія» существуетъ постольку, поскольку жизнеразности центральнаго органа взаимно связываются въ непрерывный рядъ. Предполагать, что для другихъ, внѣ-сознательныхъ координацій, дѣло обстоитъ иначе, мы, очевидно, не имѣемъ никакихъ основаній. Получается такой выводъ: непосредственныя переживанія выступаютъ въ одномъ полѣ (т.-е. въ непосредственной связи) въ тѣхъ же случаяхъ, когда физіологическія жизнеразности непосредственно соединяются между собою; непосредственныя переживанія протекаютъ въ различномъ полѣ, когда жизнеразности физіологически разъединены, не образуютъ непрерывной цѣпи въ физіологической системѣ.

---

*) Представленіе, котораго, повидимому, держался Р. Авенаріусъ, что жизнеразности, протекающія въ отдѣльныхъ „Partialsysteme", соединяются съ „фактами сознанія" (E—Werte), совершенно неудовлетворительно. Ему противорѣчатъ всѣ тѣ случаи, когда „Partialsystem", несомнѣнно, затронута раздраженіемъ и даже реагируетъ на него, но это не сознается (сложныя автоматическія дѣйствія при направленномъ въ другую сторону вниманіи). Конечно, „Partialsysteme" существуютъ, это доказывается ученіемъ о мозговой локализаціи; но ихъ спеціальныя жизнеразности связываются съ „сознаніемъ" постольку, поскольку эти „Partialsysteme" являются *исходной точкой общихъ координированныхъ* жизнеразностей высшихъ центровъ, поскольку ихъ жизнеразности вступаютъ въ непрерывный общій потокъ жизнеразностей центральнаго аппарата.

Digitized by Google

Предположимъ, что въ двухъ частяхъ физіологической системы, въ *A* и въ *C*, возникаютъ жизнеразности. Обѣ эти части жизненно связываются между собою при посредствѣ комплекса клѣтокъ и тканей *B*. Если и *B* находится въ состояніи жизнеразности, которая непосредственно переходитъ въ жизнеразности *A* и *C*, то переживанія, соотвѣтствующія всѣмъ этимъ жизнеразностямъ, выступаютъ въ одной координаціи, въ одномъ полѣ; если *B* находится въ состояніи жизненнаго равновѣсія, такъ что жизнеразности *A* и *C* разъединены между собою, то непосредственныя переживанія, соотвѣтствующія обѣимъ жизнеразностямъ, протекаютъ въ различныхъ, взаимно отдѣльныхъ координаціяхъ, являются въ различныхъ «поляхъ переживаній». Напримѣръ, одно изъ нихъ «сознается», а другое остается «внѣ сознанія».

Жизненное усвоеніе и жизненная затрата энергіи—процессы *непрерывные* и *взаимно-противоположные*. При жизненномъ равновѣсіи оба эти процесса не прекращаются, а только взаимно нейтрализуются. Процессъ усвоенія, если его разсматривать отдѣльно, есть непрерывная положительная жизнеразность, процессъ затраты энергіи—непрерывная жизнеразность отрицательная. Слѣдовательно, жизненное равновѣсіе представляетъ изъ себя опредѣленный случай *интерференціи жизнеразностей*—случай взаимнаго уничтоженія противоположныхъ жизнеразностей.

Какъ мы уже знаемъ, жизненное равновѣсіе соотвѣтствуетъ «нулевымъ» переживаніямъ — отсутствію непосредственныхъ переживаній. Если жизнеразность смѣняется равновѣсіемъ, переживаніе исчезаетъ—прерывается. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующій, очень важный для нашего анализа выводъ: *перерывы переживаній соотвѣтствуютъ полной интерференціи противоположныхъ жизнеразностей* *).

---

*) Для удобства изложенія, мы заранѣе условимся съ читателемъ употреблять терминъ „интерференція“ въ этомъ болѣе узкомъ значеніи—взаимнаго уничтоженія величинъ равныхъ,

Digitized by Google

Теперь постараемся выяснить, какія слѣдствія вытекаютъ изъ этого положенія для эмпиріомонистической концепціи психическаго опыта.

II.

Жизнеразность не есть величина просто алгебраическая, это—энергетическая величина *жизненныхъ процессовъ*. Она обладаетъ опредѣленной «формой», болѣе простой или болѣе сложной, и форма эта соотвѣтствуетъ опредѣленному типу и комбинаціи элементовъ «непосредственно переживаемаго» *).

Предположимъ, что въ извѣстныхъ нервныхъ центрахъ имѣется жизнеразность+А, «форма» которой намъ дана, и знакъ тоже, именно, плюсъ— перевѣсъ усвоенія надъ затратою энергіи. Этой жизнеразности соотвѣтствуетъ въ сферѣ «непосредственныхъ переживаній» вполнѣ опредѣленный комплексъ элементовъ; обозначимъ его *E*. Въ тѣхъ же самыхъ центрахъ вполнѣ мыслима жизнеразность отрицательная, по своей формѣ вполнѣ «симметричная» первой, т.-е. во всѣхъ частяхъ воспроизводящая первую, только съ обратнымъ знакомъ. Эту вторую жизнеразность можно обозначить, какъ *A*, потому что въ соединеніи съ первою она должна давать полную интерференцію—жизненное равновѣсіе. Но взятая отдѣльно, она въ свою очередь соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленному «непосредственно переживаемому» комплексу, который мы пока назовемъ *X*, потому что не знаемъ заранѣе, каковъ онъ именно.

Если обѣ жизнеразности выступаютъ вмѣстѣ и одновременно, то въ силу принимаемаго нами параллелизма мы съ

но взаимно противоположныхъ по знаку. Въ физикѣ терминъ этотъ, какъ извѣстно, служитъ для обозначенія также и иныхъ случаевъ—къ интерференціи волнъ относятся и тѣ комбинаціи когда одна волна, присоединяясь къ другой, усиливаетъ ее собою.

*) См. R. Avenarius „Kritik d. r. Erfahrung“, I, 73—76 слѣд., и II, 16—18 и слѣд.

Digitized by Google

полнымъ основаніемъ можемъ ожидать, что и оба комплекса «непосредственнаго» характера также являются совмѣстно. Однако, что же при этомъ получается? Обѣ жизнеразности *интерферируютъ*, образуя жизненное равновѣсіе, а оно означаетъ отсутствіе непосредственныхъ переживаній. Слѣдовательно, комплексы E и X, соединяясь, даютъ въ результатѣ нуль, *взаимно уничтожаютъ* другъ друга, т.-е. интерфирируютъ такъ же, какъ жизнеразности.

$$E+X=0; \text{ или } X=-E.$$

Необходимый выводъ: *интерференція жизнеразностей соотвѣтствуетъ интерференціи непосредственныхъ переживаній*. Эмпиріомонистически первая, очевидно, является отраженіемъ второй.

III.

Отвлеченная и дедуктивно добытая формула, которая говоритъ объ интерференціи переживаній, не можетъ имѣть для насъ никакого реальнаго значенія, пока не обнаружено, какія конкретныя содержанія охватываетъ она собою. Требуется выяснить вопросъ, въ чемъ заключается интерференція переживаній, какія переживанія интерферируютъ между собою, взаимно уничтожая другъ друга. Отвѣта слѣдуетъ искать, очевидно, въ области психическаго опыта.

Какъ извѣстно, психическій опытъ представляетъ изъ себя непрерывный рядъ *измѣненій*, въ которомъ различные комплексы возникаютъ и исчезаютъ, замѣняясь новыми. Вступленіе какого-нибудь комплекса въ поле сознанія, его сохраненіе и его удаленіе изъ этого поля—къ этимъ тремъ моментамъ и въ то же время къ этимъ тремъ *типамъ* сводятся всѣ непосредственныя переживанія, какія намъ извѣстны. Логически очевидно, что первый и третій моменты взаимно-противоположны, и если они протекаютъ одновременно въ полномъ

Digitized by Google

взаимномъ соотвѣтствіи, то должны уничтожать другъ друга; а это и будетъ интерференція, дающая «нулевое переживаніе.

Но на это строгій критикъ можетъ сказать, что такой выводъ есть чисто формальная дедукція, подъ которую нельзя подставить дѣйствительныхъ наблюденій. Если въ дѣйствительности подобная интерференція происходитъ, то вѣдь констатировать ее невозможно: «нулевое», интерферированное переживаніе совершенно неуловимо; и тѣмъ болѣе нельзя установить, что оно возникло изъ двухъ параллельныхъ переживаній—возникновенія и уничтоженія какого-то комплекса. Нельзя, конечно, опровернуть той мысли, что если въ сознаніи какой-нибудь комплексъ уничтожается ровно настолько же, насколько возникаетъ, то въ результатѣ для сознанія ничего не получается; но не есть ли это *мнимая* мысль, пустая тавтологія, изъ которой нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ?

Отвѣтъ мы почерпнемъ изъ крайне простого эксперимента, который одновременно и докажетъ намъ существованіе эмпирической основы для нашего вывода, и выяснитъ отношеніе всѣхъ трехъ моментовъ «переживанія».

Пусть передъ нами имѣется непрозрачный черный экранъ, который закрываетъ для насъ поле зрѣнія. Въ этомъ экранѣ имѣется только одно маленькое отверстіе, чрезъ которое мы видимъ ограниченную часть совершенно ровной и плоской, однообразно окрашенной, положимъ, синей поверхности. Оставляя въ сторонѣ впечатлѣнія отъ экрана, мы можемъ сказать, что въ полѣ зрительнаго опыта имѣется вполнѣ опредѣленный комплексъ элементовъ «синяго» (для упрощенія, мы будемъ говорить только о цвѣтовыхъ элементахъ, не касаясь зрительно-иннерваціонныхъ, элементовъ «формы»). Пусть вся синяя поверхность непрерывно и ровно движется въ какомъ угодно направленіи, но въ своей собственной плоскости. Что тогда получается? Мы *не замѣчаемъ* этого движенія. Въ нашемъ «воспріятіи», въ нашемъ психическомъ опытѣ остается все одинъ и тотъ же комплексъ элементовъ «синяго», который не

Digitized by Google

измѣняется, какъ бы ни была велика скорость «физическаго» движенія плоскости *).

Что же это значитъ? Движеніе плоскости непрерывно устраняетъ одни за другими элементы «синяго» изъ поля зрительнаго опыта; но на мѣсто каждаго исчезающаго элемента то же самое движеніе вводитъ новый, съ нимъ одинаковый: тожественные ряды элементовъ возникаютъ и уничтожаются въ строгомъ соотвѣтствіи между собою, вполнѣ параллельно другъ другу; и результатъ именно таковъ, какого требуетъ понятіе интерференціи: новаго переживанія не возникаетъ.

Какъ видимъ, здѣсь идея интерференціи переживаній необходима, чтобы устранить противорѣчіе опыта «субъективнаго» (неизмѣнное воспріятіе) и «объективнаго» (движущаяся плоскость). Особенно очевидна становится необходимость такой концепціи въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе обычныя варіаціи подобнаго рода наблюденій.

Пусть синяя поверхность имѣетъ ограниченные размѣры, и по прошествіи нѣкотораго времени въ поле зрѣнія наблюдателя попадаетъ ея «край»; тогда исчезающіе элементы «синяго» не замѣняются въ воспріятіи вновь возникающими такими же элементами, и «синій» комплексъ уменьшается, а затѣмъ исчезаетъ (замѣняясь обыкновенно какимъ-нибудь другимъ). Тутъ уже движеніе поверхности «замѣчается», говоря точнѣе—выступаетъ какъ ближайшая, необходимая, непосредственно возникающая гипотеза, гармонически объединяющая рядъ измѣняющихся воспріятій. Гипотеза же интерференціи элементовъ переживаемаго является хотя и гораздо болѣе сложной, но не менѣе необходимой для того, чтобы гармонически объединить всѣ тѣ данныя опыта, на основаніи которыхъ мы «знаемъ», что синяя поверхность движется (напр., сообщенія объ этомъ другихъ людей) съ относительной неизмѣнностью «воспріятія» поверхности. И всякій неизбѣжно

*) Перемѣны, происходящія отъ утомленія глаза и т. подусловій мы игнорируемъ, такъ какъ онѣ ничего не мѣняютъ въ самомъ смыслѣ эксперимента.

Digitized by Google

«принимаетъ» эту гипотезу, высказывая ее, напр., въ такой формѣ: я знаю, что поверхность движется, но она *кажется* мнѣ неподвижной, потому что то, что уходитъ, одинаково съ тѣмъ, что приходитъ.

Этого мало. Дальнѣйшая гармонизація опыта требуетъ расширенія сферы, на которую простирается гипотеза, ея распространенія на другіе ряды фактовъ. Пусть синяя поверхность неподвижна. Человѣкъ «видитъ» ее, пока глаза открыты; стоитъ закрыть глаза—воспріятіе исчезаетъ; достаточно открыть ихъ—оно появляется снова. Объединяя массу подобныхъ наблюденій, человѣкъ «принимаетъ» существованіе «тѣлъ» или «вещей», какъ постоянныхъ «источниковъ» ощущеній. На почвѣ научнаго синтеза, онъ признаетъ, что его «воспріятіе» синей поверхности «обусловлено» свѣтовыми лучами, непрерывно отъ нея исходящими, вызывающими измѣненія въ сѣтчаткѣ глаза, нервныхъ проводникахъ, нервныхъ центрахъ. Но тутъ и возникаетъ новое противорѣчіе: дѣйствіе лучей, вызывающихъ измѣненія, продолжается непрерывно, а соотвѣтствующее «воспріятіе», быстро развившись до maximum, дальше извѣстное время замѣтно не измѣняется. Повидимому, вновь и вновь непрерывно возникая при продолжающемся дѣйствіи порождающихъ его условій, оно должно все болѣе возрастать, какъ это и происходитъ *въ самомъ началѣ* его развитія, когда оно еще только «образуется». Противорѣчіе исчезнетъ, если принять, что за извѣстнымъ предѣломъ оно настолько же «уничтожается», насколько «возникаетъ», что дальше этого предѣла интерференція элементовъ не допускаетъ его возрастанія. Физіологически это выражается въ томъ, что измѣненія нервныхъ элементовъ, ихъ «жизнеразности», не прогрессируютъ безъ конца, но на опредѣленномъ уровнѣ, находящемся въ зависимости отъ всей суммы условій, останавливаются, потому что дальнѣйшій ростъ ихъ уравновѣшивается новыми жизнеразностями, *реактивно* возникающими въ центральномъ аппаратѣ.

Если дѣйствіе лучей на сѣтчатку прекращается, напр., бла-

Digitized by Google

годаря закрытію глазъ, то зрительное воспріятіе исчезаетъ; это происходитъ хотя и очень быстро, но въ извѣстной непрерывной послѣдовательности: исчезающіе элементы комплекса не замѣняются вновь выступающими. Физіологически этому соотвѣтствуетъ устраненіе прежней жизнеразности: нѣтъ больше тѣхъ условій, которыя вновь и вновь вызывали ее, а та «реактивная» жизнеразность, которая также вновь и вновь возникала при этомъ, удерживая первую на извѣстномъ предѣлѣ, теперь окончательно ее уравновѣшиваетъ и уничтожаетъ; при этомъ послѣдняя и сама исчезаетъ, такъ какъ дѣйствіе вызывавшей ее причины прекратилось съ уничтоженіемъ первой жизнеразности.

Мы приходимъ къ слѣдующему выводу: интерференція переживаній не только вообще возможна, но необходимо должна быть признана для цѣлаго ряда такихъ случаевъ, когда психическій комплексъ сохраняется въ полѣ сознанія. Чтобы гармонически связать данныя «субъективнаго» и «объективнаго» опыта, неизбѣжно принять, что «сохраненіе» психическихъ комплексовъ есть *подвижное*, динамическое равновѣсіе, основанное на непрерывномъ вступленіи элементовъ въ поле сознанія и непрерывномъ ихъ удаленіи изъ него, равновѣсіе, подобное сохраненію формы водопада.

Впрочемъ, современное познаніе и *не можетъ* представлять себѣ психическую жизнь иначе, какъ въ видѣ потока переживаній. Закономѣрность движенія этого потока оно не можетъ не сводить къ причинной связи; а та интерференція переживаній, о которой мы говорили, есть *одна изъ типическихъ формъ причинной связи явленій*. Для физическаго опыта мы постоянно пользуемся этой формой причинности; задача заключается теперь въ томъ, чтобы показать намъ, что можетъ она дать для опыта психическаго и для монистической конценціи всякаго опыта вообще. Рѣшеніе вопроса о познавательной цѣлесообразности идеи есть рѣшеніе вопроса объ ея истинности...

Digitized by Google

IV.

Та связь непосредственныхъ переживаній, которую мы находимъ въ своемъ психическомъ опытѣ,—связь ассоціативная обладаетъ своеобразнымъ, *цѣпнымъ* характеромъ. *Непосредственно* къ каждому переживанію присоединяется всегда лишь очень ограниченное число другихъ аналогичныхъ комплексовъ; но *при посредствѣ* этихъ другихъ присоединяется уже гораздо бо́льшее количество еще иныхъ комплексовъ, затѣмъ при посредствѣ тѣхъ—дальнѣйшіе ряды переживаній. и т. д., безъ конца. Комплексъ *Z* можетъ стоять внѣ всякаго прямого отношенія къ комплексу *A* и тѣмъ не менѣе принадлежать къ одной съ нимъ ассоціативной цѣпи, связываясь съ нимъ путемъ ряда промежуточныхъ комплексовъ *Y*, *X*, *V*, *U*. . . . *E*, *D*, *C*, *B*. Только такимъ способомъ система психическаго опыта пріобрѣтаетъ тѣ колоссальные размѣры, какіе наблюдаются въ дѣйствительности.

Но вполнѣ очевидно, что при такомъ строеніи ассоціативной системы достаточно выпасть гдѣ-нибудь одному изъ посредствующихъ звеньевъ—и связь нарушается, цѣпь разрывается. Если переживанія *A* и *C* связаны при посредствѣ *B*, то они не могутъ оказаться *въ одномъ полѣ*, пока *B* отсутствуетъ. А комплексъ *B* при наличности *A* не является въ полѣ психическаго опыта при томъ условіи, что онъ *подвергся полной интерференціи*, что онъ уравновѣшенъ діаметрально противоположнымъ переживаніемъ. Такимъ образомъ *интерференція переживаній обусловливаетъ перерывъ психическаго поля.* И *A*, и *C*, какъ непосредственныя переживанія, могутъ тогда существовать *одновременно, но не вмѣстѣ:* одно, напр., въ полѣ сознанія, а другое—«внѣ сознанія».

На каждомъ шагу случается наблюдать, какъ ассоціативная

Digitized by Google

связь обрывается и вновь возстановляется. Ученикъ отвѣчаетъ выученный урокъ; ему кажется, что онъ его превосходно знаетъ, и вдругъ — остановка. Ученикъ «забылъ» все, что дальше. Учитель подсказываетъ всего нѣсколько словъ— и все недосказанное сразу всплываетъ въ психикѣ ученика. Эти нѣсколько словъ и были тѣмъ связующимъ звеномъ, которое временно выпало изъ ассоціативной цѣпи. — Ученикъ «забылъ» ихъ; однако, если бы дать ему время «подумать», онъ и самъ бы ихъ «вспомнилъ». Очевидно, что недостающее звено не было просто уничтожено, — оно «существовало», но не «переживалось». Чтобы такое сочетаніе понятій не было плоскимъ противорѣчіемъ, совершенно необходимо принять то, что мы признали: недостающее переживаніе, которое разрываетъ ассоціативную цѣпь, находится въ состояніи полной интерференціи, т.-е. въ соединеніи съ прямо-противоположнымъ переживаніемъ; рядомъ со вступленіемъ элементовъ въ поле сознанія идетъ устраненіе совершенно тожественныхъ элементовъ, и наоборотъ *).

Какъ бы ни былъ ничтоженъ размѣръ «интерферированнаго» комплекса, все равно, то, что присоединяется къ полю сознанія *при посредствѣ* этого комплекса, окажется внѣ этого поля. Величина перерыва совершенно не имѣетъ здѣсь значенія: ученикъ можетъ «забыть» одну букву, и онъ не въ состояніи вспомнить ни того имени, которое съ нея начинается, ни цѣлой исторіи, которая съ этимъ именемъ ассоціирована. Стоитъ напомнить ему эту букву—и онъ вспоминаетъ сразу все дальнѣйшее. При этомъ обыкновенно это «дальнѣйшее» вступаетъ въ поле сознанія съ такой стремительностью и въ такомъ количествѣ, которыя далеко превосходятъ предыдущее теченіе ассоціацій у того же лица; невольно яв-

*) Принять, что недостающее звено ассоціативнаго ряда „переживается“ въ иномъ полѣ, здѣсь невозможно, потому что именно оно *прямо* и *непосредственно* ассоціировано съ наличными въ полѣ опыта звеньями, такъ что перерывъ между нимъ и этими послѣдними оказался бы необъяснимымъ.

Digitized by Google

ляется мысль, что всѣ эти комплексы уже «имѣлись готовыми», уже «переживались», только въ другомъ полѣ, которое было перерывомъ отдѣлено отъ поля сознанія; перерывъ исчезъ — и обѣ сферы переживаній слились между собою.

Въ данномъ случаѣ такое предположеніе можетъ показаться необоснованнымъ. Но въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, по основному смыслу очень близкихъ къ этому, оно оказывается необходимымъ, единственно возможнымъ.

Эти случаи мы уже знаемъ: всѣ явленія «безсознательныхъ высказываній» и вообще «внѣ сознательныхъ переживаній». На нихъ намъ слѣдуетъ опять остановиться: идея интерференціи переживаній даетъ имъ новое освѣщеніе, отнимающее всю ихъ принципіальную загадочность.

V.

«Безсознательныя высказыванія» соотвѣтствуютъ, какъ мы видѣли, изолированнымъ координаціямъ переживаній, которыя не примыкаютъ прямо къ главной координаціи—сознанію, но въ то же время жизненно съ ней связаны—до сихъ поръ мы не пытались ближе опредѣлить, какимъ образомъ. До сихъ поръ мы имѣли только намеки относительно характера этой связи: параллелизмъ переживаній съ ихъ физіологическимъ отраженіемъ — жизнеразностями — далъ намъ эти намеки. Не всѣ жизнеразности непосредственно сливаются съ главнымъ потокомъ жизнеразностей центральнаго аппарата; тѣ, которыя отъ него изолированы, должны соотвѣтствовать «изолированнымъ» отъ сознанія переживаніямъ съ ихъ «безсознательными» высказываніями. Теперь намъ становится понятнымъ и то, откуда эта изоляція возникаетъ, и то, какая жизненная связь при ней сохраняется.

Всѣ различныя координаціи непосредственныхъ переживаній, принадлежащія одному и тому же «живому существу», взаимно связаны такой же, по существу, связью, какъ та,

Digitized by Google

которая наблюдается внутри ихъ, — связью *ассоціативною*. Если, тѣмъ не менѣе, онѣ оказываются «въ различномъ полѣ», если онѣ непосредственно не сливаются между собою, то это зависитъ *не отъ абсолютныхъ перерывовъ* между ними: тогда не могло бы быть и рѣчи ни о какомъ жизненномъ единствѣ. Перерывы, это—только интерферированныя звенья непрерывной ассоціативной цѣпи, переживанія, нейтрализованныя параллельно протекающими противоположными переживаніями. Стоитъ этимъ промежуточнымъ звеньямъ выйти изъ своего динамическаго равновѣсія — и ризличныя координаціи сливаются, выступаютъ въ «общемъ полѣ». Такъ нерѣдко и бываетъ въ дѣйствительности.

Пояснимъ это на примѣрѣ. Ваше «сознаніе» всецѣло поглощено обдумываніемъ труднаго и сложнаго предпріятія, которое вы подготовляете; «безсознательно» вы идете по улицѣ, тщательно обходя всѣ встрѣчныя препятствія. Но вотъ съ вами сталкивается знакомый, который останавливаетъ васъ и спрашиваетъ, куда вы идете. Вы сразу «возвращаетесь къ дѣйствительности» и начинаете замѣчать окружающее; но въ то же время прежняя нить мыслей не прерывается, а только нѣсколько спутывается и начинаетъ развиваться замедленнымъ темпомъ. Такимъ образомъ двѣ прежде взаимно изолированныхъ координаціи слились въ одномъ полѣ. Что же вызвало эту перемѣну? Новый комплексъ (окликъ знакомаго) съ большой энергіей вступилъ въ одинъ изъ ассоціативныхъ рядовъ и нарушилъ равновѣсіе ассоціативно смежныхъ комплексовъ. Въ числѣ этихъ комплексовъ нашелся и такой, который могъ ассоціативно связать данный рядъ съ другимъ и, выйдя изъ состоянія полной интерференціи, дѣйствительно связалъ ихъ.

На этой иллюстраціи легко видѣть, насколько подобная интерференція переживаній можетъ являться жизненно-цѣлесообразной. Пока два ассоціативные ряда были разъединены, каждый изъ нихъ развертывался самостоятельно, и ни одинъ «не мѣшалъ» другому. Едва они встрѣтились въ одномъ полѣ—

Digitized by Google

они начинаютъ непосредственно вліять одинъ на другой, что при большой ихъ разнородности приводитъ къ дисгармоническимъ комбинаціямъ. Отношеніе къ окружающему перестаетъ быть «автоматичнымъ» и стихійно-рѣшительнымъ, становится сознательнымъ, но также болѣе сложнымъ и болѣе колеблющимся; оно требуетъ большихъ затратъ энергіи, чѣмъ прежде *). Съ другой стороны «обдумыванье» затрудняется «посторонними обстоятельствами», которыя «отвлекаютъ вниманіе»; оно не только требуетъ большихъ затратъ (усиленнаго напряженія), но и подвигается менѣе успѣшно, потому что новые комплексы, вступившіе въ сознаніе, дисгармонируютъ съ тѣми, которые группировались въ процессѣ «обдумыванья», и понижаютъ ихъ энергію.

Гораздо болѣе яркія иллюстраціи къ нашей точкѣ зрѣнія и гораздо болѣе убѣдительныя доказательства ея правильности даетъ область психологическихъ и психіатрическихъ «чудесъ» — гипнотизма, внушенія, истеріи.

VI.

Здѣсь не мѣсто описывать тотъ богатый матеріалъ изъ области психіатріи, невропатологіи, гипнологіи, который имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашей идеѣ: матеріалъ этотъ можно найти въ учебникахъ, въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ; благодаря той окраскѣ загадочности, какая до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ ему свойственна, онъ проникъ даже въ популярную литературу. Наше дѣло отмѣтить тѣ *общія черты* этого матеріала, которыя не могутъ быть сдѣланы принципіально понятными иначе, какъ съ *нашей* точки зрѣнія.

Истерическіе параличи и анэстезіи имѣютъ чисто «функ-

*) Переходъ отъ „автоматическихъ" реакцій къ „сознательнымъ" всегда означаетъ непосредственное повышеніе затратъ энергіи, такъ какъ сознательныя реакціи всегда находятся въ процессѣ „выработки" (см. мою работу „Познаніе съ историч. точки зрѣнія", Спб. 1901, главы о привычныхъ и пластичныхъ реакціяхъ).

Digitized by Google

ціональный» характеръ: никакихъ «органическихъ» измѣненій, какія бываютъ при другихъ параличахъ и анэстезіяхъ, здѣсь не удается констатировать: ни поврежденій или перорожденій въ нервныхъ центрахъ, ни нарушеній въ гистологіи проводниковъ. Болѣе того: принципіальная неустойчивость этихъ явленій, возможность почти мгновенно возникающихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ ихъ теченіи (трансфертъ, различные эффекты внушенія, неожиданныя излѣченія и т. под.) ясно доказываютъ, что здѣсь дѣйствительно нѣтъ никакихъ значительныхъ, сколько-нибудь глубокихъ измѣненій въ жизненной системѣ.— И еще въ большей, очевидно, мѣрѣ все то же относится къ параличамъ и анэстезіямъ внушеннымъ.

Какимъ же образомъ при жизненной цѣлости нервныхъ центровъ и проводниковъ возможны такія обширныя и серьезныя нарушенія въ ихъ функціи?

Различные опыты и наблюденія надъ истеричными показываютъ, что «анэстезированныя» области ихъ тѣла не только могутъ «чувствовать» внѣшнія раздраженія, но нерѣдко даже «чувствовать» гораздо тоньше, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ, такъ что приходится признать настоящую «гиперэстезію» *). Эта «не чувствующая чувствительность» можетъ выражаться въ сложныхъ высказываніяхъ, что и заставило многихъ изслѣдователей принять особое «подсознаніе», управляющее реакціями анэстезированныхъ областей организма, а также выступающее и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ **). Мы видѣли, что всего проще и цѣлесообразнѣе разсматривать все

*) Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ и наблюденій упоминались въ статьѣ „Жизнь и психика", въ первой главѣ. Важно отмѣтить, что существуютъ объективные и надежные критеріи, въ видѣ различныхъ методовъ изслѣдованія чувствительности и детальной механической регистраціи движеній точными приборами,—критеріи, позволяющіе исключить возможность обмана и симуляціи.

**) Напр., когда „вниманіе отвлечено", и нормальное сознаніе не воспринимаетъ болѣе слабыхъ возбужденій — задаваемыхъ сзади вполголоса вопросовъ и т. под.

Digitized by Google

это, какъ частные случаи жизненнаго обособленія психическихъ координацій отъ главной группировки переживаній — отъ сознанія. Вопросъ заключается именно въ томъ, что́ ихъ обособляетъ, какія «стѣны» или «перегородки» возникаютъ въ этихъ случаяхъ между принадлежащими одному существу группами переживаній.

Беремъ какой-нибудь изъ тѣхъ замѣчательныхъ, поражающихъ народное воображеніе фактовъ, когда удачное внушеніе устраняетъ эти таинственныя перегородки, и больной чувствуетъ себя «чудесно исцѣленнымъ»,—все равно, происходитъ ли это въ клиникѣ врача-спеціалиста, въ кабинетѣ шарлатана-магнетизера, въ Лурдскихъ пещерахъ и т. под. Что можетъ дать одинъ человѣкъ другому при актѣ «внушенія»? «Внушеніе», это—только опредѣленное высказываніе внушающаго, происходящее при опредѣленныхъ условіяхъ; лицо, подвергающееся этому акту, физіологически можетъ получить при этомъ только одно—такую или иную *жизнеразность*. Но эта жизнеразность можетъ при извѣстныхъ условіяхъ коснуться именно тѣхъ частей системы, которыя, находясь въ подвижномъ равновѣсіи, *раздѣляли* собою два потока жизнеразностей, протекавшихъ въ другихъ областяхъ системы; тогда оба потока сливаются въ одинъ, и разъединенныя системы высказываній объединяются между собою: отпавшая координація примыкаетъ къ главной. Психически человѣкъ получаетъ новое переживаніе, которое, присоединяясь къ главной ассоціативной цѣпи («сознанію»), въ то же время оказывается прямо ассоціировано и съ другой, до сихъ поръ отдѣльной цѣпью переживаній. Очевидно, это—то же самое, что «забытое слово», которое учитель подсказываетъ ученику, и безъ котораго весь конецъ стихотворенія выпадаетъ изъ области психическаго опыта ученика. И, подобно этому забытоту слову, «новое переживаніе», позволяющее больному «вспомнить», какъ совершаются произвольныя движенія его до этого момента парализованной ноги, не можетъ быть *дѣйствительно новымъ* комплексомъ: какимъ образомъ оказалось бы оно тогда ассоціиро-

Digitized by Google

вано съ «отпавшей» координаціей, когда вводится непосредственно не въ нее, а въ главную координацію?

Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ объ *интерферированномъ* переживаніи (физіологически—объ интерферированной жизнеразности). «Внушающій» не можетъ *прямо* дать недостающее ассоціативное звено, какъ учитель прямо подсказываетъ забытую фразу: «внушающій» даетъ его косвенно, вызывая ближайшія къ нему изъ наличныхъ звеньевъ такимъ образомъ, что они выступаютъ съ исключительной, необычайной энергіей. Онъ говоритъ рѣшительнымъ тономъ: «встань и ходи»; несомнѣнно, что представленія и желанія, связанныя съ этими словами у паралитика, суть именно тѣ, которыя ближайшимъ и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ недостающимъ, интерферированнымъ комплексомъ (вѣроятно, иннерваціоннымъ); выступая съ рѣзко повышенной энергіей, они нарушаютъ динамическое равновѣсіе этого комплекса,—онъ становится «непосредственнымъ переживаніемъ» и смыкаетъ концы разорванной ассоціативной цѣпи.

«Внушеніе», какъ извѣстно, не единственный стимулъ такихъ исцѣленій. Всякія сильныя потрясенія психической системы до извѣстной степени обладаютъ этимъ свойствомъ. Нерѣдко (сравнительно, разумѣется) простой испугъ помогаетъ истеричному субъекту «вспомнить» употребленіе парализованныхъ частей тѣла. Путь здѣсь оказывается еще болѣе косвенный, чѣмъ при внушеніи, но сущность дѣла та же. Рядъ переживаній, съ большой энергіей вступающихъ въ цѣпь «сознанія», вызываетъ рѣзкія колебанія въ интенсивности и силѣ другихъ комплексовъ этой цѣпи; въ числѣ прочихъ, испытываютъ такое колебаніе и тѣ комплексы, которые ближе всего примыкаютъ къ интерферированнымъ звеньямъ; эти звенья вовлекаются въ общее потрясеніе психической системы и вводятъ въ него цѣлыя новыя координаціи.

Внушенные параличи и анэстезіи даютъ намъ и другой моментъ этихъ явленій—образованіе перерыва координацій путемъ жизненной интерференціи. Тутъ механизмъ явленій

Digitized by Google

выступаетъ еще нагляднѣе. Внушающій прямо стремится вызвать и фиксировать въ психикѣ паціента переживанія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя соотвѣтствуютъ нормальной функціи даннаго органа («твоя рука ничего не чувствуетъ... она безсильна... она неподвижна... она отнялась»... и т. под.). Если внушающему удастся достигнуть такимъ образомъ надлежащей интерференціи только на одномъ минимальномъ пунктѣ ряда переживаній, связывающаго данную частную координацію съ остальными, то дѣло сдѣлано, перерывъ между группами переживаній осуществленъ. Очень понятно, что совершенно аналогичнымъ путемъ его возможно и устранить, какъ это и дѣлается.

Внушеніемъ, при тѣхъ особенно благопріятныхъ для него условіяхъ, которыя даются нѣкоторыми гипнотическими состояніями, экспериментаторы достигаютъ результатовъ, заключающихъ въ себѣ, на первый взглядъ, не только психологическое, но и логическое противорѣчіе. Внушается, напр., по пробужденіи «не видѣть» такого-то; и паціентъ точно исполняетъ это, безъ малѣйшей симуляціи, въ чемъ убѣждаютъ различные контрольные пріемы. Паціентъ искренно изумляется, когда «невидимое» для него лицо беретъ и поднимаетъ какой-нибудь предметъ,—потому что ему кажется, что предметъ виситъ въ воздухѣ. Чтобы такимъ образомъ «не видѣть» данное лицо, его, очевидно, надо хорошо *различать* среди всей обстановки, отчетливо выдѣлять изъ нея, словомъ — ясно *видѣть*. Единственное возможное разрѣшеніе этого формальнаго противорѣчія, наглядно опровергающаго абсолютный апріоризмъ логики, таково: данное «невидимое» лицо все время продолжаетъ существовать для паціента какъ такой комплексъ элементовъ, который либо интерферируется цѣликомъ, либо отдѣляется отъ главной цѣпи переживаній интерферированными ассоціативными звеньями *).

*) Эти явленія часто обозначаютъ, какъ внушенныя „отрицательныя галлюцинаціи“. Съ нашей точки зрѣнія—названіе особенно удачное: принципіальнаго отличія отъ внушенныхъ

Digitized by Google

Вполнѣ аналогичный смыслъ имѣютъ, очевидно, различные опыты съ внушеннымъ забываніемъ и т. п. Но мы полагаемъ, что пока достаточно иллюстрацій.—Въ сущности, все это ничуть не болѣе загадочные факты, чѣмъ то постоянное явленіе, что *всѣ* комплексы сознанія существуютъ въ нашемъ психическомъ опытѣ съ перерывами, а *всѣ* наши двигательныя реакціи также съ перерывами возникаютъ въ сферѣ физическаго опыта. Познаніе не можетъ мириться съ нарушеніями непрерывности; оно творчески ихъ заполняетъ на основѣ того же опыта, создавая схемы, превращающія перерывы въ частные случаи непрерывности. Для перерывовъ сознанія такая схема—интерференція переживаній, для двигательныхъ реакцій—интерференція жизнеразностей.

VII.

Одна часть нашей задачи можетъ считаться выполненной: мы показали, какимъ образомъ жизненная связь тѣхъ комплексовъ, которые образуютъ одно «живое существо», допускаетъ раздѣленіе тѣхъ «полей», въ которыхъ являются эти комплексы. Съ достигнутой нами точки зрѣнія можетъ на первый взглядъ показаться совсѣмъ ужъ легкой другая часть задачи, — вопросъ о томъ, какъ возможно разъединеніе психическихъ полей у *различныхъ* живыхъ существъ. Но очень большая легкость иногда оказывается при ближайшемъ анализѣ еще большей трудностью: дѣло идетъ не только о томъ, какъ *разобщаются* комплексы опыта различныхъ живыхъ существъ, но и о томъ, какъ они *сообщаются*, въ какомъ об-

положительныхъ галлюцинацій не оказывается; если при наличности комплекса *A* (воспріятіе даннаго лица) внушается дополнительный комплексъ — A, который его, такъ сказать, нейтрализуетъ, то чѣмъ это отличается по существу отъ внушенія любого комплекса *B*, котораго нѣтъ въ наличности, такъ что онъ является положительной галлюцинаціей?

Digitized by Google

щемъ полѣ находятся ихъ отдѣльныя психическія поля. Интерференція можетъ только разъединить то, что уже связано.

Мы приняли, на основаніи многихъ соображеній, что всякому физіологическому комплексу соотвѣтствуетъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, отраженіемъ котораго онъ является. Вотъ физіологическій комплексъ—сѣтчатка глаза; такъ какъ онъ представляетъ изъ себя сложную, въ основѣ *нервную* ткань, то мы можемъ думать, что соотвѣтственный комплексъ непосредственныхъ переживаній очень высоко дифференцированъ и вообще отличается высокимъ развитіемъ. Онъ находится въ непрерывной жизненной связи съ остальной системой переживаній, и связь эта выражается въ наличности зрительнаго нерва, объединяющаго жизнеразности сѣтчатки съ жизнеразностями мозга. Перерѣжемъ одинъ изъ зрительныхъ нервовъ: связь одной изъ сѣтчатокъ съ мозгомъ нарушена, всѣ «непосредственные комплексы», соотвѣтствующіе ея жизнеразностямъ, отдѣлены отъ главной ассоціативной цѣпи, не вызываютъ въ ней больше тѣхъ комбинацій, которыя называются «зрительными впечатлѣніями». Это—зрительная анэстезія, но она не похожа ни на какую истерическую или внушенную слѣпоту: она не поддастся дѣйствію никакого внушенія. Тутъ не интерференція ассоціативныхъ звеньевъ, а что-то другое.

И, однако, связь не абсолютно утеряна. Другой глазъ видитъ; и при помощи довольно простой комбинаціи оптическихъ зеркалъ и стеколъ можно сдѣлать такъ, что онъ будетъ видѣть *сѣтчатку*, зрительный нервъ которой перерѣзанъ. Но «видѣть», «воспринимать» сѣтчатку, это, какъ мы знаемъ, означаетъ получать *отраженіе* тѣхъ «непосредственыхъ комплексовъ», которымъ она, какъ физіологическое явленіе, соотвѣтствуетъ. Другими словами, изолированные отъ главной цѣпи переживаній путемъ разрушенія, дезорганизаціи посредствующихъ звеньевъ, комплексы эти остались въ иной, «непрямой» связи съ этой цѣпью: они косвенно «отражаются» въ ней, но не вступаютъ въ нее непосредственно; и понятно,

Digitized by Google

что это «отраженіе» неизмѣримо бѣднѣе ихъ собственнаго содержанія: видѣть сѣтчатку глаза съ ея измѣненіями, это безконечно меньше, чѣмъ «видѣть при посредствѣ» этой сѣтчатки *).

Перерѣзка зрительнаго нерва есть его разрушеніе, дезорганизація; дезорганизованная часть его пріобрѣтаетъ и по отношенію къ мозгу и по отношенію къ живой еще сѣтчаткѣ такое же значеніе, какъ любая часть «неорганизованной среды». Перерывъ и тутъ не абсолютный: есть всѣ основанія думать, что тѣ физико-химическія измѣненія, которыя свѣтъ продолжаетъ еще вызывать въ сѣтчаткѣ, не пропадаютъ и теперь безслѣдно для мозга, что они и теперь «передаются» черезъ перерывъ нерва,—но совершенно не въ томъ видѣ и не въ той степени, какъ прежде;—они вызываютъ не тѣ «зрительныя» измѣненія въ мозгу, какъ прежде; а иныя, несравненно менѣе значительныя и несравненно менѣе сложныя, и главное—иного типа. Словомъ, черезъ перерывъ получается только слабое «отраженіе» процессовъ, происходящихъ въ сѣтчаткѣ,—подобно тому, какъ другая сѣтчатка при посредствѣ свѣтовыхъ волнъ, зеркалъ, стеколъ и вообще неорганизованной среды получаетъ лишь незначительное «отраженіе» физіологической жизни той же первой сѣтчатки. Изъ этихъ двухъ случаевъ «отраженія» намъ хорошо знакомъ, изученъ по вполнѣ понятнымъ причинамъ—только послѣдній, но сущности дѣла это не мѣняетъ,—не мѣняетъ того, что съ точки зрѣнія современной науки, всюду, гдѣ организованная жизненная связь не существуетъ или разрушается, неорганизованные комплексы—внѣшней или внутренней среды—могутъ служить посредствующей связью для *косвеннаго отраженія* однихъ жизненныхъ процессовъ въ другихъ.

---

*) Послѣднее выраженіе при нашей концепціи должно считаться неточнымъ: сѣтчатка, явленіе физіологическое, не есть „орудіе“ зрѣнія, а „отраженіе“ ряда непосредственныхъ комплексовъ, ближайшимъ образомъ обусловливающихъ зрительный рядъ переживаній.

Digitized by Google

Такого рода отраженія однихъ жизненныхъ комплексовъ въ другихъ легко возникаютъ и тогда, когда между ними имѣется непосредственная, прямая жизненная связь: человѣкъ можетъ «видѣть» свою собственную сѣтчатку «при помощи» этой самой сѣтчатки (для этого требуются очень простыя оптическія приспособленія); человѣкъ можетъ «воспринимать» свое собственное тѣло, а при нѣкоторыхъ, правда совершенно исключительныхъ, однако принципіально осуществимыхъ условіяхъ— и нѣкоторые изъ своихъ «нервныхъ центровъ». Всѣ подобные случаи совершенно однородны съ тѣми, когда вообще одно живое существо «воспринимается другимъ.

Мы опредѣлили «среду» живыхъ существъ, не «отраженную» въ ихъ воспріятіи и представленіи, а взятую «an sich», какъ цѣпь неорганизованныхъ комплексовъ *). Вопросъ, возникающій изъ всѣхъ выше изложенныхъ фактовъ опыта, заключается въ слѣдующемъ: *объяснить съ точки зрѣнія причинной связи двойственное отношеніе среды къ жизненнымъ координаціямъ,—ея свойство и разъединять эти координаціи. дѣлая, напр., сознаніе одного существа непосредственно недоступнымъ другому, и въ то же время косвенно соединять ихъ, обусловливая взаимныя „отраженія" одной координаціи въ другой.*

---

*) Напомнимъ, въ какомъ—отнюдь не метафизическомъ— смыслѣ употребляемъ мы это выраженіе „an sich". Подъ извѣстные физіологическіе процессы другихъ людей мы подставляемъ „непосредственные комплексы"—сознаніе; критика психическаго опыта заставляетъ насъ расширить область этой подстановки, и мы всякую „физіологическую жизнь разсматриваемъ какъ „отраженіе" непосредственныхъ организованныхъ комплексовъ. Но *неорганическіе процессы* принципіально не отличаются отъ физіологическихъ, которые представляютъ лишь организованную ихъ комбинацію. Находясь въ одномъ непрерывномъ ряду съ физіологическими, неорганическіе процессы также должны, очевидно, разсматриваться, какъ „отраженіе"; но чего? комплексовъ непосредственныхъ *неорганизованныхъ*. Выполнить эту подстановку конкретно въ своемъ сознаніи мы *пока не умѣемъ*; что же, вѣдь, мы часто не умѣемъ выполнить этого и по

Digitized by Google

VIII.

Прежде всего, у насъ есть данныя для нѣкоторыхъ отрицательныхъ характеристикъ интересующей насъ области «неорганизованныхъ комплексовъ».

Во всякомъ случаѣ, ихъ «неорганизованность» не можетъ быть полною и безусловною, они не могутъ представлять изъ себя абсолютнаго хаоса—иначе они не были бы комплексами и не составляли бы вообще никакой среды. Не обладая никакой организованностью, никакой опредѣленностью, они не могли бы «отражаться» въ нашемъ опытѣ въ видѣ *вполнѣ опредѣленныхъ* «внѣшнихъ воспріятій» и «физическихъ тѣлъ»: они не оказывали бы никакого опредѣленнаго, устойчиваго вліянія на теченіе нашего опыта. Очевидно, дѣло идетъ лишь объ *относительной неорганизованности*, или, что то же, о низшей и вичтожной организованности, неопредѣленной и неустойчивой по сравненію съ комплексами развитого опыта.

Далѣе, нельзя разсматривать эти комплексы и какъ находящіеся въ состояніи полной интерференціи, потому что она означаетъ *полный перерывъ* связи между ассоціативными рядами; а «среда» хотя и разъединяетъ ассоціативныя группировки, напр., психики различныхъ людей, но оставляетъ и нѣкоторую связь между ними, допускаетъ возможность косвеннаго ихъ общенія, возможность «отраженія» одной психики въ другой.

Но, съ другой стороны, въ любой цѣпи комплексовъ, все равно какихъ, организованныхъ или неорганизованныхъ, *пе-*

отношенію къ животнымъ (переживанія амёбы) и даже другимъ людямъ („непониманіе“ ихъ психики). Но вмѣсто конкретной подстановки мы можемъ формулировать *отношеніе* этихъ случаевъ („жизнь an sich“—непосредственные комплексы организованные, „среда an sich“—неорганизованные).

Digitized by Google

рерывъ ихъ общаго поля достигается только путемъ полной интерференціи, иначе онъ былъ бы безпричиннымъ. Если бы сознаніе *A* и сознаніе *B* связывались цѣпью неорганизованныхъ комплексовъ, въ которой не было бы полной интерференціи, то цѣпь эта не отличалась бы отъ любой ассоціативной цѣпи ничѣмъ, кромѣ очень неустойчиваго содержанія, и вмѣстѣ съ обоими сознаніями образовала бы одно общее поле, въ которомъ только кромѣ двухъ рядовъ опредѣленныхъ комбинацій была бы еще масса комбинацій неопредѣленныхъ и неустойчивыхъ. Въ дѣйствительности этого не наблюдается.

Итакъ, интерференція въ ряду комплексовъ среды есть, и полная, но такая, что полнаго перерыва связующей цѣпи не даетъ, а въ то же время даетъ перерывъ относительный, при которомъ двѣ, напр., системы сознанія образуютъ два различныхъ поля переживаній и однако «отражаются» одна въ другой. Опять передъ нами, повидимому, комплексъ противорѣчій, и притомъ плоскихъ.

Но это только повидимому. Присмотримся къ дѣлу поближе.

Въ организованной ассоціативной цѣпи отдѣльные комплексы обладаютъ извѣстной опредѣленностью и устойчивостью. Если они подвергаются интерференціи, то и она представляетъ изъ себя нѣчто опредѣленное и устойчивое: при продолжающейся смѣнѣ переживаній въ обѣихъ частяхъ ассоціативной цѣпи обѣ онѣ остаются въ теченіе извѣстнаго времени разъединенными—живутъ дѣйствительно отдѣльной жизнью.—Не таковы неорганизованные комплексы среды: они неопредѣленны и неустойчивы, они не обладаютъ сложившимся и сохраняющимся строеніемъ, они непрерывно и стихійно измѣняются — иначе мы не можемъ представить себѣ ихъ «неорганизованность». Но если такъ, то и полная интерференція для каждаго изъ такихъ комплексовъ можетъ быть только *моментомъ, но не состояніемъ:* это мгновенная, неустойчивая интерференція.

Принимая, какъ наиболѣе вѣроятныя характеристики, большую несложность и неопредѣленность, постоянныя распаденія

Digitized by Google

и непрочныя объединенія такихъ комплексовъ, принимая, что различныя ассоціативныя, напр., психическія системы связываются при посредствѣ *очень большого числа* такихъ мелкихъ неорганизованныхъ комплексовъ, мы можемъ сдѣлать одинъ важный выводъ уже a priori, на основаніи принципа вѣроятности. Этотъ выводъ будетъ такой: во всякой подобной цѣпи неорганизованныхъ комплексовъ, примыкающей къ двумъ различнымъ организованнымъ рядамъ, во всякій данный моментъ должны найтись пункты полной интерференціи (и притомъ, можно думать, *много* такихъ пунктовъ).

Разъ это такъ, разъ въ промежуточномъ ряду комплексовъ «среды» всегда имѣются отдѣльныя группировки, находящіяся въ полной интерференціи, то для насъ какъ нельзя болѣе понятно, почему поле психики *A* и психики *B* оказывается различнымъ. Но, спрашивается, какимъ же образомъ связь между *A* и *B* при этомъ не уничтожается безусловно?

Вопросъ рѣшается тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь дѣло идетъ объ *неустойчивой* интерференціи, моментально возникающей и столь же быстро исчезающей въ каждомъ данномъ ея пунктѣ. Пока интерференція продолжается, она прерываетъ не только «поле» комплексовъ, но и взаимное вліяніе, взаимодѣйствіе тѣхъ комплексовъ. которые разъединены интерферированными группировками. Но лишь только интерференція данной группировки прекращается, прежде разъединенные комплексы оказываются въ одномъ полѣ и начинаютъ взаимно измѣнять другъ друга, тѣмъ болѣе интенсивно, чѣмъ менѣе они организованы, чѣмъ болѣе неустойчивы. Такимъ образомъ, постоянно возникающіе перерывы цѣпи не мѣшаютъ тому, что различныя ея звенья дѣйствуютъ другъ на друга, извѣстнымъ образомъ «отражаются» одно въ другомъ. И если эта цѣпь связываетъ двѣ ассоціативныхъ системы, то этотъ рядъ послѣдовательныхъ «измѣненій» или «отраженій» приведетъ къ тому, что каждая изъ этихъ системъ — не прямо, но, какъ мы видимъ, весьма косвенно будетъ измѣнять другую—«отразится» въ ней—породитъ въ ней «воспріятіе» жизненнаго комплекса.

Digitized by Google

Пусть, напр., живое существо A и живое существо Z связываются цѣпью неорганизованныхъ комплексовъ среды δ, γ, δ, ε, . . . $\varkappa$, λ. μ, ... υ, φ, χ, ψ. Предположимъ, что въ данный моментъ группировки δ, λ, χ находятся въ состояніи полной интерференціи. Въ такомъ случаѣ, во 1), A и Z находятся въ *различномъ* полѣ; во 2), β и γ находятся въ одномъ полѣ съ системой A и подвергаются ея измѣняющему вліянію, а ψ—въ одномъ полѣ съ Z, и также подвергаются ея вліянію; въ 3), β вліяетъ на γ, υ на φ, и обратно, но пока δ, λ, χ интерферированы, черезъ нихъ никакое вліяніе, никакое измѣненіе не передается, не «отражается». Но въ слѣдующій моментъ дѣйствіемъ различныхъ примыкающихъ комплексовъ эти δ, λ, χ выводятся изъ состоянія интерференціи, переходя въ новый видъ δ', γ', $'\chi$, а въ состояніе интерференціи приводятся—также, конечно, дѣйствіемъ различныхъ примыкающихъ комплексовъ—β, μ, υ. Теперь уже комплексъ γ оказывается въ одномъ полѣ съ δ' и ε; а такъ какъ онъ въ предыдущій моментъ измѣненъ вліяніемъ β и A, то это измѣненіе теперь черезъ него «отражается» и въ δ' и въ ε, словомъ—«передается» дальше по цѣпи неорганизованныхъ группировокъ; но дальше въ какомъ-нибудь пунктѣ «задерживается» другими интерферированными группировками. Въ слѣдующій моментъ эти группировки выйдутъ изъ своего равновѣсія, и измѣненіе отразится черезъ нихъ на слѣдующихъ звеньяхъ, и т. д.—Этимъ путемъ—не прямымъ, а косвеннымъ—совершится «общеніе» живыхъ существъ, «воспріятіе» одного изъ нихъ другимъ и обратно.

Давая картину этой передачи, мы поневолѣ прибѣгаемъ къ *пространственнымъ* символамъ («цѣпь», «смежныя группировки» и т. под.); но здѣсь они имѣютъ тотъ же переносный смыслъ, какой придается имъ въ выраженіяхъ: «ассоціативная цѣпь», «ассоціація по смежности» и т. под. Мы воспринимаемъ свою «среду» пространственно; но это уже *отраженіе* неорганизованныхъ комплексовъ среды въ нашей психикѣ, а не самые комплексы въ ихъ непосредственности. Это вполнѣ

Digitized by Google

аналогично тому случаю, когда мы воспринимаемъ человѣка, какъ «тѣло», въ пространственной формѣ, но его «сознаніе» не представляемъ себѣ, какъ нѣчто пространственное *). Смежность всякихъ вообще «непосредственныхъ» комплексовъ слѣдуетъ представлять себѣ по типу смежности психическихъ группировокъ въ нашемъ опытѣ. **)

Я хотѣлъ бы продолжить изложеніе своей концепціи, но здѣсь возникаетъ опасеніе, которое заставляетъ меня немного уклониться въ сторону. Очень вѣроятно, что иного читателя-позитивиста моя концепція приведетъ въ большое недоумѣніе, что онъ скажетъ: какая метафизика!—и даже, быть-можетъ, съ негодованіемъ захлопнетъ книгу. А читатель-метафизикъ? Онъ, конечно, вовсе не будетъ читать мою работу, и говоря откровено—это не слишкомъ огорчитъ меня. Но у читателя-позитивиста я попрошу еще нѣсколько минутъ вниманія. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы у меня съ нимъ вышло недоразумѣніе, которое, какъ я глубоко убѣжденъ, послужитъ не только не къ моей, но и не къ *его* пользѣ.

IX.

Метафизика возникаетъ тамъ, гдѣ мышленіе пытается выйти за предѣлы *возможнаго опыта*. Такъ какъ всякое дѣйствительное мышленіе есть *гармонизація опыта* и, слѣдовательно, имѣетъ опытъ своимъ содержаніемъ, то метафизика есть *мнимое мышленіе*. Она возможна потому, что область употребленія словъ шире области мышленія; она представляетъ изъ себя словесныя комбинаціи безъ познавательнаго содержанія. Она

*) Обыкновенно и здѣсь мы непослѣдовательны—мы „вкладываемъ“ сознаніе въ тѣло живого существа и, слѣдовательно представляемъ сознаніе отчасти въ пространственной формѣ. Это такъ назыв. „интроекція“, ея логическій анализъ данъ Авенаріусомъ въ „Человѣческомъ понятіи о мірѣ“; ея соціально-психологическій генезисъ я изслѣдую въ ст. „Авторитарное мышленіе“ („Изъ психологіи общества“, Спб., 1904).

**) Но безъ ея опредѣленности и устойчивости это не есть

Digitized by Google

подчиняется не законамъ логики, но законамъ грамматики, хотя иногда, впрочемъ, и ихъ въ увлеченіи нарушаетъ.

Выходъ за предѣлы *возможнаго* опыта совершается въ двухъ направленіяхъ:

1. Принимаются *элементы* принципіально иного рода, чѣмъ тѣ, какіе имѣются въ опытѣ. Такова подкладка непознаваемой «вещи въ себѣ», не имѣющей по содержанію (т.-е. по элементамъ) ничего общаго съ «явленіемъ».

2. Принимаются *отношенія* принципіально иныя, чѣмъ тѣ, въ какихъ соединяются элементы опыта. Таково все «абсолютное», «безусловное», «внѣ-временное» и т. д.

Этими двумя чертами характеризуется метафизика.

Выходъ за предѣлы *дѣйствительнаго* опыта въ область опыта *возможнаго* не есть метафизика, а *гипотеза*. Гипотеза—необходимый элементъ всякаго познанія; она даже является *душой* познанія. Всякое познаніе стремится на основѣ дѣйствительнаго опыта конструировать опытъ возможный,—стремится къ вѣрной гипотезѣ, дающей прочный базисъ для практики.

Гипотеза, которая имѣетъ дѣло съ дѣйствительными элементами опыта и его дѣйствительными отношеніями, которая только создаетъ изъ нихъ новыя комбинаціи, такая гипотеза, конечно, можетъ быть *не вѣрна*, но она не метафизична. Ей не хватаетъ «предпосылокъ» метафизичности.

Такова наша гипотеза. Ея «непосредственные комплексы», это—комплексы тѣхъ же элементовъ, какіе находитъ анализъ опыта. И внутреннія и внѣшнія отношенія этихъ комплексовъ—

связь „ассоціативная", предполагающая уже значительную степень постоянства въ комбинаціяхъ элементовъ и комплексовъ, при которой комплексъ *A*, какъ цѣлое, имѣетъ тенденцію ввести въ поле переживаній комплексы B, C и т. д. также какъ цѣлыя системы. Связь неорганизованныхъ комплексовъ сама отличается неорганизованностью; но она настолько же *непосредственна*, какъ психическая связь ассоціированныхъ комплексовъ.

Digitized by Google

принципіально тѣ же, какими связываются элементы и комплексы въ опытѣ.

Но, можетъ-быть, здѣсь есть третья, хотя и производная, но зато самая важная черта метафизики—словесная пустота абстракцій? Этого было бы достаточно. Вѣдь «непосредственныхъ комплексовъ», которые для насъ «отражаются» въ растительныхъ и неорганическихъ тѣлахъ, мы не можемъ себѣ представить; значитъ они—только слово?

Слово не пусто, когда оно выражаетъ *опредѣленную тенденцію* въ группировкѣ фактовъ опыта, хотя бы эту тенденцію мышленію и не удавалось въ данное время реализовать. «Жителей Марса» мы не можемъ себѣ представить; но это—не пустое слово для того, кто обсуждаетъ вопросъ о происхожденіи каналовъ на Марсѣ. Для такого человѣка данный терминъ выражаетъ опредѣленную познавательную тенденцію: представить извѣстныя особенности планеты Марса по типу культурныхъ измѣненій земной поверхности. «Житель Марса»—это четвертое пропорціональное къ тремъ даннымъ: «земные каналы» — «человѣкъ» — «каналы Марса». Рѣшается задача: опредѣлить неизвѣстное, которое такъ же относится (не въ алгебраическомъ, разумѣется, смыслѣ) къ каналамъ Марса, какъ человѣкъ—къ каналамъ земли. Очень вѣроятно, что задача составлена никуда негодно; но не въ этомъ тутъ дѣло, а въ томъ, что ея X—не пустое слово, а функція данныхъ величинъ, хотя даже форма этой функціи не вполнѣ опредѣлена.

Наша задача составлена такъ: опредѣлить неизвѣстное, которое стоитъ въ такомъ же отношеніи къ неорганическимъ процессамъ и любой низшей формѣ жизни, въ какомъ психическія переживанія стоятъ къ физіологическимъ процессамъ нервной системы. Къ тремъ даннымъ опыта подыскивается четвертое, чтобы связать эти три въ гармонической формулѣ. Форма связи ближе еще не установлена; большинство позитивистовъ полагаетъ: неизвѣстное равно нулю. Я прихожу къ иному рѣшенію и намѣчаю направленія, въ которыхъ слѣдовало бы искать неизвѣстное, исходя изъ даннаго (элементы—

Digitized by Google

тѣ же, что въ опытѣ; отношенія—принципіально не отличающіяся отъ тѣхъ, какія намъ знакомы въ опытѣ, но только несравненно менѣе сложныя, несравненно менѣе опредѣленныя, несравненно менѣе устойчивыя, и т. д.). Рѣшеніе можно критиковать, можно находить, что гипотеза невѣрна, безполезна,— но нельзя утверждать, что она пуста, метафизична.

X.

Итакъ, наша гипотеза разсматриваетъ «физическую» среду жизни, какъ «отраженіе» (въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ) среды «непосредственной», которая разлагается на ряды неорганизованныхъ (точнѣе—минимально организованныхъ) комплексовъ. «Міръ» же, т.-е. сумма жизненныхъ процессовъ и ихъ среды, является въ этой концепціи, какъ *безконечно развертывающійся рядъ группировокъ, въ которыхъ связь элементовъ представляетъ самыя различныя степени организованности, отъ самыхъ низшихъ, свойственныхъ комплексамъ среды, до высшихъ, свойственныхъ психикѣ человѣка.* Наконецъ, «физическая природа», включая въ себя и «тѣла» живыхъ существъ, выступаетъ какъ «отраженіе» этого міра въ одной его части — въ высшихъ «психическихъ» группировкахъ, организующихся въ человѣческой психикѣ подъ вліяніемъ ея «общенія» съ другими.

Съ этой точки зрѣнія теряютъ всякую таинственность многія основныя загадки человѣческаго опыта.

Во-первыхъ, дѣлается понятнымъ тотъ фактъ, что матеріалъ для самыхъ высшихъ, «сознательныхъ» формъ жизни непрерывно берется изъ «мертвой природы», и что въ эту же «мертвую природу» безпрерывно переходитъ «живая жизнь». Дѣло идетъ здѣсь о группировкѣ менѣе организованныхъ комплексовъ въ болѣе организованныя, ассоціативныя комбинаціи, а также о дезорганизаціи этихъ послѣднихъ опять на менѣе организованные комплексы.

Digitized by Google

Во-вторыхъ, понятно и то, что «жизнь» подчиняется всѣмъ общимъ законамъ «неорганическаго міра», не создавая исключеній. Это только означаетъ, что высшія степени организованности, возникая путемъ усложненія и развитія низшихъ, естественно *включаютъ* въ себѣ эти послѣднія, какъ большее включаетъ въ себѣ меньшее.

Въ-третьихъ, ничего загадочнаго не оказывается не только въ общеніи «психическихъ» существъ при посредствѣ «физической» среды, но и въ *ограниченности* этого общенія, въ томъ, что оно возможно лишь при цѣломъ рядѣ условій, что оно легко прерывается, и когда существуетъ, то остается въ высшей степени неполнымъ. Достаточно представить себѣ, насколько косвеннымъ путемъ совершается это общеніе, какъ много можетъ быть посредствующихъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое вліяетъ только на смежныя, насколько должно ослабляться вліяніе начальныхъ звеньевъ при возрастаніи общаго ихъ числа, и какъ часто на пути передачи должны возникать интерферирующія комбинаціи, безусловно ее прерывающія,— и станетъ ясно, насколько больше въ каждомъ данномъ случаѣ шансы изолированности, чѣмъ шансы общенія жизненныхъ комплексовъ *). Но изолированность ничего не создаетъ, а общеніе порождаетъ организующій процессъ, результаты котораго прогрессивно накопляются и возрастаютъ.

Наше представленіе о роли неорганизованныхъ комплексовъ среды естественно приводитъ къ такому вопросу: а не возможенъ ли случай, когда во всей связующей два живыя существа цѣпи этихъ комплексовъ *не найдется* пункта полной интерференціи, такъ что «переживанія» обоихъ существъ окажутся *прямо въ одномъ полѣ*, двѣ ассоціативныхъ цѣпи прямо объединятся? Это было бы настоящимъ сліяніемъ душъ... На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что въ *нашемъ* опытѣ такихъ

---

*) „Общенія" въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, охватывающемъ даже простое „воспріятіе" одного живого существа другимъ.

Digitized by Google

случаевъ, повидимому, не встрѣчается; но съ другими живыми существами это, повидимому, бываетъ. Я подразумѣваю *конъюгацію* одноклѣточныхъ организмовъ и половыхъ клѣтокъ. Сліяніе двухъ клѣтокъ въ одну едва ли можетъ выражать что-либо иное, какъ объединеніе двухъ раньше независимыхъ рядовъ переживаній въ одинъ рядъ. Для людей такой методъ сліянія душъ, очевидно, не годится, хотя греческая миѳологія и нашла одинъ такой случай (исторія Гермафродита и нимфы).

Могутъ ли впослѣдствіи быть найдены людьми какіе-нибудь способы и средства прямого общенія ихъ психическихъ организацій—вопросъ, который здѣсь безполезно обсуждать.

XI.

Одно изъ самыхъ вѣроятныхъ и, какъ мнѣ кажется, наиболѣе сильное возражаніе противъ изложенной концепціи было бы такое.—Такъ какъ мы не умѣемъ представить себѣ низшихъ «непосредственныхъ комплексовъ», то къ чему можетъ послужить введеніе ихъ въ систему научнаго мышленія? Расширятъ ли они область нашего *предвидѣнія*, которое составляетъ реальный смыслъ познавательной дѣятельности?

Проще всего было бы отклонить это возраженіе такимъ путемъ. Если данная точка зрѣнія дѣйствительно устраняетъ нѣкоторыя изъ хроническихъ познавательныхъ противорѣчій, не создавая равносильныхъ имъ новыхъ, то она расширяетъ сферу предвидѣнія уже тѣмъ, что сберегаетъ часть энергіи познающаго для творческой дѣятельности познанія. — Но я лично не склоненъ остановиться на этомъ; я склоненъ полагать, что дѣйствительно правильная концепція должна и болѣе прямымъ путемъ увеличивать возможность предвидѣнія, хотя бы это обнаруживалось не сразу.

Совершенно очевидно, что наша точка зрѣнія позволяетъ постоянно, по мѣрѣ надобности, подставлять вмѣсто комбинацій «отражаемыхъ» — «отраженныя», вмѣсто комплексовъ

Digitized by Google

«непосредственныхъ»—«физическіе», и наоборотъ. Фактически мы такъ и поступаемъ вездѣ, гдѣ принимаемъ эти обѣ «стороны» дѣйствительности. Когда намъ надо предвидѣть поступки человѣка, мы съ большой пользой исходимъ изъ представленія объ его «непосредственныхъ переживаніяхъ», когда надо предвидѣть траэкторію его паденія или вліяніе его непрозрачности на объемъ нашего поля зрѣнія, мы беремъ его, какъ«физическое» тѣло.

То же самое практикуется во всѣхъ областяхъ біологическаго опыта; но только по мѣрѣ приближенія къ низшимъ формамъ жизни точка зрѣнія непосредственныхъ переживаній все рѣже становится для насъ полезной. Но здѣсь мы никогда не покидаемъ ея вполнѣ. Когда, напр., мы видимъ ползущій пласмодій и знаемъ, что на пути его есть мѣсто, слегка смоченное сѣрной кислотой, мы «предвидимъ», что пласмодій свернетъ въ сторону, хотя характеръ происходящихъ при этомъ физико-химическихъ реакцій намъ неизвѣстенъ. Точно такъ же мы предвидимъ, что посаженное нами въ тѣни растеніе будетъ «тянуться къ свѣту», хотя механизмъ этого процесса намъ не вполнѣ ясенъ. Мы не говоримъ уже о насѣкомоядныхъ растеніяхъ и т. под. біологическихъ фактахъ. Все это мы стремимся «объяснить» и съ «физической» точки зрѣнія, потому что тогда наше предвидѣніе станетъ точнѣе, опредѣленнѣе, шире; однако и послѣ объясненія для насъ иногда будетъ экономнѣе пользоваться старымъ пріемомъ предвидѣнія.

Но и въ сферѣ неорганическихъ явленій наука часто даетъ такія формулировки для предвидѣнія, примѣняя которыя мы неизбѣжно становимся на точку зрѣнія антропоморфной аналогіи. Таковы, напр., всѣ законы, въ которые входятъ понятія minimum и maximum («линія наименьшаго сопротивленія», «принципъ наименьшей поверхности» и т. под.). Изъ этого антропоморфизма различные метафизики, какъ Вундтъ, дѣлаютъ выводы въ смыслѣ телеологическаго міропониманія. Наша точка зрѣнія ставитъ всѣ эти оттѣнки познавательной дѣятельности на ихъ надлежащее мѣсто. Она не

Digitized by Google

допускаетъ телеологическихъ выводовъ, потому что *причинно* объясняетъ жизненный смыслъ и значеніе этого антропоморфизма: если онъ бываетъ пригоденъ для предвидѣнія по отношенію къ неорганизованному міру, то именно потому, что наша психика сохраняетъ общія черты неорганизованныхъ комплексовъ, изъ которыхъ возникла путемъ развитія. Въ то же время наша точка зрѣнія наглядно выясняетъ ограниченное значеніе этого антропоморфизма; она показываетъ, что рамки его полезности суживаются тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше мы уходимъ отъ нашего собственнаго типа организаціи переживаній. Этимъ предупреждаются многія ложныя предвидѣнія, которыя возможны съ точки зрѣнія панпсихизма и т. под. доктринъ.

Здѣсь открывается широкое поле для изслѣдованія пріемовъ и возможностей человѣческаго предвидѣнія вообще.

Съ точки зрѣнія нашей концепціи получаетъ опредѣленный смыслъ идея *мірового* прогресса. При сколько-нибудь дуалистическомъ міропониманіи понятіе прогресса примѣнимо только къ области *жизни*, да и то, строго говоря, не ко всей этой области: о прогрессѣ жизни, «лишенной сознанія», можно говорить лишь съ нѣкоторой натяжкой. Но если, какъ мы принимаемъ, царство неорганическое и царство жизни, жизнь рефлексовъ и жизнь сознанія представляютъ изъ себя только различныя степени организованности «непосредственныхъ комплексовъ», то понятіе прогресса становится во всѣхъ этихъ областяхъ одинаково полноправнымъ. Его содержаніемъ является тогда *возрастаніе организованности* комплексовъ.

Законъ энтропіи, который говоритъ о переходѣ мірового содержанія къ болѣе устойчивымъ, болѣе уравновѣшеннымъ группировкамъ, отнюдь не долженъ разсматриваться, какъ законъ *прогресса*. Устойчивость, уравновѣшенность—это, вообще

Digitized by Google

говоря, не то же самое, что организованность. Первая имѣетъ *статическую*, вторая—*динамическую* тенденцію.

Возрастаніе организованности идетъ въ двухъ направленіяхъ: во-1), расширеніе того матеріала, того содержанія, которое охватываетъ данный комплексъ (увеличеніе суммы его элементовъ); во-2), возрастаніе прочности той связи, которая объединяетъ его части (такъ что требуются все болѣе сильныя внѣшнія вліянія для нарушенія этой связи, для «дезорганизаціи» комплекса). Напр., переходъ отъ низшаго психическаго типа къ высшему означаетъ и прогрессивный ростъ количества переживаній, и прогрессивную ихъ гармонизацію. Это—*біологическая* характеристика прогресса; но ясно, что для принятой нами концепціи вполнѣ естественно понятіе возрастающей организованности примѣнить и къ «неорганическому» міру—разсматривая его не со стороны его отраженія въ нашей психикѣ и въ нашемъ соціальномъ познаніи, а со стороны его «непосредственнаго» существованія.

Такимъ образомъ, универсальная идея прогресса формулируетъ тотъ же идеалъ, который въ болѣе близкой намъ—біологической и соціальной сферѣ выражается словами: безконечное возрастаніе полноты и гармоніи жизни.

Та же самая тенденція въ еще болѣе частной области—жизни познавательной—воплощается въ идеалѣ *эмпиріомонизма*.

Всякій шагъ впередъ на пути познанія или, что то же, всякое *истинное познаніе* является эмпиріомонистическимъ: оно либо расширяетъ содержаніе, вмѣщающееся въ данныхъ формахъ познанія—расширяетъ его *эмпирическій* матеріалъ, либо создаетъ для этого матеріала болѣе цѣлостныя и прочныя формы—*монистически* его преобразуетъ; въ конечномъ же счетѣ осуществляетъ и то и другое.

Ни въ какомъ иномъ смыслѣ прогрессъ познанія невозможенъ: познаніе метафизическое, внѣ-эмпирическое, есть пу-
ц ія; познаніе, лишенное единства, внѣ-монистическое

Digitized by Google

означаетъ только пробѣлъ познанія. То и другое не есть «истина».

Свою точку зрѣнія мы считаемъ однимъ изъ необходимыхъ этаповъ эмпиріомонизма *). Если мы въ этомъ не ошибаемся, то она есть *истина времени.*

---

*) Эмпиріокритическая концепція кажется мнѣ также необходимой, но—пройденной ступенью этого пути. Я подразумѣваю, конечно, не самый принципъ критики опыта—такая критика всегда необходима,—а совокупность взглядовъ данной школы. Я не стану заниматься здѣсь разграниченіемъ отъ этихъ взглядовъ своей точки зрѣнія—оно слишкомъ нетрудно для свѣдущаго читателя; но чтобы иллюстрировать разницу пріемовъ, я предлагаю читателю сравнить, какъ трактуется вопросъ о связи между живыми существами въ „Критикѣ чистаго опыта“ Авенаріуса (ч. II) и его же „Der menschliche Weltbegriff“ или въ книгѣ его ученика Гольцапфеля „Panideal“ и въ этой моей работѣ.

Digitized by Google

Заключеніе.

Всѣ три основные вопроса, разсмотрѣнные нами въ этой работѣ, сводятся къ одной общей задачѣ:

найти тотъ путь, на которомъ возможно было бы систематически свести всѣ перерывы нашего опыта къ принципу непрерывности.

Изъ числа основныхъ перерывовъ опыта первый—наиболѣе привычный для современнаго сознанія—есть пропасть, раздѣляющая «духъ» и «матерію».

Новѣйшій позитивизмъ показалъ тожество *элементовъ*, на которые разлагается содержаніе обѣихъ этихъ областей опыта; перерывъ свелся такимъ образомъ къ двумъ принципіально-различнымъ типамъ связи элементовъ—физическому и психическому.

Нашъ анализъ привелъ насъ къ выводу, что эти два типа связи различаются вовсе не принципіально,—что это двѣ послѣдовательныя фазы организаціи опыта: *психическое есть опытъ организованный индивидуально, физическое—организованный соціально.* Второй типъ является однимъ изъ результатовъ развитія перваго.

Другой изъ основныхъ перерывовъ представляетъ, собственно, частный случай перваго: это перерывъ между «сознаніемъ» и «физіологіей» въ сферѣ жизни. Но онъ пріобрѣтаетъ осо-

Digitized by Google

бенное значеніе и ощущается съ особенной остротой именно потому, что проходитъ черезъ самую близкую намъ область реальнаго и потому, что вынуждаетъ въ одномъ понятіи «жизни» объединять, повидимому, абсолютно различныя по характеру и содержанію группы явленій.

Нашъ анализъ устанавливаетъ *причинную связь* между областью «непосредственныхъ переживаній» и областью «физіологическихъ процессовъ»: вторая разсматривается, какъ отраженіе первой (въ соціально организованномъ опытѣ живыхъ существъ).

Этотъ выводъ неразрывно связанъ съ представленіемъ *о строгомъ параллелизмѣ* обоихъ рядовъ явленій и объ одинаковой примѣнимости къ нимъ обѣимъ *принциповъ энергетики.*

Наконецъ, третій основной перерывъ это—тотъ, который выражается въ антитезѣ индивидуальнаго и универсальнаго, а также индивидуальнаго и другого индивидуальнаго. Это—перерывъ поля переживаній.

Нашъ анализъ свелъ его къ закону причинности, къ опредѣленной его формѣ—*интерференціи* (именно, интерференціи «непосредственныхъ» переживаній и вообще «непосредственныхъ комплексовъ»).

Само собой разумѣется, что всѣмъ этимъ намѣченная задача не исчерпывается: разрѣшеніе однихъ вопросовъ ставитъ другіе. Но эти дальнѣйшіе вопросы—менѣе общаго характера; ихъ мѣсто въ болѣе частномъ, болѣе спеціальномъ изслѣдованьи.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Идеалъ познанія 5
2. Жизнь и психика:
A. Область переживаній 63
B. Психоэнергетика 94
C. Монистическая концепція жизни 124
3. Universum 148
Заключеніе 184

Digitized by Google

Digitized by Google

А. Богдановъ.

ЭМПИРІОМОНИЗМЪ.

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФІИ.

КНИГА II.

Изданіе С. Доровàтовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА—1905.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ
арендуемая В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

Digitized by Google

Digitized by Google

«ВЕЩЬ ВЪ СЕБѢ»

съ точки зрѣнія эмпиріомонизма.

Та философія, которая стоитъ на строго-исторической точкѣ зрѣнія, никогда не можетъ, опровергая какое-либо широко распространенное и вліятельное заблужденіе, ограничиться аргументами, прямо доказывающими его несостоятельность. Для этой философіи не существуетъ ни абсолютной истины, ни абсолютнаго заблужденія; во всякомъ заблужденіи она должна найти ту долю относительной истины, которая создавала почву для вѣры въ него,—такъ же какъ во всякой истинѣ она стремится отыскать ту долю заблужденія, которая требуетъ перехода отъ этой истины къ иной, высшей.

Вопросу о «вещи въ себѣ» эта точка зрѣнія должна отвести почетное мѣсто въ исторіи истинъ—заблужденій. Когда понятіе «вещи въ себѣ» было доведено Кантомъ до высшей степени философской чистоты, тогда стало неизбѣжнымъ крушеніе этого понятія: его логическая пустота и съ нею реальная безсмысленность не могли уже скрыться отъ ножа критики за оболочкою формальной неясности. Оказалось, что понятіе это выражаетъ не что иное, какъ реальность, ощипанную до такой степени, что отъ нея ничего не осталось. Въ этомъ понятіи ничего не мыслится — таковъ его главный недостатокъ; и Кантъ *почти* обнаружилъ этотъ недостатокъ, поставивши свою

Digitized by Google

«вещь въ себѣ» внѣ категорій человѣческаго мышленія, т.-е. въ сущности внѣ сферы самого мышленія, оперирующаго этими категоріями.

Попытки реставрировать разбитую «вещь» путемъ ея «критическаго» истолкованія и перетолкованія не привели ни къ чему: въ этихъ попыткахъ несчастной «вещи» неизмѣнно приходилось играть унизительную роль совершенно излишняго названія для философскихъ понятій, и безъ того имѣющихъ уже вполнѣ удовлетворительныя обозначенія, какъ напр. понятіе безпредѣльнаго прогресса познанія. Такъ какъ, вдобавокъ, это излишнее названіе оказывалось еще въ высокой степени способнымъ порождать длинные философскіе споры и трактаты и всякую путаницу, то очевидно, съ нимъ желательно было какъ можно скорѣе покончить.

И вотъ, чтобы завершить необходимую ликвидацію несостоятельной «вещи», требуется отчетливо отдѣлить ея безсмертную душу—ту долю истины, которая въ ней жила,—отъ бреннаго тѣла, успѣвшаго уже разложиться со времени Канта,—отъ схоластическаго понятія, которое умерло и не воскреснетъ.

Digitized by Google

I.

Дуализмъ «явленія» и «вещи въ себѣ» есть не что иное, какъ блѣдный, догорающій отблескъ другого, яркаго и полнаго жизни дуализма, того, который одухотворялъ всю правду, который за всякой физической реальностью находилъ скрытую въ ней и управляющую ею душу, словомъ—дуализма анимистовъ. Для нихъ «вещь въ себѣ» и явленіе находились въ очень простомъ и вполнѣ реальномъ отношеніи, въ томъ самомъ, въ какомъ ихъ собственная техника къ дѣятельности ихъ тѣла. Это отношеніе представлялось всеобщимъ, и было первою формою развитія «категоріи» причинности.

Я не стану разсматривать здѣсь соціальнаго генезиса этой формы *),—здѣсь достаточно того несомнѣннаго факта, что она существуетъ и для извѣстной стадіи культурнаго развитія является всеобщею. Я не стану также описывать процессъ ея послѣдовательнаго преобразованія отъ первобытныхъ, грубореалистическихъ формъ до утонченнѣйшаго «идеализма» нашего времени **). Достаточно обратить вниманіе на слѣдующіе факты. Прогрессъ трудового опыта привелъ къ разграниченію мертвой и живой природы; при этомъ душа была отнята у

*) Я выполнилъ это въ другой своей работѣ—„Изъ психологіи общества", статья объ „авторитарномъ мышленіи" (Спб., 1904, раньше было напечатано въ „Образованіи" 1903).

**) Съ логической стороны процессъ этотъ прослѣженъ Р. Авенаріусомъ въ его работѣ „Человѣческое понятіе о мірѣ" (есть русскій пер.).

Digitized by Google

большинства явленій и оставлена только живымъ существамъ, какъ необходимая предпосылка для пониманія и предвидѣнія ихъ реакцій. Но стремленіе мыслить всякую реальность двойственно не исчезло и не могло исчезнуть, пока по этому типу неизбѣжно мыслятся самыя близкія и самыя важныя реальности—люди и вообще живыя существа; стремленіе это принимало только новыя формы, приспособляясь къ новымъ содержаніямъ расширяющагося опыта. Такъ, метафизическія «силы» представляютъ изъ себя не что иное, какъ обезличенныя души вещей. Однимъ изъ результатовъ дальнѣйшаго обезличенія и опустошенія «душъ» явились «вещи въ себѣ». Онѣ — продуктъ *философской* обработки опыта по преимуществу.

Философія возникла какъ стремленіе мыслить все содержаніе опыта въ *однородныхъ* и *связныхъ* формахъ, и пріобрѣла самостоятельное значеніе именно какъ реакція противъ чрезмѣрной раздробленности и противорѣчивости опыта, выступившей на опредѣленной стадіи культурнаго развитія *). Раздѣленіе природы на одушевленную и неодушевленную создало цѣлый рядъ затрудненій для философіи: какимъ способомъ связать въ однородныхъ формахъ мышленія такія разнородныя вещи? На почвѣ этихъ затрудненій, какъ способъ разрѣшить ихъ, и возникла «вещь въ себѣ».

Первоначальное, анимистическое пониманіе причинной связи характеризуется тѣмъ, что въ немъ цѣпь причинъ *ограниченна* и обрывается на опредѣленномъ звенѣ, именно—духѣ, который и является тогда *послѣдней* причиной даннаго ряда фактовъ. «Духъ», «душа»—это нѣчто «свободное», дѣйствующее изъ самого себя, не нуждающееся въ дальнѣйшемъ «объясненіи». Въ эпоху всеобщаго анимизма вся цѣпь причинности сводилась, такимъ образомъ, въ каждомъ данномъ случаѣ всего

*) Именно на той стадіи, когда развивается спеціализація, и авторитарно-родовыя общины разлагаются, уступая мѣсто анархіи товарнаго хозяйства. (См. мою ст. „Собираніе человѣка“, „Правда“, 1904, 4).

Digitized by Google

къ *двумъ* звеньямъ: явленіе и духъ, который за нимъ скрывается. Этотъ духъ можетъ дѣйствовать сообразно *цѣлямъ*, какъ человѣкъ, но нѣтъ и мысли о *причинахъ* его дѣйствій и цѣлей.

Прогрессъ техническаго опыта—борьбы съ природой—вызвалъ удлиненіе этой цѣпи, но основной характеръ ея не измѣнялся: во-1), отношеніе всякой причины къ ея слѣдствію продолжало мыслиться антропоморфически, на подобіе отношенія между волей человѣка и вызываемыми ею дѣйствіями, во-2), цѣпь обязательно оканчивалась на «послѣдней причинѣ»—свободной душѣ, или высшемъ творческомъ духѣ, или на активной изъ себя «силѣ» и т. п.

Чѣмъ труднѣе было удержать «душу» въ явленіяхъ неорганической природы, тѣмъ настоятельнѣе становилась потребность въ ея замѣнѣ какой-нибудь иной «послѣдней причиной», иначе рядъ причинъ становился безконечнымъ, что было рѣзкимъ, мучительнымъ противорѣчіемъ для всего статическаго и дуалистическаго мышленія, которое привыкло и умѣло оперировать лишь съ ограниченными рядами, лишь съ прерывающимися цѣпями.

«Сила»—обезличенная душа—только отчасти давала такую замѣну, потому что она, подобно «душѣ», выражала *активность*, являлась причиной измѣненій; а между тѣмъ въ процессѣ успѣшной борьбы съ природой все больше выступала «пассивность» вещей, необходимость активнаго воздѣйствія на нихъ для того, чтобы онѣ обнаружили скрытыя въ нихъ «силы».

Для цѣльнаго мышленія требовались «послѣднія причины» вещей и со стороны ихъ активности, и со стороны ихъ пассивности, причины и «дѣйствія» вещей и ихъ простого «существованія». Эти «послѣднія причины» и получили названіе «вещей въ себѣ».

Развитіе «вещи въ себѣ» шло совершенно такимъ же путемъ, какъ развитіе «души»—отъ грубаго реализма къ утонченнѣйшему идеализму. «Душа», какъ извѣстно, была на

Digitized by Google

раннихъ стадіяхъ анимизма простымъ *удвоеніемъ* человѣка, его точнымъ подобіемъ, вложеннымъ внутрь его тѣла, а потомъ все болѣе теряла физическія свойства, становилась все эфирнѣе и нѣжнѣе, пока не превратилась въ чистѣйшую абстракцію. Аналогичнымъ образомъ «вещь въ себѣ» сначала была точнымъ повтореніемъ вещи-явленія; и еще у древнихъ грековъ было распространено такое, напр., воззрѣніе, по которому мы видимъ вещи благодаря тому, что отъ нихъ отдѣляются маленькія и тонкія ихъ точныя подобія, которыя и попадаютъ въ глазъ.—Но по мѣрѣ того какъ обнаруживалась зависимость воспріятія внѣшнихъ предметовъ отъ состоянія органовъ чувствъ и нервной системы, различіе между «вещью въ себѣ» и «явленіемъ» стало возрастать. Выяснено было, что, напр., цвѣтъ вещи не можетъ быть отнесенъ къ свойствамъ «вещи въ себѣ», потому что различнымъ людямъ однѣ и тѣ же вещи могутъ представляться въ различной окраскѣ: наше «красное» и «зеленое» кажутся многимъ дальтонистамъ однимъ и тѣмъ же цвѣтомъ, а для слѣпыхъ вовсе не существуютъ. Аналогичнымъ образомъ оказалась «субъективной» характеристика «теплое» и «холодное»: одна и та же вода можетъ ощущаться какъ «холодная» для согрѣтой руки и какъ «теплая» для охлажденной. То же относится къ запаху «вещей», къ ихъ вкусу и т. д.

Такъ возникло разграниченіе между «кажущимися» или «субъективно-существующими для насъ» свойствами вещей, и свойствами «вполнѣ реальными», «объективными». Первыя зависятъ отъ нашей организаціи,—такъ сказать, привносятся ею въ «явленія», вторыя отъ нея независимы, принадлежатъ «вещамъ въ себѣ». Такъ смотрѣли на дѣло еще сенсуалисты и матеріалисты 17-го и 18-го столѣтія. Всего дольше въ качествѣ «объективныхъ» свойствъ «вещамъ въ себѣ» приписывались протяженность (форма) и непроницаемость.

Кантъ сдѣлалъ послѣдній шагъ въ очищеніи «вещи въ себѣ» отъ всякой реальности: онъ отнялъ у ней всѣ «чувственныя» свойства, даже пространственность; его трансценден-

Digitized by Google

тальная эстетика учитъ, что воспріятіе вещей въ пространствѣ, какъ и во времени, есть результатъ нашей познавательной организаціи, свойствъ «субъекта». При этомъ «вещь въ себѣ» потеряла всякое *опытное* содержаніе, и стала непознаваемой.

И здѣсь, какъ это произошло съ понятіемъ «души», развитіе привело къ голой, пустой абстракціи; при чемъ обѣ абстракціи соединились вмѣстѣ—«свободная» и «безсмертная» душа попала въ міръ «ноуменовъ», или «вещей въ себѣ». Это соединеніе подтверждаетъ и освѣщаетъ идею объ ихъ общемъ происхожденіи.

II.

Опустошенная Кантомъ «вещь въ себѣ» стала познавательно-безполезной. Значитъ ли это, что она была только «заблужденіемъ»?

Конечно, нѣтъ. Правда, она была по преимуществу *философскимъ* продуктомъ; практическое сознаніе большей частью обходилось безъ нея, считая всѣ вещи—вещами для *себя*, и не раздѣляя ихъ нисколько отъ вещей «въ себѣ». Но философская потребность есть *законная* потребность познанія; и ея удовлетвореніе не было ни забавой, ни роскошью.

Потребность эта—стремленіе мыслить монистически. Вещь въ себѣ была результатомъ распространенія на всю природу того дуализма, который развился изъ анимистическихъ воззрѣній. Она—преобразованная «душа» явленія; а «душа» не была ни въ какомъ случаѣ простой ошибкой познанія.

Чтобы понимать и предвидѣть дѣйствія людей и другихъ живыхъ существъ, человѣкъ *долженъ* принимать у нихъ воспріятія и представленія, эмоціи и стремленія, подобныя своимъ собственнымъ. Ошибка начинается тогда, когда онъ помѣщаетъ все это *внутри* тѣлъ. Ошибка расширяется и развивается, когда *такіе же* психическіе комплексы онъ вкладываетъ и въ неорганизованныя тѣла, «одушевляя» неживую природу.

«Вещь въ себѣ» не страдаетъ этой второй погрѣшностью.

Digitized by Google

Она не антропоморфна. До Канта, она страдаетъ первой погрѣшностью: она «интроэцирована», она представляется скрытой подъ явленіемъ *пространственно.* У Канта она уже оказывается исправленной въ этомъ отношеніи—внѣ-пространственной*). Я склоненъ думать, что этой особенности кантовскаго ученія Авенаріусъ отчасти обязанъ, сознательно или безсознательно, своей идеей о ненужности интроэкціи, «вкладыванья» психики въ тѣло. Отъ мысли Канта о нелогичности пространственнаго представленія «вещи въ себѣ», этого гомолога «души», было легко (психологически легко, разумѣется) перейти къ мысли о неправильности пространственнаго представленія о психикѣ, объ ея отношеніи къ тѣлу.

Такъ или иначе, если «вещь въ себѣ» есть исторически-производное отъ «души», если она возникла первоначально, какъ результатъ философскаго стремленія, въ дополненіе и въ параллель къ принимаемой для живыхъ тѣлъ «душѣ» создать нѣчто аналогичное для всѣхъ остальныхъ явленій природы, то объективно-критическій анализъ «вещи въ себѣ», выясненіе положительныхъ ея элементовъ надо начать съ ея первообраза—«души».

Одна изъ модныхъ доктринъ нашего времени есть *панпсихизмъ*, идея о томъ, что каждому «физическому» процессу соотвѣтствуетъ и за нимъ скрывается процессъ «психическій», какъ процессамъ нервныхъ центровъ соотвѣтствуетъ и за ними скрывается «сознаніе». Эта современная реставрація всеобщаго анимизма имѣетъ, несомнѣнно, метафизическій характеръ; она не находитъ научнаго *примѣненія*, хотя и признается нѣкоторыми людьми науки; она не устраняетъ коренного дуализма духа и тѣла, а только поэтически его обобщетъ. И все-таки эта теорія выражаетъ ту же законную потребность—мыслить монистически, сдѣлать разъ признанныя *необходимыми*

*) Впрочемъ, также и внѣ-временной. Это дѣлаетъ ее вполнѣ метафизической, вполнѣ „непознаваемой“, какой и должна быть абсолютно-пустая абстракція.

Digitized by Google

формы познанія—всеобщими, не ограничивая ихъ отдѣльной частной областью явленій.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли совершенно необходимо хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ за «физическимъ» подставлять «психическое»? Не можетъ ли человѣкъ разсматривать другія живыя существа только какъ «тѣла», движущіяся среди другихъ тѣлъ, какъ сложныя. своеобразно дѣйствующія машины? не можетъ ли онъ обойтись безъ «гипотезы» о томъ, что они «чувствуютъ», «мыслятъ», «желаютъ», что ихъ дѣйствія стоятъ въ зависимости отъ «психическихъ переживаній»? Пусть даже никто не можетъ обойтись безъ этой «гипотезы» практически; но нельзя ли отрѣшиться отъ нея, по крайней мѣрѣ, въ области чистой *теоріи?* Не окажется ли такая точка зрѣнія наиболѣе строго позитивной, наиболѣе «критической», наиболѣе чуждой компромисса между знаніемъ и вѣрой? Если въ «гипотезѣ» есть догматизмъ, то критика *должна* съ нимъ покончить...

Вопросъ этотъ не такъ сложенъ и труденъ, какъ можетъ показаться. Онъ легко устраняется фактомъ *соціальности познанія*. Мышленіе нераздѣльно съ представленіемъ о *доказательствѣ* истиннаго и *опроверженіи* ложнаго; а то и другое предполагаетъ *соціальное общеніе* людей. Субъективная характеристика «истины» для всякаго, кто думаетъ, что нашелъ ее, заключается въ томъ, что онъ можетъ доказать ее всякому другому достаточно разумному существу, что она, эта истина, «общеобязательна», т. е. имѣетъ значеніе не только для него, ея даннаго обладателя, но и для его со-человѣковъ.—Такимъ образомъ психическій солипсистъ, не признающій наличности психики у другихъ людей, впадаетъ не только въ практическое противорѣчіе, когда выясняетъ другимъ людямъ свои взгляды; онъ впадаетъ и въ теоретическое противорѣчіе, когда считаетъ свои взгляды «истинными», т. е. доказуемыми, т. е. имѣющими значеніе не для него одного».

...Мы видимъ, что «гипотеза» о психикѣ другихъ людей вовсе въ дѣйствительности не гипотеза, а необходимый эле-

Digitized by Google

ментъ познанія. Когда подъ такія-то данныя высказыванія другихъ людей я подставляю такія-то данныя чувства и мысли, то гипотетично здѣсь только *данное содержаніе* подставляемаго; оно нерѣдко и бываетъ ошибочно: я могу «не понять» другихъ людей. Но самая подстановка — отнюдь не гипотеза, а «конститутивный признакъ» познанія, какъ борьбы за истину, борьбы соціальной и по генезису и по цѣли.

«Подстановка», о которой мы говоримъ, не представляетъ изъ себя ни въ какомъ случаѣ выхода за предѣлы возможнаго опыта. Ея правильность въ каждомъ данномъ случаѣ провѣряется практикой: основываясь на своей «подстановкѣ», мы предвидимъ дѣйствія другихъ живыхъ существъ, и сообразно этому разсчитываемъ свои собственные поступки. Если при этомъ мы обманываемся въ своихъ ожиданіяхъ, а въ самыхъ расчетахъ не находимъ никакой несообразности, то намъ приходится исправлять подстановку: «онъ обманулъ меня», «я его не такъ понялъ» и т. п.

Удачная «подстановка» становится тѣмъ болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ дальше отъ насъ отстоитъ другое существо по типу своей жизни и по ея тенденціямъ. «Понимать» иностранца труднѣе, чѣмъ соотечественника, кошку труднѣе, чѣмъ человѣка, амебу труднѣе, чѣмъ кошку, врага труднѣе, чѣмъ друга и т. д. Чѣмъ труднѣе «подстановка», тѣмъ больше приходится создавать по частнымъ случаямъ неудачныхъ гипотезъ, которыя затѣмъ мы вынуждены отвергать или исправлять. Каждая конкретная подстановка можетъ потерпѣть крушеніе, это не колеблетъ принципа подстановки, который остается неразрывно связанъ со всѣмъ нашимъ познаніемъ.

По мѣрѣ развитія опыта характеръ подстановки измѣняется. Вначалѣ она приводитъ къ наивному антропоморфизму: всѣ люди, всѣ живыя существа, и даже всѣ предметы неживой природы «понимаются» по прямой и непосредственной аналогіи съ психикой самого познающаго. Но шагъ за шагомъ въ аналогію вносятся поправки: частью уменьшается область ея примѣненія,—напр., перестаютъ одушевлять неор-

Digitized by Google

ганическую природу, перестаютъ шелестъ листьевъ считать своеобразной рѣчью,—частью самое примѣненіе индивидуализируется сообразно суммѣ условій,—за сходными высказываніями принимается неодинаковое содержаніе, у животныхъ болѣе простое, чѣмъ у людей, у человѣка одного характера иное, чѣмъ у человѣка другого характера, и т. д. *Подстановка принимаетъ окраску относительности и условности.*

Что же вызываетъ такія измѣненія? Развитіе другого типа познанія, познанія, скажемъ, «отвлеченнаго», которое сводится къ обобщающему описанію явленій, какъ они непосредственно выступаютъ въ опытѣ. Въ борьбѣ съ природой подстановка зачастую оказываетъ человѣку плохія услуги, ведетъ къ непріятнымъ ошибкамъ и не-экономной растратѣ силъ. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ вынужденъ бываетъ совсѣмъ отказаться отъ привычной ассоціаціи наблюдаемаго «физическаго» съ предполагаемымъ «психическимъ», и ограничиться запоминаніемъ послѣдовательности фактовъ, какъ они протекали въ его опытѣ. Изъ такого запоминанія, при которомъ всего лучше сохранялось въ памяти наиболѣе повторяющееся въ явленіяхъ, и развилось то «натуралистическое» познаніе, которое составляетъ основное содержаніе современной науки и современнаго міровоззрѣнія вообще.

Это познаніе повсюду переплетается со старой «подстановкой», получая отъ нея зачастую антропоморфную, «фетишистическую» окраску. Такъ, функціональная связь условій и обусловленнаго—«причинность»—представляется вообще въ такомъ видѣ, что причина «вызываетъ» слѣдствіе на подобіе того, какъ наша воля вызываетъ дѣйствіе. Напр., «природа не терпитъ пустоты», «сила тяготѣнія стремится взаимно сближать массы», «растенія борются за существованіе», и т. под.— Но въ то же время это познаніе исправляетъ старую подстановку, намѣчая повсюду ея рамки и указывая, какъ приходится измѣнять ее въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, чтобы не встрѣтиться съ противорѣчіемъ. Оно констатируетъ, что организація внѣшнихъ чувствъ, интеллектуальныя способности,

Digitized by Google

характеръ, у различныхъ живыхъ существъ неодинаковы, и что при такихъ-то условіяхъ этого рода надо «подставлять» именно такія-то воспріятія, идеи, стремленія, хотя у самого «подставляющаго» при прочихъ равныхъ условіяхъ связь и отношеніе переживаній иныя. Кто, обладая нормальнымъ зрѣніемъ, принужденъ объяснять дорогу дальтонисту, тотъ долженъ помнить, что указанія на цвѣтъ домовъ и другихъ предметовъ могутъ сильно спутать его собесѣдника; кто хочетъ научить чему-нибудь ребенка, тотъ долженъ излагать связь фактовъ, не прямо въ томъ видѣ, какъ она выступаетъ въ его обычномъ мышленьи, а съ измѣненіями и переходами, приспособленными къ «пониманію» ученика; кто, будучи флегматикомъ, споритъ съ сангвиникомъ, тому не слѣдуетъ забывать, что его оппонентъ придетъ въ страшный гнѣвъ изъ-за такого противорѣчія, которое въ немъ самомъ вызвало бы развѣ только легкое раздраженіе, и т. д.

Поправки эти становятся, вообще говоря, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дальше отъ организаціи познающаго отстоитъ организація того существа, которое приходится «понять». Констатируется, напр., отсутствіе у другихъ организмовъ тѣхъ «чувствъ», которыми мы обладаемъ (чему, я думаю, нѣтъ надобности приводить примѣры) или присутствіе такихъ, которыхъ у насъ нѣтъ (напр. «осязаніе на разстояніи» у летучихъ мышей, зрительныя впечатлѣнія отъ ультрафіолетовыхъ лучей у муравьевъ и т. под.); констатируются инстинкты и рефлексы, не похожіе на наши (напр. «геліотаксисъ» и «химіотаксисъ» у многихъ низшихъ организмовъ) и т. п. На извѣстномъ пунктѣ явленій поправки эти превращаются (при нынѣшнемъ состояніи знанія) въ рѣшительный скачекъ познанія—дается *одна* всеобщая поправка для неорганическаго міра и для растительнаго царства, а именно уничтоженіе самой подстановки (какъ увидимъ, только кажущееся).

Принимается, что рядъ непосредственныхъ переживаній, подобныхъ нашимъ психическимъ, совершенно обрывается на низшихъ животныхъ, что дальше идетъ въ этомъ смыслѣ *абсо-*

Digitized by Google

лютная пустота, ничто.— По отношенію къ растительному царству это, впрочемъ, признается не безусловно: для свободно живущихъ растительныхъ клѣтокъ, а также для растеній съ ясно выраженными рефлексами (напр., насѣкомоядныхъ) подстановка—въ самой минимальной степени—еще допускается. Но ужъ неорганическій міръ считается окончательно «мертвымъ».

Здѣсь, собственно, и начинается истинное царство «чистаго описанія», чуждаго всякихъ антропоморфизмовъ. Самая идея «чистаго описанія» выражаетъ именно стремленіе совершенно отдѣлить натуралистическое познаніе отъ сплетающихся съ нимъ элементовъ подстановки. Если Махъ и другіе нападаютъ на понятіе «причинности», на идею «объясненія» явленій, то именно постольку, поскольку они находятъ въ этихъ формахъ мышленія старый антропоморфизмъ, незаконную *подстановку* излишняго субъективнаго содержанія подъ объективныя данныя опыта. Правда, сторонники «чистаго описанія» не противъ подстановки въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она очевидно-полезна и необходима—по отношенію къ людямъ и другимъ живымъ существамъ, дѣйствій которыхъ безъ помощи нея мы не могли бы предвидѣть; но и ее эти мыслители стремятся ввести въ рамки строго натуралистическаго познанія. Для этого они съ одной стороны очищаютъ ее отъ «интроэкціи», т. е. пространственнаго вкладыванія чувствъ, мыслей, стремленій и т. д. въ живой организмъ; съ другой стороны, они стараются ввести подстановку въ строго-научныя формулы «функціональной зависимости» фактовъ опыта: принимается, что опредѣленнымъ состояніямъ живого организма (для высшихъ существъ—именно центральной нервной системы) «функціонально соотвѣтствуютъ» строго опредѣленныя, вполнѣ одновременныя «психическія переживанія», при чемъ всякая попытка представить ту или другую сторону этой зависимости, «рядъ физіологическій» или «рядъ психическій», какъ *причину* другой, заранѣе признается незаконною, какъ внесеніе лишнихъ и противорѣчивыхъ элементовъ въ описаніе.

Здѣсь лежитъ крайній пунктъ реакціи «чистаго» натура-

Digitized by Google

листическаго познанія противъ «анимистической» подстановки. Надо изслѣдовать, можетъ ли познаніе остановиться на этомъ пунктѣ, можетъ ли оно принять безусловно методъ «чистаго описанія» въ *этой* его формѣ, и дѣйствительно ли «чистое описаніе» вполнѣ устраняетъ подстановку за предѣлами живой природы.

III.

Познаніе имѣетъ практику своей основой и своей цѣлью; черпая изъ нея свой матеріалъ, оно даетъ ей опору въ *предвидѣніи* будущаго. Именно поэтому центромъ познавательной жизни, къ которому тяготѣетъ каждое изъ безчисленныхъ частныхъ ея проявленій, была до сихъ поръ *причинная связь фактовъ*, связь ихъ *необходимой и постоянной послѣдовательности*. Предвидѣть надо то, чего еще нѣтъ, на основаніи того, что есть и было; поэтому жизненно-важна именно та зависимость, которая связываетъ *неодновременное*, связываетъ предшествующее съ послѣдующимъ. Такова всеобщая причинность явленій.

Въ своей борьбѣ противъ «фетишизма» причинности, новѣйшій позитивизмъ замѣняетъ ее чистой «функціональной зависимостью» фактовъ опыта. И дѣйствительно, устраняя изъ идеи причинности всякій антропоморфизмъ, мы получаемъ только строгую функціональную зависимость фактовъ, но именно—*фактовъ предшествующихъ съ послѣдующими*. Такую зависимость я и буду въ дальнѣйшемъ обозначать просто, какъ «причинность», не видя надобности отказываться отъ хорошаго стараго, всѣмъ привычнаго слова ради неуклюжей описательной формулы «функціональное отношеніе послѣдовательности».

Но современный позитивизмъ признаетъ не только причинность въ этомъ смыслѣ слова, но и еще иную закономѣрность, а именно *функціональную зависимость одновременнаго*. Главнымъ полемъ этой зависимости является отношеніе «физіологіи» и «психики»: принимаютъ, что если имѣется извѣстное

Digitized by Google

состояніе нервныхъ центровъ, то одновременно имѣется и опредѣленный комплексъ «фактовъ сознанія», а также и наоборотъ. Эту форму функціональной зависимости я буду обозначать, какъ «параллелизмъ», чтобы не прибѣгать къ сложнымъ выраженіямъ въ родѣ «закономѣрной связи одновременнаго» и т. под.

Что параллелизмъ есть совершенно иная форма познанія, чѣмъ причинность, хотя бы онѣ и объединялись въ обобщающемъ неопредѣленномъ понятіи «функціональная зависимость» — это очевидно само собою. Что для познанія было бы громаднымъ выигрышемъ въ смыслѣ его стройности, его монистичности, если бы одна изъ этихъ категорій была сведена къ другой, или обѣ онѣ къ третьей, не вполнѣ опредѣленной, а не простой расплывающейся идеѣ связи вообще—это также очевидно. Полная самостоятельность обѣихъ категорій обозначаетъ *два совершенно различныхъ міра отношеній*, т.-е. строгій дуализмъ познанія. Съ точки зрѣнія позитивиста единственная возможная форма познавательнаго монизма есть единство основного типа группировки данныхъ опыта; а тутъ передъ нами выступаютъ *два* основныхъ типа, взаимно несводимыхъ.

Однако, что жъ дѣлать? — спроситъ читатель. — Дуализмъ такъ дуализмъ, разъ строго научное и критическое отношеніе къ опыту не допускаетъ познавательнаго монизма, въ смыслѣ единаго всеобщаго типа систематизаціи опыта.

Но дѣйствительно ли дѣло обстоитъ такъ безнадежно?

Въ естественныхъ наукахъ связь параллелизма играетъ вполнѣ опредѣленную, и довольно важную роль. Тамъ въ очень многихъ случаяхъ выступаетъ такая формула: если въ изслѣдуемомъ объектѣ найдены такія же черты, то слѣдуетъ предположить еще такія-то, повсюду ихъ сопровождающія, хотя въ данномъ случаѣ прямо не констатированныя. Нар., внѣшнимъ признакамъ извѣстнаго вида животныхъ соотвѣтствуетъ опредѣленное внутреннее строеніе, анатомическое и гистологическое; данному расположенію геологическихъ пластовъ — опре-

Digitized by Google

дѣленнаго рода животные и растительные остатки, въ нихъ находимые, и т. д., и т. д. Во всей «естественной исторіи», т. е. конкретно-описательной части естественныхъ наукъ, рѣшительно преобладаетъ формула «параллелизма»: каждый видъ, родъ, классъ и т. д. характеризуется именно какъ комбинація *параллельно* существующихъ, *одновременно* встрѣчающихся признаковъ и ихъ группировокъ. Такимъ образомъ, казалось бы, познавательная необходимость схемы «параллелизма», а съ ней и ея самостоятельное значеніе должны быть признаны безусловно.

Такъ это и было до выступленія на сцену идей эволюціонизма. Параллельное существованіе различныхъ формъ въ органической и неорганической природѣ, параллелизмъ во внутреннихъ соотношеніяхъ той или иной данной формы брались какъ фактъ, установленный опытомъ и не нуждающійся въ особомъ научномъ, *причинномъ* объясненіи. Вмѣсто такого объясненія предлагались либо ссылка на актъ творенія, либо на цѣлесообразность даннаго параллелизма. Но при этомъ къ двумъ научнымъ формамъ группировки присоединялись только двѣ ненаучныя, заимствованныя изъ области «подстановки»: свобода творящей воли, и телеологія (чаще всего объединяемыя въ идеѣ «телеологическаго творчества»).

Однако, уже тотъ фактъ, что для «объясненія» параллелизма примѣнялись такіе суррогаты причинности, указывалъ на потребность именно въ причинномъ объясненіи, указывалъ на то, что мышленіе *органически* не могло остановиться на простомъ констатированіи того или иного параллелизма. Эволюціонизмъ уже опредѣленно поставилъ вопросъ о *причинахъ* мірового и органическаго развитія; онъ задался цѣлью *причинно* объяснить, почему органическія формы представляютъ такіе-то комплексы признаковъ, а солнечная система—такое-то строеніе, и т. д. При этомъ параллелизмъ явленій получилъ совершенно новое научное значеніе: если въ опредѣленныхъ формахъ признаки A, B, C,.... всюду встрѣчаются «параллельно» съ признаками X, Y, Z,...., то это имѣетъ свою *при-*

Digitized by Google

чину въ предыдущихъ фазахъ развитія этихъ формъ и въ условіяхъ среды, подъ которыми онѣ развивались. Параллелизмъ сводится при этомъ къ причинности.

Біологія знаетъ не мало такъ наз. «соотносительныхъ уклоненій», которыя выступаютъ въ развитіи рядомъ и одновременно, хотя причинной связи между ними уловить совершенно не удается. Почему, напр., у кошекъ «параллельно» съ голубымъ цвѣтомъ глазъ наблюдается глухота? Этого мы еще не знаемъ, и однако никому въ голову не приходитъ отказаться отъ вопроса «почему?» и заявить: констатировано функціональное отношеніе одновременнаго существованія у кошекъ глухоты и голубоглазія, — дальше тутъ искать нечего, стремленіе найти причины этого факта въ корнѣ ошибочно. Такая точка зрѣнія была бы признана ненаучной.

Только въ одномъ случаѣ современный позитивизмъ поступаетъ такимъ образомъ: въ вопросѣ о соотношеніи жизни физіологической и психической. Тамъ онъ заявляетъ: частью констатирована, частью гипотетически признается функціональная зависимость одновременнаго существованія опредѣленныхъ нервныхъ процессовъ и опредѣленныхъ «психическихъ» комплексовъ. Дальще этого принципіально итти некуда, возможно только изслѣдованіе частныхъ случаевъ данной зависимости; стремленіе же «объяснить» ее сведеніемъ ея къ причинной связи необосновано и ненаучно, оно выходитъ за предѣлы чистаго описанія данныхъ опыта.

Естественно, что такая точка зрѣнія насъ не удовлетворяетъ. Признавая двѣ принципіально различныя формы функціональной зависимости — причинность и параллелизмъ, признавая законность подчиненія второй изъ нихъ — первой формѣ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, отношенія физіологіи и психики, мы получаемъ крайне дисгармоничную систему познанія: грандіозный міръ непрерывныхъ причинныхъ связей, къ которому сбоку прилѣплена ограниченная область отношеній чистаго параллелизма; и чтобы сохранить полную независимость этой области, на границѣ ея поставленъ ангелъ

Digitized by Google

строгаго позитивизма съ огненнымъ мечемъ, не допускающій никакой завоевательной попытки со стороны причиннаго познанія. По сравненію съ такой картиной познанія даже полный дуализмъ представлялъ бы нѣчто стройное и цѣлостное.

Какъ было выяснено, тотъ параллелизмъ, который создаетъ эту дисгармонію, есть результатъ научнаго очищенія старой подстановки «психическаго» подъ «физическое»; и вопросъ объ единомъ типѣ познавательной группировки фактовъ опыта сводится къ вопросу о введеніи «подстановки» въ схемы научной причинности.

IV.

Строго-научная форма «подстановки» такова: опредѣленнымъ физіологическимъ состояніемъ нервныхъ центровъ соотвѣтствуютъ опредѣленные факты сознанія.

Первый возникающій здѣсь вопросъ: что такое съ точки зрѣнія опыта тотъ самый «физіологическій процессъ», которому соотвѣтствуетъ процессъ психическій?

Человѣкъ для человѣка прежде всего—воспріятіе, слагающееся изъ зрительныхъ, тактильныхъ, акустическихъ и иныхъ элементовъ. Въ ряду многократныхъ повтореній комплексъ этотъ пріобрѣтаетъ устойчивость и опредѣленность. Благодаря его сходству съ другимъ подобнымъ комплексомъ — воспріятіемъ собственнаго тѣла лица познающаго — комплексъ этотъ дополняется посредствомъ, «подстановки», и возникаетъ «общеніе» людей, коллективный опытъ, передаваемый въ «высказываніяхъ», создаетъ идею *непрерывнаго* существованія этого, какъ и другихъ, аналогичныхъ по устойчивости, комплексовъ; въ коллективномъ опытѣ они «существуютъ» независимо отъ того, «воспринимаются» ли въ данный моментъ даннымъ лицомъ, или нѣтъ,—они существуютъ, какъ «тѣла» *).

---

*) Подробнѣе объ этомъ въ ст. „Идеалъ познанія“ („Эмпиріомонизмъ“, Моск. 1904).

Digitized by Google

Такимъ образомъ «физическое тѣло» есть результатъ группировки и систематизаціи *воспріятій*, сначала индивидуальной, затѣмъ коллективной. То же относится, очевидно, и къ «физіологическому процессу нервной системы», при чемъ такого рода комплексъ развивается уже на еще болѣе высокой стадіи организаціи коллективнаго опыта — на ступени научной его обработки. Въ виду этого, вопросъ о параллелизмѣ физіологическаго процесса съ психическимъ сводится къ другому вопросу—о параллелизмѣ психическаго процесса съ воспріятіемъ—въ психикѣ другихъ существъ — соотвѣтственнаго физіологическаго процесса.

Поясню это на конкретномъ примѣрѣ. Въ одномъ изъ обычныхъ опытовъ, относящихся къ выясненію природы эмоцій, собакѣ, у которой снята часть черепной крышки, причиняютъ сильный испугъ; мгновенно мозгъ блѣднѣетъ и уменьшается въ объемѣ (сжатіе сосудовъ, особенно мелкихъ артерій и капилляровъ). Съ точки зрѣнія *психическаго* опыта паціента и экспериментатора дѣло представляется такъ: въ сознаніи собаки выступаетъ своеобразный, сложный, неопредѣленный и колеблющійся комплексъ элементовъ иннерваціонныхъ, общаго органическаго чувства, страданія и т. д., обозначаемый словомъ «страхъ»; въ психикѣ наблюдателя—опредѣленное измѣненіе того комплекса, который представляетъ «воспріятіе мозга собаки», — именно, быстро уменьшается сумма элементовъ пространственныхъ и тактильныхъ (уменьшеніе объема), еще быстрѣе — сумма элементовъ «краснаго» (поблѣднѣніе мозга), и т. д. У собаки «непосредственное переживаніе»—испугъ, у наблюдателя — совершенно непохожее, но вполнѣ опредѣленное, функціонально связанное съ первымъ переживаніе—воспріятіе измѣненій мозга собаки. «Параллелизмъ» этихъ двухъ переживаній различныхъ существъ и представляетъ ту задачу, разрѣшеніе которой даетъ ключъ къ пониманію психо-физіологическаго параллелизма, такъ какъ «процессъ физіологическій» есть результатъ систематическаго объединенія и гармонизаціи соотвѣтственныхъ воспріятій.

Digitized by Google

Теперь мы вернемся на минуту къ общей схемѣ причинности и для сравненія съ только-что обрисованной функціональной зависимостью возьмемъ нѣсколько типичныхъ случаевъ функціональной зависимости *причиннаго* характера.

Если плотность воздуха уменьшается, то ртуть въ барометрѣ падаетъ. Вотъ функціональная зависимость опредѣленной послѣдовательности. Что общаго между послѣдовательно выступающими комплексами — совокупностью атмосферныхъ измѣненій даннаго рода и измѣненіемъ уровня ртути? *Качественно*—между ними нельзя найти ни малѣйшаго сходства. Это не мѣшаетъ имъ находиться въ отношеніи «причины» и «слѣдствія». Однако, чтобы полностью охватить это отношеніе причинности, надо принять во вниманіе и устройство барометра: оно—необходимое условіе даннаго результата, составная часть его «причины». — Чтобы сдѣлать изложеніе болѣе простымъ и нагляднымъ, я буду обозначать такую связь фактовъ терминомъ «отраженіе». Нашъ примѣръ тогда можно выразить такъ: пониженіе плотности воздуха «отражается» въ механизмѣ барометра въ видѣ движенія ртутнаго столба внизъ.

Итакъ, между «отражаемымъ» и «отраженіемъ», при ихъ строгой функціональной зависимости, возможно полнѣйшее качественное несходство. Такое несходство является даже скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ. Въ немъ нѣтъ ничего загадочнаго: мы знаемъ, что ближайшимъ образомъ «отраженіе» опредѣляется именно *отражающей средой*, тѣмъ комплексомъ, *въ которомъ* отражается данное явленіе, и уже въ меньшей степени — этимъ «отражаемымъ» явленіемъ.

Беремъ еще нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ. Мелодія, звучащая близъ фонографа, отражается на его валикѣ въ видѣ совершенно непохожаго на нее ряда черточекъ; колоссальный физическій комплексъ — планета, со всѣмъ громаднымъ разнообразіемъ ея строенія, отражается въ сѣтчаткѣ человѣка, живущаго на землѣ, въ видѣ минимальныхъ химическихъ измѣненій на пространствѣ нѣсколькихъ микроновъ.

Digitized by Google

Послѣдній примѣръ удобно варіировать такъ, чтобы онъ приближалъ насъ къ нашему основному вопросу, объ отношеніи физическаго и психическаго: цѣлый міръ физическихъ комплексовъ, включающій, можетъ быть, громадную массу интенсивной жизни, отражается въ психикѣ земного наблюдателя какъ воспріятіе маленькой свѣтлой точки съ расходящимися короткими лучами на темно-голубомъ фонѣ.

Въ сферѣ психическаго опыта легко констатировать тѣ же отношенія. Одинъ психическій комплексъ, «отражаясь» въ другомъ, вызываетъ функціонально-опредѣленное его измѣненіе, которое можетъ оказаться совершенно несходно съ «отражающимся» комплексомъ. У васъ, напр., имѣется вполнѣ опредѣленное, сложившееся представленіе о лицѣ *A*, какъ интеллектуальной и моральной личности; въ ваше сознаніе вступаетъ «воспріятіе» нѣсколькихъ строчекъ, написанныхъ имъ, или нѣсколькихъ фразъ, имъ сказанныхъ,—и все ваше представленіе о немъ быстро мѣняется. При этомъ новыя комбинаціи, вошедшія въ представленіе объ *A*, какъ его характеристики, нѣсколько не похожи на тѣ зрительныя или слуховыя воспріятія, которыя вызвали измѣненіе,—которыя въ немъ «отразились».—Точно такъ же какая-нибудь новая «идея», проникая въ ваше міровоззрѣніе и шагъ за шагомъ его преобразуя, «отражается» въ цѣлой массѣ вашихъ представленій,—но измѣненія, которыя она въ каждомъ изъ нихъ вызываетъ, качественно далеко не сходны съ этой самой идеей, далеко не представляютъ простого ея включенія въ данныя психическія формы.

Резюмируя подобныя отношенія, приходится сказать: если комплексъ *A* отражается въ какомъ-либо комплексѣ *B*, то отраженіе лишь функціонально опредѣляется отражаемымъ, являясь (вообще говоря) качественно съ нимъ несходнымъ. Это относится ко всевозможнымъ комплексамъ опыта, и представляетъ частичную характеристику причинной связи фактовъ опыта.

Психическая жизнь каждаго человѣка есть чрезвычайно

Digitized by Google

сложный и обширный комплексъ, но все-же только комплексъ элементовъ опыта. Пусть имѣется два такихъ комплекса—психика человѣка *A* и психика человѣка *B*. Спрашивается, въ какомъ видѣ одинъ изъ нихъ — положимъ, *A*, — можетъ отразиться въ другомъ—въ комплексѣ *B*, предполагая, конечно, что онъ вообще *можетъ* въ немъ отразиться, какъ принадлежащій къ одной съ нимъ «природѣ?» На основаніи предыдущаго, приходится считать наиболѣе вѣроятнымъ, что «отраженіе» окажется совершенно несходно съ отражаемымъ, но связано съ нимъ опредѣленной функціональной зависимостью.

Теперь припомнимъ то, что мы передъ этимъ говорили о связи процесса психическаго и физіологическаго. Мы нашли, что въ формулѣ ихъ зависимости, не мѣняя ея основного характера («параллелизмъ»), вмѣсто физіологическаго процесса можно подставить воспріятіе его другимъ живымъ существомъ.

Сопоставляя съ только-что полученной схемой, получаемъ два соотношенія, которыя для наглядности я напишу рядомъ:

1. Психическій процессъ человѣка *A*	1. Психическій процессъ человѣка *A*
Функціонально съ нимъ связано:	*Функціонально съ нимъ связано*:
2. Воспріятіе соотвѣтственнаго физіологическаго процесса въ психикѣ другого человѣка *B*.	2. Его отраженіе (ближе пока не опредѣленное) въ психикѣ другого человѣка *B*.
Функціональная зависимость (предполагается) параллелизмъ.	*Функціональная зависимость—причинность.*
1-ое и 2-ое совершенно несходны качественно.	1-ое и 2-ое могутъ быть совершенно несходны качественно.

Сравнивая оба соотношенія, находимъ поразительное сходство. Главная разница заключается, на первый взглядъ, въ томъ, что одна зависимость—параллелизмъ (т.-е. одновремен-

Digitized by Google

ность), а другая—причинность (т.-е. послѣдовательность). Но дѣйствительно ли въ первомъ случаѣ имѣется полная одновременность? Конечно, нѣтъ: воспріятіе физіологическаго процесса въ психикѣ другого человѣка *неизбѣжно запаздываетъ* по сравненію съ тѣмъ техническимъ процессомъ, которому оно соотвѣтствуетъ. Такимъ образомъ и здѣсь дѣло идетъ не о точной одновременности, а о *послѣдовательности*, и различія между двумя отношеніями не оказывается.

При такомъ совпаденіи двухъ нашихъ рядовъ самой вѣроятной гипотезой является ихъ отожествленіе: неизвѣстный пока еще 2-ой членъ второго отношенія тожественъ со 2-ымъ членомъ перваго отношенія, какъ тожественны уже 1-ые члены. Другими словами: отраженіемъ психическихъ процессовъ человѣка *A* въ психикѣ *B* является «воспріятіе соотвѣтственныхъ физіологическихъ процессовъ».

Выводъ этотъ создаетъ далеко не обычную и на видъ парадоксальную точку зрѣнія. Отнесемся же къ ней со всѣмъ сомнѣніемъ, какое подобаетъ проявлять при встрѣчѣ съ неожиданной гипотезой, и прослѣдимъ, противорѣчитъ ли она опыту.

V.

Прежде всего, очевидно, что эта точка зрѣнія не можетъ, по существу дѣла, остаться въ рамкахъ того случая, который мы разсмотрѣли. Она должна быть отнесена къ воспріятію всякаго живого существа всякимъ другимъ живымъ существамъ. Получается такой выводъ: всякое живое существо, какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, «отражается» въ другомъ живомъ существѣ (и даже въ себѣ самомъ), какъ «воспріятіе тѣла».

Если такъ, то представляется, повидимому, неизбѣжнымъ признаніе *полнаго* параллелизма физіологическихъ и психическихъ процессовъ: всякому «воспріятію» физіологическаго процесса, — стало быть, и самому физіологическому процессу,

Digitized by Google

долженъ соотвѣтствовать процесъ психическій, который «отражается» въ этомъ воспріятіи. Это совершенно обязательный, повидимому, выводъ изъ того, что никакой принципіальной разницы между физіологическими процессами нервной системы и прочими физіологическими процессами указать нельзя.

Этого мало. Процессы физіологическіе также принципіально не отличаются отъ процессовъ неорганическихъ, изъ которыхъ возникаютъ и въ которые переходятъ. «Воспріятіе» живого и «воспріятіе» не-живого тѣла находятся въ одной непрерывной цѣпи. Надо, повидимому, распространить нашъ параллелизмъ физическаго и психическаго на всю природу, принять, что въ нашихъ «воспріятіяхъ» неорганической природы «отражается» что-то «психическое».

Итакъ, повидимому, наша точка зрѣнія ведетъ къ *панпсихизму*. Впрочемъ, уже очевидно, что если тутъ и окажется «панпсихизмъ», то не дуалистическій, который повсюду *вкладываетъ* психическое въ физическое, а совсѣмъ иной: строго-монистическій, для котораго «физическое» не оболочка «психическаго», а своеобразное его отраженіе, настоящее его «инобытіе». Для такого панпсихизма физическое тѣло является результатомъ опредѣленной группировки, координаціи, результатомъ процесса «организаціи» однородныхъ воспріятій, которыя сами представляютъ изъ себя отраженіе одного «психическаго» въ другомъ «психическомъ». Словомъ, дѣло сводится, повидимому, къ строгому панпсихическому монизму.

Въ дѣйствительности, однако, это не такъ. «Панпсихизмъ» неминуемо связывается съ ошибочнымъ понятіемъ о *строеніи* различныхъ комплексовъ, образующихъ природу. Чтобы понять въ чемъ его ошибочность, надо прежде всего вполнѣ выяснить себѣ, что́ есть «психическое».

VI.

Изслѣдуя различные комплексы элементовъ опыта, легко установить *три* различныхъ типа связи элементовъ.

Digitized by Google

Въ вашемъ опытѣ проходятъ различные образы; каждый изъ нихъ представляетъ изъ себя нѣкоторое непосредственное сочетаніе элементовъ. Пока это сочетаніе является для васъ просто *даннымъ*, пока вы его вовсе и не разлагаете, не преобразовываете, не соединяете ни съ какой опредѣленной характеристикой, до тѣхъ поръ дѣло идетъ о первоначальной и основной, о *непосредственной* формѣ связи элементовъ опыта въ комплексы.

Мы разлагаемъ, однако, различные комплексы своего опыта на другіе, меньшіе комплексы и далѣе на элементы. Такое разложеніе предполагаетъ извѣстныя условія. Чтобы цѣльный комплексъ *A* разложился на свои части x, y, z, для этого требуется, чтобы эти части выступали въ опытѣ не только вмѣстѣ, но и отдѣльно, и чтобы въ памяти познающаго сохранились и тѣ и другіе случаи, благодаря чему было бы возможно ихъ сравненіе. Иначе комплектъ *A* былъ бы для познающаго всегда только непосредственно-даннымъ *A*, и ничѣмъ больше; не возникало бы даже мысли о возможности его разложенія.

Совокупность указанныхъ условій характеризуетъ *ассоціативную* связь опыта, или связь *психическую*. Если комплексы x, y, z выступаютъ иногда вмѣстѣ, иногда нѣтъ, и притомъ такъ, что это *констатируется*, замѣчается, то они «ассоціированы» между собою, и «ассоціированы» съ массой другихъ комплексовъ, образующихъ систему «памяти» и «сознанія», образующихъ *психическую* систему. Эти элементарныя психологическія соображенія не нуждаются, я думаю, въ особыхъ доказательствахъ; а они вполнѣ достаточно обрисовываютъ «психическую» часть опыта. Это—ассоціативная связь въ ассоціативной системѣ.

Въ опытѣ «физическомъ» связь комплексовъ представляетъ иныя особенности, выражаемыя терминами «непрерывность» и «необходимость». Это *объективно-закономѣрная* связь опыта. Комплексы, объединенные такой связью—«тѣла» или «процессы» физическаго міра, не могутъ приниматься суще-

Digitized by Google

ствующими то цѣликомъ, то по частямъ, то въ одной комбинаціи, то въ другой, какъ ассоціативные комплексы. Для каждаго даннаго момента «физическіе» комплексы представляютъ вполнѣ опредѣленную систему, измѣняющуюся лишь путемъ непрерывныхъ переходовъ отъ одного сочетанія къ другому, связанному съ нимъ необходимой зависимостью. Зависимость эта «объективна», то есть, не мѣняется съ индивидуальностью познающаго, а остается для самыхъ различныхъ индивидуумовъ одной и той же, «общезначимой» *). Это наиболѣе опредѣленная форма связи элементовъ опыта и его комплексовъ.

Три типа связи опыта соотвѣтствуютъ тремъ кантовскимъ категоріямъ—реальности, возможности, необходимости. Непосредственная связь есть въ то же время и первичная и всеобщая, именно потому, что она наименѣе опредѣленная, и *заключается* какъ въ ассоціативной, психической связи, такъ и въ объективной, физической, охватываетъ, слѣдовательно, всякій опытъ, всякую «реальность». Напротивъ, ассоціативная связь, положимъ, комплексовъ *A* и *B* выражается въ томъ, что они то являются вмѣстѣ, то не вмѣстѣ, т. е. эта связь имѣетъ окраску *возможности*. Вообще, возможность есть только «психическая» комбинація; въ данномъ случаѣ, эта комбинація представленій о тѣхъ случаяхъ, когда *A* выступаетъ вмѣстѣ съ *B* и о тѣхъ случаяхъ, когда *A* выступаетъ внѣ связи съ *B*. Напр., «возможно», что «онъ» (такое-то лицо) находится «дома» или «не-дома»: то и другое пока только мои представленія, находящіяся въ ассоціативной связи между собою и съ другими представленіями, то и другое, слѣдовательно, *психическая реальность*.—Реальность «необходимая» или «объективная» уже этой психической реальности; въ данномъ случаѣ она сводится къ одному опредѣленному факту

*) Эта надъ-индивидуальная „общезначимость“ отношеній даннаго типа является результатомъ и выраженіемъ надъ-индивидуальной, т. е. *соціальной* организаціи опыта (см. мою ст. „Идеалъ познанія“ въ сборникѣ „Эмпиріомонизмъ“).

Digitized by Google

физическаго опыта,—напр.: «онъ» (въ дѣйствительности) «дома». И очевидно, что психическая, ассоціативная связь *заключается* уже въ этой необходимой связи: неопредѣленная и текучая комбинація комплексовъ здѣсь только превращается въ опредѣленную, какъ-бы кристаллизованную, которая можетъ быть измѣнена только другими комбинаціями того же порядка («объективными силами»).

Такимъ образомъ три типа связи элементовъ и комплексовъ опыта являются въ то же время тремя фазами его прогрессивной организаціи: каждый низшій типъ, есть исходная точка для развитія высшаго и неминуемо имъ включается; каждый высшій имѣетъ свои особыя предпосылки, которыхъ не хватаетъ низшему. Для *психическаго* типа связи, который намъ важно теперь отчетливо представлять, чтобы рѣшить вопросъ о «панпсихизмѣ», для психическаго типа такія предпосылки: наличность организованной «ассоціативной» системы (память, сознаніе) и ограниченная измѣнчивость комбинацій (какая свойственна «ассоціаціямъ» образовъ, представленій и т. под.). Гдѣ нѣтъ этихъ предпосылокъ, тамъ не должно быть и рѣчи о «психическомъ».

VII.

Если, какъ мы приняли, психическій процессъ и его физіологическій эквивалентъ относятся между собою, какъ «отражаемое» и «отраженіе», то заключеніе отъ второго къ первому такъ же законно, какъ и наоборотъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что отъ *всякаго* физіологическаго процесса мы можемъ заключить именно къ «психическому», который въ немъ выражался бы?

«Психическое» есть ассоціативная комбинація въ ассоціативной системѣ, т. е. организованная часть организованнаго цѣлаго. Соотвѣтственный «нервный процессъ» называется нами также какъ организованное измѣненіе въ органи-

Digitized by Google

зованной системѣ. Это вполнѣ понятно: организованность отражаемаго выступаетъ въ организованности отраженія. Но изъ этого получается тотъ выводъ, что *предполагать* первую мы имѣемъ право только тамъ, гдѣ *имѣется* вторая. Такимъ образомъ, исходя изъ «параллелизма» физіологическихъ и психическихъ процессовъ, мы научнымъ образомъ лишь настолько можемъ принимать за какимъ-нибудь физіологическимъ комплексомъ — психическій, насколько *организованность* перваго позволяетъ предполагать ассоціативный характеръ второго. Другими словами, за той или иной, данной въ опытѣ «физіологической жизнью» слѣдуетъ предполагать «психическую» лишь постольку и въ такой мѣрѣ, поскольку и въ какой мѣрѣ организованность первой соотвѣтствуетъ организованности процессовъ нервной системы.

Такимъ образомъ, въ полномъ согласіи съ опытомъ, слѣдуетъ прежде всего принять, что низшимъ формамъ нервной системы соотвѣтствуютъ низшія реформы «психической», ассоціативной жизни. А тамъ, гдѣ нѣтъ нервной системы? Насколько можно судить, всякая живая клѣтка способна «накоплять» энергію раздраженій и «привыкать» къ опредѣленнымъ реакціямъ на повторяющіяся комбинаціи условій. Это заставляетъ уже предполагать элементарныя формы *памяти*, т. е. ассоціативныхъ, психическихъ группировокъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ и тотъ фактъ, что всякій организмъ съ сложной нервной системой развивается изъ *одной недифференцированной клѣтки*, такъ что въ жизни этой эмбріональной клѣтки и приходится искать исходной точки всего развертывающагося богатства ассоціативныхъ комбинацій. Словомъ, слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ, что организованный живой бѣлокъ есть физическое выраженіе («или отраженіе») непосредственныхъ переживаній *психическаго* характера, конечно, тѣмъ болѣе элементарныхъ, чѣмъ болѣе элементарна организація этого живого бѣлка въ каждомъ данномъ случаѣ.

Что же слѣдуетъ предполагать за предѣлами организован-

Digitized by Google

ныхъ бѣлковыхъ тѣлъ, гдѣ мы встрѣчаемся со всевозможными другими, гораздо менѣе сложными «матеріальными» комбинаціями, химическими и физическими? Очевидно, что за этими *неорганизованными* тѣлами нѣтъ основаній принимать «психическія», т. е. ассоціативно-организованныя группировки. Но не принимать *ничего* было бы рѣзкимъ скачкомъ познанія, нарушеніемъ его основного принципа — *непрерывности*. Это значило бы признать, что нѣчто, *само по себѣ* (внѣ нашего сознанія) является *ничѣмъ*, тѣмъ не менѣе вызываетъ въ этомъ сознаніи нѣчто положительное («воспріятіе физическаго тѣла»), и вызываетъ закономѣрно, необходимо; тогда какъ въ другихъ случаяхъ вызывающее вполнѣ аналогичный результатъ («воспріятіе физіологическаго процесса») «нѣчто» и *само по себѣ представляетъ нѣчто положительное* (чужая психика, существующая и внѣ нашего сознанія). Предлагаю читателю нѣсколько вдуматься въ это, по необходимости (вслѣдствіе недостатка въ нашемъ языкѣ точно соотвѣтствующихъ понятіямъ терминовъ) запутанно и неуклюже выраженное сопоставленіе, — и онъ пойметъ, что видѣть въ физическомъ комплексѣ *только* этотъ непосредственно данный въ воспріятіи комплексъ, значило бы признавать, что иногда нѣчто возникаетъ изъ ничего, признавать непрерывный актъ чудеснаго творенія.

Что же однако слѣдуетъ принимать за этимъ «чисто физическимъ комплексомъ», если, какъ указано, нельзя принимать «психическаго», потому что ассоціативная организованность выражается въ физіологической? Гдѣ нѣтъ предпосылокъ психической связи элементовъ и группировокъ, тамъ остается только связь *непосредственная*—низшая форма связи. Ее то и приходится съ точки зрѣнія строгой научной аналогіи принимать въ данномъ случаѣ.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что «подстановка» психическихъ комплексовъ подъ всевозможные физическіе невозможна, но что подстановка вообще необходима, если познаніе остается вѣрнымъ принципу непрерывности. Для не-

Digitized by Google

органической природы комплексы «подставляемые» должны оказаться неорганизованными, не абсолютно-неорганизованными, разумѣется, а только относительно, т. е. объединенными только низшей связью, которую мы назвали «непосредственной».

Не панпсихизмъ, а строго-научная подстановка—организованныхъ психическихъ комплексовъ подъ организованные физіологическіе, неорганизованныхъ непосредственныхъ подъ неорганизованные физическіе,—такова наша точка зрѣнія. Она представляетъ природу, какъ безконечный рядъ комплексовъ, разлагающихся на тѣ же элементы, которые суть и элементы нашего опыта, обладающихъ самыми различными степенями организованности, и «отражающимися» одни въ другихъ такъ, какъ это происходитъ въ нашемъ опытѣ.

VIII.

Хорошо, замѣчаетъ читатель, ваша точка зрѣнія монистична, но она требуетъ «подстановки» и тамъ, гдѣ научное познаніе отъ этого отказывалось или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ безъ этого обходилось. Не является ли такая точка зрѣнія лишнимъ балластомъ для познанія? Не противорѣчитъ ли ея требованіе признаваемому вами принципу экономіи въ трудѣ мышленія? И кромѣ того, требуя подстановки, она вовсе не указываетъ, *что же именно* слѣдуетъ подставлять, напр., подъ тѣ или другіе опредѣленные неорганическіе процессы физическаго міра, и какая въ каждомъ такомъ случаѣ получается польза для познанія. Не значитъ ли это—уходить въ туманы самодовлѣющаго философствованія, т. е. по-просту—метафизики?

Всѣ эти возраженія очень серьезны, и должны быть взвѣшены очень строго, а отвѣтъ на нихъ долженъ быть какъ можно болѣе точный; иначе крушеніе нашего «эмпиріомонизма» неминуемо на первыхъ же шагахъ.

И первое, на что я укажу въ анализѣ возраженій, это

Digitized by Google

невѣрность главной посылки,—будто научное познаніе обходилось до сихъ поръ безъ «подстановки» въ области познанія неорганической природы. Нѣтъ, подстановка постоянно практиковалась, только это была подстановка *физическаго подъ физическое.*

Что такое—механическая теорія теплоты, эфирная теорія свѣтовыхъ волнъ и другія аналогичныя теоріи, сослужившія громадную службу наукѣ,—какъ не теоріи подстановки, съ точки зрѣнія которыхъ наши тепловыя, свѣтовыя и т. под. воспріятія представляютъ лишь *отраженія* въ нашей психикѣ иныхъ «непосредственныхъ комплексовъ», мыслящихся въ видѣ молекулярно-механическихъ колебаній, волнъ эфира и т. под. Принципіально—это совершенно такая же «подстановка», какъ подстановка «вещи въ себѣ» подъ «явленіе», и въ концѣ концовъ—какъ подстановка психическаго подъ физіологическое. Вопросъ только въ томъ. насколько удачна та или другая подстановка, насколько цѣлесообразна она для познанія.

Съ этой точки звѣнія подстановка, «физическаго» подъ «физическое» заключаетъ въ себѣ большіе недостатки.

Въ самомъ дѣлѣ «физическое» означаетъ опредѣленную связь опыта, самую стройную, самую организованную, наиболѣе выработанную форму этой связи (объективная закономѣрность). Таково физическое въ нашемъ опытѣ, таково оно какъ *отраженіе* непосредственныхъ комплексовъ, воздѣйствующихъ на различныя, соціально-связанныя общеніемъ психики живыхъ существъ. Но эта организованность даннаго *отраженія* принадлежитъ именно *отражающему* — соціально-психической средѣ, ею дается, въ ней вырабатывается; *отражаемое* само по себѣ можетъ совсѣмъ не представлять такой степени организованности; и, какъ мы показали, по отношенію къ неорганическимъ процессамъ природы даже неизбѣжно принять самую низшую степень организованности «отражаемаго». Когда подъ тепловые или свѣтовые комплексы подставляются комплексы «механическіе», то это значитъ, что высшая органи-

Digitized by Google

зованность опыта переносится за предѣлы той области, въ которой она дѣйствительно существуетъ, что она принимается независимо отъ своего реальнаго жизненнаго базиса—коллективно-познавательно организующаго процесса. Это ошибка того же типа, какъ приписываніе камню души, подобной душѣ человѣка. Эту ошибку прогрессъ познанія долженъ устранить.

Современная наука и обнаруживаетъ тенденцію исправить «подстановку», освободивши ее отъ указаннаго недостатка; тенденція эта врядъ ли ясно сознается, не всегда правильно проводится, но съ несомнѣнностью выступаетъ въ *новѣйшихъ* научныхъ теоріяхъ, каковы напр. электромагнитная теорія массы и т. под. Въ этихъ теоріяхъ нѣтъ уже ни молекулъ, ни атомовъ, какъ особыхъ устойчивыхъ реальностей, скрытыхъ подъ текучей реальностью опыта; въ нихъ есть, повидимому, только голыя формулы и схемы, которыми связываются прямыя данныя опыта. Однако, вглядываясь въ эти формулы и схемы, легко убѣдиться, что за ними опять-таки скрывается «подстановка», только сознательно-неопредѣленная, избѣгающая перенесенія образовъ высшей организованности въ область подкладки явленій низшей организованности. Такія понятія, съ какими оперируютъ эти теоріи, напр. «напряженіе» въ той или иной точкѣ электрическаго или магнитнаго поля, «электронъ», положительный или отрицательный и т. под. не выражаютъ *никакого опредѣленнаго опытнаго содержанія* («чувственно» опредѣленнаго), но выражаютъ безконечный рядъ «потенцій», *возможностей* вполнѣ опредѣленнаго опыта, а не простое отсутствіе содержанія. Всѣ эти возможности имѣютъ отнюдь не субъективный характеръ, какъ въ психическомъ опытѣ, а вполнѣ *объективный*: каждая изъ нихъ, лишь только присоединяются опредѣленныя условія (для каждой особыя), переходитъ въ «необходимость», въ объективную, т. е. общезначимую дѣйствительность: при такихъ-то дополнительныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ даннаго потенціала и напряженія, обнаружатся такія-то тепловыя явленія, т. е. такія-то воспріятія въ психикѣ каждаго нормально организованнаго

Digitized by Google

наблюдателя, при другихъ—такія-то свѣтовыя явленія, напр. воспріятіе искры, при третьихъ—такія-то механическія, и т. д. Каждая изъ этихъ возможностей существуетъ, слѣдовательно, не только для даннаго лица, въ данный моментъ принимающаго эти «символы» для опредѣленнаго поля наблюденій,—но и независимо отъ его ограниченнаго личнаго опыта. Что же это значитъ?

Это можетъ означать только одно, — что даннымъ «символамъ» соотвѣтствуетъ «нѣчто», не зависящее отъ индивидуальнаго опыта той или иной личности, реальность не связанная предѣлами такого опыта, лежащая даже внѣ *прямого* личнаго опыта, но входящая въ него *косвенно*. Метафизической она въ силу такого отношенія къ индивидуальному опыту отнюдь еще не дѣлается, какъ не дѣлается метафизической реальностью чужое сознаніе, точно также недоступное моему или вашему прямому личному опыту, но точно также составляющее для насъ подкладку различныхъ «возможностей». Если та реальность, о которой мы говорили, ближе не опредѣляется—опредѣляются только связанныя съ нею «возможности», — то это въ данномъ случаѣ всего легче согласуется съ мыслью объ ея общей «неопредѣленности» или неорганизованности. Представлять же ее принципіально неоднородной съ нашимъ опытомъ, неоднородной съ нимъ по содержанію, по матеріалу, по «элементамъ», было бы нелѣпо, ибо тогда было бы немыслимо самое вліяніе ея на нашъ опытъ: различія по существу, субстанціальныя различія исключаютъ взаимодѣйствіе. Такимъ образомъ, все заставляетъ насъ принять, что искомая реальность сводятся къ неорганизованному комплексу элементовъ, аналогичныхъ элементамъ опыта.

Какъ видимъ, развитіе науки и здѣсь, въ сущности, не устраняетъ подстановку, а исправляетъ ее. Всякая научная теорія, устанавливая для неорганическихъ явленій «объективную», т.-е. не только индивидуально-значимую закономѣрность, тѣмъ самымъ совершаетъ подстановку — принимаетъ «реальность» за предѣлами прямого опыта. Правильность подста-

Digitized by Google

новки провѣряется послѣдующимъ опытомъ, и на этомъ пути измѣняются формы и способы подстановки. Тенденція въ сторону «чистаго описанія» означаетъ только борьбу противъ подстановки комплексовъ высшаго типа подъ явленія низшаго типа, комплексовъ «физическихъ» и «психическихъ» въ томъ и другомъ случаѣ — высоко-организованныхъ, подъ неорганическіе процессы. Но даже самое «чистое» описаніе принимаетъ подстановку въ тотъ самый моментъ, какъ оно признаетъ «объективность» своихъ «функціональныхъ соотношеній»: въ этомъ признаніи заключается мысль о реальности, независимой отъ личнаго опыта одного, другого, третьяго лица, но «отражающейся» въ этомъ опытѣ, вліяющей на его теченіе.

Замѣчу, во избѣжаніе недоразумѣній, что «объективность», о которой здѣсь идетъ рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ *абсолютной* объективностью кантіанскихъ гносеологовъ. Это только та «общезначимость» фактовъ и отношеній, которая констатируется въ общеніи живыхъ существъ; это общезначимость не безусловная и даже неполная, но тѣмъ не менѣе— *надъ индивидуальная;* и ея достаточно для того, чтобы признать надъ индивидуальную же, т.-е. стоящую внѣ прямого личнаго опыта реальность, какъ «причину» явленій, органическихъ и неорганическихъ, относимыхъ къ «объективному» міру. «Подстановка» этой реальности, принципіально возможная повсюду, гдѣ дѣло идетъ объ «объективно-существущемъ», практически должна выполняться лишь постольку, поскольку она *познавательно-полезна*, поскольку она расширяетъ область предвидѣнья. Никто не сомнѣвается въ законности «подстановки» тамъ, гдѣ передъ нами живое, «сознательное» существо; но когда это существо падаетъ на насъ съ крыши, то намъ, для предвидѣнія практически-важныхъ для насъ послѣдствій, безполезно подставлять подъ движенія этого существа его «психику», — это было бы даже вредной потерей времени. Достаточно сознавать, что это паденіе—фактъ *объективный*, а не субъективный образъ нашей психики, такъ

Digitized by Google

что уклониться отъ него нельзя простымъ отвлеченіемъ мыслей въ другую сторону или закрытіемъ глазъ. Признаніе же объективности факта есть, какъ мы указали, низшая ступень «подстановки», самая неопредѣленная ея форма. По отношенію къ физическимъ комплексамъ неорганическаго міра такая форма подстановки является рѣшительно преобладающей, но еще вопросъ, будетъ ли удовлетворяться ею и дальше развивающееся познаніе.

Въ наукахъ о неорганическомъ мірѣ принимается цѣлый рядъ высоко-полезныхъ формулъ, носящихъ оттѣнокъ иного рода, болѣе сложной подстановки. Таковы формулы, въ которыя входятъ понятія «стремленія къ maximum», къ «minimum» или «къ сохраненію». Эти формулы своей телеологической внѣшностью приводили многихъ мыслителей (изъ новѣйшихъ назову Вундта) къ различнымъ метафизическимъ выводамъ; и во всякомъ случаѣ онѣ говорятъ какъ-будто о подставкѣ *психическаго* подъ неорганическія явленія. По типу онѣ таковы же, какъ старыя формулы: «природа не терпитъ пустоты» или «тѣла стремятся къ центру земли»; но отъ этихъ старыхъ формулъ онѣ отличаются своей устойчивостью въ научномъ познаніи: онѣ сохраняются, тогда какъ тѣ давно отвергнуы.

Съ нашей точки зрѣнія подобныя формулы не представляютъ, конечно, ничего принципіально-загадочнаго. Эмпиріомонистически, наша психика отличается отъ «не-живой природы» только высшей ступенью организованности; а высшая ступень *включаетъ* и *заключаетъ* въ себѣ низшія; и потому естественно, что схемы, соотвѣтствующія нѣкоторымъ чертамъ комплексовъ высшей организованности, могутъ соотвѣтствовать и отношеніямъ низшихъ комплексовъ. Для метафизики тутъ нѣтъ мѣста; но есть мѣсто для методологическаго изслѣдованія о «подстановкѣ».

Digitized by Google

IX.

Мы видѣли, что область «подстановки» въ современномъ познаніи *вовсе не уже*, чѣмъ въ познаніи анимиста; только наивныя ея формы смѣняются научными. Исторически, тѣ и другія оказываются весьма разнообразны:

1) Подстановка *психическаго* подъ *физическое:* научная—тамъ, гдѣ психика подставляется подъ физіологію нервной системы, подъ движенія животныхъ и отчасти, можетъ быть, растеній, а также свободныхъ живыхъ клѣтокъ («Protista»); научна она, конечно, лишь постольку, поскольку критически провѣряется; иначе она уже здѣсь переходитъ въ наивную, какова она, напр., въ легендахъ животнаго эпоса,—человѣчески-сложная психика, принимаемая для животныхъ. Типичныя же наивныя формы этой подстановки: всеобщій анимизмъ, поэтическое одухотвореніе природы, пантеизмъ, панпсихизмъ.

2) Подстановка *физическаго* подъ *физическое*: «механическія» теоріи свѣта, теплоты, теоріи электрическихъ и магнитныхъ жидкостей и т. под. Всѣ онѣ для нашего времени относятся къ «наивнымъ».

3) Подстановка *физическаго* подъ *психическое* (о ней мы до сихъ поръ спеціально не говорили: достаточно упомянуть). Первобытный анимизмъ—отчасти, а именно постольку, поскольку душа представлялась «матеріальной», являлась какъ-бы простымъ повтореніемъ тѣла. Матеріализмъ Демокрита, Эпикура, Бюхнера и т. под., формы наивныя.

4) Подстановка *метафизически-неопредѣленнаго* подъ *физическое* и *психическое*: «вещь въ себѣ», принципіально отличающаяся отъ явленія, но составляющая его причину, «непознаваемая» или «познаваемая смутно» (сенсуалисты, матеріалисты типа Гольбаха, кантіанцы, Спенсеръ и т. под.) Формы противорѣчивыя, и потому наивныя.

5) Подстановка *эмпирически-неопредѣленнаго* подъ *физическіе*, *неорганизованные* процессы: теоріи, стремящіяся къ

Digitized by Google

«чистому описанію» въ абстракто-монистическихъ схемахъ, и признающія «объективный» характеръ фактовъ, подлежащихъ описанію. Большинство *новѣйшихъ* естественно-научныхъ теорій; формы для нашего времени научныя.—Эмпиріомонизмъ отрицательно опредѣляетъ «неопредѣленные» подставляемые комплексы какъ *неорганизованные* (не абсолютно, а только относительно), и тѣмъ ставитъ эту подстановку въ одну цѣпь съ подстановкой «психическаго» подъ «физіологическое». Этимъ дается принципіальная возможность изслѣдованія генезиса жизни, физіологической и психической (происхожденіе болѣе организованнаго изъ менѣе организованнаго).

Итакъ, развитіе науки и философіи ведетъ въ дѣйствительности не къ устраненію подстановки, какъ склонны думать многіе изъ современныхъ позитивистовъ, а къ ея критическому исправленію. Только въ одной сферѣ подстановка безусловно устраняется: это тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ психическими явленіями; подъ нихъ никакой «вещи въ себѣ», непознаваемой ли или смутно познаваемой, подставлять не приходится, ибо это познавательно-безполезно, а для монизма познанія даже прямо нецѣлесообразно: психическое есть исходная точка самой подстановки, изъ него берется содержаніе для первичной подстановки, его связь съ «физіологическимъ» есть объективное основаніе и въ то же время стимулъ къ подстановкѣ. Здѣсь подстановка можетъ быть только «наивной», только результатомъ ошибочной аналогіи.

Съ точки зрѣнія систематизированной, исправленной подстановки вся природа представляется, какъ безконечный рядъ «непосредственныхъ комплексовъ», *матеріалъ* которыхъ тотъ же, что и «элементы» опыта, а *форма* характеризуется самыми различными степенями организованности, отъ низшихъ, соотвѣтствующихъ «неорганическому міру», до высшихъ, соотвѣтствующихъ «опыту» человѣка. Эти комплексы взаимно вліяютъ одни на другіе, взаимно «отражаются» одни въ другихъ. Каждое отдѣльно «воспріятіе изъ внѣшняго міра» есть отраженіе какого-нибудь изъ такихъ комплексовъ въ опредѣлен-

Digitized by Google

номъ, сложившемся комплексѣ—живой психикѣ; а «физическій опытъ»—результатъ коллективно-организующаго процесса, гармонически объединяющаго такія воспріятія. «Подстановка» же даетъ какъ-бы обратное отраженіе, отраженіе отраженія, болѣе сходное съ «отражаемымъ», чѣмъ первое отраженіе: такъ мелодія, *воспроизводимая* фонографомъ, есть второе отраженіе мелодіи, имъ *воспринятой;* и она несравненно болѣе похожа на эту послѣднюю, чѣмъ первое отраженіе—черточки и точки на валикѣ фонографа.

Въ эмпиріомонистической картинѣ міра нѣтъ ничего сверхъопытнаго; въ ней есть только *непосредственный* опытъ и его продолженіе — область «подставляемаго», опытъ *косвенный*. Послѣдній является въ то же время опорой перваго, условіемъ его «объективности». Тотъ и другой одинаково лежатъ въ сферѣ *познанія*.

Теперь у насъ достаточно данныхъ, чтобы произнести справедливый, насколько надо—строгій, насколько надо—милостивый приговоръ надъ «вещью въ себѣ». Что старая «вещь въ себѣ» умерла—это несомнѣнно; но именно это и создаетъ возможность наиболѣе безпристрастнаго сужденія о ней.

«Вещь въ себѣ» была выраженіемъ законнаго и правильнаго стремленія дополнить опытъ посредствомъ подстановки. Даже неопредѣленный характеръ этой подстановки не представлялъ ничего принципіально-неправильнаго, а только выражалъ недостаточность опыта и познанія. Ошибка начиналась тамъ, гдѣ познаніе пыталось такъ или иначе покончить съ этой неопредѣленностью, и создавало недоступную провѣркѣ гипотезу.

Такія гипотезы шли въ двухъ направленіяхъ. Однѣ, впадая въ поспѣшную аналогію, подставляли на мѣсто неопредѣленности чрезмѣрную опредѣленность; таковы были особенно гипотезы анимистическія и матеріалистическія; панпсихизмъ и панматеріализмъ—типичныя формы этого *наивнаго позитивизма*. Другія на мѣсто неопредѣленнаго ставили непознаваемое, чтобы цѣной преувеличенія неопредѣленности избавить

Digitized by Google

себя отъ труда, связаннаго съ попытками создать на мѣсто нея большую опредѣленность; здѣсь типичны точки зрѣнія Канта и Спенсера (гипотезы скептически-метафизическія).

Золотую середину заняли матеріалисты болѣе критическаго оттѣнка, которыя, отказавшись отъ *безусловной* непознаваемости «вещи въ себѣ», въ то же время считаютъ ее *принципіально* отличной отъ «явленія», и потому всегда лишь «смутно-познаваемой» въ явленіи, внѣ опытной по содержанію (т. е. повидимому, по «элементамъ», которые не таковы какъ элементы опыта), но лежащей въ предѣлахъ того, что называютъ формами опыта—т. е. времени, пространства и причинности. Приблизительно такова точка зрѣнія французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка, и изъ новѣйшихъ философовъ—Энгельса и его русскаго послѣдователя Бельтова.—Какъ всякая почти золотая середина, эта точка зрѣнія не вполнѣ устранила недостатки крайностей, а скорѣе даже совмѣстила ихъ, хотя, разумѣется, въ ослабленной степени.

Такой матеріализмъ принимаетъ, что «вещь въ себѣ» воздѣйствуетъ на наши «чувства» (аффицируетъ ихъ) и такимъ образомъ порождаетъ «явленіе» или «опытъ». Но *A* можетъ аффицировать *B* только въ томъ случаѣ, если то и другое *однородно* до извѣстной степени по своему матеріалу, по «элементамъ». Если они *принципіально разнородны*, они не могутъ воздѣйствовать другъ на друга, какъ полоса тѣни не можетъ повліять на движеніе ядра, которое черезъ нее пролетаетъ. Здѣсь необходимо, слѣдовательно, принять, что «вещь въ себѣ» однородна по «элементамъ» съ «чувствами», которыя она «аффицируетъ», т. е. съ психическимъ опытомъ, т. е. и *съ опытомъ вообще*. Съ другой стороны, простое и прямое переселеніе въ область «вещи въ себѣ» формъ пространства, времени и причинности въ томъ видѣ и смыслѣ, какъ мы ихъ принимаемъ въ физическомъ опытѣ, является недостаточно обоснованной, и даже отчасти противорѣчивой гипотезой. Даже для психическаго опыта пространственныя отношенія выступаютъ съ неизмѣримо меньшей опредѣленностью, чѣмъ

Digitized by Google

для физическаго; и многіе полагаютъ, что психическія явленія вообще не имѣютъ пространственнаго характера; почему мы должны признать такой характеръ за «вещью въ себѣ», которая съ данной точки зрѣнія такъ сильно отличается отъ опыта, это ни изъ чего не видно. Да и вообще признаніе абсолютнаго значенія за временемъ, пространствомъ и причинностью, какъ мы ихъ теперь себѣ представляемъ, есть не что иное, какъ особая форма абсолютнаго апріоризма, идея метафизическая и статическая. На памяти человѣчества всѣ эти формы опыта развивались отъ конечнаго къ безконечному, отъ неоднороднаго къ однородному, отъ прерывающагося къ непрерывному *); что же даетъ намъ право для теперешней фазы ихъ развитія принимать абсолютное значеніе?

Впрочемъ, мы должны заранѣе имѣть въ виду, что эти наши соображенія имѣютъ силу только въ томъ случаѣ, если «вещь въ себѣ» понимать въ смыслѣ *эмпирической подстановки*. Но не въ томъ смыслѣ понимаютъ ее всѣ ея современные сторонники, въ томъ числѣ и діалектическіе матеріалисты. У нихъ дѣло идетъ *о подстановкѣ мет-эмпирической* или, что то же, метафизической. Ихъ «вещь въ себѣ» стоитъ *за* той, которая дается эмпирической подстановкой; они, напр., и за психическими явленіями подставляютъ еще скрытую «вещь въ себѣ», которая въ этихъ явленіяхъ должна обнаруживаться. Мы же нашли, что самое понятіе «вещи въ себѣ» возникло изъ подстановки психическаго подъ физіологическое, такъ что для психическаго никакой дальнѣйшей подстановки не требуется.

Если употреблять терминъ «вещь въ себѣ» въ строго позитивномъ смыслѣ эмпирической подстановки, то нашъ взглядъ придется резюмировать такъ. Первичная «вещь въ себѣ» для каждаго человѣка—его собственный опытъ; отъ кого онъ умозаключаетъ къ переживаніямъ другихъ людей и прочихъ

*) Подробнѣе объ измѣнчивости и развитіи этихъ формъ см. мою ст. „Идеалъ познанія“ (сборникъ „Эмпиріомонизмъ“ и „Вопр. фил. и псих.“, 1903, 3—4).

Digitized by Google

существъ,—это ближайшій для него рядъ подставляемыхъ «вещій въ себѣ». Убѣждаясь, что физіологическая жизнь принципіально не отличается отъ другихъ физическихъ и химическихъ явленій, человѣкъ различными способами выполняетъ аналогичную подстановку и по отношенію ко всѣмъ «объективнымъ» процессамъ, впадая на этомъ пути въ различныя ошибки и исправляя ихъ дальнѣшимъ познаніемъ. Такъ получаются дальнѣйшіе ряды «вещей въ себѣ», все менѣе и менѣе опредѣленныхъ по мѣрѣ того какъ увеличивается ихъ различіе съ первичной «вещью въ себѣ»—собственной психикой человѣка. Принципіально—всѣ онѣ познаваемы вполнѣ; практически—трудности ихъ точнаго познанія возрастаютъ при переходѣ отъ высшихъ формъ жизни къ низшимъ, отъ органической природы къ неорганической, отъ болѣе сложныхъ комплексовъ этой послѣдней къ болѣе простымъ. Но вмѣстѣ съ возрастаніемъ трудностей такого точнаго познанія «вещей въ себѣ» уменьшается и потребность въ немъ: «явленія» становятся проще и познаются легче, такъ что практически можно все больше и больше обходиться безъ точной подстановки. Впрочемъ, и здѣсь *вполнѣ* безъ нея обойтись нельзя: она заключается въ неопредѣленной и скрытой формѣ, уже въ признаніи *объективности* явленія.

Но самое употребленіе термина «вещь въ себѣ» въ нашемъ позитивномъ смыслѣ есть уже до извѣстной степени философское злоупотребленіе: слишкомъ много метафизики прирасло въ ряду вѣковъ къ этому старому понятію. Всего лучше, слѣдовательно, мы избѣгнемъ недоразумѣній, если просто скажемъ: «вещь въ себѣ» есть отжившая философская идея; все, что въ ней было жизненнаго, исторически положительнаго, сводится къ *эмпирической подстановкѣ*; развивающееся познаніе сохраняетъ эту послѣднюю, непрерывно преобразуя и дополняя ее на основѣ расширяющагося опыта; эмпиріомонизмъ дѣлаетъ ее орудіемъ выработки цѣлостнаго, чуждаго перерывовъ міровоззрѣнія.

А. Богдановъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПСИХИЧЕСКІЙ ПОДБОРЪ.

(Эмпиріомонизмъ въ ученіи о психикѣ).

А. Основы метода.

1. Схема психо-энергетики.

I.

Поставленная нами задача заключается въ томъ, чтобы показать, въ какомъ направленіи должно развиваться психическое изслѣдованіе, если въ основу его будетъ сознательно положена идея *принципіальнаго единства опыта*. Задача эта цѣликомъ сводится къ *вопросамъ метода*; и потому будетъ вполнѣ естественно начать съ выясненія и анализа самаго общаго методологическаго принципа, которымъ мы будемъ руководиться. Это, какъ мы не разъ уже выясняли, принципъ энергетики; а въ сферѣ спеціально психическаго опыта, о которомъ теперь идетъ дѣло, это—идея *психо-энергетическаго метода*. Итакъ, что же она ближайшимъ образомъ означаетъ?

Понятіе «энергіи» служитъ познанію для того, чтобы представить всѣ явленія какъ *соизмѣримыя*. Оно слагается изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, представленіе объ *измѣримости* всѣхъ явленій.—всѣ явленія разсматриваются какъ «величины»; во-вторыхъ, представленіе объ ихъ всеобщей *эквивалентности*, признается, что въ непрерывной смѣнѣ явленій одни замѣщаются другими сообразно опредѣленнымъ и постояннымъ количествен-

Digitized by Google

нымъ отношеніямъ. Таково содержаніе этого понятія, выработанное въ сферѣ «естественныхъ наукъ» научнымъ синтезомъ и научной критикой. Его требуется примѣнить къ «психическимъ» явленіямъ.

Прежде всего приходится задать вопросъ: измѣримы ли психическія явленія? Хотя методы ихъ измѣренія могутъ быть въ данное время очень мало выработаны, несовершенны, приблизительны, недостаточны, но принципіальный отвѣтъ на вопросъ этимъ не измѣняется: психическія явленія измѣримы; это *величины*. Поскольку они выступаютъ въ психическомъ полѣ съ большей или меньшей «силой», они представляютъ величины «интенсивныя»; поскольку они могутъ присоединяться одни къ другимъ, создавая большую или меньшую полноту жизни сознанія, это величины экстенсивныя. Къ этимъ двумъ формамъ количественнаго сравненія фактовъ сознанія сводится и всякое «объективное» измѣреніе физическихъ тѣлъ и процессовъ: актъ «измѣренія» есть всегда *психическая* дѣятельность, матеріалъ которой—данныя *психическаго* опыта. Если бы эти данныя не имѣли характера величинъ, то вообще никакое измѣреніе не было бы возможно.

Съ этой точки зрѣнія, въ очень многихъ случаяхъ, когда познанію не удается выразить данное психическое явленіе *вполнѣ* опредѣленной величиной энергіи, существуетъ тѣмъ не менѣе возможность *относительнаго* опредѣленія величины: можно наблюдать «возрастаніе» или «уменьшеніе» энергіи этого психическаго явленія. Всего проще тотъ случай, когда дѣло идетъ объ «одномъ и томъ же» психическомъ явленіи, которое, однако, «измѣняется»; напр., если данный образъ въ сознаніи блѣднѣетъ, теряя свою интенсивность, или если онъ утрачиваетъ нѣкоторые изъ своихъ элементовъ, становясь, такъ сказать, менѣе полнымъ, то мы имѣемъ основаніе говорить объ уменьшеніи энергіи этого психическаго образа; въ случаяхъ противоположнаго характера слѣдуетъ признавать возрастаніе энергіи, и т. д. Но и тогда, когда въ психикѣ смѣняются различные образы, сознаніе обыкновенно отмѣчаетъ

Digitized by Google

ихъ относительно большую или относительно меньшую энергію; человѣкъ высказывается въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его сознанія становится болѣе энергичной или менѣе энергичной.—Все это отнюдь не простыя аналогіи, такъ какъ въ подобныхъ высказываньяхъ съ полною ясностью обнаруживается измѣримость и соизмѣримость психическихъ процессовъ, т.-е. черты, создающія почву для энергетической концепціи этихъ процессовъ.

Было бы въ высшей степени ошибочно придавать особенное рѣшающее значеніе тому факту, что всѣ непосредственныя «измѣренія» и «соизмѣренія» психическихъ процессовъ отличаются крайней приблизительностью и неточностью, и отрицать на этомъ основаніи энергетическое пониманіе психики. Кто знакомъ съ фактическими примѣненіями энергетики въ естественныхъ наукахъ, тому хорошо извѣстно, какъ далеко простирается ея научное значеніе и за предѣлами точныхъ измѣреній, тамъ, гдѣ они технически не удаются. Область дѣйствительно точныхъ измѣреній, въ сущности, очень узка; но и при ихъ отсутствіи энергетическая точка зрѣнія въ массѣ случаевъ приводитъ къ научно-важнымъ выводамъ. Очень часто—едва ли не въ большинствѣ случаевъ—она даже *создаетъ* возможность технически-точнаго измѣренія явленій, позволяя вмѣсто однихъ, трудно измѣримыхъ, подставлять другія, легко поддающіяся измѣренію. Это, какъ увидимъ, относится и къ сферѣ психическаго опыта.

II.

Если вопросъ объ измѣримости психическихъ процессовъ не представляетъ никакихъ принципіальныхъ затрудненій, то вопросъ объ ихъ *эквивалентности* уже гораздо сложнѣе. Прежде всего тутъ приходится выяснить, слѣдуетъ ли принимать эквивалентность для психическихъ явленій только съ психическими или также и съ физическими. Послѣднее можетъ казаться сомнительнымъ особенно потому, что форма

Digitized by Google

связи явленій въ опытѣ физическомъ и въ опытѣ психическомъ очень различна.

Энергетическая эквивалентность выражаетъ идею всеобщей *непрерывности* явленій, которая требуетъ, чтобы съ устраненіемъ изъ опыта одного комплекса элементовъ выступалъ другой, связанный съ нимъ опредѣленнымъ количественнымъ отношеніемъ. Но психическій опытъ, взятый въ его непосредственной формѣ, есть область *прерывающихся* отношеній: въ глубокомъ снѣ, обморокѣ, смерти, теченіе психическаго опыта временно или окончательно прекращается, въ различныхъ фазахъ сознательной жизни оно рѣзко измѣняется какъ по интенсивности, такъ и по экстенсивности переживаній. Ясно, что идея эквивалентности, примѣненная къ непосредственному психическому опыту въ отдѣльности, создала бы только рядъ противорѣчій. Слѣдовательно, идея эта можетъ получить реальный смыслъ только по отношенію къ болѣе широкой сферѣ явленій, чѣмъ одинъ психическій опытъ,—по отношенію къ опыту въ его цѣломъ, міру физическому и психическому вмѣстѣ. Между тѣмъ физическій опытъ уже *самъ по себѣ* характеризуется непрерывностью; присоединить къ его эквивалентнымъ замѣщеніямъ процессы психическаго ряда, процессы прерывающіеся, значило бы, повидимому, только нарушить его собственную непрерывность. Получается такая дилемма: либо отказаться отъ психо-энергетики, либо допустить нарушеніе непрерывности физическаго опыта. Большинство философовъ принимаетъ первое рѣшеніе, приходя къ безнадежному дуализму метода *). Принять же второе—значитъ, превратить физическій опытъ въ нѣчто фантастическое, отнявши у него основную его черту, его «конститутивный признакъ»—непрерывность. Оба рѣшенія мало утѣшительны.

---

*) Къ этому сводятся такъ называемые „критическіе“ аргументы противъ психо-энергетики, основанные на „законѣ сохраненія механической энергіи“ (выраженіе А. Риля), т.-е. на непрерывности физическаго опыта.

Digitized by Google

Къ счастью, эмпиріомонизмъ не связанъ самой дилеммой,— онъ въ силахъ устранить ее, выйдя за ея предѣлы. Онъ даетъ возможность энергетически познавать психику, не нарушая энергетической непрерывности физическаго опыта. Какимъ образомъ достигаетъ онъ этого?

Между «психическими» и «физіологическими» явленіями жизни существуетъ опредѣленный параллелизмъ, точнѣе—опредѣленная функціональная зависимость. Но тамъ, гдѣ между различными рядами элементовъ опыта имѣется такая зависимость, самые эти ряды представляютъ не различные объекты для познанія, а *одинъ объектъ* *). Психическое явленіе и соотвѣтственный физіологическій процессъ слѣдуетъ считать не различными энергетическими величинами, а одной и той же величиной. Это—различные способы воспріятія процесса жизни, и они такъ же мало могутъ быть разъединены энергетически, какъ тѣло, воспринимаемое путемъ зрѣнія, и то же самое тѣло, воспринимаемое путемъ осязанія. «Параллелизмъ» обѣихъ «сторонъ» жизненнаго процесса здѣсь такой же, какъ параллелизмъ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ, образующихъ опредѣленное «физическое тѣло»; и здѣсь и тамъ законъ сохраненія энергіи отвлекается отъ разнообразія элементовъ, опираясь на *единство отношеній*.

Все это становится особенно простымъ и понятнымъ съ точки зрѣнія «второго эмпиріомонистическаго положенія». Положеніе это устанавливаетъ всеобщій параллелизмъ «жизни физіологической» и «непосредственныхъ переживаній» и сводитъ этотъ параллелизмъ къ отношенію между «отражаемымъ» и «отраженіемъ». Если физіологическій процессъ есть отраженіе «непосредственныхъ переживаній», именно, отраженіе ихъ въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ, то очевидно, что создавать изъ того и другого отдѣльные

*) Здѣсь не приходится повторять обосновку этого положенія. Она дана въ ст. „Идеалъ познанія". Вопр. фил. и псих., 1903, 3—4, стр. 223—229.

Digitized by Google

объекты для монистическаго познанія не имѣетъ никакого смысла: это было бы все равно, что считать за отдѣльные объекты познанія планету, наблюдаемую прямо глазомъ, и ту же планету, видимую при посредствѣ вогнутаго зеркала рефлектора.

Такимъ образомъ, мы всегда имѣемъ право и основаніе замѣнять въ энергетическомъ изслѣдованіи психическій процессъ его физіологическимъ отраженіемъ, и наоборотъ, смотря по тому, что изъ двухъ для насъ доступнѣе и удобнѣе; напримѣръ, когда не выясненъ физіологическій процессъ, но легко наблюдается соотвѣтственный психическій, лучше подставить второй вмѣсто перваго; когда психическій процессъ не поддается измѣренію, можно попытаться измѣрить вмѣсто него физіологическій.

III.

Опредѣлимъ теперь отчетливѣе размѣры и предѣлы той области, лежащей *внѣ* физическаго опыта, на которую мы считаемъ возможнымъ распространить познавательные пріемы энергетики.

Для каждаго человѣка, кромѣ его собственнаго непосредственно-психическаго опыта, существуетъ также психическій опытъ другихъ людей и вообще другихъ живыхъ существъ. Этотъ чужой опытъ конструируется на основаніи высказываній. Воспроизводя чужое «сознаніе», психика дѣйствуетъ по типу фонографа. Воспринятыя вами высказыванія другихъ людей представляютъ своеобразное «отраженіе» ихъ переживаній, отраженіе очень «непохожее», но функціонально-зависимое отъ «отражаемаго»,—точно такъ же какъ черточки на валикѣ фонографа «непохожи» на отразившуюся въ нихъ мелодію, но функціонально зависимы отъ ея строенія. И какъ эти черточки при движеніи фонографа служатъ исходной точкой «воспроизведенія» мелодіи, т.-е. собственно *второго ея отраженія*,

Digitized by Google

болѣе съ ней сходнаго, чѣмъ первое, такъ чужія высказыванія при ассоціативной дѣятельности сознанія служатъ исходной точкой «воспроизведенія» чужихъ переживаній, т.-е. второго ихъ отраженія, болѣе съ ними сходнаго, чѣмъ первое. Чужой психическій опытъ въ нашемъ познаніи есть *отраженное отраженіе* непосредственныхъ переживаній другихъ существъ.

Но область непосредственныхъ переживаній, связанныхъ съ жизнью даннаго организма, не ограничивается собственно «психическимъ опытомъ», т.-е. той *организованной системой* переживаній, которая «непосредственно извѣстна» данному существу. Такъ называемыя «безсознательныя высказыванія» показываютъ, что внѣ этой системы существуютъ—въ какой-то связи съ нею—многочисленныя мелкія координаціи, складывающіяся по тому же «психическому», т.-е. ассоціативному типу. Дальнѣйшее выясненіе вопроса приводитъ къ тому выводу, что стройная и гармоническая концепція опыта возможна только въ томъ случаѣ, если мы за всякой физіологической организаціей жизни будемъ признавать «ассоціативную» организацію переживаній — если признаемъ полный параллелизмъ жизни въ «объективныхъ» и «субъективныхъ» ея проявленіяхъ *). Другими словами, всякій «физіологическій» процессъ долженъ разсматриваться, какъ обнаруженіе, «высказываніе» ассоціативныхъ комплексовъ (мы назвали бы ихъ «психическими», если бы съ этимъ терминомъ не соединялось обыкновенно представленіе объ извѣстной *сложности* переживаній).

Не слѣдуетъ ли распространить этотъ принципъ, кромѣ живой природы, также на всю «мертвую», неорганическую? Для послѣдовательнаго монистическаго мышленія это неизбѣжно, но только какъ познавательная тенденція; конкретно же осуществить ее мы въ настоящее время *почти* не въ силахъ. Фонографъ только тогда можетъ правильно воспроизвести ме-

*) См. „Жизнь и психика“ (эмпиріомонизмъ въ ученіи о жизни), „Вопр. фил. и псих.“, 1903, 9—10.

Digitized by Google

лодію, когда игла его движется въ средѣ, достаточно сходной съ тою, въ которой мелодія была воспринята (т.-е. съ атмосферою). Помѣстите фонографъ въ воду или въ безвоздушное пространство—и воспроизведеніе записанныхъ фонографомъ мелодій въ прежней ихъ формѣ не удастся ни въ какомъ случаѣ. То же относится и къ «фонографической» дѣятельности психики. Наша психика тѣмъ менѣе точно возсоздаетъ переживанія другого существа, чѣмъ менѣе сходна она съ психикой этого существа: несходство психической среды переживаній препятствуетъ «пониманію» чужихъ высказываній. Намъ удается еще до извѣстной степени воспроизводить въ своей психикѣ различныя переживанія высшихъ животныхъ, и это познавательно-полезно, такъ какъ помогаетъ намъ предвидѣть ихъ дѣйствія. Но уже по отношенію къ низшимъ животнымъ сравнительно рѣдко удается стать на точку зрѣнія ихъ психики; обыкновенно мы не «понимаемъ» ихъ высказываній настолько, чтобы предвидѣть что-либо на этомъ основаніи. Такимъ образомъ уже здѣсь чаще приходится подставлять «физіологическое» вмѣсто «психическаго», чѣмъ наоборотъ. По отношенію къ растеніямъ самое понятіе «высказываній» становится почти безполезнымъ; тѣмъ болѣе безполезно оно по отношенію къ неорганическому міру. Ассоціативные комплексы —это комплексы, опредѣленнымъ образомъ *организованные*; какимъ образомъ можемъ мы ихъ подставить подъ неорганическія явленія, въ которыхъ не находимъ организованности? Хаосъ элементовъ—вотъ что представляетъ неорганическій міръ «въ самомъ себѣ».

Первобытный анимистъ и современный поэтъ отнюдь не выходятъ за предѣлы законныхъ пріемовъ познавательнаго творчества, когда они «одушевляютъ» всю природу. Но научное познаніе изъ безчисленныхъ примѣненій этихъ пріемовъ выбираетъ только то, что можетъ послужить къ расширенію человѣческаго «предвидѣнія», т.-е. въ концѣ-концовъ къ возрастанію власти человѣка надъ природою.

Digitized by Google

2. Схема психическаго подбора.

I.

Философское изслѣдованіе психическаго міра ставитъ своей задачей выработку *объединяющей* точки зрѣнія на всѣ различные процессы, протекающіе въ этой области. Такимъ образомъ разложеніе психическаго опыта на его элементы здѣсь можетъ имѣть значеніе только подготовительной работы, но не болѣе: собственно философское изслѣдованіе начинается тамъ, гдѣ выясняется отношеніе этихъ элементовъ къ психическому *цѣлому*, гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, какимъ способомъ координируются они въ психическую систему, какъ *организуется психика.*

Подчиняя психическій міръ всеобщему принципу энергетики, мы сразу получаемъ первую чисто количественную постановку вопроса, который только-что формулировали. Въ этой постановкѣ его слѣдуетъ выразить такъ: въ какомъ отношеніи находятся отдѣльныя переживанія и ихъ элементы, взятые какъ величины, и притомъ энергетическія, къ психической системѣ, какъ интегральной энергетической величинѣ? И сразу же получается первый и самый общій отвѣтъ, вытекающій изъ самаго понятія о величинѣ; онъ будетъ, очевидно, такой: для психическаго цѣлаго отдѣльныя переживанія и ихъ элементы могутъ являться положительными или отрицательными величинами, увеличивающими или уменьшающими сумму энергіи этого цѣлаго *).

*) Читатель, знакомый съ математикой, замѣтитъ конечно, что въ этой концепціи послѣдніе элементы психики играютъ роль дифференціаловъ по отношенію къ ея цѣлому, какъ интегралу. И это отнюдь не просто аналогія, а законное математическое опредѣленіе данныхъ процессовъ, какъ измѣняющихся величинъ энергіи.

Digitized by Google

Въ эту отвлеченную формулу данныя біомеханики и психологіи позволяютъ сразу же вложить болѣе конкретное психическое содержаніе. Возрастаніе и уменьшеніе энергіи психической системы тожественно съ *непосредственнымъ возрастаніемъ и уменьшеніемъ ея жизнеспособности;* а колебанія непосредственной жизнеспособности выражаются психически въ чувствованіяхъ удовольствія и страданія, въ такъ называемомъ «аффекціоналѣ». Энергетическая формула превращается въ психологическую: положительный аффекціоналъ переживанія (удовольствіе) познавательно тожественъ съ возрастаніемъ энергіи психической системы, отрицательный (страданіе), съ уменьшеніемъ *).

Итакъ, если человѣку «пріятно», напримѣръ, видѣть лицо *A* и «непріятно» видѣть лицо *B*, то это означаетъ, что одно переживаніе—воспріятіе *A*,—вступая въ систему психическаго опыта, увеличиваетъ сумму ея энергіи, тогда какъ другое переживаніе—воспріятіе *B*—уменьшаетъ эту сумму. *Всѣ* переживанія обладаютъ положительнымъ или отрицательнымъ аффекціоналомъ — «безразличный» аффекціоналъ есть только предѣльная величина того и другого; а потому *всѣ переживанія энергетически-соизмѣримы по ихъ отношенію къ психичес-*

Но пусть читатель не опасается, что мы потащимъ его въ область псевдо-математической фантастики въ духѣ психологіи Гербарта. Энергетика съ ея строгими методологическими требованіями не даетъ простора для такихъ формъ творчества, если бы мы и пожелали ими заняться. Она прежде всего — методъ количественнаго *описанія* того, что дано *въ опытѣ*.

*) Мы не можемъ повторять здѣсь всей обосновки этого положенія—она дана въ нашихъ работахъ: „Познаніе съ историч. точки зрѣнія“ (Спб., 1901), стр. 13—23, и „Жизнь и психика“ (Эмпиріомонизмъ въ ученіи о жизни).

Наша точка зрѣнія въ данномъ вопросѣ далеко не совпадаетъ съ общераспространенными взглядами; но во всемъ существенномъ она соотвѣтствуетъ—при очень большой, конечно, разницѣ въ формѣ выраженія — воззрѣніямъ Б. Спинозы и Meynert'a.

Digitized by Google

кой системѣ. Эта спеціальная форма ихъ соизмѣримости и послужитъ основой нашего изслѣдованія.

II.

«Пріятное есть то, къ чему стремятся, непріятное—то, чего избѣгаютъ»,—формулу эту трудно назвать даже опредѣленіемъ, это—почти простая тавтологія. И однако ея жизненное значеніе громадно: къ ней, въ конечномъ счетѣ, сводятся всѣ принципы прикладной психологіи—педагогики, политики, морали,—всѣ методы юридическаго и нравственнаго воздѣйствія однихъ людей на другихъ.

Всякое психическое переживаніе—будетъ ли это волевой актъ, или воспріятіе, или представленіе, — разъ оно характеризуется окраской удовольствія, обнаруживаетъ тенденцію *упрочиться* въ данной психической системѣ, вытѣснить тѣ переживанія, которыя не имѣютъ такой окраски,—оно устраняется все съ бо́льшимъ сопротивленіемъ, удерживается и воспроизводится все легче. Это отражается и на всѣхъ другихъ переживаніяхъ, которыя ближайшимъ образомъ ассоціативно съ нимъ связаны—ихъ энергія и устойчивость также возрастаютъ. Окраска страданія обусловливаетъ противоположную тенденцію: уменьшеніе энергіи и устойчивости тѣхъ переживаній, которыя ею обладаютъ, и всѣхъ тѣсно связанныхъ съ ними, возрастающую легкость ихъ устраненія изъ психической системы. Эти двѣ тенденціи образуютъ своего рода «психическій подборъ» переживаній: въ смѣнѣ и въ повтореніяхъ переживаній тѣ изъ нихъ обнаруживаютъ относительную наибольшую жизнеспособность, которыя наиболѣе «пріятны»; наименьшая же свойственна тѣмъ, которыя наиболѣе «непріятны».

Такимъ образомъ, если политикъ старается въ психикѣ избирателей создать неразрывную связь между представленіемъ объ его программѣ и завѣдомо пріятнымъ представленіемъ

Digitized by Google

объ извѣстныхъ практическихъ выгодахъ, онъ примѣняетъ принципъ психическаго подбора; если педагогъ стремится къ психикѣ школьника тѣсно ассоціировать представленіе о шалости съ завѣдомо непріятнымъ представленіемъ о наказаніи, онъ примѣняетъ принципъ психическаго подбора. Здѣсь лежитъ необходимое «a priori» для всякаго планомѣрнаго воздѣйствія на людей, — такова практическая роль этого принципа. Но для насъ въ данный моментъ важно выяснить его теоретическое значеніе.

Фактъ психическаго подбора несомнѣненъ, или, выражаясь точнѣе, несомнѣнно, что громадная масса психическихъ фактовъ вполнѣ укладывается въ рамки понятія «психическаго подбора», какъ оно нами установлено *). Но мы ищемъ *эмпиріомонистической* точки зрѣнія для психологіи, а потому для насъ возникаетъ вопросъ о томъ, вся или не вся область психическаго опыта должна быть подчинена этому своеобразному принципу, можетъ или не можетъ онъ стать всеобщимъ «a priori» для психологическаго изслѣдованія. Это вопросъ о границахъ методологическаго значенія идеи психическаго подбора.

Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, надо прежде всего самую идею психическаго подбора свести къ установленнымъ уже эмпиріомонистическимъ понятіямъ; надо, какъ обыкновенно выражаются, «объяснить» психическій подборъ, опредѣлить, «что» онъ такое, «какъ» и «почему» происходитъ.

---

*) Терминъ „психическій подборъ“ примѣнялся и раньше, но въ иномъ значеніи: въ смыслѣ *естественнаго подбора психическихъ формъ*, какимъ бы путемъ подборъ этотъ не происходилъ, стало быть — внѣ отношенія къ аффекціоналу. Но *этотъ* подборъ можно такъ и называть — естественнымъ подборомъ психическихъ формъ; свое же понятіе „психическаго подбора“ я предложилъ потому, что мнѣ кажется необходимымъ обособить эту своеобразную черту психическихъ процессовъ развитія. Въ дальнѣйшемъ читатель увидитъ, насколько это цѣлесообразно.

Digitized by Google

Пока намъ извѣстно слѣдующее: психическимъ подборомъ мы назвали тенденцію къ жизненному усиленію или ослабленію отдѣльныхъ переживаній въ зависимости отъ ихъ аффекціональной окраски въ полѣ сознанія — положительной (удовольствія) или отрицательной (страданія). Такимъ образомъ основныя особенности психическаго подбора сводятся къ 2-мъ фактамъ: во-1-хъ, онъ выступаетъ въ полѣ сознанія (непосредственнаго психическаго опыта); во-2-хъ, по направленію онъ зависитъ отъ аффекціонала. Что представляетъ изъ себя аффекціоналъ съ эмпиріомонистической точки зрѣнія, это мы уже знаемъ: удовольствіе для познанія тожественно съ непосредственнымъ возрастаніемъ энергіи психической системы, страданіе—съ непосредственнымъ пониженіемъ. Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на другой особенности психическаго подбора—на его отношеніи къ полю сознанія.

III.

«Сознаніе» и непосредственный психическій опытъ — тожественныя понятія. Существуетъ мнѣніе, что такъ какъ эти понятія выражаютъ то, что намъ «непосредственно извѣстно», а стало быть и наиболѣе извѣстно, то они вообще не подлежатъ опредѣленію и «объясненію». Это, конечно, невѣрно. Задача познанія — гармонически организовать опытъ, установить связь и зависимость его элементовъ и ихъ комбинацій; «опредѣленіе» и «объясненіе» такихъ комбинацій представляютъ изъ себя именно выраженіе этой свази и зависимости; изъ нея же ничто не можетъ быть выдѣлено, а потому *все* подлежитъ опредѣленію и объясненію. Такимъ образомъ, всякая область опыта должна быть опредѣлена и объяснена черезъ другія, то-есть точно отграничена отъ нихъ и въ то же время неразрывно связана съ ними установленной общей закономѣрностью.

Итакъ, что такое «сознаніе», какъ непосредственный пси-

Digitized by Google

хическій опытъ? Прежде всего, очевидно, что это нѣкоторая комбинація переживаній, принадлежащая къ опредѣленной психической системѣ, но, какъ мы знаемъ, отнюдь ея собою не исчерпывающая. Какая же именно комбинація? Ея основная характеристика—специфически временная форма. Здѣсь содержаніе непрерывно измѣняется во времени, но не размѣщается въ пространствѣ. И такъ какъ содержаніе для чисто временной связи даютъ только измѣненія, то «непосредственное сознаніе» есть прежде всего область измѣненій. Измѣненій чего? Очевидно, психической системы, которой принадлежитъ сознаніе. И дѣйствительно, каждое переживаніе, прошедшее черезъ поле сознанія, означаетъ нѣкоторое измѣненіе психической системы съ ея дальнѣйшими жизненными реакціями; измѣненіе это можетъ быть болѣе значительнымъ, или менѣе значительнымъ, или хотя бы даже минимальнымъ, но оно всегда есть, и путемъ такихъ измѣненій совершается непрерывно приспособленіе системы къ ея средѣ. Въ какомъ же отношеніи между собою находятся эти измѣненія? Они взаимно координированы, взаимно объединены *ассоціативной* связью, которая дѣлаетъ изъ ряда переживаній одно «поле сознанія» и изъ такихъ непрерывно смѣняющихся полей одну нераздѣльную цѣпь психическаго опыта. Слѣдовательно, сознаніе по отношенію къ психической системѣ можно опредѣлить такъ: *это область координированныхъ измѣненій психической системы* (причемъ формой ихъ координаціи является ассоціативная связь).

Дальнѣйшее выясненіе, изслѣдованіе характера ассоціативной координаціи, ея частныхъ формъ и т. д. для насъ въ данный моментъ не представляетъ необходимости. Пока достаточно просто константировать: всякое данное поле сознанія можно разсматривать, какъ комплексъ одновременно взаимно связанныхъ измѣненій психической системы. Въ опытѣ «поле сознанія» первоначально является какъ нѣкоторое недифференцированное цѣлое, и его разложеніе на отдѣльныя переживанія съ установленіемъ опредѣленной связи между ними

Digitized by Google

есть уже актъ вторичнаго характера, актъ «познанія»; онъ превращаетъ единство неопредѣленное въ единство опредѣленное, но отнюдь его не устраняетъ.

Исходя изъ этого положенія, мы можемъ «объяснить» себѣ процессъ психическаго подбора, т. е. представитъ его въ простой, монистической формулѣ.

IV.

«Поле сознанія» даннаго момента выражаетъ совокупность координированныхъ измѣненій, происходящихъ въ психической системѣ. Энергетически—всѣ эти измѣненія соизмѣримы и *взятыя въ суммѣ образуютъ опредѣленное возрастаніе или уменьшеніе энергіи психической системы.* Но именно такое же значеніе имѣетъ и *аффекціоналъ:* удовольствіе соотвѣтствуетъ возрастанію энергіи системы, страданіе—уменьшенію. Что же изъ этого слѣдуетъ?

Пусть въ полѣ сознанія имѣется рядъ образовъ—зрительныхъ, двигательныхъ и т. д., причемъ общій аффекціоналъ отрицательный (страданіе). Эти зрительныя, двигательныя и т. д. реакціи означаютъ опредѣленныя психическія *приспособленія*, существующія въ психической системѣ *не только* въ то время, когда они выступаютъ въ полѣ сознанія: это вполнѣ доказывается тѣмъ, что данные образы время отъ времени вновь воспроизводятся въ сознаніи, слѣдовательно, не исчезаютъ окончательно изъ психики, когда исчезаютъ изъ непосредственнаго воспріятія *). Такъ какъ поле сознанія есть область *измѣненій* психики, то очевидно, что выступленіе въ немъ данныхъ образовъ выражаетъ рядъ измѣненій, происходящихъ именно въ сферѣ тѣхъ непрерывно существующихъ психическихъ приспособленій, которымъ эти образы со-

*) Подробнѣе объ этомъ см. „Познаніе съ истор. точки зр.“, стр. 35—36 (нѣсколько иная терминологія).

Digitized by Google

отвѣтствуютъ. Какого же рода измѣненія? Это выясняетъ аффекціоналъ: если онъ отрицательный, то дѣло идетъ объ уменьшеніи энергіи психической системы, т. е. очевидно, о пониженіи энергіи указанныхъ психическихъ приспособленій,—они составляютъ *обллать измѣненій,* стало быть происходящее уменьшеніе энергіи происходитъ *за ихъ счетъ.* Но пониженіе энергіи психическихъ приспособленій есть въ то же время уменьшеніе ихъ жизнеспособности; а оно и обозначается въ данномъ случаѣ, какъ «отрицательный психическій подборъ». Мы пришли, такимъ образомъ, къ почти тавтологической формулѣ: при отрицательномъ аффекціоналѣ (страданіи) имѣетъ мѣсто отрицательный психическій подборъ потому, что отрицательный аффекціоналъ выражаетъ пониженіе энергіи, а слѣдовательно и непосредственной жизнеспособности тѣхъ психическихъ приспособленій, которыя выступаютъ въ данномъ полѣ сознанія. То же самое, съ соотвѣтственными измѣненіями, относится, конечно, и къ положительному подбору при положительномъ аффекціоналѣ.

Ребенокъ протягиваетъ ручку къ огню и получаетъ обжогъ, что и служитъ для него «урокомъ» — вотъ самый простой и типичный примѣръ психическаго подбора. Что при этомъ происходитъ въ психической системѣ? Сначала въ полѣ сознанія рядомъ съ зрительнымъ воспріятіемъ огня имѣется представленіе опредѣленной двигательной реакціи («хочу взять это»); оно имѣетъ положительную окраску (характеристика «пріятно»), т.-е. оно соединено съ возрастаніемъ энергіи психической системы; но возрастаніе это происходитъ въ сферѣ ея «координированныхъ измѣненій», въ той области приспособленій, которая соотвѣтствуетъ полю сознанія: повышается энергія зрительнаго воспріятія огня съ одной стороны, двигательнаго представленія хватательной реакціи—съ другой; воспріятіе огня становится ярче, отчетливѣе, богаче элементами—увеличиваются сила и ясность перцепціи; двигательное представленіе дѣлается интенсивнѣе и опредѣленнѣе—переходитъ въ «актъ воли», въ полную психомоторную реакцію. Но тутъ

Digitized by Google

въ поле сознанія вступаетъ интенсивное тактильно-термическое раздраженіе, разрушительно дѣйствующее на психику: сразу обнаруживается значительный отрицательный аффекціоналъ («очень больно»). Поле сознанія, какъ область *координированныхъ* измѣненій, составляетъ одно цѣлое, и его общій отрицательный аффекціоналъ означаетъ паденіе энергіи всѣхъ психическихъ приспособленій, въ данный моментъ въ немъ представленныхъ. Въ результатѣ зрительное воспріятіе огня становится смутнымъ и неяснымъ («свѣта не взвидѣлъ»), хотя, конечно, не исчезаетъ, такъ какъ продолжается дѣйствіе его «внѣшней причины»—свѣтовыхъ волнъ на сѣтчатку; двигательная реакція «хватанія» *прерывается;* а тактильно-термическое воспріятіе не можетъ исчезнуть вслѣдствіе продолжающагося «внѣшняго раздраженія», но подобно зрительному воспріятію огня, только еще въ большей степени, дѣлается смутнымъ и неяснымъ, какъ «воспріятіе»: въ немъ не различается никакихъ частностей и деталей, кромѣ приблизительной локализаціи въ пальцахъ руки, оно тонетъ и исчезаетъ въ хаотически поднимающихся волнахъ «жгучей боли»—неопредѣленной судорожной психической реакціи, представляющей колоссальную растрату энергіи психической системы *). Затѣмъ выступаетъ новая психо-моторная реакція—рефлексъ «отдергиванія руки»; и изъ всего дальнѣйшаго для насъ важно только одно: тѣ психическіе комплексы, которые были въ полѣ сознанія въ моментъ отрицательнаго аффекціонала, въ дальнѣйшемъ воспроизводятся сравнительно ослабленными и болѣе рѣдко: даже зрительный образъ огня, возникая въ памяти ребенка, быстрѣе; чѣмъ прежде, подавляется другими реакціями — ребенокъ «избѣгаетъ» этого воспоминанія; а та двигательная реакція «хватанія», которая ближайшимъ обра-

*) Нетрудно видѣть, насколько отчетливѣе и опредѣленнѣе тактильно-термическія воспріятія при гораздо болѣе слабыхъ раздраженіяхъ, но безъ такого отрицательнаго аффекціонала (напр., когда ребенокъ тѣми же пальцами беретъ и ощупываетъ обыкновенные предметы).

Digitized by Google

зомъ предшествовала появленію отрицательнаго аффекціонала, въ дальнѣйшемъ совсѣмъ не повторяется въ связи съ воспріятіемъ огня, какъ это здѣсь было, да и во всякой иной связи воспроизводится менѣе быстро и энергично, съ большимъ колебаніемъ и «осторожностью».

Въ большинствѣ случаевъ дѣйствіе психическаго подбора бываетъ менѣе интенсивно, особенно когда оно направлено въ положительную сторону, въ сторону усиленія и упроченія возникающихъ психическихъ комбинацій; но и тогда, повторяясь и накопляясь, оно въ концѣ-концовъ можетъ оказаться еще гораздо болѣе значительнымъ по своимъ результатамъ. Очевидно, при этомъ, что съ точки зрѣнія принятой нами концепціи *все поле сознанія непрерывно является въ то же время полемъ психическаго подбора*, и вся жизнь сознанія представляется какъ процессъ развитія и разрушенія психическихъ формъ, направленіе котораго во всякій данный моментъ опредѣляется знакомъ аффекціонала.

V.

Связь психическаго подбора съ аффекціоналомъ означаетъ связь съ опредѣленными типами жизнеразностей нервнаго аппарата. Этимъ дается, какъ будто, иная точка зрѣнія на вопросъ о психическомъ подборѣ: его надо «разрѣшить», процессъ психическаго подбора надо «объяснить» на почвѣ физіологіи нервной системы.

Пусть въ сознаніи одновременно имѣется рядъ образовъ, окрашенныхъ чувствомъ «удовольствія», т.-е. въ нервномъ аппаратѣ протекаетъ рядъ жизнеразностей, разнообразной «формы», но имѣющихъ въ суммѣ положительный характеръ (увеличеніе энергіи центральнаго органа системы). Самая наличность «сознанія» соотвѣтствуетъ тому факту, что жизнеразности протекаютъ не изолированно въ немногихъ клѣткахъ системы, а распространяются въ ней по различнымъ направленіямъ, на-

Digitized by Google

ходясь въ то же время во взаимной связи и зависимости; но наличность *опредѣленныхъ* реакцій психики означаетъ въ то же время, что у этихъ жизнеразностей имѣются свои собственные центры, которые въ данномъ случаѣ являются главнымъ полемъ жизнеразностей и ихъ исходною точкой, — спеціальные, такъ сказать, органы этихъ реакцій. Такіе органы при современномъ состояніи науки можно представлять себѣ только въ видѣ опредѣленныхъ комплексовъ нервныхъ клѣтокъ, взаимно связанныхъ нервными проводниками и при ихъ посредствѣ легко приводящихъ другъ друга въ состояніе «функціональной жизнеразности» — въ «динамическое» состояніе, какъ чаще выражаются. Въ данномъ примѣрѣ характеръ жизнеразностей положительный, и энергія нервныхъ клѣтокъ, входящихъ въ составъ функціонирующаго спеціальнаго органа, повышается; увеличивается, слѣдовательно, интенсивность ихъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, и способность функціонально «возбуждать» другъ друга, и вообще приходить совмѣстно въ «динамическое» состояніе. Такимъ образомъ, во-первыхъ, увеличиваются шансы повторенія психическихъ реакцій, связанныхъ съ этимъ динамическимъ состояніемъ, во-вторыхъ возрастаетъ и интенсивность этихъ реакцій. То и другое въ совокупности обозначается, какъ положительный психическій подборъ.

Совершенно аналогичнымъ образомъ можно представить себѣ картину отрицательнаго психическаго подбора. При понижающейся энергіи клѣтокъ спеціальнаго органа реакціи, онѣ въ меньшей степени способны возбуждать другъ друга къ функціи, сопротивленіе проводниковъ при прежнихъ условіяхъ уже не преодолѣвается ослабленнымъ передаточнымъ токомъ—реакція повторяется рѣже и менѣе интенсивна.

Въ такомъ «физіологическомъ» представленіи психическаго подбора передъ нами выступаетъ новая его черта, которую трудно было бы замѣтить при чисто «психологическомъ» способѣ изображенія. Какъ мы указывали, во время той или иной психической реакціи ея спеціальный органъ служитъ

Digitized by Google

главнымъ полемъ жизнеразностей, но не единственною ихъ областью; онѣ распространяются—въ ослабленной степени—и на различныя другія области центральнаго аппарата, который именно какъ интегральное цѣлое является органомъ сознанія вообще. Если такъ, то процессъ психическаго подбора долженъ захватывать не только тѣ реакціи, которыя имѣются въ полѣ сознанія при данномъ аффекціоналѣ, но и другія, только въ гораздо болѣе слабой степени, — а изъ этихъ другихъ по преимуществу тѣ, спеціальные органы которыхъ наиболѣе тѣсно связаны со спеціальными органами первыхъ. И есть много фактовъ, которые подтверждаютъ эту дедукцію. Такъ, послѣ ряда перенесенныхъ страданій замѣчается общее уменьшеніе сферы памяти и практическихъ реакцій: «забывается» многое и изъ того, что не было, повидимому, прямо связано съ отрицательнымъ аффекціоналомъ, человѣкъ нерѣдко «разучивается» или «отвыкаетъ» дѣлать то, что само по себѣ опять-таки не было источникомъ страданій. Напротивъ, рядъ интенсивно-пріятныхъ ощущеній нерѣдко воскрешаетъ въ психикѣ много давно забытыхъ образовъ, не стоящихъ, повидимому, ни въ какомъ близкомъ отношеніи съ этими ощущеніями *). Во всемъ этомъ выражается реальное жизненное единство психики въ непрерывной смѣнѣ содержаній психическаго опыта.

Но какъ теперь отнестись къ тому факту, что у насъ получилось *два* объясненія психическаго подбора—одно съ точки зрѣнія непосредственныхъ психическихъ переживаній, другое—съ точки зрѣнія физіологіи нервной системы? Нетрудно замѣтить, что оба «объясненія» *тожественны*, какъ энергетическія формулы, съ той только разницей, что въ одномъ говорится о психическихъ реакціяхъ, въ другомъ — о жизне-

*) Указаніе, что эти забытые образы вновь возникаютъ благодаря косвенной ассоціативной связи, само по себѣ въ этомъ случаѣ ничего не объясняетъ: дѣло идетъ именно объ объясненіи этой „косвенной ассоціативной связи“, которая представляетъ не болѣе, какъ *обозначеніе* изслѣдуемыхъ фактовъ.

Digitized by Google

разностяхъ органовъ этихъ реакцій. Мы признали, что физіологическій процессъ есть *отраженіе* комплексовъ непосредственныхъ переживаній въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ. Въ энергетическихъ формулахъ отражаемое и отраженіе совершенно сливаются, потому что формулы эти отвлекаются отъ способа воспріятія—«прямого» или «косвеннаго». Такимъ образомъ два «объясненія» психическаго подбора представляютъ въ дѣйствительности *одно* въ двухъ различныхъ формахъ изложенія; и мы можемъ во всякомъ данномъ случаѣ избирать ту изъ нихъ, которая именно въ этомъ случаѣ удобнѣе для нагляднаго описанія и стройной группировки фактовъ *).

VI.

Идея психическаго подбора представляетъ изъ себя, какъ мы видѣли, обобщеніе очень широкаго ряда фактовъ. Но мы хотимъ сдѣлать изъ нея нѣчто большее—руководящую точку зрѣнія при дальнѣйшемъ психологическомъ изслѣдованіи. И такъ какъ мы ищемъ *монистическихъ* методовъ, примѣненіе которыхъ могло бы охватить *всю* область психическаго опыта,

---

*) Въ моихъ прежнихъ работахъ—„Основн. элементы историч. взгляда на прир.“ и „Познаніе съ историч. точки зр.“ — я давалъ иное „объясненіе“ психическаго подбора—объясненіе болѣе узкое, чисто-физіологическое, въ которомъ придавалось особенное значеніе функціямъ сосудодвигательной системы, регулирующей питаніе мозга. Эту постановку вопроса я теперь склоненъ считать не то чтобы невѣрной, а недостаточно широкой и недостаточно простой: роль системы, регулирующей питаніе, въ колебаніяхъ жизнеразностей, дѣйствительно, должна быть громадна, но все же „питаніе“ — только одна изъ двухъ сторонъ жизненнаго процесса, *всеобщее* объясненіе должно сразу принимать во вниманіе обѣ стороны; при этомъ мои прежнія формулы, исходящія изъ болѣе *частной* группы фактовъ, оказываются и болѣе *сложными*.

Digitized by Google

то естественно поставить вопросъ: насколько широка та область, въ которой возможно, въ которой мыслимо пользоваться для изслѣдованія идеей психическаго подбора? Для самаго общаго отвѣта на этотъ вопросъ данныхъ у насъ уже достаточно.

Психическій подборъ, какъ мы его вначалѣ опредѣлили, есть та форма подбора переживаній, которая связана съ ихъ аффекціоналомъ; аффекціоналъ же есть характеристика переживаній, находимая именно въ «сознаніи», т.-е. въ полѣ непосредственнаго психическаго опыта, и только въ этомъ полѣ. Но здѣсь ли граница явленій психическаго подбора?

Человѣкъ въ обытѣ и познаніи никогда не бываетъ солипсистомъ,—кромѣ непосредственнаго, т.-е. личнаго психическаго опыта, для него существуетъ психическій опытъ другихъ живыхъ существъ; эта несравненно болѣе широкая сфера психическаго опыта конструируется человѣкомъ на основаніи «высказываній» другихъ организмовъ. Ясно, что идея психическаго подбора не только можетъ, но должна быть перенесена на всю эту область; и это тѣмъ легче, что въ «высказываніяхъ» дается и аффекціоналъ—люди и животныя «выражаютъ» чувствованія удовольствія и страданія.

Психическій опытъ вообще характеризуется особымъ типомъ координаціи элементовъ и ихъ комплексовъ—именно, ассоціативною связью; этимъ онъ и отличается отъ опыта физическаго съ его высшей, объективной закономѣрностью. Но критика психическаго опыта привела насъ къ выводу, что онъ есть только нѣкоторыя часть—именно, наиболѣе организованная часть—той области, въ которой господствуетъ ассоціативная координація и которую мы обозначили какъ область «непосредственныхъ переживаній». Мы пришли къ убѣжденію, что всякой жизнеразности физіологическихъ процессовъ соотвѣтствуютъ, или, лучше сказать, во всякой жизнеразности для познанія обнаруживаются нѣкоторыя непосредственныя переживанія, со свойственной имъ ассоціативной связью элементовъ и ихъ комплексовъ. Съ этой точки зрѣнія психиче-

Digitized by Google

скій опытъ даннаго живого существа есть лишь главная изъ его ассоціативныхъ координацій, съ которою жизненно связаны другія, менѣе сложныя, относительно самостоятельныя координаціи аналогичнаго типа. Вопросъ заключается въ томъ, возможно ли распространеніе идеи психическаго подбора на всѣ *эти* координаціи, слѣдовательно, на всю область непосредственныхъ переживаній вообще,—а она, согласно нашему представленію, совпадаетъ съ царствомъ *жизни* въ природѣ.

Вопросъ этотъ до извѣстной степени рѣшается уже эмпирически. Многія изъ низшихъ координацій, остающихся за порогомъ психическаго опыта, доступны намъ при посредствѣ высказываній, когда мы наблюдаемъ, напр., «автоматическія» дѣйствія людей, поступки лунатиковъ, различныя движенія низшихъ организмовъ, стоящихъ такъ далеко отъ насъ на лѣстницѣ развитія, что мы не можемъ приписать имъ настоящаго «опыта». Автоматическое дѣйствіе глубоко задумавшагося человѣка прекращается, когда встрѣчаетъ «вредное сопротивленіе», которое причинило бы «страданіе», если бы отразилось въ сферѣ сознанія; у лунатика есть прямыя высказыванія аффекціональнаго характера, напр., въ выраженіи лица, и имъ соотвѣтствуютъ перемѣны въ образѣ дѣйствій лунатика; низшій организмъ, вродѣ амёбы, быстро останавливаетъ свое движеніе, когда оно наталкиваетъ его на «вредное» вліяніе, понижающее энергію клѣтки и т. д. Ясно, что для всѣхъ такихъ случаевъ принципъ психическаго подбора является познавательно цѣлесообразнымъ.

Но дальше? Какъ мы знаемъ, далеко *не всѣ* непосредственныя переживанія находятъ себѣ отраженіе въ «высказываніяхъ». Очевидно, что это—не принципіальная разница между ними и по существу ничего не мѣняетъ. Въ самомъ дѣлѣ, полученная нами характеристика психическаго подбора такова: это подборъ, протекающій въ сферѣ координированныхъ измѣненій системы и основанный на возрастаніи или пониженіи ея энергіи. Значитъ, всюду, гдѣ есть такія координированныя измѣненія,—выступающее въ нихъ повышеніе или

Digitized by Google

пониженіе энергіи системы должно вызывать явленія психическаго подбора. Но это относится ко всей области непосредственныхъ переживаній.

Такимъ образомъ, съ формальной стороны есть всѣ основанія принять идею психическаго подбора за *всеобщій принципъ* изслѣдованія жизни, какъ потока непосредственныхъ переживаній. Это, однако, еще не означаетъ, чтобы его примѣненіе должно было всегда и вездѣ сопровождаться успѣхомъ,—дѣло зависитъ отъ того, достаточно ли конкретныхъ данныхъ для такого примѣненія,—ограниченіе, относящееся ко *всѣмъ* принципамъ познанія.

VII.

Примѣняемый нами терминъ «психическій подборъ» самъ по себѣ можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе, особенно со стороны читателя-біолога. Терминъ этотъ указываетъ на то, что психическій подборъ есть нѣкоторый частный видъ того всеобщаго подбора жизненныхъ формъ, который обозначаютъ обыкновенно какъ подборъ «естественный». А между тѣмъ способъ дѣйствій психическаго подбора, повидимому, совершенно своеобразенъ и не похожъ на способъ дѣйствія подбора естественнаго: факторы одного—простое повышеніе и пониженіе энергіи психической системы, воспринимаемое какъ удовольствіе и страданіе, факторы другого — размноженіе и смерть особей, воспринимаемыя какъ объективныя явленія. Что здѣсь общаго и правильно ли подчинять одно другому какъ видъ—роду?

Прежде всего, различіе способа воспріятія не можетъ имѣть принципіальнаго значенія для метода познанія. То, что «субъективно» существуетъ какъ удовольствіе и страданіе, то выступаетъ «объективно», какъ физіологическое измѣненіе—въ смыслѣ развитія или деградаціи системы; и то, что воспринимается «объективно», какъ смерть или размно-

Digitized by Google

женіе, то протекаетъ «субъективно» въ видѣ исчезновенія прежнихъ рядовъ непосредственныхъ переживаній, или возникновенія новыхъ. Разница только въ томъ, что въ одномъ случаѣ матеріалъ для изслѣдованія легче и полнѣе дается однимъ типомъ воспріятія, въ другомъ случаѣ—другимъ; а это для вопроса не существенно.

Далѣе, ошибочно было бы сводить весь процессъ «естественнаго подбора» къ однимъ моментамъ смерти и размноженія. Идея подбора выражаетъ непрерывное соотношеніе между данною формой жизни и ея средою: отрицательный естественный подборъ только завершается смертью, т.-е. разрушеніемъ жизненной координаціи, а до этого момента онъ выражается именно въ пониженіи энергіи данной формы, въ отнятіи этой энергіи средою; точно также и положительный подборъ не сводится къ сохраненію и размноженію формы, а къ непрерывному равновѣсію или возрастанію ея энергіи за счетъ среды, къ процессамъ, которые въ сохраненіи и размноженіи только обнаруживаются наиболѣе наглядно. Тѣ, напр., «страданія», которыя приходится переносить неприспособленному существу, и которыя, понижая его жизнеспособность, ускоряютъ его гибель, служатъ самымъ настоящимъ выраженіемъ «естественнаго подбора».

Такимъ образомъ, нельзя установить никакого принципіальнаго различія между «психическимъ» и «естественнымъ» подборомъ, если тотъ и другой понимать не въ грубо-реалистическомъ смыслѣ, какъ самостоятельнаго «дѣятеля» жизни, а въ томъ чуждомъ всякаго олицетворенія, строго методологическомъ смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ эти понятія *).

---

*) Въ наукѣ методологическая концепція *естественнаго* подбора наиболѣе отчетливо выяснена, на нашъ взглядъ, Le-Dantec'омъ въ его критическихъ работахъ о дарвинизмѣ и нео-ламаркизмѣ. Онъ только придаетъ слишкомъ исключительное значеніе *химическимъ* условіямъ равновѣсія жизненной формы съ ея средою, тогда какъ несомнѣнно, что дѣло идетъ здѣсь

Digitized by Google

Но психическій подборъ долженъ разсматриваться какъ частная форма «естественнаго» подбора, потому что первый относится только къ ассоціативнымъ координаціямъ переживаній, второй же — ко всѣмъ явленіямъ жизни во всѣхъ формахъ.

VIII.

Неразрывная связь психическаго подбора съ «аффекціоналомъ» ставитъ передъ нами новый вопросъ. Большинство психофизіологовъ разсматриваютъ самый «аффекціоналъ», какъ своеобразное психическое приспособленіе, очень важное, особенно необходимое для сохраненія жизни, но все же только *частное* психическое приспособленіе, одно изъ многихъ выработанныхъ развитіемъ. Принимая такую точку зрѣнія, было бы, очевидно, невозможно самую идею психическаго подбора, который въ психическомъ опытѣ выступаетъ какъ подборъ аффекціональный, сдѣлать всеобщимъ методомъ психическаго изслѣдованія. Но можно ли вообще согласиться съ этой точкой зрѣнія.

Аффекціоналъ означаетъ только удовольствіе и страданіе, какъ непосредственныя чувствованія, вѣрнѣе—како нѣкоторую непосредственную окраску переживаній (ихъ «чувственный тонъ»). Взятая въ отдѣльности, сама по себѣ, окраска эта никакого приспособленія, очевидно не представляетъ. Но удовольствіе есть то, къ чему живое существо стремится, страданіе есть то, чего оно избѣгаетъ, причемъ то и другое служитъ на пользу сохраненію и развитію жизни: то и другое, такимъ образомъ вполнѣ возможно разсматривать какъ «приспособленіе». Что же это значитъ?

также и о физическомъ и о механическомъ равновѣсіи. Впрочемъ, и эта сторона дѣла у него отмѣчена, но слишкомъ бѣгло.

Digitized by Google

Ребенокъ приближаетъ руку къ огню, испытываетъ извѣстныя температурныя ощущенія въ окраскѣ сильнаго страданія и отдергиваетъ руку. Это — приспособленіе. Ребенокъ видитъ чудовище и сильно пугается; эмоція страха характеризуется сильнымъ страданіемъ, — но здѣсь страданіе это только отнимаетъ у ребенка силы, необходимыя для бѣгства отъ чудовища или борьбы съ нимъ: приспособленія, какъ видимъ, нѣтъ. Страданіе въ обоихъ случаяхъ означаетъ одно и то же — разрушительное вліяніе среды, растрату энергіи психической системы; но реакція системы различна, и различенъ результатъ для психической системы: въ одномъ случаѣ приспособленіе, въ другомъ неприспособленность. Отсюда вытекаетъ такой выводъ: если мы ограничимъ въ познаніи аффекціоналъ переживанія отъ послѣдующей реакціи со стороны системы, то окажется, что приспособленіе (или неприспособленность) зависитъ всецѣло отъ характера этой послѣдующей реакціи, самъ же аффекціоналъ выражаетъ только состояніе системы, пониженіе или повышеніе ея энергіи, т. е. въ сущности ея отношеніе къ «средѣ», которая является либо факторомъ, отнимающимъ энергію системы, либо, наоборотъ, источникомъ возрастанія энергіи. Если бы ребенокъ отдергивалъ руку отъ огня рефлекторно, даже не успѣвши почувствовать страданія, его приспособленность отъ этого не уменьшилась бы, а скорѣе даже возросла бы, потому что меньше была бы растрата энергіи психической системы.

Итакъ, аффекціоналъ не есть приспособленіе, хотя онъ опредѣляетъ собою направленіе и выработку приспособленій; Чрезмѣрно теплый или чрезмѣрно холодный для животнаго климатъ вполнѣ аналогичнымъ образомъ опредѣляетъ собою развитіе въ организмѣ животнаго новыхъ приспособленій, однако сама по себѣ чрезмѣрная теплота или холодъ отнюдь не есть приспособленіе. Аффекціоналъ для психическаго подбора означаетъ то же, что разрушительное или благопріятное воздѣйствіе среды на организмъ—для подбора естественнаго.

Digitized by Google

Психическій подборъ есть психическая причинность, какъ подборъ естественный есть біологическая причинность. Но причинность—не телеологія; и если въ общемъ она приводитъ къ возникновенію и развитію уравновѣшенныхъ, гармоническихъ системъ, то далеко не всегда такъ бываетъ въ частныхъ случаяхъ. Психическій подборъ, какъ и подборъ естественный, очень многое создаетъ только для разрушенія. На психическую систему онъ дѣйствуетъ всегда лишь частично, а не интегрально: координируетъ только «части частей», а не цѣлое. Онъ непосредственно приспособляетъ одни психическія переживанія къ другимъ, когда они вмѣстѣ встрѣчаются въ данной опредѣленной координаціи; но далеко не всегда изъ этого можетъ получаться *общая* приспособленность, для всѣхъ коороиндцій системы. Дѣйствіе психическаго подбора нерѣдко противорѣчиво. Но въ рядѣ вѣковъ его организующая тенденція преодолѣваетъ эти противорѣчія, сила развитія господствуетъ надъ ними.

3. Схема ассоціацій.

I.

Основную характеристику всей области психическаго опыта представляетъ опредѣленный типъ его координаціи, именно типъ ассоціативный. До сихъ поръ мы пользовались понятіемъ ассоціативной связи только для того, чтобы указать границы области нашего изслѣдованія; но это отнюдь не означаетъ, чтобы данное понятіе имѣло для насъ значеніе незначительнаго «a priori» въ кантіански-гносеологическомъ значеніи этого слова; и какъ только отъ вопроса о всеобщемъ психологическомъ методѣ мы хотимъ сдѣлать шагъ по направленію къ конкретно-психологическому познанію, передъ нами выступаетъ задача—«объяснить» съ точки зрѣнія этого метода фактъ ассоціаціи переживаній въ психическомъ опытѣ.

Digitized by Google

Прежде всего, что подразумѣваетъ психологъ, когда онъ говоритъ объ «ассоціаціи»?

Тотъ неопредѣленный, неорганизованный потокъ переживаній, который представляетъ дѣйствительное, жизненное «a priori» всякаго опыта и познанія, потому что именно изъ него въ процессѣ развитія кристаллизуется и то и другое, этотъ первичный хаосъ жизни еще не есть, конечно, ассоціативная комбинація элементовъ, а только возможный матеріалъ для ея возникновенія. Но и устойчивый, прочно организованный комплексъ элементовъ также не образуетъ самъ по себѣ «ассоціаціи», пока въ опытѣ и познаніи онъ не разложился на составныя части, которыя и расматриваются, тогда. какъ «ассоціированныя» между собою. Два комплекса, *A* и *B*, которые неизмѣнно встрѣчались бы вмѣстѣ въ полѣ психическаго опыта, не составляли бы ассоціаціи, потому что вовсе не различались бы какъ два отдѣльныхъ комплекса, а принимались бы какъ одинъ. Такимъ образомъ, если мы говоримъ объ ассоціативной связи комплексовъ *A*, *B*, *C* и т. д., то тѣмъ самымъ подразумѣваемъ не только ихъ взаимную связь, но и ихъ раздѣльность, — подразумѣваемъ, что иногда они выступаютъ вмѣстѣ, а иногда порознь, въ комбинаціяхъ съ другими комплексами. Но въ то же время мы не считаемъ «случайными» встрѣчи комплексовъ *A*, *B*, *C*... въ полѣ сознанія, а признаемъ извѣстную закономѣрность, состоящую въ томъ, что каждый изъ нихъ «влечетъ» за собою другіе, т.-е. каждый является положительнымъ, а не отрицательнымъ и не безразличнымъ условіемъ для возникновенія другихъ въ сферѣ непосредственнаго психическаго опыта. Иногда это условіе само по себѣ оказывается достаточнымъ, иногда нѣтъ, но всегда при его наличности для появленія ассоціированныхъ съ нимъ переживаній требуется меньшая сумма всякихъ иныхъ условій, чѣмъ при его отсутствіи.

Основная, наиболѣе общая и типичная форма ассоціативной связи—это ассоціація *по смежности*. Два переживанія, разъ выступавшія въ одномъ полѣ сознанія, обнаруживаютъ

Digitized by Google

затѣмъ тенденцію взаимно вызывать другъ друга,—встрѣчая видѣнную раньше лошадь, человѣкъ вспоминаетъ о сидѣвшемъ тогда на ней всадникѣ, и наоборотъ. Какъ «объясняется» эта связь съ точки зрѣнія психическаго подбора?

Два комплекса, *A* и *B*, одновременно находящіеся въ полѣ сознанія, совмѣстно «подвергаются» психическому подбору, положительному или отрицательному, т.-е., другими словами, совмѣстно испытываютъ энергетическія измѣненія въ смыслѣ усиленія или ослабленія этихъ комплексовъ. Но тѣмъ самымъ оба комплекса образуютъ въ данной психикѣ *одну систему энергетическаго равновѣсія*. Это вытекаетъ изъ того, что поле сознанія представляетъ, какъ мы видѣли, область координированныхъ измѣненій психической системы, т.-е. измѣненій, энергетически въ данный моментъ связанныхъ, энергія которыхъ обмѣнивается не только со внѣшней для нихъ средой, но и между ними самими *).

Итакъ, благодаря процессу психическаго подбора, передъ нами уже не два отдѣльныхъ, «случайно» соединившихся на время комплекса элементовъ, но нѣкоторая опредѣленная система равновѣсія. Она остается «внѣ сознанія», пока это равновѣсіе ничѣмъ не нарушается; если оно опредѣленнымъ образомъ нарушается для одной части этой системы — положимъ, для части *A*,—то «комплексъ *A*» вступаетъ въ поле сознанія; но тогда,—какъ во всякой энергетической системѣ,—нарушается равновѣсіе и для части *B*, и мы можемъ ожидать, что *B* также «появится» въ сознаніи. Если бы за все промежуточное время система этихъ двухъ комплексовъ оставалось совершенно неизмѣнною, то каждый изъ нихъ неизбѣжно вызывалъ бы другой вслѣдъ за собою; но о такой безусловной

*) Такая связь всего нагляднѣе выражается физіологически, именно, въ томъ, что отдѣльныя жизнеразности клѣтокъ и частныхъ центровъ, соотвѣтствующія „полю сознанія“, сливаются при посредствѣ проводниковъ (ассоціативныхъ и проэкціонныхъ волоконъ) въ одну непрерывную, общую жизнеразность центральнаго аппарата.

Digitized by Google

устойчивости не можетъ быть и рѣчи, когда дѣло идетъ о живой и живущей психикѣ: медленно и непрерывно измѣняясь въ своихъ мелчайшихъ частяхъ, система можетъ преобразоваться весьма значительно и даже совсѣмъ разложиться; вотъ почему и ассоціативная связь имѣетъ лишь ограниченное значеніе, вотъ почему она представляетъ массу различныхъ степеней, отъ неуловимаго minimum прочности до граничащаго съ неразрывностью maximum.

Съ этой точки зрѣнія для насъ вполнѣ объясняются всѣ существенныя особенности ассоціативной связи. Напр., она бываетъ особенно прочна, если возникаетъ при *сильномъ аффекціоналѣ*: все, что пережито въ моментъ высокой радости или интенсивнаго страданія, ассоціируется наиболѣе прочно, такъ что каждая часть тогдашняго поля сознанія, выступая въ сознаніи вновь, съ большой силой и ясностью воскрешаетъ другія,—на этомъ общеизвѣстномъ фактѣ основаны многіе пріемы мнемоники и педагогіи *). Сильный аффекціоналъ означаетъ энергичное дѣйствіе психическаго подбора; и такъ какъ именно это дѣйствіе и создаетъ изъ двухъ встрѣтившихся въ сознаніи комплексовъ одну систему равновѣсія, то понятно, что болѣе интенсивный подборъ обусловливаетъ большее относительное единство, большую устойчивость новой системы, т. е. болѣе прочную связь ея частей. Совершенно аналогичнымъ образомъ упрочивается ассоціація переживаній и тогда, когда они многократно выступаютъ вмѣстѣ въ сознаніи: здѣсь только интенсивность психическаго подбора замѣняется его продолжительностью, дѣйствіе его, такъ сказать, накопляется.

---

*) Въ старыя времена, устанавливая границы помѣстій, на межѣ сѣкли мальчиковъ, чтобы они, доживши до старости, не могли забыть, гдѣ граница. Тѣмъ же методомъ пользуется современный классическій педагогъ, когда онъ оставляетъ ученика безъ обѣда, принуждая въ это время учить вокабулы, или патріархальные родители, когда они бьютъ дѣтей и „приговариваютъ“: „не дѣлай этого, не дѣлай этого...“ и т. д.

Digitized by Google

Съ другой стороны, чѣмъ интенсивнѣе психическая жизнь за все то промежуточное время, пока ассоціированные комплексы остаются «за порогомъ» сознанія, тѣмъ больше ослабляется и ассоціативная связь этихъ комплексовъ, тѣмъ меньше шансовъ, что вступленіе одного изъ нихъ въ поле сознанія «повлечетъ» за собою вступленіе другого. Интенсивная психическая жизнь означаетъ большое количество измѣненій психической системы, слѣдовательно—большое количество измѣняющихъ вліяній, а вліянія эти дѣйствуютъ и за предѣлами главной координаціи, преобразуя прежде сложившіяся частныя системы энергическаго равновѣсія—ассоціативныя группировки. И здѣсь, какъ въ предыдущемъ случаѣ, продолжительность измѣняющихъ вліяній имѣетъ однородное значеніе съ ихъ интенсивностью: ассоціаціи становятся менѣе прочными, если долго не возобновляются въ сознаніи.

Все это относится къ простѣйшему и основному типу ассоціативной связи — къ ассоціаціямъ «по смежности»; точно также разумѣется, и къ ассоціаціямъ «по временной послѣдовательности», потому что эта послѣдняя *заключаетъ* въ себѣ моментъ смежности: если комплексъ *A вполнѣ* исчезнетъ изъ сознанія къ моменту появленія комплекса *B*, то ассоціація по послѣдовательности не образуется; она получается лишь въ томъ случаѣ, когда комплексъ *A* хотя бы только отчасти и въ ослабленномъ видѣ сохраняется еще нѣкоторое время на ряду съ *B*. Такимъ образомъ оба первоначальныхъ типа ассоціаціи мы имѣемъ всѣ основанія разсматривать, какъ *результатъ психическаго подбора*. Нѣсколько сложнѣе представляется вопросъ объ ассоціаціяхъ «по сходству» и «по контрасту» — объ ассоціаціяхъ «высшаго» типа. Чтобы перейти къ нимъ, для насъ требуется еще одно промежуточное звено — явленія психическаго «привыканія».

Digitized by Google

II.

Если какая-нибудь психическая реакція сенсорнаго характера (воспріятіе, представленіе) или двигательнаго (волевой актъ, стремленіе) повторно выступаетъ въ сознаніи, то она чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ становится *привычною*. При этомъ она измѣняется, и именно въ трехъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, она все легче воспроизводится въ психикѣ — шансы ея новаго повторенія при прочихъ равныхъ условіяхъ возрастаютъ. Съ другой стороны, какъ комплексъ элементовъ опыта, она пріобрѣтаетъ все больше опредѣленности и консерватизма—взаимныя отношенія ея элементовъ становятся все прочнѣе и устойчивѣе. Съ третьей стороны, мѣняется аффекціональная окраска реакціи—вообще говоря, въ сторону безразличія: высокій аффекціоналъ, положительный или отрицательный, понижается, становясь все болѣе незначительной величиной; но при отрицательномъ аффекціоналѣ дѣло этимъ не ограничивается, — онъ переходитъ затѣмъ въ положительный, при чемъ, обыкновенно, также не переходитъ извѣстной невысокой величины *). Вопросъ заключается въ томъ, что можетъ дать идея психическаго подбора для уясненія этихъ фактовъ, играющихъ такую громадную роль въ душевной жизни и развитіи.

Здѣсь прежде всего очевидно, что дѣло идетъ о многократномъ и въ общемъ продолжительномъ дѣйствіи психическаго подбора: повторяясь снова и снова, реакція каждый

---

*) Эту сторону процесса привыканія „народная мудрость“ выражаетъ словами: „стерпится—слюбится“. Профессіональныя привычки даютъ людямъ возможность находить нѣкоторое удовольствіе даже въ томъ, что для всѣхъ непривычныхъ прямо невыносимо. Напр., многимъ химикамъ, работающимъ, хотя бы по анализу, съ сѣроводородомъ, запахъ этого газа положительно начинаетъ нравиться.

Digitized by Google

разъ подвергается этому дѣйствію. Если подборъ положительный (реакція въ сознаніи выступаетъ какъ нѣчто «пріятное»), то сразу же становится понятнымъ, почему возрастаютъ шансы дальнѣйшаго повторенія реакціи—это общая и основная черта положительнаго психическаго подбора. Но какимъ же образомъ получается аналогичный эффектъ «привыканія» и тогда, когда подборъ бываетъ отрицательный, когда реакція непосредственно «непріятна»? A priori слѣдовало бы ожидать, повидимому, прямо противоположнаго результата, — все болѣе и болѣе труднаго воспроизведенія реакціи? Правда, *иногда* такъ и случается—чѣмъ чаще данный комплексъ повторяется въ сознаніи, тѣмъ сильнѣе то внутреннее сопротивленіе, которое онъ при этомъ встрѣчаетъ, — тѣмъ сильнѣе тенденція къ его подавленію и устраненію изъ психическаго поля *). Но такъ бываетъ скорѣе въ меньшинствѣ случаевъ, насъ же сейчасъ занимаетъ противоположный типъ явленія — когда «непріятная» реакція возникаетъ все съ меньшимъ и меньшимъ сопротивленіемъ психики, а затѣмъ становится даже «пріятной», когда, напр., человѣкъ, начавши съ отвращеніемъ заниматься какой-нибудь работой, мало-по-малу «втягивается» въ нее и начинаетъ даже находить въ ней нѣкоторое удовольствіе.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что такое «привыканіе» при отрицательной окраскѣ реакціи происходитъ гораздо медленнѣе и съ большей затратой энергіи, чѣмъ при положительной окраскѣ: «втянуться» въ непосредственно-пріятное занятіе гораздо легче, чѣмъ въ непосредственно-непріятное. Такимъ образомъ и здѣсь, повидимому, типичная *тенденція* отрица-

---

*) Напр., когда человѣка заставляютъ выполнять непріятную для него работу, то нерѣдко бываетъ такъ, что съ каждымъ разомъ это дѣлается для него все труднѣе, работа становится все менѣе энергичной, координація волевыхъ актовъ, психически ее опредѣляющая, становится все болѣе дисгармоничной и протекаетъ все болѣе вяло—типичная картина отрицательнаго психическаго подбора.

Digitized by Google

тельнаго подбора имѣется налицо—она только парализуется и перевѣшивается какими-то другими вліяніями. Какія же это вліянія? Вопросъ рѣшается очень легко, если припомнить, что полемъ психическаго подбора является *все поле сознанія*, какъ одно цѣлое.

Трудно представить себѣ большія страданія, чѣмъ тѣ, которыя испытываетъ десятилѣтній школьникъ, «пріучаясь» курить. Необычныя осязательныя, обонятельныя и вкусовыя ощущенія отъ табачнаго дыма вызываютъ цѣлый рядъ дисгармоническихъ судорожныхъ реакцій—со стороны діафрагмы и другихъ мускуловъ дыхательнаго аппарата (кашель), со стороны сосудистой системы (сердцебіеніе, учащенный пульсъ), мускуловъ лица (гримаса) различныхъ железъ (слезы, слюнотеченіе) и т. д. Въ совокупности это означаетъ большую растрату энергіи, слѣдовательно большое страданіе. Если бы все дѣло къ этому и сводилось, то врядъ-ли кто-нибудь «привыкъ» бы курить. Но обстоятельства гораздо сложнѣе, и въ полѣ сознанія имѣется, кромѣ указанныхъ комплексовъ, еще немало иныхъ. Представленіе объ актѣ куренія соединяется въ психикѣ ребенка съ представленіемъ о нѣкоторомъ относительномъ «равенствѣ» со взрослыми, стало быть о нѣкоторомъ принципіальномъ расширеніи жизни, о повышеніи ея уровня. Это сочетаніе сводится въ концѣ концовъ, къ ассоціаціи «по смежности» — къ тому факту, что ребенокъ видѣлъ курящими только взрослыхъ, и въ то же время наблюдалъ ихъ взаимныя отношенія — съ его точки зрѣнія весьма «свободныя». Если актъ куренія причиняетъ «непріятныя» ощущенія, то сознаніе возрастающей свободы «пріятно»: одна часть ассоціаціи, взятая въ отдѣльности, имѣетъ отрицательный аффекціоналъ, другая—положительный; какова же окраска ассоціаціи, какъ цѣлаго? Чувство страданія, которымъ омрачается первая часть ассоціаціи, очень интенсивно, однако скоропреходяще, и имѣетъ лишь индивидуально-физіологическую основу; напротивъ, чувство удовольствія, характеризующее вторую часть ассоціаціи, можетъ быть не особенно интенсивно, но

Digitized by Google

имѣетъ соціально-психологическую основу, постоянно поддерживается окружающей ребенка общественной средой, и потому отличается длительнымъ дѣйствіемъ. Ребенокъ одинъ-два раза накурится до тошноты и страдаетъ нѣсколько часовъ; но каждый день по многу разъ, глядя на окружающихъ, онъ возвращается къ мысли: «ахъ, какъ хорошо быть взрослымъ, который дѣлаетъ, что хочетъ, и который куритъ съ очевиднымъ удовольствіемъ». Если въ этой постоянно возобновляющейся ассоціаціи перевѣсъ получитъ длительное, хотя менѣе интенсивное дѣйствіе положительнаго аффекціонала, то нашъ герой будетъ вновь и вновь возобновлять попытки курить; если побѣдитъ интенсивное, хотя менѣе продолжительное вліяніе отрицательнаго аффекціонала, то попытки будутъ становиться рѣже или прекратятся. Въ первомъ случаѣ шансы повторенія реакціи возрастаютъ, какъ и бываетъ при «привыканіи», во второмъ—уменьшаются.

Этотъ частный примѣръ даетъ намъ указаніе на тотъ общій путь, на которомъ создается «привычка» къ повторенію «непріятной» реакціи. При каждомъ фактическомъ повтореніи реакціи, повтореніи, обусловленномъ совокупностью обстоятельствъ, хотя бы только «внѣшнихъ», реакція эта выступаетъ какъ составная часть опредѣленнаго *поля сознанія*, и психическій подборъ ассоціируетъ ее «по смежности» съ остальнымъ содержаніемъ этого поля. Чѣмъ больше происходитъ такихъ фактическихъ повтореній, тѣмъ больше различныхъ «полей сознанія» вмѣщаютъ данную реакцію, тѣмъ больше у нея образуется «ассоціативныхъ связей» по смежности; а каждая ассоціативная связь, какъ мы знаемъ, увеличиваетъ шансы повторенія реакціи. При этомъ *собственная* аффекціональная окраска реакціи становится менѣе важной, потому что дѣйствіе психическаго подбора относится, какъ мы видѣли, не къ отдѣльной части поля сознанія, а къ его цѣлому; и спеціальный аффекціоналъ реакціи входитъ лишь какъ *слагаемое* въ общую сумму условій психическаго подбора. Если это слагаемое имѣетъ знакъ минусъ, а другія плюсъ, то въ зависимости

Digitized by Google

отъ величины жизненной суммы шансы повторенія реакціи будутъ либо возрастать, либо уменьшаться. Въ первомъ случаѣ мы и получимъ процессъ «привыканія къ непріятному»; и понятно, что процессъ этотъ окажется, вообще говоря, гораздо болѣе медленнымъ и тяжелымъ, чѣмъ «привыканіе къ пріятному».

Другая сторона процесса выражается въ возрастаніи опредѣленности и консерватизма той психической реакціи, которая «входитъ въ привычку». Это объясняется просто общей продолжительностью дѣйствія психическаго подбора, которое выступаетъ на сцену при каждомъ повтореніи реакціи. *Какъ всякій энергетическій процессъ*, психическій подборъ направляется въ сторону устойчиваго равновѣсія и, дѣйствуя на данный комплексъ элементовъ, стремится создать изъ него уравновѣшенную, консервативную систему, что и характеризуетъ «привычные» комплексы. Но получается всегда, конечно, не абсолютная, а только относительная опредѣленность, потому что психическій подборъ стремится въ то же время образовать системы равновѣсія болѣе обширнаго объема — именно, изъ даннаго комплекса *вмѣстѣ* съ другими, съ которыми онъ встрѣчается въ одномъ полѣ сознанія (системы ассоціативныя).

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и «притупленіе» аффекціонала по мѣрѣ привыканія. По мѣрѣ того какъ создаются ассоціативныя системы энергетическаго равновѣсія, происходитъ и уравновѣшеніе аффекціоналовъ различныхъ частей каждой такой системы: всякій значительный плюсъ или минусъ, такъ сказать, расплывается, распредѣляясь въ этихъ системахъ между всѣми ихъ частями. Получается для различныхъ ассоціированныхъ комплексовъ нѣкоторый средній аффекціоналъ; и вполнѣ естественно, что это, обыкновенно, небольшой *положительный* аффекціоналъ, потому что самое «привыканіе» происходитъ, какъ мы видѣли, только тогда, когда въ общей суммѣ дѣйствіе психическаго подбора на различныя ассоціаціи, включающія *данную* реакцію, поло-

Digitized by Google

жительное, а не отрицательное. Напримѣръ. если химикъ понемногу начинаетъ находить запахъ H_2S довольно пріятнымъ, то это прежде всего потому, что съ этимъ ощущеніемъ для него ассоціируется представленіе о многихъ интересныхъ и полезныхъ химическихъ реакціяхъ,—представленіе, имѣющее положительный аффекціоналъ, который переходитъ и на ощущаемый запахъ *).

Въ массѣ случаевъ измѣненіе аффекціонала происходитъ, однако, еще другимъ путемъ, примѣромъ котораго хорошо можетъ служить хотя бы та же «привычка» къ куренію. У непривычнаго человѣка табачный дымъ, какъ новое интенсивное внѣшнее вліяніе, вызываетъ, мы знаемъ, массу «судорожныхъ реакцій», которыя всѣ «непріятны», такъ какъ представляютъ большую растрату нервной энергіи (кашель, сердцебіеніе, сжатіе переферическихъ сосудовъ и т. д.). Этимъ-то судорожнымъ реакціямъ и принадлежитъ наибольшая доля отрицательнаго аффекціонала при актѣ куренія, и если актъ этотъ повторяется, то онѣ постепенно устраняются психическимъ подборомъ—по общему закону его дѣйствія; а съ ихъ устраненіемъ уменьшается и отрицательный аффекціоналъ переживаній лица, которое куритъ,—уменьшается или даже переходитъ въ положительный, если ассоціативно присоединяются «пріятныя» переживанія.

Какъ видимъ, «процессъ привыканія» во всѣхъ своихъ основныхъ проявленіяхъ лежитъ всецѣло въ рамкахъ «психическаго подбора», другими словами — легко имъ «объясняется».

---

*) Въ то же время происходитъ, конечно, и обратное явленіе: положительный аффекціоналъ представленія о такихъ-то интересныхъ и полезныхъ химическихъ реакціяхъ *уменьшается*, благодаря „непріятной“ окраскѣ запаха, представляемаго или ощущаемаго въ связи съ этими реакціями.

Digitized by Google

III.

Точка зрѣнія психическаго подбора дала намъ возможность «объяснить» различныя проявленія того процесса, который обозначается словомъ «привыканіе», и который обыкновенно—но не всегда—сопровождаетъ собою психическое «упражненіе» («Uebung»), т.-е. повтореніе сходныхъ психическихъ комплексовъ въ потокѣ опыта. Но она же дала намъ возможность понять и тѣ случаи, когда «упражненіе» не влечетъ за собою «привыканія»—случаи особенно «непріятныхъ» переживаній, при повтореніи которыхъ отрицательный подборъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ, все болѣе и болѣе противодѣйствуя дальнѣйшимъ повтореніямъ. Такимъ образомъ идея психическаго подбора оказывается шире и общѣе того взгляда, который я назвалъ бы «психологическимъ ламаркизмомъ» и который останавливается только на поверхности фактовъ «упражненія» и «привыканія», констатируя ихъ, но не сводя ихъ къ единству съ несомнѣнными фактами противоположнаго характера *).

Теперь мы, очевидно, можемъ и тѣ и другіе факты, какъ уже «объясненные», уже сведенные къ единству идеи психическаго подбора, сдѣлать основой дальнѣйшаго «объясненія»—

*) У Авенаріуса въ „Критикѣ чистаго опыта“ такой „ламаркизмъ“ играетъ роль одной изъ центральныхъ идей и связывается со слишкомъ внѣшне-формальнымъ пониманіемъ принципа „чистаго описанія“. Принципъ этотъ, въ сущности, требуетъ, чтобы въ познаніе не вносилось ничего *принципіально выходящаго за предѣлы даннаго опыта*, чтобы всякое „объясненіе“ было только *упрощающимъ описаніемъ*, но онъ отнюдь не сводитъ методы этого упрощающаго описанія къ механическому обобщенію фактовъ,—такое обобщеніе есть только матеріалъ для объединяющей идеи, но еще вовсе не объединяющая идея. Все, что Авенаріусъ говоритъ объ „Uebung“—только механическое обобщеніе.

Digitized by Google

для психическихъ фактовъ болѣе сложнаго характера. И прежде всего мы сдѣлаемъ это по отношенію къ высшимъ типамъ ассоціативныхъ процессовъ—къ ассоціаціямъ по сходству и по контрасту, которыя составляютъ базисъ всякаго познавательнаго «обобщенія» и «различенія».

Всякій комплексъ элементовъ, выдѣляющійся изъ потока переживаній, выступаетъ первоначально въ опытѣ какъ нѣкоторое неопредѣленное цѣлое. Даже отличить его отъ другихъ, смежныхъ съ нимъ, возможно только благодаря тому, что онъ является въ соединеніи не съ одними и тѣми же, но при каждомъ повтореніи—по крайней мѣрѣ, отчасти—съ новыми и новыми комплексами. Вполнѣ аналогичны и тѣ условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ *разложеніе* комплекса на его части и элементы; эти части и эти элементы повторяются въ иныхъ, новыхъ комбинаціяхъ, такъ что прежній комплексъ воспроизводится не только цѣликомъ, но иногда и частично—въ *другихъ* комплексахъ. Напр., если ребенокъ, видѣвшій до сихъ поръ только одну кошку, встрѣчаетъ другую, то въ его психикѣ воспроизводится фактически большая часть комбинацій прежняго комплекса—представленія о кошкѣ, но въ соединеніи съ нѣкоторыми новыми вмѣсто нѣкоторыхъ старыхъ комбинацій. Аналогичные факты въ дальнѣйшемъ происходятъ снова и снова,—повторяющаяся при этомъ «общая» часть всѣхъ соотвѣтственныхъ комплексовъ—воспріятій или представленій о «кошкѣ»—подвергается болѣе длительному и систематическому дѣйствію психическаго подбора, чѣмъ остальныя—«индивидуальныя»—части этихъ комплексовъ, а слѣдовательно становится болѣе «привычкой». «Привыканье» и здѣсь ведетъ, разумѣется, *къ большей повторяемости, къ большему консерватизму и сравнительному аффекціональному безразличію.* Всѣ эти черты и характеризуютъ постепенно обособляющійся такимъ образомъ комплексъ—«обобщенное представленіе» о кошкѣ *).

*) Собственно говоря, и первоначальное представленіе о

Digitized by Google

Совершающійся такимъ образомъ процессъ «обобщенія» есть въ то же время процессъ *ассоціированія по сходству*. Дѣло въ томъ, что наиболѣе повторяющаяся часть сходныхъ комплексовъ, естественнымъ образомъ, ассоціирована *по смежности* съ каждой изъ частей менѣе повторяющихся, и «влечетъ» ихъ за собою въ сознаніи. Если A, какъ болѣе повторяющаяся комбинація, обособилась въ одномъ комплексѣ отъ B, какъ болѣе индивидуальной части комплекса, въ другомъ отъ C, въ третьемъ отъ D, то это обособленіе не безусловно: A остается все-таки ассоціировано съ B, потому что вмѣстѣ съ нимъ находилось въ одномъ полѣ сознанія и вмѣстѣ подвергалось дѣйствію психическаго подбора, которое, какъ мы видѣли, создаетъ въ этомъ случаѣ ассоціативное отношеніе; но точно также A соединено ассоціативной связью и съ C, и и съ D и т. д. Слѣдовательно, въ какой бы изъ этихъ своихъ ассоціативныхъ комбинацій A непосредственно ни являлось, оно «имѣетъ тенденцію» вызвать въ сознаніи и остальныя свои комбинаціи: $A+B$ «влечетъ» за собой $A+C$ и $A+D$, и т. д., одна кошка «напоминаетъ» о другихъ кошкахъ, одна птица—о другихъ птицахъ... Это и есть ассоціація «по сходству».

Развитіе психическаго опыта приводитъ къ прогрессивному «обобщенію» переживаній. Разложеніе комплексовъ опыта идетъ все дальше, повторяющаяся часть одного ряда комплексовъ и повторяющаяся часть другого ряда могутъ заключать въ себѣ общія комбинаціи, которыя въ свою очередь обособляются психическимъ подборомъ, какъ особенно «привычныя» для психики,—это «обобщенія второго порядка» и т. д. Обобщенія высшихъ порядковъ являются ассоціативными цен-

---

такой-то данной кошкѣ, напр., первой, какую видѣлъ до сихъ поръ данный ребенокъ, образуется такимъ же путемъ: рядъ послѣдовательныхъ воспріятій одной и той же кошки не представляетъ точнаго повторенія одного и того же комплекса, но лишь приблизительное, и представленіе о такой-то данной кошкѣ есть уже „обобщеніе“.

Digitized by Google

трами для обобщеній низшихъ порядковъ, какъ эти для еще болѣе низшихъ. Эта цѣпь обобщенія есть въ то же время цѣпь ассоціацій по сходству, болѣе широкихъ и менѣе широкихъ.

Такъ какъ «обобщеніе», т. е. повторяющаяся часть сходныхъ комплексовъ, «обособляется» до извѣстной степени лишь благодаря своему повторенію въ составѣ этихъ комплексовъ, и такъ какъ оно образуетъ ихъ общій ассоціативный центръ, то естественно, что оно никогда не является *совершенно отдѣльно* отъ этихъ комплексовъ, никогда не обособляется отъ нихъ вполнѣ, даже на короткое время: какъ мы знаемъ, ассоціативная связь означаетъ выработанную психическимъ подборомъ систему энергетическаго равновѣсія; и потому «обобщеніе», будучи только центральнымъ звеномъ общирной системы подобнаго рода, никоимъ образомъ не можетъ совершенно отъ нея оторваться, хотя бы даже только на одинъ моментъ. Если бы это и случилось, то передъ нами оказалась бы энергетически неуравновѣшенная комбинація, которая по своей неуравновѣшенности тотчасъ же вывела бы изъ равновѣсія смежныя (ассоціативныя) психическія группировки, т. е. вовлекла бы въ «поле сознанія» свои «частные» комплексы, которые она обобщаетъ. Другими словами, обобщеніе *всегда* въ психикѣ проявляется какъ центральная часть ассоціаціи по сходству, и только въ такой ассоціаціи существуетъ. «Чистаго» обобщенія, которое бы «отвлекалось» отъ всего индивидуальнаго въ обобщенныхъ частныхъ комплексахъ, человѣкъ никогда не можетъ реализовать въ своемъ сознаніи.

Итакъ, обобщеніе представляетъ не что иное какъ ассоціацію по сходству, въ которой психическимъ подборомъ до извѣстной степени обособлена—такъ сказать «подчеркнута»—повторяющаяся часть ассоціированныхъ комплексовъ. Понятно, что чѣмъ выше степень или «порядокъ» обобщенія, тѣмъ болѣе широкой ассоціаціи по сходству оно соотвѣтствуетъ, тѣмъ болѣе значительную массу частныхъ комплексовъ оно связываетъ. Но поле сознанія, какъ область координированныхъ измѣненій психики, всегда ограничено: какъ всякая органи-

Digitized by Google

зованная система, психика не можетъ безъ нарушенія своей связности и единства испытывать одновременно неопредѣленно большое количество измѣненій. Вотъ почему никогда или почти никогда комплексъ обобщенный не выступаетъ въ сознаніи вмѣстѣ со *всѣми* частными, которые онъ объединяетъ: на лицо имѣются только нѣкоторые изъ нихъ, при томъ одни съ большей отчетливостью, другіе съ меньшей, третьи — въ совсѣмъ ослабленномъ видѣ; а психическій подборъ очень быстро смѣняетъ одни изъ нихъ другими, такъ что цѣлое имѣетъ колеблющійся характеръ. Это постоянная психологическая черта «обобщеній».

То, что въ познаніи называется «понятіемъ», есть прочная, соціально-обусловленная ассоціація *по смежности* между расплывчато-неустойчивымъ въ сознаніи комплексовъ «обобщеніемъ», и вполнѣ опредѣленнымъ, незначительнымъ по суммѣ элементовъ, высоко-консервативнымъ комплексомъ «словомъ». Принципіально эта ассоціація «объясняется» такъ же, какъ всякая другая, соціальный же ея генезисъ лежитъ пока за предѣлами нашей задачи.

Какъ видимъ, наша точка срѣнія, опираясь но факты «привыканія», легко сводитъ основные процессы познавательной дѣятельности къ принципу психическаго подбора. При этомъ она «объясняетъ» и характерную «холодность» познанія, сравнительное аффекціональное безразличіе «обобщеній» и «понятій»: наиболѣе «общее» есть наиболѣе повторяющееся, наиболѣе «привычное», а «привыканіе», какъ мы видѣли, ведетъ къ притупленію аффекціонала. Эта «холодность» познанія есть также условіе того *консерватизма* понятій, который выражается въ логическомъ «законѣ тожества»: высокій аффекціоналъ означаетъ вѣдь интенсивную работу психическаго подбора, стало быть—преобразованіе комплексовъ, находящихся въ сознаніи, нарушеніе ихъ «тожества», — и потому онъ несовмѣстимъ со строгимъ консерватизмомъ сложившихся понятій.

Digitized by Google

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ третьей, самой сложной формѣ ассоціативной связи, намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на очень важныхъ для объясненія этой формы случаяхъ *конкуренціи* психическихъ комплексовъ.

Поле сознанія есть область координированныхъ измѣненій психической системы. Эта область является всегда неизбѣжно ограниченной и именно въ силу двухъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, представляя изъ себя организованное, очень сложное и лишь относительно устойчивое цѣлое, психика вообще не можетъ переносить неопредѣленно большого количества одновременныхъ измѣненій—разъ оно переходитъ извѣстную границу, психика начинаетъ просто разрушаться. Съ другой стороны, и степень координаціи измѣненій уменьшается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ихъ одновременно возникаетъ, и за извѣстнымъ предѣломъ связность ихъ исчезаетъ,—получается смутная, неопредѣленная масса переживаній, которая не есть психическій опытъ («Verworrenheit»). Получается громадная растрата энергіи психической системы, психическій подборъ направляется въ сторону суженія поля переживаній, и если это достигается, сознаніе «входитъ въ свои нормальныя границы».

Психологи-экспериментаторы, какъ напр. Вундъ, дѣлали опыты съ цѣлью опредѣлить предѣльный объемъ сознанія. Результаты этихъ опытовъ мало поддаются точному выраженію, потому что единицы измѣренія еще далеко не выработаны; несомнѣнно одно, что для каждой психики такой предѣльный объемъ существуетъ, какъ нѣкоторая естественная граница для расширенія потока переживаній.

Отъ этой границы зависитъ взаимная конкурренція психическихъ комплексовъ. Чѣмъ ихъ больше въ полѣ сознанія, тѣмъ сильнѣе психическій подборъ стремится уменьшить ихъ

Digitized by Google

количество. При этомъ устраненіе однихъ ведетъ къ увеличенію яркости и ясности другихъ, и наоборотъ. Въ этомъ и состоитъ конкурренція переживаній.

Степень конкурренціи, ея интенсивность, зависитъ, конечно, не только отъ количества конкуррирующихъ комплексовъ, но также и отъ ихъ состава, и отъ характера ихъ взаимныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе комплексы разнородны, чѣмъ менѣе въ нихъ имѣется общихъ, связывающихъ комбинацій, тѣмъ меньше и тѣмъ труднѣе достигается ихъ взаимная координація, тѣмъ интенсивнѣе они конкуррируютъ между собою. Это хорошо знаетъ всякій, кому приходилось сразу думать о нѣсколькихъ различныхъ дѣлахъ. И есть одинъ, чрезвычайно важный рядъ случаевъ, когда конкурренція становится особенно сильной даже при очень маломъ количествѣ переживаній. Это тогда, когда дѣло идетъ о противорѣчіяхъ *волевыхъ* комплексовъ.

Если разсматривать жизнь психики въ ея отношеніяхъ къ внѣшней средѣ, то приходится установить два основныхъ типа психическихъ переживаній: комплексы — *образы* (ощущенія, воспріятія, представленія) и *волевые* комплексы (стремленія, импульсы). «Образы» суть ближайшія отраженія воздѣйствій среды въ психической системѣ, «воля» есть обратная реакція системы на эти воздѣйствія, реакція ихъ измѣняющая. Комплексы «среды» обусловливаютъ измѣненія въ комплексахъ «психики»; поскольку эти послѣдніе имѣютъ пассивный характеръ, не отражаются въ свою очередь въ комплексахъ среды, постольку они только «образы»; поскольку они получаютъ активную окраску, отражаются въ свою очередь въ средѣ, постольку они составляютъ «волю» [1]). Нераздѣльная связь тѣхъ и дру-

---

*) „Представленіе“ есть неполный комплексъ-образъ, возникающій не изъ прямого и непосредственнаго воздѣйствія комплексовъ среды, но все же являющійся ихъ *косвеннымъ* отраженіемъ. Стремленіе—неполный волевой комплексъ, не отражающійся ближайшимъ образомъ на комплексахъ среды, но при достаточныхъ условіяхъ непосредственно переходящій въ во-

Digitized by Google

гихъ, невозможность рѣзкихъ границъ между ихъ областями очевидна сама собою.

Типичная психическая реакція представляетъ неразрывное сочетаніе комплекса перваго рода съ комплексомъ второго рода Человѣкъ «воспринимаетъ» опредѣленный образъ, положимъ, «добычу», и этотъ образъ непосредственно влечетъ за собой волевой импульсъ опредѣленнаго характера—актъ «завладѣванія» добычей. Первоначально это—одинъ непрерывный комплексъ, и только съ расширеніемъ и усложненіемъ опыта онъ раздѣляется на двѣ взаимно ассоціированныя части.

Волевой комплексъ, взятый самъ по себѣ, всегда представляетъ *затрату* энергіи психической системы, является для нея *энергетически-отрицательной* величиной. Физіологически онъ и выражается въ *иннерваціи*, въ потокѣ энергіи, направленномъ отъ центральнаго аппарата системы къ периферіи, а въ конечномъ счетѣ—къ внѣшней средѣ. Такимъ образомъ, для всякаго комплекса, въ которомъ преобладаютъ «волевыя» комбинаціи, психическій подборъ долженъ оказываться отрицательнымъ, стремится удалить этотъ комплексъ изъ сознанія; недаромъ многіе философы разсматривали стремленія, волю, какъ страданіе. Такіе комплексы быстро исчезали бы изъ сознанія, если бы не продолжающееся дѣйствіе тѣхъ, по отношенію къ полю сознанія «внѣшнихъ» условій, которыми *вызваны* эти комплексы и которыми они, такъ сказать, вновь и вновь вызываются. Пока продолжается дѣйствіе холода на организмъ, до тѣхъ поръ не прекращается и стремленіе укрыться отъ холода, закутаться чѣмъ-нибудь, не прекращается несмотря на отрицательную окраску того поля сознанія, въ которомъ выступаетъ; но лишь только условія, порождающія и возобновляющія стремленіе, устранены напр., оно «удовлетворено»—оно

левой актъ, который уже „отражается“ въ средѣ. (Объ отношеніяхъ этихъ неполныхъ психическихъ реакцій къ полнымъ см. мою работу „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“. Спб. 1901, стр. 68—77).

Digitized by Google

съ величайшей быстротой исчезаетъ изъ сознанія подъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора; и напр., послѣ хорошаго обѣда трудно даже представить себѣ, какъ это люди хотятъ ѣсть.

Вполнѣ понятно, что комплексы волевые гораздо сильнѣе конкуррируютъ между собою, встрѣчаясь въ сознаніи, чѣмъ-комплексы-образы: получается непрерывная растрата энергіи по различнымъ направленіямъ, и отрицательный аффекціоналъ особенно значителенъ. При этомъ обыкновенно ни одинъ изъ конкуррирующихъ комплексовъ не достигаетъ, именно въ силу конкурренціи другихъ, степени полнаго волевого акта, а остается на стадіи «стремленія»; получается борьба различныхъ «стремленій, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока отрицательный подборъ не устранитъ всѣхъ конкуррентовъ, кромѣ одного; это наиболѣе интенсивное и устойчивое, а потому и вытѣснившее всѣ прочія стремленіе заполняетъ тогда поле сознанія и переходитъ въ дѣйствіе.

Въ дѣйствительности конкуррируютъ, конечно, не чистые волевые комплексы, а цѣлыя ассоціаціи образовъ со стремленіями. Дѣйствіе психическаго подбора становится сложнѣе потому, что образы сами по себѣ могутъ имѣть и положительный аффекціоналъ, нерѣдко даже очень значительный; и слѣдовательно возникаетъ положительный подборъ, который усиливаетъ не только самый образъ, но и ассоціированное съ нимъ стремленіе. Тогда «стремленіе къ пріятному» становится активнымъ, переходитъ въ дѣйствіе. Но для насъ въ данный моментъ важно другое: въ каждой изъ конкуррирующихъ ассоціацій интенсивность образа измѣняется вмѣстѣ съ интенсивностью соотвѣтственнаго стремленія, повышаясь и понижаясь приблизительно параллельно этой послѣдней. Такое соотвѣтствіе неизбѣжно въ силу тѣснѣйшей ассоціативной связи образа и стремленія.

Digitized by Google

V.

Рядомъ съ ассоціаціями «по сходству» громадную роль въ познавательной жизни человѣка играютъ ассоціаціи «по контрасту» или, говоря общѣе, «по различію». Это еще болѣе сложный типъ ассоціативной связи.

Когда вы видите чернаго африканца, въ вашемъ сознаніи всплываетъ представленіе о «бѣломъ» кавказцѣ, о «мѣднокрасномъ» индѣйцѣ, о смугло-желтомъ человѣкѣ монгольской расы, и т. д. При этомъ въ вашемъ сознаніи выступаютъ на первый планъ, выдѣляются съ наибольшей яркостью и опредѣленностью именно черты ихъ *различія*, а не сходства, въ данномъ случаѣ—окраска ихъ кожи. Такова ассоціація по различію. Нетрудно замѣтить, что она *предполагаетъ* ассоціацію по сходству. Видя чернаго человѣка, вы не вспоминаете ни бѣлый пухъ, ни бѣлую бумагу, но бѣлаго человѣка; черты сходства, общія этимъ двумъ комплексамъ элементовъ, образуютъ необходимую и первичную связь между ними; и только тѣ комплексы, которые сближены уже этой связью, могутъ послужить матеріаломъ для той новой комбинаціи, которую мы обозначаемъ какъ ассоціацію по различію.

Новая комбинація сама представляетъ нѣкоторую противоположность съ прежней; тогда какъ въ ассоціаціи по сходству наибольшей интенсивностью отличаются общія части объединенныхъ комплексовъ («форма обобщенія»), а черты различія стушевываются и спутываются, сливаясь въ какую-то смутную массу переживаній; въ ассоціаціи по различію отношеніе совершенно обратное: общія черты отступаютъ на второй планъ и сознаются лишь слабо и смутно, а «различія» какъ бы подчеркиваются, выступая со все большей яркостью и опредѣленностью («форма различенія»). Задача состоитъ въ томъ, чтобы выяснить психологическій генезисъ такихъ ассоціацій.

Digitized by Google

Всего легче обрисовать этотъ генезисъ на конкретномъ примѣрѣ.

Предположимъ, что между «бѣлыми» людьми и «черными» въ степяхъ южной Африки ведется война; и вы случайно отстали отъ европейскаго войска и заблудились въ незнакомой вамъ мѣстности. Оглядываясь кругомъ, вы замѣчаете, что на горизонтѣ вдали вырѣзывается силуэтъ какой-то человѣческой фигуры; вы вглядываетесь, но никакъ не можете разобрать, негръ это или европеецъ въ темномъ костюмѣ. Въ вашемъ сознаніи выступаютъ, взаимно конкуррируя, два психическихъ комплекса, но это не только образы «бѣлаго» и «чернаго» человѣка, а образы тѣсно ассоціированные съ опредѣленными *стремленіями:* представленіе объ европейцѣ неразрывно связано со стремленіемъ броситься къ нему навстрѣчу, чтобы получить отъ него помощь или указанія относительно дороги къ войску, представленіе о негрѣ—со стремленіемъ спрятаться и приготовиться къ нападенію. «Внѣшнее воздѣйствіе», вызывающее оба комплекса, не прекращается,—вы продолжаете видѣть неопредѣленный силуэтъ; они интенсивно конкуррируютъ, взаимно ослабляя другъ друга и не давая одинъ другому завершиться настоящимъ волевымъ актомъ; это «колебательное» состояніе сопровождается, какъ мы знаемъ, значительной растратой энергіи, что и выражается въ сильномъ отрицательномъ аффекціоналѣ: состояніе безусловно «непріятное». Имѣется, слѣдовательно, интенсивный отрицательный подборъ, который охватываетъ все поле сознанія, но къ чему онъ приводитъ? Это легко выяснить, если мы анализируемъ конкуррирующіе комплексы.

Образы «бѣлаго» и «чернаго» человѣка имѣютъ общую часть A—общія черты обоихъ типовъ, и потому уже ассоціированы въ психикѣ по сходству. Но кромѣ этой общей части, у нихъ есть «различія, часть B въ одномъ, часть C въ другомъ, главнымъ образомъ — цвѣтовые элементы. $A+B$ (европеецъ) ассоціировано съ однимъ волевымъ комплексомъ, $A+C$ (негръ) съ другимъ; ясно, что часть A не находится въ тѣс-

Digitized by Google

ной и прямой связи ни съ тѣмъ, ни съ другимъ «стремленіемъ», а что объединены съ ними ближайшимъ образомъ съ однимъ—комбинація *B*, съ другимъ—*C*, части различающіяся. Отрицательный подборъ направленъ противъ *всѣхъ* заполняющихъ сознаніе комбинацій, но пока сохраняется «внѣшняя причина», онъ не можетъ устранить вызываемыхъ ею волевыхъ комплексовъ — они, такъ сказать, вновь и вновь возобновляются. Такъ какъ они *неразрывно ассоціированы* съ *B* и *C* – различающимися частями обоихъ комплексовъ-образовъ, то и эти непрерывно поддерживаются въ сознаніи, пока поддерживаются оба «стремленія», которыя конкуррируютъ между собою; и здѣсь психическій подборъ, такъ сказать, безсиленъ противъ продолжающагося дѣйствія «внѣшней причины». Но общая часть обоихъ комплексовъ, часть *A*, связана съ обоими стремленіями гораздо слабѣе и лишь косвенно; поэтому ее отрицательный подборъ фактически подавляетъ всего сильнѣе.

Въ результатѣ по отношенію къ обоимъ комплексамъ-образамъ получается такая картина: ихъ *различія* выступаютъ въ сознаніи съ наибольшей яркостью, ихъ *общая часть* стушевывается и блѣднѣетъ. Только благодаря связи своей съ различающимися частями, она никогда не исчезаетъ вполнѣ изъ сознанія. Таково основное и первоначальное строеніе *ассоціаціи по различію* или, что то же, «формы различенія». Она возникаетъ тогда, когда два образа, взаимно связанные по сходству, оказываются въ конкурренціи между собою—благодаря различію ассоціированныхъ съ ними волевыхъ комплексовъ.

Для всякой «формы различенія» при достаточномъ анализѣ можно установить именно такой генезисъ и такое жизненное значеніе. Человѣкъ «не различаетъ», пока «нѣтъ надобности различать», а это и означаетъ — пока данные образы не соединяются съ различными *волевыми реакціями*. Но такъ какъ нѣтъ психическихъ образовъ, которые не были бы связаны съ волевыми комплексами, потому что въ сущности то и другое представляетъ лишь двѣ различныя фазы полной психи-

Digitized by Google

ческой реакціи, то область «различенія» равняется области опыта; «по мѣрѣ надобности», психика создаетъ всевозможныя формы различенія на почвѣ уже сложившихся формъ обобщенія. Къ этимъ двумъ видамъ сводятся *всѣ познавательныя комбинаціи* *).

Въ процессахъ такъ называемаго «чистаго познанія» человѣкъ часто создаетъ формы различенія тамъ, гдѣ, повидимиму, нѣтъ особыхъ «практическихъ различій», т.-е. связи данныхъ сходныхъ образовъ съ различными волевыми комплексами, которые бы конкуррировали между собою. Но въ дѣйствительности такую связь всегда можно найти; и даже въ «схоластическихъ забавахъ», когда «различіе въ волосокъ расщепляется на четыре равныя части», и тогда сущность дѣла все та же; «слово» представляетъ въ психикѣ главнымъ образомъ *волевую* реакцію — реакцію высказыванія; и поскольку сходные образы обозначаются различными словами, они тѣмъ самымъ связываются съ различными волевыми актами. Но и помимо этого, нѣтъ такихъ образовъ, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. д., которые бы не заключали въ своемъ составѣ «иннерваціонныхъ элементовъ», а это и есть элементы волевые **). Все это достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ всякая ассоціація по сходству можетъ послужить исходной точкой для возникновенія многихъ ассоціацій по различію.

---

*) Подробнѣе объ этихъ двухъ ассоціативныхъ типахъ, образующихъ вмѣстѣ „монистическую тенденцію сознанія", я писалъ въ работѣ „Познаніе съ историч. точки зрѣн., стр. 85—107.

**) Въ своей вышеупомянутой работѣ „Познаніе" и т. д., я останавливался подробнѣе на происхожденіи „формъ обобщенія" и „формъ различенія", на явленіяхъ *вниманія*, играющихъ такую роль въ развитіи этихъ формъ, указывалъ и на нѣкоторыя экспериментальныя доказательства въ пользу изложенной точки зрѣнія, найденныя у другихъ авторовъ, при чемъ разсматривалъ психическіе процессы главнымъ образомъ со стороны ихъ физіологическаго выраженія или „проявленія" (стр. 78—107). Здѣсь нѣтъ мѣста вновь излагать все это.

Digitized by Google

Всякая психическая ассоціація—по смежности, по сходству, по различію—представляетъ изъ себя нѣкоторое цѣлое, сложный психическій комплексъ, и подобно всякимъ другимъ, болѣе простымъ комплексамъ, вступаетъ въ ассоціативныя связи съ другими аналогичными ассоціаціями. Получаются ассоціаціи высшаго порядка, въ которыхъ «обобщаются» или «различаются» первичныя ассоціаціи съ характеромъ обобщенія и различенія *). Далѣе слѣдуютъ ассоціаціи еще высшаго порядка, и этотъ процессъ продолжается въ направленіи къ гармоническому ассоціированію всѣхъ данныхъ опыта. Въ прогрессивномъ процессѣ обобщенія ассоціируются по сходству всевозможныя «формы обобщенія» и «формы различенія» и осуществляется тенденція къ наибольшей гармоніи познанія; въ прогрессивномъ процессѣ различенія всѣ комбинаціи того и другого рода ассоціируются по различію, и осуществляется тенденція къ наибольшей полнотѣ познанія. Смыслъ обѣихъ тенденцій одинъ и тотъ же—maximum жизни въ сферѣ познанія **).

Мы выяснили раньше, что ассоціативная организація опыта

---

*) Мы не касаемся здѣсь той роли, которую играетъ въ этомъ процессѣ прогрессивнаго ассоціированія могучеее соціальное его орудіе—слово, то орудіе, безъ котораго собственно „познаніе“ даже невозможно. Это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей главной темы (спеціально объ этомъ см. „Познаніе“, стр. 128—156).

**) Комплексы-образы и комплексы волевые исчерпываютъ собою, въ сущности, все содержаніе психическаго опыта. Обыкновенно различаютъ въ психикѣ еще комплексы „чувства“. Но поскольку при этомъ подразумѣваютъ удовольствіе и страданіе вообще, постольку дѣло идетъ вовсе не объ особыхъ комплексахъ, но объ ихъ общей окраскѣ, имѣющей, какъ мы указали, опредѣленное энергетическое значеніе. Что же касается *эмоцій* въ собственномъ смыслѣ слова, какъ страхъ, гнѣвъ, радость, любовь, то это недифференцированные комплексы неопредѣленныхъ „ощущеній“ съ неопредѣленными „стремленіями“—неразвитыя образно-волевыя комбинаціи.

Digitized by Google

есть *генетически-первичная*, болѣе общая и менѣе опредѣленная, что объективная закономѣрность есть одна изъ ея частныхъ и производныхъ формъ, одинъ изъ результатовъ ея прогрессивной гармонизаціи *). Ознакомившись съ тѣми силами, которыя создаютъ и развиваютъ эту основную организацію опыта, мы видимъ, что въ нихъ нѣтъ ничего ни трансцендентнаго, ни трансцендентальнаго, — ничего, что можно было бы принципіально отличать отъ содержаній развивающагося опыта, какъ его абсолютныя формы. Съ этой точки зрѣнія психологія представляется наукой о психическихъ (или ассоціативныхъ) формахъ опыта, *опредѣляемыхъ* его перемѣннымъ содержаніемъ.

В. Примѣненія метода.

(иллюстраціи).

Мы считали излишнимъ навязывать вниманію читателя весь тотъ утомительный путь изслѣдованія, частью индуктивнаго, частью дедуктивнаго, который привелъ насъ къ идеѣ психическаго подбора, какъ всеобщаго метода генетическаго познанія психическихъ явленій. Мы ограничились пока сжатою и схематическою обрисовкою этой идеи. Теперь мы перейдемъ къ ея конкретнымъ примѣненіямъ и намѣтимъ тѣ изъ нихъ, которыя представляются намъ наиболѣе типичными и познавательно-важными. Большаго нельзя дать въ предѣлахъ статьи, но и этого, мы полагаемъ, будетъ достаточно, чтобы читатель могъ судить о возможномъ общемъ значеніи этой идеи для стремящагося къ монизму познанія.

Здѣсь мы рѣшаемся выйти за предѣлы задачъ старой психологіи, рѣшаемся при помощи усвоеннаго нами метода подвергнуть *объясненію* и *критикѣ* то, что старая психологія только *описывала*. Встрѣчаясь съ людьми, мы находимъ въ

*) „Жизнь и психика", „Вопр. фил. и псих." 1903 г., 11—12.

Digitized by Google

нихъ различныя степени полноты и гармоніи психической жизни отъ геніальности до идіотизма, отъ спокойной уравновѣшенности до дикаго безумія. Самый типъ организаціи оказывается различнымъ: величественный и суровый моноидеизмъ «іудея», изящная и мягкая разносторонность «эллина», сѣрая и дряблая безидейность «филистера»... Передъ нами проходятъ характеры эмоціональные, интеллектуальные, волевые, люди яснаго и спутаннаго сознанія, вѣчно стремящіеся и неизмѣнно-апатичные, и т. д., и т. д. Съ этими людьми мы сближаемся, сталкиваемся, пытаемся ихъ измѣнить и сами измѣняемся подъ ихъ вліяніемъ; и они къ намъ, и мы къ нимъ примѣняемъ различные методы систематическаго или безсистемнаго воздѣйствія: люди воспитываютъ, развращаютъ, исправляютъ, награждаютъ, наказываютъ, поддерживаютъ, устраняютъ другъ друга. Здѣсь лежитъ область, гдѣ психологическая теорія и практика тѣсно соприкасаются между собою, переходя одна въ другую; здѣсь объясненіе и критика пріобрѣтаютъ особенно большое жизненное значеніе. И вотъ, мы хотимъ, путемъ анализа нѣсколькихъ основныхъ типовъ психики, а частью также путемъ анализа нѣсколькихъ основныхъ методовъ воздѣйствія человѣка на человѣка, показать, какимъ образомъ идея психическаго подбора можетъ служить надежной основой для объясненія и оцѣнки такихъ типовъ и методовъ.

Намѣченные нами вопросы лежатъ близъ пограничной черты психологіи съ соціальной наукой. Но это еще не соціально-психологическіе вопросы. Пока мы имѣемъ передъ собою одну психику, или двѣ психики въ ихъ взаимодѣйствіи, то, хотя несомнѣнно, что сложились онѣ въ соціальной жизни, мы не выходимъ изъ предѣловъ психологіи, если беремъ этотъ соціальный генезисъ только какъ *данное*, а его результаты — только какъ *постоянную* величину въ нашемъ анализѣ. Вопросы соціальной науки начинаются тамъ, гдѣ двѣ психики берутся не только въ ихъ *взаимномъ* отношеніи, но *въ ихъ общемъ отношеніи къ внѣшней природѣ*, въ ихъ сотрудничествѣ. Это уже не входитъ въ нашу задачу.

Digitized by Google

I.

Въ процессахъ психическаго подбора для анализа очень цѣлесообразно обособить три различныхъ момента—различныхъ разумѣется, только въ абстракціи и совершенно нераздѣльныхъ, въ конкретномъ явленіи: во-1-хъ, тотъ матеріалъ переживаній, который «подлежитъ» психическому подбору; этотъ матеріалъ можно разсматривать со стороны его количества—богатства или бѣдности, со стороны его качественнаго разнообразія или однородности, со стороны интенсивности отдѣльныхъ переживаній; во-2-хъ,—направленіе психическаго подбора—въ положительную или въ отрицательную сторону, къ сохраненію и усиленію переживаній или къ ихъ ослабленію и устраненію изъ опыта; это направленіе выражается, какъ мы знаемъ, въ аффекціоналѣ—въ окраскѣ удовольствія или страданія, характеризующей различныя переживанія; въ-3-хъ, интенсивность психическаго подбора въ различные его моменты; ея показателемъ служитъ, очевидно, интенсивность того же аффекціонала. Соотношенія этихъ трехъ «сторонъ» психическаго подбора бываютъ очень разнообразны, и соотвѣтственно этому весьма неодинаковы бываютъ *результаты* подбора, тѣ психическія комбинаціи и типы строенія, которыя онъ вырабатываетъ.

Идея психическаго подбора создаетъ возможность нѣкоторыхъ дедуктивныхъ выводовъ относительно характера психическаго развитія при тѣхъ или иныхъ условіяхъ подбора. Само собою разумѣется, что такая дедукція имѣетъ значеніе всегда лишь постольку, поскольку оправдывается самимъ опытомъ, поскольку ея выводы не противорѣчатъ фактамъ, но позволяютъ сгруппировать ихъ съ возможно большей полнотой и гармоничностью. Если дедукція оказывается именно такова, если ея выводы *вѣрны* по отношенію къ опыту или, что то же, *познавательно полезны*, то самая идея психическаго подбора, какъ основа дедукціи, получаетъ надежное и вполнѣ

Digitized by Google

убѣдительное доказательство въ свою пользу. — Имѣя все это въ виду, мы и перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ типичнымъ комбинаціямъ условій психическаго подбора.

Пусть передъ нами слѣдующая идеальная комбинація. Сумма переживаній, вступающихъ въ поле психическаго опыта, представляетъ наибольшій возможный для человѣческой психики данной эпохи maximum: громадная масса получаемыхъ «извнѣ» впечатлѣній, въ высшей степени яркихъ и разнообразныхъ, непрерывно расширяетъ поле опыта данной личности, приводя ее въ прямое или косвенное соприкосновеніе со всѣмъ, чѣмъ живетъ ея эпоха. Всѣ эти переживанія не только интенсивны сами по себѣ, но и глубоко задѣваютъ психическую систему въ ея цѣломъ, сильно измѣняютъ ея энергетическое равновѣсіе, словомъ—имѣютъ высокій аффекціоналъ, являются интенсивными «наслажденіями» и интенсивными «страданіями». Та и другая окраска въ общемъ теченіи опыта сохраняютъ, положимъ, приблизительное равновѣсіе: острыя наслажденія чередуются съ острыми страданіями, періоды счастія смѣняются періодами горя, и наоборотъ.—Резюмируя всѣ эти условія въ терминахъ психическаго подбора, слѣдуетъ сказать: матеріалъ для подбора maximum, интенсивность подбора maximum, направленіе смѣняющееся, безъ особаго перевѣса въ общемъ для той или другой его стороны.

Какая же получается при такихъ условіяхъ картина психическаго развитія?

Быстрая смѣна получаемыхъ отъ внѣшней среды воздѣйствій уже сама по себѣ означаетъ быстро измѣняющееся поле сознанія; но это было бы только хаосомъ жизни, если бы интенсивный психическій подборъ не обусловливалъ еще иныхъ измѣненій этого поля, именно, направленныхъ въ сторону возрастающей организованности опыта. Интенсивный психическій подборъ создаетъ, какъ мы знаемъ, новыя и новыя формы энергетическаго равновѣсія между различными комплексами элементовъ, или, что то же, создаетъ новыя и новыя ассоціативныя связи. Этимъ путемъ—переживанія превраща-

Digitized by Google

ются въ психическій *опытъ;* но и это выражаетъ пока еще только извѣстный minimum психической организовинности. Чтобы выяснить, какъ процессъ развитія идетъ дальше, намъ слѣдуетъ остановиться на обѣихъ различныхъ сторонахъ психическаго подбора въ отдѣльности.

Интенсивное дѣйствіе отрицательнаго подбора аналогично дѣйствію молота, который дробитъ и уничтожаетъ все непрочное и неустойчивое, но «выковываетъ» то, что дѣйствительно прочно, и выдѣляя его изъ всего остального, придаетъ ему чистоту и опредѣленность формъ. Отрицательный подборъ *стремится* разрушить все, что возникаетъ въ полѣ опыта; но тамъ, гдѣ жизнь богата и сильна, тамъ онъ фактически успѣваетъ разрушить только наименѣе «жизненныя», наименѣе устойчивыя комбинаціи. Это, во-1-хъ, тѣ комбинаціи, которыя слабы и блѣдны, которыя неглубоко затрогиваютъ психическую систему, и которыя въ тоже время не находятся въ прямой связи съ многократно повторяющимися воздѣйствіями внѣшней среды, воздѣйствіями, способными вновь и вновь вызывать одну и ту же психическую комбинацію; словомъ, это «жизненно не важные» комплексы, наприм. мимолетные продукты фантазіи, вообще—«мелочи» психическаго опыта. Во-2-хъ, тѣ комбинаціи, которыя «противорѣчивы», «дисгармоничны»: тѣ, которыя слагаются изъ «конкурирующихъ», взаимно-ослабляющихъ другъ друга комплексовъ, особенно — комплексовъ, ассоціированныхъ съ различными волевыми реакціями, — всѣ комбинаціи, имѣющія «эклектическую» окраску, характеръ «компромисса» противоположныхъ жизненныхъ тенденцій.

Въ противоположность этимъ двумъ типамъ, наиболѣе сопротивляются дѣйствію психическаго подбора комбинаціи двухъ противоположныхъ типовъ. Это, во-1-хъ, тѣ комплексы, которые «жизненно важны», т. е. либо съ большой силой врываются въ потокъ психическаго опыта, глубоко нарушая его теченіе, либо находятся въ зависимости отъ многократно повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, благодаря чему постоянно всплываютъ вновь и вновь; тѣ и другіе можно также обозначить, какъ

Digitized by Google

наиболѣе тѣсно связанные съ «объективнымъ міромъ», который есть «внѣшній» для «субъективнаго» психическаго опыта *). Во-2-хъ, тѣ комбинаціи, которыя наиболѣе «гармоничны», въ которыхъ взаимная связь частей наиболѣе прочна, а ихъ взаимное равновѣсіе наиболѣе устойчиво, и тѣ, которыя наиболѣе гармонически ассоціированы съ наибольшимъ количествомъ другихъ устойчивыхъ комплексовъ. — Понятно, что еще большее сопротивленіе отрицательному подбору будетъ проявляться въ томъ случаѣ, если комплексъ или ассоціація соотвѣтствуютъ обѣимъ характеристикамъ, т. е. и жизненно важны по своей связи съ повторяющимися внѣшними вліяніями, и наиболѣе гармоничны по своей организаціи. Слѣдовательно, при достаточномъ количествѣ матеріала въ сферѣ психическаго опыта отрицательный подборъ, если онъ достаточно долго и интенсивно дѣйствуетъ, долженъ доставлять преобладаніе именно такимъ, вдвойнѣ устойчивымъ комбинаціямъ. При этомъ все психическое развитіе человѣка получаетъ двойную окраску: съ одной стороны «реалистическую» (преобладаніе комплексовъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ повторяющимся вліяніямъ среды); съ другой—«монистическую» (преобладаніе гармоничныхъ и гармонически объединенныхъ комплексовъ).

Какія же черты внесетъ въ развитіе психической системы интенсивный положительный подборъ—моменты и періоды «счастья»? Ввякое переживаніе, находящееся въ полѣ его дѣйствія, онъ стремится довести до наибольшей полноты и яркости; за каждымъ переживаніемъ онъ стремится немедленно вслѣдъ вызвать въ сознаніе всѣ ассоціированные комплексы, а за ними—всѣ ихъ ассоціаціи, и т. д.; такимъ образомъ онъ постоянно переполняетъ поле сознанія новыми и новыми быстро

*) Міръ „внѣшній“, это значитъ, міръ *съ иной закономѣрностью* И дѣйствительно, какъ мы видѣли, для познанія закономѣрность „объективнаго міра“ не та, что субъективнаго: это закономѣрность соціально-организованнаго опыта, а не индивидуально-организованнаго, это „физическая“ связь явленій, а не „психическая“ ассоціація.

Digitized by Google

возникающими переживаніями: потокъ опыта разливается все шире и течетъ все быстрѣе. При этомъ не успѣваютъ исчезнуть изъ поля сознанія одни комплексы, какъ рядомъ съ ними всплываютъ другіе, третьи, все болѣе далеко отъ нихъ отстоящіе въ ассоціативной цѣпи, и раньше никогда съ ними не встрѣчавшіеся въ сознаніи. А встрѣча въ сознаніи двухъ комплексовъ означаетъ ихъ ассоціативное сближеніе, образованіе хотя бы только слабой, но *прямой* ассоціативной связи между ними, которая затѣмъ можетъ развиваться дальше. Такимъ образомъ матеріалъ опыта выступаетъ во всевозможныхъ ассоціативныхъ комбинаціяхъ, всевозможные способы объединенія имѣющихся переживаній находятъ себѣ мѣсто въ психическомъ опытѣ: все сопоставляется, все сравнивается, все служитъ объектомъ для новыхъ и новыхъ группировокъ. Это называется *творческой дѣятельностью фантазіи*. Всякій по опыту знаетъ, какъ широко и роскошно развертывается она въ моменты удовольствія, наслажденія, счастія, и какъ суживается, подавляется въ моменты боли, страданія, горя *).

---

*) Жизнь, полная страданій, нерѣдко порождаетъ „мечтательность". Но это вовсе не значитъ, чтобы отрицательный подборъ тоже поощрялъ работу фантазіи; нѣтъ, здѣсь дѣло происходитъ иначе, и легко видѣть, какъ именно Отрицательный подборъ понемногу устраняетъ изъ сознанія всѣ „непріятные" образы и комбинаціи и въ данномъ случаѣ ему *удается* устранить ихъ вполнѣ, въ томъ числѣ и тѣ, въ которыхъ выражаются „реальныя" отношенія психики къ внѣшнему міру. Поле сознанія остается тогда для „пріятныхъ" образовъ и комбинацій, главный недостатокъ которыхъ тотъ, что они „нереальны". Но такъ какъ они все-таки „пріятны", то на сцену и выступаетъ уже положительный подборъ, а съ нимъ и комбинирующая дѣятельность фантазіи, въ данномъ случаѣ, по непрочности своего матеріала и результатовъ, не заслуживающая названія „творческой". Такимъ образомъ, пока человѣкъ дѣйствительно *страдаетъ*, онъ не мечтаетъ, и мечтаетъ онъ, пока стимулы страданія вновь не ворвутся властно въ его психику: тогда онъ возвращается къ „мучительной дѣйствительности" и отрицательному подбору.

Digitized by Google

Въ своемъ полномъ развитіи всякій психическій комплексъ переходитъ въ волевую реакцію, такъ какъ либо заключаетъ ее въ своемъ составѣ, либо съ нею ассоціированъ болѣе или менѣе тѣсно. Положительный подборъ, стремясь довести всякій комплексъ до наибольшей полноты и яркости, тѣмъ самымъ, очевидно, приводитъ къ развитію *активности воли:* интенсивное «счастіе» даетъ силы для дѣятельности. — Этому можетъ сильно препятствовать только вызываемое тѣмъ же положительнымъ подборомъ переполненіе поля сознанія различными образами и волевыми реакціями, при чемъ ни одинъ волевой комплексъ не достигаетъ наибольшей полноты, не «переходитъ въ дѣйствіе» благодаря конкурренціи остальныхъ. Но если въ психикѣ интенсивно дѣйствуетъ и отрицательный подборъ, то это переполненіе легко устраняется, и получаются всѣ условія для развитія активно-волевого типа *).

---

*) Въ вопросѣ о значеніи страданія и счастія для активной воли факты опыта кажутся безнадежно противорѣчивыми. Страданіе принято считать *мотивомъ* активной воли, и въ то же время извѣстно, что сильное страданіе *подавляетъ* волю. Счастье „даетъ силы“ для дѣятельности, и во то же время счастливая жизнь „изнѣживаетъ“, „разслабляетъ“. Съ точки зрѣнія психическаго подбора всѣ эти кажущіяся противорѣчія разъясняются и устраняются. Что долгое и сильное страданіе подавляетъ волю, это понятно само собою: отрицательный подборъ ослабляетъ волевые комплексы и не даетъ имъ перейти въ дѣйствія. Но тамъ, гдѣ дѣйствіе отрицательнаго подбора не такъ сильно, или гдѣ волевой комплекеъ обладаетъ особенной интенсивностью, тамъ отрицательный подборъ успѣваетъ только устранить другіе комплексы, конкуррирующіе съ даннымъ волевымъ комплексомъ, и мѣшающіе ему перейти въ дѣйствіе, такъ что этотъ переходъ облегчается. Въ большинствѣ же случаевъ дѣло еще проще: то же самое внѣшнее воздѣйствіе, которое „причиняетъ страданіе“, вызываетъ путемъ выработанныхъ предыдущимъ развитіемъ ассоціативныхъ связей и волевую реакцію, направленную къ устраненію этого воздѣйствія: видъ врага не только „непріятенъ“, но и тѣсно ассоціированъ съ реакціями борьбы, и т. п. Наконецъ, тамъ, гдѣ человѣкъ

Digitized by Google

Общая картина развитія психики при намѣченныхъ нами идеальныхъ условіяхъ оказывается такова. Громадная масса непосредственныхъ переживаній, какъ результатъ разнообразныхъ воздѣйствій среды; всевозможныя комбинаціи психическихъ комплексовъ, вырабатываемыя изъ матеріала этихъ переживаній положительнымъ психическимъ подборомъ; сохраненіе изъ всѣхъ этихъ комбинацій, подъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора, только тѣхъ, которыя наиболѣе устойчивы въ силу своей связи съ наиболѣе повторяющимися вліяніями среды и въ силу своей гармоничности. Получается психическій типъ, характеризуемый *творчествомъ, активностью воли, реализмомъ міровоззрѣнія и монистической его тенденціей.*

Если при этомъ человѣкъ находится въ широкомъ общеніи съ другими людьми, если онъ интенсивно и полно воспринимаетъ ихъ опытъ при посредствѣ ихъ высказываній, то въ матеріалѣ его психики найдутъ себѣ мѣсто всѣ общія и важныя противорѣчія жизненнаго опыта современнаго ему общества, всѣ существенные запросы и потребности его эпохи. Тогда его психическое развитіе, въ силу своей монистической тенденціи, будетъ направлено къ гармоническому примиренію этихъ общихъ противорѣчій, къ удовлетворенію этихъ общихъ запросовъ и потребностей; и разрѣшеніе этихъ задачъ въ данной психикѣ будетъ, съ одной стороны, наиболѣе полнымъ и совершеннымъ, благодаря могучему творчеству и активной волѣ, съ другой стороны наиболѣе надежнымъ и устойчивымъ,

---

сознательно ставитъ своей цѣлью „прекратить страданіе“ и для этого „дѣйствуетъ“, тамъ играетъ важную роль и положительный подборъ: данная волевая реакція тѣсно ассоціирована съ „пріятнымъ“ представленіемъ объ устраненіи „непріятныхъ“ условій, порождающихъ страданіе. Словомъ, всѣ противорѣчивыя отношенія между страданіемъ и активностью могутъ быть объяснены при помощи психическаго подбора. (Объ отношеніи „удовольствія“ и активности намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

Digitized by Google

благодаря реалистическимъ его основамъ. Передъ нами явятся *энциклопедическій геній своего времени* *).

Этотъ типъ, какъ «нормальный», мы и сдѣлаемъ исходной точкой нашего дальнѣйшаго анализа. Мы будемъ разсматривать—во что превращается, или лучше, чѣмъ замѣняется этотъ типъ при томъ или иномъ измѣненіи условій психическаго подбора. Насъ не можетъ затруднять то обстоятельство, что въ дѣйствительности, можетъ быть, совсѣмъ не найдется психики, сколько-нибудь соотвѣтствующей этой нормѣ. Данная норма выражаетъ для насъ *прогрессивную тенденцію психическаго развитія* и есть предѣльная абстракція познанія. Съ такими предѣльными абстракціями познаніе необходимо оперируетъ во всѣхъ наукахъ тогда, когда стремится установить *общіе законы* явленій. Задача заключается въ томъ, чтобы отъ предѣльной абстракціи, выражающей идеально-простыя условія, переходить шагъ за шагомъ, вводя одно за другимъ осложняющія условія, къ пониманію конкретной дѣйствительности, какую мы находимъ въ своемъ опытѣ.

II.

Предположимъ, всѣ основныя условія психическаго подбора остаются тѣ же, что въ нашемъ идеальномъ случаѣ, кромѣ только одного: отрицательный психическій подборъ сравнительно ослабленъ, моменты и періоды страданія далеко не соотвѣтствуютъ моментамъ и періодамъ наслажденія, эти послѣдніе рѣшительно преобладаютъ. Передъ нами «счастливчикъ», которому все удается, для котораго радости не покупаются дорогой цѣной, которому внѣшнія условія, «среда», гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ враждебны. Какой типъ психическаго развитія получится въ этомъ случаѣ?

---

*) Въ міровой литературѣ типъ этотъ представленъ (приблизительно) Фаустомъ Гёте.

Digitized by Google

Общее богатство переживаній должно здѣсь оказаться, съ грубо-количественной стороны, не меньше чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, если даже не больше: сумма первоначальнаго матеріала переживаній, получаемаго изъ внѣшней среды, какъ мы приняли, количественно не измѣнена, а положительный подборъ, дѣйствуя на свободѣ, поддерживаетъ и вновь создаетъ всевозможныя комбинаціи изъ этого матеріала, тогда какъ разрушающая эти комбинаціи дѣятельность отрицательнаго подбора относительно слаба и ограничена. Но, очевидно, уже съ качественной стороны здѣсь съ самаго начала дается меньше: разнообразіе получаемыхъ извнѣ впечатлѣній менѣе значительно, потому что «непріятныя», отрицательныя воздѣйствія среды слабо представлены въ общей суммѣ впечатлѣній. Базисъ психической жизни все-таки относительно уже,—но только относительно, по сравненію съ идеальнымъ типомъ.

Творческая, комбинирующая дѣятельность психики—«фантазія», которая зависитъ, какъ мы видѣли, ближайшимъ образомъ отъ положительнаго психическаго подбора, должна развернуться очень широко, создавать непрерывно массы новыхъ и новыхъ ассоціативныхъ продуктовъ; но ихъ характеръ и жизненное значеніе уже не тѣ. Ихъ развитіе лишь слабо контролируется избирательнымъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора, который разрушаетъ всѣ менѣе устойчивыя комбинаціи, при чемъ болѣе устойчивыя сохраняются и получаютъ тѣмъ большій просторъ для дальнѣйшаго развитія. Здѣсь же сохраняются и такія комбинаціи, которыя не удержались бы въ психикѣ «нормальнаго» типа; здѣсь остается масса и комбинацій «не-реалистическихъ» и комбинацій «не-монистическихъ» (эклектическихъ, дисгармоничныхъ): общая картина психической жизни представляется такой, что «воображеніе» преобладаетъ надъ «критикой», и психическому цѣлому не хватаетъ строгой, гармоничной стройности, въ ней много «блеска» и «разносторонности», но сравнительно мало монистическаго «порядка».

Активность воли здѣсь также получаетъ однообразный от-

Digitized by Google

печатокъ. Для ея количественнаго развитія своеобразный подборъ, какъ мы видѣли, въ общемъ благопріятенъ: онъ поддерживаетъ и усиливаетъ множество комбинацій, завершающихся волевыми актами. Но именно потому, что такое завершеніе наступаетъ слишкомъ легко, что нѣтъ достаточнаго избирательнаго контроля надъ волевыми реакціями, какой въ «нормальномъ» случаѣ осуществляется интенсивнымъ отрицательнымъ подборомъ, именно поэтому волевая жизнь получаетъ окраску порывистой безсистемности. Много движенія, много дѣйствій, но переходъ отъ однихъ стремленій и намѣреній къ другимъ совершается сравнительно легко, и въ дѣятельности не замѣчается устойчиваго направленія: она также не достаточно «монистична».

Если перевѣсъ положительнаго подбора надъ отрицательнымъ становится чрезмѣрно великъ, то волевой типъ понижаеся еще въ большей мѣрѣ. Безконечная масса вновь и вновь возникающихъ непрочныхъ психическихъ комбинацій, развертывающихся въ сознаніи безъ стѣсненія и задержки, постоянно переполняющихъ поле сознанія, приноситъ съ собой такую же массу разнообразныхъ волевыхъ комплексовъ, безпорядочно тѣснящихся въ сознаніи. Понятно, что тогда эти волевые комплексы, именно въ силу своей многочисленности и коренной неустойчивости, не могутъ и не успѣваютъ перейти въ «дѣйствія», а остаются на стадіи «стремленій», и притомъ недостаточно выработанныхъ, неопредѣленныхъ стремленій. Внѣшняя активность оказывается ничтожна: воля «разслаблена», «изнѣжена», дѣятельность замѣнена «мечтательностью», «грезами чувства». Это состояніе воли выражено тѣмъ рѣзче и сильнѣе, что оно возможно вѣдь только при отсутствіи «непріятныхъ» внѣшнихъ воздѣйствій большой силы, которыя, глубоко потрясая психическую систему, вызываютъ растрату ея энергіи въ различныхъ направленіяхъ, въ томъ числѣ возбуждаютъ энергичныя волевыя реакціи (физіологически—потоки иннервацiи). Такимъ образомъ, стимуловъ активной воли гораздо меньше, а выработка полныхъ волевыхъ

Digitized by Google

реакцій невозможна благодаря слишкомъ большому количеству и неустойчивости волевыхъ комплексовъ, заполняющихъ поле психическаго опыта *).

Дѣйствіе многихъ наркотическихъ ядовъ, какъ морфій, гашишъ, алкоголь, въ «пріятной» своей фазѣ вызываетъ временно то психическое состояніе, которое при *постоянной* слабости отрицательнаго подбора превращается въ особый типъ психическаго развитія. Дѣйствіе яда устраняетъ всѣ «непріятныя» возбужденія и даетъ полный просторъ положительному подбору; получается быстрая смѣна неустойчивыхъ психическихъ комплексовъ, сопровождаемая сначала нѣкоторой безпорядочной активностью воли въ видѣ проявленій физической подвижности, говорливости и т. д., а затѣмъ — «мечтательнымъ» настроеніемъ и бездѣятельностью. Впрочемъ, дѣйствіе наркотиковъ мѣняется въ зависимости отъ различныхъ условій — но оно именно таково, какъ мы сейчасъ описали, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно наиболѣе «пріятно» **).

Итакъ, преобладаніе положительнаго подбора надъ отрицательнымъ вызываетъ отклоненіе отъ «нормальнаго» типа къ новому; этотъ послѣдній характеризуется въ общемъ преобла-

---

*) Такъ объясняется кажущееся противорѣчіе между счастьемъ, какъ источникомъ энергіи для активной воли, и счастьемъ, какъ источникомъ изнѣженности, убивающей активность воли (см. послѣднее примѣчаніе предыдущ. §).

**) Маніакальная экзальтація представляетъ патологическій случай такого крайняго преобладанія въ психикѣ положительнаго подбора, что отрицательный почти исчезаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ отступаетъ гармонизирующая тенденція, и получается картина безсвязнаго и безсистемнаго вступленія въ психическое поле все новыхъ и новыхъ переживаній, бурнымъ вихремъ переполняющихъ сознаніе и порождающихъ столь же безсвязную и безсистемную активность въ видѣ массы ненужныхъ движеній, болтовни и т. д. „Пріятное“ самочувствіе бросается въ глаза.

При настоящей „маніи“ дѣло сложнѣе—тамъ уже на почвѣ нормальнаго теченія психическаго подбора совершается глубокая общая дезорганизація системы.

Digitized by Google

даніемъ «фантазіи» надъ реалистической тенденціей, благодушнаго эклектизма — надъ монистической, относительной неустойчивостью направленія воли, а въ болѣе рѣзко выраженныхъ случаяхъ—прямо ея слабостью. Это типъ разносторонній, но менѣе глубокій, тотъ типъ, который Гейне обозначилъ какъ «эллинскій». Въ древней Греціи онъ дѣйствительно былъ довольно распространенъ (главнымъ образомъ именно въ эпоху жизненнаго maximum'а ея культуры и начинающагося упадка). Самъ Гейне — довольно типичный представитель «эллинизма» въ этомъ смыслѣ.

Въ наше время представителями такого «эллинизма» являются по преимуществу «артистическія натуры». Для творчества образовъ, для занятія искусствомъ этотъ типъ наиболѣе благопріятенъ. Но все же и здѣсь крайніе его представители обнаруживаютъ только высокую «даровитость», но не создаютъ ничего жизненно-устойчиваго, соціально-цѣннаго. Чѣмъ въ большей мѣрѣ выступаетъ на сцену отрицательный подборъ — страданія и бѣдствія и тяжелый трудъ наряду съ періодами счастія и наслажденія веселой жизнью,—тѣмъ больше возрастаютъ здѣсь шансы гармоническаго, стройнаго, истинно-художественнаго творчества, и тѣмъ больше условій для жизненной реальности самыхъ образовъ. «Даровитость» смѣняется «талантомъ»; а когда интенсивность отрицательнаго подбора приближается къ соотвѣтствію съ интенсивностью положительнаго, то при громадномъ богатствѣ жизненнаго матеріала возникаютъ условія для выработки *артистическаго генія*. Роль страданія въ развитіи истинно-гармоничнаго творчества слишкомъ хорошо извѣстна и слишкомъ часто подчеркивалась самими великими артистами, особенно поэтами. Страданіе гармонизируетъ психическую жизнь, если она богата и могуча; недаромъ страданіе налагаетъ на лицо сильныхъ людей отпечатокъ осбеннаго «благородства», которое выражаетъ собою принципіальное единство въ направленіи воли. Великое произведеніе, выстраданное геніальнымъ артистомъ —это жизненно-стройное, монистически-идеализированное во-

Digitized by Google

площеніе того бурнаго потока переживаній, который безпорядочно и неудержимо проносился въ сознаніи артиста, пока гармонизирующая сила страданія не измѣнила его формы и направленія сообразно *своимъ* законамъ. Это законы сильной жизни, которая не боится тяжелыхъ ударовъ, которая побѣждаетъ боль, которая самую смерть дѣлаетъ для себя средствомъ. Эти законы—тотъ высшій реализмъ, который называютъ «объективностью» творчества, и то высшее единство переживаемаго, которому поклоняются подъ именемъ гармоніи и красоты.

Такъ разрушительная сила жизни превращается въ творческую—тамъ, гдѣ жизь ее преодолѣваетъ.

III.

Разсмотримъ теперь другой типъ уклоненій отъ нашей «нормы»: при томъ же основномъ богатствѣ психической жизни преобладаніе *отрицательнаго* подбора, — разнообразіе воспріятій, «глубокая впечатлительность» — и много, очень много страданій, гораздо больше, чѣмъ наслажденія и счастія. Въ нашемъ мірѣ, полномъ борьбы и противорѣчій, такое сочетаніе условій встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ обратный случай, только-что разсмотрѣнный нами; и однако чистый типъ, соотвѣтствующій этому случаю, встрѣчается рѣже. Почему такъ —объяснить очень нетрудно.

Страданіе — разрушительная сила: въ немъ выражается пониженіе энергіи системы, уменьшеніе жизни; это — частичная смерть. Поэтому систематическій перевѣсъ страданія надъ удовольствіемъ повидимому, долженъ всегда вести къ упадку системы, къ ея деградаціи, а затѣмъ гибели. Это такъ бы и было, если бы *всѣ* измѣненія психической системы протекали въ сферѣ сознанія; тогда непосредственный психическій опытъ прямо указывалъ бы человѣку, въ какую сторону направляется его жизненный процессъ, въ сторону развитія или разрушенія. Но сознаніе соотвѣтствуетъ только *главной* координаціи

Digitized by Google

измѣненій психики; а въ нее входятъ далеко не всѣ «непосредственныя переживанія», и даже не большая ихъ часть. Какъ мы выяснили, за предѣлами психическаго опыта, въ жизненной связи съ главной координаціей существуетъ масса другихъ, болѣе мелкихъ группировокъ, въ которыхъ и протекаетъ наибольшая часть непосредственныхъ переживаній данной системы. За сознаніемъ скрывается «безсознательное», точнѣе — «внѣсознательное», потому что форма организаціи этихъ группировокъ та же, именно ассоціативная, и если онѣ не «сознаются», то по той же причинѣ, по которой человѣкъ не можетъ непосредственно «сознавать» переживаній другого человѣка—по причинѣ относительной самостоятельности этихъ группировокъ *). Такимъ образомъ, психическій организмъ гораздо шире, чѣмъ область сознанія, — «переживается» гораздо больше, чѣмъ «сознается».

Очевидно, что «за предѣлами сознанія» можетъ просходить накопленіе энергіи въ то самое время, какъ въ сферѣ сознанія — ея растрата; и тогда, не смотря на то, что въ сознаніи преобладаетъ окраска отрицательнаго подбора — страданіе, — психика въ цѣломъ можетъ не приходить въ упадокъ, а развиваться, и даже не только качественно — въ смыслѣ стройности и единства, но и количественно—въ смыслѣ богатства содержанія. Тогда и получится тотъ типъ психическаго развитія, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить. Но естественно, что такъ бываетъ далеко не всегда, и даже скорѣе лишь въ меньшинствѣ случаевъ. Гораздо чаще растрата жизни, происходящая въ сферѣ сознанія, не вознаграждается ея стихійнымъ ростомъ за его предѣлами; и страданія истощаютъ психику, ведутъ ее къ деградаціи—жизнь разбивается.

Пусть передъ нами могучая натура, полная стихійныхъ силъ жизни, способная развиваться сквозь массу страданій,

---

*) Попытку „объясненія" этой жизненной самостоятельности я далъ въ статьѣ „Universum" сборникъ „Эмпиріомонизмъ", Москва, 1904 г.

Digitized by Google

вновь и вновь почерпающая изъ темной глубины внѣсознательнаго ту энергію, которую уносятъ отъ нея жестокія воздѣйствія «внѣшняго міра». Тяжелый молотъ страданія дробитъ и уничтожаетъ все, что есть въ этой психикѣ слабаго, непрочнаго, мелкаго. Въ какую же форму она тогда выковывается?

Въ «идеальной» психикѣ, судьба которой одинаково полна счастія и горя, наслажденій и боли, — страданія приносятъ съ собой двойную тенденцію жизни, реалистическую и монистическую: разбивая все неустойчивое и дисгармоничное, они не въ силахъ подорвать ни тѣхъ жизненныхъ комбинацій, которыя имѣютъ опору въ повторяющихся вліяніяхъ среды, ни тѣхъ, которыя, будучи сами по себѣ гармонически-цѣлостны, въ то же время гармонически сплетаются со множествомъ другихъ, прочныхъ и устойчивыхъ комбинацій. Но получится ли то же самое при измѣненныхъ условіяхъ—когда жизнь даетъ гораздо больше страданій, когда могучую психику систематически преслѣдуетъ судьба?

Злая судьба—это внѣшнія силы, это среда, это «реальность». Реалистическіе образы, прочность которыхъ зависитъ отъ ихъ «реальной» основы — повторяющихся воздѣйствій среды, — окрашиваются въ громадномъ большинствѣ интенсивно-мрачнымъ цвѣтомъ: *противъ нихъ* направляется отрицательный подборъ гораздо интенсивнѣе, чѣмъ при болѣе «справедливой» судьбѣ, и онъ подрываетъ ихъ жизненное значеніе въ общей системѣ психики. Они не устраняются: *этого* отрицательный подборъ, вообще говоря, сдѣлать не въ силахъ, разъ дѣло идетъ о такихъ образахъ, въ которыхъ отражаются вновь и вновь повторяющіеся вліянія среды; но они *блѣднѣютъ*, и не въ нихъ концентрируется жизнь сознанія. Наибольшую роль въ психическомъ творчествѣ играютъ тѣ немногіе «реалистическіе» комплексы, которые окрашиваются не отрицательнымъ, а положительнымъ аффекціоналомъ (намеки самой жизни на счастье), и еще больше—тѣ производныя отъ «реальныхъ» комбинацій, которыя сами не

Digitized by Google

«реальны», т. е. *не имѣютъ себѣ прямой опоры во внѣшней средѣ*, но постоянно сопровождаются положительнымъ аффекціоналомъ (идеальныя картины счастія). Это налагаетъ на все развитіе психики тотъ своеобразный отпечатокъ, который характеризуется словомъ «утопизмъ». Утопизмъ есть не простая «мечтательность» и не простое «фантазированіе»: мечтатель и фантастъ отличаются богатствомъ и неустойчивостью возникающихъ психическихъ комбинацій, при чемъ у перваго они болѣе блѣдны, у второго—болѣе ярки; у «утописта» продукты творчества немногочисленны, но очень устойчивы, потому что преобладаніе отрицательнаго подбора не допускаетъ «легкой игры фантазіи», и разрушаетъ наибольшую часть ея результатовъ.

Такимъ образомъ, крайнее преобладаніе отрицательнаго подбора порождаетъ не реалистическую, а до извѣстной степени противоположную ей, *утопическую* тенденцію въ развитіи психики.

Зато *монистическая* тенденція бываетъ при этомъ выражена въ полной мѣрѣ. Разрушительное дѣйствіе отрицательнаго подбора могутъ выдержать только тѣсно сплоченныя, стройныя, чуждыя всякихъ внутреннихъ противорѣчій комбинацій; всякія дисгармоничныя связи и отношенія устраняются, и психически цѣлое выступаетъ, въ результатѣ такого развитія, какъ строго цѣлостная система *). Все психическое содержаніе послѣдовательно группируется въ одномъ направленіи, все тѣсно связывается и охватывается одною могучей идеей, на которой концентрируется вся энергія жизни.

---

*) Въ сферѣ познанія ассоціаціи по сходству (формы обобщенія) въ общемъ, какъ мы видѣли, *болѣе* основаны на гармоніи объединяемыхъ переживаній. чѣмъ ассоціаціи по различію (формы различенія), въ которыхъ играетъ извѣстную роль *конкурренція* переживаній. И характерно, что въ разсматриваемомъ нами психическомъ типѣ первый типъ ассоціаціи рѣшительно преобладаетъ надъ вторымъ: *общему* въ явленіяхъ придается наибольшее значеніе, *различія* сравнительно слабо воспринимаются.

Digitized by Google

Активность воли при этомъ не можетъ быть экстенсивною—отрицательный подборъ не допускаетъ развиться множеству разнообразныхъ волевыхъ импульсовъ; но зато она отличается большой интенсивностью и неуклонной послѣдовательностью, строгимъ единствомъ направленія. Единство это вытекаетъ изъ той же «монистичности» строенія психическаго организма, при которой волевыя реакціи, связанныя съ основными, тѣсно объединенными между собою группами переживаній, не встрѣчаютъ себѣ никакой конкурренціи со стороны иныхъ реакцій, такъ какъ тѣ быстро подавляются отрицательнымъ подборомъ; интенсивность же волевой жизни зависитъ частью отъ этого же единства, отъ слабости конкурренціи между волевыми комплексами, частью отъ большой энергіи переживаній данной психики вообще: сильныя страданія означаютъ энергичныя, во всякомъ случаѣ, воздѣйствія среды, глубокія потрясенія психической системы, а стало быть и интенсивныя отвѣтныя воздѣйствія на эту самую среду, большую растрату энергіи на волевыя импульсы...

Итакъ, вотъ основныя черты этого третьяго типа психическаго развитія: *утопизмъ*, строгая *послѣдовательность* мышленія и воли, неуклонная *активность* въ жизненной борьбѣ. Это типъ «іудея», какимъ его рисуетъ Гейне. Дѣйствительно, среди еврейской расы, съ ея поразительной жизнеспособностью и мучительной исторической судьбой, этотъ типъ встрѣчается чаще, чѣмъ гдѣ-либо; это типъ вѣтхозавѣтныхъ пророковъ, а также позднѣйшихъ узкихъ и суровыхъ учителей и вождей этого племени. Но и среди другихъ націй къ этому типу принадлежали многіе изъ великихъ борцовъ за идею, сильныхъ своей непреклонной послѣдовательностью. Одинъ изъ самыхъ чистыхъ и законченныхъ его представителей—это нашъ протопопъ Аввакумъ. Его ужасная біографія ставитъ передъ нами загадку о томъ, какъ изъ непрерывной цѣпи невѣроятныхъ страданій возникаетъ гигантская сила желѣзной воли, абсолютно неспособной себѣ измѣнить ни при какихъ условіяхъ. Наша точка зрѣнія разъясняетъ эту

Digitized by Google

загадку—загадку жизни всѣхъ великихъ аскетовъ и пламенныхъ фанатиковъ одной идеи.

Трудно сказать, кто больше далъ для развитія и силы человѣчества, свѣтлые ли, жизнерадостные «эллины», представители переливающейся черезъ край полноты жизни, или суровые моноидеисты «іудеи», представители той принципіальной гармоніи жизни, которая выражается въ ея стихійной цѣльности, во всепобѣждающей *вѣрности себѣ* *).

IV.

Всѣ три до сихъ поръ разсмотрѣнные нами типа психическаго развитія представляютъ изъ себя *предѣльныя величины* въ томъ смыслѣ, что предполагаютъ наибольшій и по количеству и по разнообразію матеріалъ переживаній, какой только исторически возможенъ, а также равномѣрно или неравномѣрно, но всегда *съ наибольшей интенсивностью* дѣйствующій психическій подборъ. Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ болѣе, такъ сказать, обыденнымъ типамъ психическаго развитія, къ типамъ, отстоящимъ дальше отъ maximum'а жизни сознанія.

Итакъ, пусть у насъ остается только одко изъ двухъ условій maximum, именно, наибольшая возможная интенсивность психическаго подбора—человѣкъ глубоко и сильно «чувствуетъ» все, что переживаетъ. Матеріалъ же опыта количественно ниже maximum—здѣсь можно представить рядъ нисходящихъ ступеней общей величины этого матеріала; качественно онъ, положимъ, какъ въ прежнихъ примѣрахъ разнообразенъ и разностороненъ, захватывая всѣ области непосредственнаго чувственнаго опыта и опыта косвеннаго, переданнаго въ соціальномъ общеніи; впечатлѣнія разнообразны,

*) Въ литературѣ этотъ типъ всего ярче представленъ „Брандомъ“ Ибсена.

Digitized by Google

и не только разнообразны, но также интенсивны: цвѣта, тона, запахи и т. д. воспринимаются ясно и выступаютъ ярко въ сознаніи; только богатство впечатлѣній не такъ велико, какъ въ «идеальныхъ» случаяхъ. Тогда интенсивный психическій подборъ создаетъ рядъ типовъ, весьма аналогичныхъ тремъ предыдущимъ, можно сказать—имъ параллельныхъ, но лежащихъ въ иной, ниже проходящей плоскости. Это типы болѣе «простые».

Психическое творчество, организующее данный матеріалъ переживаній, здѣсь въ силу большей узкости своего базиса не можетъ простираться ни такъ широко, ни такъ далеко, какъ въ высшихъ типахъ. Представитель гармонически-уравновѣшенной дѣятельности психическаго подбора не явится здѣсь великимъ монистическимъ организаторомъ всеобщаго опыта своей эпохи, потому что психика его не охватываетъ этого опыта; но всѣ основныя тенденціи «нормальнаго» типа найдутъ въ этой психикѣ полное выраженіе. Это будетъ реалистъ съ яснымъ взглядомъ на жизнь, человѣкъ легко и свободно подводящій итоги своему опыту и умѣющій сдѣлать изъ него жизненно-вѣрные выводы; человѣкъ, активная воля котораго разумно и послѣдовательно воздѣйствуетъ на внѣшній міръ, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами, которые онъ для себя выработалъ самъ или усвоилъ отъ другихъ. Если это образованный, развитой человѣкъ, то онъ можетъ оказаться талантливымъ и мужественнымъ, но всегда чуждымъ односторонности и узости борцомъ за идею, которую онъ принялъ, какъ руководящій принципъ своей жизни; или же онъ проявитъ себя только неизмѣнной корректностью и благородствомъ въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, съ которыми столкнетъ его жизнь: англійскіе романисты часто рисуютъ такой типъ «современнаго джентльмена». Если сумма его развитія, по обстоятельствамъ жизни, окажется невысока, то это будетъ одинъ изъ тѣхъ «простыхъ» людей, которые поражаютъ насъ внутренней гармоніей своего психическаго склада, философски яснымъ и твердымъ отношеніемъ къ жизни. Такіе

Digitized by Google

люди, близкіе къ массамъ по условіямъ жизни и матеріалу опыта, въ критическіе моменты исторіи нерѣдко оказываются «героями» и увлекаютъ за собою «толпу», которая въ нихъ находитъ ближайшихъ и наиболѣе непосредственныхъ выразителей своихъ потребностей и стремленій, которая невольно довѣряетъ здоровой и сильной логикѣ ихъ словъ и дѣйствій. Мнѣ кажется, что напр. Георгъ Вашингтонъ—человѣкъ отнюдь не «генія»—принадлежалъ именно къ этому типу людей; таковы же, мнѣ кажется, Гладстонъ, Авраамъ Линкольнъ... Въ наше время всего больше представителей этого типа можно найти среди англо-саксонской расы; въ древнемъ мірѣ ихъ было много среди вождей римскаго народа—до эпохи его упадка.

Благородный типъ гейневскаго «эллина» гораздо больше теряетъ въ своей красотѣ и величіи, какъ только первичный матеріалъ его психической жизни удаляется отъ maximum. Блескъ живого, огненнаго творчества исчезаетъ; свѣтлая жизнерадостная игра фантазіи теряетъ то широкое жизненное значеніе, какое имѣетъ она тогда, когда въ основѣ ея лежитъ максимальный опытъ, общечеловѣческій по своему содержанію. Утрачивая широту и глубину, эта игра фантазіи становится «поверхностной» и «легкомысленной»; ея типическую форму представляетъ въ этомъ случаѣ такъ называемое «остроуміе» свѣтскихъ разговоровъ и пріятельскихъ бесѣдъ между благодушными алкоголиками. Эклектизмъ здѣсь въ общемъ еще значительнѣе, чѣмъ у представителей благородно-эллинскаго типа, потому что опытъ менѣе широкій и полный уже самъ по себѣ болѣе разрозненъ и прерывистъ по содержанію, такъ что труднѣе поддается организующей тенденціи, даже когда она болѣе сильна, чѣмъ въ данномъ рядѣ случаевъ. Объ опредѣленномъ и устойчивомъ направленіи воли, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь люди живутъ «минутой», и постоянны, обыкновенно, только въ измѣнчивости. Степени проявленія всѣхъ этихъ тенденцій зависятъ, конечно, отъ того, въ какой мѣрѣ положительный подборъ преобладаетъ надъ отрицательнымъ; а большее или меньшее богатство первич-

Digitized by Google

наго содержанія, даваемаго внѣшними впечатлѣніями, обусловливаетъ различные оттѣнки этого типа, отъ артистическихъ натуръ (съ диллетантскимъ оттѣнкомъ вслѣдствіе слабости творчества) до банальныхъ бонвивановъ (обыкновенно, съ развратнымъ оттѣнкомъ, въ родѣ «золотой молодежи»).

Представителей подобнаго типа всего больше бываетъ среди паразитическихъ классовъ общества, въ началѣ ихъ вырожденія, и понятно почему. Паразитизмъ обезпечиваетъ богатство пріятныхъ впечатлѣній, но суживаетъ сферу жизни вообще, исключая изъ нея полезный трудъ и общеніе съ другими классами, живущими болѣе активной и полной жизнью. Такимъ образомъ, для эллинскато типа психика оказывается слишкомъ бѣдна; она слишкомъ мелко-жизнерадостна. Но и такой она остается только на раннихъ ступеняхъ вырожденія: дальше, съ пониженіемъ общей энергіи психики, всѣ переживанія становятся все менѣе глубоки, психическій подборъ, и положительный и отрицательный, все болѣе слабымъ; совершается переходъ къ еще низшему типу, о которомъ намъ придется еще говорить въ дальнѣйшемъ.

Теперь, во что же превращается благородный «іудейскій» типъ, когда при той же глубинѣ и силѣ аффекціональной жизни у него отнимается широкій базисъ громаднаго богатства первичныхъ переживаній? Получается тоже «іудей», но гораздо болѣе узкій, ограниченный, консервативный. Организующая тенденція имѣетъ здѣсь для себя слишкомъ мало матеріала и матеріалъ относительно разрозненный, такъ что самостоятельно создать стройную монистическую систему здѣсь она, вообще говоря, не можетъ; но въ общеніи съ другими людьми представители даннаго типа нерѣдко находятъ готовыя, достаточно гармонирующія съ ихъ личнымъ опытомъ системы, и тогда усваиваютъ эти системы въ высшей степени глубоко и надежно. Это бываютъ фанатики принятой догмы, неудержимо послѣдовательные въ своемъ фанатизмѣ, безпощадные къ себѣ и другимъ,—прекрасныя орудія въ рукахъ организаторовъ—людей высшихъ типовъ.

Digitized by Google

Католическая церковь въ своихъ монастыряхъ систематически подготовляла такія орудія, планомѣрно создавая всѣ условія для выработки даннаго типа: стѣны монастыря служили средствомъ сузить область опыта, матеріалъ первичныхъ переживаній; посты, послушанія, наказанія и всякое «умерщвленіе плоти» гарантировали преобладаніе отрицательнаго подбора надъ положительнымъ. Оставалось дать мрачную, но цѣльную догму—и тупые изувѣры были готовы, и инквизиціи было изъ чего выбирать. Въ еврейской націи распространенность этого типа вытекаетъ изъ историческихъ судебъ еврейскаго народа: обособленіе отъ окружающей христіанской среды обусловливало относительную узость опыта, а всевозможныя притѣсненія и преслѣдованія со стороны этой же среды—относительный перевѣсъ страданій и горя надъ радостями жизни *).

Разсмотрѣнная нами вторая группа типовъ, какъ мы уже указывали, параллельна первой; это какъ бы уменьшенныя и недоразвитыя варіаціи отъ первой группы. Та относительная

---

*) Психоневрозъ „меланхолія“ представляютъ крайній случай преобладанія отрицательнаго подбора при крайне бѣдномъ содержаніи переживаемаго. Страшно интенсивный отрицательный подборъ устраняетъ изъ сознанія или до крайности ослабляетъ всѣ переживанія, кромѣ тѣхъ, которыя вновь и вновь вызываются внѣшними для сознанія органическими причинами (судорожное состояніе сосудодвигательной системы). Эти мучительныя переживанія заполняютъ поле сознанія и влекутъ за собой свои ассоціаціи, легко понять—какія. Вѣдь раньше тѣ же состоянія сосудодвигательной системы выступали при тягостныхъ эмоціяхъ—тоски, страха, стыда—въ связи съ соотвѣтственными образами чего-нибудь печальнаго, ужаснаго, позорнаго. Вотъ эти образы и выступаютъ въ сознаніе безъ конкурренціи и налагаютъ свою печать на высказыванья меланхолика (грусть, презрѣніе къ себѣ, самоотрицаніе). Активность въ общемъ чрезвычайно подавлена, только иногда мучительная эмоція вызываетъ такую сильную волевую реакцію, что ее не въ силахъ подавить отрицательный подборъ, и она бываетъ тогда неудержима (raptus mel.).

Digitized by Google

узость опыта, которая обусловливаетъ это «уменьшеніе» и «недоразвитіе», можетъ, конечно, зависѣть иногда отъ такъ наз. «органическихъ причинъ», каковы, напр., наслѣдственное несовершенство органовъ воспріятія, наслѣдственно полученные инстинкты или очень рано развившіяся привычки, направленныя къ суженію и ограниченію сферы воспринимаемаго и т. д. Но гораздо чаще все зависитъ отъ непосредственной среды, именно «технической» и «соціальной». Мыслимо ли, чтобы изъ крестьянскаго ребенка развился какой-нибудь высшій типъ психической жизни, когда весь матеріалъ его опыта ограничивается нѣсколькими квадратными верстами пространства, и традиціоннымъ мышленіемъ окружающихъ? И сколько возможныхъ зародышей высшей жизни губитъ фатальная узость и бѣдность женскаго воспитанія? Тутъ человѣчеству есть съ чѣмъ бороться, тутъ ему предстоятъ великія побѣды.

V.

Переходимъ къ дальнѣйшимъ варіаціямъ въ характерѣ и направленіи психическаго развитія. Пусть интенсивность психическаго подбора не maximum, какъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, а иная, меньшая величина: аффекціональная жизнь менѣе глубока, переживанія не такъ сильно затрогиваютъ психику, и радости и страданія сознаются менѣе живо и энергично. Это—болѣе «обыденныя» натуры, съ болѣе «блѣднымъ» существованіемъ.

Изъ числа логически мыслимыхъ комбинацій здѣсь можно заранѣе исключить всѣ тѣ, которыя включаютъ maximum первичныхъ, непосредственныхъ переживаній — наибольшее возможное богатство «впечатлѣній». Такія комбинаціи жизненно-невозможны, изъ нихъ не можетъ получиться особыхъ типовъ психическаго развитія. Maximum переживаній только тогда получаетъ сколько-нубудь организованную, цѣльную фор-

Digitized by Google

му, когда организующій процессъ — психическій подборъ — совершается съ большой интенсивностью, максимальной или близкой къ maximum; иначе получится нѣчто неорганизованное, противорѣчивое, своего рода психическій хаосъ, который, конечно, не есть вообще какой-либо типъ психическаго развитія, потому что не есть органически-жизнеспособное цѣлое. Такимъ образомъ дѣло сводится къ тѣмъ варіаціямъ, которыя отклоняются отъ maximum не только по интенсивности психическаго подбора, но и по суммѣ матеріала переживаній.

Итакъ, относительно небогатый, но, какъ мы пока принимаемъ, разнообразный и разносторонній матеріалъ опыта, и относительно невысокій аффекціоналъ переживаній. Нѣкоторыя отрицательныя характеристики, вытекающія изъ этихъ условій, очевидны сразу, сами собой: это отсутствіе живого творчества фантазіи и сильной, неуклонной воли; первое, какъ мы видѣли предполагаетъ интенсивный положительный, а второе—интенсивный отрицательный подборъ, которыхъ здѣсь не имѣется. Далѣе, психическое развитіе вообще здѣсь можетъ совершаться только медленно и вяло, потому что факторы этого развитія слабы; психика въ цѣломъ консервативна, но это не значитъ, чтобы входящіе въ нее комплексы и комбинаціи отличались прочностью. Въ психикахъ высшихъ типовъ прочность психическихъ формъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ широты и неразрывности ихъ ассоціативныхъ связей съ другими сложившимися психическими формами, а затѣмъ уже, въ меньшей мѣрѣ, отъ *прямой* и *непосредственной* связи съ повторяющимися воздѣйствіями среды *). Здѣсь же дѣло обстоитъ иначе.

---

*) Въ *конечномъ счетѣ, всякая* психическая форма является жизненно прочной именно постольку, поскольку находится въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ наиболѣе повторяющимися вліяніями среды (см. въ „Критикѣ чистаго опыта“ Авенаріуса главы о „Multiponiblen“). Но эта гармоническая связь въ психикѣ высшаго типа можетъ быть *косвенной*, и она всегда такова именно для высшихъ, монистически-организующихъ формъ (широкія обобщенія, напр.).

Digitized by Google

Ассоціативныя связи создаются психическимъ подборомъ; и тамъ, гдѣ онъ относительно слабъ, онѣ ограничиваются въ своемъ развитіи, не достигаютъ ни большой широты, ни особенной устойчивости. Поэтому большинство наиболѣе прочныхъ психическихъ комплексовъ въ подобной психикѣ бываетъ обязано своей прочностью не ассоціативнымъ связямъ, а именно повторяющимся воздѣйствіямъ среды; это неустойчивость, выработанная суммированіемъ результатовъ слабаго психическаго подбора въ длинномъ рядѣ извнѣ обусловленныхъ повтореній комплекса, это устойчивость *привычки*. Преобладающая роль привычныхъ психическихъ образовъ и актовъ — основная характеристика даннаго типа развитія.

Слабость положительнаго подбора и творчества фантазіи въ связи съ особеннымъ значеніемъ для такой психики прямыхъ и ближайшихъ вліяній среды обусловливаетъ *мелкій реализмъ;* а слабость отрицательнаго подбора и разрушающей критики въ связи съ узостью и неполнотой опыта вообще—*мелкій утопизмъ;* пошлая трезвенность и множество невысокихъ иллюзій, узкій практицизмъ и теоретическая наивность какъ нельзя лучше уживаются между собою.

Монистическая тенденція здѣсь не только имѣетъ для себя неблагопріятный матеріалъ въ видѣ недостаточнаго, неполнаго и потому сравнительно разрозненнаго опыта,—но и помимо того проявляется въ ослабленной степени, такъ какъ она всецѣло — результатъ психическаго подбора. Такимъ образомъ, *эклектизмъ* выступаетъ въ самыхъ очевидныхъ и наивныхъ формахъ: голова филистера, по словамъ Гейне, заключаетъ въ себѣ множество отдѣльныхъ ящичковъ, не сообщающихся между собою и содержащихъ въ себѣ каждый особую отрасль познавательныхъ матеріаловъ и практическихъ нормъ; каждый ящичекъ по мѣрѣ надобности отпирается, а затѣмъ снова запирается, и отпирается уже другой; нравственность такого филистера лежитъ совершенно отдѣльно отъ тѣхъ дѣловыхъ правилъ, которыми онъ руководится въ торговлѣ, семейныя добродѣтели отдѣльно отъ развратныхъ стремленій и привы-

Digitized by Google

чекъ, теорія отдѣльно отъ практики и т. д. *). Эту характерную безсвязность психической структуры особенно легко наблюдать, слушая оживленный разговоръ женщинъ мѣщанскаго типа: быстро переходя отъ одного предмета къ другому, онѣ ежеминутно мѣняютъ свои предпосылки, явно себѣ противорѣча и совершенно не замѣчая этого.

Въ зависимости отъ того, какая сторона психическаго подбора преобладаетъ, положительная или отрицательная, и насколько, получаются также различные оттѣнки филистерскаго типа, болѣе оживленный, въ которомъ безхарактерность достигаетъ высшей степени, и болѣе суровый, съ оттѣнкомъ тупого упрямства—каррикатурныя параллели къ «эллину» и «іудею». Но вообще типъ этотъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, это выраженіе либо медленныхъ и вялыхъ процессовъ личнаго и классоваго развитія, либо выраженіе декаданса. Застойныя и вырождающіяся паразитическія группы общества доставляютъ его въ изобиліи. Въ застойныхъ группахъ преобладаетъ типъ болѣе опредѣленный, болѣе выработанный, болѣе уравновѣшенный—«мѣщанинъ», «обыватель»; въ группахъ деградирующихъ картина осложняется дезорганизаціей наличнаго психическаго матеріала, неустойчивостью, неуравновѣшенностью, импульсивностью, только безъ энергіи; зависитъ это отъ того, что матеріалъ жизни, данный предыдущими фазами, оказывается слишкомъ великъ и разнороденъ для слабой организующей тенденціи, порождаемой слабымъ подборомъ. Тутъ передъ нами выступаетъ дряблый, но мечущійся изъ стороны въ сторону въ «исканіяхъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ» типъ декадента. Но это уже не типъ развитія, и не типъ равновѣсія, а типъ деградаціи; это нѣчто близкое къ тѣмъ жизнеспособнымъ комбинаціямъ, на которыя мы указали въ началѣ этого параграфа.

Филистеръ и декадентъ—преобладающія фигуры реакціонныхъ классовъ и теченій.

---

*) Передаю мысль Гейне не въ точныхъ его выраженіяхъ, потому что случайно не имѣю подъ рукой книги; но ручаюсь за вѣрность передачи по существу.

Digitized by Google

VI.

Перейдемъ теперь къ такимъ варіаціямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ неравномѣрно-разносторонній, богатый или бѣдный, матеріалъ опыта, а *односторонне-суженный*, какъ это бываетъ особенно при различныхъ формахъ *спеціализаціи*. Мы имѣемъ въ виду не только спеціализацію техническаго или научнаго труда, но вообще всѣ тѣ случаи, когда по какимъ бы то ни было причинамъ область переживанія развертывается неравномѣрно, расширяясь особенно въ сторону одной какой-либо группы взаимно-связанныхъ, до извѣстной степени однородныхъ комплексовъ опыта, соотвѣтственно суживаясь въ другихъ направленіяхъ. Въ томъ смыслѣ, напр., житель полярной страны окажется односторонне-развитымъ по сравненію съ человѣкомъ изъ умѣреннаго пояса, потому что у перваго непропорціонально большое мѣсто среди жизненнаго матеріала занимаютъ переживанія, связанныя съ «зимой», «холодомъ» и т. д., тогда какъ область переживаній, относящихся къ «лѣту», «теплу» и т. д., соотвѣтственно уменьшена. Указывая это, я имѣю въ виду лишній разъ подчеркнуть *относительный* характеръ тѣхъ понятій, которыя примѣняются въ этомъ анализѣ: никакой абсолютной мѣры для maximum и minimum переживаній, для наибольшей и наименьшей интенсивности психическаго подбора, для широты и узости опыта мы не можемъ пока установить; а когда употребляемъ эти термины, то подразумѣваемъ лишь относительныя величины, и тенденціи, связанныя съ ихъ измѣненіемъ въ ту или другую сторону.

Итакъ, передъ нами психика съ односторонне-развивающимся содержаніемъ, психика, напр., спеціализированнаго мануфактурнаго работника, или ученаго узкаго спеціалиста. Такъ какъ психическій подборъ не создаетъ ничего принципіально новаго, а только обрабатываетъ *данный* ему мате-

Digitized by Google

ріалъ, то и его работа оказывается здѣсь фактически односторонне-направленной, — въ наибольшей мѣрѣ въ сторону организаціи тѣхъ *спеціальныхъ* переживаній, которыя преобладаютъ въ данной системѣ опыта. Переживанія эти, какъ мы указали, сравнительно однородны и уже съ самаго начала взаимно-близки въ потокѣ опыта, кромѣ того, представлены въ психикѣ съ большой сравнительно полнотой, гораздо менѣе разрозненно, чѣмъ другія сферы опыта; слѣдовательно процессъ организаціи происходитъ здѣсь при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, и легко создается относительно стройная и цѣлостная система ассоціацій; на низшихъ ступеняхъ развитія это, главнымъ образомъ, тѣсныя ассоціаціи по смежности, въ которыхъ выражается такъ называемое «непосредственное» ознакомленіе психики съ данной областью опыта; на болѣе высокихъ ступеняхъ—прогрессивный рядъ ассоціацій по сходству и различію (формъ обобщенія и различенія), такъ назыв. «систематическое» познаніе данной области, которое можетъ оказаться въ большей или меньшей степени «монистичнымъ», т.-е. законченно-объединеннымъ. Но все это только въ данной «спеціально» области опыта: а въ другихъ не то.

Тамъ содержаніе опыта болѣе бѣдно и болѣе отрывочно; тамъ организующая тенденція находитъ для себя гораздо менѣе благопріятныя условія. Поэтому, если интенсивность психическаго подбора, особенно отрицательнаго, вообще не очень велика, то за предѣлами «спеціальности» господствуетъ безсвязность и эклектизмъ, что сближаетъ этотъ типъ съ «филистерскимъ». Особенно ясно выступаетъ такая черта въ представителяхъ «гелертерства» и «книгоѣдства», которые, живя довольно интенсивной жизнью въ одной узкой сферѣ, во всѣхъ остальныхъ поражаютъ блѣдностью и безцвѣтностью своей психики, и дѣтскостью формъ мышленія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда психическій подборъ особенно интенсивенъ, а слѣдовательно организующая тенденція особенно сильна, дѣло происходитъ иначе. Тогда развитіе въ монистическомъ направленіи совершается, несмотря ни на что,

Digitized by Google

но въ особой формѣ. Переживанія, относящіяся къ сферѣ «спеціализаціи» тогда, конечно, хорошо организованы, координированы въ стройную систему ассоціацій. Но, играя преобладающую роль въ данной области, переживанія эти проходятъ черезъ большую часть полей сознанія, при чемъ встрѣчаются съ переживаніями другихъ областей, сравнительно мало систематизированными. Такія встрѣчи при интенсивномъ психическомъ подборѣ ведутъ къ образованію болѣе или менѣе прочныхъ ассоціативныхъ связей между тѣми и другими переживаніями. Вначалѣ это, разумѣется, ассоціаціи только по смежности; но психическій подборъ, устраняя дисгармоничные и противорѣчивые элементы изъ комплексовъ, входящихъ въ такія ассоціаціи, преобразуетъ ихъ въ такомъ направленіи, что между ними оказывается все больше соотвѣтствія, и изъ нихъ получаются уже высшія ассоціаціи—по сходству и затѣмъ по различію. При этомъ болѣе разрозненный матеріалъ изъ самыхъ различныхъ областей опыта, такъ сказать, включается въ сложившіяся, организованныя формы жизненно главной области «спеціальнаго»; психическій подборъ *приспособляетъ* его къ этимъ формамъ, такъ какъ приспособляетъ вообще комплексы опыта одни къ другимъ, а въ данномъ случаѣ, естественно, въ большей мѣрѣ—комплексы менѣе выработанные и опредѣленные къ болѣе выработаннымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ обратно. Тогда вся жизнь, весь опытъ довольно монистично представляются и мыслятся въ тѣхъ формахъ, которыя выработаны въ «спеціальной» области.

Примѣры такой организаціи опыта можно встрѣтить на каждомъ шагу. Торговецъ совершенно невольно всю человѣческую жизнь разсматриваетъ со своей специфически-мѣновой точки зрѣнія, такъ что въ каждомъ дѣйствіи человѣка видитъ элементъ расчета на вознагражденіе, въ проявленіи альтруизма — покупку благодарности, въ героической борьбѣ— покупку славы и т. д. И это отнюдь не метафоры только *).

*) Систематическое употребленіе метафоръ изъ своей „спе-

Digitized by Google

Іеремія Бентамъ, воспитывавшійся въ торговой атмосферѣ развивавшагося капитализма Англіи, даже систематизировалъ эту «спеціальную» точку зрѣнія, и создалъ цѣлую практическую философію, построенную въ сущности, на мѣновомъ идеалѣ возможно выгодной сдѣлки съ реальностью жизни.— Точно такъ же работникъ, проводящій все свое трудовое время при машинахъ, естественнымъ образомъ бываетъ склоненъ къ механически-матеріалистическому міровоззрѣнію, которое укладываетъ всякую реальность въ рамки отношеній однородныхъ съ отношеніями частей механизма, и такова же въ массѣ случаевъ точка зрѣнія инженера, даже капиталиста, который еще близокъ къ своей фабрикѣ и проводитъ значительную часть времени среди своихъ машинъ. Юристъ, спеціальный опытъ котораго организуется въ системѣ принудительныхъ нормъ, обыкновенно и нормы собственно-научнаго познанія— «законы природы»—представляетъ себя по типу формъ принужденія, и напр., причинную связь явленій склоненъ понимать, какъ особую принудительную силу, какъ стѣснительную для «свободы» необходимость. Такихъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно; и если не всегда, а только въ рѣдкихъ случаяхъ *все* мышленіе спеціалиста монистически организуется въ формахъ, выработанныхъ его спеціальностью, то нѣкоторый ея «отпечатокъ» оно носитъ всегда во всѣхъ областяхъ; а этотъ отпечатокъ и выражаетъ начальныя степени осуществленія указанной нами тенденціи.

Организація всей суммы личнаго опыта въ формахъ опыта спеціальнаго можетъ иногда оказываться въ высшей степени жизненно-прогрессивной, въ другихъ случаяхъ, напротивъ, регрессивнымъ явленіемъ; но вообще, очевидно, она не въ

ціальной“ области, характерное для всѣхъ „спеціалистовъ“, есть уже само по себѣ выраженіе процесса организаціи всего опыта въ формахъ опыта спеціальнаго. Ибо слово и понятіе нераздѣльны, и метафора вноситъ новую окраску въ то понятіе, къ которому она примѣнена. См. „Философію мысли“, М. Мюллера.

Digitized by Google

силахъ дать maximum организованности опыта, а можетъ послужить только ступенью къ этому maximum. Классовое разъединеніе общества означаетъ извѣстную «спеціализацію» опыта въ нашемъ смыслѣ; и потому есть всѣ основанія думать, что ни одно изъ современныхъ классовыхъ міровоззрѣній не будетъ достаточно широко для будущаго не классоваго общества; но во всякомъ случаѣ міровоззрѣніе будущаго должно возникнуть изъ психологіи наиболѣе прогрессивнаго класса нашего времени, который для своей быстро расширяющейся жизни необходимо долженъ создавать наиболѣе гибкія, наиболѣе пластичныя, наиболѣе способныя къ развитію формы объединенія опыта.

Что касается характера волевой жизни при условіяхъ спеціализаціи, то здѣсь выводы понятны сами собою. Чѣмъ большей организованностью отличается «спеціальный» опытъ, тѣмъ больше послѣдовательности и цѣльности обнаруживается въ направленіи воли, поскольку она имѣетъ отношеніе къ этой области. Интенсивность же проявленій воли зависитъ и здѣсь отъ общихъ условій психическаго подбора—его энергіи и направленіи въ ту или другую сторону. За предѣлами же сферы «спеціальнаго», чѣмъ болѣе опытъ разрозненъ, а мышленіе эклектично, тѣмъ менѣе также единства и связи въ направленіи волевой жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ и ея энергія вообще должна быть, сравнительно, понижена. Такимъ образомъ въ своей спеціальной дѣятельности человѣкъ иногда проявляетъ величайшую цѣльность воли, достойную истиннаго «іудея»; и здѣсь такая цѣльность, благодаря узкой сферѣ и однородному характеру «спеціальныхъ» переживаній, достигается *особенно легко*, для нея не требуется исключительно сильнаго дѣйствія отрицательнаго подбора, а въ то же время внѣ спеціальной области человѣкъ оказывается вялымъ и слабымъ, какъ филистеръ. Таковы и были, какъ извѣстно, многіе великіе люди, мелкіе въ своей семейной и вообще частной жизни. Черты «іудея» и черты «филистера»—это и есть тѣ характеристики, къ которымъ всего болѣе тяготѣетъ жизнь «спеціалиста».

Digitized by Google

VII.

Нашими приведенными иллюстраціями, очевидно, далеко не исчерпываются возможные типы психическаго развитія, но мы и не имѣли въ виду ихъ исчерпывать—мы хотѣли только на примѣрахъ пояснить примѣненіе того метода, который предлагаемъ. Чтобы это примѣненіе могло быть научнымъ, познавательно-полезнымъ, надо ни на минуту не забывать, что всякіе типы развитія, которые мы путемъ даннаго метода устанавливаемъ, суть лишь *предѣльныя абстракціи*, выражаютъ лишь *тенденціи приспособленія*, связанныя съ тѣми или иными варіаціями жизненныхъ условій. Такъ, положимъ, обрисовка типа «эллина» говоритъ намъ слѣдующее: чѣмъ въ большей мѣрѣ богатство психическаго матеріала соединяется съ интенсивной жизнью «чувства», въ которой при этомъ радость и счастіе господствуютъ надъ страданіемъ и горемъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ развитіе психики вырабатываетъ въ ней такія-то и такія-то черты: живое творчество, съ преобладаніемъ фантазіи надъ «реализмомъ», благодушно-эклектическая окраска міровоззрѣнія, воля активная, но неустойчивая въ своемъ направленіи, и т. д., и т. д. Пользуясь такими формулами, мы можемъ шагъ за шагомъ анализировать конкретные жизненны типы, какіе находимъ въ дѣйствительности и въ искусствѣ; и одна уже ихъ «конкретность» ручается намъ за то, что они не совпадутъ съ нашими «чистыми» типами, которые получаются путемъ «абстракціи».

Во всякомъ конкретномъ типѣ встрѣчаются и взаимно перекрещиваются *различныя* тенденціи развитія, выражаемыя типами абстрактными, потому что *идеально-простыя условія* никогда не находятъ себѣ мѣста въ «дѣйствительности», но только—въ «отвлекающей» и «анализирующей» дѣятельности познающаго. Задача психо-генетическаго «объясненія» того или иного «конкретнаго» типа заключается именно въ томъ,

Digitized by Google

чтобы путемъ анализа объективныхъ условій его развитія установить связь и соотношеніе различныхъ тенденцій психическаго развитія, необходимо вытекающихъ изъ даннаго сочетанія условій.

Намъ слѣдуетъ иллюстрировать свою точку зрѣнія, но недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться только однимъ - двумя примѣрами и мы начнемъ съ такого, который по содержательности можетъ замѣнить множество ихъ: психологія шекспировскаго Гамлета.

Что такое Гамлетъ? Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что это индивидуальность чрезвычайно высокаго типа. Судьба дала Гамлету оба основныя условія для достиженія maximum жизни: громадное богатство первичнаго психическаго матеріала, въ видѣ массы разнообразныхъ впечатлѣній дѣтства, проведеннаго въ блестящей обстановкѣ двора и юности, весело и содержательно прожитой въ студенческихъ странствованіяхъ по Германіи и научныхъ занятіяхъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ чуткую и впечатлительную натуру, глубоко воспринимающую все, что приноситъ опытъ, интесивно - эмоціональную, способную къ высшимъ наслажденіямъ и къ сильнымъ страданіямъ. Но до самаго начала трагедіи страданій было очень мало, а счастія очень много: любовь родителей, любовь женщинъ, веселые товарищи, общее уваженіе и поклоненіе, много даже лести, наконецъ, полная свобода развитія, цѣлый міръ интеллектуальныхъ и эстетическихъ наслажденій. Ясно, что изъ Гамлета долженъ былъ выработаться настоящій «эллинъ» —тонкая артистическая натура, полная творчества и блеска, но и съ неизбѣжными недостатками артистическихъ натуръ. Недостатки эти мы знаемъ, они вытекаютъ изъ слабости отрицательнаго подбора, могучая гармонизирующая сила котораго въ образѣ страданія здѣсь слишкомъ рѣдко вмѣшивается въ психическое развитіе, слишкомъ неполно его контролируетъ. Въ Гамлетѣ мало суроваго реализма, — порожденія собственной психической работы часто заслоняютъ отъ него дѣйствительность; ему не хватаетъ цѣльности—въ немъ много

Digitized by Google

благодушнаго эклектизма, соотвѣтственно этому волѣ его не хватаетъ устойчивости, неуклонности, единства направленія.

Что у Гамлета есть всѣ положительныя черты артистической натуры, это врядъ ли надо доказывать—столько живыхъ образовъ, столько блеска въ его рѣчахъ даже при самыхъ невеселыхъ обстоятельствахъ. А на отрицательныхъ чертахъ «эллинскаго» типа построена, въ сущности, вся трагедія. Только недостаткомъ твердаго и трезваго реализма можно объяснить сомнѣнія и колебанія Гамлета относительно самаго факта преступленія, тогда какъ очевидныя доказательства налицо. Онъ не можетъ не вѣрить имъ, когда они прямо и рѣзко вступаютъ въ поле его сознанія; но чуть впечатлѣніе сгладилось — его живая фантазія впутывается въ дѣло и услужливо создаетъ и подбираетъ новые образы и комбинаціи, болѣе утѣшительные, и при помощи разныхъ «можетъ быть» затуманиваетъ и подвергаетъ сомнѣнію то, что слишкомъ мрачно, но также — увы! — слишкомъ реально. И эклектизмъ Гамлета, недостатокъ цѣльности въ его взглядѣ на вещи сказывается на каждомъ шагу въ быстрой смѣнѣ одной точки зрѣнія другою, въ сущности, съ ней несовмѣстимою. А неустойчивость направленія воли, отсутствіе практической послѣдовательности и неуклонности — вѣдь это и есть та черта, которая обозначается нарицательнымъ именемъ «гамлета».

Хотя въ эллинской натурѣ и недостаточно монизма, но все же въ ней нѣтъ и хаоса. Организующая тенденція въ ней не такъ сильна, какъ тенденція къ полнотѣ жизни; но все же и первая отнюдь не ничтожна. Отрицательный подборъ неизбѣженъ въ жизни; страданія есть и у самаго счастливаго человѣка, и ихъ вовсе не такъ мало. Страданія органическаго развитія, неясныхъ и неудовлетворенныхъ порывовъ, боль разлуки съ близкими—все это было въ жизни Гамлета. Были и физическія страданія: вѣдь, судя по характеристикѣ, которую даетъ королева его физической организаціи, эта послѣдняя хотя и очень сильна, однако далеко не вполнѣ гармонична. Наконецъ, Гамлетъ много работалъ; а трудъ, какъ

Digitized by Google

затрата энергіи, эквивалентенъ страданію, и обусловливаетъ отрицательный подборъ *). Поэтому монистическая тенденція хотя и не довела психику Гамлета до полнаго единства, однако была достаточна, чтобы организовать ее въ нѣсколько, очень немного основныхъ «единствъ», монистическихъ ассоціативныхъ группировокъ. Насколько можно судить по высказываніямъ Гамлета, такихъ группировокъ всего *двѣ*: его натура страдаетъ «раздвоенностью».

Каково же содержаніе этихъ двухъ конкурирующихъ группировокъ? Гамлетъ, прежде всего, сынъ великаго воина и потомокъ страшныхъ норманнскихъ витязей. Масса впечатлѣній его дѣтства связана съ войной и военной славой; несомнѣнно, что все его домашнее воспитаніе, начиная съ безчисленныхъ разсказовъ о походахъ и подвигахъ, кончая постоянными упражненіями со всякимъ оружіемъ, направлено было именно къ тому, чтобы сдѣлать его воиномъ въ полномъ смыслѣ слова. И юношей онъ не перестаетъ, конечно, интересоваться военномъ дѣломъ и заниматься всѣмъ, что къ нему относится; онъ, навѣрное, хорошо изучилъ стратегію и всю теорію войны, а по его фехтованью можно судить, насколько ему близка ея практика. — Итакъ, Гаметъ — воинъ; это одна сторона его психологіи, одна систематическая группировка его переживаній.

Другая сторона: Гамлетъ эстетекъ, артистъ, вѣроятно — поэтъ. Гамлетъ - юноша жилъ полной и свѣтлой жизнью въ сферѣ искусства, красоты, любви. Какое глубокое эстетическое воспитаніе обнаруживается въ его бесѣдѣ съ актерами и въ тонкомъ изяществѣ многихъ его насмѣшливыхъ замѣчаній! Сколько поэзіи должна была внести въ его душевную жизнь юношески - свѣжая, чистая и счастливая любовь къ Офеліи!

---

*) Отношеніе *труда* къ психическому подбору представляетъ громадный теоретическій и практическій интересъ и я надѣюсь еще спеціально заняться выясненіемъ этого вопроса впослѣдствіи.

Digitized by Google

Гамлетъ-эстетикъ слишкомъ долго жилъ въ атмосферѣ гармоніи, и эта атмосфера стала для него жизненной необходимостью; но гармонія есть дѣло счастія, исключительнаго счастія въ наши суровыя времена, — и подъ ея дыханіемъ вырастаютъ слишкомъ нѣжныя, тепличныя растенія; а когда счастію приходитъ конецъ, печальная судьба предстоитъ нѣжному растенію.

Двѣ личности Гамлета — воинъ и эстетикъ — могли уживаться хорошо, пока борьба, кровавая и безпощадная, существовала для него только въ воображеніи да въ воинскихъ забавахъ: въ представленіяхъ юноши война эстетична, какъ величественное столкновеніе грозныхъ силъ, и Гамлетъ-эстетикъ могъ находить наслажденіе въ воинственныхъ мечтахъ Гамлета-воина, воина пока еще въ возможности, а не въ реальности. Но когда суровую борьбу приходится *переживать*, то эстетикѣ плохо. Получать удары больно, а разрушать чужую жизнь для впечатлительной, тонкой натуры еще больнѣе; и еще если бы тутъ текла одна чистая кровь, эстетику было бы легче, — но кровь смѣшивается съ грязью, а раны чаще всего отвратительны и неопрятны. Тутъ надо хитрить, подстерегать, обманывать, — а это очень не эстетично. Быть все время въ напряженномъ состояніи, какъ требуетъ борьба, для нѣжной души мучительно: гармонія жизни возможна только тогда, когда за растратой силъ идетъ исцѣляющій отдыхъ, а непрерывное утомленіе убиваетъ всякую гармонію.— Для Гамлета дѣло обстоитъ еще хуже, борьба несетъ для него еще больше противорѣчій, еще сильнѣе обостряетъ разладъ между его боевой и его эстетической личностью: врагами оказываются самые близкіе ему люди: мать, которую онъ обожалъ, и дядя, котораго онъ уважалъ и любилъ. Что можетъ вызвать въ душѣ болѣе мучительную дисгармонію, чѣмъ превращеніе любимаго существа въ объектъ ненависти и отвращенія?

Духъ отца постоянно будитъ въ Гамлетѣ воина, вся обстановка ежеминутно воскрешаетъ въ немъ эстетика. Воинъ хочетъ наносить удары, эстетикъ отступаетъ передъ кровью и грязью. Жажда мести сталкивается съ жаждой гармоніи —

Digitized by Google

въ этомъ смыслѣ всей трагедіи; колебанія Гамлета, его непрерывная рефлексія—это долгіе безплодные переговоры между одной его личностью, которая хочетъ борьбы, и другой, которая хочетъ любви и счастія. Первая—личность недоразвитая, потому что *реально* жить жизнью борца Гамлету еще не приходилось; вторая развита вполнѣ, потому что жизнью артиста и любящаго человѣка онъ жилъ въ дѣйствительности и много. Но за первой личностью стоитъ *развивающаяся* дѣйствительность, новыя и новыя воздѣйствія «среды», которыя будятъ въ Гамлетѣ борца; за второй же—только воспоминанія и грезы; первую выдвигаетъ «объектинный» ходъ вещей, вторую — поддерживаютъ «субъективныя» желанія и стремленія. Гамлетъ-эстетикъ во всякомъ случаѣ долженъ погибнуть или потерять свою самостоятельность; вопросъ въ томъ, уцѣлѣетъ ли Гамлетъ-боецъ.

И тутъ передъ нами выступаетъ въ полномъ своемъ выраженіи великая гармонизирующая сила страданія. Для такой натуры, какъ Гамлетъ, душевныя муки—это тяжелый, но благодѣтельный молотъ, который выковываетъ душу въ новыя, высшія формы. Отрицательный подборъ, который уничтожаетъ или разлагаетъ всякую непрочную, ирреальную или дисгармоническую комбинацію, освобождая мѣсто для комбинацій, имѣющихъ прочныя реальныя основы, и жизненно-гармоничныхъ, которыя онъ не въ силахъ разрушить, отрицательный подборъ вноситъ въ психику Гамлета то, чего ей не доставало: строгую реально-монистическую тенденцію. Вѣдь недостатокъ цѣльности въ организаціи эллина и чрезмѣрно-большая роль фантазіи зависятъ именно отъ того, что счастіе и положительный подборъ слишкомъ сильно преобладаютъ надъ страданіемъ и отрицательнымъ подборомъ; трагедія, протекающая въ душѣ Гамлета, устраняетъ *эту* неравномѣрность, и тѣмъ самымъ создаетъ условія для перехода эллинскаго типа въ еще болѣе высокій, тотъ, который мы назвали «идеальнымъ». Герой шагъ за шагомъ на глазахъ зрителя становится другимъ человѣкомъ.

Разрушеніе старыхъ координацій въ психикѣ Гамлета идетъ,

Digitized by Google

благодаря его ужаснымъ страданіямъ, такъ быстро, что образованіе новыхъ не поспѣваетъ за нимъ, и наступаетъ даже періодъ временной дезорганизаціи—душевная болѣзнь Гамлета, гораздо менѣе «притворная», чѣмъ онъ самъ, повидимому, полагалъ. Но могучая душа выживаетъ—и въ концѣ пьесы передъ нами выпрямляется во весь ростъ Гамлетъ-боецъ, спокойный и рѣшительный, съ яснымъ взглядомъ и твердой волей. Что же стало съ Гамлетомъ-эстетикомъ? Онъ не умеръ, онъ органически слился съ другой душой Гамлета. Жажда гармоніи въ жизни нашла себѣ новый выходъ, она внутренно преобразовалась: изъ пассивнаго желанія *жить* среди гармоніи она перешла въ активную волю *создать* гармонію въ жизни, наказавши преступленіе и возстановивши справедливость. Сознательный боецъ за право и справедливость — это и есть активный эстетикъ, стремящійся къ жизненной гармоніи въ человѣческихъ отношеніяхъ. Теперь психика Гамлета чужда всякаго дуализма, и воля не ослабляется внутренней борьбой. Онъ уже не сокрушается о томъ, что именно ему приходится возстановлять «разрушенную связь вещей»: онъ твердымъ шагомъ идетъ къ разрѣшенію этой задачи, достойной истиннаго воина и истиннаго эстетика.

Гамлетъ гибнетъ, но гибнетъ какъ побѣдитель, выполнивъ свое дѣло. Гибнетъ онъ, конечно, не случайно, а именно потому, что за время его внутренней борьбы, которая не давала ему цѣлесообразно вести борьбу внѣшнюю, объективныя условія, условія «среды» сложились въ самую неблагопріятную для него сторону: враги не бездѣйствовали и пустили въ ходъ всѣ средства. Но Гамлетъ все же сильнѣе — и даже при этихъ условіяхъ онъ увлекаетъ ихъ въ своей гибели; уже умирая, онъ не забываетъ возстановить послѣднее звено «разрушенной связи», и съ геніальной простотой выполняетъ это, назначая своимъ наслѣдникомъ молодого героя чужой страны, надежнаго и цѣльнаго человѣка — принца Фортинбраса.

Итакъ, вотъ сущность трагедіи: это исторія преобразованія эллинской души въ иную, болѣе законченно-цѣлост-

Digitized by Google

ную форму силою мучительной борьбы, силою глубокихъ страданій.

Ничего принципіально загадочнаго для нашей точки зрѣнія трагедія Гамлета не представляетъ: она всецѣло соотвѣтствуетъ въ своемъ развитіи законамъ дѣйствія психическаго подбора; она самое авторитетное свидѣтельство въ пользу ихъ познавательной цѣнности.

VIII.

Теперь мы возьмемъ для нашего метода другую иллюстрацію, несравненно менѣе трагическаго характера—явленіе очень распространенное въ современной русской жизни, называемое «поумнѣніемъ» интеллигентной души, исторія радикальныхъ «дѣтей», становящихся въ свое время умѣренными «отцами».

Тотъ матеріалъ опыта, который современные молодые люди приносятъ съ собою изъ жизни школьной въ жизнь студенческую, какъ извѣстно, весьма небогатъ,—однако онъ не отличается и особенной односторонностью. Правда, наша средняя классическая школа построена до сихъ поръ главнымъ образомъ на принципѣ спеціализаціи, притомъ очень своеобразной спеціализаціи: большую часть познавательнаго матеріала дѣтямъ даютъ изъ одной, очень узкой области, имѣющей въ глазахъ организаторовъ школы то громадное преимущество, что она «мертва» и, какъ таковая, въ самой себѣ не заключаетъ никакихъ объективныхъ возможностей прогресса. Но матеріалъ этотъ имѣетъ «отрицательную» аффекціональную окраску и, молодая психика стремится свести его разными путями къ minimum; послѣднее, вообще говоря, и удается благодаря пособничеству семьи и товарищеской среды. Такимъ образомъ фактически содержаніе опыта сводится тутъ по преимуществу къ слѣдующимъ группамъ переживаній: то, что даетъ семья,—то, что даетъ товарищеская среда,—то, что

Digitized by Google

даетъ школа со стороны «классовой борьбы» учащихся съ ея оффиціальной организаціей, и наконецъ уже то, что даетъ школа со стороны познавательнаго матеріала «наукъ». Изъ всѣхъ этихъ группъ именно послѣдняя отличается наибольшей относительной разрозненностью и неполнотой своего содержанія, а потому и значеніе въ развитіи молодой души она имѣетъ минимальное.

Совокупность опыта оказывается очень разносторонне—составленной группировкой: семья вноситъ въ дѣтскую психику, «воспитываетъ» въ ней совсѣмъ не то, что вноситъ и воспитываетъ товарищеская среда, товарищеская среда—совсѣмъ не то, что школьная «наука», и даже эта «наука»—совсѣмъ не то, что ея оффиціальные проводники въ качествѣ объектовъ ненависти и борьбы *). Организующая работа психическаго подбора надъ всѣми этими рядами переживаній протекаетъ съ большой интенсивностью: аффекціональная жизнь дѣтства и ранней юности очень бурна и энергична, новые и новые комплексы, вступающіе въ поле опыта не сложившейся еще психики, глубоко ее захватываютъ, и порою сильно потрясаютъ. Но преобладаетъ обыкновенно подборъ положительный, чувствованія пріятнаго характера: психика растетъ, развивается, энергія жизни увеличивается, и хотя далеко не всѣ эти измѣненія проходятъ черезъ поле сознанія, но все-же значительная часть ихъ находитъ въ немъ свое выраженіе—въ видѣ «пріятныхъ» переживаній.—Такимъ образомъ въ тѣхъ, наиболѣе частныхъ случаяхъ, которые мы здѣсь имѣемъ въ виду, имѣются всѣ условія для развитія психики въ эклектическія формы: и разностороній, но неполный опытъ, въ содержаніи котораго есть очень большіе пробѣлы, затрудняющіе

*) Я оставилъ еще въ сторонѣ тѣ случаи, когда отдѣльные наставники становятся къ ученникамъ въ „хорошія", полутоварищескія отношенія. Для учениковъ эти наставники приблизительно то же, что для пролетаріевъ—идеологи ихъ движенія, выходящіе изъ буржуазіи—своеобразная варіація товарищеской среды.

Digitized by Google

его гармоническое объединеніе, и относительная слабость отрицательнаго подбора, который является главнымъ факторомъ развитія къ строгому монизму.

И дѣйствительно, психологія подростка въ общемъ замѣчательно эклектична. Въ его душѣ съ величайшей легкостью уживаются самыя неоднородныя, самыя непримиримыя между собою идеи и нормы. Семья съ ея патріархальнымъ строемъ и кровной связью внушаетъ ему одни понятія, товарищеская среда, съ ея «республиканскими» отношеніями, окрашенными аристократизмомъ ума и силы—совсѣмъ другія, обрывки наукъ создаютъ зародыши третьихъ, и тоже разнородныхъ понятій, и т. д. Одни и тѣ же дѣйствія, имѣющіе характеръ, положимъ «непокорности» и «своеволія» семья опредѣляетъ какъ «грѣхъ» или нѣчто «неприличное», товарищеская среда—какъ проявленія доблести и молодечества; въ борьбѣ со школьными воспитателями эти дѣйствія оказываются рискованными и зачастую практически вредными актами самообороны или наступленія; а въ учебникахъ исторіи, даже насквозь одобренныхъ, въ высшей степени аналогичныя дѣянія прославляются въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ героическія. Естественно, что никакой единой и цѣльной точки зрѣнія на жизнь у юнаго существа не можетъ сложиться; а при большой силѣ положительнаго подбора психика весьма легко переходитъ отъ одного ряда ассоціацій къ другому, отъ одной точки зрѣнія къ другой, не стѣсняясь ихъ взаимнымъ противорѣчіемъ.

Подвергаясь жестокимъ репрессіямъ за свою «продѣлку» со стороны начальства, школьникъ съ тоской думаетъ: «какую глупость я сдѣлалъ»; и размышляя о жизни, совершенно невольно начинаетъ оцѣнку всякихъ человѣческихъ дѣйствій сводить къ категоріямъ «выгодно—не выгодно». Но вотъ его выпустили изъ карцера, товарищи выражаютъ ему свой восторгъ и уваженіе, онъ гордъ и доволенъ: «какой я молодецъ!» Предыдущія категоріи забыты, ихъ смѣняютъ новыя: «славное—постыдное». Дома—родительскія нотаціи, нѣжныя увѣщанія, упреки: «какой я злой, гадкій мальчишка!»—на сценѣ

Digitized by Google

уже категоріи «нравственно—безнравственно». Каждая точка зрѣнія временно вытѣсняетъ другія съ ней, разумѣется, несовмѣстимыя, и юный эклектикъ даже не ощущаетъ потребности свести ихъ къ высшему единству.

Этотъ легкомысленный эклектизмъ настолько типиченъ для подростковъ, что когда мы встрѣчаемъ уклоненія отъ него, то получаемъ впечатлѣніе чего-то ненормальнаго, неестественнаго. Бываютъ дѣти, которыя кажутся намъ «преждевременно-зрѣлыми»: въ ихъ сужденіяхъ «слишкомъ много» опредѣленности и логики, въ ихъ дѣйствіяхъ «слишкомъ много» послѣдовательности. Причины въ громадномъ большинствѣ случаевъ однѣ и тѣ же, очень простыя и понятныя съ нашей точки зрѣнія. Не всѣ дѣти такъ «счастливы», чтобы быть жизнерадостными эклектиками. Нѣкоторымъ дѣтямъ приходится слишкомъ много страдать, вслѣдствіе ли болѣзненности, или вслѣдствіе неблагопріятной внѣшней обстановки. Отрицательный подборъ преобладаетъ надъ положительнымъ, и приноситъ съ собою, какъ мы уже не разъ видѣли, преобладаніе монистической тенденціи надъ эклектическою. Къ тому же и опытъ такихъ дѣтей бываетъ большею частью менѣе разносторонній,—въ немъ получаетъ перевѣсъ одна какая-нибудь сторона его, напр., у дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, та область переживаній, которая связана съ обязательнымъ трудомъ и матеріальными заботами. Такимъ образомъ и дѣйствующія силы психическаго развитія, и его матеріалъ гораздо менѣе благопріятны для выработки эклектическаго типа,—психикѣ навязывается самой жизнью та преждевременная сравнительная цѣльность, которая производитъ на насъ такое тяжелое впечатлѣніе. И оно не обманываетъ: въ этой цѣльности нѣтъ ничего хорошаго. Она неизбѣжно узка, потому что охватываетъ очень небольшой запасъ переживаній; а между тѣмъ, какъ всякая вполнѣ сложившаяся форма, она препятствуетъ выработкѣ новаго единства психики, которое соотвѣтствовало бы прогрессивно-расширяющемуся опыту; въ этомъ отношеніи неопредѣленность и незаконченность обычнаго экле-

Digitized by Google

тизма молодости гораздо цѣлесообразнѣе для развитія. Да и получается это узкое единство цѣною большихъ раннихъ страданій, громадной растраты энергіи въ томъ періодѣ жизни, когда энергія должна накопляться. Тутъ условія для дальнѣйшаго прогресса жизни сильно сужены, и путь къ maximum'у жизни затрудненъ.

Но вернемся къ нашему жизнерадостному юношѣ-эклектику. Окончивъ среднюю школу онъ, положимъ, поступаетъ въ университетъ. Среда мѣняется, потокъ опыта сразу очень сильно расширяется, и притомъ въ различныхъ направленіяхъ весьма неравномѣрно. Переживанія, связанныя съ «семьей», быстро отступаютъ на второй или даже третій планъ: юноша «эмансипируется» отъ семьи, чему обыкновенно способствуетъ въ сильной мѣрѣ и дальность разстоянія, почти обрывающая прямое общеніе. Напротивъ, товарищеская среда занимаетъ въ системѣ опыта несравненно большее мѣсто: количественно она становится гораздо шире, качественно—гораздо полнѣе, разнообразнѣе; въ ней масса движенія, жизни, отъ нея получается масса яркихъ и сильныхъ впечатлѣній. Въ то же время и «наука» поворачивается къ юношѣ другой своею стороной: изъ безпорядочной, безсвязной дрессировки она становится систематическимъ воспитаніемъ, расширеніемъ извѣстныхъ сторонъ его опыта и ихъ гармонизаціей. Война съ ближайшимъ начальствомъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ обостренія, перестаетъ играть прежнюю роль въ жизни молодого человѣка; но расширенный опытъ приноситъ и болѣе широкія противорѣчія жизни, которыя болѣе чѣмъ заполняютъ мѣсто этого прежняго антагонизма: эти противорѣчія соціально-переданнаго опыта экономическаго и политическаго. Наконецъ, нерѣдко молодой студентъ принужденъ собственной работой добывать себѣ средства къ жизни, и тогда онъ еще ближе и непосредственнѣе знакомится съ этими противорчіями, прямо или косвенно испытывая ихъ на себѣ самомъ.

Жизнь, въ цѣломъ, несравненно интенсивнѣе чѣмъ прежде, интенсивнѣе и радости и страданія, организующая тенденція

Digitized by Google

сильнѣе. Развертывающаяся половая жизнь съ ея рѣзкой аффекціональной окраской значительно увеличиваетъ напряженность психическаго подбора. Систематизація опыта идетъ быстрѣе и дальше; эклектизмъ не исчезаетъ, потому что положительный подборъ все-таки обыкновенно преобладаетъ надъ отрицательнымъ; но все-же для развитія въ сторону монизма условія оказываются благопріятнѣе. Матеріалъ опыта менѣе разрозненъ, въ немъ меньше пробѣловъ, глубоко раздѣляющихъ различныя области опыта; отрицательный подборъ глубже захватываетъ психику,—страданія юноши серьезнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ страданія ребенка. Происходитъ настоящая «выработка міровоззрѣнія и жизненной программы».

Въ этой выработкѣ наибольшую роль играютъ, конечно, тѣ области переживаній, которыя въ наибольшей мѣрѣ заполняютъ сознаніе: то, что даетъ товарищеская среда, и то что даютъ общія соціальныя условія съ ихъ жизненными противорѣчіями. Систематизація этого матеріала образуетъ извѣстное радикально-демократическое міровоззрѣніе, сводящееся къ идеямъ свободы, равенства, отчасти—братства: товарищеская среда даетъ основное *положительное* содержаніе для тѣхъ тенденцій, выраженіемъ которыхъ служатъ эти идеи, противорѣчія соціальныхъ условій опредѣляютъ это содержаніе съ отрицательной стороны *). Передъ нами юноша, обладающій, повидимому, довольно стройной системой взглядовъ; что непосредственная активность воли должна быть довольно велика,

*) Товарищеская среда въ самой своей организаціи до извѣстной степени осуществляетъ принципы свободы и равенства, а болѣе тѣсные товарищескіе кружки въ своихъ предѣлахъ—и принципъ братства. Противорѣчія общихъ соціальныхъ условій, напротивъ, тѣсно связаны въ опытѣ съ рѣзкими проявленіями несвободы, неравенства, борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Положительная аффекціональная окраска перваго ряда переживаній, и отрицательная—второго составляютъ общую психологическую основу для активнаго идеализма жизни въ современныхъ его формахъ.

Digitized by Google

за это ручается продолжающееся накопленіе энергіи въ молодомъ организмѣ; и хотя преобладаніе положительнаго подбора не допускаетъ *особенной* неуклонности и послѣдовательности въ проявленіяхъ воли, но все же извѣстное единство въ направленіи активности становится вполнѣ возможно, разъ психика въ цѣломъ организовалась достаточоо стройно.

Въ тѣхъ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ мы теперь видимъ нашего героя, его высказыванія не обнаруживаютъ намъ никакого существенно-важнаго эклектизма. Двѣ главныя сферы опыта сведены къ извѣстнымъ объединяющимъ формамъ, третья сфера—наука—не стоитъ ни въ какомъ противорѣчіи съ этими формами, а только своей дисциплиной содѣйствуетъ ихъ отчетливой выработкѣ и налагаетъ на нихъ свой отпечатокъ. Но мы уже знаемъ, что эклектизмъ не можетъ быть принципіально устраненъ тамъ, гдѣ положительный подборъ выступаетъ на первый планъ, значительно перевѣшивая отрицательный. Положительный подборъ слишкомъ много *сохраняетъ*; то, что создано прошлымъ опытомъ, слишкомъ мало разрушается. Психика только кажется монистичной, потому что жизнь ея проявляется недостаточно разносторонне. Эклектизмъ остается—въ скрытой формѣ.

Тѣ спеціальныя формы мышленія и воли, которыя созданы семьей съ ея особыми отношеніями, отнюдь не исчезли, не умерли—онѣ только не обнаруживаются, пока нѣтъ для этого объективныхъ условій: онѣ страшно прочны, и нужно очень много борьбы и страданій, чтобы покончить съ ними,—гораздо больше, чѣмъ фактически достается на долю жизнерадостнаго юноши-студента. А между тѣмъ эти формы находятся въ глубокомъ жизненномъ противорѣчіи съ основами радикально-демократическаго міровоззрѣнія.

Молодой студентъ въ дѣлахъ любви стоитъ на точкѣ зрѣнія самой широкой свободы; онъ высказываетъ такіе взгляды, и за себя лично зачастую проводитъ ихъ довольно послѣдовательно. Но вотъ его сестра пытается стать на ту же точку

Digitized by Google

зрѣнія, и притомъ не тереотически, а практически — и что же? Нашъ герой начинаетъ вести себя въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Мы слышимъ отъ него заявленія и видимъ съ его стороны дѣйствія, какихъ мы могли бы ожидать развѣ только со стороны его почтеннаго родителя. Въ чемъ же дѣло? «Семейное» событіе вызвало на сцену «семейную» точку зрѣнія. Старыя ассоціаціи идей и стремленій, мирно дремавшія въ безразличномъ равновѣсіи, вновь вовлечены въ поле сознанія; и оказывается, что онѣ прекрасно сохранились; и энергія ихъ проявленія иногда бываетъ чрезвычайно велика.

Вліяніе семьи—въ данномъ случаѣ, мѣщанской семьи, проводящей въ психику своихъ дѣтей чисто мѣщанскія тенденціи — страшно глубоко, и по своей продолжительности, и по своей интенсивности: оно охватываетъ немалое число лѣтъ, и дѣйствуетъ въ томъ возрастѣ, когда психика всего болѣе гибка и пластична, когда она еще только складывается. Вотъ почему въ юношѣ-радикалѣ такъ часто скрывается мѣщанинъ, которому нуженъ только случай, чтобы прорвать оболочку поверхностныхъ наслоеній прогрессивнаго идеализма.

Бываютъ, конечно, случаи, когда этотъ мѣщанинъ успѣваетъ въ достаточной степени отмереть; но эти случаи не типичны для радикальнаго юношества, выходящаго изъ буржуазіи. Тѣ молодые люди, которымъ въ эти годы приходится перенести особенно много труда и страданій, если психика ихъ обладаетъ достаточной жизненной устойчивостью, чтобы безъ большого ущерба перенести все это, достигаютъ гораздо большей цѣльности въ своемъ міровоззрѣніи, гораздо большей послѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ; ибо отрицательный подборъ есть самый сильный факторъ монистическаго развитія. Но не эти случаи насъ теперь занимаютъ.

Возвращаемся къ нашему герою—тому, которому суждено «поумнѣть». Годы ученія кончились, онъ вступаетъ въ «жизнь», наприм., поступаетъ на службу гдѣ-нибудь въ провинціи, на службу частную или земскую, чтобы не связывать своей «свободы». И вотъ, матеріалъ опыта, доставляемый ему средою,

Digitized by Google

рѣзко мѣняется: «товарищи» и «наука» перешли въ прошлое, пока еще недавнее, живое прошлое; онъ въ «мѣщанскомъ царствѣ». Въ чемъ же сущность происшедшаго измѣненія?

Товарищеская среда исчезла: ее смѣщаетъ среда обывательская; оффиціальная наука тоже осталась вдали: ее смѣняетъ «служба». Затѣмъ возникаютъ новыя семейныя отношенія, которыя отъ прежнихъ отличаются тѣмъ, что тутъ нашъ герой оказывается уже главой семьи, а не подчиненнымъ ея членомъ. Таково основное содержаніе новой фазы опыта, ея матеріалъ. Матеріалъ этотъ отличается сравнительно слабымъ разнообразіемъ и большимъ консерватизмомъ. Потокъ опыта движется здѣсь очень медленно, одни и тѣ же комплексы повторяются вновь и вновь — сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Они сравнительно слабо затрогиваютъ психику, не приносятъ ей ни значительнаго повышенія энергіи, ни большихъ растратъ: аффекціональная жизнь понижена, психическій подборъ мало интенсивенъ.

Что же тогда получается? Тѣ психическія группировки, которыя сложились въ студенческіе годы и образовали изъ себя систему радикально-демократическаго міровоззрѣнія, не находятъ для себя поддержки въ новыхъ переживаніяхъ, все рѣже и рѣже ассоціативнымъ путемъ вызываются въ поле сознанія: что «напоминаетъ» человѣку въ обывательской средѣ о тѣхъ принципахъ, о тѣхъ идеалахъ, которые сложились въ его душѣ при совершенно противоположныхъ условіяхъ? Слишкомъ и слишкомъ немногое. Зато все окружающее то и дѣло возбуждаетъ иныя, старыя ассоціаціи, вновь и вновь вовлекаетъ въ психическое поле воспоминанія и стремленія, заложенныя въ дѣтствѣ семьей и примыкающею къ ней мѣщанской средой: «мѣщанинъ» неизбѣжно пробуждается въ нашемъ героѣ и мало-по-малу поднимается во весь свой ростъ. Если бы этотъ «мѣщанинъ» создавался заново, то процессъ его развитія былъ бы долгій и сложный, полный противорѣчій, внутренней борьбы и страданій. Но здѣсь дѣло гораздо проще и легче: система ассоціацій, которая уже существовала, но долго

Digitized by Google

оставалась внѣ сознанія, вовлекается въ его поле и все чаще, все дольше заполняетъ его собою.

А юношеское «міровоззрѣніе?» Нельзя сказать, чтобы оно быстро разрушалось: для этого была бы необходима болѣе интенсивная аффекціональная жизнь, чѣмъ та, которая въ данномъ случаѣ имѣется: при слабомъ психическомъ подборѣ на разрушеніе сложившихся формъ требуется много времени. «Міровоззрѣніе» сохраняется еще довольно долго, отмирая лишь постепенно, въ силу своей несовмѣстимости съ усиливающимися «обывательскими» формами психической жизни. Но оно, по скольку и сохраняется, остается почти все время за порогомъ сознанія, какъ въ предыдущій періодъ жизни за порогомъ сознанія сохранялась «мѣщанская» система ассоціацій. Разница, впрочемъ, та, что, эта система была и за время скрытаго существованія гораздо прочнѣе, коренилась въ психикѣ гораздо глубже, чѣмъ временно оттѣснявшее ее «міровоззрѣніе».

И здѣсь, какъ мы это видѣли, въ предыдущей фазѣ, время отъ времени «скрытое» проявляется. Обыкновенно, оно проявляется не въ видѣ активныхъ, послѣдовательныхъ воздѣйствій, направленныхъ къ измѣненію среды, — въ обывательскомъ мірѣ такія воздѣйствія требовали бы слишкомъ большихъ затратъ энергіи, а въ видѣ словесныхъ высказываній, выступающихъ тогда, когда что-нибудь «напомнитъ» объ идеалахъ юности. Это бываетъ, напр., при встрѣчахъ и разговорахъ со старыми товарищами. Въ подобныхъ случаяхъ посторонній наблюдатель большей частью думаетъ: «не только ренегатъ, но еще фразеръ». Такая точка зрѣнія, какъ видимъ, не вполнѣ справедлива: сознательной лжи тутъ чаще всего нѣтъ, а есть только временное вступленіе старыхъ ассоціацій въ поле сознанія, и эклектизмъ обывателя, смѣняющій собою эклектизмъ юноши.

Бываютъ, однако, случаи, когда съ выходомъ изъ товарищеской среды далеко не сразу наступаетъ мирное и безцвѣтное существованіе. Человѣкъ, напр., рѣзко сталкивается съ

Digitized by Google

обывательской средою, и получаетъ отъ нея массу страданій, которыхъ не выдерживаетъ «лучшая», но менѣе прочная сторона его психики; тогда интенсивный отрицательный подборъ быстро разрушаетъ «гражданина», оставляя мѣсто обывателю, и «измѣна» совершается sans phrases. То же самое получается и тогда, когда въ обывательскую жизнь нашего героя вторгаются прежніе товарищи, и, предъявляя ему непосильныя уже требованія, противорѣчащія всѣмъ его теперешнимъ привычкамъ и склонностямъ, приводятъ къ рѣзкому конфликту, къ острой конкурренціи двѣ стороны его психики, которыя до сихъ поръ мирно уживались, почти не встрѣчаясь въ полѣ сознанія.

Мы не пойдемъ дальше за нашимъ героемъ въ процессѣ выработки изъ него «чистаго» обывателя, типа благодушно-веселаго, полнаго мелочной активности—при «благополучной» судьбѣ и преобладаніи положительнаго подбора, или же типа раздражительно-мнительнаго, съ наклонностью къ навязчивымъ ипохондрическимъ идеямъ—при «неудачной» жизненной карьерѣ и преобладаніи отрицательнаго подбора. — Мы думаемъ, что приведенныхъ иллюстрацій достаточно, чтобы показать, *какъ* можетъ примѣняться идея психическаго развитія въ вопросѣ о выработкѣ психическихъ типовъ. Перейдемъ къ другимъ ея возможнымъ примѣненіямъ.

VIII.

Теперь мы возьмемъ двѣ-три иллюстраціи къ нашему методу изъ области тѣхъ случаевъ, когда одна психика воздѣйствуетъ на другую, стремясь вызвать въ ней тѣ или другія опредѣленныя измѣненія—когда одинъ человѣкъ «воспитываетъ» другого, «награждаетъ» его, «наказываетъ», «исправляетъ» и т. д. Это, какъ мы указали выше, *пограничные* вопросы психологіи съ соціологіей, которые для изслѣдованія удобнѣе отнести именно къ психологіи, потому что здѣсь мо-

Digitized by Google

жетъ еще примѣняться спеціально-психологическій методъ *).

Мимоходомъ мы уже отмѣчали, что всѣ такіе способы воздѣйствія въ своей основѣ представляютъ безсознательное примѣненіе все того же принципа психическаго подбора. «Воздѣйствующій» стремится въ психикѣ другого подорвать и ослабить одни комплексы, создавая прямую ассоціативную связь между ними и комплексами «непріятными»—условіе для отрицательнаго подбора, — усилить и упрочить другіе, вызывая ассоціацію ихъ съ «пріятными» комплексами—условіе положительнаго подбора: такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о «наградѣ» и «наказаніи», или когда одинъ человѣкъ «убѣждаетъ» другого, аппеллируя къ его выгодѣ и невыгодѣ, все равно, «матеріальной» или «духовной», даже «нравственной». Иногда методъ бываетъ нѣсколько иной—чужую психику «пріучаютъ» къ чему-либо, систематически вызывая въ ней своимъ воздѣйствіемъ повтореніе опредѣленнаго комплекса, дѣлая этотъ послѣдній «привычнымъ»; но мы уже знаемъ, что «привыканіе» само сводится къ накопляющемуся дѣйствію психическаго подбора.—И мы не станемъ разбирать эти способы воздѣйствія «вообще», а остановимся на ихъ частныхъ особенностяхъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія *критики* этихъ способовъ на почвѣ идеи психическаго подбора.

---

*) Было бы естественно въ ряду этихъ иллюстрацій на первомъ мѣстѣ поставить психологію *подражанія*, какъ факта, имѣющаго основное значеніе для психическаго общенія людей. Но съ точки зрѣнія вопроса о психическомъ подборѣ примѣръ этотъ является менѣе интереснымъ, чѣмъ другіе—анализъ процессовъ подражанія показываетъ, что по существу они сводятся всецѣло къ ассоціаціи по смежности и явленіямъ „привыканія“, которыя уже были разсмотрѣны нами; къ тому же намъ не хотѣлось лишній разъ повторяться—вопросъ о подражаніи мы разбирали въ прежней своей работѣ: „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“ (стр. 109—113).

Digitized by Google

Существуетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда наказанія, награды, «пріучиванье» и т. д., несмотря на энергичное и систематическое ихъ примѣненіе, не приводятъ къ тѣмъ результатамъ, которые при этомъ примѣненіи имѣлись въ виду, а приводятъ къ инымъ, иногда неожиданнымъ, и во всякомъ случаѣ нежелательнымъ съ точки зрѣнія «воздѣйствующаго». Какимъ образомъ нашъ принципъ можетъ послужить къ объясненію такихъ случаевъ, а слѣдовательно—при достаточныхъ данныхъ—и къ научному ихъ предвидѣнію?

Всякое «наказаніе» имѣетъ въ виду создать въ психикѣ лица, подвергаемаго наказанію, тѣсную ассоціацію между извѣстнымъ «нежелательнымъ» для наказывающаго комплексомъ и другимъ—комплексомъ, интенсивно «непріятнымъ». Этимъ путемъ добиваются того, чтобы и первый комплексъ пріобрѣлъ, какъ часть данной ассоціаціи, отрицательный аффекціоналъ, и былъ устраненъ путемъ отрицательнаго подбора. Здѣсь уже сразу очевидно, что желательный результатъ можетъ не получиться прежде всего потому, что отрицательный подборъ не всесиленъ, что его дѣйствіе имѣетъ свои границы въ его объективныхъ условіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, совершенно нельзя себѣ представить, чтобы путемъ какихъ угодно энергичныхъ наказаній удалось отучить человѣка отъ удовлетворенія, положимъ, его основныхъ потребностей, вновь и вновь возникающихъ изъ циклическихъ процессовъ обмѣна энергіи между его организмомъ и средой: тутъ возможно достигнуть развѣ только разрушенія психики. Да и вообще, прочность и устойчивость той или иной психической формы можетъ быть такъ велика, что устранить ее невозможно при помощи той системы наказаній, какая имѣется въ распоряженіи наказывающаго, или даже при помощи какой бы то ни было системы наказаній. При этомъ, конечно, громадное значеніе имѣетъ и положительный аффекціоналъ устраняемаго комплекса, и степень его «привычности», и широта ассоціативныхъ связей, сплетающихъ его съ остальною психикой. Никакими наказаніями невозможно подорвать

Digitized by Google

въ психикѣ искренно-вѣрующаго его убѣжденіе, что есть Богъ, или въ психикѣ истиннаго идеалиста—его стремленіе осуществлять свой идеалъ.

Изъ этого ясно, что наказанія могутъ не приводить къ предполагаемымъ результатамъ. Но какимъ образомъ иногда приводятъ они къ другимъ результатамъ, напр. прямо противоположнымъ?

Тутъ надо имѣть въ виду, что самое явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, гораздо сложнѣе, чѣмъ оно представляется нашему воздѣйствующему традиціонными мѣрами «педагогу». Ассоціируются между собою всѣ тѣ комплексы, которые одновременно наполняютъ поле сознанія, и, слѣдовательно, ассоціація создается не только между представленіемъ о наказаніи и представленіемъ о томъ, за что наказываютъ. Въ ассоціацію неизбѣжно входитъ еще образъ самого «педагога», а зачастую также—представленіе о тѣхъ мотивахъ, которые имъ руководятъ, о тѣхъ задачахъ, которыя преслѣдуетъ данная его дѣятельность и т. д. Вотъ изъ этой-то ассоціативной связи и могутъ проистечь, при опредѣленныхъ условіяхъ, всѣ «нежелательныя» послѣдствія.

Въ самомъ дѣлѣ, «непріятный» образъ не только ослабляется отрицательнымъ подборомъ, но, какъ и другіе психическіе комплексы, влечетъ за собою извѣстные *волевые комплексы;* и психическій подборъ стремится создать именно такую комбинацію, чтобы волевой актъ былъ *цѣлесообразнымъ приспособленіемъ*, чтобы онъ устранялъ самыя условія, которыя вызываютъ данный непріятный образъ. Такимъ образомъ, напр., у некультурныхъ людей со стихійно-порывистой волей актъ законнаго «наказанія» можетъ повлечь за собой волевыя реакціи, просто и прямо останавливающія этотъ актъ: сопротивленіе наказывающему, убійство его и т. под. При извѣстныхъ условіяхъ точно такъ же реагируетъ и самая культурная, самая высоко-организованная, самая «благородная» психика.

Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятны всѣ тѣ случаи, когда

Digitized by Google

наказаніе, еще не успѣвши вызвать тѣхъ послѣдствій, въ смыслѣ отрицательнаго подбора, которыя оно имѣло въ виду, уже вызываетъ энергичную борьбу противъ наказывающаго. Но такъ какъ въ возникающую тутъ ассоціацію входятъ еще иные комплексы, то результатъ можетъ быть еще сложнѣе. Человѣкъ, положимъ, тѣсно связываетъ представленіе о причиненныхъ ему страданіяхъ съ представленіемъ о тѣхъ идеяхъ, о тѣхъ, напр., взглядахъ на «нравственность», которыми руководился его мучитель, и начинаетъ энергичную борьбу противъ этихъ самыхъ идей. Или, положимъ, онъ причинно связываетъ представленіе о наказаніи съ представленіемъ о *правѣ* (въ объективномъ смыслѣ) другого человѣка примѣнять къ нему такой способъ воздѣйствія. Тогда на сцену выступаетъ борьба противъ соотвѣтственныхъ правовыхъ институтовъ. Во всякой освободительной политической борьбѣ приходится видѣть массу случаевъ, когда кары за политическія преступленія превращаютъ въ настоящихъ, профессіональныхъ революціонеровъ такихъ людей, которые лишь сравнительно случайно навлекли на себя эти кары.

При этомъ надо имѣть въ виду еще вотъ что. Тяжелыя наказанія, особенно когда они продолжительны, могутъ существенно измѣнить въ жизни даннаго лица взаимное отношеніе положительнаго и отрицательнаго психическаго подбора—очевидно, въ пользу послѣдняго, и тогда можетъ измѣниться и самый типъ психическаго развитія. Этимъ путемъ изъ «эллина» иногда создается суровый «іудей», изъ «добраго малаго»—мрачный фанатикъ. Понятно, насколько печаленъ такой результатъ съ точки зрѣнія карающаго: этотъ послѣдній, вмѣсто противника съ волей сравнительно мало устойчивой, разбрасывающейся или даже колеблющейся, получаетъ врага, страшнаго своимъ «упорствомъ», «ожесточенностью», точнѣе—своей монистической неуклонностью. И это относится, конечно, не только къ политическимъ борцамъ: на другомъ полюсѣ общественной жизни, въ мірѣ «уголовныхъ преступниковъ», каторга и долгая тюрьма вырабатываютъ иногда замѣчательно-

Digitized by Google

цѣлостные типы, съ весьма стройнымъ и законченнымъ анти-соціальнымъ міровоззрѣніемъ и величайшей послѣдовательностью въ борьбѣ за узко-личныя, анти-соціальныя цѣли.

Въ сущности, сколько-нибудь надежные результаты методъ «наказанія» даетъ только по отношенію къ тѣмъ типамъ психическаго развитія, которые мы обозначили какъ «филистерскіе». Тутъ; въ силу сравнительной неустойчивости сложившихся психическихъ формъ, хотя бы даже очень «привычныхъ», съ большой вѣроятностью можно разсчитывать на разрушеніе «нежелательной» комбинаціи; а слабость творческой дѣятельности психики ручается за то, что не создадутся и не разовьются, вмѣсто нея, другія, еще болѣе «нежелательныя» комбинаціи; тамъ, гдѣ дѣло идетъ о психикѣ болѣе благороднаго типа, всего скорѣе можно ожидать результатовъ именно послѣдняго рода. Но и въ психикѣ «филистера» наказаніе не можетъ создать чего-либо особеннаго прочнаго и надежнаго, потому что все въ ней непрочно и ненадежно, благодаря ея общей дряблости. И нерѣдко даже здѣсь объективный результатъ причиненныхъ страданій сводится къ нулю: отрицательный подборъ устраняетъ изъ сознанія, главнымъ образомъ, «непріятное воспоминаніе» о понесенной карѣ, человѣкъ «не думаетъ» о наказаніи, «старается забыть» о немъ, продолжая предаваться «нежелательнымъ», но «пріятнымъ» привычкамъ, которыя поддерживаетъ положительный подборъ.

Всѣ изложенныя соображенія даютъ намъ достаточную основу для принципіальной критики «наказанія», какъ воспитательнаго метода вообще, а также для критики конкретныхъ формъ наказанія. Какъ видимъ, прежде всего, это ненадежный методъ даже съ точки зрѣнія своей непосредственной цѣли: слишкомъ часто результаты получаются совсѣмъ не тѣ, какіе имѣлись въ виду, или даже прямо противоположные. Правда, знакомство съ психическимъ типомъ «исправляемаго», при достаточно ясномъ пониманіи принципа психической причинности,—т.-е. именно психическаго подбора,—позволило бы заранѣе предвидѣть эти случаи, заранѣе сознать непримѣни-

Digitized by Google

мость въ нихъ даннаго метода. Но изъ предыдущаго ясно, что эта непримѣнимость относится именно къ наиболѣе благороднымъ типамъ человѣческой психики, съ наибольшей интенсивностью и полнотой жизни; и если культура будетъ прогрессивно облагораживать человѣчество, устраняя низшіе типы психическаго развитія, то область, въ которой «наказаніе» не является безусловно вреднымъ методомъ воспитанія, должна прогрессивно суживаться.

Но даже въ тѣхъ стучаяхъ, гдѣ данный методъ «исправленія» обладаетъ нѣкоторой грубой, непосредственной цѣлесообразностью, даже въ тѣхъ случаяхъ надо не упускать изъ виду реальной *сложности* его результатовъ, массы побочныхъ эффектовъ, которые онъ приноситъ, и которые могутъ составить отрицательную величину, далеко превосходящую его положительное значеніе. Въ психикѣ объекта кары создается не только та ассоціація, которая «желательна» карающему, и которая по его разсчету должна придать окраску страданія «нежелательной» психической формѣ; возникаютъ еще другія ассоціаціи. Представленіе о перенесенныхъ страданіяхъ неразрывно связывается съ представленіемъ о томъ лицѣ, которое ихъ причинило, этимъ подрывается *соціальная связь* между той и другой стороною, связь, основанная именно на положительномъ аффекціоналѣ, которымъ обладаетъ представленіе объ одномъ человѣкѣ въ психикѣ другого: когда люди становятся «непріятными» одинъ другому, то перевѣсъ получаютъ такія реакціи, которыя ихъ взаимно раздѣляютъ и отдаляютъ. При этомъ все больше уменьшается самая возможность цѣлесообразнаго «воздѣйствія» на то лицо, которое имѣется въ виду «исправлять», т.-е. данная система сама устраняетъ тогда условія своей примѣнимости.

По самой сущности дѣла, цѣль «наказанія» достигается лишь цѣною растраты энергіи «исправляемой» психики. Это. конечно, не было бы принципіальнымъ недостаткомъ даннаго метода, если бы вся растрата энергіи совершалась именно за счетъ той психической формы, которая «нежелательна», ко-

Digitized by Google

торую имѣется въ виду ослабить или устранить. Но въ дѣйствительности причиняемое страданіе захватываетъ всегда не только одну опредѣленную психическую комбинацію, но въ каждый данный моментъ цѣлое поле сознанія, а въ общей суммѣ цѣлый рядъ различныхъ полей сознанія, черезъ которыя проходитъ множество иныхъ психическихъ комплексовъ, кромѣ комплекса, подлежащаго искорененію. Такимъ образомъ, разрушительная работа идетъ гораздо шире и дальше, чѣмъ требуетъ та цѣль, ради которой она предпринимается.

Очень часто наказаніе разсматривается не столько, какъ способъ непосредственнаго исправленія «виновнаго», сколько, какъ способъ «устрашенія» другихъ, пока еще не виновныхъ, но способныхъ при случаѣ стать таковыми. Въ психикѣ *всѣхъ* членовъ общества этимъ путемъ создается та же ассоціативная связь между «нежелательнымъ» и «непріятнымъ»; только «непріятное» выступаетъ здѣсь въ менѣе живой и конкретной формѣ, съ меньшей, слѣдовательно, интенсивностью. Въ сущности, это не что иное какъ распространеніе акта «наказанія» на все общество, со значительнымъ соотвѣтственнымъ пониженіемъ степени наказанія: вмѣсто реальной боли—устрашающая ассоціація образовъ, мучительная для каждаго изъ членовъ общества тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ психика его впечатлительнѣе, и чѣмъ она соціальнѣе.

Съ этой точки зрѣнія принципіальные недостатки даннаго метода не менѣе, если еще не болѣе значительны, чѣмъ съ «исправительной» точки зрѣнія. Прежде всего, очевидно, что здѣсь нарушается экономическій принципъ жизни: «устрашающему» воздѣйствію подвергаются не отдѣльныя лица, для обузданія которыхъ оно требуется, а и масса другихъ — зачастую цѣлые милліоны, — которыхъ «устрашать», собственно, было незачѣмъ. Конечно, отдѣльная «устрашающая» ассоціація образовъ въ той или иной психикѣ представляетъ лишь незначительную величину отрицательнаго характера; но все-же это минусъ, а не плюсъ; и когда жизнь переполняется подобными ассоціаціями, то становится вполнѣ

Digitized by Google

ясно, насколько искажаютъ онѣ образъ и подобіе человѣческаго развитія.

Къ тому же и непосредственная цѣлесообразность устрашенія сравнительно невелика. Оно можетъ удержать отъ «нежелательныхъ» дѣйствій развѣ только тѣхъ, у кого влеченіе къ этимъ дѣйствіямъ и безъ того довольно слабое; тамъ, гдѣ для такихъ дѣйствій имѣются сильные и глубокіе мотивы, тамъ «устрашающая» ассоціація образовъ оказываетя большей часть слишкомъ недостаточнымъ средствомъ.

Существуетъ еще одна точка зрѣнія въ вопросѣ о наказаніи: оно разсматривается, какъ возстановленіе нарушенной абсолютной справедливости, какъ «естественное» право преступника и «обязанность» общества по отношенію къ нему, и т. п. Но очевидно, что эта точка зрѣнія не можетъ дать ровно ничего для психологической критики принципа «наказанія», для выясненія его реального жизненнаго значенія. Это все, что здѣсь можно о ней сказать.

Констатируя коренные недостатки самаго принципа «наказанія», наша критика отнюдь не даетъ основаніи отрицать его *историческую* необходимость и *относительную* соціальную полезность при тѣхъ или иныхъ конкретныхъ условіяхъ. Но она даетъ основанія утверждать, что *прогрессивное развитіе условій человѣческой жизни должно вести къ ограниченію и исключенію принципа „наказанія“ изъ сферы воздѣйствія человѣка на человѣка.*

Всякая конкретная форма наказанія подлежитъ особой критикѣ въ смыслѣ своей спеціальной цѣлесообразности; и здѣсь идея психическаго подбора позволяетъ, въ значительной мѣрѣ предусматривать заранѣе размѣры и характеръ дѣйствительнаго вліянія данной формы «наказанія» на психическое развитіе человѣка. Въ видѣ иллюстраціи, мы остановимся на одномъ, весьма распространенномъ методѣ «исправленія» преступниковъ, насчитывающемъ много сторонниковъ между криминалистами — на продолжительномъ одиночномъ заключеніи.

Digitized by Google

Сущность этого метода заключается въ томъ, что къ лишенію свободы присоединяютъ еще другой источникъ страданій—прерываютъ всякое живое общеніе даннаго лица съ другими людьми, отнимаютъ у него привычныя соціально-обусловленныя впечатлѣнія. Въ результатѣ получается настолько высокій отрицательный аффекціоналъ, что лишь немногія сильныя натуры могутъ вообще выдержать нѣсколько лѣтъ такого «исправленія»,—а на людей среднихъ уже нѣсколько мѣсяцевъ налагаютъ рѣзкій отпечатокъ общаго пониженія жизни. Въ полу-цивилизованныхъ странахъ, гдѣ физическія пытки формально уже отмѣнены, а свобода личности все еще разсматривается, какъ нѣкоторая quantité négligeable, одиночное заключеніе считается прекрасной замѣной пытки на предварительномъ слѣдствіи, особенно по политическимъ преступленіямъ.

Въ этомъ смыслѣ, непосредственную цѣлесообразность метода слѣдуетъ считать, несомнѣнно, довольно значительной: разрушеніе психики, общій упадокъ жизненной энергіи, а съ нею и сопротивленія всякимъ внѣшнимъ, напр., слѣдовательскимъ воздѣйствіямъ, достигаются обыкновенно въ довольно высокой степени, что ярко сказывается и въ громадномъ процентѣ психическихъ заболѣваній среди одиночно-заключенныхъ. Но съ точки зрѣнія какихъ бы то ни было положительныхъ результатовъ метода картина представляется совершенно иная.

Все, что вырабатывается психическимъ подборомъ, вырабатывается изъ матеріала непосредственныхъ, первичныхъ переживаній, и въ нихъ находитъ свою границу. Это тѣ переживанія, въ которыхъ выражается прямое, ближайшее отношеніе психической системы къ ея средѣ. Лишеніе свободы сводитъ ихъ и количественно и качественно къ minimum'у, ограничивая всю область доступной воспріятію внѣшней среды ничтожнымъ пространствомъ тюремнаго заключенія и его безжизненно-однообразной обстановкой. Система одиночнаго заключенія находитъ, однако, и этомъ minimum еще слиш-

Digitized by Google

комъ большимъ, и считаетъ необходимымъ дальнѣйшее ограниченіе притока живыхъ воспріятій — у человѣка отнимаютъ все, что могли бы дать ему путемъ общенія другіе люди, товарищи по судьбѣ и низшіе представители власти.—Правда, при этомъ не исключается обыкновенно возможность работать, а также читать; но простая, механическая работа, какая только и совмѣстима въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ условіями одиночнаго заключенія, черезъ самое короткое время перестаетъ быть источникомъ *новыхъ* впечатлѣній,—а чтеніе, дающее блѣдно-абстрактивные образы при посредствѣ словъ, никогда не можетъ сколько-нибудь замѣнить яркихъ переживаній «настоящей» жизни.

При чемъ же остается тогда «исправляемый»? Да очевидно— при своемъ *прошломъ*.

Настоящаго тутъ нѣтъ у человѣка—*почти* нѣтъ, потому что оно слишкомъ ничтожно по своему положительному содержанію. И если психика недюжинно-сильна, если ненормальныя условія жизни не приводятъ къ ея прогрессивному упадку и разложенію, то не трудно предугадать, въ какомъ смыслѣ и направленіи будетъ совершаться ея развитіе. Рѣзкое преобладаніе отрицательнаго подбора—жизнь, полная страданій,— обусловливаетъ особенную силу и интенсивность *монистической* тенденціи. Происходитъ строжайшая систематизація психическаго содержанія вокругъ одной опредѣленной организующей идеи, связанной съ однимъ опредѣленнымъ направленіемъ воли. Складывается психика цѣльная и неуклонная, вырабатывается «желѣзный» человѣкъ, если не «іудей», то «фанатикъ» или, во всякомъ случаѣ, существо не знающее колебаній и пощады въ жизненной борьбѣ.

Между тѣмъ, матеріаломъ для такой систематизаціи служитъ то самое жизненное содержаніе, которое раньше привело человѣка къ конфликту съ общественной властью. Можно, слѣдовательно, съ большой вѣроятностью ожидать, что и тѣ итоги которые подведетъ психическій подборъ въ одиночномъ заключеніи, сведутся къ идеѣ, которая будетъ глубоко враждебна

Digitized by Google

общественной власти; а *если* власть эта въ данное время является дѣйствительнымъ органомъ и выраженіемъ воли общества, то руководящая идея, вырабатываемая въ «преступникѣ» при данныхъ условіяхъ, будетъ и глубоко анти-соціальна. И нетрудно видѣть, что тотъ небогатый жизненный матеріалъ, который само по себѣ даетъ одиночное заключеніе, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ такой идеей, какъ нельзя лучше укладывается въ ея рамки: вѣдь основное его содержаніе составляетъ враждебныя и мучительныя воздѣйствія общественной власти на личность «преступника».

Такимъ образомъ даются всѣ условія для той—обыкновенно узкой и односторонней—цѣльности, которая такъ поражаетъ насъ нерѣдко въ людяхъ, «благополучно» перенесшихъ долгое одиночное заключеніе. Рядовой человѣкъ оппозиціи превращается въ суроваго и грознаго политическаго борца, отдающаго всю жизнь на служеніе одной идеѣ. Обыкновенный уголовный преступникъ становится страшнымъ и жестокимъ «врагомъ общества». Это, конечно, не то, къ чему стремится данная система «исправленія».—Но въ сущности, она и вообще то къ какому бы то ни было «исправленію» стремится только въ головахъ ученыхъ криминалистовъ, реально же она стремится совсѣмъ къ другому — разбить и ослабить психику «исправляемаго», такъ, чтобы онъ, по недостатку силъ, не могъ быть особенно вреденъ; и въ *большинствѣ* случаевъ это достигается, въ меньшинствѣ — достигается то, что мы сейчасъ описали. — Задача изслѣдователя, стоящаго на нашей точкѣ зрѣнія, будетъ заключаться въ томъ, чтобы отчетливо констатировать въ подобныхъ случаяхъ факты, какъ они есть; ихъ критика уже дана въ нихъ самихъ, разъ извѣстна основная закономѣрность ихъ вліянія на психическую жизнь.

Тѣ же соображенія, какія мы высказали по поводу одиночнаго заключенія, относятся, съ незначительными оговорками и измѣненіями, ко всякому продолжительному и суровому лишенію свободы. Типы героевъ и вождей каторги, съ ихъ пора-

Digitized by Google

жающей «преступной» цѣльностью, могутъ служить хорошей иллюстраціей нашей жизни.

Само собой разумѣется, что какъ принципіальные, такъ и частные недостатки того метода психическаго воздѣйствія на людей, который основанъ на «наказаніи», объективно уменьшаются по мѣрѣ смягченія конкретныхъ формъ наказанія, напр., отъ физическаго искалѣченія къ лишенію свободы, отъ лишенія свободы къ общественному порицанію. Но совершенно они никогда не устраняются, пока сохраняется самый методъ. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ объ иномъ методѣ преобразованія человѣческой души, болѣе «экономичномъ» въ смыслѣ затратъ энергіи, а въ то же время прямѣе ведущемъ къ цѣли *).

Чтобы не затягивать изложенія новыми и новыми иллюстраціями нашего метода, мы не будемъ останавливаться на принципѣ «награды», естественно дополняющемъ собою принципъ «наказанія». Здѣсь основной недостатокъ тотъ же: кромѣ «желательной» ассоціаціи психическихъ образовъ, психикѣ навязывается еще цѣлый рядъ иныхъ, большей частью вовсе не «желательныхъ»; но такъ какъ это достигается путемъ положительнаго, а не отрицательнаго подбора, то избѣгается другой коренной недостатокъ, свойственный принципу «наказанія»—чрезмѣрная растрата энергіи психической системы...**).

---

*) Съ довольно родственной точки зрѣнія Г. Зиммель въ своей „Einleitung in die Moralwissenschaft“ подвергаетъ принципіальной критикѣ психическій эффектъ „раскаянія“. „Раскаяніе“ есть своеобразное болѣзненное состояніе психики, сводящееся къ длительной фиксаціи въ полѣ сознанія „грѣховныхъ“ или „преступныхъ“ комплексовъ въ окраскѣ сильнаго отрицательнаго аффекціонала. Исторически, высокая склонность къ „раскаянію“ была развита въ человѣчествѣ именно долгимъ воспитаніемъ его при помощи системы „наказаній“, и есть, такъ сказать, ея „субъективное отраженіе“.

**) Мы оставляемъ въ сторонѣ цѣлый рядъ еще иныхъ способовъ воздѣйствія человѣка на человѣка, какъ „пріучиваніе“, „внушеніе“ безъ гипноза и съ гипнозомъ, и т. д. Этого требу-

Digitized by Google

Заканчивая свой рядъ иллюстрацій, мы остановимся на одной группѣ явленій, играющей громадную роль въ процессахъ психической жизни и психическаго развитія — на явленіяхъ *труда*.

IX.

Трудъ есть сознательно-цѣлесообразная дѣятельность. Это общепринятое опредѣленіе мы сдѣлаемъ исходной точкой нашего—по необходимости бѣглаго—анализа.

Слово «дѣятельность» въ этомъ опредѣленіи выражаетъ волевой или, что, какъ мы видѣли, есть то же самое, *иннерваціонный* характеръ трудовыхъ комплексовъ. Иннервація представляетъ изъ себя затрату энергіи психической системы. Такимъ образомъ трудъ, какъ дѣятельность, есть затрата энергіи, а затрата энергіи соотвѣтствуетъ отрицательному аффекціоналу психическаго комплекса. Значитъ ли это, что трудъ всегда «непріятенъ»?

Такъ было бы, если бы иннерваціонный комплексъ всецѣло, безъ остатка заполнялъ собою поле сознанія. Но въ этомъ полѣ, кромѣ него, всегда имѣются другіе комплексы: во-1), представленіе цѣли труда, почти всегда съ положительной, «пріятной» окраской, во-2), различныя ощущенія и воспріятія, получаемыя при процессѣ труда отъ внѣшней среды,

---

ютъ рамки нашей статьи. Но если читатель попробуетъ самъ приложить къ этимъ явленіямъ пріемы, основанные на идеѣ психическаго подбора, то, какъ намъ кажется, онъ можетъ легко убѣдиться, что идея эта нигдѣ не встрѣчаетъ дѣйствительныхъ противорѣчій и даетъ живое освѣщеніе самымъ разнообразнымъ фактамъ изъ этихъ, какъ и изъ другихъ областей психическаго опыта.

Психо-паталогія—такое же законное поле примѣненія идеи психическаго подбора, какъ „нормальная“ психологія. Данныя той и другой одинаково должны дать матеріалъ для научно-организованныхъ практическихъ примѣненій этой идеи.

Digitized by Google

а также ассоціированныя съ ними представленія, и т. д. Всѣ эти сопутствующіе комплексы могутъ обладать настолько высокимъ положительнымъ аффекціоналомъ, что все поле сознанія пріобрѣтаетъ нерѣдко характеристику «пріятнаго»: трудъ тогда становится «наслажденіемъ». — Но если сопутствующіе комплексы «безразличны», т. е. въ совокупности обладаютъ ничтожнымъ аффекціоналомъ, то сразу обнаруживается, что трудъ, какъ таковой, какъ затрата энергіи, обладаетъ окраской «страданія». Недаромъ во многихъ языкахъ понятія «труда» и «страданія» настолько близки между собою, что выражаются словами одного корня, или даже однимъ и тѣмъ же словомъ.

Тутъ, впрочемъ, есть еще одно, для насъ очень важное, осложняющее обстоятельство. При процессѣ труда затрата энергіи въ значительной — если не въ большей — своей части совершается за счетъ «внѣ-сознательныхъ» координацій, за предѣлами сознанія. «Главная координація» лишь нѣкоторой долей участвуетъ въ общей затратѣ энергіи системы,—это становится очевиднымъ, если мы будемъ разсматривать процессъ труда съ физіологической его стороны. «Центрами сознанія» являются, насколько можно судить, только «высшіе» центры нервной системы, «низшіе» же — спинно-мозговые, гангліозные, субкортикальные, — всѣ или отчасти, — служатъ центрами «безсознательныхъ реакцій». Намъ нѣтъ надобности повторять, что съ эмпиріомонистической точки зрѣнія, тутъ не можетъ быть и рѣчи объ абсолютно-безсознательномъ, что дѣло сводится къ нѣкоторой реальной *отдѣльности* низшихъ ассоціативныхъ координацій отъ главной. Для насъ важно то, что при трудовыхъ процессахъ низшіе центры нервной системы являются ближайшимъ источникомъ той иннерваціи, которая приводитъ въ движеніе мускульный аппаратъ. Высшіе центры въ сферѣ «произвольныхъ» дѣйствій играютъ по отношенію къ низшимъ двигательнымъ центрамъ роль, приблизительно, разряжающей ихъ гальванической баттареи,—даютъ толчекъ, ведущій къ освобожденію накопленной потенціальной энергіи послѣднихъ.

Digitized by Google

Можно поэтому съ полнымъ основаніемъ принимать, что бо́льшая часть трудовыхъ затратъ энергіи выполняется не за счетъ главной координаціи переживаній, и что поле сознанія окрашивается отрицательнымъ аффекціоналомъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ это было бы, если бы вся сумма происходящей иннерваціи «сознавалась» *). Понятно, что такой, относительно слабый, отрицательный аффекціоналъ сравнительно часто можетъ перевѣшиваться положительнымъ аффекціоналомъ сопутствующихъ переживаній, и трудъ тогда является «пріятнымъ». Однако до сихъ поръ въ исторіи человѣчества это отнюдь не наиболѣе частый случай.

Какъ было уже упомянуто, трудъ не есть просто иннервація, его необходимый моментъ составляетъ *сознаніе цѣли.*— Анализировать понятіе цѣли, излагать генезисъ реальнной телеологіи жизни мы здѣсь не станемъ, такъ какъ это много разъ дѣлалось другими, и представляетъ вещи достаточно извѣстныя. Для нашей задачи существенно вотъ что. «Цѣль» есть комплексъ-о́бразъ, который съ большей или меньшей степенью ясности и полноты сопутствуетъ всѣмъ волевымъ комплексамъ, входящимъ въ данный процессъ труда. Это—«представленіе», а не «воспріятіе», т. е. образъ, не находящійся въ непосредственномъ соотношеніи съ какими-нибудь воздѣйствіями среды, которыя бы въ немъ ближайшимъ образомъ «отражались» и прямо его «вызывали» въ психическомъ полѣ, а *косвенное* и *производное* отраженіе такихъ воздѣйствій. Комплексъ-«цѣль» обладаетъ, вообще говоря, положительнымъ аффекціоналомъ или, по крайней мѣрѣ, наименьшимъ отрицательнымъ по сравненію со всѣми, которые съ нимъ конкуррируютъ въ данной психикѣ. Именно благо-

---

*) Этимъ фактическимъ преобладаніемъ „внѣ-сознательной“ иннерваціи объясняется, какъ мы полагаемъ, въ значитильной мѣрѣ и то обстоятельство, что вопросъ о самомъ существованіи „иннерваціонныхъ ощущеній“ такъ долго оставался нерѣшеннымъ, и даже, до весьма недавняго времени, чаще рѣшался отрицательно.

Digitized by Google

даря такому аффекціоналу цѣль, такъ сказать, фиксируется въ сознаніи на время трудового процесса.

Представленіе цѣли «опредѣляетъ» собою трудовые акты. Изъ числа возникающихъ волевыхъ комплексовъ - стремленій въ психикѣ удерживаются и развиваются до степени «дѣйствій» тѣ, которые находятся въ соотвѣтствіи съ комплексомъ-цѣлью, т. е. въ соединеніи съ нимъ представляютъ наибольшій положительный или наименьшій отрицательный аффекціоналъ; тѣ же, которые находятся въ противорѣчіи съ этимъ комплексомъ, т. е., комбинируясь съ нимъ, даютъ менѣе благопріятный аффекціоналъ, устраняются въ конкурренціи съ первыми. Ясно, что все это—прямой результатъ психическаго подбора, результатъ, который могъ бы быть теоретически предусмотрѣнъ на основаніи даннаго принципа.

«Цѣль» опредѣляетъ собою трудовой процессъ такимъ образомъ, что она имъ «достигается». Это значитъ, что въ результатѣ труда *представленіе* цѣли (осуществляемой) смѣняется *воспріятіемъ* цѣли (какъ осуществленной). Отношеніе психической системы къ ея «средѣ» существенно измѣняется въ опредѣленномъ пунктѣ: переживаніе, которое не имѣло для себя прямо соотвѣтствующаго комплекса въ этой средѣ, теперь его имѣетъ; оно становится *непосредственнымъ* переживаніемъ. Колонистъ, положимъ, строитъ домъ. Домъ - цѣль есть только представленіе, болѣе или менѣе блѣдный производный комплексъ, образованный психикой изъ матеріала прежнихъ непосредственныхъ переживаній (воспріятія раньше видѣнныхъ домовъ и т. п.). Домъ, построенный означаетъ массу непосредственныхъ воспріятій, первичныхъ переживаній, являющихся въ свою очередь живымъ матеріаломъ для еще большей массы переживаній вторичныхъ, производныхъ *).

*) Мы взяли наиболѣе типичный примѣръ — трудъ, измѣняющій отношенія системы къ „внѣшней средѣ“. Но возможенъ, какъ мы знаемъ, и трудъ, измѣняющій непосредственно только внутреннія отношенія психической системы, напр., трудъ выработки себѣ міровоззрѣнія, воспитанія въ себѣ характера и

Digitized by Google

Трудъ, какъ процессъ достиженія цѣли, есть процессъ *приспособленія*. Другими словами, измѣняя отношенія комплексовъ «психики» и «среды», онъ измѣняетъ ихъ въ сторону большей взаимной гармоніи этихъ двухъ рядовъ. Такъ, постройка дома приводитъ къ тому, что изъ психическаго опыта колониста устраняется масса воспріятій «непріятнаго» характера — холодъ, сырость и т. д. и смѣняются воспріятіями «пріятными». Въ результатѣ является повышеніе жизнеспособности психической системы, возрастаніе ея энергіи. Конечно, иногда трудъ даетъ совсѣмъ иные результаты. Но для вопроса о психическомъ развитіи, его средствахъ и путяхъ важно то, что относится къ *полезному* труду, успѣшному, повышающему энергію системы.

Теперь нашъ анализъ выяснилъ намъ достаточное количество данныхъ, чтобы, опираясь на идею психическаго подбора, сдѣлать нѣкоторые опредѣленные выводы о значеніи полезнаго труда въ дѣлѣ преобразованія психической системы.

Трудъ означаетъ затрату энергіи психической системы, какъ со стороны ея главной («сознательной»), такъ и со стороны подчиненныхъ, побочныхъ («внѣ-сознательныхъ») коор-

---

т. п. Но въ этихъ (производныхъ, вторичныхъ) формахъ труда обнаруживается только относительность понятія „среды". Если человѣкъ ставитъ своей цѣлью выработку цѣльнаго міровоззрѣнія, стройной познавательной организаціи опыта, то это значитъ, что извѣстныя области или стороны его психическаго опыта неорганизованы и дисгармоничны, и „воспринимаются" самой психикой въ отрицательной окраскѣ (т. е., выступая въ полѣ сознанія, окрашиваютъ его отрицательнымъ аффекціоналомъ). Эти области и стороны психической системы и составляютъ для болѣе организованной ея части ту „среду", которая преобразуется прецессомъ труда. Единство психики отнюдь не имѣетъ абсолютнаго характера, и взаимная неприспособленность одного и другого какого-нибудь ряда ея комплексовъ дѣлаетъ одинъ изъ нихъ „внѣшней средой" для другого, внѣшней лишь относительно, разумѣется. Терминъ „среда" примѣняется при этомъ къ *менѣе* организованному ряду.

Digitized by Google

динацій. Затрата энергіи ведетъ къ отрицательному психическому подбору. И подборъ этотъ совершается тогда не только въ полѣ сознанія. Какъ мы выясняли, *внѣ-сознательныя координаціи переживаній организованы по тому же ассоціативному типу, по какому и главная координація; а слѣдовательно и онѣ подлежатъ такому же психическому подбору*. Этотъ подборъ не воспринимается въ видѣ «удовольствія» и «страданія» по той же причинѣ, по какой не воспринимается въ такомъ видѣ психическій подборъ, протекающій въ *чужой* психикѣ: потому что онъ совершается въ предѣлахъ этой координаціи, не той, которая составляетъ содержаніе психическаго опыта даннаго лица. Тѣмъ не менѣе, онъ неизбѣжно совершается, и въ разбираемомъ нами случаѣ именно какъ подборъ отрицательный. Естественно, что онъ приноситъ съ собою и свою типическую тенденцію развитія системы: это тенденція гармонизирующая, «монистическая». При этомъ ея дѣйствіе простирается не только на главную координацію, но также не въ меньшей или даже въ большей степени—на координаціи подчиненныя, второстепенныя.

Въ этомъ существенное отличіе и жизненное преимущество данной формы отрицательнато подбора предъ всѣми другими. Различныя страданія, зависящія отъ жизненныхъ невзгодъ—горе, печаль, боль и т. под.—поскольку они не разрушаютъ, а развиваютъ психику, вносятъ въ нее также монистическую, гармонизирующую тенденцію. Но совершенно не является необходимымъ, чтобы тенденція эта захватывала и низшія координаціи; во многихъ случаяхъ даже навѣрное дѣйствіе отрицательнаго подбора ограничивается областью „сознанія", въ другихъ случаяхъ оно, вѣроятно, распространяется и за ея предѣлы, но нельзя даже приблизительно судить, въ какомъ направленіи, на какія именно частныя координаціи. Словомъ, здѣсь дѣйствіе психическаго подбора либо узко и односторонне, либо сравнительно безсистемно, такъ что должно меньше поддаваться регулированію. При трудовыхъ процессахъ оно, въ общемъ, разносторонне, потому что шире захва-

Digitized by Google

тываетъ психическую жизнь, и систематичнѣе, потому что простирается на рядъ координацій жизненно-связанныхъ между собою отношеніемъ къ опредѣленной системѣ воздѣйствій среды, къ измѣненію которыхъ направленъ данный трудовой процессъ.

Съ другой стороны, полезный трудъ характеризуется тѣмъ, что въ конечномъ его результатѣ является возрастаніе энергіи системы, такъ что жизненный плюсъ, возникающій изъ новыхъ отношеній системы къ ея средѣ, даже превышаетъ общую сумму трудовыхъ затратъ энергіи. А это, конечно, означаетъ положительный психическій подборъ, по размѣрамъ своего дѣйствія не уступающій въ данномъ случаѣ отрицательному, и слѣдующій за нимъ во времени. Онъ приноситъ расширеніе психической жизни въ сторону ассоціативнаго творчества и волевой активности. И опять-таки расширеніе это не такъ неопредѣленно и безсистемно, какъ при какихъ-либо случайно возникающихъ «радостяхъ» и «наслажденіяхъ»; здѣсь оно распространяется ближайшимъ образомъ на тотъ же рядъ комплексовъ, который подвергается гармонизирующему дѣйствію отрицательнаго подбора, обусловленнаго даннымъ процессомъ труда.

Таково ближайшее вліяніе полезнаго труда на психическое развитіе. Но существуетъ еще вліяніе косвенное, быть можетъ, еще болѣе значительное и важное, хотя и менѣе опредѣленное. Измѣняются отношенія «психики» къ ея «средѣ», измѣняется непосредственное содержаніе того и другого ряда комплексовъ опыта, и «среда» становится для «психики» источникомъ новыхъ и новыхъ воспріятій; возрастающій такимъ образомъ матеріалъ непосредственныхъ переживаній становится исходной точкой для дальнѣйшаго развитія.

Величайшій соціологъ въ основу своей теоріи общественнаго развитія положилъ такую мысль: измѣняя въ процессѣ труда природу внѣшнюю, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу. Нашъ психогенетическій анализъ позволяетъ придать этой формулѣ болѣе конкретное содержаніе: въ про-

Digitized by Google

цессѣ полезнаго труда, человѣкъ измѣняетъ свою природу въ сторону возрастанія гармоніи и полноты своей жизни и измѣнчивости ея формъ.

Дѣйствіе психическаго подбора узко и случайно, какъ узко и случайно его поле—данное поле сознанія. Дѣйствіе это зачастую противорѣчиво: принося частную гармонизацію отдѣльнаго уголка системы, оно иногда увеличиваетъ тѣмъ самымъ ея общую дисгармонію; развивая отдѣльную область психики, оно дѣлаетъ это нерѣдко за счетъ другихъ ея областей; оно же создаетъ вредныя для психики привычки и поддерживаетъ гибельныя для ея жизни стремленія. Оно есть стихійное явленіе.

Въ процессѣ труда—полезнаго труда—психическій подборъ получаетъ опредѣленное направленіе; и это направленіе есть жизненно-прогрессивное. Здѣсь психическій подборъ утрачиваетъ свой стихійный характеръ—свою узость и неопредѣленность.

Трудъ преобразуетъ психику. Это было давно извѣстно, и служило базисомъ для безчисленныхъ примѣненій, раціональныхъ и не раціональныхъ *). Но въ прогрессивномъ для жизни направленіи измѣняетъ психику только трудъ полезный. А полезнымъ для развитія съ точки зрѣнія личности, какъ от-

---

*) Примѣръ раціональныхъ примѣненій — „интересный“ и „пріятный“ трудъ, какъ воспитательное средство. Примѣръ нераціональныхъ—принудительный трудъ, какъ „исправительное“ средство. Принудительный трудъ есть растрата энергіи которая, вообще говоря, *не* вознаграждая соотвѣтственнымъ или большимъ возрастаніемъ энергіи, являющимся въ результатѣ этой же растраты (противоположный случай можетъ быть только исключеніемъ). Поэтому онъ представляетъ изъ себя не болѣе, какъ частный случай „наказанія“, и подлежитъ всей той критикѣ, которой подлежитъ принципъ „наказанія“. При извѣстныхъ условіяхъ и онъ, слѣдовательно, „полезенъ“ для психическаго развитія, но только при извѣстныхъ условіяхъ, и эта полезность есть всегда дифференціальная величина: полезность „меньшаго изъ золъ“.

Digitized by Google

дѣльной психической организаціи, можетъ быть только такой трудъ, который вытекаетъ изъ этой самой организаціи, изъ собственныхъ и основныхъ потребностей личности. Это трудъ въ полномъ смыслѣ слова «сводный», трудъ, цѣль котораго не «навязывается» личности никакимъ «внѣшнимъ принужденіемъ», т.-е. дисгармонически вступающимъ въ ея опытъ комплексомъ—насиліемъ другого человѣка, властью голода, безразлично.

Исторія ставитъ сложные вопросы, и она же ихъ упрощаетъ. Въ наше время она превращаетъ вопросъ о систематическомъ, планомѣрномъ, непрерывно прогрессивномъ развитіи человѣческой психики—въ вопросъ *о свободномъ* трудѣ.

Digitized by Google

ДВѢ ТЕОРІИ ЖИЗНЕРАЗНОСТИ.

Въ основу своей теоріи психическаго подбора я положилъ опредѣленную психо-энергетическую идею: постоянное соотвѣтствіе между «удовольствіемъ» и повышеніемъ энергіи центровъ сознанія съ одной стороны, между «страданіемъ» и пониженіемъ энергіи—съ другой.

Если теорія психическаго подбора позволяетъ «объяснить», т.-е. стройно систематизировать въ упрощающихъ схемахъ, многое, «не - объясненное» или «менѣе объясненное» другими доктринами, то въ этой самой теоріи слѣдуетъ видѣть сильнѣйшее доказательство правильности моей энергетики удовольствія и страданія. Такъ ли обстоитъ дѣло въ дѣйствительности—должна судить научная критика.

Но если бы удалось показать, что эта энергетика по существу невѣрна, то теорія психическаго подбора, на нее опирающаяся, могла бы быть отвергнута уже a priori, безъ всякой детальной критики. Поэтому я обязанъ особенно внимательно считаться съ возраженіями противъ моего пониманія связи между «аффекціоналомъ» и измѣненіями энергіи нервныхъ центровъ.

Такія возраженія дѣлаетъ А. Луначарскій въ своемъ «Изложеніи критики чистаго опыта» Р. Авенаріуса. А. Луначарскій защищаетъ противъ меня ученіе Авенаріуса объ аффек-

Digitized by Google

ціоналѣ, ученіе, по которому удовольствіе связано съ уменьшеніемъ жизнеразности, а страданіе съ ея возрастаніемъ, все равно, будетъ ли эта жизнеразность заключаться въ перевѣсѣ «питанія» надъ «работою», или наоборотъ.

Я съ тѣмъ большей охотой пересмотрю аргументы Луначарскаго, что это дастъ мнѣ поводъ привести новыя общія доказательства правильности моей точки зрѣнія.

Свою критику Авенаріуса я началъ съ указанія на то, насколько неудачно выбралъ онъ понятіе «питанія» для характеристики одной стороны подвижного равновѣсія жизни, если другую его сторону онъ характеризуетъ, какъ «работу». Эти понятія просто *не соотносительны* другъ другу: «питаніе есть *доставка* къ данному органу матеріаловъ для жизненной ассимиляціи, но не самая эта ассимиляція, «работа» же есть *непосредственная дезассимиляція* энергіи. Употребляя самое современное сравненіе, понятія эти находятся въ такомъ взаимномъ отношеніи, какъ рекрутскій наборъ и потери людьми въ битвѣ: одно другимъ отнюдь не можетъ прямо уравновѣшиваться, убитые и раненые не могутъ замѣщаться прямо рекрутами, армія должна «ассимилировать» это свое «питаніе», рекруты должны обучиться и быть размѣщены по отрядамъ, чтобы стать настоящимъ «плюсомъ» арміи въ полномъ соотвѣтствіи «минусу» потерь. Напротивъ, большое количество рекрутовъ можетъ требовать отвлеченія значительной части силъ арміи для ихъ обученія, дисциплинированія и т. д., что для дѣйствующей арміи составляетъ непосредственный минусъ, а не плюсъ. По этимъ соображеніямъ, до очевидности простымъ и яснымъ, я предлагаю связывать въ понятіи «жизнеразности» болѣе строгія и точныя, а въ то же время и вполнѣ соотносительныя понятія «усвоенія» и «траты» энергіи, ассимиляціи и дезассимилиціи.

Далѣе, я указывалъ, что при такомъ, логически законченномъ, пониманіи жизнеразности, вполнѣ очевиднымъ является

Digitized by Google

обратное жизненное значеніе двухъ типовъ жизнеразностей: перевѣсъ усвоенія надъ тратою есть повышеніе энергіи жизни, возможность большихъ затратъ въ дальнѣйшемъ, непосредственное увеличеніе жизнесохранимости перевѣсъ затратъ— пониженіе энергіи жизни, уменьшеніе жизнесохранимости. Для Авенаріуса же всякая жизнеразность есть уменьшеніе жизнесохранимости, и самое большее, чего можетъ достигать жизненная система въ своей борьбѣ за существованіе, это «поддержанія» себя «среди уменьшеній жизнесохранимости», но отнюдь не увеличенія жизнесохранимости.

Эти соображенія Луначарскій стремится разбить; напрягая все богатство своей критической фантазіи, чтобы отстоять построенія своего учителя. Луначарскій пытается сначала доказать, что я не вполнѣ понялъ Авенаріуса, не постаравшись «охватить общій смыслъ» его ученія. Онъ цитируетъ мою аргументацію (стр. 99—101 въ сборникѣ «Эмпиріомонизмъ»), и возражаетъ такъ:

«Прежде всего критикъ косвенно заставляетъ думать, что фраза Авенаріуса: «либо уменьшеніе, либо поддержаніе системы при наличности уменьшеній» означаетъ, что абсолютное уменьшеніе жизнеспособности констатируется какъ нѣчто неизбѣжное. Между тѣмъ смыслъ фразы совсѣмъ не таковъ: измѣненія системы С. разсматриваются либо какъ *уменьшеніе* жизнесохранимости, либо какъ *поддержаніе* ея, что очевидно уже исключаетъ мысль объ уменьшеніи, но такъ какъ это поддержаніе ея должно уже считаться съ наличностью предшествующихъ и грядущихъ уменьшеній (unter solchen Verminderungen), то, очевидно, оно должно являться *новымъ типомъ* жизнесохранимости». (Изложеніе критики чист. опыта, стр. 60).

Ухищренія Луначарскаго безплодны, потому что явнымъ образомъ обходятъ вопросъ. Я указываю, что у Авенаріуса отсутствуетъ понятіе объ *увеличеніи* жизнесохранимости *),

*) Не совсѣмъ отсутствуетъ. Его нѣтъ въ основныхъ по-

Digitized by Google

такъ какъ ея уменьшенію противополагается «поддержаніе системы». Луначарскій говоритъ, что это «поддержаніе» означаетъ «новый типъ» жизнесохранимости, который можетъ являться высшимъ, т.-е. въ сущности представляетъ большую жизнесохранимость, что и иллюстрируетъ своими примѣрами. При этомъ онъ увлекается до того, что предлагаетъ «поддержанію системы» считаться не только съ «предшествующими», но и съ «грядущими» уменьшеніями жизнесохранимости. Какъ онъ ухитрился вычитать это изъ трехъ словъ «unter Solchen Verminderungen»,—это для меня загадка, но вполнѣ очевидно, что система *C*, какъ *физическій* комплексъ, не можетъ «считаться» ни съ чѣмъ «грядущимъ», и что уменьшеніе есть уменьшеніе, но поддержаніе отнюдь не есть увеличеніе; по крайней мѣрѣ это несомнѣнно по отношенію къ Авенаріусу, съ его классической точностью выраженій. Сущность дѣла заключается въ *абсолютномъ* характерѣ понятія жизнесохранимости у Авенаріуса: всякое колебаніе жизни для него есть «уменьшеніе» жизнесохранимости, а устраненіе этого колебанія—только «поддержаніе», т.-е. остановка въ уменьшеніи. Противополагать же количественному «уменьшенію» качественный «новый типъ», какъ дѣлаетъ въ увлеченіи Луначарскій, строгій формалистъ Авенаріусъ, разумѣется, не былъ бы способенъ.

Луначарскій смутно чувствуетъ, что онъ, собственно, подмѣнилъ Авенаріуса, и прилагаетъ спеціальныя усилія, чтобы

нятіяхъ и во всей работѣ, кромѣ главы о „конгрегальныхъ системахъ". Тамъ оно неожиданно, въ противорѣчіи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, всплываетъ на поверхность, держится безъ поясненій нѣсколько минутъ, и затѣмъ вновь безслѣдно исчезаетъ. Глава эта—совершенно особенная, она не сливается органически съ остальной работой, написана подъ явнымъ вліяніемъ дарвинистическихъ идей, тогда какъ въ общемъ Авенаріусъ—безнадежный ламаркіанецъ.

Въ „Указателѣ" книги имѣются термины „Verminderuug des Vital-Erhaltungswertes", и нѣтъ термина „Vermehrung dec V.-E".

Digitized by Google

устранить такое подозрѣніе. Но тутъ дѣло выходитъ еще хуже: раньше онъ, по крайней мѣрѣ, передѣлывая Авенаріуса, приспособлялъ его къ себѣ, человѣку болѣе поздняго и потому болѣе высокаго, въ цѣломъ, міровоззрѣнія, а теперь, доказывая отсутствіе такого извращенія, онъ невольно начинаетъ приспособлять уже и свои взгляды къ формуламъ Авенаріуса, искажая свое эволюціонное міровоззрѣніе. Вотъ что онъ говоритъ:

«Напрасно А. Богдановъ сталъ-бы утверждать, что мы извращаемъ смыслъ ученія Авенаріуса. Пусть онъ припомнитъ теорію «совершенной константы», и тогда ученіе Авенаріуса о развитіи предстанетъ ему самому въ слѣдующемъ видѣ: во чревѣ матери, этомъ святилищѣ сохраненія жизни, организмъ существуетъ въ почти идеальныхъ условіяхъ, т. е. ничто не нарушаетъ теченія жизни младенческаго организма, конечно маленькой и узенькой. И вотъ организмъ выталкивается въ новую среду, гдѣ онъ подвергается тысячѣ враждебныхъ вліяній: чтобы продолжать жить, онъ долженъ развить огромную систему предохранительныхъ формъ, расширить и обогатить свою жизнь (а вмѣстѣ и свое сознаніе), стремясь стать и къ этой, безконечно многообразной средѣ въ тѣ же, почти идеальныя условія: т. е. онъ долженъ приспособиться къ измѣнчивой и безконечно богатой дѣйствительности и приспособить ее къ себѣ такъ, чтобы жизнь его стала протекать гармонично, чтобы ничто не казалось ему «тайной», «неожиданностью», «опасностью», ничто не угрожало бы страданіемъ, не оскорбляло бы безобразіемъ. Путемъ роста и развитія мозга съ съ одной стороны и творческой обработки дѣйствительности съ другой,—человѣкъ идетъ къ идеальному равновѣсію между потребностями своими и средою: да, почти идеальное отношеніе, какое мы находимъ во чревѣ матери, мы должны вновь пріобрѣсти въ будущомъ, а пока мы осуществляемъ его лишь приблизительно и крайне несовершенно: нѣкогда же весь широкій міръ станетъ «священнымъ святилищемъ жизни», но жизни безконечно усложнющейся, ибо приспособленной не къ чреву матери, а къ безконечной природѣ».

Digitized by Google

«Это достойный идеалъ! Жаль, что А. Богдановъ не захотѣлъ понять прекрасныя мысли ученія нашего философа и такъ небрежно отнесся къ его теоріи развитія» (стр. 61, 62).

Отвѣчаю категорически: идеалъ *не* достойный, мысли *не* прекрасныя. Жить въ святилищѣ *сохраненія* жизни, маленькомъ или большомъ, я не стремлюсь, да и самъ Луначарскій, подумавши, откажется, конечно, отъ этой квартиры.

Безконечный *ростъ* жизни совсѣмъ не то, что ея идеальное *сохраненіе* во чревѣ матери-природы. Перманентная *возможность успѣшной борьбы* за удовлетвореніе новыхъ и новыхъ, порождаемыхъ ударами и ласками этой матери, потребностей—совсѣмъ не то, что «идеальное *равновѣсіе* между потребностями и средою». Если Луначарскій скажетъ, что онъ подразумѣваетъ въ числѣ этихъ потребностей и потребность въ развитіи, ростѣ, расширеніи жизни, то это будетъ игра словъ: какъ можно тогда говорить о «равновѣсіи потребностей со средою»,—потребность въ развитіи означаетъ именно отсутствіе этого равновѣсія, она имъ исключается, если только не понимать ее мистически, какъ внутреннее стремленіе, имманентное человѣческой душѣ. Въ отсутствіи равновѣсія потребностей и среды лежитъ, въ конечномъ счетѣ, исходная точка всякаго возможнаго развитія.

Итакъ, я могу только повторить свое обвиненіе противъ теоріи Авенаріуса:

«Въ формулировкѣ Авенаріуса чувствуются остатки консервативнаго, статическаго пониманія жизни, того, которое шагъ за шагомъ устраняется въ развитіи эволюціоннаго мышленія».

Я даже прибавлю теперь новое обвиненіе:

«Формулировка эта имѣетъ свойство запутывать въ сѣть остатковъ консервативнаго мышленія даже тѣхъ, въ общемъ чуждыхъ статикѣ, мыслителей, которые, увлекаясь излишнимъ піететомъ по отношенію къ своему покойному учителю, стараются во что бы то ни стало отстоять всѣ его построенія».

Дальше, Луначарскій пытается защитить понятіе Авенаріуса о жизнеразности со стороны его логичности:

Digitized by Google

«А. Богдановъ возстаетъ противъ термина *питаніе*; онъ хочетъ, чтобы Авенаріусъ говорилъ объ ассимиляціи энергіи и ея расходѣ. Если бы Авенаріусъ не затемнялъ вопроса терминомъ «питаніе», то для него было бы ясно, что ассимиляція энергіи, въ какомъ бы то ни было количествѣ, никогда не была бы излишней, а расходъ ея всегда понижаютъ жизнесохранимость, утверждаетъ критикъ.

«Но въ данномъ случаѣ А. Богдановъ разсуждаетъ совершенно абстрактно, отрывается отъ фактовъ, и потому начинаетъ себѣ самому противорѣчить.

«Что является условіемъ возможно большей ассимиляціи энергіи? Можетъ ли эта ассимиляція происходить какъ-то сама по себѣ?

«Нѣтъ! если не единственнымъ, то безконечно наиважнѣйшимъ источникомъ того матеріала, изъ котораго черпается ассимилируемая энергія, является питаніе. Возможно ли, однако, признать, что ассимиляція энергіи прямо зависитъ отъ количества питанія? Нѣтъ! Напротивъ, при условіи покоя, отсутствіи работы даннаго органа—ассимиляціи не происходитъ. Это признаетъ и Богдановъ. Итакъ, работа есть необходимая предпосылка дальнѣйшей ассимиляціи, т. е. существуютъ случаи, когда работа является необходимостью, когда отсутствіе ея безусловно означало бы *пониженіе* жизнесохранимости. Въ этихъ случаяхъ въ наличности должна быть жизнеразность, отражаемая въ сознаніи, какъ потребность въ движеніи, въ работѣ, какъ Arbeitsbedürfniss, Mehrarbeitsbedürfniss. И въ опытѣ мы встрѣчаемъ соотвѣтственное чувство на каждомъ шагу. Теорія А. Богданова оставляетъ совершенно необъяснимымъ огромный рядъ относящихся сюда фактовъ (игра, творчество—плодъ *Σχολή*, вся роскошь жизни, какъ исходъ для *избытка силъ*).

«Но очевидно, что при недостаточномъ питаніи потребность въ расходованіи никогда не могла бы ощущаться»... и т. д. (Излож. Авен. стр. 62—63).

Начну съ возстановленія своихъ мыслей. Я никогда не

Digitized by Google

утверждалъ, что «ассимиляція энергіи въ какомъ бы то ни было количествѣ никогда не излишня, а расходы ея всегда понижаютъ жизнесохранимость», какъ это по недоразумѣнію приписываетъ мнѣ Луначарскій.

Я строго различалъ *непосредственное* повышеніе или пониженіе жизнесохранимости, совпадающее съ той или иной жизнеразностью, отъ *косвенныхъ* ея результатовъ, которые могутъ быть иногда и прямо противоположными. Я старательно выяснялъ, что ассимиляція, совершаясь недостаточно гармонично, можетъ такъ измѣнить строеніе системы, что система станетъ менѣе устойчивой, и перейдетъ къ сильнымъ колебаніямъ въ противоположную сторону, въ сторону растратъ энергіи. Я указывалъ примѣры такого рода (сплинъ, какъ результатъ долгой привольной жизни, и т. под.), при чемъ сравнивалъ такія явленія съ кризисами перепроизводства въ экономической жизни: ростъ производительныхъ силъ капиталистическаго общества есть, конечно, непосредственный жизненный плюсъ для него, однако при извѣстныхъ условіяхъ именно этотъ ростъ приводитъ къ еще большимъ ихъ растратамъ, къ нѣкоторой экономической деградаціи.

Авенаріусъ, а за нимъ Луначарскій, никакъ не желаютъ различать *непосредственныхъ* измѣненій жизнесохранимости отъ *послѣдующихъ результатовъ* этихъ измѣненій; и такое же смѣшеніе несправедливо приписалъ мнѣ Луначарскій.

Кромѣ того, Авенаріусъ и Луначарскій упорно смѣшиваютъ, а я не желаю этого дѣлать,—*источникъ* или *условіе* ассимиляціи—питаніе—съ самой этой ассимиляціей.

Изъ этихъ двухъ смѣшеній и возникаютъ аргументы Луначарскаго. Онъ говоритъ: «существуютъ случаи, когда работа является необходимостью, когда отсутствіе ея означало бы *пониженіе* жизнесохранимости». Прекрасно, что же изъ этого? Есть случаи, когда работа—затрата энергіи—необходима для надлежащей ассимиляціи или для предупрежденія гораздо большихъ затратъ энергіи на внутреннія перегруппировки въ самой системѣ. Есть случаи, когда надо затратить лишній ком-

Digitized by Google

плексъ, чтобы получить гораздо большую прибыль; слѣдуетъ ли изъ этого, что затрата капитала *непосредственно* повышаетъ его величину, или что чрезмѣрная прибыль является для капитала болѣзненной жизнеразностью, что она понижаетъ соціальную жизнесохранимость капитала? Аналогія, очевидно, полная.

Луначарскій думаетъ, что игра, творчество и т. п. полезныя затраты при «избыткѣ силъ», не укладываются въ рамки моей теоріи. Но чего же проще? «Избытокъ силъ» накопился отъ положительныхъ жизнеразностей, отъ перевѣса усвоенія надъ затратами. Его накопленіе совершалось не идеально-гармонично, и привело къ менѣе устойчивому равновѣсію системы; всякіе дальнѣйшіе толчки вызываютъ уже повышенную растрату энергіи. Но эта растрата можетъ совершаться разными путями, съ одной стороны при помощи химическихъ и физическихъ реакцій, не переходящихъ за предѣлы системы *C*, съ другой стороны—при помощи иннерваціонныхъ реакцій, приводящихъ въ движеніе разные подчиненные органы. Въ первомъ случаѣ, когда система *C*, такъ сказать, варится въ собственномъ соку — растрата энергіи не порождаетъ никакого плюса жизни, это только растрата, отрицательная жизнеразность: система *C* «страдаетъ» отъ избытка силъ, не примѣняемыхъ для внѣшнихъ реакцій, но тѣмъ не менѣе расходуемыхъ внутри системы и въ ея ближайшей физіологической средѣ. Въ второмъ случаѣ, когда «избытокъ силъ» тратится во внѣшній міръ, это приводитъ къ непрерывнымъ перемѣнамъ въ отношеніяхъ организма къ его средѣ, а слѣдовательно къ новымъ и новымъ «впечатлѣніямъ». Эти послѣднія могутъ либо сами быть прямымъ источникомъ ассимиляціи для системы *C* (поскольку энергія раздраженій задерживается и накопляется въ клѣткахъ—совсѣмъ особый родъ «питанія»), либо косвенно вызывать въ ней повышеніе ассимиляціи, какъ ея «физіологическій стимулъ» (измѣняя химическое состояніе нервныхъ клѣтокъ съ одной стороны, физическія условія кровооообращенія въ мозгу—съ другой). Въ обоихъ случаяхъ *для центровъ созна-*

Digitized by Google

нія можетъ установиться положительная жизнеразность, перевѣсъ усвоенія («игра, творчество—пріятны»), хотя *организмъ въ цѣломъ* больше тратитъ, чѣмъ усвояетъ (перевѣсъ работы низшихъ двигательныхъ центровъ, изнашиваніе мускуловъ и друг. тканей). Однако, черезъ нѣкоторое время затраты другихъ органовъ и тканей, возрастая и измѣняя ихъ физіологическое состояніе, начинаютъ отражаться и на центрахъ сознанія: получаются уже не тѣ, гармонически-стимулирующія ассимиляцію впечатлѣнія, а иныя, дисгармоничныя, ведущія къ увеличенію затратъ энергіи центровъ сознанія *). Тогда перевѣсу ассимиляціи приходитъ конецъ, система *С* «утомлена», «игра, творчество перестали быть пріятны».

Образцомъ поспѣшности можно считать заявленіе Луначарскаго, что «при недостаточномъ питаніи потребность въ расходованіи, очевидно, никогда не могла бы ощущаться». Недостаточное питаніе, уменьшая жизненную устойчивость системы, на каждомъ шагу приводитъ къ усиленному расходованію энергіи, какъ и въ любой общественной системѣ недостатокъ средствъ обыкновенно приводитъ къ излишнимъ при болѣе нормальныхъ условіяхъ затратамъ **). А «ощущеніе потребности» въ расходованіи, согласно современнымъ психофизіологическимъ теоріямъ, именно и означаетъ, что это расходованіе уже началось, но еще не вышло за предѣлы системы, не проявилось во внѣшнемъ мірѣ. «Очевидно», что

---

*) Да и помимо этого, усиленная ассимиляція въ самихъ высшихъ центрахъ никогда не совершается вполнѣ гармонично, физіологическое состояніе клѣтокъ становится менѣе устойчивымъ, и за извѣстнымъ предѣломъ ихъ энергія начинаетъ разсѣиваться. И наконецъ, ассимиляція вполнѣ гармоничная также за извѣстнымъ предѣломъ можетъ переходить въ разсѣяніе энергіи, если данное строеніе клѣтки и окружающихъ тканей допускаетъ разность напряженій энергіи между ними не больше опредѣленной величины.

**) Физіологамъ хорошо извѣстно, что недостатокъ питанія есть уже самъ по себѣ *раздраженіе*.

Digitized by Google

«при недостаточномъ питаніи потребность въ расходованіи» можетъ, и зачастую должна «ощущаться».

Идемъ за нашимъ критикомъ дальше:

«Много ударовъ наноситъ А. Богдановъ ученію объ аффекціоналѣ, стараясь доказать, что удовольствіе сопутствуетъ ассимиляціи, а неудовольствіе диссимиляціи энергіи. Однако, при этомъ имъ совершенно упускается фактъ, что, напр., бодрому, свѣжему человѣку доставляетъ удовольствіе бѣгать, прыгать, бороться, рѣшать задачи и загадки и т. д., для усталаго же все это, прямо, мука. Этотъ примѣръ съ очевидностью доказываетъ, что одинъ и тотъ же процессъ (будь то ассимиляція или трата энергіи) можетъ сопровождаться разнымъ аффекціоналомъ, фактъ, вполнѣ ясно истолковываемый Авенаріусомъ и совершенно непонятный съ точки зрѣнія А. Богданова (стр. 63)».

Отвѣтъ на это замѣчаніе, въ сущности, уже только-что данъ мною. Не могу однако не обратить вниманія критика на то, какъ быстро и легко устанавливаются у него, говоря на авенаріанскомъ языкѣ, «иденціалы». Одинъ и тотъ же процессъ! Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что въ системѣ *C* при «бѣганьи» бодраго и утомленнаго человѣка протекаютъ *совсѣмъ различные* процессы, имѣющіе только одну общую, да и то не въ смыслѣ полнаго тожества, часть: иннервацію извѣстнаго ряда произвольныхъ мускуловъ. Неужели одного и того-же слова «бѣганье» достаточно, чтобы установить тожество процессовъ? Піететъ—хорошая вещь, но не надо увлекаться.

Я указывалъ, между прочимъ, на то, что біологическая роль аффекціонала для той точки зрѣнія, которую я защищаю, вполнѣ ясна и понятна: выражая прямо пониженіе или повышеніе энергіи системы *C*, онъ выступаетъ какъ жизненный стимулъ, въ первомъ случаѣ для борьбы противъ неблагопріятныхъ условій, во второмъ — для стремленія къ поддержанію условій благопріятныхъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія Авенаріуса, роль эта довольно спорна, и даже загадочна: онъ отмѣчаетъ не возрастаніе или пониженіе энергіи системы, а только уклоненія отъ равномѣрности въ этомъ возрастаніи или пони-

Digitized by Google

женіи. Система *C* можетъ равномѣрно истощаться или равномѣрно расти и становиться сильнѣе — безъ всякаго указанія на это со стороны аффекціонала. Аффекціоналъ долженъ получаться отрицательный (страданіе), когда система отъ болѣе медленнаго роста и усиленія переходитъ къ болѣе быстрому, и положительный (удовольствіе), когда дѣло происходитъ наоборотъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ аффекціоналъ оказывается біологически несостоятельнымъ, что мало понятно и мало вѣроятно для современной теоріи развитія.

Луначарскій на это отвѣчаетъ:

«Однако, это такъ и есть въ дѣйствительности: человѣкъ *привыкаетъ* къ болѣзни, униженію, нищетѣ, и иногда почти не замѣчаетъ того хроническаго физіологическаго или соціальнаго недуга, который медленно ведетъ его къ гибели. Аффекціоналъ дѣйствительно даетъ далеко не точныя указанія относительно медленныхъ процессовъ, да и вообще это не такой ужъ надежный руководитель: такъ, самъ А. Богдановъ констатируетъ на слѣдующей страницѣ, что самочувствіе больного маніакальной экзальтаціей бываетъ пріятно, и приводитъ другіе подобные примѣры» (стр. 64).

Луначарскій не видитъ, что «привыканіе къ болѣзни, нищетѣ, страданію» происходитъ совсѣмъ не такъ и не въ такомъ смыслѣ, какъ это слѣдовало бы изъ представленій Авенаріуса. Кто «привыкъ» къ нищетѣ и уже «не чувствуетъ» ея, тотъ просто отъ болѣе высокаго уровня жизни, съ болѣе значительными затратами энергіи, перешелъ къ болѣе низкому уровню, гдѣ недостатокъ усвоенія уравновѣшивается меньшею тратою. «Привыкшій» къ нищетѣ живетъ въ ней часто долгіе и долгіе годы, что было бы немыслимо, если бы растраты энергіи все еще сколько-нибудь значительно превышали ея ассимиляцію.

Тѣ случаи, когда человѣкъ «не чувствуетъ» болѣзни, даже гибельной, ничего въ пользу Авенаріуса не говорятъ. *Система C* далеко не то, что весь организмъ, и нерѣдко разрушительные процессы въ другихъ органахъ и тканяхъ не производятъ

Digitized by Google

на нее непосредственно - разрушительнаго, понижающаго ея энергію, вліянія, либо въ силу отсутствія въ этихъ органахъ и тканяхъ воспринимающихъ нервныхъ аппаратовъ, либо въ силу ранняго паралича или разрушенія этихъ аппаратовъ, либо въ силу относительно бо̀льшаго сопротивленія на проводящихъ путяхъ, либо, наконецъ, просто въ силу того, что одновременно съ пониженіемъ энергіи системы *C*, отражающимъ болѣзненные процессы, происходитъ, благодаря разнымъ другимъ причинамъ, не меньшее ея повышеніе. При туберкулезѣ, напр., даже само специфическое отравленіе организма его ядомъ, повидимому, нерѣдко стимулируетъ жизнь системы *C* такъ, что ея энергія въ ходѣ болѣзни довольно долго не понижается, а повышается.

Эти случаи, такимъ образомъ, ничего не говорятъ *за* Авенаріуса. Но другіе, изъ той же области, говорятъ прямо *противъ* него.

Вы обожгли себѣ руку, отраженнымъ путемъ (раздраженіе, сжатіе сосудовъ) въ системѣ *C* устанавливается бо̀льшая *отрицательная* жизнеразность: затраты превышаютъ усвоеніе, положимъ, на 1000 единицъ энергіи. Понемногу организмъ справляется съ пораненіемъ, отраженная жизнеразность системы *C* уменьшается: 900 единицъ, затѣмъ 800 и т. д. По Авенаріусу, страданіе должно смѣниться пріятнымъ самочувствіемъ. Но въ дѣйствительности этого — увы — нѣтъ: боль остается болью, она только слабѣетъ, сообразно пониженію жизнеразности. Съ точки зрѣнія моей психо-энергетики это такъ и должно быть... *).

---

*) Правда, имѣются при этомъ и такія высказыванія: „пріятно, что боль уменьшается". Но это вторичное, отраженное удовольствіе не измѣняетъ основного факта страданія. Происхожденіе его таково: большая отрицательная жизнеразность въ — 1000 единицъ захватила цѣлый рядъ частичныхъ системъ мозга *L*, *M*, *N* и т. д. Приспособляясь къ положенію, системы эти *повысили* ассимиляцію, хотя далеко не настолько, чтобы покрыть жизнеразность. Когда жизнеразность уменьшилась,

Digitized by Google

Но чего уже окончательно нельзя допустить это—«ненадежности» аффекціонала, о которой говоритъ Луначарскій. Онъ, повидимому, допускаетъ, что аффекціоналъ можетъ *ошибочно* отражать непосредственное состояніе системы *С*, какъ показываетъ его ссылка на мой примѣръ съ маніакальной экзальтаціей. Это—форменный отказъ отъ научнаго познанія.

Между состояніемъ системы *С* и «фактомъ сознанія» нѣтъ ничего третьяго, что могло бы создавать несоотвѣтствіе между ними. Аффекціоналъ долженъ *абсолютно вѣрно* отражать состояніе той системы, съ которой онъ связанъ, но конечно—ея *непосредственное* состояніе; входить въ оцѣнку возможныхъ результатовъ этого состоянія онъ не можетъ, ибо онъ не сознающая душа, а непосредственная функція непосредственнаго физіологическаго факта. Радость маніакальнаго больного *вѣрно* отражаетъ непосредственное повышеніе энергіи его мозгового аппарата, и никакой ошибки со стороны аффекціонала тутъ нѣтъ. Ошибается, очевидно, не аффекціоналъ, а Луначарскій.

Признать, что аффекціоналъ иногда путаетъ, значитъ признать связь системы *С* съ фактами сознанія *не однозначущей*, случайной; это скрытая персонификація сознанія и допущеніе нѣкоторой «свободы воли» для аффекціонала. Вотъ куда забирается Луначарскій, стремясь защитить безнадежное дѣло.

Но въ сущности, всѣ эти предпосылки уже заключаются въ самой авенаріанской теоріи аффекціонала. Схема ея такова: на средней линіи жизненнаго равновѣсія сидитъ аффекціональное божество и смотритъ, приближается ли къ этой линіи ходъ жизненнаго процесса или удаляется; въ первомъ случаѣ

эта повышенная ассимиляція не исчезаетъ сразу, и временно въ нѣкоторыхъ изъ системъ она получаетъ перевѣсъ надъ дезассимиляціей; къ этимъ системамъ и относится чувство удовольствія. Конечно, это именно тѣ системы, которыя затронуты наиболѣе косвенно—обыкновенно, высшія системы: радость по случаю уменьшенія боли имѣетъ всегда нѣсколько *отвлеченный* характеръ.

Digitized by Google

оно довольно, во второмъ недовольно, и ему нѣтъ дѣла до того, съ какой стороны идетъ приближеніе и удаленіе, справа или слѣва, сверху или снизу. Два противоположные случая оно оцѣниваетъ одинаково. Оно понятія не имѣетъ о строго-однозначной связи. И Луначарскій упорно хочетъ вѣрить въ это неосновательное божество. Право же не стóитъ.

Я указывалъ, что самое возникновеніе жизнеразностей, т.-е. удаленіе отъ идеальнаго равновѣсія, несомнѣнно сопровождается иногда удовольствіемъ, именно тогда, когда жизнеразность положительная. Я приводилъ такой примѣръ:

«Человѣкъ находится въ спокойномъ, безразличномъ настроеніи; и вдругъ почта приноситъ ему извѣстіе, котораго онъ вовсе не ожидалъ, но которое кажется ему очень хорошимъ; или вдругъ случайная комбинація мелкихъ обстоятельствъ наталкиваетъ его на открытіе, къ которому онъ вовсе не стремился, но которое кажется ему цѣннымъ. Какія при этомъ устраняются жизнеразности? Совершенно наоборотъ, онѣ возникаютъ, но это жизнеразности положительныя» («Эмпиріомонизмъ», стр. 111).

Что же отвѣчаетъ на это Луначарскій?

«Что значитъ, что извѣстіе *кажется человѣку хорошимъ?* Очевидно это значитъ, что оно полезно ему, т.-е. разрѣшаетъ какую-либо скрытую жизнеразность. Хорошимъ человѣкъ называетъ то, что такъ или иначе способствуетъ уравновѣшенью его мозга. Если бы *открытіе* или *извѣстіе* не имѣло никакого отношенія въ моимъ *потребностямъ*, то оно было бы безполезно и безразлично для меня, но, конечно, открытіе, хотя и удовлетворяетъ моимъ потребностямъ, въ то же время ставитъ предо мною много частныхъ жизнеразностей, задачъ по части его примѣненія, и отсюда очевидно, что ему обрадуется лишь человѣкъ вообще *радующійся труду*, потому что этотъ трудъ у него является «физіологическимъ стимуломъ» къ дальнѣйшему питанію отдѣльныхъ частей мозга; тотъ, у кого нѣтъ скрытой жизнеразности перенаполненія, даже получивъ наслѣдство или согласіе любимой женщины на бракъ, думаетъ

Digitized by Google

прежде всего о безпокойствахъ и хлопотахъ». (Излож. Кр. ч. оп., стр. 64).

Догматическій характеръ возраженія очевиденъ. «Хорошимъ человѣкъ называетъ то, что способствуетъ уравновѣшенію его мозга» лишь въ томъ случаѣ, если этотъ мозгъ устроенъ по-авенаріански. Строго эволюціонная точка зрѣнія можетъ принять только такое положеніе: хорошимъ человѣкъ называетъ то, что повышаетъ энергію его мозга. Въ какой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія невидимо, но несомнѣнно присутствуетъ статическій идеалъ—это легко сообразитъ Луначарскій.—Но тутъ выясняется еще одна важная вещь.

Читая Авенаріуса, я не разъ колебался относительно того, что выражаетъ у него «жизнеразность»—*процессъ* или *предметъ*. То мнѣ казалось, что это строго-діалектическое соотношеніе: разность во всякій данный моментъ между прибывающей и утекающей энергіей. То мнѣ казалось, что это статическій фактъ: накопился излишекъ питанія и лежитъ безъ движенія—жизнеразность; произведенъ излишній расходъ и еще не возмѣщенъ—жизнеразность. У Авенаріуса есть данныя и для того и для другого пониманія. Луначарскій, очевидно, принимаетъ второе: «жизнеразность *перенаполненія*» и т. под.

Но такое пониманіе научно-непригодно. Излишекъ, недочетъ – понятія бухгалтерскія, тамъ съ ними удобно имѣть дѣло; біологіи нужны непрерывно-текучія величины, ей нужны, говоря алгебраически, *производныя*, *выражающія жизнь какъ процессъ* *). Понятія накопленнаго излишка, недочета могутъ временно годиться, какъ очень неточныя вспомогательныя понятія, но сдѣлать ихъ основными невозможно.

---

*) Съ точки зрѣнія моей теоріи, аффекціоналъ, вмѣстѣ съ его знакомъ (+ или —) и есть прямо производная отъ величины энергіи системы C по времени (если эта величина энергіи есть q, а время—t, то $\frac{dq}{dt}$ есть точное выраженіе аффекціонала съ его измѣняющимся знакомъ).

Digitized by Google

Луначарскій полагаетъ, что моей точкѣ зрѣнія противорѣчитъ фактъ «сладкой меланхоліи»: я самъ указывалъ, что эмоція печали по ея физіологическимъ условіямъ связана съ перевѣсомъ затратъ энергіи мозга надъ ея усвоеніемъ. Но Луначарскій думаетъ такъ только потому, что фактъ «сладкой меланхоліи» онъ беретъ безъ всякаго анализа.

«Сладкая меланхолія» слагается изъ двухъ элементовъ: пріятныхъ образовъ и печальныхъ мыслей. Человѣкъ съ пріятной болью вспоминаетъ о близкомъ и дорогомъ существѣ, съ которымъ его разлучила жизнь или смерть. Самый образъ этого существа интенсивно-пріятенъ и будитъ рядъ другихъ эмоцій, напр., сенсуальнаго характера; а боль отъ разлуки притупилась и ослабѣла, эмоція печали не интенсивна. Если первая сторона психическаго состоянія перевѣшиваетъ вторую, то передъ нами и выступаетъ «сладкая меланхолія»; если нѣтъ, то психика настоящимъ образомъ страдаетъ. Но печаль и въ первомъ случаѣ остается печалью, т.-е. эмоціей страданія; она *уменьшаетъ* величину пріятной эмоціи. Устраните эту печаль, напр., увѣренностью въ скоромъ свиданіи,— и тогда психическое состояніе немедленно станетъ гораздо болѣе «сладкимъ». Все это вполнѣ согласуется съ психо-энергетической точкой зрѣнія.

Остается еще одинъ, послѣдній конкретный аргументъ, направляемый противъ моей теоріи Луначарскимъ:

«Для того, чтобы окончательно показать, какъ легко, приводя отдѣльныя казуистическія возраженія, доказать какъ разъ положенія противника,—укажемъ А. Богданову еще одинъ фактъ. Аскетъ не имѣетъ возможности удовлетворить своей потребности въ повышенной жизни, потребности, являющейся результатомъ перенакопленія энергіи (долговременнаго отсутствія ея расходованія), поэтому ему рекомендуется въ одно и то же время мыслить о смерти, о скорбяхъ жизни, оплакивать крестныя страданія Христа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предаваться благочестивымъ упражненіямъ (бдѣнію, посту, колѣнопреклоненіямъ и даже самобичеваніямъ). Что же это такое

Digitized by Google

какъ не стремленіе одновременно усилить *расходованіе* энергіи и искуственно вызвать эмоцію печали, т.-е. сокращеніе сосудовъ, о которомъ говоритъ А. Богдановъ. Однако же то и другое доставляетъ наслажденіе и приводитъ аскета къ желанной внутренней гармоніи. И такъ «физіологическій абсурдъ» оказывается дѣйствительностью. (Излож. Ав., стр. 66)».

Такъ, такъ! За 10 лѣтъ безсонныхъ ночей, голода, самобичеванія и всякихъ звѣрствъ, которыя продѣлывалъ надъ собою аскетъ, у него получилось «перенакопленіе» энергіи, которую онъ и старается дальнѣйшими звѣрствами израсходовать, что для него въ высшей степени пріятно... Хорошъ аскетъ, занимающійся «перенакопленіемъ», чтобы потомъ наслаждаться «расходованіемъ» по рентьерскому рецепту Авенаріуса! Позволю себѣ заступиться за аскета.

«Сокращеніе сосудовъ» не доставляетъ аскету никакого удовольствія, да и всѣ самоистязанія тоже «пріятны» ему отнюдь не сами по себѣ, а постольку, поскольку они ассоціированы съ мыслью о высшихъ наслажденіяхъ, каковая мысль связана отнюдь не съ съуженіемъ сосудовъ соотвѣтственныхъ частей мозга. «Подвиги» аскета служатъ средствомъ достигнуть этихъ высшихъ наслажденій, которыя являются аскету въ формѣ *экстаза*. Экстазъ же есть эмоція, весьма родственная радости съ одной стороны, сексуальному наслажденію съ другой, эмоція прямо противоположная боли и «сокращенію сосудовъ». Достигается она такимъ образомъ: при помощи истязаній и печальныхъ размышеній аскетъ долгое время удерживаетъ питающіе сосуды головного мозга въ судорожно-съуженномъ состояніи, а нервныя клѣтки—въ такомъ относительномъ истощеніи, при которомъ становится возможной очень быстрая и сильная ассимиляція, разъ только достаточное питаніе будетъ на-лицо. Затѣмъ въ извѣстный моментъ, можетъ-быть, какъ результатъ истощенія вазомоторныхъ центровъ долгимъ напряженнымъ состояніемъ, въ которомъ они находились, поддерживая съуженіе периферическихъ сосудовъ, можетъ быть инымъ—рефлекторнымъ путемъ, наступаетъ крайнее

Digitized by Google

разслабленіе, почти паралитическое состояніе мелкихъ артерій и капилляровъ мозга. Просвѣтъ этихъ сосудовъ расширяется до крайности, и «питаніе» гангліозныхъ клѣтокъ рѣзко возрастаетъ, а трата оказываатся значительно уменьшенной уже въ силу того, что прекратилось судорожное сжатіе безчисленныхъ кольцевыхъ волоконъ сосудовъ мозга. Новаго возрастанія тратъ не происходитъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ судорожныхъ сокращеній въ произвольныхъ мускулахъ. Поблѣдненіе лица, аналогичное тому, какое наблюдается у многихъ, особенно у малокровныхъ и истощенныхъ людей, при крайней радости, можно легко объяснить себѣ такимъ образомъ: чрезмѣрный приливъ крови къ мозгу оставляетъ обезкровленными сосуды головной периферіи—мускуловъ и кожи, потому что и мозгъ и эта периферія получаютъ питаніе изъ общихъ главныхъ шейныхъ артерій. — Такимъ образомъ для системы *C* устанавливается громадная положительная жизнеразность, что и выражается въ святой радости аскета, по своей глубинѣ и остротѣ превосходящей даже половыя наслажденія.

Между прочимъ, Авенаріусъ объясняетъ удовольствіе полового акта тѣмъ, что онъ возстановляетъ нарушенное въ періодѣ воздержанія равновѣсіе нервно-половыхъ центровъ. Удивительно, какъ Авенаріусъ не видитъ, что если даже для этихъ центровъ равновѣсіе возстанавливается путемъ растраты энергіи въ половомъ актѣ, то для всей системы *C* въ ея цѣломъ оно рѣзко нарушается: та страшная буря, которая проносится по всей вазомоторной и двигательной системѣ, слишкомъ мало похожа на «возстановленіе равновѣсія». И опять-таки, съ моей точки зрѣнія, здѣсь все просто: сильнѣйшее переполненіе мозга кровью при учащенномъ пульсѣ означаетъ громадную положительную жизнеразность, въ которой тонутъ иннерваціонныя растраты энергіи въ судорожныхъ движеніяхъ произвольныхъ мускуловъ.

---

*

Digitized by Google

Резюмирую. Та концепція жизнеразности и аффекціонала, которую принимаетъ, слѣдуя большинству старыхъ физіологовъ, Р. Авенаріусъ, должна быть отвергнута по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Она не логична въ основѣ,—ея исходныя понятія, «питаніе» и «работа», не соотносительны между собою, а понятіе жизнеразности выступаетъ въ ней то съ динамическимъ значеніемъ, то со статическимъ.

2. Она принимаетъ не однозначную, а *двузначную* связь психическихъ процессовъ съ физіологическими.

3. Она находится въ противорѣчіи со многими фактами.

Взамѣнъ этой теоріи я далъ другую, родоначальникомъ которой я считаю Спинозу, а основной матеріалъ для которой данъ, по моему мнѣнію, воззрѣніями Мейнерта, и отчасти теоріей эмоцій Джемса—Ланге.

Относительно этой, чисто энергетической теоріи жизнеразности и аффекціонала вполнѣ очевидно, что она совершенно чужда обоихъ формальныхъ недостатковъ теоріи Авенаріуса. Что касается до ея отношенія къ фактамъ, то я полагаю, что все изложенное мною прежде *), и только-что данный мною разборъ возраженій Луначарскаго показываетъ, что съ настоящими противорѣчіями она до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не сталкивается.

Эвристическое и рабочее значеніе этой теоріи я иллюстрировалъ пока ученіемъ о психическомъ подборѣ. Но это, конечно, только ближайшее изъ ея примѣненій.

Все, что до сихъ поръ дала критика моей теоріи, подтверждаетъ, на мой взглядъ, справедливость той мысли, что *теорія эта для нашего времени является интегрально-необходимой частью эмпиріомонистическаго міровоззрѣнія.*

---

*) „Жизнь и психика“, Эмпиріомонизмъ, книга I.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
«Вещь въ себѣ» съ точки зрѣнія эмпиріомонизма . .	1— 41
Психическій подборъ	43—166
А. Основы метода	43
1. Схема психо-энергетики	—
2. Схема психическаго подбора	51
3. Схема ассоціацій	70
В. Примѣненія метода	95
Двѣ теоріи жизненности	167—186

Digitized by Google

Digitized by Google

А. Богдановъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
		сверху	
3	3	правду	природу
3	8	техника	психика
21	19	нѣсколько не похожи	нисколько не похожи
23	5	техническимъ процессомъ	психическимъ процессомъ
25	16	комплектъ А	комплексъ А
		снизу	
39	6	переселеніе	перенесеніе
		сверху	
155	10	блѣдно абстрактивныя	блѣдно-абстрактныя
163	10	въ предѣлахъ той координаціи	въ предѣлахъ иной координаціи
175	1	комплексъ	капиталъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня Товарищества «Дѣло». Фонтанка, 96.
1906 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

А. Богдановъ.

ЭМПИРІОМОНИЗМЪ.

КНИГА III.

Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня Товарищества «Дѣло». Фонтанка, 96.
1906 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Листокъ опечатокъ

ко II-й части „ЭМПИРІОМОНИЗМА“.

(Не исправленныя своевременно опечатки).

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
3	4 сверху	правду,	природу,
3	9 »	техника	психика
18	9 снизу	людей,	людей;—
21	19 сверху	нѣсколько не похожи	нисколько не похожи
23	5 »	техническимъ	психическимъ
25	16 »	комплектъ *А*	комплексъ *А*
26	7 снизу	уже этой	уже этой
29	9 сверху	*ничѣмъ*, тѣмъ не менѣе	*ничѣмъ*, и тѣмъ не менѣе
32	4 »	познавательно	познавательнаго
32	11—12 сверху	электромагнитная теорія массы и т. под.	электромагнитная теорія свѣта, электронная теорія массы, и т. под.
36	3 сверху	*вовсе не уже*	*вовсе не уже*
39	6 снизу	переселеніе	перенесеніе
40	6 »	отъ кого	отъ него
55	8 »	свази	связи
56	5 сверху	временная форма	временная форма
56	6 снизу	константировать	констатировать
56	5 »	одновременно	одновременныхъ
64	12 сверху	въ обытѣ	въ опытѣ
69	13 »	ограничимъ	отграничимъ
70	7—6 снизу	незначительнаго	познавательнаго
85	20 сверху	точка срѣнія, опираясь но факты	точка зрѣнія, опираясь на факты
86	10 снизу	Вундъ	Вунтъ,
96	6 сверху	безидейность	безъидейность
99	7 снизу	психическаго подбора	отрицательнаго подбора

Digitized by Google

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
105	1 »	однообразный	своеобразный
106	1 сверху	своеобразный подборъ	положительный подборъ
107	2 снизу	нормальнаго	ненормальнаго
108	2 сверху	монистической,	монистической тенденціей,—
115	5 снизу	«современнаго джентльмена».	«совершеннаго джентльмена».
118	1 »	(raptus mel).	(raptus melancholicus).
121	7 сверху	неустойчивость.	устойчивость
122	8 снизу	жизнеспособнымъ	нежизнеспособнымъ
123	3 сверху	неравномѣрно—	не равномѣрно—
123	8 »	переживанія	переживаній
132	3 »	но гармонія	но такая гармонія
133	16 »	И тутъ	Тутъ
145	12 снизу	психическаго развитія	психическаго подбора
146	3 »	не хотѣлось	не хотѣлось бы
155	10 сверху	блѣдно-абтграктивные	блѣдно-абстрактные
162	6 снизу	процессомъ	процессомъ
162	1 снизу	къ *менѣе* организованному	къ *менѣе организованному*
163	10 сверху	въ предѣлахъ той	въ предѣлахъ иной
165	10 снизу	вознаграждая	вознаграждается
166	4 сверху	«сводный», трудъ,	«свободный», трудъ,
174—	1 снизу—	комплексъ	капиталъ,
175	1 сверху	отраженная жизнеразность	отрицательная жизнеразность
179	21 »		
187	1 снизу	жизненности...	жизнеразности...

Кромѣ того, весь § III ст. «Вещь въ себѣ» (стр. 48—50) слѣдуетъ вычеркнуть, такъ какъ онъ случайно попалъ изъ печатнаго текста статьи въ «Вопросахъ философіи и психологіи»; онъ былъ отнесенъ къ I части работы, гдѣ и имѣется (стр. 137—139). Впрочемъ, смысла и связи изложенія это его повтореніе не искажаетъ.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этой книгой я заканчиваю изложеніе основъ того философ-
ого міропониманія, которое возникло у меня въ теченіе ряда
ъ изъ всего доступнаго мнѣ матеріала науки и жизни, какъ
необходимая систематизація.

Среди невиданнаго историческаго циклона, глубоко потря-
ощаго старый міръ, для громаднаго большинства зрителей и
астниковъ борьбы философскіе интересы блѣднѣютъ и отсту-
отъ на отдаленный планъ. Даже въ рядахъ единственнаго
наше время *по существу философскаго* политическаго те-
нія—марксистскаго—у многихъ и многихъ обнаруживается
наивно-практическое настроеніе, которое выражается въ
ычной фразѣ: «Теперь не до философіи!»

Тов. Бельтовъ съ большой силой выступилъ противъ такого
ретическаго равнодушія, и былъ глубоко правъ въ этомъ.
до ясно видѣть, чтобы вѣрно итти; и широкій горизонтъ
ъ болѣе необходимъ, чѣмъ дальше цѣль пути, и чѣмъ стре
тельнѣе движеніе. Значеніе философски-выдержаннаго міропо-
манія возрастаетъ вмѣстѣ съ интенсивностью окружающей
зни и важностью происходящихъ событій, въ которыхъ намъ
ходится участвовать. Тѣ товарищи, которые считаютъ не-
ественной зависимость между философской теоріей и поли-
еской практикой, уже дѣлаютъ серьезную теоретическую
ибку и рискуютъ въ дальнѣйшемъ сдѣлать не менѣе серь-
ныя практическія ошибки.

Digitized by Google

Все это несомнѣнно; и только не надо изъ этого дѣла вывода объ обязательности философскаго единомыслія всѣх товарищей. Философскіе оттѣнки въ рамкахъ общаго соціал наго міровоззрѣнія такъ же необходимы для развитія парт какъ оттѣнки тактическіе въ рамкахъ общей программы, и кр тическое отношеніе къ самой этой программѣ.—Впрочемъ, в это настолько элементарно, что не нуждается въ доказател ствахъ, хотя и требуетъ иногда напоминанія.

Какъ ни ошибочна формула—«теперь не до философіи!»- но если ее разсматривать не какъ норму, а какъ простую ко статацію факта—и очень печальнаго факта, — то она окаже ся почти вѣрна. Тому, кто живетъ въ вихрѣ событій, труд найти мѣсто, время, настроеніе для спокойнаго и объективна философскаго анализа. Мнѣ лично за послѣдніе $1^1/_2$—2 го при величайшихъ усиліяхъ не удавалось сколько-нибудь сист матично заняться этой субъективно-необходимой для меня р ботой, пока тюрьма Его Величества не дала мнѣ досуга д этого. Но тутъ для меня стали недоступны многіе источни и очень вѣроятно, что отсюда возникли въ данной рабо крупные пробѣлы, которыхъ въ иной обстановкѣ можно бы бы избѣгнуть.

За тѣ же самые $1^1/_2$ года, раньше вышедшія части эт работы (къ ней, кромѣ двухъ первыхъ книгъ «Эмпиріомонизма слѣдуетъ отнести также книги «Изъ психологіи общества» «Новый міръ»),—встрѣтили со стороны нѣкоторыхъ товариш энергичную полемику, правда, не столько въ формѣ обстоятел ной критики, сколько въ формѣ многократнаго неодобрен Поскольку мнѣ удалось выяснить для себя мотивы этой п лемики и ея—больше подразумѣваемые, чѣмъ опредѣленно в сказанные—аргументы, — постольку я теперь же дамъ на н отвѣтъ. Но въ виду отрывочности этой полемики, мнѣ бы бы неудобно ограничиться тѣмъ, чтобы прослѣживать ее кус чекъ за кусочкомъ: тогда и мой отвѣтъ превратился бы утомительный рядъ полемическихъ обрывковъ. Чтобы избѣ нуть этого, я рѣшилъ систематизировать свой отвѣтъ въ фо

Digitized by Google

; сжатаго изложенія того пути, на которомъ я пришелъ къ
оимъ философскимъ воззрѣніямъ.

Я избираю эту форму, конечно, не потому, что въ исторіи
оего личнаго философскаго развитія усматриваю какой-ни-
дь особенный интересъ, но просто потому, что въ такой
емѣ всего легче стройно и отчетливо нарисовать линію моего
схожденія съ моими уважаемыми противниками и въ поряд-
разобрать ихъ недоразумѣнія. Впрочемъ, возможно, что въ
мъ изложеніи найдутся и кое-какія черты, типичныя вообще
для развитія того поколѣнія марксистовъ, къ которому я
инадлежу.

I) Три матеріализма.

Въ то время, когда жизнь въ лицѣ товарищей-рабочихъ
олкнула меня на ознакомленіе съ историческимъ матеріа-
момъ Маркса, я занимался главнымъ образомъ естествен-
ми науками и былъ горячимъ сторонникомъ того міровоз-
нія, которое можно обозначить, какъ «матеріализмъ есте-
енниковъ». Эта нѣсколько примитивная философія не да-
ъ была когда-то идейнымъ знаменемъ суровыхъ демокра-
ъ—«нигилистовъ»: въ ней много своеобразнаго радикализма.
го родственнаго всѣмъ «крайнимъ» идеологіямъ.

Стремясь достигнуть строгаго *монизма* въ познаніи, это міро-
рѣніе строитъ свою картину міра всецѣло изъ одного ма-
ала—изъ «матеріи», какъ объекта физическихъ наукъ.
мистически представляемая матерія въ своихъ разнообраз-
ъ сочетаніяхъ, въ своемъ непрерывномъ движеніи обра-
ъ все содержаніе міра, сущность всякаго опыта, и физи-
аго и психическаго. Неизмѣнные законы ея движенія въ
транствѣ и времени—послѣдняя инстанція всѣхъ возмож-
ъ объясненій. Къ монизму, такимъ образомъ, присоеди-
ся строгая тенденція *научнаго объективизма*, и отсюда—
ѣняя вражда этой философіи ко всѣмъ фетишамъ религіоз-
ь и метафизически - идеалистическихъ міровоззрѣній. Отъ

Digitized by Google

такой философіи, по-истинѣ, нелегко отказаться, и даже ко
это сдѣлаешь, невольно продолжаешь сохранять къ ней с
бенную симпатію, невольно выдѣляешь ее среди всѣхъ д
гихъ.

Но соціальный матеріализмъ Маркса предъявилъ моему
ровоззрѣнію такія требованія, которымъ старый матеріали
удовлетворить не могъ. А между тѣмъ, это были требова
справедливость которыхъ нельзя было отрицать, и котор
къ тому же, вполнѣ соотвѣтствуютъ объективной и моник
ческой тенденціи самого стараго матеріализма, только ведя
еще дальше. Надо было *познать свое познаніе*, объясн
свое міровоззрѣніе, и, согласно идеѣ марксизма, это было
можно и обязательно сдѣлать на почвѣ соціально-генетическ
изслѣдованія. Было очевидно, что основныя понятія старого
теріализма—и «матерія», и «неизмѣнные законы»—выраб
ны въ ходѣ *соціальнаго* развитія человѣчества, и для н
какъ «идеологическихъ формъ», надо было найти «матері
ный базисъ». Но такъ какъ «матеріальный базисъ» имѣ
свойство измѣняться въ развитіи общества, то становится
нымъ, что всякія данныя идеологическія формы могутъ им
лишь исторически-преходящее, но не объективно-надъисто
ческое значеніе, могутъ быть «истиной времени» (*«объект
ной* истиной, но только въ предѣлахъ извѣстной эпохи),—а
въ какомъ случаѣ не «истиной на вѣчныя времена» («об
тивной» въ абсолютномъ значеніи слова). Съ такимъ положені
старый матеріализмъ совмѣстить нельзя; его «неизмѣнные
коны» движенія матеріи, сама «матерія», какъ основное
нятіе, его «пространство» и «время», какъ театръ дѣйс
этихъ неизмѣнныхъ законовъ и движенія «матеріи», при
ются абсолютными, а безъ этого все міровоззрѣніе тер
свой смыслъ,—оно желаетъ быть безусловно *объективным
знаніемъ сущности вещей*, и несовмѣстимо съ историче
условностью всякой идеологіи.

Я сказалъ, что для меня марксизмъ заключаетъ въ
отрицаніе безусловной объективности какой бы то ни б

Digitized by Google

стины, отрицаніе всякихъ вѣчныхъ истинъ. Но, какъ извѣст-
о, далеко не всѣ марксисты держатся этого «крайняго» мнѣ-
ія,—скорѣе даже меньшинство. Въ этомъ отношеніи любопыт-
о отмѣтить рѣзкое различіе, доходящее почти до противопо-
ожности, взглядовъ Фр. Энгельса и взглядовъ его авторитет-
аго ученика, Н. Бельтова. Энгельсъ въ «Анти-Дюрингѣ» вы-
казывается *почти* въ томъ смыслѣ, въ какомъ я характери-
овалъ сейчасъ относительность истины. По поводу «endgültige,
wige Wahrheiten» Дюринга (вѣчныя, окончательныя, безусловныя истины) онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ полному
роніи анализу, выводы котораго очень неутѣшительны для
тихъ истинъ *). Энгельсъ дѣлитъ всю область знанія на три
асти, и относительно каждой изъ нихъ резюмируетъ положе-
іе особо; эти резюмэ я и приведу текстуально.

Въ области «точныхъ» наукъ—математики, астрономіи, ме-
аники, физики, химіи—«безусловныя истины становятся съ
еченіем ъвремени замѣчательно рѣдки» (S. 82).—«Съ геологіей
ѣло обстоитъ еще хуже» (S. 82).

Въ области наукъ о живыхъ организмахъ—«кто желаетъ
становить дѣйствительно неизмѣнныя истины, тотъ вынужденъ
удетъ довольствоваться такими банальностями (Plattheiten),
акъ напр.: всѣ люди должны умереть, всѣ самки млекопитаю-
ихъ имѣютъ млечныя железы, и т. п. Онъ даже не будетъ
мѣть права сказать, что высшія животныя перевариваютъ
елудкомъ и кишечнымъ каналомъ, а не головой, потому что
ѣятельность нервнаго аппарата, централизованная въ головѣ,
еобходима для пищеваренія» (S. 83).

Въ третьей, соціально-исторической группѣ наукъ, изслѣ-
ующей развитіе матеріальной культуры, права, нравственности,
елигіи, искусства и т. д.,—положеніе еще менѣе утѣшительно:
Познаніе здѣсь относительно по существу, такъ какъ оно
граничивается выясненіемъ связи и послѣдовательности опре-

*) «Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft», S. 81—88
3-te Aufl. 1894).

Digitized by Google

дѣленныхъ общественныхъ и государственныхъ формъ, суп
ствующихъ лишь въ данное время и для данныхъ народо
Здѣсь для охотника на вѣчныя, неизмѣнныя истины добы
будетъ плохая—самыя плоскія банальности, самыя безсод
жательныя общія мѣста,—напр., что люди, говоря вообще,
могутъ жить безъ работы, что до сихъ поръ они большей ч
стью раздѣлялись на господствующихъ и подчиненныхъ, ч
Наполеонъ умеръ 5-го мая 1821 г., и т. д.» (S. 84).

Совершенно иначе смотритъ на дѣло тов. Бельтовъ. Правд
онъ не употребляетъ громкихъ выраженій въ родѣ «ewige Wah
heiten letzter Instanz»,—но онъ вполнѣ допускаетъ существов
ніе «объективныхъ истинъ», которыя, будучи разъ установл
ны, уже *не могутъ быть измѣнены* дальнѣйшимъ развитіем
познанія, а развѣ только «дополнены и подтверждены»; и т
кія истины онъ усматриваетъ даже въ «соціально-исторической
группѣ наукъ, приводя въ качествѣ примѣра—марксовску
теорію денежнаго обращенія. Ясно, что дѣло идетъ отнюдь н
о «самыхъ плоскихъ банальностяхъ и общихъ мѣстахъ
а о самыхъ настоящихъ научныхъ теоріяхъ, которыя, с
точки зрѣнія изложеннаго взгляда Энгельса, ни въ каком
случаѣ не могутъ быть признаны неизмѣнными на будущі
времена *). Кто же именно правъ, Энгельсъ или Бельтовъ?

---

*) Впрочемъ, если память меня не обманываетъ, и у Энгельса в
другихъ произведеніяхъ можно встрѣтить отдѣльныя выраженія
близкія по смыслу къ точкѣ зрѣнія Бельтова (указать опредѣленн
сейчасъ не могу, такъ какъ не имѣю этихъ книгъ подъ рукою). Н
если у Энгельса и есть въ этомъ вопросѣ случайная непослѣдо
вательность, это сущности дѣла не мѣняетъ; къ тому же «Анти
Дюрингъ», несомнѣнно, одна изъ его *основныхъ* работъ по философіи

Приведу еще одно рѣшительное заявленіе Энгельса, въ сущности
прямо совпадающее съ той точкой зрѣнія, которую я здѣсь защищаю

«...Но насколько юной является еще до сихъ поръ вся исторія
человѣчества, и насколько смѣшно было бы приписывать нашимъ
современнымъ взглядамъ какое бы то ни было абсолютное значе-
ніе, это видно уже изъ того факта, что вся исторія до настоящаго

Digitized by Google

Относительно—правъ, разумѣется, Энгельсъ; и нужна очень ольшая склонность къ догматизму, чтобы утверждать, что въ акомъ сложномъ, запутанномъ вопросѣ, какъ теорія денежнаго бращенія въ современномъ обществѣ, достигнута надъисторически-объективная истина, которая въ дальнѣйшемъ не можетъ же испытать существенныхъ измѣненій. Я, конечно, вполнѣ ризнаю марксовскую теорію денежнаго обращенія за «объективную» истину для *нашего* времени, т. е. признаю «общезначиость» этой теоріи для *современнаго* человѣчества: опираясь на ее въ практикѣ и въ познаніи, мы не приходимъ къ противоѣчіямъ и несообразностямъ, а напротивъ, достигаемъ тѣхъ ѣлей, осуществленіе которыхъ зависитъ отъ правильнаго поиманія даннаго вопроса. Но будетъ ли это совершенно такъ е для слѣдующихъ поколѣній, съ болѣе широкимъ опытомъ— ы не знаемъ; *да и кому рѣшать?* Одинъ авторитетъ тов. ельтова тутъ недостаточенъ, а *убѣдительность* и даже *очеидность* положеній теоріи еще ничего такого не доказываютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть для людей прежнихъ времен убѣдительнѣе той мысли, что солнце ежедневно проходитъ по голубому небесному своду съ востока на западъ? «Очевидность» полнѣйшая, какой лучше и желать нельзя. Дѣая эту «истину» исходной точкою своей практики (и дальнѣйшаго познанія), никто въ тѣ времена ни къ какимъ противорѣчіямъ и несообразностямъ не приходилъ. Ясно, что это была «объективная истина» того времени, гораздо болѣе несомнѣнная и безспорная, чѣмъ теорія денегъ для нашего времени. Но что стало съ той незыблемой и очевидной объективной истиной? Идею движенія солнца наука совершенно перевернула, а голубой сводъ неба разрѣшился въ оптическую ил

времени можетъ быть обозначена, какъ исторія періода времени отъ практическаго открытія превращенія механическаго движенія въ теплоту (добываніе огня треніемъ. А. Б.) до открытія превращенія теплоты въ механическое движеніе» (паровыя машины. А. Б.). Это написано также въ Анти-Дюрингѣ (3-te Autl., S. 113—114).

Digitized by Google

люзію. Кто же намъ поручится, что съ *менье* убѣдительны
и *менье* очевидными объективными истинами тов. Бельтова
случится того же?

Для объективной истины *надъисторической*—критерія нѣ
въ нашемъ «историческомъ» мірѣ, и потому не только непра
тов. Бельтовъ, но и Энгельсъ неправъ въ своей нерѣшите
ности, въ томъ, что онъ сквозь всю свою иронію признае
какія-то, хотя жалкія, «вѣчныя истины». Во-первыхъ, раз
«Plattheiten» можно называть «Wahrheiten»? Развѣ «плоскости»
истины? Истина—это живая организующая форма опыта, о
ведетъ насъ куда-нибудь въ нашей дѣятельности, даетъ точ
опоры въ жизненной борьбѣ; развѣ «банальности», посколь
онѣ «плоски», подходятъ къ этой характеристикѣ? 2 . 2=4,
не истина, а тавтологія, два обозначенія одного и того ж
а поскольку самое знакомство съ различными обозначенія
этой комбинаціи можетъ дать намъ что-нибудь новое, постоль
и здѣсь выступаетъ все та же относительность; напримѣръ,
«троечной» системѣ счета 2 . 2 не 4—тамъ такого символа
не окажется,—а 2 . 2=11. Между тѣмъ, что невозможнаго
«троечной» системѣ? Вѣдь существуетъ же рядомъ съ десяти
ной двѣнадцатиричная, а у нѣкоторыхъ низшихъ племенъ, ка
жется, пятиричная, и т. д. $A=A$, вѣчная истина логики—че
она стоитъ? что даетъ? какъ ею руководиться въ дѣйствіях
Она либо ни къ чему не ведетъ, либо ведетъ даже къ з
блужденіямъ, заставляя иногда смѣшивать тожество символо
съ тожествомъ явленій, ими обозначаемыхъ.

«Всѣ люди должны умереть»... Да, мы не видимъ искл
ченій. А вотъ протисты умираютъ далеко не всѣ: умерла
клѣтка, которая слилась съ другой въ актѣ конъюгаціи, и
которая раздѣлилась на двое въ каріокинезисѣ? А между тѣм
ея уже нѣтъ. Кто можетъ ручаться, что будущія поколѣнія
найдутъ иного способа «разрѣшенія» жизни, кромѣ того, как
мы наблюдаемъ теперь въ грубомъ кризисѣ смерти? Не говор
уже о томъ, что психіатру не рѣдко приходится *дважды* н
блюдать смерть одного и того же человѣка, что вноситъ у

Digitized by Google

измѣненіе въ приведенную «Plattheit» *). А «двойственныя личности»? «Умерла» ли та личность Фелиды, которая въ концѣ концовъ исчезла, уступивши мѣсто другой ея личности?

«Всѣ самки млекопитающихъ имѣютъ млечныя железы». Какъ извѣстно, млечныя железы представляютъ только своеобразное развитіе сальныхъ железокъ кожи. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ такомъ индивидуальномъ или даже видовомъ уклоненіи, при которомъ «млечныхъ» железъ не окажется, а окажутся только обыкновенныя сальныя, хотя наблюдать такого случая *еще не приходилось*.

«Наполеонъ умеръ 5 мая 1821 года». Что это за «истина»? И что въ ней «вѣчнаго»? Констатація единичнаго соотношенія, которое, пожалуй, уже для нашего поколѣнія не имѣетъ никакого реальнаго значенія, не можетъ служить исходной точкой ни для какой дѣятельности, никуда не ведетъ. Называть такія вещи «вѣчной истиной» значитъ—издѣваться надъ идеей «вѣчной истины», что Энгельсъ, собственно говоря, и дѣлаетъ, но, къ сожалѣнію, не договаривая до конца.

Критерія «объективной истины» въ бельтовскомъ смыслѣ не существуетъ, истина есть идеологическая форма—организующая форма человѣческаго опыта; и если мы съ несомнѣнностью знаемъ это, и знаемъ, что матеріальныя основы идеологіи измѣняются, содержаніе опыта расширяется—имѣемъ ли мы какое бы то ни было право утверждать: вотъ эта идеологическая форма никогда не будетъ преобразована развитіемъ ея объективныхъ основъ, вотъ эта форма опыта не будетъ разорвана ея растущимъ содержаніемъ? *Послѣдовательный марксизмъ не допускаетъ такой догматики и такой статики.* Только непослѣдовательность допускаетъ здѣсь эклектическія оговорки, какъ у Энгельса: «вѣчныхъ истинъ» мало, и онѣ становятся

*) Я имѣю въ виду, напр., тѣ случаи прогрессивнаго паралича когда врачу уже не удается ничего уловить остающагося отъ прежней личности больного, и вообще ничего отъ «человѣка», а все-таки «паціентъ» еще «живъ».

Digitized by Google

все рѣже, притомъ очень плохія, и т. д.; или, какъ у Бельтова: «никакой рокъ не сдвинетъ насъ съ открытой, наконецъ, правильной точки зрѣнія». («Къ развитію монистическаго взгляда», стр. 176).

Итакъ, отъ стараго «матеріализма естественниковъ» приходилось отказаться и искать чего-нибудь лучшаго въ области философіи; а это было не легко. Принято какъ-то презрительно говорить объ этомъ матеріализмѣ; можетъ быть, въ Германіи онъ дѣйствительно такъ «вульгаренъ и опошленъ», какъ это полагаетъ Энгельсъ; но что въ Россіи онъ былъ далеко не таковъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ и далеко не пошлые образы тургеневскаго Базарова или героевъ Чернышевскаго, и живыя фигуры такого калибра, какъ, положимъ, профессоръ Клементій Тимирязевъ. Этотъ матеріализмъ, подобно марксизму, былъ силенъ еще тѣмъ, что онъ не довольствовался словами и пустыми схемами, а требовалъ содержательныхъ, монистическихъ объясненій. Въ этомъ отношеніи онъ зачастую оказывается выше даже, напр., эмпиріокритицизма. Я невольно вспоминаю по этому поводу одинъ разговоръ съ Тимирязевымъ, разговоръ случайный и, вѣроятно, имъ уже забытый. Рѣчь шла о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ. Тимирязевъ сказалъ, что наслѣдственность такого рода несомнѣнно доказана для нѣкоторыхъ случаевъ,—но что она *еще не объяснена*. «Еще остается найти,—прибавилъ онъ,—тѣ «крючечки» и «зубчики», которые, зацѣпляясь, производятъ эту наслѣдственность, и узнать, какъ именно они зацѣпляются». Такъ говорилъ естественникъ-матеріалистъ. А, напр., Авенаріусъ вполнѣ удовлетворился бы голой констатаціей явленія такой наслѣдственности,—вѣдь онъ въ своей «Критикѣ чистаго опыта» постоянно сводитъ развитіе приспособленій къ какой-то «Uebung», къ «упражненію», считая совершенно излишнимъ вопросъ, какимъ же именно путемъ дѣйствуетъ эта ламаркистская «Uebung». Насколько больше познавательной требовательности и строгости въ картинномъ выраженіи матеріалиста о «зубчикахъ» и «крючечкахъ»!

Эта самая требовательность помѣшала мнѣ и принять другой философскій матеріализмъ—очищенный и разбавленный,

Digitized by Google

тотъ, который отъ имени Маркса при помощи цитатъ изъ Гольбаха излагаетъ тов. Бельтовъ.

Основу и сущность матеріализма, по словамъ тов. Бельтова, представляетъ идея о первичности «природы» по отношенію къ «духу». Опредѣленіе очень широкое, и въ данномъ случаѣ это имѣетъ свои неудобства. Что называть «природою», и что «духомъ»? Если подъ «природою» понимать неорганическій міръ и низшія ступени развитія жизни, подъ «духомъ»—высшія ступени жизни, напр., человѣческое сознаніе, то для всякаго, освободившагося отъ пеленокъ грубой миѳологіи, для всякаго знакомаго съ современнымъ положеніемъ естественныхъ наукъ «матеріализмъ» неизбѣженъ. Но тогда въ «матеріалисты» придется зачислить очень многихъ, не добивавшихся этой чести. Пантеиста Спинозу тов. Бельтовъ уже успѣлъ присоединить къ этой фирмѣ, энергетика Оствальда онъ, кажется, тоже склоненъ завербовать туда же, и притомъ вполнѣ справедливо. Съ Махомъ и эмпиріокритицистами у тов. Бельтова упорное недоразумѣніе,—онъ ихъ считаетъ идеалистами, а между тѣмъ съ точки зрѣнія его формулы это—строгіе матеріалисты. Всякій изъ нихъ скажетъ, что «духъ», т. е. высшія проявленія человѣческаго сознанія—результатъ долгой эволюціи, изъ низшихъ формъ, соотвѣтствующихъ понятію «природы» у тов. Бельтова. Правда, эти низшія формы тоже—комплексы «элементовъ», такихъ же какъ элементы «психическаго ряда»; но такъ какъ это въ одинаковой мѣрѣ и элементы «физическихъ комплексовъ», то ничего специфически «духовнаго» въ нихъ нѣтъ: элементы, и только*). Наконецъ, таинственные« эмпиріомонисты», о которыхъ го-

*) Впрочемъ, насчетъ эмпиріокритицизма самъ тов. Бельтовъ въ одномъ мѣстѣ признаетъ, что на извѣстныхъ условіяхъ онъ можетъ быть избавленъ отъ общей анаѳемы и признанъ не противорѣчащимъ матеріализму. Условіе, не вполнѣ ясное по формулировкѣ, заключается въ томъ, чтобы для этой школы *опытъ* былъ только «предметомъ изслѣдованія, а не средствомъ познанія». (Предисловіе къ русск. перев. «Л. Фейербаха» Энгельса, изд. 1906 г., стр. 6). Дѣло эмпиріокритицистовъ разобраться въ этой формулировкѣ и принять или не принять условіе.

Digitized by Google

воритъ нерѣдко тов. Бельтовъ... Я лично знаю пока въ литературѣ только одного—нѣкоего А. Богданова; но зато его знаю очень хорошо, и могу поручиться, что его взгляды вполнѣ удовлетворяютъ сакраментальной формулѣ первичности «природы» надъ «духомъ». Именно, онъ разсматриваетъ все существующее, какъ непрерывную цѣпь развитія, низшія звенья которой теряются въ «хаосѣ элементовъ», а высшія, намъ извѣстныя звенья представляетъ *опытъ людей* — «психическій» и — еще выше — «физическій опытъ*) при чемъ этотъ опытъ и возникающее изъ него познаніе соотвѣтствуютъ тому, что обыкновенно называютъ «духомъ».

Я даже не поручился бы за панпсихистовъ въ родѣ Макса Ферворна, что они не попадутъ въ царство небесное матеріализма. Дѣло въ томъ, что признавая «психичность» всего существующаго, панпсихистъ можетъ однако противополагать его низшія формы, неорганизованныя или слабо организованныя, какъ «природу», формамъ высшимъ, какъ собственно «духу». Если мнѣ скажутъ, что «психическое» и «духъ» вообще одно и то же, то я замѣчу, что это — вопросъ употребленія терминовъ; вѣдь называютъ же высшія потребности человѣка «духовными» въ противоположность низшимъ «матеріальнымъ», хотя и тѣ и другія являются «психическими», поскольку онѣ «ощущаются».

Вообще, самая слабая сторона того критерія, который тов. Бельтовъ считаетъ достаточнымъ для опредѣленія «матеріалистичности» философскихъ взглядовъ, заключается въ его смутности и расплывчатости. Понятія «природы» и «духа» настолько

---

*) Физическій *опытъ*, результатъ долгой соціальной обработки человѣческихъ переживаній, постоянно мѣняющійся въ своемъ содержаніи и формахъ въ зависимости отъ развитія науки, не слѣдуетъ смѣшивать съ «природою», о которой говоритъ т. Бельтовъ. Этой «природѣ» въ эмпиріомонистической картинѣ міра соотвѣтствуютъ тѣ низшіе «непосредственные комплексы», которые должны быть «подставлены» на мѣсто «неорганическихъ» и низшихъ «органическихъ» комплексовъ опыта (выражаясь въ терминахъ Канта и тов. Бельтова—«вещи въ себѣ» этихъ комплексовъ опыта).

Digitized by Google

неопредѣленны, ихъ антитеза можетъ быть принята въ такихъ различныхъ смыслахъ, что строить на такомъ базисѣ основную характеристику міровоззрѣнія совершенно невозможно; или ужъ надо заранѣе дать ясныя и точныя опредѣленія обоихъ понятій, чего тов. Бельтовъ не дѣлаетъ, и что чрезвычайно трудно выполнить въ дѣйствительности.

Впрочемъ, виноватъ!—я выразился не вполнѣ точно. Тов. Бельтовъ *даетъ* опредѣленія «духа» и «матеріи» (или «природы»)... Но—посмотримъ, что это за опредѣленія, и можно ли даже обозначать ихъ этимъ терминомъ.

«Въ противоположность «духу», «матеріей» называютъ то, что, *дѣйствуя на наши органы чувствъ, вызываетъ въ насъ тѣ или другія ощущенія.* Что же именно дѣйствуетъ на наши органы чувствъ? На этотъ вопросъ я, вмѣстѣ съ Кантомъ, отвѣчаю: *вещи въ себѣ.* Стало быть, *матерія есть ни что иное, какъ совокупность вещей въ себѣ, поскольку эти вещи являются источникомъ нашихъ ощущеній*». («Критика нашихъ критиковъ», сборникъ статей, стр. 233).

Итакъ, «матерія» (или «природа» въ ея антитезѣ съ «духомъ») опредѣляется черезъ «вещи въ себѣ» и черезъ ихъ свойство «вызывать ощущенія, дѣйствуя на наши органы чувствъ». Но что же такое эти «вещи въ себѣ»? То, что «дѣйствуя на наши органы чувствъ, вызываетъ въ насъ ощущенія». Это *все.* Иного опредѣленія вы у тов. Бельтова не найдете, если не считать, вѣроятно, подразумѣваемой отрицательной характеристики: *не* «ощущенія», *не* «явленія», *не* «опыта».

Что же тутъ сказано? Да ровно ничего... Если откинуть «органы чувствъ», которые попали сюда совершенно некстати, и о которыхъ у насъ рѣчь будетъ особо, то у насъ получается: «матерія», «природа», «вещи къ себѣ» — это то неизвѣстное, чѣмъ вызывается все извѣстное; и больше объ этомъ неизвѣстномъ мы ничего не знаемъ. Далеко мы ушли? «Усыпительная сила есть то, что вызываетъ сонъ». Передъ нами, очевидно, одна изъ «вѣчныхъ истинъ» въ самомъ печальномъ значеніи этого слова.

Digitized by Google

Позвольте!—возражаетъ тов. Бельтовъ,—мы многое знаемъ о «вещахъ въ себѣ». Во первыхъ, онѣ существуютъ, и при томъ внѣ нашего опыта. Во-вторыхъ, онѣ подчинены закону причинности — могутъ «дѣйствовать»... Въ третьихъ, *формамъ и отношеніямъ ихъ между собою соотвѣтствуютъ формы и отношенія явленій*, какъ «гіероглифы» тому, что ими обозначается (тамъ же, стр. 234). Первые два пункта можно прямо оставить въ сторонѣ—въ нихъ воплощена вся безсодержательность основного опредѣленія: пусть «усыпительная сила» существуетъ и по закону причинности дѣйствуетъ на насъ, вызывая сонъ; что̀ прибавляетъ это къ тому факту, что намъ случается спать,—разъ «сила» эта лежитъ внѣ опыта? Важенъ третій пунктъ, который поэтому я особенно тщательно формулировалъ въ подлинныхъ выраженіяхъ тов. Бельтова. На немъ мы и остановимся.

Прежде всего, насколько содержательно это положеніе? Пусть мы узнали, что характеръ и продолжительность сна «соотвѣтствуетъ» формѣ и степени дѣйствія на насъ «усыпительной силы», при чемъ ни объ этой формѣ, ни объ этой степени никакого конкретнаго представленія мы составить не имѣемъ возможности, потому что все это внѣ опыта,—а можемъ о томъ и другомъ только умозаключать, опять-таки на основаніи тѣхъ же фактовъ, какіе у насъ уже были—«эмпирическаго» характера и «эмпирической» продолжительности сна. Много ли мы узнали? Да ровно ничего не узнали. Мы только къ сну «эмпирическому» прибавили, подъ именемъ «усыпительной силы», сонъ «интеллигибельный», какъ его «причину», намъ недоступную —больше ничего.

Но съ этимъ «ничего» у насъ получается затѣмъ «нѣчто», и притомъ нѣчто странное. Тутъ говорится о «формѣ» и «отношеніяхъ» вещей въ себѣ. Значитъ, предполагается, что онѣ обладаютъ и тѣмъ и другимъ. Прекрасно. А имѣютъ ли они «видъ»? Нелѣпый вопросъ!—скажетъ читатель: какъ можно имѣть *форму*, не имѣя никакого *вида?* вѣдь это два выраженія одного и того же. Я тоже такъ думаю. Но вотъ что мы читаемъ въ примѣчаніяхъ т. Плеханова къ русскому переводу «Л. Фейербаха» Энгельса:

Digitized by Google

«...Но вѣдь и «*видъ*» есть именно результатъ дѣйствія на насъ вещей самихъ по себѣ; *помимо этого дѣйствія, онъ никакого вида не имѣютъ*. Поэтому противопоставлять ихъ «видъ», —какъ онъ существуетъ въ нашемъ сознаніи,—тому ихъ «виду», какой онѣ будто-бы имѣютъ на самомъ дѣлѣ, значитъ не отдавать себѣ отчета въ томъ, какое понятіе связывается со словомъ: видъ... Итакъ, вещи сами по себѣ никакого вида не имѣютъ. Ихъ «видъ» существуетъ только въ сознаніи тѣхъ субъектовъ, на которыхъ онѣ дѣйствуютъ...» (стр. 112, изд. 1906 г., того же года, въ которомъ вышелъ цитированный сборникъ «Критика нашихъ критиковъ»).

Поставьте въ этой цитатѣ вмѣсто слова «видъ» всюду слово «форма», его синонимъ, въ данномъ случаѣ вполнѣ съ нимъ совпадающій по смыслу, и тов. Плехановъ блестяще опровергнетъ тов. Бельтова.

Но черезъ минуту тов. Плехановъ жестоко мститъ себѣ за тов. Бельтова:

«...Что такое *для меня* улитка? Часть внѣшняго міра, дѣйствующаго на меня извѣстнымъ образомъ, обусловленнымъ моей организаціей. Стало быть, если я допускаю, что улитка такъ или иначе «видитъ» внѣшній міръ, то я вынужденъ признать, что тотъ «видъ», въ какомъ представляется внѣшній міръ улиткѣ, самъ обусловливается *свойствами* этого реально существующаго міра...» (тамъ же, стр. 113. Курсивъ мой).

Свойствами! Да вѣдь «свойства» предметовъ, къ числу которыхъ относится и ихъ «форма», и вообще ихъ «видъ»,—эти «свойства», очевидно, «именно результатъ дѣйствія на насъ вещей самихъ по себѣ, — помимо этого дѣйствія онѣ никакихъ «свойствъ» не имѣютъ»! Вѣдь понятіе «свойства» совершенно такого же *эмпирическаго* происхожденія, какъ понятія «видъ», «форма»—это ихъ родовое понятіе, оно взято изъ опыта такъ же, какъ и эти понятія, и тѣмъ же самымъ путемъ отвлеченія! Откуда же «свойства» у вещей самихъ по себѣ? «Ихъ «свойства» существуютъ только въ сознаніи тѣхъ субъектовъ, на которыхъ онѣ дѣйствуютъ»!

Digitized by Google

Вотъ ужъ, поистинѣ, не успѣла улитка переползти со страницы на страницу, какъ тов. Плехановъ отрекся отъ «вѣчной истины».

Такъ изъ формальной пустоты понятія рождается клубокъ не-діалектическихъ противорѣчій.

Какое же въ концѣ концовъ получается опредѣленіе для «матеріи» и «духа» въ ихъ антитезѣ? Только одно: матерія есть то, что, дѣйствуя на органы чувствъ, производитъ ощущенія (т. е. «духъ»). Что касается «органовъ чувствъ», то они, очевидно, взяты здѣсь не какъ явленіе, а какъ соотвѣтственная «вещь въ себѣ», иначе они тоже результатъ дѣйствія какой-то вещи въ себѣ на какую-то другую вещь въ себѣ. Значитъ — матерія есть то, что, дѣйствуя на матерію, порождаетъ «духъ»; или — матерія есть причина, а духъ — слѣдствіе; или—матерія есть то первичное, по отношенію къ чему духъ есть вторичное. Мы благополучно вернулись къ той самой формулѣ, которую надо было разъяснить при помощи опредѣленій «матеріи» и «духа»: опредѣленія оказались простыми ея повтореніями.

И эту коллекцію «вѣчныхъ истинъ» признать философіей марксизма? Никогда!

Приходилось искать дальше.

2. Энергетика, эмпиріокритицизмъ.

Во всякомъ случаѣ, матеріалистическая атомистика была, очевидно, несовмѣстима съ крайнимъ динамизмомъ марксистскаго міровоззрѣнія—съ его «діалектичностью».

Поэтому враждебная атомизму, но въ остальномъ очень родственная старому матеріализму «энергетика» Оствальда привлекла самыя горячія мои симпатіи. Скоро я замѣтилъ, однако, важное противорѣчіе его «натур-философіи»: подчеркивая много разъ *чисто-методологическое* значеніе понятія «энергіи», онъ самъ его въ массѣ случаевъ не выдерживаетъ. «Энергія» изъ

Digitized by Google

чистаго символа соотношеній между фактами опыта у него то и дѣло превращается въ *субстанцію* опыта, въ «матерію міра». Я постарался выяснить себѣ причины противорѣчія, въ которомъ, къ тому же, не рѣдко уличалъ и себя, когда разсматривалъ различные вопросы философіи съ энергетической точки зрѣнія *).

Сущность дѣла заключается въ томъ, что энергетика дѣйствительно даетъ монизмъ, но только *монизмъ метода*, монизмъ нашего способа изслѣдованія. Собственно *картины міра* она не даетъ. «Матеріалъ» міра для нея безразличенъ; съ ней вполнѣ совмѣстимъ и старый матеріализмъ, и панпсихизмъ. Когда «энергію» представляютъ, какъ субстанцію, то это есть не что иное, какъ старый матеріализмъ минусъ абсолютные атомы,—матеріализмъ съ поправкой въ смыслѣ *непрерывности* существующаго.—Очевидно, одной энергетики для міровоззрѣнія оказывалось мало, хотя принять ее надо было безусловно. Надо было искать еще...

Приблизительно къ тому же времени относится мое ознакомленіе съ кантіанскимъ критицизмомъ, старымъ и новымъ. Но здѣсь взять было почти нечего. Я очень скоро понялъ схоластическій характеръ этой философіи съ научными претензіями, но безъ научной основы, и не могъ серьезно относиться къ ея безчисленнымъ и безполезнымъ «теоріямъ познанія». На каждомъ шагу я встрѣчалъ наивную вѣру въ возможность вывести что-то важное изъ голаго анализа понятій,—вѣру Ансельма Кентербюрійскаго, даже у такихъ полу-позитивныхъ мыслителей, какъ А. Риль; и я чувствовалъ невольное негодованіе, читая, напр., его по-истинѣ невѣжественное разсужденіе о томъ, что сумма энергіи въ природѣ должна быть ограниченна, потому что она неизмѣнна, а неизмѣнной можетъ быть только конечная величина.

---

*) Это въ особенности сильно сказывается въ моей первой философской работѣ—«Основн. элем. истор. взгляда на прир.» (1898 г.), но отчасти и въ «Познаніи съ истор. точки зрѣн.» (1901).

Digitized by Google

Конечно, какъ всякая схоластика, новое кантіанство даетъ большую практику въ логическомъ анализѣ,—его полезности въ этомъ, спеціально-гимнастическомъ смыслѣ отрицать не приходится; точно также можно у писателей этой школы найти иногда дѣльныя мысли, не стоящія однако въ прямой связи съ внутренней логикой кантіанства, а просто навѣянныя научными знаніями авторовъ. По существу же занимавшаго меня вопроса учиться тутъ было нечему.

Знакомство съ эмпиріокритицизмомъ помогло мнѣ сдѣлать шагъ дальше.

Эта школа все построеніе картины міра сводитъ къ систематизаціи опыта при постоянной критикѣ его содержанія. Она подчеркиваетъ тожество *элементовъ* опыта психическаго и физическаго (цвѣта, тона, иннерваціонные элементы или элементы формы, элементы твердости, тепла и холода и т. д.), тожество даже цѣлыхъ *комплексовъ* этихъ элементовъ въ той и другой области (напр., «тѣла» и ихъ «воспріятія»),—и находитъ, что все различіе сводится къ характеру связи комплексовъ или элементовъ между собою. Задача познанія, по мнѣнію эмпиріокритицистовъ, заключается въ описаніи связи элементовъ и комплексовъ, описаніи возможно простомъ, точномъ и систематичномъ и пригодномъ для *предвидѣнія* хода явленій въ возможно большемъ числѣ случаевъ. Для этой цѣли требуется, чтобы описаніе охватывало наибольшій возможный матеріалъ опыта и устраняло изъ него все «субъективное и случайное», все *индивидуальное* какъ въ смыслѣ особенностей той или иной личности, такъ и въ смыслѣ обстоятельствъ, момента наблюденія. Въ этомъ «очищеніи» опыта и заключается его критика.

Здѣсь мнѣ надо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, характерное для школы: въ «критикѣ» опыта она разсматриваетъ общеніе людей какъ заранѣе данный моментъ, какъ своего рода «a priori», и стремясь создать возможно простую и точную картину міра, она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ виду и всеобщую пригодность этой картины, ея практическую удовлетворительность для возможно большаго числа «со-чело-

Digitized by Google

вѣковъ» на возможно болѣе продолжительное время. Уже изъ этого видно, насколько ошибочно тов. Плехановъ обвиняетъ эту школу въ тенденціи къ *солипсизму*, къ признанію только индивидуальнаго опыта познающаго человѣка, къ признанію этого индивидуальнаго опыта за Universum, за «все», что существуетъ для познающаго. Для эмпиріокритицизма характерно именно признаніе *равноцѣнности* «моего» опыта и опыта моихъ «сочеловѣковъ», насколько онъ мнѣ доступенъ путемъ ихъ «высказываній». Тутъ имѣется своего рода «гносеологическій демократизмъ» (хотя еще нѣтъ гносеологическаго «соціаль-демократизма». Объ этомъ я буду говорить дальше).

Наиболѣе, кажется, заподозрѣнный нашими отечественными философами въ «идеализмѣ» и «солипсизмѣ» изъ всей этой школы есть ея истинный родоначальникъ, Эрнстъ Махъ (который самъ, впрочемъ, эмпиріокритицистомъ себя не называетъ). Посмотримъ, какъ рисуется ему картина міра.

Universum для него—безконечная сѣть комплексовъ, состоящихъ изъ элементовъ, тожественныхъ съ элементами ощущенія. Эти комплексы измѣняются, соединяются, распадаются; они вступаютъ въ различныя сочетанія, по различнымъ типамъ связи. Въ этой сѣти есть какъ бы «узловые пункты» (мое выраженіе), мѣста, гдѣ элементы связаны между собою плотнѣе и гуще (формулировка Маха);—эти мѣста называются человѣческими «я»; имъ подобны менѣе сложныя комбинаціи — психики другихъ живыхъ существъ. Тѣ или иные комплексы вступаютъ въ связь этихъ сложныхъ комбинацій—и тогда оказываются «переживаніями» различныхъ существъ; затѣмъ эта связь нарушается—комплексъ исчезаетъ изъ системы переживаній даннаго существа; затѣмъ онъ можетъ вновь вступить въ нее, можетъ быть, въ измѣненномъ видѣ,—и т. д. Но во всякомъ случаѣ—какъ подчеркиваетъ Махъ—тотъ или иной комплексъ еще не перестаетъ существовать, если онъ исчезъ изъ «сознанія» той или иной особи,—онъ выступаетъ въ иныхъ комбинаціяхъ, можетъ быть, въ связи съ другимъ «узловымъ пунктомъ», съ другимъ «я»...

Digitized by Google

Ясно, что усмотрѣть въ этой картинѣ «солипсизмъ»—дѣло чрезвычайно смѣлое. А что касаетя «идеализма»,—можно ли говорить о немъ только на томъ основаніи, что элементы «физическаго опыта» признаются тожественны съ элементами «психическаго», или элементарными ощущеніями,—когда это просто несомнѣнный фактъ. Отрицаніе же «вещей въ себѣ»... Но мы видѣли, какой толкъ изъ ихъ признанія получается въ картинѣ міра у тов. Бельтова; а самъ тов. Бельтовъ своей остроумной и популярной критикой показалъ,—какъ это дѣлали, впрочемъ, раньше его нѣкоторые позитивисты, — что у Канта признаніе «вещей въ себѣ» ведетъ къ еще болѣе печальнымъ результатамъ.

Такъ или иначе, но отъ эмпиріокритицизма, какъ наиболѣе строгой изъ существовавшихъ формъ позитивизма, мнѣ *было что взять* для своего міровоззрѣнія. Его «критика опыта» была самой удобной исходной точкой для дальнѣйшей работы. «Буржуазно-интеллигентскимъ» происхожденіемъ этого идейнаго теченія смущаться приходилось такъ же мало, какъ тов. Бельтовъ мало смущается еще болѣе буржуазнымъ направленіемъ Гольбаха: буржуазная философія не есть «критянинъ», который всегда лжетъ... Но что именно слѣдовало взять?

Не говоря уже о той громадной *научно-критической* работѣ, которая была выполнена отдѣльными представителями этой школы (особенно—Махомъ въ области физики и физіологіи внѣшнихъ чувствъ), можно было вполнѣ согласиться и съ нѣкоторыми изъ основныхъ положеній, имѣющихъ прямое отношеніе къ общей картинѣ міра. Таково прежде всего то положеніе, что элементы опыта сами по себѣ не являются *ни физическими, ни психическими,* и что та или другая изъ этихъ двухъ характеристикъ зависитъ всецѣло отъ *связи,* отъ *типа комбинаціи* элементовъ. Самую антитезу физическаго и психическаго типа связи элементовъ тоже можно было принять, но тутъ уже выступало сомнѣніе и вопросъ: дѣйствительно ли эти типы совершенно несводимы ни одинъ къ другому, ни оба къ

Digitized by Google

какому-нибудь третьему, и откуда ихъ различіе? Для эмпиріокритициста достаточно констатировать это различіе, схематически описать его, какъ различіе «независимаго» и «зависимаго» рода; вопросъ «почему?» эта форма позитивизма устраняетъ, о сколько-нибудь законченномъ монизмѣ она не заботится. Въ этомъ пунктѣ должно уже начаться расхожденіе между эмпиріокритическимъ и марксистскимъ мышленіемъ; это послѣднее не довольствуется констатаціей двухъ типовъ, но непремѣнно ищетъ ихъ монистическаго—или, что то же,—ихъ причиннаго объясненія.

Затѣмъ, присматриваясь къ составу и строенію «физическихъ» комплексовъ и *соотвѣтственныхъ* имъ «психическихъ» («тѣло» и «воспріятіе тѣла» или «представленіе» о немъ), легко было убѣдиться, что ихъ соотношеніе далеко не такъ просто, какъ его формулируетъ, напр., Махъ,—что это отнюдь не простое равенство или тожество или полный параллелизмъ. Нѣтъ, физическій комплексъ «тѣло», напр. «человѣческій организмъ», гораздо богаче содержаніемъ, чѣмъ простое «воспріятіе» или «представленіе» человѣческаго организма. «Физическій» комплексъ *суммируетъ въ себѣ* содержаніе безчисленныхъ отдѣльныхъ воспріятій, объединяетъ это колеблющееся содержаніе въ гораздо болѣе устойчивое цѣлое. «Физическій» комплексъ «человѣческое тѣло» включаетъ, такъ сказать, всю анатомію, всю гистологію, всю физіологію человѣка; а «воспріятіе» человѣческаго тѣла всегда даетъ лишь ничтожную часть всего этого; и даже «представленіе», хотя оно можетъ быть гораздо содержательнѣе воспріятія, никогда, всетаки, не охватываетъ сразу хотя бы значительную часть матеріала, принадлежащаго къ «физическому тѣлу».

Словомъ, отношеніе «физическаго» и «психическаго» приходилось радикально пересмотрѣть, и не только потому, что невозможно было примириться съ тѣмъ *дуализмомъ связи опыта*, на которомъ вполнѣ успокоились эмпиріокритицисты,—но также и потому, что въ самомъ характерѣ этой связи обнаружива-

Digitized by Google

лись обстоятельства, не соотвѣтствующія ихъ формуламъ и наталкивающія на изслѣдованіе.

Такъ была поставлена задача «эмпиріомонизма» *).

3. Путь эмпиріомонизма.

Еще въ то время когда марксистское міровоззрѣніе было для меня въ значительной мѣрѣ чуждо, мнѣ всегда становилось смѣшно отъ разсужденій тогдашнихъ soi-disant критическихъ марксистовъ о томъ, что марксизмъ еще «философски не обоснованъ», и что, разумѣется, они это сдѣлаютъ. Эти почтенные схоластики со свойственной имъ проницательностью не понимали, что прежде всего философія—какъ завершеніе системы знаній—*должна быть сама обоснована* на всей суммѣ опыта и науки; и если марксизмъ представлялъ изъ себя вѣрную научную теорію, а органически связанной съ нимъ философіи не было,—то надо было *марксистски обосновать философію*, марксистски выработавши ее, разумѣется,—но никакъ не обосновывать марксизмъ на какой-то философіи. Старый матеріализмъ, обосновывавшій себя на естественныхъ наукахъ, правильно понималъ отношеніе науки и философіи.

Поэтому все, что у меня оставалось отъ прежнихъ взглядовъ, и все, что мнѣ казалось правильнымъ въ новыхъ для меня идеяхъ, я, сдѣлавшись марксистомъ, весьма тщательно провѣрялъ съ точки зрѣнія соціальной философіи Маркса, пока не овладѣлъ ею настолько, чтобы *прямо* примѣнить ее къ обще-философскимъ вопросамъ.

Я нашелъ, что мнѣ нѣтъ никакого основанія отказываться отъ прежняго стремленія искать базиса для философіи въ есте-

*) Я совсѣмъ не касаюсь «имманентной школы», потому что это только промежуточная форма между кантіанствомъ и эмпиріокритицизмомъ. Въ выработкѣ моего міровоззрѣнія она не имѣла значенія еще и потому, что съ нею я ознакомился позже, чѣмъ со школою Маха—Авенаріуса.

Digitized by Google

ственныхъ наукахъ. Совершенно напротивъ: марксистская философія должна быть прежде всего именно *естественно-научной.* Вѣдь естественныя науки—это *идеологія производительныхъ силъ общества,* потому что ихъ базисомъ служитъ техническій опытъ и техническія науки; согласно же основной идеѣ историческаго матеріализма, производительныя силы общества представляютъ базисъ его развитія вообще.—Но было также ясно, что марксистская философія должна отражать и *соціальную форму* производительныхъ силъ, опираясь, очевидно, на науки собственно «соціальныя».

Что касается понятій «матеріи» и «духа», то отъ нихъ пришлось отказаться уже не только потому, что они смутны и неопредѣленны. Изслѣдуя ихъ соціальный генезисъ, начиная съ эпохи всеобщаго анимизма, я пришелъ къ выводу, что въ нихъ отражается вполнѣ опредѣленная, исторически-преходящая форма соціально трудовыхъ отношеній—авторитарная форма, разъединеніе организаторской и исполнительской функціи, изъ которыхъ первая фетишистически обобщается въ понятіи активнаго «духа», вторая—въ понятіи пассивной «матеріи». Понятіе же «вещи въ себѣ» оказалось метафизически-преобразованнымъ на почвѣ новыхъ (товарно-мѣновыхъ) отношеній понятіемъ «духа» или «души», при чемъ лишь долгій путь этого преобразованія сдѣлалъ возможными такія qui pro quo, какъ отожествленіе у многихъ матеріалистовъ «матеріи» съ «вещью въ себѣ», со скрытою «душою» явленій, съ истиннымъ «ноуменомъ» *). Искать монизма на этомъ пути было безнадежно.

Далѣе, было очевидно, что «энергетика» вполнѣ гармонируетъ съ основными тенденціями марксизма, не только своей монистическою формою, но еще болѣе самымъ своимъ содержаніемъ: принципъ превращенія и сохраненія энергіи есть идеологическое выраженіе сущности *машиннаго производства,* заключающейся именно въ примѣненіи *количественно-даннаго* за-

*) Объ этомъ см. сборникъ «Изъ психологіи общества», ст. «Авторитарное мышленіе», и «Эмпиріомонизмъ», ч. II, ст. «Вещь въ себѣ».

Digitized by Google

паса энергіи для цѣлей труда путемъ *преобразованія* этой энергіи въ новыя формы. Но это могъ быть только *методологическій монизмъ,* точно также какъ практическая энергетика машиннаго производства выражаетъ лишь *единство соціально-трудовыхъ методовъ.*

Всего этого оказывалось еще мало для построенія цѣлостной картины міра. Эмпиріокритицизмъ предлагалъ опредѣленный матеріалъ для этой картины—элементы *опыта,* чуждые сами по себѣ окраски исконнаго дуализма «физическаго» и «психическаго» міра. Былъ ли это пригодный и достаточный матеріалъ для философа-марксиста?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо было знать, какимъ требованіямъ должна удовлетворять вообще эта картина міра, каково ея жизненное значеніе. А такъ какъ она во всякомъ случаѣ является *идеологической формою,* то приходится рѣшать болѣе общій вопросъ,—каково жизненное значеніе идеологіи, чѣмъ опредѣляется ходъ ея развитія, и каковы условія наибольшей ея жизнеспособности.

Изслѣдуя эти вопросы методами историческаго матеріализма, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) идеологическія формы суть *организующія приспособленія соціальной жизни,* а въ конечномъ счетѣ (прямымъ и косвеннымъ путемъ) именно *техническаго процесса*; 2) поэтому развитіе идеологіи опредѣляется *потребностью* въ организующихъ приспособленіяхъ соціальнаго процесса и *наличнымъ матеріаломъ* для нихъ; 3) жизнеспособность же ихъ зависитъ, слѣдовательно, отъ того, насколько гармонично и стройно организуютъ они въ дѣйствительности соціально-трудовое содержаніе *).

Но тутъ я не могъ не считаться съ теоріей идеологическаго развитія, предложенной тов. Бельтовымъ. Это—теорія «реакцій»,

---

*) Этимъ вопросамъ посвящены ст. «Развитіе жизни» въ книгѣ «Изъ психологіи общества» и почти вся предлагаемая теперь читателю книга (особенно ст. «Историческій монизмъ»).

Digitized by Google

по его мнѣнію, успѣшно дополняющая основную концепцію историческаго матеріализма. Разсмотримъ эту теорію.

По воззрѣніямъ тов. Бельтова, основу смѣняющихся идеологическихъ формъ составляетъ смѣна классовъ и соціальныхъ группъ. Это, конечно, совершенно вѣрно для классовыхъ обществъ, и совпадаетъ какъ съ основными положеніями историческаго монизма вообще, такъ и спеціально съ нашей точкой зрѣнія—измѣняется «организуемое» содержаніе соціально-классовой жизни, измѣняются въ зависимости отъ этого и «организующія» формы. Но дальше начинается «дополненіе» тов. Бельтова. Идеологи новаго класса или группы, въ своей борьбѣ съ предшествующей идеологіей, неминуемо стремятся стать къ ней въ возможно болѣе отрицательное отношеніе, стремятся «сдѣлать напротивъ» предыдущимъ идеологамъ и увлекаются въ противоположную крайность: въ своей реакціи противъ односторонностей прежней идеологіи создаютъ новыя, противоположныя односторонности. Только послѣ такого колебанія между «крайностями» (или даже нѣсколькихъ колебаній) какая нибудь новая идеологія, находясь въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, можетъ установить «объективную истину», которая и остается навсегда.

Примѣры. Меркантильная школа, идеологи неразвитыхъ формъ капитала, считали деньги *единственной истинной цѣнностью*; Юмъ, идеологъ болѣе развитого, мануфактурнаго капитализма, въ стремленіи «сдѣлать обратное» меркантилистамъ, дошелъ до отрицанія цѣнности денегъ и признанія ихъ просто за *условные знаки*, выражающіе цѣнность другихъ товаровъ. Затѣмъ Марксъ, уже не увлекаясь стремленіемъ «сдѣлать обратное» Юму, устранилъ обѣ крайности, и создалъ «объективно-истинную» теорію денегъ—товара.—Во Франціи матеріализмъ просвѣтителей былъ реакціей противъ религіозности старой аристократіи, а идеализмъ утопистовъ XIX вѣка—реакціей противъ матеріализма просвѣтителей.—Въ Англіи въ XVII вѣкѣ увлеченіе аристократовъ матеріализмомъ было реакціей противъ религіозности мелко-буржуазныхъ революціонеровъ...

Digitized by Google

Если разсматривать теорію тов. Бельтова съ чисто формальной точки зрѣнія, то сначала получается впечатлѣніе недостаточности и неопредѣленности въ одномъ, очень важномъ пунктѣ: неясно, какія именно стороны и части прежней идеологіи должны вызывать противъ себя реакцію и крайности новой идеологіи, и какъ далеко можетъ итти эта реакція, эти крайности. Если бы дѣло шло только о тѣхъ сторонахъ и тѣхъ частяхъ обѣихъ идеологій, въ которыхъ выражается прямое жизненное противорѣчіе соотвѣтствующихъ классовъ или группъ, и если бы предѣлы «реакціи» опредѣлялись всецѣло формами и степенью этихъ дѣйствительныхъ противорѣчій, то въ теоріи *не было бы ровно ничего новаго* по сравненію съ основной историко-матеріалистической концепціей. Поэтому приходится думать, что «реакція» идетъ *дальше* этихъ рамокъ, и стремленіе «сдѣлать обратное» предшествующимъ идеологамъ дѣйствуетъ на развитіе новой идеологіи, *какъ особая, самостоятельная сила*, присоединяющаяся къ силѣ практическихъ классовыхъ и групповыхъ противорѣчій. Иллюстраціи тов. Бельтова вполнѣ подтверждаютъ эту мысль; изъ нихъ даже можно сдѣлать выводъ, что эта особая сила «реакціи» можетъ итти и противъ классоваго типа мышленія и противъ классовыхъ интересовъ, вообще противъ «базиса» идеологіи. Въ самомъ дѣлѣ, соотвѣтствуетъ ли матеріализмъ классовой психологіи англійскихъ аристократовъ? Очевидно, нѣтъ, — онъ слишкомъ сильно одаренъ *просвѣтительными* свойствами, ненавистными для класса, господствующаго при помощи грубой силы, а также невѣжества массъ,—и слишкомъ слабо—*авторитарнымъ* духомъ, выражающимъ самое дорогое для этого класса. И съ точки зрѣнія *интересовъ* аристократіи распространеніе матеріализма весьма невыгодно. А между тѣмъ англійскіе аристократы, чтобы «сдѣлать обратное» благочестивымъ революціонерамъ, впали въ матеріализмъ...

Тутъ мы уже видимъ, что эта теорія не просто «дополняетъ» историческій матеріализмъ Маркса,—что она *ограничиваетъ* его. Классовыя формы жизни и классовый интересъ въ своемъ влія-

Digitized by Google

ніи на идеологію сталкиваются съ противодѣйствующей силою идеологической «реакціи», и—отступаютъ передъ нею. Конечно, отступаютъ только до извѣстнаго предѣла. Вопросъ рѣшается компромиссомъ *двухъ принциповъ*. Теоріи такого типа принято называть «эклектическими».

Принять такую теорію было бы для насъ допустимо лишь въ случаѣ невозможности обойтись безъ нея въ объясненіи фактовъ. Имѣется ли налицо этотъ крайній случай? Разсмотримъ иллюстраціи, приведенныя тов. Бельтовымъ.

Теорія денегъ. Что вызвало односторонность меркантилистовъ, что довело Юма до противоположной односторонности? Въ одномъ мѣстѣ у Каутскаго (въ «Geschichte des Socialismus») говорится: «Погоня за золотомъ и серебромъ была особенно сильна въ XVI вѣкѣ, когда источникъ могущества, кроющійся въ натуральномъ хозяйствѣ, началъ уже изсякать, а могущество кредитной системы не получило еще достаточнаго развитія»... Въ этихъ немногихъ словахъ, констатирующихъ несомнѣнные факты, мимоходомъ данъ матеріалъ, достаточный для объясненія обѣихъ «крайностей». Надо только имѣть въ виду, что въ новыхъ идеологическихъ теоріяхъ съ наибольшей силой и яркостью выступаетъ не то, что «остается по старому», а то, что «движется», что усиливается и развивается; и это по той простой причинѣ, что потребность въ организующихъ, т. е. идеологическихъ формахъ особенно сильна по отношенію къ новому и перемѣнному содержанію, не укладывающемуся въ рамки старыхъ формъ. Усиленная, обостряющаяся жажда денегъ находитъ себѣ «одностороннее» выраженіе въ признаніи денегъ за единственную истинную цѣнность,—односторонность, вытекающая изъ того, что эта «цѣнность» быстро растетъ, а остальныя лежатъ спокойно или идутъ на убыль. Быстро развивающаяся въ XVIII вѣкѣ система кредита и ассигнацій съ ея «условными знаками» вызываетъ—и то у немногихъ теоретиковъ—одностороннее признаніе цѣнности «условныхъ знаковъ» или, вѣрнѣе, условнаго значенія цѣнности денегъ,—потому что рядомъ съ возрастающей практической важностью кредита

Digitized by Google

и ассигнацій, непосредственное жизненное значеніе золота и серебра растетъ медленно или убываетъ; но это явленіе развивается не такъ рѣзко, и потому большинство буржуазныхъ теоретиковъ не впадаютъ въ «односторонность» отвлеченной головы Юма.

Матеріализмъ французскихъ просвѣтителей, идеализмъ послѣдующихъ утопистовъ... Но матеріализмъ, съ его научно-позитивной тенденціей, былъ естественной идеологіей для поднимающейся промышленной буржуазіи, съ ея «земными» интересами и возрастающей «матеріальной» силой. «Идеализмъ»— смягченная форма религіознаго міровоззрѣнія—свойственъ мелкой буржуазіи, еще не порвавшей своей связи съ авторитарнымъ строемъ; собственно авторитарный классъ — феодалы — склоненъ стоять просто за религію, такъ какъ съ одной стороны она вообще санкціонируетъ господство господствующихъ, съ другой стороны—вполнѣ соотвѣтствуетъ типу авторитарнаго мышленія (антитезы «Богъ-міръ», «духъ-тѣло» и т. п. идеологически отражаютъ то, что въ дѣйствительности выступаетъ какъ «власть—подчиненіе», какъ функція организаторская и исполнительская). Мелкая же буржуазія, вначалѣ, пока она еще сословіе феодальнаго міра, просто религіозна, и эту черту она сохраняетъ еще долго послѣ того, какъ перестаетъ быть такимъ сословіемъ, частью въ силу общаго *консерватизма идеологій*, частью въ силу *авторитарнаго строя каждаго отдѣльнаго мелко-буржуазнаго хозяйства* (семья). Но при этомъ религіозное міровоззрѣніе шагъ за шагомъ пустѣетъ и обезцвѣчивается, переходя въ «идеализмъ». Французскіе утописты едва ли отъ того сдѣлались идеалистами, что хотѣли «сдѣлать обратное» просвѣтителямъ, а скорѣе именно отъ того, что были проникнуты мелко-буржуазными тенденціями (пролетаріатъ тогда тоже сохранялъ еще на $^{9}/_{10}$ мелко-буржуазное мышленіе). Усиленію авторитарнаго (а стало быть, и «идеалистическаго») элемента въ мышленіи французскихъ утопистовъ способствовало еще то обстоятельство, что въ своемъ реальномъ безсиліи утописты стремились опереться для достиженія своихъ

Digitized by Google

цѣлей на организованныя авторитарныя силы — государство, отчасти церковь. Все это были гораздо болѣе серьезныя причины для «идеалистическихъ» настроеній, чѣмъ желаніе непремѣнно «сдѣлать обратное» просвѣтителямъ.

Англійскіе аристократы-матеріалисты XVII вѣка... Были ли они, собственно, идеологами аристократіи? Аристократія шла въ тѣ времена подъ знаменемъ *католицизма* и частью — епископальной церкви,—какъ и должно было быть въ соотвѣтствіи съ авторитарнымъ положеніемъ и авторитарнымъ мышленіемъ аристократіи. Но аристократія и раньше и послѣ нерѣдко давала также идеологовъ другимъ классамъ общества. Матеріалисты XVII вѣка были именно идеологами нарождавшейся крупнопромышленной буржуазіи. XVII вѣкъ въ Англіи былъ эпохою быстраго техническаго прогресса, развитія мануфактуръ. Промышленная буржуазія росла, ея интересы и ея типъ мышленія, съ его преобладающей въ эпохи подъема тенденціей къ *матеріализму*, захватывали близко стоящіе элементы другихъ классовъ. Аристократы—матеріалисты были *буржуазными* идеологами, какъ и многіе аристократы во Франціи XVIII вѣка, хотя бы тотъ же баронъ Гольбахъ. Эти англійскіе матеріалисты были большей частью учеными изслѣдователями, и съ совершенно не-феодальнымъ усердіемъ работали въ лабораторіяхъ надъ химическими и физическими приборами. Ничего аристократически-сословнаго въ ихъ матеріализмѣ не было; истинными и наиболѣе многочисленными представителями сословно-аристократическихъ тенденцій были «паписты». Правда, и у матеріалистовъ-аристократовъ имѣлись монархически-абсолютистскія тенденціи, — но онѣ соотвѣтствовали также настроенію и интересамъ крупной промышленной буржуазіи, которой при бюрократическомъ строѣ легче заполучить всякія привилегіи, монополіи, всякое полезное для нея покровительство. Централистическая абсолютная монархія вовсе не классовый идеалъ аристократіи; это форма буржуазно-аристократическая, и въ большей мѣрѣ именно буржуазная; идеалы аристократіи лежатъ въ феодальномъ прошломъ.

Digitized by Google

Словомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда тов. Бельтовъ вводитъ въ объясненіе идеологическихъ фактовъ свою теорію «реакцій», это оказывается или совершенно излишнимъ, или прямо невѣрнымъ. Къ формальному эклектизму теоріи присоединяется ея несостоятельность по существу.—Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь теорія тов. Бельтова имѣетъ своей предпосылкой мысль о такомъ остромъ полемическомъ настроеніи, которое не можетъ держаться десятками лѣтъ въ психологіи цѣлыхъ поколѣній. Для объясненія полемическихъ увлеченій отдѣльныхъ лицъ эта теорія, пожалуй, иногда можетъ годиться; въ общемъ же она гораздо болѣе рисуетъ собственный боевой темпераментъ тов. Бельтова, чѣмъ законы идеологическаго развитія *).

Итакъ, мы можемъ продолжать изслѣдованіе вопроса объ идеологическомъ развитіи вообще, и о развитіи картины міра въ частности, не стѣсняя себя ни теоріей «реакцій», ни стремленіемъ «сдѣлать обратное» нашимъ предшественникамъ.

Жизненное значеніе философской картины міра заключается въ томъ, что она есть послѣдняя и высшая, *все-организующая* познавательная форма. Охватывая всякое возможное содержаніе, она должна быть построена, очевидно, изъ такого матеріала, который былъ бы *всеобщимъ*. Всеобщаго характера не могутъ имѣть комбинаціи, выработанныя въ ходѣ *соціальнаго* развитія, напр. тѣ, которыя обозначаются терминами «духъ», «матерія»;— какъ извѣстно, на самыхъ низшихъ ступеняхъ соціальнаго развитія такія понятія отсутствуютъ. Очевидно, за исходную точку надо взять матеріалъ, который свойственъ уже самому примитивному *конкретному* мышленію, — ибо все *отвлеченное* мышленіе, несомнѣнно, есть продуктъ дальнѣйшаго соціальнаго

---

*) Вотъ характерная цитата изъ книги Бельтова: «Какъ вы хотите, напр., чтобы Шатобріанъ сочувствовалъ старой эстетической теоріи, когда Вольтеръ — ненавистный, зловредный Вольтеръ!—былъ однимъ изъ ея представителей». («Къ разв. монвзгляда», стр. 172). Конечно, случается, что одни идеологи очень сильно сердятся на другиъ; но можно ли дѣлать изъ этого историко-философскую теорію?

Digitized by Google

развитія. Единственно подходящимъ матеріаломъ оказываются, слѣдовательно, *непосредственные элементы опыта*, и въ этомъ пунктѣ мы со спокойной совѣстью возьмемъ то, что предлагаетъ полу-буржуазная позитивная философія эмпиріокритицистовъ, какъ могли раньше брать діалектику у буржуазнаго гегельянства, и теорію трудовой цѣнности—у буржуазныхъ классиковъ.

Дальше — вопросъ о способѣ группировки этихъ элементовъ. Эмпиріокритическая школа находитъ достаточнымъ констатировать двойственность этой связи—«субъективную», или рядъ «зависимый» (отъ организма познающаго), связь психическаго, и «объективную»—или рядъ «независимый» — «физическаго» опыта. Для насъ такое положеніе является очевиднымъ дуализмомъ, и уже здѣсь начинается радикальное расхожденіе съ эмпиріокритицистами. Приходится изслѣдовать оба типа связи.

Выясняется, что разница ихъ существенно обусловлена *общеніемъ* людей, а также и другихъ живыхъ организмовъ. *Физическая связь имѣетъ значеніе одинаково для всѣхъ находящихся въ общеніи; психическая — только для отдѣльнаго, живого существа.* Если на дорогѣ я вижу «физическое тѣло»—большой камень, — то изъ высказываній, дѣйствій, жестовъ другихъ людей я убѣждаюсь, что камень этотъ существуетъ и для нихъ, и съ тѣми же свойствами, какъ для меня; — идущіе по дорогѣ говорятъ: «ахъ, камень не на мѣстѣ!»—и обходятъ его; а тѣ, которые его «не увидятъ» почему-либо, спотыкаются объ него, ушибаются, вскрикиваютъ... Но если *я представлю себѣ* камень на дорогѣ, то ни для кого камнемъ преткновенія онъ не послужитъ, а изъ дѣйствій и высказываній другихъ людей я легко убѣждаюсь, что какъ бы ясно я его себѣ ни представлялъ, для нихъ это реальнаго значенія не имѣетъ. Мое представленіе камня на дорогѣ можетъ достигнуть такой силы и яркости, что я буду его «видѣть», какъ и въ первомъ случаѣ; но когда другіе люди скажутъ мнѣ, что я ошибаюсь, что камня тутъ нѣтъ, или когда они свободно пройдутъ сквозь него,—тогда я пойму, что это комплексъ только «психическій», только «субъективный», что

Digitized by Google

это—«воспріятіе», а не «тѣло». Только общеніе съ другими людьми сводитъ мою галлюцинацію на степень «психическаго» факта, имѣющаго непосредственное значеніе для одного меня.

А между тѣмъ камень-представленіе или камень-галлюцинація занимаетъ опредѣленное мѣсто въ ряду моихъ переживаній; онъ вліяетъ на дальнѣйшій ходъ моего опыта; степень его субъективнаго значенія для меня въ случаѣ галлюцинаціи можетъ дойти до того, что онъ закроетъ отъ меня другіе предметы, что я, подойдя къ нему, буду ощущать его рукой, или даже споткнусь объ него,—но все это *только для меня.*

Итакъ, по отношенію къ «физическимъ» комплексамъ содержаніе опыта у «со-человѣковъ» *согласовано*, въ чемъ и заключается «объективность», т. е. *общезначимость* этихъ комплексовъ и ихъ соотношеній. Напротивъ, по отношенію къ «психическимъ» комплексамъ опытъ согласованъ только для каждаго человѣка въ отдѣльности, и не согласованъ у различныхъ людей,—въ чемъ и заключается «субъективность», т. е. лишь *индивидуальная значимость* психическихъ комплексовъ и ихъ связи.

Такъ получились двѣ основныя характеристики: «физическое» есть *соціально-организованный опытъ* (т. е. соціально-согласованный въ общеніи людей), «психическое» — *индивидуально-организованный* (т. е. согласованный лишь въ предѣлахъ индивидуальнаго опыта).

Тутъ самъ собою возникъ вопросъ о генетической связи обѣихъ формъ.

Легко было установить, что разграниченіе «субъективнаго» и «объективнаго» опыта совершалось постепенно и послѣдовательно, на основѣ расширяющагося общенія людей. На памяти исторіи въ область «субъективнаго», или *только психическаго* отходило многое, что было «объективнымъ», «физически существующимъ» для предшествующихъ поколѣній. Движеніе солнца по небу изъ «дѣйствительнаго» стало «кажущимся», міръ «душъ» и «духовъ» потерялъ свою «объективность» (которая также была первоначально чисто «физической» объ-

Digitized by Google

ективностью). «Объективное» *выдѣлялось* изъ «субъективнаго» путемъ его соціальной обработки въ общеніи людей. Самыя *формы объективности* — время, пространство, причинность — пережили долгую исторію развитія.

Изъ пространства «зрительнаго» и «осязательнаго» путемъ постоянныхъ поправокъ, вносимыхъ общеніемъ людей, вырабатывалось «чистое» или «геометрическое» пространство, и нѣкоторые важные этапы этого развитія пройдены сравнительно недавно. Напримѣръ, переходъ отъ ограниченности пространства у древнихъ къ его безконечности у современныхъ людей, отъ его неоднородности у людей древности и среднихъ вѣковъ къ современной однородности (для Демокрита, Эпикура и для тѣхъ, которые считали нелѣпостью существованіе антиподовъ, чистое пространство имѣетъ *верхъ* и *низъ*). Аналогичную эволюцію прошло представленіе времени,—еще болѣе сложную—идея причинности. Путемъ этой—по существу соціальной—эволюціи, всѣ эти формы, отъ которыхъ зависитъ «объективность» содержанія опыта, достигли современнаго своего состоянія.

Коллективная работа человѣчества въ его общеніи не только преобразовала формы физическаго опыта, не только удалила изъ него массу неустойчивыхъ комплексовъ—ложныхъ образовъ,—но и расширила эту область, обогатила ея содержаніе въ такихъ размѣрахъ, о какихъ люди прошлаго и не мечтали. Одновременно съ этой работой и въ зависимости отъ нея шелъ прогрессъ организаціи психическаго опыта: люди пріучались цѣлесообразно управлять цѣпью своихъ представленій и путемъ «вниманія» регулировать даже свои воспріятія. Міръ опыта кристаллизовался и продолжаетъ кристаллизоваться изъ хаоса *).

Сила, которою опредѣляются формы этой кристаллизаціи, есть общеніе людей. Внѣ этихъ формъ нѣтъ, собственно, *опыта*, потому что неорганизованная масса переживаній не есть

*) Все это излагается и обосновывается въ ст. «Идеалъ познанія» («Эмпиріомонизмъ», кн. I).

Digitized by Google

опытъ. Такимъ образомъ, опытъ соціаленъ въ самой своей основѣ, и его прогрессъ есть *соціально-психологическій процессъ его организаціи*, къ которому всецѣло приспособляется индивидуально-психическій организующій процессъ. Если для эмпиріокритициста опытъ всѣхъ со-человѣковъ равноцѣненъ, что я обозначилъ раньше, какъ извѣстный познавательный «демократизмъ», то для эмпиріомониста этотъ опытъ есть сверхъ того результатъ коллективной организующей работы всѣхъ людей,—своего рода познавательный «соціализмъ».

Изъ этого видно, какимъ по-истинѣ философски-административнымъ произволомъ является обвиненіе «эмпиріомонистовъ» въ солипсизмѣ и скептицизмѣ.

Но сведя два типа связи опыта къ двумъ фазамъ организующаго процесса, мы сдѣлали только одинъ шагъ къ установленію монизма. Намъ надо еще выяснить, какимъ же образомъ для коллективно-организующей работы оказывается налицо подходящій,—т. е. *въ достаточной мѣрѣ общій для различныхъ людей матеріалъ*.

Этого вопроса, какъ и предыдущаго, эмпиріокритицизмъ совершенно не рѣшаетъ.

Мы не можемъ ограничиться соображеніемъ, что одни и тѣ же комплексы попадаютъ въ связь опыта то для одного, то для другого «со-человѣка», и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ извѣстную «общезначимость». Остается совершенно непонятнымъ, отчего же «физическіе» комплексы обладаютъ этимъ свойствомъ, а такіе «психическіе», какъ, положимъ, «эмоціи», «образы фантазіи» и т. д. лишены его,—отчего «онъ» видитъ то же самое дерево, что и «я», но не переживаетъ той же самой грусти, какую «я» переживаю, или тѣхъ же самыхъ воспоминаній и грезъ.—Затѣмъ, отчего одни и тѣ же «физическія тѣла» вступаютъ въ связь опыта различныхъ людей или одного и того человѣка при неодинаковыхъ обстоятельствахъ въ такомъ существенно-различномъ видѣ и составѣ, что элементы общаго прямо-таки исчезаютъ предъ различіями; напр. «человѣкъ» въ видѣ черной точки на горизонтѣ, и «тотъ

Digitized by Google

же человѣкъ» въ видѣ «моего» собесѣдника; или капля стоячей воды, видимая невооруженнымъ глазомъ, и «та же» капля—міръ инфузорій и бактерій, видимый въ микроскопъ. И все это относится именно къ «физическимъ», къ «объективнымъ» комплексамъ. Гдѣ найти логику такихъ превращеній?

Далѣе, то самое «общеніе» людей, которое служитъ основою формъ опыта, предполагаетъ, повидимому, какую-то своеобразную двойственность «живыхъ» комплексовъ. Именно, къ «физическимъ тѣламъ»—организмамъ съ ихъ движеніями и звуками—мы присоединяемъ непосредственно намъ недоступныя «переживанія» этихъ существъ, ихъ воспріятія, чувства, представленія и т. д. Гдѣ найти логику этой двойственности?

Выходомъ изъ этихъ затрудненій является идея *всеобщей подстановки.*

Самый легкій путь къ ней лежитъ черезъ «вещи въ себѣ» тов. Бельтова.

Примемъ на минуту, что Гольбахъ и тов. Бельтовъ правы, и что всякое «явленіе» возникаетъ изъ дѣйствія внѣшнихъ «вещей въ себѣ» на ту «вещь въ себѣ», которая составляетъ сущность даннаго «человѣка».

Согласно *закону причинности*, «вещь въ себѣ», дѣйствуя на другую «вещь въ себѣ», можетъ сдѣлать только одно, а именно—вызвать въ этой послѣдней какое-либо *измѣненіе.* Слѣдовательно, всѣ «явленія», всѣ «впечатлѣнія», всякій «опытъ» представляютъ изъ себя только *измѣненія вещей въ себѣ.*

Но сами «вещи въ себѣ» съ точки зрѣнія *діалектическаго* (т. е. динамическаго) міровоззрѣнія не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ *процессами.* Слѣдовательно, всякое «впечатлѣніе», всякое «явленіе», всякій «опытъ» есть только опредѣленное измѣненіе въ ходѣ какого-то процесса—«вещи въ себѣ», называемой «живымъ существомъ».

Измѣненія такого рода намъ извѣстны въ качествѣ «опыта». Они разложены на опредѣленные *элементы*—цвѣта, тоны, элементы формы, твердости и т. д. Вѣрнѣе даже, это не элементы *опыта, а элементы, появляющіеся и исчезающіе* въ опытѣ,

Digitized by Google

элементы, образующіе опытъ не статически, а динамически —измѣненіями своихъ группировокъ. *Откуда эти элементы?*

Съ точки зрѣнія причинности, не допускающей созданія изъ ничего, совершенно немыслимо, чтобы эти элементы не принадлежали къ составу «вещей въ себѣ»—либо той, которая «дѣйствуетъ», либо той, которая «испытываетъ дѣйствіе». Вотъ уже у насъ есть и данныя, чтобы судить о составѣ и «видѣ» этихъ таинственныхъ «вещей». Онѣ, оказывается, *заключаютъ въ себѣ элементы, тожественные съ элементами опыта.*

Все это уже имѣется въ скрытомъ видѣ въ томъ признаніи причинности по отношенію къ «вещамъ въ себѣ», которое подчеркиваетъ тов. Бельтовъ.

Но можетъ быть, въ «вещахъ» заключаются еще какіе-нибудь элементы, намъ недоступные, не выступающіе въ «измѣненіяхъ», называемыхъ «опытомъ»? Если такіе элементы и есть, то они, очевидно, лежатъ спокойно и не имѣютъ отношенія къ опыту; а потому и разсуждать о нихъ нечего; т. е., въ познавательномъ смыслѣ—*ихъ просто нѣтъ* *).

Итакъ, «вещи въ себѣ» состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, которые выступаютъ и исчезаютъ въ «явленіяхъ». Выводъ, который едва ли понравится тов. Бельтову, но котораго нельзя миновать при его собственныхъ посылкахъ иначе какъ цѣной *эклектизма.*

Чтобы пойти дальше, надо вспомнить происхожденіе этихъ «вещей». Это—метафизически преобразованныя «души» предметовъ и явленій опыта. А «души» въ свою очередь представляютъ своеобразное развитіе «подстановки». Именно, люди «понимаютъ» другъ друга такимъ способомъ, что за физическими явленіями живого тѣла признаютъ чувства, воспріятія и

*) Съ точки зрѣнія изложенныхъ соображеній, «вещь въ себѣ» и «явленіе» относятся такъ, какъ, положимъ, скорость и ускореніе, или, чтобы взять примѣръ конкретнѣе, какъ постоянный электрическій токъ въ нервѣ, и отрицательное колебаніе этого тока, образующее «нервный токъ» (проводящій по нерву возбужденіе).

Digitized by Google

другія «переживанія». Въ эпоху авторитарныхъ отношеній эти «подставляемыя» переживанія были признаны своего рода «властью», господствующею надъ тѣломъ, и помѣщены внутрь тѣла въ качествѣ «души», т. е. организаторскаго начала. Значитъ, если мы возьмемъ «вещь въ себѣ», и очистимъ ее отъ соціальнаго фетишизма метафизики, то получимъ авторитарную «душу»; а если «душу» затѣмъ очистимъ отъ авторитарнаго фетишизма, то предъ нами окажется «подстановка»—средство общенія людей, начало всякаго познанія, подстановка психическихъ «переживаній» подъ физіологическіе процессы дѣйствій и высказываній другихъ людей.

Въ этомъ пунктѣ все проясняется.

«Вещь въ себѣ» всякаго живого существа оказывается просто совокупностью его переживаній, («сознательныхъ» и «внѣсознательныхъ»), а его «тѣло»—не что иное, какъ «явленіе» этой «вещи» въ опытѣ другихъ живыхъ существъ, и въ его собственномъ. Подъ «физіологическіе» процессы подставляются «психическіе комплексы», и общеніе людей выступаетъ просто, какъ воздѣйствіе одного комплекса переживаній на другой и обратно по закону причинности. «Тѣло» живого существа (или, точнѣе, «воспріятіе» тѣла) есть отраженіе суммы его переживаній въ другихъ живыхъ существахъ, и обратно. *Объективный* характеръ настоящаго «физическаго тѣла» оно принимаетъ лишь постепенно, путемъ, какъ мы видѣли, соціальной организаціи опыта.

Но если такъ, то «подстановка» требуется не только для тѣлъ живыхъ, но и для тѣлъ неодушевленныхъ: тамъ тоже надо принять аналогичныя «вещи въ себѣ», т. е. комплексы элементовъ, доступные намъ лишь косвенно, путемъ ихъ воздѣйствія на насъ. Само собой разумѣется, что эти комплексы нельзя представлять себѣ организованными по тому высшему (ассоціативному) типу, по которому организована психика «живыхъ существъ»: «неорганизованнымъ» тѣламъ физическаго опыта соотвѣтствуютъ и «неорганизованные» (т. е., конечно, лишь очень слабо, очень низко организованные) «непосред-

Digitized by Google

ственные комплексы» Такъ получается идея *всеобщей подстановки.*

Въ эпоху анимизма человѣчество уже имѣло «всеобщую подстановку», но въ ошибочномъ, фетишистическомъ видѣ, какъ *одушевленіе* всей природы, какъ населеніе неорганизованныхъ тѣлъ высоко организованными «душами». Критически провѣренная подстановка, во-первыхъ, не разсматриваетъ уже «тѣла» какъ мѣсто жительства «душъ», и во-вторыхъ, принимая «тѣла» физическаго опыта за отраженіе непосредственныхъ комплексовъ, приписываетъ этимъ послѣднимъ лишь такую степень организованности, которая соотвѣтствуетъ степени организованности самыхъ «тѣлъ».

Теперь наша картина міра достигаетъ уже извѣстной цѣльности. Передъ нами безконечные, непрерывные ряды комплексовъ, матеріалъ которыхъ тожественъ съ элементами опыта, а форма характеризуется самыми различными степенями организованности, прогрессивно переходящими отъ «хаоса элементовъ» къ сложности и стройности «человѣческаго опыта». Всѣ эти комплексы, дѣйствуя одни на другіе, вызываютъ одни въ другихъ измѣненія,—взаимно отражаются одни въ другихъ. Такого рода отраженія, выступающія въ высшихъ—психическихъ комплексахъ, образуютъ «впечатлѣнія» живыхъ существъ; общеніе, возникающее между живыми существами путемъ этихъ «впечатлѣній», приводитъ къ ихъ *соціальной систематизаціи,* къ ихъ организаціи въ «опытъ» въ точномъ значеніи этого слова *).

Съ точки зрѣнія этой картины міра совершенно понятно, почему одни и тѣ же «предметы природы» могутъ въ опытѣ являться въ самомъ различномъ видѣ: одинъ и тотъ же непосредственный комплексъ «отражается» въ другомъ при различныхъ условіяхъ самымъ различнымъ образомъ, — это прямо вытекаетъ изъ закона причинности. Объясняется и психо-фи-

*) Все это обстоятельно изложено въ ст. «Жизнь и психика», «Эмпиріомонизмъ», ч. I.

Digitized by Google

зіологическая двойственность жизни: единая жизнь, взятая въ ея непосредственномъ содержаніи, или въ ея «отраженіяхъ», не перестаетъ отъ этого быть единой.

Всеобщій параллелизмъ «непосредственныхъ» комплексовъ и ихъ «отраженій» въ физическомъ опытѣ подтверждаетъ всеобщую примѣнимость закона сохраненія энергіи: вѣдь этому закону нѣтъ дѣла до того, беремъ ли мы «комплексъ» въ его непосредственномъ видѣ или въ его «отраженіи»,—дѣло идетъ объ одной и той же энергетической величинѣ; поэтому «психика» энергетична, какъ и соотвѣтствующіе физіологическіе процессы.

Разграниченіе «явленій» и «вещей въ себѣ» оказывается излишнимъ: передъ нами только міръ *прямого* опыта и *косвеннаго* опыта, міръ непосредственно ощущаемаго и міръ дополняющей его «подстановки». Область «подстановки» совпадаетъ съ областью «физическихъ явленій»; подъ явленія «психическія» ничего подставлять не требуется, ибо это — «непосредственные комплексы». Подстановка *на нихъ* основывается и соціальнымъ путемъ *изъ нихъ* развивается; они — ея первичный матеріалъ въ «общеніи» людей.

Такова картина міра, которую *для нашего времени* можно считать «эмпиріомонистической», т. е. наиболѣе стройно объединяющей опытъ *).

4. Объ эклектизмѣ и монизмѣ.

Я показалъ, какъ изъ содержанія различныхъ знакомыхъ мнѣ міровоззрѣній путемъ ихъ критики,—а также изъ резуль-

*) Для полноты и единства картины необходимо рѣшеніе еще одного вопроса, — вопроса о перерывахъ опыта, о томъ, почему разъединено «сознаніе» различныхъ людей, почему всѣ «непосредственные комплексы» не сливаются въ одно сплошное цѣлое, а вселенная не образуетъ такимъ путемъ единаго всеобщаго хаотическаго «сознанія». Вопросъ этотъ разсматривается въ ст. «Universum» (I часть этой работы); здѣсь мнѣ не хочется затягивать и усложнять изложенія.

Digitized by Google

татовъ собственной работы, пополнявшей то, чего я не могъ тамъ найти, сложились тѣ взгляды на жизнь и міръ, въ которыхъ я вижу путь къ «эмпиріомонизму», къ идеалу цѣльнаго и строгаго познанія. Эти взгляды сложились далеко не сразу, и болѣе или менѣе законченнымъ ихъ выраженіемъ является только настоящая работа (3 книги «Эмпиріомонизма») вмѣстѣ съ одновременно написанными работами «Изъ психологіи общества» и «Новый міръ». Замѣчу мимоходомъ, что я нерѣдко обозначалъ однимъ и тѣмъ же словомъ свою конечную философскую цѣль («эмпиріомонизмъ», какъ идеалъ познанія) и тотъ путь, который кажется мнѣ ведущимъ къ этой цѣли («эмпиріомонизмъ», какъ попытка дать насколько возможно стройную картину міра для нашего времени и для того соціальнаго класса, дѣлу котораго я себя посвятилъ). Эти различныя значенія слова, я полагаю, не могутъ спутать читателя. Изъ всего только что изложеннаго читатель могъ видѣть, что я имѣлъ право считать эту попытку *своей*, и не причислять себя ни къ одной изъ тѣхъ собственно *философскихъ* школъ, идеями которыхъ я пользовался, какъ матеріаломъ для своей постройки.

Только соціальная философія Маркса послужила для меня болѣе чѣмъ матеріаломъ,—она была регуляторомъ и методомъ моей работы одновременно.

Въ виду этого я имѣю право — и въ интересахъ ясности считаю необходимымъ—отмѣтить глубокую ошибочность того систематическаго смѣшенія моихъ взглядовъ съ одной изъ «пройденныхъ мною школъ», которое обнаруживаетъ тов. Бельтовъ, а также тов. Плехановъ.

Тов. Бельтовъ упорно считаетъ меня «махистомъ» и эмпиріокритицистомъ *). Тов. Плехановъ, наоборотъ, всѣхъ эмпиріокритицистовъ зачислилъ въ «эмпиріомонисты» **). И то, и другое является недоразумѣніемъ.

---

*) См. напр., предисловіе къ книгѣ «Критика нашихъ критиковъ».

*) См. примѣчанія къ пер. «Л. Фейербахъ» Энгельса, Спб. 1906 г., стр. 121.

Digitized by Google

У Маха я многому научился; я думаю, что и тов. Бельтовъ могъ бы узнать немало интереснаго отъ этого выдающагося ученаго и мыслителя, великаго разрушителя научныхъ фетишей. Молодымъ же товарищамъ я совѣтовалъ бы не смущаться тѣмъ соображеніемъ, что Махъ не марксистъ. Пусть они послѣдуютъ примѣру тов. Бельтова, который такъ многому научился у Гегеля и Гольбаха, которые, если не ошибаюсь, тоже не были марксистами.

Однако, «махистомъ» въ философіи признать себя я не могу. Въ общей философской концепціи я взялъ у Маха только одно—представленіе о нейтральности элементовъ опыта по отношенію къ «физическому» и «психическому», о зависимости этихъ характеристикъ только отъ *связи* опыта. Затѣмъ во всемъ послѣдующемъ — въ ученіи о генезисѣ психическаго и физическаго опыта, въ ученіи о подстановкѣ, въ ученіи объ «интерференціи» комплексовъ-процессовъ, въ общей картинѣ міра, основанной на всѣхъ этихъ посылкахъ — у меня нѣтъ съ Махомъ ничего общаго. Словомъ, я гораздо меньше «махистъ», чѣмъ тов. Бельтовъ—«гольбахіанецъ»; и я надѣюсь, это не помѣшаетъ намъ сбоимъ быть добрыми марксистами.

Что касается эмпиріокритицистовъ, то смѣю увѣрить тов. Бельтова, что западно-европейскіе представители этой школы даже не знаютъ, что такое «эмпиріомонизмъ», и потому особенно несправедливо называть ихъ эмпиріомонистами. Я лично готовъ нести всякую кару за мои «эмпиріомонизменныя» наклонности и дѣянія; но за что же будутъ отвѣчать они? Это тѣмъ болѣе несправедливо, что каждый изъ нихъ, ознакомившись съ моими взглядами, призналъ бы меня за отъявленнаго метафизика... Надо замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ причисляютъ къ метафизикамъ и своихъ учителей, Маха и Авенаріуса. Вообще, они зачастую почти такъ же щедры на титулъ «метафизика», какъ товарищъ Бельтовъ на титулъ «эклектика».

Не было бы ничего страннаго, если бы тов. Бельтову было некогда знакомиться съ моими произведеніями; но тогда ему

Digitized by Google

не слѣдовало бы высказывать рѣшительныхъ и опредѣленныхъ сужденій о моихъ взглядахъ. Если же онъ читалъ мои работы, то не можетъ не знать, что самое понятіе «эмпиріомонизма» я ввелъ, какъ антитезу *дуализму* эмпиріокритической школы, и критикѣ идей этой школы посвятилъ немало труда, хотя въ то же время требованія, поставленныя познанію ея «критикой опыта», признаю большой заслугою этой школы, а ея взгляды считаю такой же удобной *исходною точкой* для развитія марксистской философіи, какъ, положимъ, демократизмъ удобная исходная точка для развитія идей соціализма.

Я допускаю, что для совершенно неопытнаго читателя, притомъ не прочитавшаго до конца даже 1-ой книги этой работы, мой очень сочувственный отзывъ объ эмпиріокритицизмѣ могъ бы послужить поводомъ къ смѣшенію. Но для человѣка свѣдущаго въ философіи, знающаго разницу между исходной точкой изслѣдованія и суммой его результатовъ, разницу между пропедевтикой и философскимъ міровоззрѣніемъ въ цѣломъ, такое недоразумѣніе было невозможно. Коренное различіе своихъ взглядовъ со взглядами эмпиріокритицистовъ я тогда же не одинъ разъ подчеркивалъ, указывая, напр., что «эмпиріокритицистъ будетъ правъ со своей точки зрѣнія, отвергая самую постановку» намѣченныхъ мною вопросовъ монизма, что «эмпиріокритическая концепція — пройденная ступень» въ развитіи картины міра, и т. п. («Эмпиріомонизмъ», книга I, стр. 22, стр. 183). Профессіональный философъ, какъ тов. Бельтовъ или тов. Плехановъ, казалось бы, не могъ тутъ ошибиться *).

---

*) Вдвойнѣ нехорошо то, что эту явную путаницу тов. Плехановъ вноситъ въ популярную брошюру, разсчитанную на совершенно не свѣдущихъ читателей (примѣчанія къ русск. переводу брошюры Энгельса о Л. Фейербахѣ).

Тов. Н. Валентиновъ въ журналѣ «Правда» не разъ порицалъ меня (также безъ аргументаціи) за то, что я *не* эмпиріокритицистъ. Упрекъ справедливъ; и въ свое оправданіе я приведу только одинъ доводъ, именно тотъ, что эмпиріокритицизмъ меня не удовлетворяетъ.

Digitized by Google

Но можетъ быть, эти «маленькія недоразумѣнія» не мѣшаютъ быть справедливымъ основному обвиненію тов. Бельтова и тов. Плеханова противъ «эмпиріомонистовъ» — упомянутому обвиненію въ эклектизмѣ? Въ самомъ дѣлѣ, марксизмъ, матеріализмъ естественниковъ, энергетика, эмпиріокритицизмъ, теорія всеобщей подстановки, и т. д., — мыслимо ли изъ столь разнообразныхъ комбинацій создать что-нибудь цѣльное и стройное, что-нибудь не-эклектичное?

Прежде всего, замѣчу, что наше время—эпоха спеціализаціи—есть также естественнымъ образомъ эпоха *односторонностей*. Поэтому всякая попытка выработать цѣльное, т. е. монистическое, міровоззрѣніе неминуемо должна использовать множество разнообразныхъ, въ отдѣльности односторонних философ-

---

Въ газетѣ «Искра» (№ 77) противъ меня полемизировалъ — съ точки зрѣнія тов. Бельтова—тов. Ортодоксъ. То, что тов. Ортодоксъ вноситъ *своего* въ эту полемику, можно свести къ тремъ пунктамъ:

1) Тов. Ортодоксъ не знаетъ разницы между «психологіей» и «идеологіей»,—наивно считая ихъ за одно и то же, онъ протестуетъ противъ признанія необходимой связи между развитіемъ *соціальнаго инстинкта* и возникновеніемъ общества. Соціальный инстинктъ — «психологическій факторъ», полагаетъ тов. Ортодоксъ, — а потому его нельзя считать причиною общественной организаціи. Что соціальный инстинктъ есть «первоначальная причина» общественной организаціи, этого я и не думалъ говорить; но что онъ есть первично-необходимая и *всеобщая* форма соціальной организованности, это несомнѣнно. Тов. Ортодоксу неизвѣстно, что въ біологическомъ развитіи проявленія соціальнаго инстинкта существуютъ уже тамъ, гдѣ еще нѣтъ «общества» въ точномъ смыслѣ слова, т. е. системы сотрудничества, и тов. Ортодоксъ, повидимому, не понимаетъ, что безъ той связи, которая *біологически* создается первоначально именно въ формѣ этого инстинкта, общество не могло бы возникнуть.

2) Тов. Ортодоксъ изъ трехъ статей критикуемой имъ первой книги «Эмпиріомонизма» прочиталъ только одну—первую,—статью о развитіи *формъ* опыта, и потому побѣдоносно задаетъ мнѣ вопросы («Откуда взялся волкъ?»...), относящіеся къ *матеріалу*, организуемому этими формами, и находящіе вполнѣ опредѣленный отвѣтъ во *второй* и *третьей* статьяхъ.

Digitized by Google

скихъ комбинацій. Только выдѣляя «истину» каждой ихъ нихъ и стройно связывая полученный такимъ образомъ матеріалъ при помощи одного руководящаго принципа, можно прійти къ *монизму*. Такъ я и старался дѣлать; а руководящимъ принципомъ моей работы была идея *соціальности познанія*, которое я разсматривалъ, какъ *одну изъ «идеологій»* — полагаю, марксистская идея.

Слѣдовательно, вопросъ объ эклектизмѣ или монизмѣ міровоззрѣнія не рѣшается указаніемъ на источники, откуда возникли его различные элементы; иначе величайшимъ эклектикомъ XIX вѣка надо признать *К. Маркса*, соединившаго элементы матеріализма, гегеліанства, соціализма, буржуазной классической экономіи и многіе другіе, находившіеся до него

---

3) Тов. Ортодоксъ невѣрно цитируетъ и искажаетъ мои мысли. Онъ приписываетъ мнѣ слова: «общественное бытіе и общественное сознаніе въ полномъ смыслѣ тожественны»; у меня же сказано — «*въ точномъ смыслѣ этихъ словъ*», каковой смыслъ и былъ передъ этимъ тщательно разъясненъ мною. Я указывалъ въ этомъ мѣстѣ, что все соціальное *психично*, т. е. при точномъ (принятомъ, напр. въ психологіи) употребленіи терминовъ, должно быть отнесено къ области «сознанія», которая, какъ я при этомъ отмѣчалъ, гораздо, шире области собственно соціальнаго. Самъ тов. Ортодоксъ въ другомъ мѣстѣ называетъ эту же мысль «банальной и очевидной истиной»; а здѣсь, подмѣнивши одно слово, онъ затѣмъ приписываетъ мнѣ такую точку зрѣнія: «бытіе есть продуктъ сознанія, т. е. идеологіи». Оставляя въ сторонѣ невѣжественное смѣшеніе сознанія съ идеологіей, совершенно ясно, что тов. Ортодоксъ самъ сочинилъ для меня эту ересь.

Со своей стороны, по всѣмъ тремъ пунктамъ я выскажусь кратко и дамъ тов. Ортодоксу три полезныхъ совѣта:

1) «Невѣжество не аргументъ»: чтобы разсуждать о философіи, надо быть знакомымъ съ наукою. Слѣдуетъ учиться.

2) То, что критикуешь, надо прочитать; иначе критика не достигнетъ цѣли.

3) Не слѣдуетъ искажать словъ и мыслей противника, хотя бы это чрезвычайно облегчало задачу его опровергнуть; ибо такое искаженіе будетъ обнаружено, когда противникъ этого пожелаетъ и найдетъ для этого время.

Digitized by Google

въ совершенно раздѣльномъ и даже противорѣчивомъ состояніи. Вопросъ объ эклектизмѣ или монизмѣ доктрины рѣшается *доказательствами*. Это именно то, что тов. Бельтовъ *не даетъ*. Онъ полемизируетъ съ Конрадомъ Шладтомъ, съ солипсистами, къ которымъ по недоразумѣнію относитъ Маха, съ Н. Г. изъ «Рус. Богат.» и т. д. Все это къ «эмпиріомонизму» прямого отношенія не имѣетъ. Здѣсь онъ ограничивается заявленіями въ такомъ родѣ:

«... Эклектическія головы, любящія «пестрыя мысли», мастерски «соединяютъ» самыя противорѣчивыя теоріи. Однако, эклектизмъ non est argumentum» («Критика нашихъ критиковъ», предисл., стр. IV).

Вѣрно, тов. Бельтовъ,—эклектизмъ не аргументъ... Но также не аргументъ и *слово* «эклектизмъ», какъ немотивированная характеристика несимпатичныхъ вамъ взглядовъ. Пожалуйте сюда аргументы, тов. Бельтовъ!

А пока вы ихъ не представили, нужно по истинѣ наивное убѣжденіе въ своей непогрѣшимой авторитетности, чтобы выносить такіе приговоры, какъ... Да проститъ мнѣ читатель, я не могу отказать себѣ въ грустномъ удовольствіи привести и анализировать суровый приговоръ, произнесенный надо мною тов. Бельтовымъ въ формѣ остроумнаго сравненія:

«... Отношеніе нашихъ «практиковъ» къ философіи всегда напоминало мнѣ отношеніе къ ней прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I. Какъ извѣстно, этотъ мудрый монархъ оставался совершенно равнодушенъ къ философской проповѣди Христіана Вольфа до тѣхъ поръ, пока ему не объяснили, что Вольфовъ принципъ достаточнаго основанія долженъ вызвать побѣги солдатъ отъ службы. Тогда солдатскій король приказалъ философу въ 24 часа оставить прусскія владѣнія подъ страхомъ смертной казни черезъ повѣшенье. Наши практики, разумѣется, никого и никогда не захотятъ казнить за философскія убѣжденія. Иначе и быть не можетъ. Но наши «практики» готовы мириться со всякой данной философіей до тѣхъ поръ, пока имъ не покажутъ, что она мѣшаетъ осуществленію ихъ ближай-

Digitized by Google

шихъ практическихъ цѣлей. Такъ мирились очень недавно съ кантіанизмомъ. Гг. П. Струве и С. Булгаковъ показали имъ, что кантіанизмъ представляетъ собою не одно только отвлеченное теоретическое умозрѣніе. И теперь они готовы возставать противъ «соединенія» Канта съ Марксомъ. Но такого доказательства пока еще еще никто не привелъ, напр., насчетъ *эмпиріомонизма*. И наши «практики» готовы принимать *махистовъ* за *марксистовъ*. Со временемъ они пожалѣютъ объ этомъ, но тогда будетъ, пожалуй, уже поздно...» («Крит. нашихъ крит.», стр. IV—V).

Итакъ, вотъ приговоръ, суровый не только по отношенію ко мнѣ... Товарищи «практики» подобны Фр. Вильгельму I-му. Разница—пожалуй, несущественная?—заключается въ томъ, что они не станутъ за философскія убѣжденія никого «казнить черезъ повѣшенье». Утѣшительно. Тов. Бельтовъ находитъ, что они въ этомъ правы,—это дѣлаетъ честь его мягкости. Но кому достается въ этомъ сравненіи роль обвиняемаго философа? Очевидно, «напр.», мнѣ, ибо дальше прямо указывается на эмпиріомонизмъ. Собственно говоря, это не такъ уже обидно,—роль Вольфа во всей исторіи съ Фридр. Вильгельмомъ была далеко не самой скверной. «Эмпиріомонизму» соотвѣтствуетъ въ сравненіи тов. Бельтова «законъ достаточнаго основанія». Что жъ, это тоже не обидно: если всѣ аргументы, которые можно привести противъ моихъ взглядовъ, настолько же справедливы, какъ обвиненіе, выставленное противъ закона достаточнаго основанія, то «эмпиріомонистамъ» нечего особенно опасаться... Теперь, кто выполняетъ въ данномъ случаѣ скромную функцію тѣхъ людей, которые «объяснили мудрому монарху» и т. д.? По точному смыслу сравненія—товарищъ Бельтовъ...

Далѣе, что ожидаетъ преступника, т. е. меня? Отъ «казни черезъ повѣшенье» меня гарантируетъ прямое обѣщаніе такого вліятельнаго теоретика, какъ тов. Бельтовъ. Остается... высылка въ 24 часа, о которой онъ не дѣлаетъ оговорки. Подумайте, читатель: высылка изъ предѣловъ марксизма!..

Digitized by Google

Раздраженіе противъ «эмпиріомонистовъ» заводитъ тов Бельтова такъ далеко, что онъ не только забываетъ представить доказательства въ пользу своего немилостиваго приговора, но и дѣлаетъ явныя ошибки противъ техническихъ принциповъ столь знакомаго ему искусства полемики...

Но довольно объ этомъ траги-комическомъ инцидентѣ. Говоря кратко и ясно, я не признаю ни тов. Бельтова, ни кого бы то ни было другого компетентнымъ дискреціонною властью рѣшать вопросъ объ эклектизмѣ и монизмѣ моихъ взглядовъ. Тов. Бельтова даже меньше, чѣмъ кого либо другого; ибо я имѣлъ честь анализомъ его воззрѣній показать, что эклектизмъ въ дѣйствительности не столь ему чуждъ и ненавистенъ, какъ это ему самому кажется *). Не угодно ли представить аргументы, тов. Бельтовъ!

Я, впрочемъ, нисколько не сомнѣваюсь, что съ точки зрѣнія *монистовъ будущаго* въ моихъ взглядахъ найдется достаточно диссонансовъ, достаточно «эклектическихъ» комбинацій. Мѣрка эклектизма и монизма исторически-относительна, съ развитіемъ человѣчества строгость монистическихъ требованій возрастаетъ... Но у насъ дѣло идетъ о *настоящемъ*, а я вовсе не имѣю притязаній устанавливать «объективную истину» на всѣ времена, или такой же надъисторически-объективный монизмъ.

Я знаю, насколько трудно то дѣло, которое я на себя взялъ; знаю, насколько краткій для него срокъ представляютъ тѣ 10 лѣтъ жизни, которыя я могъ ему посвятить. Но уклониться

---

*) Въ этомъ смыслѣ у тов. Бельтова можно встрѣтить удивительные недосмотры, въ родѣ замѣчанія (на стр. 152 книги «Къ разв. мон. взгляда») о томъ, что психологія рабочихъ «приспособляется къ будущимъ отношеніямъ производства». Если бы это не было, какъ я полагаю, просто недосмотромъ, то это было бы грубымъ уклоненіемъ въ сторону *историческаго идеализма* («будущія отношенія» въ настоящемъ могутъ существовать лишь *идеально*, и въ то же время вдругъ оказываются реально-опредѣляющей силою для развитія пролетарской психологіи).

Digitized by Google

отъ него было бы для меня невозможно, и я никогда не видѣлъ ничего личнаго въ этой поставленной мнѣ жизнью задачѣ. Я радостно встрѣчу всякую критику изъ среды родного мнѣ теченія,—лишь бы это была *критика*, лишь бы она давала матеріалъ для выясненія истины. Если въ результатѣ истина выяснится даже цѣною разрушенія моихъ идей,—я радостно буду привѣтствовать эту новую для меня истину...

30 апрѣля 1906 года
«Кресты».

Digitized by Google

Общественный подборъ.

(ОСНОВЫ МЕТОДА).

I.

Терминъ «общественный подборъ» легко можетъ вызвать ложныя сопоставленія и предубѣжденія: онъ напоминаетъ о давно пережитыхъ наукою теоріяхъ соціологовъ-дарвинистовъ, объ эклектическихъ «соціально-біологическихъ» попыткахъ Альб. Ланге, Энр. Ферри, Вольтмана и многихъ другихъ,—о старыхъ, полу-забытыхъ блужданіяхъ соціально-научной мысли. Моя задача состоитъ отнюдь не въ томъ, чтобы воскрешать эти мертвыя идеи или исправлять ихъ; самое понятіе «общественнаго подбора» въ нашемъ изслѣдованьи имѣетъ иной смыслъ и иное содержаніе.

Въ прежнихъ своихъ работахъ я уже не разъ указывалъ, что понятіе «подбора» при изученіи процессовъ жизни и развитія не можетъ и не должно связываться только съ представленіемъ объ *индивидуальныхъ* организмахъ, объ ихъ размноженіи и конкурренціи, объ ихъ индивидуальной смерти или сохраненіи. Понятіе это лишь тогда становится вполнѣ пригодно для изслѣдованья какихъ бы то ни было жизненныхъ явленій—во *всѣхъ* областяхъ жизни,—когда оно выражаетъ *біологическую*

Digitized by Google

причинность вообще. Въ этой, самой общей формѣ законъ «подбора» сводится къ такому положенію: сохраняются формы, приспособленныя къ ихъ средѣ, разрушаются неприспособленныя;—или, пользуясь болѣе точной и болѣе научной формулой: *сохраненіе и разрушеніе жизненныхъ формъ находится въ строгой закономѣрной зависимости отъ ихъ среды* *).

Этому принципу подчиняются рѣшительно всѣ жизненные комплексы и всякія жизненныя комбинаціи: сохраненіе и гибель опредѣленнаго *вида* въ его географической средѣ, опредѣленнаго *организма* въ доступныхъ ему условіяхъ добыванія средствъ къ жизни и борьбы съ врагами, опредѣленной *клѣтки* или группы клѣтокъ организма въ ея средѣ, представляемой прежде всего внутренними отношеніями этого организма; сохраненіе и гибель опредѣленнаго *рефлекса* въ общей системѣ жизненныхъ функцій организма, опредѣленной *ассоціаціи представленій* въ ассоціативно-психической средѣ, и т. д. «Единицей» подбора является отнюдь не только то, что называютъ «особью» въ тѣсномъ смыслѣ слова,—но *всякое жизненное единство.*

То же относится къ подбору общественныхъ формъ: онъ отнюдь не сводится къ сохраненію или гибели человѣческихъ особей, входящихъ въ составъ общества. «Единицей» подбора здѣсь можетъ быть, конечно, и особь, — но также соціальная группа, классъ, — и какой-нибудь техническій пріемъ, слово, идея, норма и т. д. Какая-нибудь общественная норма, напр.

---

*) Первое изъ этихъ двухъ выраженій легко можетъ быть принято за простую тавтологію: вѣдь самая «приспособленность» или «неприспособленность» жизненныхъ формъ сводится именно къ факту ихъ сохраненія или разрушенія; «сохраняются формы приспособленныя»—это, слѣдовательно, все равно, что, «сохраняются формы сохраняющіяся»... Второе выраженіе прямо указываетъ на сущность дѣла — роль среды въ сохраненіи или разрушеніи жизни; оно свободно отъ тавтологіи, и сразу указываетъ путь біологическаго изслѣдованія: *причинъ* сохраненія или разрушенія жизни надо искать въ ея средѣ. Этимъ, между прочимъ, исключается *абсолютная внутренняя причинность* жизни, не сводимая къ внѣшнимъ причинамъ («виталистическая»).

Digitized by Google

нравственная или правовая, не имѣетъ для насъ отдѣльнаго физическаго существованія: она представляетъ собою систему психическихъ группировокъ въ цѣломъ рядѣ человѣческихъ личностей, принадлежащихъ къ данному обществу. Но это нисколько не мѣшаетъ тому, что она, съ одной стороны, образуетъ опредѣленное жизненное единство—«общественную форму», съ другой стороны—бываетъ «приспособлена» или «неприспособлена» къ своей средѣ. Она подлежитъ «подбору», положительному или отрицательному, т. е. сохраненію (или развитію) въ первомъ случаѣ, разрушенію — во второмъ; и это происходитъ отнюдь не только путемъ переживанья или ранней гибели тѣхъ личностей, въ которыхъ она воплощается. Она можетъ упрочиваться или ослабляться и исчезать при сохраненіи всѣхъ ея носителей; ихъ психическій міръ—существенная часть той среды, отъ которой зависитъ судьба данной формы, противорѣчіе съ этимъ психическимъ міромъ — съ системой «опыта» этихъ людей—ведетъ большей частью къ гибели только самой нормы, а люди, въ которыхъ она жила, продолжаютъ существовать безъ нея (или сохраняя нѣкоторые ея остатки, напр., въ видѣ «воспоминанія» о ней).

То же относится къ любому техническому пріему, который люди примѣняютъ въ своемъ трудѣ, къ любому слову, которымъ они пользуются во взаимномъ общеніи, ко всякой идеѣ, которая служитъ для объединенія ихъ опыта, и т. д. Пути «подбора» этихъ формъ различны, и не ограничиваются размноженіемъ или смертью особей, потому что сами общественныя формы *надъиндивидуальны*. «Подражаніе» играетъ очень большую роль въ механизмѣ положительнаго подбора этихъ формъ, различныя формы «борьбы» между людьми—въ механизмѣ подбора отрицательнаго (впрочемъ, и положительнаго тоже,—по крайней мѣрѣ косвенно, устраняя неблагопріятные для той или иной формы элементы соціальной среды).

Даже такія общественныя формы, которыя *повидимому* слагаются изъ множества цѣлыхъ особей, какъ «соціальная группа» или «классъ», могутъ подвергаться подбору въ ту или

Digitized by Google

другую сторону независимо отъ жизни или смерти составляющихъ особей. Напр., «гибель мелкой буржуазіи» совершается отнюдь не только путемъ истребленія и физическаго вымиранія «мелкихъ буржуа», и можетъ быть даже всего меньше этимъ путемъ. «Погибшіе» мелкіе буржуа нерѣдко живутъ еще весьма долго послѣ своей «гибели», въ образѣ представителей lumpen-proletariat'a или рабочихъ-пролетаріевъ, и иногда находятъ свое новое существованіе болѣе пріятнымъ, чѣмъ прежнее. Дѣло въ томъ, что «соціальная группа» и «классъ» представляютъ изъ себя не столько совокупность личностей, сколько *систему отношеній между людьми*, при чемъ отношенія эти существуютъ, разумѣется, не въ воздухѣ и не въ научной абстракціи, а воплощаются въ опредѣленныхъ, взаимно связанныхъ, психо-физіологическихъ приспособленіяхъ людей. Эта система отношеній можетъ разрушиться, а соотвѣтственныя приспособленія людей атрофироваться; и тогда «классъ» исчезаетъ, хотя люди, входившіе въ его составъ, продолжаютъ жить.

«Подборъ» общественныхъ формъ происходитъ въ зависимости отъ *всей* ихъ среды, какъ соціальной, такъ и внѣ-соціальной (природы общественной и внѣшней природы). Но вліяніе внѣ-соціальной среды является чрезвычайно медленнымъ, и сравнительно съ быстротою развитія общественныхъ процессовъ превращается почти въ постоянную величину: это тотъ «естественный подборъ», которому нужны десятки и сотни тысячъ лѣтъ, чтобы выработать сколько-нибудь значительное измѣненіе жизненныхъ формъ. Общественное же развитіе проходитъ крупные этапы сотнями и даже десятками лѣтъ; такая быстрота подбора зависитъ, очевидно, отъ *другой* части среды,—отъ природы соціальной. Въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ соціальная среда была относительно ничтожна, роль ея въ человѣческомъ развитіи была также незначительна, а скорость развитія мало отличалась отъ той, которая соотвѣтствуетъ «естественному подбору». То колоссальное возрастаніе скорости прогресса, которое получилось съ тѣхъ поръ, принадлежитъ собственно «соціальному подбору», т. е. подбору общественныхъ формъ *дѣйствіемъ*

Digitized by Google

ихъ соціальной среды. Этотъ соціальный подборъ и будетъ главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія *).

Въ силу своего чрезвычайно *общаго*, а, слѣдовательно, и «отвлеченнаго» характера, схема «общественнаго подбора», для успѣшнаго ея примѣненія, нуждается въ дальнѣйшемъ анализѣ и нѣкоторой конкретизаціи. Къ этому мы теперь и перейдемъ, при чемъ, однако, я заранѣе обращаю вниманіе читателя на то, что въ рамки поставленной мною здѣсь задачи отнюдь не входитъ систематическое *примѣненіе* намѣчаемаго мною метода къ соціально-научному изслѣдованію, но только—*выясненіе самаго метода*,—и конкретно-историческихъ вопросовъ я буду касаться лишь ради иллюстраціи этого метода **).

---

*) Вопроса объ «измѣнчивости» формъ, дающей матеріалъ для всякаго подбора, я здѣсь не касаюсь, потому что все, что о немъ можно сказать въ предѣлахъ самой общей его постановки, сводится къ одному: «измѣнчивость» тожественна съ «причинностью» вообще, и гораздо шире спеціально біологической причинности—подбора формъ, который можно, въ случаѣ надобности, разсматривать какъ частный случай ихъ «измѣненія» въ ту или другую сторону. Согласно идеѣ причинности, исходная точка всякаго измѣненія формъ лежитъ, въ конечномъ счетѣ, всегда въ ихъ средѣ; и дѣло болѣе конкретнаго изслѣдованія—выяснять частныя закономѣрности измѣненія формъ въ зависимости отъ ихъ среды, какъ и закономѣрности подбора измѣненій. Нѣкоторыя изъ такихъ частныхъ закономѣрностей выступятъ передъ нами въ дальнѣйшемъ изложеніи.

**) Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось болѣе обстоятельно, чѣмъ здѣсь, писать о принципѣ «подбора» въ его болѣе общихъ и болѣе частныхъ примѣненіяхъ («естеств. подборъ», «психическій» «соціальный подборъ»—въ первый разъ въ моей юношеской работѣ «Основные элементы истор. взгляда на природу», затѣмъ въ книгѣ «Познаніе съ истор. точки зрѣнія», затѣмъ въ ст. «Развитіе жизни въ природѣ и въ обществѣ»—сборникъ «Изъ психологіи общества», затѣмъ въ ст. «Психическій подборъ»—книжка «Эмпиріомонизмъ», ч. II). Здѣсь я поэтому стараюсь какъ можно менѣе повторяться, останавливаясь лишь на томъ, что имѣетъ самое близкое и непосредственное отношеніе къ задачѣ данной работы.

Digitized by Google

II.

Общество представляетъ изъ себя не механическую группировку элементовъ, но жизненную *систему*, части которой находятся въ органической связи между собою. Каждая общественная форма, являясь одною изъ такихъ частей, въ свою очередь слагается изъ цѣлаго ряда органически связанныхъ между собою, но обладающихъ и нѣкоторой жизненной самостоятельностью элементовъ. Здѣсь нѣтъ ни абсолютныхъ единствъ, ни абсолютныхъ отдѣльностей. Каждая «единица подбора» имѣетъ лишь *относительный* характеръ. А изъ этого вытекаютъ очень важныя послѣдствія для пониманія процессовъ подбора.

Когда соціологи, плохо знающіе біологію, — и даже нѣкоторые біологи, слишкомъ упрощенно представляющіе идею «естественнаго подбора», — пытаются приложить ее къ жизни общества, они приходятъ обыкновенно къ выводу, очень грустному съ философской точки зрѣнія. Они говорятъ, что законъ подбора въ соціальной жизни «терпитъ существенныя ограниченія», «допускаетъ много исключеній», что даже зачастую дѣйствіе его «извращается».—Философъ не можетъ строить свое міровоззрѣніе по типу латинской грамматики; для него научные законы имѣютъ право называться законами только тогда, когда они *не имѣютъ исключеній*. Если принципъ подбора есть дѣйствительно біологическій законъ, формула, пригодная для изслѣдованія и пониманія *процессовъ жизни вообще*, то она не можетъ «терпѣть ограниченій» и «извращаться» въ сферѣ процессовъ соціальной жизни, которая тоже есть *жизнь*. Либо «законъ» выражаетъ *постоянную тенденцію* всего цикла явленій, который онъ охватываетъ, либо онъ не есть «законъ», а временное эмпирическое обобщеніе, ставящее передъ познаніемъ

Digitized by Google

задачу его «объясненія» путемъ отысканія настоящихъ законовъ.

Въ дѣйствительности законъ подбора не имѣетъ исключеній въ соціальной области, какъ и въ другихъ областяхъ жизни. Исключенія кажущіяся зависятъ отъ того, что дѣло разсматриваютъ, исходя изъ *абсолютной единицы подбора*, придавая такое значеніе чаще всего индивидуальному организму. Надо принимать во вниманіе *относительность* единицъ подбора, и ихъ взаимную связь въ болѣе сложныхъ комплексахъ. Тогда мы получаемъ очень важное для нашего анализа понятіе «системнаго подбора». Чтобы его выяснить, разсмотримъ нѣсколько кажущихся «исключеній» изъ закона подбора.

«Въ соціальной жизни часто выживаютъ не наиболѣе, а наименѣе приспособленные—тупые и слабые людишки, имѣющіе счастіе владѣть капиталомъ».—«Медицина способствуетъ сохраненію наименѣе жизнеспособныхъ организмовъ, поддерживая существованіе жалкихъ, болѣзненныхъ людей».—«Войны извращаютъ дѣйствіе подбора, уничтожая наиболѣе здоровые и сильные организмы, лучшую молодежь страны, тогда какъ худшіе элементы, какъ негодные для военной службы, остаются жить, находясь вдали отъ театра битвъ», и т. д.

Уже съ перваго взгляда становится ясно, что по отношенію *къ принятой нами* формулировкѣ закона всѣ эти случаи вовсе не являются «исключеніями». Если слабый и хилый паразитъ—рентьеръ выживаетъ, тогда какъ рядомъ съ нимъ зачастую погибаетъ сильный, богато одаренный пролетарій, то это потому, что первый *дѣйствительно* приспособленъ къ своей средѣ, а второй—нѣтъ. Для паразита его отношенія къ другимъ людямъ и къ ихъ труду—отношенія «капитала»—создаютъ особенную, исключительно благопріятную среду, для которой онъ вполнѣ достаточно приспособленъ, тогда какъ для второго соціальная среда совершенно иная, къ которой въ данномъ случаѣ оказалась не въ силахъ приспособиться и его могучая организація. Точно также для больного создается особая среда, существенными частями которой является медицинская техника и уходъ,

Digitized by Google

а для солдата — среда исключительно неблагопріятная, включающая условія недостаточнаго питанія, неудобнаго жилища и сильныхъ механическихъ воздѣйствій, въ видѣ пуль, шрапнелей и т. д.

Но очевидно, что если бы мы удовлетворились тѣмъ, что наша формула, въ силу своей большой общности, охватываетъ и данные случаи, то мы ни на шагъ не подвинулись бы далѣе. Мы получимъ нѣсколько новую точку зрѣнія, если въ этихъ случаяхъ будемъ разсматривать «приспособленныя» или «неприспособленныя» особи не какъ вполнѣ отдѣльныя жизненныя единицы, но—въ ихъ связи съ другими жизненными единицами, какъ элементы болѣе сложныхъ «системъ». Тогда дѣло представится въ слѣдующемъ видѣ.

Если даннаго паразита—рентьера, тупого и дряблаго бѣлоручку, поставить въ *среднія* для даннаго общества условія соціальной и внѣ-соціальной среды, то можно было бы съ увѣренностью ожидать обнаруженія глубокой неприспособленности и—гибели организма. Но благодаря своей связи съ болѣе широкимъ жизненнымъ цѣлымъ, благодаря опредѣленному своему положенію въ опредѣленной, высоко-жизнеспособной системѣ (въ данномъ случаѣ, напр., въ экономической группировкѣ, называемой капиталистическимъ предпріятіемъ), онъ выживаетъ *вмѣстѣ* съ этою системою и *за счетъ* ея жизнеспособности. Это—положительный подборъ *по связи*. Примѣромъ отрицательнаго подбора по связи можетъ служить судьба солдата. Тѣ сотни тысячъ русскихъ крестьянъ, которые погибли въ войнѣ съ Японіей, въ обычныхъ условіяхъ соціально-трудового процесса обладали бы достаточной приспособленностью для того, чтобы прожить средній циклъ жизни и оставить потомство. Но въ силу своей связи со сложной соціальной организаціей—«бюрократіей», будучи частью обширнаго соціальнаго аппарата — «бюрократически-государственнаго механизма», они погибли: какъ периферическіе элементы этого механизма, какъ «рабочее орудіе» этой машины, они подверглись первыми, раньше другихъ ея частей разрушающимъ вліяніямъ исторически-данной міровой

Digitized by Google

среды, въ которой аппаратъ этотъ, какъ цѣлое, совершенно нежизнеспособенъ.

Подборъ по связи или «системный» подборъ важенъ для пониманія не только соціальныхъ, но и массы другихъ біологическихъ явленій, а «психическій подборъ», который освѣщаетъ всѣ процессы психическаго развитія, представляетъ прямо частный случай системнаго подбора. Сохраненіе рудиментарныхъ органовъ, безъ ихъ органической функціи, а, слѣдовательно, при тѣхъ условіяхъ, которыя должны вызвать атрофію и гибель клѣтокъ, всецѣло объясняется системнымъ отношеніемъ этихъ элементовъ къ жизнеспособному цѣлому—организму. Развитіе такъ назыв. «сопутствующихъ измѣненій», которыя жизненно-безполезны сами по себѣ, или даже вредны для жизненной системы, но неизбѣжно выступаютъ вмѣстѣ съ другими, полезными измѣненіями, также является результатомъ положительнаго подбора по связи. Въ «колоніальныхъ» организмахъ роль системнаго подбора, естественно, должна оказываться преобладающей: отдѣльныя дифференцированныя особи какой-нибудь сифонофоры могутъ жить долго, несмотря на значительную слабость, если колонія, какъ цѣлое, здорова и питается хорошо, и наоборотъ, особи сами по себѣ высоко-жизнеспособныя преждевременно погибаютъ, если колонія, какъ цѣлое, слаба и неприспособлена. То же относится къ форменнымъ элементамъ всѣхъ сложныхъ организмовъ, которые, въ сущности, должны разсматриваться, какъ колоніи клѣтокъ. Въ области же психическаго подбора бываетъ такъ, что одно и то же «стремленіе», одинъ и тотъ же «образъ» подвергаются то положительному подбору (выражающемуся въ чувствѣ удовольствія), то отрицательному (выражающемуся въ чувствѣ страданія), смотря по тому, въ какой ассоціативной связи вступаютъ въ поле сознанія: въ соединеніи съ одними психическими комплексами данный комплексъ получаетъ окраску «пріятнаго», что ведетъ къ его упроченью въ психической жизни, въ соединеніи съ другими—окраску «непріятнаго», что означаетъ тенденцію къ его

Digitized by Google

ослабленію и устраненію изъ психической системы *).

Въ сферѣ соціальной жизни роль «системнаго подбора». очевидно, должна быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ шире и чѣмъ глубже становится связь соціальнаго цѣлаго. Для пониманія жизни современнаго, культурнаго общества съ его громадными размѣрами и безконечной сложностью отношеній, «системный общественный подборъ» имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ для пониманія жизни маленькихъ первобытныхъ общинъ съ ихъ простыми внутренними отношеніями,—хотя и тамъ необходимо принимать его во вниманіе.

Я ограничусь пока одной иллюстраціей. Изучая исторію послѣднихъ вѣковъ, легко видѣть, что эпохи экономическаго процвѣтанія въ высокой степени неблагопріятны для сколько-нибудь существенныхъ реформъ въ государственной и правовой организаціи. Формы явно устарѣлыя, стоящія въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ общимъ уровнемъ развитія коллективности, стѣсняющія это развитіе, и не имѣющія даже жизненно-важнаго значенія для наиболѣе сильныхъ классовъ общества,—въ эпохи процвѣтанія продолжаютъ упорно сохраняться, и не вызываютъ широкаго, активнаго протеста, энергичной борьбы даже со стороны наиболѣе прогрессивныхъ классовъ; какой-то стихійный консерватизмъ политическихъ и юридическихъ нормъ характеризуетъ тогда настроеніе общества, какъ цѣлаго. Такъ дѣло идетъ до кризиса. Въ теченіе кризиса это настроеніе быстро исчезаетъ; на сцену выступаютъ реформы. Если же отжившія формы имѣютъ широкій и общій характеръ (напр., цѣлый политическій строй), и связаны съ интересами довольно крупныхъ группъ общества, то, вслѣдъ за частичными реформами въ эпоху кризиса, наступаетъ затѣмъ революція,—именно когда общество уже начинаетъ оправляться отъ экономическаго потрясенія.—Съ

*) Обо всемъ, касающемся подбора психическихъ формъ, говорится обстоятельно во 2-ой части «Эмпиріомонизма» (ст. «Психическій подборъ»).

Digitized by Google

точки зрѣнія системнагó подбора все это представляется въ такомъ видѣ. Пока въ жизни общества господствуетъ *положительный* подборъ, пока жизнеспособность всей системы возрастаетъ, до тѣхъ поръ одряхлѣвшія формы сохраняются по связи съ цѣлымъ, конечно, *за счетъ* его общей жизнеспособности. Но когда эта послѣдняя начинаетъ быстро понижаться, какъ это бываетъ во время кризисовъ производства, представляющихъ своеобразную острую болѣзнь общества (также иногда кризисовъ «военныхъ» и т. под.),—то различныя части соціальной системы разрушаются не въ одинаковой степени, а соотвѣтственно своей собственной, такъ сказать, индивидуальной жизнеспособности. Одряхлѣвшія и паразитическія формы оказываются, естественно, наиболѣе слабыми, наименѣе способными сопротивляться разрушающимъ вліяніямъ. Однако, если для окончательнаго разрушенія и уничтоженія этихъ формъ требуется энергичная реакція всей соціальной системы—«борьба» противъ отжившаго и созданіе новыхъ формъ ему на смѣну, тогда пониженная энергія общества (т. е. его прогрессивныхъ и жизненныхъ элементовъ) можетъ быть недостаточна для такой задачи,—и «революція» разражается *лишь послѣ* кризиса, въ фазѣ новаго повышенія энергіи общества, повышенія, которое теперь въ наименьшей степени передается паразитически-разслабленнымъ элементамъ, въ наибольшей—жизненнымъ и прогрессивнымъ, менѣе разбитымъ пережитою грозой.

Но возможенъ и иной исходъ дѣла. Если одряхлѣвшія и омертвѣвшія формы слишкомъ тѣсно сплетаются со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ соціальнаго процесса, слишкомъ прочно его охватываютъ, тогда продолжающееся во время кризиса дѣйствіе системнаго подбора можетъ оказаться роковымъ для всей системы: все, что въ ней есть жизнеспособнаго, стойкаго, приспособляющагося, можетъ погибнуть или деградировать *по связи* съ неприспособленными, жизненно-негодными комбинаціями. Такъ было, напр., съ Испаніей XVII—XVIII вѣка, въ которой мертвые феодально-католическіе элементы за долгое время экономическаго процвѣтанія слишкомъ прочно вросли въ

Digitized by Google

живую ткань производительнаго организма,—и когда благопріятная для всей системы среда была истощена, когда исчезла возможность неограниченно эксплоатировать Америку посредствомъ грабежа, Европу посредствомъ американскаго золота и серебра—тогда старый вампиръ не умеръ отъ недостатка питанія, а высосалъ всѣ соки изъ живого тѣла испанскаго народа, и довелъ его до крайней степени упадка. Таковъ оказался здѣсь результатъ системнаго подбора. То же самое случилось бы съ современной Россіей, если бы оказалось, что механизмъ старой бюрократіи слишкомъ глубоко вросъ въ ея ткани.—Результатомъ общественнаго подбора, вообще, далеко не всегда является *развитіе.*

III.

Общественный подборъ не характеризуется никакими специфическими конкретными проявленіями, которыя отличали бы его отъ другихъ видовъ подбора. Процессы общественнаго подбора протекаютъ въ формѣ обычныхъ физіологическихъ и психологическихъ фактовъ сохраненія или роста съ одной стороны, упадка или разрушенія—съ другой. Смерть отъ болѣзни или физіологическій ростъ организма точно такъ же могутъ быть выраженіемъ общественнаго подбора, какъ гибель нормы вслѣдствіе вытѣсненія ея иною, или распространеніе идеи путемъ словеснаго общенія людей. Въ какой мѣрѣ болѣзненность и смертность людей, а также возможность плохого или хорошаго физическаго развитія, опредѣляются соціальной средою людей, положеніемъ ихъ въ системѣ производства и присвоенія—это достаточно выяснялось статистиками и антропологами; и точно также судьба *идей и нормъ* зависитъ отъ ихъ отношенія къ соціальной средѣ, хотя бы проявленія приспособленности ихъ или неприспособленности были далеко не такъ рѣзки и наглядны какъ тогда, когда дѣло идетъ о судьбѣ *людей.*

Человѣческая психика есть, во всякомъ случаѣ, *основное* орудіе соціальнаго развитія, и «психическій подборъ» пред-

Digitized by Google

ставляетъ, поэтому, главную форму воплощенія «общественнаго подбора», наиболѣе постоянную и обычную. Путемъ психическаго подбора совершается развитіе каждой психической особи, изъ какихъ составлено все общество; и даже самые *специфически-соціальные* процессы, какъ «подражаніе», «общеніе» людей, «сотрудничество» ихъ между собою, реализуются при помощи психическаго подбора, протекающаго въ отдѣльныхъ психикахъ. Когда психическій организмъ дѣйствуетъ, какъ часть соціальнаго цѣлаго, онъ не перестаетъ въ это время быть психическимъ организмомъ, не перестаетъ подчиняться всѣмъ психологическимъ законамъ. Та или другая форма сотрудничества предполагаетъ усвоеніе каждой личностью, принимающею въ ней участіе, своей спеціальной роли въ коллективно-трудовомъ комплексѣ; а это усвоеніе есть *психическое* измѣненіе данной личности, и вырабатывается психическимъ подборомъ. Соціальный генезисъ того матеріала, который въ данномъ случаѣ подлежитъ дѣйствію психическаго подбора, ничего не измѣняетъ въ этомъ, такъ же какъ и соціальное значеніе выработаннаго психическаго приспособленія. Съ точки зрѣнія генезиса и объективнаго жизненнаго значенія, сама личность, со всѣмъ своимъ психическимъ содержаніемъ, является, вѣдь, тоже *соціальной формою*...

Роль психическаго подбора, какъ орудія подбора соціальнаго, не только вообще громадна во всѣхъ фазахъ развитія человѣчества, но она, кромѣ того, возрастаетъ съ ходомъ соціальнаго прогресса. Въ обществахъ первобытныхъ она значительно меньше, чѣмъ, напр., въ современныхъ; тамъ, при господствѣ стихійнаго консерватизма психики, сравнительно больше значенія имѣетъ тотъ грубый подборъ особей, который непосредственно выражается въ гибели и въ размноженіи людей.

Въ общемъ, соціальный подборъ долженъ разсматриваться не только какъ частный видъ «естественнаго подбора» (считая, конечно, *всякій* процессъ подбора «естественнымъ»), но и какъ *наиболѣе частный* видъ подбора. Своихъ специфическихъ, ему только свойственныхъ проявленій онъ не имѣетъ, каждый его

Digitized by Google

случай относится въ то же время къ какой-нибудь болѣе общей формѣ подбора. Это, разумѣется, нисколько не уменьшаетъ его основного, его рѣшающаго значенія для человѣческой жизни и познанія.

IV.

Если общественный подборъ представляетъ собою особенную, *соціальную* форму причинности, какъ подборъ всеобщій выражаетъ спеціально біологическую причинность вообще, то естественно возникаетъ вопросъ объ отношеніи принципа общественнаго подбора къ закону причинности въ самомъ широкомъ, всеобъемлющемъ его значеніи, т. е., при современномъ состояніи знаній, — къ закону *сохраненія и превращенія энергіи.*

Съ перваго взгляда можетъ показаться совершенно безнадежнымъ и безполезнымъ примѣнять понятіе «энергіи» къ общественнымъ процессамъ. Ни о какомъ точномъ энергетическомъ измѣреніи тутъ не можетъ быть и рѣчи; мы не можемъ даже вполнѣ установить специфическихъ формъ энергіи, свойственныхъ соціальной жизни;—или, вѣрнѣе, мы имѣемъ всѣ основанія принять, что въ соціальныхъ явленіяхъ выступаютъ самые различные виды энергіи, физической и химической *). И если бы вообще энергетика была познавательно-пригодна только тамъ, гдѣ удается достигнуть *прямого* и *точнаго* ея примѣненія, на основѣ *непосредственныхъ* измѣреній, то, конечно, незачѣмъ было бы и пытаться использовать ея понятія въ сферѣ соціальной науки при теперешнихъ методахъ соціальнаго на-

*) Я не говорю здѣсь объ энергіи *психическихъ процессовъ*, входящихъ, несомнѣнно, въ составъ соціальныхъ,—потому что, согласно выясненному мною въ предыдущихъ работахъ («Эмпиріомонизмъ», ч. I, стр. 50—56 и ч. II, стр. 45—48), психическія явленія представляютъ собою *ту же* сумму энергіи, что и соотвѣтствующія имъ физіологическія: разница только въ способѣ воспріятія, болѣе прямомъ и болѣе косвенномъ,—а онъ не измѣняетъ количественныхъ отношеній энергіи.

Digitized by Google

блюденія и опыта. Но возможны *косвенныя* и *приблизительныя* примѣненія энергетики; они существуютъ и имѣютъ громадное значеніе даже въ области физики и химіи, гдѣ тоже вѣдь не всегда удается прямое и точное измѣреніе, а еще больше—въ области физіологіи; въ ученіи о психическомъ подборѣ мы видѣли, что они могутъ быть существенно-полезны и для психологіи. Поэтому вполнѣ законна попытка воспользоваться ими также для соціально-научнаго изслѣдованія.

Всѣ такого рода примѣненія энергетики имѣютъ по преимуществу *дедуктивный* характеръ, и особенно, разумѣется, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о наиболѣе сложныхъ изъ извѣстныхъ намъ явленій—о соціальныхъ. Но сопоставленіе получаемыхъ выводовъ съ данными прямыхъ наблюденій всегда можетъ и должно служить для насъ достаточнымъ контролемъ надъ правильностью нашей дедукціи и тѣхъ основныхъ посылокъ, изъ которыхъ она исходитъ.

Разсматривая всякую данную общественную форму, какъ энергетическій комплексъ, какъ нѣкоторую сумму энергіи въ качественно-опредѣленной комбинаціи, мы можемъ слѣдующимъ образомъ формулировать основную связь энергетики и общественнаго подбора:

Всякій актъ общественнаго подбора представляетъ изъ себя возрастаніе или уменьшеніе энергіи того общественнаго комплекса, къ которому онъ относится. Въ первомъ случаѣ передъ нами «положительный подборъ», во второмъ—«отрицательный».

Случай совершеннаго энергетическаго равновѣсія есть, разумѣется, только идеальная комбинація, продуктъ отвлеченной мысли. Это—случай «абсолютнаго сохраненія системы», которому Авенаріусъ ошибочно придалъ значеніе идеальной жизненной нормы, при чемъ самъ же уклонился отъ этой точки зрѣнія въ анализѣ соціальныхъ комбинацій. Такое равновѣсіе было бы, въ сущности «отсутствіемъ подбора»; а въ усложняющейся жизненной средѣ, сопротивленія которой, въ общемъ, неизбѣж-

Digitized by Google

но возрастаютъ, оно перешло бы въ отрицательный подборъ— въ деградацію жизненной формы *).

Оставляя въ сторонѣ фикцію абсолютнаго равновѣсія, можно подвергнуть общую формулу сомнѣнію въ другомъ смыслѣ: во-первыхъ, возможно-ли говорить опредѣленно о возрастаніи и пониженіи энергіи той или иной общественной формы, когда въ большинствѣ случаевъ мы даже не умѣемъ точно отграничить ее въ пространствѣ, какъ особый комплексъ; и во-вторыхъ, имѣются-ли достаточныя основанія для увѣренности, что всякій случай возрастанія энергіи соотвѣтствуетъ именно положительному подбору, т. е. повышенію жизнеспособности, а всякій случай уменьшенія энергіи—отрицательному подбору, т. е. пониженію жизнеспособности? Оба возраженія исходятъ изъ самой законной и обязательной требовательности научнаго мышленія, которая предпочитаетъ оставить вопросъ открытымъ, чѣмъ удовлетвориться произвольнымъ отвѣтомъ.

Первое возраженіе устраняется легко. Представляя изъ себя опредѣленную координацію психо-физіологическихъ комплексовъ, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ организмамъ, форма «общественная» *всецѣло* разлагается на такіе комплексы, не заключаетъ въ себѣ ничего, что не входило бы въ то же время въ ихъ составъ; поэтому она энергетически однородна съ ними. А къ нимъ несомнѣнно примѣнимы понятія возрастанія и уменьшенія энергіи—къ ихъ «физіологической» сторонѣ потому, что она вся слагается изъ физическихъ и химическихъ

*) Это возрастаніе сопротивленій внѣшней среды необходимо вытекаетъ изъ того факта, что для своего сохраненія жизненная форма *истощаетъ* тѣ «жизненныя средства», которыя для нея находятся во внѣшней средѣ; а если бы даже сумма этихъ средствъ для данной формы оказалась относительно неограниченной (какъ напр. сумма солнечнаго свѣта, углекислоты и воды для растенія въ атмосферѣ и почвѣ), то все равно общее развитіе и ростъ жизни въ окружающей средѣ повели бы къ вытѣсненію и гибели такой формы, которая *только* сохраняется, не развиваясь (напр. у такого растенія другія, разрастаясь вокругъ, отняли бы солнечный свѣтъ своей тѣнью и воду своими корнями, и т. п.).

Digitized by Google

процессовъ, къ «психологической» — потому, что она *тожественна* съ «физіологическою» стороною съ точки зрѣнія энергетики, отличаясь только способомъ воспріятія. На практикѣ въ цѣлой массѣ случаевъ не удается пространственно обособить, въ смыслѣ анатоміи и гистологіи, даже физіологическіе комплексы вполнѣ опредѣленнаго жизненнаго значенія; примѣръ— затрудненія и неудачи теоріи локализаціи нервныхъ центровъ. Это однако не приводитъ современнаго изслѣдователя къ отрицанію примѣнимости энергетическихъ понятій въ какой бы то ни было области физіологіи. Очевидно, то же самое должно относиться и къ соціальнымъ комплексамъ.

Нѣсколько сложнѣе вопросъ о связи положительнаго общественнаго подбора съ повышеніемъ суммы энергіи, представляемой той или иной общественной формою, отрицательнаго — съ пониженіемъ. Но здѣсь легко примѣнить аргументацію, вполнѣ однородную съ той, которая была нами примѣнена по вопросу о положительной и отрицательной жизнеразности *).

Всякій жизненный комплексъ, какова бы ни была его специфическая «форма», представляетъ изъ себя подвижное равновѣсіе—приблизительное, разумѣется,—двухъ противоположныхъ энергетическихъ процессовъ—ассимиляціи энергіи изъ окружающей среды, и дезассимиляціи,—«усвоенія» и «траты». Ассимиляція есть переходъ энергіи внѣшней среды въ тѣ виды и комбинаціи, которые свойственны данной жизненной формѣ; ассимиляція выражаетъ собою *власть* жизни надъ мертвою природой, *побѣду* организованности надъ неорганизованностью. Дезассимиляція—переходъ энергіи жизненнаго комплекса въ низшія формы и комбинаціи, свойственныя неорганизованной средѣ,—есть *цѣна*, которою покупается эта власть и эта побѣда: жизнь *преодолѣваетъ сопротивленія* внѣшней среды, и на это идетъ затрата энергіи. Если сумма энергіи, воплощенная въ жизненной формѣ, возрастаетъ, то возрастаетъ и возможность затратъ энергіи, возможность преодолѣвать сопротивленія внѣшней среды—возраста-

*) «Эмпиріомонизмъ», ч. I, ст. «Жизнь и психика», стр. 94—107.

Digitized by Google

ется «жизнеспособность.» Это относится къ каждому изъ элементовъ, составляющихъ «соціальную форму»,—а, слѣдовательно, относится и къ соціальной формѣ, какъ цѣлому. Напротивъ, пониженіе энергіи означаетъ бо́льшую слабость по отношенію къ сопротивленіямъ внѣшней среды — уменьшеніе «жизнеспособности».

Остается напомнить, что при этомъ дѣло идетъ лишь о *непосредственномъ* повышеніи и пониженіи жизнеспособности, о мѣрѣ жизнеспособности *для даннаго момента.* Всякое возрастаніе и уменьшеніе энергіи жизненнаго комплекса необходимо измѣняетъ его сложившееся равновѣсіе, соотношеніе его частей между собою и съ внѣшней средой. Это измѣненіе можетъ имѣть въ дальнѣйшемъ совершенно новые результаты, несходные съ начальной фазой измѣненія: временное возрастаніе энергіи можетъ быть связано съ такимъ невыгоднымъ преобразованіемъ внутреннихъ отношеній формы, которое впослѣдствіи приведетъ къ еще гораздо большему пониженію ея энергіи, а то и къ гибели; временное уменьшеніе энергіи можетъ косвенно имѣть противоположныя послѣдствія. Какъ разъ соціальная жизнь дастъ самые яркіе примѣры такихъ «колебаній подбора». Быстрый ростъ производительныхъ силъ капиталистическаго общества есть, несомнѣнно, увеличеніе энергіи соціальнаго цѣлаго; но дисгармоничный характеръ этого процесса приводитъ къ тому, что онъ завершается «кризисомъ», громадной растратой производительныхъ силъ, рѣзкимъ уменьшеніемъ энергіи: «положительный подборъ» смѣняется «отрицательнымъ». Въ ходѣ кризиса, наоборотъ, путемъ гибели многихъ болѣе слабыхъ или непропорціонально развившихся элементовъ соціальной системы устанавливаются болѣе здоровыя соотношенія ея частей,—и создается возможность ея новаго развитія, еще болѣе значительнаго роста энергіи, чѣмъ прежде: «отрицательный подборъ» смѣняется положительнымъ. Кровавыя, мучительныя революціи, несчастныя войны, и т. д. въ этомъ смыслѣ очень часто оказываются вполнѣ аналогичны кризисамъ производства.

Digitized by Google

Все это нисколько не мѣняетъ во-первыхъ *непосредственнаго* жизненнаго значенія энергетическихъ плюсовъ и минусовъ для соціальнаго комплекса, во-вторыхъ—*конечнаго и общаго* ихъ значенія (если имѣть въ виду большое число случаевъ подбора). Непосредственное энергетическое значеніе процессовъ подбора важно для анализа соціальнаго развитія въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ безконечно-малыя разности для математическаго анализа вообще: чтобы понять процессъ въ цѣломъ, надо прослѣдить его теченіе въ его элементахъ. Конечное же и общее (суммарное) значеніе процессовъ подбора за извѣстный періодъ соотвѣтствуетъ ихъ энергетическому интегралу: перевѣсъ непосредственныхъ элементарныхъ плюсовъ надъ минусами дастъ и въ окончательной суммѣ, въ жизненномъ интегралѣ, также плюсъ, перевѣсъ элементарныхъ минусовъ—также минусъ *).

Таково основное соотношеніе соціальнаго подбора съ энергетикой.

V.

Противоположности энергетическаго значенія положительнаго и отрицательнаго подбора соціальныхъ формъ соотвѣтствуетъ коренное различіе порождаемыхъ тѣмъ и другимъ *тенденцій развитія*. Это различіе въ высшей степени аналогично тому, какое наблюдается въ области психическаго подбора. Однако, бо́льшая сложность и широта соціальныхъ явленій придаетъ обѣимъ тенденціямъ соціальнаго подбора также вполнѣ своеобразныя черты.

Соціальный процессъ въ своемъ громадномъ богатствѣ со-

---

*) Я долженъ замѣтить, что примѣненіе терминовъ математическаго анализа здѣсь отнюдь не простая «аналогія». Законы математическаго анализа примѣнимы всюду, гдѣ есть «величины»; и если жизненные процессы измѣрять въ громадномъ большинствѣ случаевъ *очень трудно*, это еще не значитъ, чтобы за ними можно было принципіально отрицать характеръ измѣняющихся *величинъ*

Digitized by Google

держанія всегда заключаетъ массу пережитковъ прошлаго и зародышей будущаго. Когда уже исчезли въ соціальной средѣ тѣ условія, которыя вызвали къ жизни ту или иную форму, —она еще продолжаетъ сохраняться, иногда очень долго, въ силу своей «системной» связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, еще не отжившихъ приспособленій. Когда создалась новая комбинація условій соціальной среды, требующая новаго соціальнаго приспособленія,—оно создается далеко не сразу, иногда очень не скоро, въ силу внутреннихъ сопротивленій соціальнаго процесса. Въ результатѣ фактовъ того и другого рода, степень гармоничности и стройности соціальнаго цѣлаго, степень его органическаго единства, можетъ оказываться очень и очень различной.

Здѣсь то именно и обнаруживается основное различіе тенденцій положительнаго и отрицательнаго соціальнаго подбора.

Пусть передъ нами обширный соціальный комплексъ, заключающій въ себѣ множество разнообразныхъ соціальныхъ приспособленій, частью вполнѣ развившихся, частью пережившихъ себя, частью недоразвитыхъ; это можетъ быть, напр., цѣлое общество или цѣлый классъ общества, или цѣлая идеологическая область жизни опредѣленнаго класса, и т. под- Пусть комплексъ этотъ находится въ фазѣ «положительнаго подбора», т. е. общаго возрастанія суммы энергіи. Конечно, возрастаніе это обыкновенно является результатомъ высокой приспособленности только нѣкоторыхъ частей комплекса; но благодаря его жизненному единству, благодаря системной связи его частей, это повышеніе энергіи распространяется до извѣстной степени и на остальныя части,—такъ сказать «распредѣляется» въ комплексѣ, какъ жизненномъ цѣломъ. Лишь *постольку*, *поскольку* въ соціальномъ комплексѣ происходитъ такое энергетическое «распредѣленіе», онъ и представляетъ изъ себя одно цѣлое съ точки зрѣнія положительнаго подбора, *постольку* онъ и образуетъ «общее поле» для той своеобразной тенденціи положительнаго подбора, которую намъ надо найти.

Digitized by Google

Мы и начнемъ съ выясненія этого «поскольку—постольку», которое преградило путь нашему анализу.

Соціальные комплексы могутъ быть очень различнаго вида и состава, но обычной общей чертою ихъ является *отсутствіе пространственной непрерывности.* Носителемъ соціальной жизни выступаетъ человѣческій организмъ;—и элементы одной и той же соціальной формы обыкновенно входятъ въ составъ различныхъ человѣческихъ особей, какъ ихъ психо-физіологическія приспособленія, или прямо совпадаютъ съ этими особями. Соціальный комплексъ—будетъ ли это «техническое приспособленіе» или «норма», или «идея», или «классъ», или «группа»—пространственно разбросанъ и разъединенъ при всемъ своемъ жизненномъ единствѣ *).

Въ предѣлахъ современнаго состоянія науки мы должны принять, что непосредственная передача повышенія или пониженія энергіи отъ однѣхъ частей соціальнаго комплекса къ другимъ происходитъ лишь тамъ, гдѣ *имѣется* пространственная непрерывность, гдѣ элементы, прямо подвергшіеся данному измѣненію энергіи, находятся, слѣдовательно, въ физіологической связи съ другими элементами, принадлежатъ вмѣстѣ съ ними *къ одному организму.* Гдѣ *такой* связи нѣтъ, тамъ мы не можемъ, вообще говоря, принять возможности прямого «распредѣленія» энергіи между частями комплекса—отъ однѣхъ къ другимъ. Чтобы не вызвать недоразумѣній, я поясню оба случая примѣрами.

---

*) Чтобы быть точнымъ, я отмѣчу, что это *не есть всеобщая и необходимая черта* соціальныхъ комплексовъ. Человѣческая личность, взятая со стороны ея соціальнаго генезиса и ея исторической роли, *есть также соціальная форма,* а здѣсь пространственная непрерывность имѣется на-лицо. Точно такимъ же образомъ мы можемъ разсматривать, какъ «соціальный комплексъ», и извѣстную часть психо-физіологической личности, часть, являющуюся элементомъ болѣе широкаго соціальнаго комплекса, напр., систему идеологическихъ элементовъ отдѣльной психики, входящую въ составъ «идеологіи» группы или класса. Человѣкъ есть *существо соціальное* въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ и замѣчаютъ.

Digitized by Google

Предположимъ, что дѣло идетъ объ опредѣленномъ классѣ общества, который играетъ опредѣленную техническую роль въ системѣ производства, занимаетъ опредѣленное мѣсто въ экономическомъ строеніи общества и имѣетъ опредѣленную идеологію. Классъ этотъ представляетъ изъ себя сложный соціальный комплексъ, состоящій изъ множества человѣческихъ личностей, которыя не находятся между собою въ такой связи пространственной непрерывности, какъ ткани одного организма. Но *въ предѣлахъ* каждой личности всѣ элементы классовой жизни объединены такой непрерывностью: приспособленія техническія, экономическія, идеологическія, которыя имѣются въ данной личности, связаны физіологической цѣлостностью организма*). Теперь предположимъ, что нѣкоторыя части комплекса-класса испытываютъ «положительный подборъ»—возрастаніе энергіи. Если эти части суть только нѣкоторыя изъ личностей, входящихъ въ составъ класса, то мы не имѣемъ никакого основанія ожидать, чтобы «положительный подборъ» прямо распространился и на остальныхъ членовъ класса, т. е. чтобы и тѣ испытали, благодаря этому, повышеніе жизни—возрастаніе суммы энергіи, въ нихъ воплощенной. Классъ, какъ цѣлое, тогда не явится объектомъ положительнаго подбора, если не будетъ какихъ-либо особенныхъ условій.

Но предположимъ иной случай: не отдѣльныя личности подвергаются непосредственному «положительному подбору», а цѣлая опредѣленная область классовой жизни, элементы которой имѣются въ психо-физической организаціи каждаго изъ членовъ класса. Напр., пусть въ области «технической» жизни класса, его «производительнаго труда», возникаютъ условія, благопріятныя для жизни класса, повышающія сумму ея энергіи (со-

*) Я намѣренно говорю здѣсь только о «физіологической» сторонѣ явленій, потому что мы уже признали, что «психическая» ихъ сторона различается съ «физіологической» только способомъ воспріятія, а съ точки зрѣнія энергетики и подбора *тожественна* съ нею, такъ что для изслѣдованія мы можемъ всегда брать за основу ту изъ нихъ, которая для насъ удобнѣе.

Digitized by Google

кращеніе рабочаго дня, примѣненіе болѣе удобныхъ для работы инструментовъ и т. под.). Непосредственное возрастаніе энергіи произойдетъ тогда въ сферѣ техническихъ приспособленій даннаго класса. Но въ человѣческой личности эти приспособленія связаны съ цѣлымъ рядомъ другихъ—такъ назыв. «экономическихъ» и «идеологическихъ», связаны конкретнымъ психо-физіологическимъ единствомъ жизни. Въ силу этой связи мы должны принять, что «положительный подборъ» въ каждомъ изъ членовъ класса съ однихъ элементовъ его организаціи распространится на другіе, съ техническихъ на спеціально «экономическіе» и «идеологическіе»; между ними въ извѣстной мѣрѣ *распредѣлится* наличное возрастаніе энергіи. Объектомъ «положительнаго подбора» здѣсь уже явится классъ, какъ цѣлое*).

Теперь мы можемъ возвратиться къ основной линіи нашего анализа. Пусть передъ нами сложный соціальный комплексъ, который подвергается дѣйствію положительнаго подбора, при чемъ дѣйствіе это, начавшись съ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей комплекса, переходитъ и на остальныя. Въ какомъ направленіи будетъ происходить общее измѣненіе комплекса?

Прежде всего, слѣдуетъ ожидать, что содержаніе комплекса будетъ *обогащаться*: развивающіяся комбинаціи выступаютъ съ большей силой и полнотой, только что зарождающіяся—развиваются и занимаютъ свое мѣсто въ общей связи цѣлаго; тѣ и другія, жизненно усиливаясь, оказываютъ большее, чѣмъ прежде, вліяніе на жизнь остальныхъ элементовъ цѣлаго, и вы-

---

*) Обращаю вниманіе читателя на то, что указанныя мною условія относятся только къ *непосредственному и прямому* распространенію подбора съ однѣхъ частей соціальнаго комплекса на другія; да и здѣсь оно является неизбѣжнымъ лишь при достаточной силѣ подбора (возрастанія или пониженія энергіи) и при достаточной жизненной связности организмовъ. Этимъ не отрицается возможность *косвеннаго* распространенія процессовъ подбора и при отсутствіи той «пространственной непрерывности», о которой шла рѣчь.

Digitized by Google

зываютъ въ нихъ новыя измѣненія, частью становящіяся зародышами для дальнѣйшаго развитія, и т. д. Здѣсь, какъ во всѣхъ жизненныхъ процессахъ, количественный прогрессъ переходитъ въ качественное усложненіе; простое же, такъ сказать, геометрически-пропорціональное увеличеніе комплекса есть вещь невозможная: всякая данная форма жизни есть выраженіе опредѣленнаго ея равновѣсія; выходя изъ этого равновѣсія, жизнь мѣняетъ свою «форму», и чѣмъ сложнѣе то, что измѣняется, тѣмъ болѣе усложняется оно въ этомъ измѣненіи (если только измѣненіе имѣетъ не разрушительный, а творческій характеръ;—именно таковъ положительный подборъ).

Но положительный подборъ имѣетъ и другую сторону. Сохраняя, упрочивая, развивая *все*, что оказывается въ сферѣ его дѣйствія, онъ сохраняетъ и упрочиваетъ одновременно *слишкомъ многое*, онъ развиваетъ одновременно *слишкомъ разнородное*. Во всякомъ соціальномъ комплексѣ, какъ и во всякой сложной формѣ жизни, имѣются элементы различныхъ жизненныхъ формацій: пережитки условій прошлаго, развитыя приспособленія, вполнѣ соотвѣтствующія условіямъ настоящаго, наконецъ, зародышевыя комбинаціи, которымъ предстоитъ развитіе въ будущемъ. Полной гармоніи между тѣми, другими и третьими быть вообще не можетъ; и особенно пережитки прошлаго легко оказываются даже въ прямомъ жизненномъ противорѣчіи съ остальными элементами комплекса, нарушая его цѣльность, уменьшая его устойчивость по отношенію къ воздѣйствіямъ враждебныхъ силъ природы. Между тѣмъ, положительный подборъ не только поддерживаетъ, но временно даже усиливаетъ эти отживающіе элементы комплекса,—развивая въ то же время и всѣ остальные. Это ведетъ, очевидно, къ возрастанію внутренней разнородности всего комплекса, къ усиленію внутреннихъ противорѣчій его строенія. Но проявляется жизненное противорѣчіе лишь тогда, когда прекращается дѣйствіе положительнаго подбора; онъ по самой сущности своей не допускаетъ обнаруженія жизненной несовмѣстимости тѣхъ или иныхъ формъ, потому что, поддерживая и развивая ихъ одновременно, онъ дѣла-

Digitized by Google

етъ ихъ на все это время жизненно-совмѣстимыми: противорѣчіе можетъ выступить реально только въ видѣ взаимнаго, частичнаго или полнаго, разрушенія комплексовъ, т. е. необходимо въ видѣ отрицательнаго подбора. Положительный подборъ, такимъ образомъ, создаетъ и развиваетъ *скрытыя противорѣчія.*

Итакъ, вліяніе положительнаго подбора въ процессѣ развитія соціальныхъ формъ характеризуется двумя общими тенденціями: ростъ жизненнаго содержанія и въ то же время—его скрытыхъ противорѣчій.

Иллюстраціей можетъ послужить для насъ англійскій трэдъюніонизмъ въ эпоху господства Англіи на міровомъ рынкѣ. Та часть англійскаго рабочаго класса, которая сплотилась въ трэдъюніонахъ, представляла изъ себя особую соціальную группу—группу квалифицированнаго труда,—со сравнительно высокой оплатой и ограниченной конкурренціей, пока рынокъ промышленности расширяется. Если не считать отдѣльныхъ колебаній рынка (особенно въ періоды острыхъ кризисовъ), группа эта жила въ исключительно-благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, и могла довольно быстро повышать свой уровень жизни,—вообще, находилась подъ несомнѣнно преобладающимъ дѣйствіемъ положительнаго подбора. И вотъ, въ то самое время, какъ потребности, сумма техническаго опыта и профессіональнаго искусства, количество знаній и умственное развитіе быстро возрастали въ этой группѣ,—ея идеологія съ упорнымъ, поразительнымъ консерватизмомъ сохраняла цѣлый рядъ пережитковъ, не соотвѣтствующихъ ни общимъ тенденціямъ класса, ни достигнутой имъ ступени культуры: умѣренный политическій либерализмъ, экономическое манчестерство, англиканская религіозность, мѣщанская нравственность, и т. д. Этотъ своеобразный жизненный эклектизмъ держался десятки лѣтъ, но ему неизбѣжно долженъ былъ прійти конецъ, когда исчезли исключительныя условія, дававшія такъ долго преобладаніе положительному подбору въ жизни данной группы. По мѣрѣ того, какъ монополія Англіи на міровомъ рынкѣ отступала передъ растущей

Digitized by Google

конкурренціей со стороны молодыхъ капиталистическихъ странъ, положеніе англійскихъ квалифицированныхъ рабочихъ ухудшалось, усиливалась и среди нихъ безработица, заработная плата испытывала все болѣе сильное давленіе со стороны вынужденныхъ къ тому предпринимателей,—на сцену выступалъ все энергичнѣе отрицательный подборъ. Тогда стало реально обнаруживаться скрытое прежде противорѣчіе между прогрессивными и консервативными элементами пролетарской трэдъ-юніонистской психологіи, тогда идеологическіе пережитки оказались явно несовмѣстимы съ потребностями жизни и развитія соціальной группы, и начали быстро разрушаться.

VI.

Роль отрицательнаго подбора въ соціальномъ развитіи вообще противоположна роли положительнаго, и можетъ быть формулирована такъ: съуженіе поля жизни рядомъ съ устраненіемъ ея противорѣчій, съ ея «гармонизаціей».

Первое понятно само собой: отрицательный подборъ есть процессъ разрушительный, энергетически онъ сводится къ пониженію энергіи затронутыхъ имъ комплексовъ,—если онъ и не разрушитъ цѣлаго, то всегда уменьшитъ сумму его элементовъ и его жизненныхъ проявленій. Это чисто «отрицательная» сторона его работы.

Сторона «положительная» заключается въ томъ, что разрушаетъ онъ въ наибольшей мѣрѣ то, что наименѣе жизнеспособно и наиболѣе противорѣчиво. Онъ, какъ мы видѣли, обнаруживаетъ скрытыя противорѣчія жизни, и достигаетъ этого тѣмъ, что *обостряетъ* пониженіе жизни, создаваемое этими противорѣчіями. Если въ сложномъ комплексѣ подъ дѣйствіемъ положительнаго подбора сохраняются «отжившіе» элементы, то они, конечно, непрерывно *понижаютъ* сумму жизни цѣлаго, хотя пониженіе это и не замѣтно, такъ какъ оно исчезаетъ въ болѣе значительномъ *повышеніи* жизни, вызываемомъ благопріятными соотношеніями среды. Но если такое повышеніе

Digitized by Google

прекращается, условія среды становятся неблагопріятны и вызываютъ пониженіе энергіи комплекса,—то постоянное понижающее жизнь вліяніе «отжившихъ» элементовъ уже ничѣмъ не маскируется, и выступаетъ явно, присоединяясь къ дѣйствію неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій.

Жизненная несовмѣстимость отжившаго и развивающагося имѣетъ чаще всего форму «паразитизма» или, еще лучше, «вампиризма».—Пока благодаря монопольной эксплоатаціи и грабежу новооткрытыхъ странъ, громадныя богатства притекали въ Испанію при не особенно значительныхъ затратахъ общественнаго труда, до тѣхъ поръ феодалы и монахи могли благополучно паразитировать на организмѣ испанскаго народа, не истощая его настолько, чтобы это исключало возможность развитія. Но по мѣрѣ утраты монополіи и вынужденнаго сокращенія грабежа эти элементы отжившаго міра *ту же сумму* энергіи для поддержанія сложившагося уровня своей жизни стали извлекать изъ своей ближайшей соціальной среды—испанскихъ крестьянъ и ремесленниковъ. Это — простѣйшая форма вампиризма. Вампиризмъ идеологическихъ нормъ, пережившихъ свой жизненный базисъ, проявляется иначе и сложнѣе. Когда для англійскихъ трэдъ-юніонистовъ наступили тяжелыя времена, то устарѣлое міровоззрѣніе не тѣмъ вредило трэдъюніонистамъ, что отнимало у нихъ средства и энергію для своего непосредственнаго поддержанія. Нѣтъ, оно мѣшало успѣшности ихъ жизненной борьбы тѣмъ, что не давало развиться и реально проявиться новымъ приспособленіямъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися жизненными условіями. Старое міровоззрѣніе не допускаетъ иныхъ пріемовъ жизненной борьбы, кромѣ старыхъ, которые уже далеко недостаточны и часто ведутъ къ безплодной растратѣ силъ: стачечная борьба противъ ухудшенія условій труда, зависящаго отъ общаго суженія рынка, политическая поддержка той или иной буржуазной партіи въ зависимости отъ обѣщаній ихъ кандидатовъ, обѣщаній, которыя они частью не въ силахъ, частью и не желаютъ исполнить;—все это уже не могло серьезно улучшить положеніе, но

Digitized by Google

все это мѣшало организованнымъ рабочимъ сплотиться въ самостоятельную партію и планомѣрной политически-классовой борьбой отстаивать свои жизненныя интересы. Новыя приспособленія зародились, но зародыши эти долгое время разбивались объ консерватизмъ несовмѣстимыхъ съ ними традиціонныхъ воззрѣній и пріемовъ борьбы; *традиція была для нихъ губительно-враждебной частью ихъ соціальной среды.* Только тогда, когда отрицательный подборъ окончательно подорвалъ и разбилъ традицію, только тогда зародыши эти, тоже многократно ослабляемые отрицательнымъ подборомъ, а нерѣдко и уничтожаемые имъ, но вновь и вновь вызываемые къ жизни одними и тѣми же условіями, могутъ рости и развиваться и увеличивать жизнеспособность цѣлаго. Здѣсь «вампирическія» формы не столько «пьютъ кровь» прогрессивныхъ элементовъ жизни, сколько «перегрызаютъ имъ горло», пока могутъ.

Дѣйствуя на сложный соціальный комплексъ, отрицательный подборъ угнетаетъ его жизнь, разумѣется, по всей линіи; но погибаютъ при обычной, не слишкомъ большой интенсивности подбора, только нѣкоторыя части комплекса, наименѣе устойчивыя, наименѣе приспособленныя къ наличнымъ условіямъ среды. Гдѣ существуетъ жизненное противорѣчіе, которое само уже есть источникъ отрицательнаго подбора, тамъ вліяніе этого подбора глубже и сильнѣе, тамъ его тенденція направлена къ тому, чтобы уничтожить наименѣе жизненную изъ двухъ сторонъ противорѣчія, при чемъ *самое противорѣчіе устраняется.* Благодаря именно этому, отрицательный подборъ «гармонизируетъ» жизнь.

При благопріятныхъ условіяхъ то уменьшеніе жизни, которое непосредственно вызывается отрицательнымъ подборомъ, въ конечномъ счетѣ оказывается выигрышемъ для жизни. Сложный соціальный комплексъ, подвергшись временному потрясенію, недостаточному, чтобы его разрушить или радикально ослабить, въ результатѣ этого потрясенія оказывается освобожденнымъ и очищеннымъ отъ наименѣе жизнеспособныхъ сво-

Digitized by Google

ихъ элементовъ, главнымъ образомъ отъ пережитковъ прошлаго, а также вообще отъ наименѣе удачныхъ, наиболѣе слабыхъ и неприспособленныхъ формъ и комбинацій, входящихъ въ его составъ. Если сумма его содержанія непосредственно уменьшается, если его «статическая» жизнеспособность (т. е. отнесенная къ данному моменту) падаетъ, то его «динамическая» жизнеспособность, возможность дальнѣйшаго развитія возрастаетъ. Онъ становится цѣлостнѣе и гармоничнѣе, всѣ лучшіе, наиболѣе прочные и стойкіе элементы развитія свободнѣе могутъ развернуться, не встрѣчая больше помѣхи со стороны элементовъ отжившихъ или негодныхъ. Вотъ почему такъ часто періодъ отрицательнаго подбора, въ родѣ кризиса или революціи, становится исходной точкой новаго развитія, гораздо болѣе роскошнаго, чѣмъ то, которое ему предшествовало.

Итакъ, количественное уменьшеніе, съуженіе жизни, но въ то же время ея гармонизація и «оздоровленіе» путемъ устраненія всего противорѣчиваго и нежизнеспособнаго—такова тенденція отрицательнаго подбора въ соціальномъ развитіи.

Резюмируемъ наши выводы.

Соціальный подборъ выражаетъ зависимость сохраненія, развитія и разрушенія соціальныхъ комплексовъ отъ ихъ соціальной среды.

Онъ представляетъ изъ себя частную форму біологической причинности—подбора вообще. Онъ даже не имѣетъ никакихъ специфическихъ, ему только свойственныхъ проявленій, и выступаетъ то подъ видомъ «естественнаго» подбора—физіологическаго сохраненія, роста и разрушенія,—то подъ видомъ подбора «психическаго» (послѣднее—наиболѣе обычная его форма).

Энергетически—онъ является въ видѣ возрастанія энергіи соціальнаго комплекса (положительный соціальный подборъ) или ея пониженія (отрицательный подборъ).

Примѣняя точку зрѣнія соціальнаго подбора въ конкретномъ изслѣдованьи, надо постоянно считаться съ системной

Digitized by Google

связью соціальныхъ комплексовъ, и цѣлесообразно выбирать «единицы подбора» (т. е. точно опредѣлять объемъ и рамки комплекса, который въ томъ или иномъ данномъ случаѣ подвергается дѣйствію подбора, какъ одно цѣлое).

Въ процессѣ соціальнаго развитія тенденція положительнаго подбора является двойственной: ростъ содержанія жизни и въ то же время скрытыхъ ея противорѣчій.

Тенденція отрицательнаго подбора—съуженіе жизни, но въ то же время ея гармонизація, раскрытіе и устраненіе ея внутреннихъ противорѣчій.

Эти тенденціи взаимно дополняютъ другъ друга, обусловливая совмѣстно движеніе къ гармоническому maximum жизни. Положительный подборъ есть стихійное творчество жизни, отрицательный—ея стихійный регуляторъ.

Поскольку прогрессъ жизни имѣетъ не только качественный, но и количественный характеръ,—онъ предполагаетъ извѣстную степень *преобладанія* положительнаго подбора надъ отрицательнымъ. Если это преобладаніе слишкомъ значительно—положительный подборъ какъ бы загромождаетъ жизнь чрезмѣрнымъ богатствомъ возникающихъ и развивающихся формъ, и жизнь становится дисгармонична; если этого преобладанія совсѣмъ нѣтъ—ростъ жизни дѣлается невозможенъ, и она приходитъ къ застою.

Поэтому нельзя считать положительный и отрицательный подборъ вполнѣ равноцѣнными моментами въ развитіи жизни. Сущность ихъ различія въ этомъ смыслѣ можно выразить такъ: положительный подборъ—это *сама жизнь*, отрицательный подборъ—*контролирующій механизмъ* ея движенія.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ МОНИЗМЪ.

А. Главныя линіи развитія.

Принципъ «общественнаго подбора» для соціальныхъ наукъ вовсе не есть нѣчто по существу новое. Уже классики-экономисты въ изслѣдованіи экономической жизни, несомнѣнно, стояли на почвѣ этого принципа, хотя, конечно, и не формулировали его опредѣленно; ихъ абстрактный методъ имѣетъ именно такой смыслъ,—ихъ понятіе «экономической выгоды» выражаетъ именно условія положительнаго соціальнаго подбора,—ихъ «конкурренція предпріятій» есть одинъ изъ частныхъ случаевъ соціальнаго подбора вообще;—приспособленность или неприспособленность опредѣленныхъ формъ къ данной (привычной для нихъ самихъ, именно буржуазной) соціальной средѣ есть то, что они постоянно стремятся выяснить своимъ абстрактнымъ анализомъ.

Марксъ освободилъ этотъ принципъ изслѣдованія отъ его буржуазно-статической ограниченности, и изучалъ причинную связь развитія и деградаціи соціальныхъ формъ въ *измѣняющейся* и *различной* соціальной средѣ. Онъ расширилъ методъ на всю соціальную жизнь, установивши необходимую зависимость развитія идеологическихъ формъ отъ соціальнаго подбора со стороны глубже ихъ лежащихъ, основныхъ соціальныхъ фор-

Digitized by Google

мацій. Но спеціальной, отчетливой формулировки самаго метода онъ не далъ, и логической его связи съ современными методами наукъ о жизни вообще онъ не установилъ. Да иначе и быть не могло, потому что Марксъ выполнилъ коренное преобразованіе соціальныхъ наукъ *какъ разъ въ то самое время*, когда аналогичная реформа проводилась въ наукахъ естественныхъ.

Теперь мы разсмотримъ, въ какомъ видѣ предстанутъ передъ нами основныя связи и зависимости соціальнаго развитія, если ихъ изслѣдовать съ точки зрѣнія опредѣленно выясненнаго принципа соціальнаго подбора. Послѣ всего изложеннаго легко предвидѣть, что *существенныхъ* измѣненій въ историко-философской концепціи Маркса при этомъ не окажется; но можно достигнуть большей точности и опредѣленности какъ въ основной ея формулировкѣ, такъ и въ ея частныхъ примѣненіяхъ.

I.

Мы условились подъ терминомъ «соціальный подборъ» подразумѣвать основную жизненную зависимость общественныхъ формъ отъ ихъ *соціальной* среды. Если такъ, то по отношенію къ обществу, какъ цѣлому, какъ жизненной единицѣ, это понятіе является неподходящимъ: само общество не подлежитъ «соціальному подбору», потому что оно есть та самая среда, которая обусловливаетъ этотъ подборъ, — среда, взятая во всемъ ея объемѣ. Среда же, отъ которой общество, какъ цѣлое зависитъ въ своемъ развитіи и деградаціи, и передъ которою оно является, какъ объектъ подбора, это та, что лежитъ внѣ его, —*внѣшняя природа* *).

Отношенія общества къ этой внѣшней природѣ выражаются — такъ же, какъ и для всякой другой жизненной формы — въ усвоеніи и затратѣ энергіи, въ «ассимиляціи» и «дезассимиля-

*) Это суммарное понятіе охватываетъ не только неорганическую и органическую «внѣ-соціальную» природу, но—для каждаго даннаго общества—и другія *общества*, ведущія отдѣльное отъ него существованіе.

Digitized by Google

ціи». Если усвоеніе энергіи изъ внѣшней природы преобладаетъ надъ затратами, то сила общества возрастаетъ, оно находится въ состояніи «положительнаго подбора»; если трата перевѣшиваетъ усвоеніе, то сумма энергіи понижается, общество подвергается дѣйствію «отрицательнаго подбора». Въ сущности, все что говорится о возрастаніи «власти общества надъ природою» или «власти природы надъ обществомъ», объ увеличеніи или уменьшеніи «производительныхъ силъ общества»,—все это служитъ описательнымъ обозначеніемъ этихъ двухъ моментовъ подбора для соціальнаго цѣлаго.

Общество состоитъ изъ человѣческихъ особей; но было бы большой ошибкою считать соціальный «обмѣнъ энергіи» со средою простой суммою физіологическаго обмѣна энергіи отдѣльныхъ организмовъ. Въ жизни человѣческаго организма далеко не всѣ функціи соціальны; а для познанія, объединяющаго *однородное*, понятіе «соціальной системы» имѣетъ смыслъ и цѣнность лишь тогда, когда оно охватываетъ систему соціальныхъ, и только соціальныхъ функцій. Въ дыханіи, въ кровообращеніи, въ пищевареніи отдѣльнаго человѣка нѣтъ ровно ничего соціальнаго; а эти процессы играютъ громадную роль въ *индивидуальномъ* балансѣ усвоенія и траты энергіи. *Общественная* борьба за существованіе есть нѣчто совсѣмъ иное; она лежитъ вся въ рамкахъ *труда и мышленія* людей; или, такъ какъ мышленіе съ полнымъ основаніемъ можно разсматривать, какъ частную форму труда, то соціальная борьба за жизнь вся заключается въ предѣлахъ труда, и притомъ труда *соціальнаго*. Общественный процессъ есть *процессъ сотрудничества людей* *).

*) Я не буду здѣсь останавливаться на развитіи этой, методологически очень важной мысли, противъ которой такъ грѣшатъ, напр., нѣкоторые экономисты, включающіе отдѣлъ «о потребленіи» (въ смыслѣ личнаго потребленія) въ курсы политической экономіи—науки соціальной. Все дальнѣйшее косвенно послужитъ къ выясненію и освѣщенію этой идеи. Въ моей первой философской работѣ, «Основные элементы историч. взгляда на природу», ей посвящена

Digitized by Google

Во всякой сложной жизненной системѣ,—а особенно такой максимально-сложной, какъ соціальная,—приходится различать функціи, относящіяся къ *непосредственной* борьбѣ съ внѣшней природою, и функціи, имѣющія *косвенное*, не-прямое отношеніе къ этой борьбѣ. Напр., коллективное добываніе пищи, въ видѣ охоты, есть актъ непосредственной борьбы за жизнь; коллективное обсужденіе способовъ добывать пищу, составленіе плана охоты и т. под., — актъ, косвенно входящій въ систему этой борьбы. Различіе отнюдь не въ степени соціальности тѣхъ и другихъ функцій — онѣ одинаково соціальны, — и не въ ихъ жизненной цѣнности,—онѣ могутъ быть одинаково важны для жизни; различіе только въ направленіи функцій: въ первомъ случаѣ ихъ объектомъ является *внѣшняя природа*, во второмъ— *другія соціальныя функціи*. Въ актѣ охоты предметъ воздѣйствія—птицы, звѣри и т. д., въ актѣ составленія плана охоты—представленія людей объ этомъ трудовомъ процессѣ. Функціи перваго рода обозначаются какъ соціально-техническія; функціи второго рода мы оставимъ пока безъ спеціальнаго обозначенія.

Разграниченіе это для соціальной энергетики имѣетъ *основное* значеніе. Только въ области непосредственной борьбы съ природою, только въ соціально-техническомъ процессѣ происходитъ соціальное «усвоеніе» энергіи изъ внѣшней среды; тогда какъ «трата» энергіи происходитъ *не* только тамъ, но и въ остальныхъ областяхъ соціальной жизни. Поэтому самая возможность внѣ-техническихъ соціальныхъ функцій и ихъ реальныя границы *опредѣляются всецѣло* тѣмъ «избыткомъ» энергіи, тѣмъ перевѣсомъ усвоенія надъ тратою, какой дается въ сферѣ соціально-технической жизни. Весь соціальный процессъ въ его цѣломъ совершается за счетъ техническаго.

значительная часть 4-го отдѣла («Общество»), гдѣ вѣрная въ основѣ мысль развита въ юношески-незрѣлой и неуклюжей формѣ. Эти недостатки устранены, я полагаю, въ работѣ «Изъ психологіи общества», стр. 50—77.

Digitized by Google

Это элементарное положеніе, совершенно недоступное пониманію теоретиковъ «историческаго идеализма», недоступное, по крайней мѣрѣ, въ своихъ необходимыхъ выводахъ, если не въ голой формулировкѣ, — это положеніе составляетъ дѣйствительный базисъ доктрины *историческаго монизма.*

Прежде чѣмъ перейти отъ основного положенія къ его необходимымъ выводамъ, намъ надо принять во вниманіе и устранить одно очень естественное недоразумѣніе, которое можетъ вызвать у читателя наша формулировка.

Соціально-техническій процессъ есть процессъ трудовой. Что въ немъ *затрачивается* энергія соціальнаго цѣлаго, это очевидно само собою; но гдѣ же здѣсь *усвоеніе* энергіи? Разъ мы не признаемъ соціальными функціями индивидуально-физіологическіе процессы усвоенія, какъ личное потребленіе, пищевареніе, кровообращеніе и т. под., то возможно ли вообще говорить объ «усвоеніи» энергіи изъ внѣшней природы, когда дѣло идетъ о соціальной системѣ? У нея нѣтъ, повидимому, своихъ собственныхъ органовъ и функцій усвоенія, и безполезно ихъ искать,—система сотрудничества вовсе не есть организмъ и всѣ разсужденія о соціальномъ пищевареніи, кровообращеніи и т. д. сводятся къ плохимъ метафорамъ и аналогіямъ, способнымъ удовлетворить только отжившую школу соціологовъ-органицистовъ.

Возраженіе это всецѣло исходитъ изъ смутнаго и наивно-матеріалистическаго пониманія энергетики. «Усвоеніе» энергіи, къ тому же, не вполнѣ удачный терминъ, до извѣстной степени поддерживающій неясность. Необходимо отчетливо установить понятія.

«Энергія» не заключаетъ въ себѣ ничего абсолютнаго; это не «субстанція» вещей, а ихъ соотношеніе. «Сумма энергіи»— всегда относительная величина—это мѣра тѣхъ измѣненій, которыя одна «вещь» можетъ вызвать въ другой «вещи». Когда мы говоримъ о суммѣ энергіи жизненной системы, то при этомъ всегда подразумѣвается: «по отношенію къ ея средѣ». Если совершается «усвоеніе» или «накопленіе» энергіи, это значитъ, что потенціальная энергія системы по отношенію къ

Digitized by Google

ся средѣ возрастаетъ, энергія среды по отношенію къ ней уменьшается. То и другое можетъ происходить *различными* способами.

Для человѣческаго организма однимъ изъ техническихъ способовъ «усвоенія» энергіи является принятіе внутрь и «перевариванье» веществъ, находившихся въ окружающей средѣ. Этимъ путемъ, дѣйствительно, увеличивается потенціальная энергія организма по отношенію къ его средѣ, уменьшается энергія среды по отношенію къ нему. Но такъ же измѣняется относительная величина энергіи организма и среды тогда, когда человѣкъ «одѣваетъ» себя въ опредѣленную оболочку, взятую, конечно, изъ этой же среды. Тогда тоже уменьшается способность среды разрушительно измѣнять организмъ (посредствомъ охлажденія, механическихъ поврежденій и т. д.), и увеличивается способность организма измѣнять среду въ соотвѣтствіи со своими жизненными функціями: та энергія, которая при голомъ тѣлѣ идетъ на поддержаніе температуры покрововъ тѣла, теперь въ значительной части сохраняется для новыхъ воздѣйствій на среду.

Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ничего страннаго или труднаго и въ вопросѣ объ «усвоеніи» энергіи внѣшней среды въ техническомъ соціально-трудовомъ процессѣ. Общественный трудъ людей, измѣняя внѣшнюю природу, преобразуетъ ее въ такомъ смыслѣ, что энергія соціальной системы по отношенію къ ея средѣ увеличивается, энергія среды по отношенію къ ней уменьшается. Это относительное измѣненіе и есть величина жизненнаго плюса соціальной системы, ея «усвоенія».

Все «производство», т. е. превращеніе предметовъ природы въ «продукты человѣческаго труда», и есть ни что иное, какъ прогрессивное созиданіе такой среды, по отношенію къ которой энергія соціальной системы была бы maximum *).

---

*) Въ высшей степени неточно къ средствамъ производства и его продуктамъ относить терминъ «соціальная среда людей». Это —объекты *внѣшней* природы, среда, преобразованная соціальнымъ трудомъ, но отнюдь не «соціальная». Такое обозначеніе соотвѣт-

Digitized by Google

Но самъ по себѣ соціальный трудъ есть *трата* энергіи, пониженіе энергіи соціальной системы по отношенію къ ея средѣ. Передъ нами двѣ перемѣнныя величины, со знаками плюсъ и минусъ. Ихъ разность представляетъ жизненный балансъ соціально-техническаго процесса; за счетъ этого баланса идетъ вся остальная, внѣ-техническая жизнь соціальнаго цѣлаго. Слѣдовательно, она возможна только тогда, когда разность усвоенія и траты въ техническомъ процессѣ представляетъ достаточную *положительную* величину.

Перейдемъ теперь къ этой другой области соціальной жизни и разсмотримъ, въ чемъ состоитъ ея содержаніе и ея реальное значеніе.

II.

Изъ всего только что изложеннаго съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что техническій процессъ есть *генетически-первичная* область соціальной жизни, что только изъ него можетъ исходить всякое соціальное развитіе. Въ природѣ вообще ничто не развивается «само изъ себя»; измѣненія всякой формы, организованной или неорганизованной, въ конечномъ счетѣ обусловливаются воздѣйствіями *извнѣ*; а для соціальной системы техническая область есть именно та, гдѣ непосредственно воспринимаются эти воздѣйствія, потому что это «пограничная» область соціальной жизни. Чтобы прійти неизбѣжно къ выводу, о первичномъ значеніи техники въ соціальномъ процессѣ, достаточно только признавать полную примѣнимость къ обществу закона причинности; а безъ этого не можетъ быть и рѣчи о соціальной наукѣ *).

ствуетъ только средѣ, слагающейся изъ *соціальныхъ формъ*, которыя реально неотдѣлимы отъ *соціальныхъ существъ*. «Соціальное» для насъ лежитъ въ рамкахъ «человѣческаго», а не того, что внѣ человѣка.

*) Во всякомъ случаѣ, если бы еще требовались доказательства для этого положенія, то ихъ даетъ массу вся литература историко-матеріалистической школы, выясняющая зависимость вся-

Digitized by Google

Какъ приспособленія первичныя, техническія формы соціальной жизни представляются относительно простѣйшими,—но, конечно, только относительно, по сравненію, напр., со многими идеологическими приспособленіями. Вся же соціально-техническая система въ ея цѣломъ чрезвычайно сложна даже у наименѣе развитыхъ обществъ, и слагается изъ громадной массы отдѣльныхъ соціально-техническихъ приспособленій. По мѣрѣ общественнаго развитія количество ихъ и сложность возрастаетъ.

Но тамъ, гдѣ громадное количество жизненныхъ формъ объединяется въ сложнѣйшую систему, тамъ неизбѣжно должны возникать частныя и частичныя *жизненныя противорѣчія* между ними. Гармонія жизни никогда не дается первично, она можетъ получаться только какъ результатъ развитія; чѣмъ сложнѣе жизненный комплексъ и чѣмъ интенсивнѣе его жизнь, тѣмъ неизбѣжнѣе для него «внутреннія противорѣчія».

Устраненіе внутреннихъ противорѣчій жизненной системы можетъ происходить различными путями. Иногда—просто путемъ отрицательнаго подбора, возникающаго изъ самаго противорѣчія, уничтожается одна его сторона,—или даже обѣ,—одно изъ находящихся во взаимномъ противорѣчіи приспособленій, или то и другое вмѣстѣ. Напр., у цѣлой группы пресмыкающихся по мѣрѣ развитія того особаго типа движеній (и передвиженія), который выражается въ волнообразныхъ и спиральныхъ изгибаніяхъ тѣла, атрофировались шагъ за шагомъ всѣ конечности, которыя для такого рода движеній не только были безполезны, но являлись крайне неудобной помѣхой. Ясно, что этотъ способъ устраненія противорѣчій между жизненными приспособленіями весьма мало экономиченъ съ точки зрѣнія *развитія*.

каго соціальнаго развитія отъ «роста производительныхъ силъ» общества, т. е. отъ его *техническаго* прогресса. Важнымъ доказательствомъ является также возрастающій перевѣсъ техническаго процесса надъ остальной соціальной жизнью по мѣрѣ приближенія отъ современной культуры къ первобытнымъ, зародышевымъ формамъ соціальной жизни. См. «Изъ психологіи общества», стр. 53—56.

Digitized by Google

Въ другихъ случаяхъ взаимно-противорѣчивое соотношеніе различныхъ функцій или частей сложнаго комплекса сглаживается путемъ ихъ измѣненія, односторонняго или обоюдосторонняго. Это—путь очень обычный въ жизни отдѣльныхъ организмовъ и цѣлыхъ видовъ: измѣняются, напр., инстинкты въ смыслѣ перехода отъ дневного образа жизни къ ночному, отъ растительной пищи къ животной и т. п.,—и соотвѣтственно измѣняются органы и функціи зрѣнія, пищеваренія и т. д. Этотъ типъ гармонизаціи можетъ соединяться — но далеко не обязательно—съ нѣкоторымъ усложненіемъ жизни.

Третій типъ гармонизаціи, въ данный моментъ наиболѣе для насъ важный, *всегда* связанъ съ усложненіемъ и расширеніемъ жизни. Это—развитіе *организующихъ приспособленій.*

Опытъ показываетъ, что нерѣдко двѣ жизненныя комбинаціи, которыя при непосредственномъ ихъ соединеніи оказываются во взаимномъ противорѣчіи, легко связываются, уже безъ противорѣчія, при посредствѣ третьей комбинаціи, — комбинаціи «организующей». Безъ такихъ приспособленій вообще невозможны, напр., сколько-нибудь сложные организмы; ихъ типомъ являются функціи нервныхъ центровъ. Если бы мускулы антагонисты, напр., сгибатели и разгибатели конечностей, были сколько-нибудь независимы другъ отъ друга въ своихъ сокращеніяхъ (точнѣе—возбуждались бы къ сокращенію отдѣльными и независимыми центрами), то въ цѣлой массѣ случаевъ ихъ движенія только парализовались бы взаимно; связь посредствомъ *общаго нервнаго центра* устраняетъ это жизненное противорѣчіе. По отношенію къ питанію всѣ органы и ткани оказались бы въ состояніи взаимной неприспособленности или «противорѣчія», если бы не было организующихъ питаніе функцій сосудодвигательной и трофической нервной системы: гипертрофія однѣхъ частей организма шла бы рядомъ съ атрофіей другихъ, и за ея счетъ, разумѣется. По отношенію къ борьбѣ съ внѣшней природой точно также различные рефлексы и автоматическія движенія на каждомъ шагу создавали бы противодѣйствіе другимъ, цѣлесообразнымъ реакціямъ, и подвергали бы опас-

Digitized by Google

ности жизненное цѣлое, если бы тѣ и другія не регулировались «задерживающими» функціями центральнаго нервнаго аппарата.

Терминъ «устраненіе противорѣчій», съ сущности, весьма недостаточно опредѣляетъ организующую функцію. «Устраненіе противорѣчія» обозначаетъ только избавленіе жизненной системы отъ извѣстной *растраты* энергіи; между тѣмъ роль организующихъ приспособленій часто имѣетъ гораздо болѣе положительный характеръ. Опытъ показываетъ, что въ жизненной борьбѣ двѣ взаимно координированныя величины могутъ давать болѣе значительную *реальную* сумму, чѣмъ та, которая получилась бы при простомъ ихъ сложеніи. Такъ, совмѣстное сокращеніе тысячи мускульныхъ волоконъ даетъ для борьбы за жизнь положительный эффектъ не въ тысячу, а въ несравненно большее число разъ превосходящій тотъ, который получился бы отъ изолированнаго сокращенія одного волокна; согласованныя движенія двухъ рукъ выполняютъ не вдвое, а вчетверо, впятеро больше полезной работы, чѣмъ движенія одной руки.

Конечно, по существу эта функція организующихъ приспособленій (созданіе «активной гармоніи») не отличается отъ первой (устраненіе противорѣчій). И здѣсь дѣло идетъ отнюдь не о твореніи новой энергіи изъ ничего, а только объ ея болѣе благопріятномъ для жизни распредѣленіи. Все сводится къ тому, что изъ общей затраты энергіи жизненной системы болѣе значительная доля идетъ на «полезную работу», менѣе значительная уходитъ на «вредныя сопротивленія», — эти термины прикладной механики здѣсь вполнѣ точно выражаютъ смыслъ приспособленія. При «устраненіи противорѣчій» уменьшаются тѣ вредныя сопротивленія, которыя возникаютъ изъ отношенія одной части комплекса къ другой; при созданіи «активной гармоніи» частей комплекса, не представляющихъ другъ для друга такого «вреднаго сопротивленія», увеличивается коэффиціентъ «полезной работы», и уменьшается коэффиціентъ «вреднаго сопротивленія» со стороны *внѣшней среды*. Въ механикѣ такъ

Digitized by Google

же удается увеличить коэффиціентъ полезной работы иногда тѣмъ, что лучше прилаживаютъ части механизма одну къ другой, уменьшая внутреннія тренія,—иногда же и посредствомъ координированія работы двухъ механизмовъ или болѣе.

Въ соціальной жизни, съ ея громадной сложностью, организующія приспособленія играютъ роль величайшей важности, и притомъ возрастающую по мѣрѣ соціальнаго развитія. *Они охватываютъ всю ту область, которая возвышается надъ «техническимъ процессомъ», и образуютъ, въ своемъ развитіи, въ своемъ возникновеніи и разрушеніи, процессъ идеологическій.* Ихъ можно сгруппировать въ три основные типа:

1. *Формы непосредственнаго общенія*—крикъ, рѣчь, мимика. Онѣ служатъ для *непосредственнаго объединенія и координированія человѣческихъ дѣйствій*, а затѣмъ и представленій, и эмоцій — психическихъ реакцій, неразрывно связанныхъ съ дѣйствіями и ихъ собою опредѣляющихъ *).

Какимъ образомъ «формы общенія» служатъ для координаціи человѣческихъ дѣйствій, прямой или косвенной (черезъ призывы, приказанія, указанія, просьбы и т. п., — или черезъ передачу мотивовъ для дѣйствій—сообщеніе фактовъ, объясненіе фактовъ, выраженіе настроеній и т. д.), на всемъ этомъ мы здѣсь останавливаться не можемъ, — тѣмъ болѣе, что все это достаточно знакомо каждому изъ личнаго опыта.

2. *Формы познавательныя*—понятія, сужденія и ихъ сложныя комбинаціи въ видѣ религіозныхъ доктринъ, теорій научныхъ и философскихъ, и т. п. Онѣ служатъ для *систематическаго координированія труда на основѣ пережитого опыта.* Это координація менѣе непосредственнаго и болѣе сложнаго характера. Она имѣетъ тенденцію создать maximum гармоніи

*) Это, собственно, «неполныя психически-двигательныя реакціи»; онѣ представлютъ изъ себя начальныя фазы «полной психической реакціи», которая завершается волевымъ актомъ и выражается въ «дѣйствіи». Подробный анализъ ихъ жизненнаго значенія и ихъ происхожденія изъ «полныхъ психически-двигательныхъ реакцій» дается въ «Познаніи съ историч. точки зрѣнія», стр. 63—78.

Digitized by Google

не только между дѣйствіями, выполняемыми въ настоящемъ, но также между ними и дѣйствіями, выполненными въ прошломъ, и дѣйствіями, которыя еще предстоитъ выполнить въ будущемъ. И здѣсь координація представленій служитъ средствомъ координаціи трудовыхъ актовъ. Какимъ образомъ познавательныя формы фактически выполняютъ эту функцію, здѣсь также спеціально излагать не приходится: по отношенію къ понятіямъ и «знаніямъ» техническаго характера это достаточно очевидно, по отношенію къ знаніямъ и теоріямъ естественно-научнымъ это становится тоже очевиднымъ, если принять во вниманіе ихъ связь со знаніями техническими, для которыхъ они служатъ средствомъ систематизаціи и регулированія, объединяющими и контролирующими формулами; наконецъ, по отношенію къ остальнымъ познавательнымъ комбинаціямъ—религіознымъ, научнымъ, философскимъ—ихъ координирующее значеніе для человѣческихъ дѣйствій является менѣе очевиднымъ, благодаря тому, что осуществляется еще болѣе косвеннымъ путемъ,—но всегда можетъ быть выяснено при достаточномъ изслѣдованіи *).

3. *Формы нормативныя*: обычай, право, нравственность, приличія, практическія правила цѣлесообразности для поведенія людей. Ихъ роль заключается *въ устраненіи противорѣчій соціальной жизни путемъ ограниченія тѣхъ или иныхъ функцій,* которыя безъ этихъ ограниченій дисгармонически

*) «Истинность» тѣхъ или иныхъ познавательныхъ формъ выражается именно въ возможности строить на нихъ «практику», не приходя къ противорѣчію,—т. е., въ конечномъ счетѣ, въ ихъ пригодности для координированія дѣйствій. Марксъ ясно и энергично формулировалъ этотъ жизненный смыслъ всякаго познанія. Изъ позднѣйшихъ мыслителей Э. Махъ чрезвычайно отчетливо выяснялъ реальное значеніе и генезисъ познавательныхъ функцій—роль познанія, какъ орудія въ жизненной борьбѣ, и его происхожденіе изъ техники. Организующій, координирующій характеръ познавательныхъ формъ по отношенію къ человѣческому труду я постоянно отмѣчалъ и подчеркивалъ во всѣхъ своихъ работахъ, начиная съ «Кратк. курса эконом. науки». Болѣе полное, чѣмъ здѣсь, резюмэ этихъ соображеній—см. «Изъ психологіи общества», стр. 63—67.

Digitized by Google

сталкивались бы между собою. Чтобы убѣдиться, что именно таково значеніе этихъ соціальныхъ нормъ, достаточно представить ихъ себѣ ясно *въ ихъ дѣйствіи* *). Жизненная нераздѣльность координаціи представленій и координаціи дѣйствій здѣсь выступаетъ особенно ярко.

Если провести параллель между тремя типами организующихъ приспособленій соціальнаго процесса и организующими функціями нервнаго аппарата въ отдѣльномъ организмѣ, то формы непосредственнаго общенія можно, пожалуй, сравнить съ простой передачей возбужденія черезъ нервныя клѣтки и волокна отъ однѣхъ частей организма къ другимъ (напр. «распространеніе рефлекса»). Формы познавательныя тогда соотвѣтствуютъ накопленію раздраженій въ нервныхъ клѣткахъ и выработкѣ сложныхъ ассоціативныхъ связей между различными психо-моторными реакціями, при которой измѣняется и совершенствуется самая форма этихъ реакцій. Наконецъ, «нормы» являются тогда аналогами «задерживающихъ» функцій центральнаго аппарата. Несовершенство этой аналогіи вытекаетъ изъ того факта, что общество не есть организмъ; самая же аналогія—изъ основного сродства, связывающаго всѣ сложныя и высоко-организованныя формы жизни, здѣсь же въ особенности—сродства между формами—организмъ и общество,—реально относящимся между собою, какъ часть и цѣлое.

Рядомъ съ тѣми тремя типами идеологическихъ приспособленій, которыя нами уже отмѣчены, ставятъ обыкновенно, какъ отдѣльный типъ, *формы искусства*. Съ точки зрѣнія нашей соціально-философской задачи, выдѣлять эту группу формъ не приходится, особаго типа приспособленій онѣ не представляютъ. Чтобы кратко мотивировать такое отношеніе, я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ другой своей работы:

---

*) О значеніи «нормъ» въ соціальномъ процессѣ см. посвященную спеціально этому вопросу работу «Нормы и цѣли жизни» въ книжкѣ «Новый міръ» (Москва, 1906); также «Изъ психологіи общества», стр. 68—73.

Digitized by Google

«Соціальное содержаніе искусства сводится частью къ передачѣ непосредственныхъ переживаній отъ одного человѣка другимъ, частью къ сообщенію другимъ накопленнаго опыта (т. е. частью къ первому, частью ко второму типу организующихъ приспособленій). Пѣніе, музыка, ритмическія движенія танцевъ, служатъ, подобно рѣчи и мимикѣ, способами «выраженія», передачи другимъ переживаемыхъ настроеній, только въ менѣе опредѣленной формѣ; многія дикія и варварскія племена пользуются музыкой и особенно танцами для того, чтобы достигнуть единства настроенія, когда предстоитъ сообща вести какое-нибудь важное дѣло—совѣщаніе племени, выступленіе на войну или охоту и т. под.;—аналогичное значеніе имѣютъ пѣніе и музыка даже у культурныхъ народовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни,—напр., въ военныхъ походахъ. Пѣсня, рисунокъ являются, кромѣ того, особенно на раннихъ ступеняхъ развитія, средствомъ передачи накопленнаго опыта: припомнимъ только, какое громадное познавательное значеніе имѣли въ воспитаніи древнихъ грековъ пѣсни Гомера и Гесіода, произведенія живописи и скульптуры въ храмахъ и на площадяхъ, и т. д. Пѣніе и поэзія имѣютъ, несомнѣнно, общее происхожденіе съ рѣчью, танцы и пластическія искусства съ мимикой, музыка—съ мимикой и рѣчью.—Словомъ, искусство есть рядъ идеологическихъ приспособленій довольно различнаго рода,—оно заключаетъ въ себѣ не мало и техническихъ элементовъ, особенно, напр., архитектура» *).

Теперь я только еще прибавлю, что сфера искусства заключаетъ въ себѣ и элементы третьяго идеологическаго типа—соціально-нормативные. На зарѣ исторіи многія проявленія искусства неразрывно сливаются съ обычаемъ (такъ же, какъ и съ религіей); наоборотъ, на высшихъ ступеняхъ культуры возникаетъ стремленіе превратить всю жизнь людей въ художественное произведеніе искусства, и принципъ искусства—красота—становится нормою человѣческаго поведенія.

---

*) «Изъ психологіи общества», стр. 73—74. примѣч.

Digitized by Google

Итакъ, намѣченные три типа организующихъ приспособленій соціальной жизни охватываютъ *весь идеологическій процессъ*. Идеологическій же процессъ образуетъ всю ту область соціальнаго, которая лежитъ внѣ процесса техническаго, внѣ непосредственныхъ отношеній борьбы соціальнаго человѣка съ внѣшней природою.

III.

Для признанія техническихъ соціальныхъ приспособленій генетически-первичными, а идеологическихъ—вторичными, въ сущности, вполнѣ достаточно выясненнаго нами соотношенія ихъ жизненной функціи,—достаточно людямъ, вполнѣ усвоившимъ себѣ научное или, точнѣе, динамическое мышленіе. Но оно далеко еще не является всеобщимъ, даже въ наукѣ; и потому вполнѣ возможно ожидать далѣе возраженій еще въ такомъ смыслѣ, что «идеологическое» не можетъ быть генетически-вторичнымъ, производнымъ по отношенію къ «техническому», въ силу *качественнаго* различія того и другого, различія, исключающаго генетическую связь. Возраженіе это устраняется путемъ не особенно сложнаго анализа.

Различіе «организующихъ» приспособленій и приспособленій «непосредственной борьбы за жизнь» во всей живой природѣ не только не имѣетъ характера безусловнаго качественнаго различія, но зачастую даже вообще съ трудомъ уловимо. Нервная система—организующій аппаратъ отдѣльнаго организма; но генетически—нервная клѣтка принадлежитъ къ той же группѣ «эпителіальныхъ», какъ и железистая клѣтка или роговая клѣтка эпидермиса: первая развилась въ сторону «организующей» функціи, вторая и третья—въ сторону различныхъ «техническихъ» функцій; этимъ, конечно, маскируется, но отнюдь не уничтожается единство ихъ происхожденія. Все-же здѣсь, по крайней мѣрѣ, довольно рѣзко разграничиваются самыя функціи; а какова, напр., жизненная роль «чувствительно-двигательнаго» нервнаго узла у низшихъ животныхъ организмовъ?

Digitized by Google

Онъ одновременно и *вызываетъ* мускульныя сокращенія, необходимыя для движеній организма, его самозащиты, нападенія,—и *регулируетъ* связь различныхъ мускульныхъ рефлексовъ такъ, чтобы ихъ энергія не растрачивалась безплодно: одно и то же приспособленіе оказывается и орудіемъ непосредственной борьбы съ окружающей средою, и организующей формою цѣлаго ряда такихъ непосредственныхъ приспособленій.

Соціально-организующія формы не представляютъ исключенія: онѣ также имѣютъ общее происхожденіе съ соціально-техническими, нерѣдко изъ нихъ возникаютъ путемъ простого ихъ видоизмѣненія, или даже просто *совпадаютъ* съ ними. Напр., одинъ и тотъ же крикъ у стадныхъ животныхъ, и также у людей можетъ служить и средствомъ устрашенія нападающихъ враговъ, т. е. орудіемъ непосредственной борьбы, и призывнымъ сигналомъ для другихъ членовъ группы, т. е. организующимъ приспособленіемъ 1-го типа, способомъ непосредственнаго общенія.

Вообще же «идеологическія приспособленія» представляютъ изъ себя комбинаціи—большей частью болѣе сложныя—тѣхъ же элементовъ, которые имѣются въ «техническихъ формахъ», въ приспособленіяхъ для непосредственной борьбы съ внѣшней природою. Мимика, крикъ, слово возникли, какъ результатъ своеобразнаго развитія нѣкоторыхъ элементовъ непосредственно-трудовыхъ реакцій. Въ языкѣ жестовъ у первобытныхъ племенъ (и у дѣтей живого темперамента) многія «обозначенія» сводятся просто къ сокращенному, неполному воспроизведенію трудовыхъ актовъ. Языкъ же звуковъ первоначально создался главнымъ образомъ изъ «сочувственныхъ движеній», связанныхъ съ «соціально-техническими» актами людей, точнѣе даже—составляющихъ неотдѣлимую, хотя бы непосредственно и безполезную часть трудовыхъ комплексовъ («иррадіація» нервнаго возбужденія въ силу физіологической связи нервныхъ центровъ). Геніальная теорія происхожденія корней, предложенная Нуаре, принятая и популяризированная Максомъ Мюллеромъ,—учеными, не имѣвшими по основамъ міровоззрѣнія ни-

Digitized by Google

чего общаго съ историческимъ матеріализмомъ,—превосходно выясняетъ, какимъ образомъ первобытный языкъ возникалъ прямо изъ процессовъ коллективнаго труда людей. Простѣйшія идеологическія формы—формы прямого общенія—этимъ путемъ всецѣло сводятся къ «техническому» генезису. А такъ какъ «слово» и «понятіе» генетически-тожественны, и разграничиваются лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія,—какъ это показалъ хотя бы тотъ же Максъ Мюллеръ,—то нѣтъ даже надобности спеціально разыскивать «техническіе» корни формъ познавательныхъ, элементомъ которыхъ является «понятіе». Наконецъ, формы нормативныя не заключаютъ въ себѣ также никакихъ иныхъ элементовъ, кромѣ тѣхъ же самыхъ понятій (и ихъ комбинацій—сужденій) плюсъ элементы дѣйствій, связанныхъ съ ними (или «стремленій»—начальная психическая фаза «дѣйствій»).—Слѣдовательно, идея общаго генезиса «идеологіи» и «техники», при *первичномъ* характерѣ развитія этой послѣдней, не встрѣчаетъ эмпирически-обоснованныхъ возраженій.

Впрочемъ, для признанія вѣрности такого взгляда было бы, въ сущности, достаточно того факта, что и техническія приспособленія, и приспособленія идеологическія слагаются изъ *психофизіологическихъ* комплексовъ; а между тѣмъ ни физіологія, съ ея развитіемъ организма изъ одной недифференцированной клѣтки, ни психологія, съ ея всеохватывающей ассоціативной связью всевозможныхъ психическихъ комплексовъ, не оставляютъ никакого мѣста для коренныхъ генетическихъ различій *).

---

*) (Конкретнѣе о генетической связи двухъ областей соціальнаго процесса см. мою работу „Изъ психологіи общества", стр. 77—81).

Читатель, можетъ быть, найдетъ въ этихъ главахъ утомительными крайне сжатыя и бѣглыя указанія на обширныя и важныя группы фактовъ, и рядомъ съ этимъ—ссылки на другія мои работы. Но при всемъ желаніи, я не могъ придать изложенію иного характера. Обстоятельно повторять то, что я писалъ уже раньше—было бы крайне неудобно,—да и невыгодно для систематичности изложенія, для его пропорціональности въ рамкахъ небольшой работы. Непріятная же для меня необходимость ссылаться на свои собствен-

Digitized by Google

IV.

Итакъ, происхожденіе всего идеологическаго процесса изъ «энергетическаго баланса», процесса техническаго—изъ перевѣса въ немъ «усвоенія» энергіи надъ ея «тратою»,—генетически-вторичный характеръ всѣхъ идеологическихъ приспособленій, и ихъ организующее значеніе въ соціально-трудовой жизни,—таковы тѣ посылки, которыми мы уже располагаемъ для своего анализа.

Изъ генетически-вторичнаго характера «идеологіи» слѣдуетъ, что исходная точка всякаго идеологическаго измѣненія лежитъ въ сферѣ «техническаго процесса»,—то самое основное положеніе, которое формулировалъ историческій матеріализмъ въ иныхъ терминахъ: «ростъ производительныхъ силъ»—это лишь нѣсколько отвлеченное выраженіе прогресса соціальной техники, а то, что обозначаютъ именемъ «экономики»—это пограничная область техническаго и идеологическаго процесса. Но, конечно, намъ не изъ-за чего было бы предпринимать эту работу, если бы весь ея смыслъ сводился къ тому, чтобы только признать то, что уже признано самой прогрессивною научной школою, и подтверждено на конкретномъ матеріалѣ въ цѣлой массѣ ея трудовъ.

«Организующая функція идеологическихъ формъ»—вотъ на чемъ слѣдуетъ теперь остановиться. Что онѣ «организуютъ»?—таковъ первый вопросъ. Отвѣтъ очевиденъ: соціальную жизнь, существующія соціальныя приспособленія. Какія же именно? Если техническія формы суть первичныя, то, очевидно, *ихъ* пер-

---

ныя произведенія вытекаетъ изъ того обстоятельства, что, какъ ни мало, вѣроятно, новаго въ излагаемыхъ мною мысляхъ, но въ *такой* связи и въ *такомъ* освѣщеніи, въ какихъ мнѣ приходится брать ихъ для моей задачи, я не встрѣчалъ или почти не встрѣчалъ ихъ изложенія въ извѣстной мнѣ литературѣ, даже въ наиболѣе мнѣ родственной.

Digitized by Google

воначально и организуютъ идеологическія формы. Въ дѣйствительности, такъ оно и есть, въ чемъ не трудно убѣдиться. Первичные корни человѣческихъ языковъ служитъ для обозначенія *дѣйствій*, непосредственно относящихся къ соціально-трудовому процессу; область *понятій* соотвѣтствуетъ на раннихъ ступеняхъ развитія области словъ, т. е. въ сущности совпадаетъ съ нею; а *нормы обычая* также прежде всего возникаютъ въ области отношеній непосредственной трудовой борьбы за жизнь общества.—Но все это въ первоначальныхъ фазахъ развитія; въ дальнѣйшемъ картина осложняется.

Если организующія приспособленія образуютъ «надстройку» надъ приспособленіями непосредственной жизненной борьбы, то во всѣхъ наиболѣе сложныхъ формахъ жизни надстройка эта является «многоэтажной», и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ сложнѣе жизненное цѣлое. Напр., въ человѣческомъ организмѣ его организующій аппаратъ—нервная система—представляетъ изъ себя нѣсколько рядовъ первныхъ центровъ (для большинства функцій три, четыре ряда), расположенныхъ одни *надъ* другими въ томъ смыслѣ, что центры «низшихъ» рядовъ *подчиняются* центрамъ «высшихъ», т. е. регулируются, контролируются, объединяются этими послѣдними. Высшіе центры служатъ, слѣдовательно, «организующими» для «организующихъ». Совершенно аналогичны отношенія въ соціальной системѣ, только тамъ лѣстница организующихъ приспособленій имѣетъ еще больше ступеней. Для иллюстраціи намъ послужатъ два восходящихъ идеологическихъ ряда, наиболѣе важные въ жизни.

Въ сферѣ познанія существуетъ многостепенная лѣстница *понятій*. Первичныя, простѣйшія понятія имѣютъ наиболѣе элементарное эмпирическое содержаніе, наиболѣе близкое къ конкретной дѣйствительности, т. е. къ непосредственной жизненной борьбѣ. Таковы, исторически, понятія объ обычныхъ трудовыхъ дѣйствіяхъ—элементахъ техническаго процесса; эти понятія наиболѣе непосредственно «организуютъ» трудовой опытъ. Понятія о «предметахъ», даже о такихъ, какъ матеріалы и орудія труда, являются производными уже второго порядка, «органи-

Digitized by Google

зующими» для первичныхъ: «предметъ» есть комплексъ, связанный съ многими различными дѣйствіями, повторяющійся во многихъ различныхъ моментахъ трудового опыта, и потому понятіе того или иного «предмета» есть организующій центръ для цѣлаго ряда понятій, выражающихъ трудовую активность. Напр., понятіе о «топорѣ» (*данномъ*, опредѣленномъ топорѣ) служитъ центромъ для представленія о самыхъ различныхъ дѣйствіяхъ, которыя выполняются надъ топоромъ и при его помощи,—а также, конечно, и для всѣхъ впечатлѣній (воспріятій), неразрывно связанныхъ съ этими дѣйствіями *). Понятіе о такомъ то «деревѣ» ассоціативно объединяетъ всѣ психически-двигательныя реакціи, относящіяся къ данному дереву, и т. д.—Различныя понятія болѣе частнаго характера объединяются понятіемъ обобщающимъ, съ бо̀льшимъ объемомъ и менѣе опредѣленнымъ содержаніемъ: родовыя понятія «топора», «дерева» и т. под. (не *данныхъ* опредѣленныхъ предметовъ, а вообще предметовъ даннаго рода). Въ наукѣ, въ философіи цѣпь обобщающихъ понятій идетъ систематически, звено за звеномъ, выше и выше, восходя къ самымъ общимъ, «все-организующимъ» для человѣческаго опыта понятіямъ; такая же цѣпь создается еще раньше въ «обыденномъ мышленьи», но только гораздо менѣе стройная и законченная, со значительно спутанными звеньями, связывающими комплексы, часто далеко не однородные съ точки зрѣнія «научнаго познанія», (напр. «вещи съѣдобныя», «вещи несъѣдобныя», предметы «дорогіе» или «дешевые» и т. под.) Но способъ образованія спутанной системы понятій обыденнаго

*) Только въ познательно-научной абстракціи создается разграниченіе между воспріятіемъ (или представленіемъ) и дѣйствіемъ (или стремленіемъ). Это — различныя фазы психической реакціи вообще онѣ жизненно нераздѣльны настолько, что даже въ *неполныхъ* психическихъ реакціяхъ не могутъ совершенно отсутствовать элементы того или другого рода. Комплексы соціально-техническіе въ психикѣ каждаго человѣка также, конечно, слагаются изъ тѣхъ и другихъ элементовъ. См. «Познаніе съ истор. точки зр.», стр. 67—78 и «Изъ психол. общества», стр. 78—81.

Digitized by Google

мышленія и стройной системы научнаго мышленія одинъ и тотъ же: объединеніе «организующихъ» опытъ комбинацій другими, «организующими» въ свою очередь первыя. Разница та, что матеріалъ научной системы понятій шире, и что больше соціально-идеологической работы примѣнено къ этому матеріалу;— научная система понятій охватываетъ безчисленные элементы, въ обыденномъ мышленьи разбросанные по различнымъ отдѣльнымъ психикамъ, при чемъ дѣйствіе соціальнаго подбора изъ всей этой массы матеріала сохраняетъ и организуетъ лишь наиболѣе жизнеспособное и наиболѣе устойчивое.

Если мы примемъ во вниманіе, что «обыденное мышленіе» съ его системою понятій обыкновенно продолжаетъ сохраняться на ряду съ «научнымъ», и что въ массѣ случаевъ люди пользуются понятіями перваго типа, при чемъ переходятъ отъ нихъ къ понятіямъ второго типа лишь тогда, когда наталкиваются на противорѣчія или полную недостаточность первыхъ,—то для насъ станетъ ясно, что «научныя» понятія съ полнымъ основаніемъ можно разсматривать, какъ организующія приспособленія по отношенію къ понятіямъ обыденнаго мышленія, стоящимъ на одной съ ними ступени обобщенія.

Такъ цѣпь познательныхъ формъ удваивается и усложняется, переходя въ запутанную идеологическую ткань; но при достаточномъ изслѣдованьи всегда возможно опредѣлить соотношенія тѣхъ или иныхъ элементовъ этой ткани, какъ «организующихъ приспособленій» высшаго и низшаго порядка.

Область отношеній «собственности» послужитъ для насъ другимъ примѣромъ идеологической лѣстницы, какъ ряда ступеней соціально-организующаго процесса.

Первично-организующими формами являются здѣсь тѣ, сумма которыхъ образуетъ «фактическое распредѣленіе собственности» въ данномъ обществѣ. Первоначально «собственность» есть только *фактъ*, а не «право»; это не что иное, какъ постоянное отношеніе опредѣленнаго лица или группы къ опредѣленнымъ объектамъ внѣшней природы въ соціально-трудовомъ процессѣ. Развитіе «организующей нормы» въ схемѣ можно пред-

Digitized by Google

ставить слѣдующимъ образомъ. Данное лицо или группа или родовая община обрабатываетъ данное пространство земли, занимая его безъ всякихъ «юридическихъ» основаній, просто потому, что надо добывать средства къ жизни, земля имѣется на-лицо и никѣмъ не занята. Тутъ еще нѣтъ ничего «идеологическаго», а только—техническій процессъ, его дѣятель—человѣкъ, и его объектъ—природа. Но когда, благодаря размноженію людей, возникаетъ абсолютное перенаселеніе и земельная тѣснота, когда уже нѣтъ возможности для каждаго найти незанятый участокъ, достаточный для его пропитанія, — тогда возникаютъ «трудовыя противорѣчія», захваты земли, уже обрабатываемой другими людьми (или общинами), ограбленіе и т. под. Тогда, какъ организующая форма, устраняющая эти противорѣчія, возникаетъ «право» собственности даннаго лица или общины на данный участокъ земли. Соціально-психологическое содержаніе этого права заключается въ *признаніи* другими людьми исключительнаго трудового отношенія даннаго лица или общины къ данному участку, и въ готовности воспрепятствовать всякому дѣйствію со стороны кого бы то ни было, стоящему въ противорѣчіи съ этимъ исключительнымъ соотношеніемъ. Какъ видимъ, это уже «идеологическій» фактъ, а «организующее» его значеніе для трудовой системы ясно безъ доказательствъ.

Для насъ совершенно не важно, насколько приведенная схема соотвѣтствуетъ историческому началу права собственности, — по всей вѣроятности, собственность на оружіе, орудія, стада и т. под. развилась раньше земельной, — но схема эта рисуетъ вполнѣ точно жизненный смыслъ зарожденія собственности, и связь ея съ техническимъ соціальнымъ процессомъ.

Возникшія такимъ образомъ первично-организующія отношенія собственности отнюдь еще не представляютъ изъ себя «правового принципа»; это только пока еще идеологическіе элементы собственности: общинѣ *A* «принадлежитъ» такое-то пространство земли, которое она обрабатываетъ, семейству *B*— такое-то стадо, которое имъ воспитано, лицу *C*—такое-то орудіе, которое имъ сдѣлано, и т. под. Но съ усложненіемъ обще-

Digitized by Google

ственной жизни эти элементарныя формы оказываются недостаточными, и даже сталкиваются между собою въ возникающихъ вновь жизненныхъ противорѣчіяхъ; напр., стадо, принадлежащее *B*, оказывается пасущимся на полѣ, принадлежащемъ *A*, который и пытается присвоить стадо себѣ, какъ все находящееся на его полѣ; орудіе, принадлежащее *C*, оказывается сдѣланнымъ изъ сломаннаго рога быка, принадлежащаго къ стаду *B*,—что опять подаетъ поводъ къ конфликту, и т. д. Тогда возникаютъ обычно-правовыя «нормы собственности», организующія приспособленія уже высшаго порядка, которыми регулируются первичные элементы собственности. Эти нормы также еще далеко не универсальнаго характера и очень далеки отъ «священнаго принципа собственности», охватывающаго всю соціальную организацію. Онѣ примѣрно такого характера: «земля принадлежитъ тому, кто ее впервые сталъ обрабатывать,—а также и все, что изъ нея выростаетъ, но не то, что случайно попадаетъ на нее»; «орудіе принадлежитъ тому, кто его сдѣлалъ,—но орудіе, сдѣланное изъ завѣдомо чужого, неправильно присвоеннаго матеріала, должно быть отдано владѣльцу этого матеріала» и т. п.

Дальнѣйшее развитіе создаетъ потребность въ организующихъ нормахъ еще высшаго порядка, которыя и вырабатываются съ теченіемъ времени; и цѣпь продолжается вплоть до какого-нибудь послѣдняго, всеобъемлющаго принципа. Въ правѣ «обычномъ» этотъ процессъ не достигаетъ полной законченности, и самыя его нормы не отличаются высшей степенью выработанности и отчетливости. Но все это достигается въ системѣ «права формальнаго», напр., въ писанныхъ законахъ. Отношеніе обѣихъ системъ права до извѣстной степени аналогично отношенію обыденнаго мышленія и научнаго познанія, до извѣстной степени, но не вполнѣ. Анализировать ближе ихъ связь здѣсь, однако, не приходится,—для выясненія основной мысли нашихъ иллюстрацій сказаннаго достаточно *).

*) По поводу послѣдняго примѣра я только сдѣлаю одно замѣчаніе терминологическаго характера. Фактическое распредѣленіе собственности принято обыкновенно относить къ «экономикѣ», ко-

Digitized by Google

Итакъ, по мѣрѣ возникновенія приспособленій различнаго типа, въ силу ихъ взаимныхъ противорѣчій или недостатка связи между ними, возникаетъ также потребность въ организующихъ формахъ высшаго порядка, которыя и вырабатываются соціальнымъ подборомъ. Въ результатѣ получаются восходящія идеологическія цѣпи, обыкновенно переплетающіяся между собою.

V.

Общій генезисъ идеологическихъ и техническихъ формъ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ свою исходную точку такъ далеко отъ насъ въ прошломъ, что мы принуждены искать его не въ историческихъ данныхъ, хотя бы самаго отдаленнаго прошлаго, а—косвеннымъ путемъ—въ дедуктивно-аналитическомъ изслѣдованьи. Этой отдаленностью общаго начала и объясняется господствующее въ обыденномъ мышленіи,—а также и въ болѣе близкой къ нему оффиціальной наукѣ и философіи,—противопоставленіе «матеріальныхъ» и «идеальныхъ» элементовъ соціальной жизни, какъ раздѣленныхъ toto coelo, какъ различныхъ качественно.

торая противополагается «идеологіи»; мы же видѣли, что здѣсь дѣло идетъ объ *идеологическихъ* приспособленіяхъ. «Экономика», вообще, *пограничная область*: подъ этимъ именемъ объединяютъ отношенія сотрудничества (въ производствѣ), съ одной стороны, и отношенія собственности (въ распредѣленіи) съ другой. Первыя представляютъ изъ себя выдѣленную путемъ абстракціи соціальную характеристику непосредственнаго *техническаго* процесса, вторыя — ближайшую къ техническому процессу группу первично-организующихъ *идеологическихъ* комбинацій. Для задачъ экономиста въ его спеціальномъ изслѣдованьи такое объединеніе не связано ни съ какими неудобствами, *по крайней мѣрѣ при изслѣдованьи новѣйшихъ, мѣновыхъ и капиталистическихъ обществъ*. Для нашихъ, философскихъ цѣлей гораздо важнѣе точное разграниченіе техническихъ и идеологическихъ элементовъ въ пограничной области. См. также «Изъ психологіи общества», стр. 36, примѣч.

Digitized by Google

Когда мы говорили: противорѣчія техническихъ комплексовъ, ихъ взаимная неприспособленность порождаютъ потребность въ организующихъ идеологическихъ формахъ, и развитіе создаетъ таковыя,—то вопросъ о непосредственномъ, конкретномъ матеріалѣ, *изъ котораго* развитіе ихъ создаетъ, пріобрѣтаетъ особенное значеніе для убѣдительности эмпиріомонистической концепціи. Мы могли бы, правда, ограничиться сдѣланнымъ выше *общимъ* указаніемъ на отсутствіе качественныхъ различій въ самомъ составѣ формъ того и другого рода. Но это соображеніе не обладаетъ той наглядностью, которая всего быстрѣе и вѣрнѣе уничтожаетъ сомнѣнія. Смѣшно было бы, напр., отстаивать абсолютное различіе между организующимъ аппаратомъ нервной системы и другими органами, если эмбріологія позволяетъ прослѣдить развитіе нервной системы изъ клѣтокъ той же эктодермы, отъ которой происходятъ многіе органы съ самыми «техническими» функціями. Но соціальное развитіе, къ сожалѣнію, не настолько ясно воспроизводится въ индивидуальномъ, насколько біологическое-видовое; и потому здѣсь для «высшаго» или даже «трансцендентнаго» происхожденія идеологіи остается больше простора.

На тѣхъ самыхъ иллюстраціяхъ, которыми мы воспользовались для нагляднаго изображенія идеологическихъ лѣстницъ, я попытаюсь конкретнѣе представить и самое возникновеніе «идеологической ткани» изъ «ткани технической».

Согласно заключеніямъ сравнительной филологіи, въ первобытномъ языкѣ слова выражаютъ дѣйствія, а согласно геніальной теоріи Нуаре самыя эти слова являются *физіологической частью* тѣхъ дѣйствій, которыя они обозначаютъ (или, точнѣе, тѣхъ психо-физіологическихъ комплексовъ, которые соотвѣтствуютъ «дѣйствіямъ»). Техническій, трудовой актъ, какъ нераздѣльное цѣлое, охватываетъ не только тѣ мускульныя сокращенія, которыя непосредственно полезнымъ образомъ измѣняютъ внѣшнія отношенія, но также и всѣ тѣ непроизвольныя мускульныя сокращенія, которыми необходимо сопровождаются первыя (въ силу постоянной нервной иррадіаціи), а

Digitized by Google

также, разумѣется, и тѣ процессы въ центральномъ нервномъ аппаратѣ (или, *что то же*, въ «сознаніи»), которыми обусловливаются всѣ эти мускульныя сокращенія. Теперь, что же представляетъ изъ себя первично-образовавшееся *понятіе*, содержаніемъ котораго служитъ этотъ трудовой актъ? Да только — *сокращеніе этого же трудового акта*. Понятіе это есть неразрывное соединеніе слова съ представленіемъ о данномъ дѣйствіи. Но слово, какъ мы видѣли, первоначально само есть нераздѣльная часть трудового комплекса—именно, входящія въ его составъ непроизвольныя мускульныя сокращенія голосового аппарата; представленіе же о дѣйствіи (включающее въ себѣ и стремленіе его воспроизвести)—это, согласно взглядамъ современной психо-физіологіи, начальная фаза волевого комплекса «дѣйствія», психическое начало самаго дѣйствія *). Такимъ образомъ первичный познавательно-идеологическій элементъ—понятіе—оказывается въ данномъ случаѣ просто сокращенною формою техническаго элемента—трудового акта.

Но «понятіе» есть *организующее* приспособленіе. Почему же сокращенный трудовой актъ можетъ играть организующую роль для полныхъ трудовыхъ актовъ? Да именно въ силу своего «сокращеннаго» характера. Понятіе есть орудіе организаціи опыта,—орудіе объединенія опыта пережитого и регулированья имъ опыта послѣдующаго, т. е. въ конечномъ счетѣ живого труда. Но объединять пережитой опытъ въ психическихъ организмахъ возможно, конечно, только въ сокращенномъ видѣ, ибо психика ограниченна. Планъ города есть очень сильно уменьшенное воспроизведеніе его формы, —и можетъ быть хорошимъ руководителемъ при путешествіи по городу; но если бы планъ былъ точнымъ и равнымъ воспроизведеніемъ самаго города, онъ былъ бы совершенно безполезенъ. Именно «планомъ» соціально-трудового опыта является система понятій.

---

*) То же относится и къ «слову», когда оно не произносится, а только мыслится.

Digitized by Google

Разумѣется, въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества формы познанія усложняются,—и не только понятія высшихъ ступеней обобщенія, но и понятія наиболѣе частнаго содержанія уже не такъ просто сводятся къ «техническому» базису. Но разъ мы убѣдились, что самое начало идеологіи лежитъ не на небѣ, а на землѣ, что ея первый источникъ непосредственно вытекаетъ изъ «техники», то намъ не надо уже детальнаго изслѣдованія—нѣтъ ли гдѣ нибудь въ болѣе высокихъ слояхъ идеологіи чего-нибудь слегка сверхъ-естественнаго, отчасти не сводимаго къ «матеріальному» базису соціальной жизни—техническому процессу.

Перейдемъ къ другой нашей иллюстраціи—къ элементамъ правовой жизни.

Первичнымъ такимъ элементомъ является право собственности даннаго лица (фактически вѣрнѣе—данной родовой группы) на данную «вещь». Сущность этого «права» заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что къ *факту* обладанія и пользованія даннаго лица данной вещью присоединяется активное признаніе этого факта всѣми членами общества—*стремленіе противодѣйствовать* всему, что стояло бы въ противорѣчіи съ этимъ обладаніемъ и пользованіемъ, всякой попыткѣ отнятія и захвата вещи. Что касается самаго *факта* обладанія и пользованія, то въ немъ, первоначально, нѣтъ ничего «идеологическаго»—это явленіе изъ технической области; и только тогда, когда онъ (путемъ «сокращенія») преобразуется въ *понятіе*, тогда передъ нами на ряду съ техническимъ фактомъ оказывается еще и идеологическій,—познавательнаго, а не правового характера. Правовой элементъ заключается въ стремленіи всѣхъ членовъ общества противодѣйствовать отнятію вещи кѣмъ бы то ни было. Но «стремленіе» есть сокращенная форма волевого комплекса «дѣйствія», въ данномъ случаѣ—обобщеніе различныхъ дѣйствій борьбы противъ захвата вещи посторонними лицами. А дѣйствія эти ничего идеологическаго сами по себѣ не представляютъ—это *техническіе акты* борьбы противъ силы, враждебной данному обществу, противъ силы внѣшней

Digitized by Google

по отношенію къ нему природы. Такимъ образомъ и первичные элементы правовой жизни при ближайшемъ анализѣ оказываются генетически-производными элементовъ «техники»— результатомъ одновременно «сокращенія» и объединенія ряда комплексовъ, принадлежащихъ къ техническому типу.

Прогрессивное усложненіе «организующихъ» формъ по мѣрѣ соціальнаго развитія приводитъ къ тому, что на высшихъ ступеняхъ идеологической лѣстницы уже чрезвычайно трудно уловить черты первичнаго «низменнаго» происхожденія идеологіи изъ технически-трудового процесса,—какъ въ нервномъ волокнѣ трудно непосредственно найти черты недифференцированныхъ эмбріональныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ оно произошло. Но эти трудности ничего не мѣняютъ въ принципіальномъ рѣшеніи вопроса, которое одно для насъ важно въ нашемъ *философскомъ* изслѣдованьи соціальной жизни. Это принципіальное рѣшеніе, какъ видимъ, вполнѣ монистично.

VI.

Общество—сложнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ формъ жизни, и даже въ самыхъ раннихъ фазахъ своего существованія оно обладаетъ колоссальнымъ богатствомъ элементовъ развитія, наибольшимъ во всемъ біологическомъ мірѣ. Въ непрерывномъ и многостороннемъ общеніи съ внѣшней природою, вынуждаемомъ жизненной борьбою, соціальный человѣкъ становится, стихійно или сознательно, творцомъ безчисленнаго множества зародышевыхъ комбинацій, стремящихся развиться въ новыя соціальныя формы. Но изъ массы эмбріоновъ и здѣсь—какъ вездѣ въ природѣ— развивается до полной зрѣлости ничтожное число наиболѣе жизнеспособныхъ. Судьбу ихъ рѣшаетъ законъ «подбора».

Самое возникновеніе зародышей новыхъ формъ уже не представляетъ для насъ ничего загадочнаго,—это только измѣненныя комбинаціи существующихъ соціальчыхъ элементовъ, измѣненныя различными воздѣйствіями соціальной и внѣ-соціальной среды. Для насъ важно теперь изслѣдовать моментъ «под-

Digitized by Google

бора»—условія сохраненія и развитія, или ослабленія и разрушенія возникшихъ группировокъ.

Начнемъ съ первично-развивающихся — съ техническихъ приспособленій. Техническій процессъ есть *пограничная область* соціальной жизни съ внѣшней природой. Поэтому новыя формы, здѣсь возникающія, съ двухъ сторонъ подвергаются непосредственнымъ воздѣйствіямъ «среды» — со стороны силъ внѣ-соціальныхъ и со стороны силъ соціальныхъ,—и могутъ сохраняться и развиваться лишь въ томъ случаѣ, если сумма тѣхъ и другихъ воздѣйствій оказывается благопріятной, имѣетъ знакъ «положительнаго подбора». А направленіе обоихъ дѣятелей подбора для одной и той же «технической формы» можетъ быть— и нерѣдко бываетъ—очень различнымъ, и даже прямо противоположнымъ.

Предположимъ, что возникаетъ новый техническій пріемъ, напр., у охотничьяго племени—примѣненіе для стрѣлъ каменныхъ наконечниковъ вмѣсто костяныхъ, у земледѣльческаго— измѣненіе въ сѣвооборотѣ, и т. п. *). Первое условіе для сохраненія и развитія новой формы — это ея непосредственное

---

*) Соціально-техническое приспособленіе заключается отнюдь не въ *орудіи*, а въ его *производствѣ и примѣненіи*; — элементы такого приспособленія суть психо-физіологическіе комплексы въ человѣческихъ организмахъ, а не предметы неодушевленные, не растенія, не животныя... Въ самомъ орудіи нѣтъ ничего соціальнаго, это просто комплексъ изъ внѣшней природы; соціальный же міръ—это высшая форма біологической организованности. Я не стану здѣсь дальше развивать и вновь обосновывать эту слишкомъ простую мысль (см. «Изъ психологіи общества», стр. 53 — 54). Я попрошу только читателя, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, не забывать въ дальнѣйшемъ, что въ вопросѣ о техническомъ развитіи, какъ и о развитіи идеологическомъ, дѣло идетъ о *формахъ человѣческой жизни* а не о чемъ-либо иномъ, и что поэтому здѣсь вполнѣ умѣстны понятія «психическаго подбора», «естественнаго подбора» и т. п. какъ способовъ проявленія «подбора соціальнаго». Выраженіе «развитіе орудій», «развитіе средствъ производства» представляютъ изъ себя только *метафоры*.

Digitized by Google

соотвѣтствіе съ внѣшними условіями среды. Наконечники для стрѣлъ изъ обсидіана могутъ быть гораздо лучше костяныхъ,— однако, употребленіе ихъ не разовьется въ общую техническую форму въ данной странѣ, если обсидіанъ въ ней встрѣчается очень рѣдко, или только случайно привозится въ нее. Замѣнить въ сѣвооборотѣ растеніе *A* растеніемъ *B* можетъ быть очень выгодно для производства, — но и это нововведеніе не распространится въ данномъ обществѣ, пока растеніе *B* въ его системѣ производства является рѣдкостью, или пока его плоды и сѣмена доставляются всецѣло изъ другой страны въ количествѣ, едва достаточномъ для непосредственнаго потребленія. Вообще, первый дѣятель подбора техническихъ приспособленій— это внѣшняя природа, и первый моментъ ихъ подбора—настоящій «естественный подборъ». Въ нашу эпоху всемірныхъ сношеній между людьми и безчисленныхъ техническихъ попытокъ дѣйствіе этого подбора выступаетъ зачастую въ очень наглядной формѣ—при неудачѣ опытовъ акклиматизаціи, попытокъ разработки тѣхъ или иныхъ минераловъ, и т. д. *).

Идемъ далѣе. Пусть со стороны природы внѣ-соціальной развитіе новой технической формы не встрѣчаетъ препятствій. Тогда весь вопросъ сводится къ воздѣйствію соціальной среды— къ «общественному» подбору въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Первымъ условіемъ соціальнаго сохраненія и развитія новой

*) Сюда же относятся и всѣ тѣ «неудачныя изобрѣтенія», которыя, возникая въ головахъ людей, не могутъ реализоваться въ дѣйствительности, потому что заключаютъ въ себѣ ошибку разчета: perpetuum mobile, полеты людей на крыльяхъ, постройка машинъ, которыя не дѣйствуютъ, и т. под. Здѣсь кстати, для выясненія понятій, я обращаю вниманіе читателя на то, что изобрѣтательская дѣятельность въ сферѣ созданія и усовершенствованія непосредственныхъ пріемовъ борьбы съ природой относится къ техническому процессу постольку, поскольку «изобрѣтатель» имѣетъ дѣло только съ внѣшней природой. «Идеологія» начинается тамъ, гдѣ результаты этой дѣятельности соціализируются путемъ *передачи* или соціально регулируются посредствомъ *нормъ*.

Digitized by Google

формы является ея «непосредственная соціальная полезность». Она состоитъ въ томъ, что данное приспособленіе содѣйствуетъ перевѣсу усвоенія энергіи изъ внѣшней природы надъ затратами,—«повышаетъ производительность труда», какъ выражаются экономисты. Это повышеніе создаетъ базисъ для положительнаго подбора, и нетрудно видѣть, какимъ именно образомъ.

Общество состоитъ изъ людей, и общественный подборъ, какъ я уже указывалъ, въ массѣ случаевъ принимаетъ видъ «психическаго подбора». Соціальный перевѣсъ усвоенія энергіи надъ тратою выступаетъ, какъ возрастаніе энергіи психическаго аппарата самихъ членовъ общества; напр., самостоятельный мелкій производитель, благодаря техническому усовершенствованію, достигаетъ прежнихъ результатовъ съ меньшимъ трудомъ, благодаря чему трудовая энергія сберегается и идетъ на возрастаніе жизнеспособности его организма,—или, напр., организаторъ предпріятія съ тою же суммою средствъ, которою онъ располагаетъ, получаетъ больше, тѣмъ прежде, продуктовъ, что увеличиваетъ его власть надъ людьми и надъ природою. Во всѣхъ такихъ случаяхъ имѣются условія для положительнаго психическаго подбора, который и стремится усилить и упрочить въ психической организаціи членовъ общества комплексы, составляющіе въ своей соціальной совокупности *данную техническую форму*. Охотникамъ «пріятно», что они, пользуясь новымъ оружіемъ, чаще и легче убиваютъ дичь, земледѣльцамъ «пріятно», что они при измѣненномъ сѣвооборотѣ получаютъ увеличенное количество продуктовъ,—и это «пріятно» (и его обобщенныя формы—«полезно», «выгодно») означаетъ положительный психическій подборъ, поддерживающій новое приспособленіе.

Но *непосредственной полезностью* новаго приспособленія далеко еще не рѣшается его соціальная судьба, хотя и создается опредѣленная тенденція въ благопріятную для него сторону. На сцену выступаетъ новый моментъ, который я назвалъ бы, заимствуя терминъ изъ механики, «вреднымъ сопротивленіемъ соціальной системы».

Digitized by Google

Уже въ силу одного того факта, что къ старымъ техническимъ формамъ присоединяется новая, хотя и *непосредственно* полезная,—прежнее, исторически сложившееся равновѣсіе общественнаго процесса перестаетъ существовать, оно въ той или иной мѣрѣ «нарушается» новыми комбинаціями, и во многихъ случаяхъ—на практикѣ въ громадномъ большинствѣ ихъ—«нарушеніе» это имѣетъ характеръ нѣкотораго жизненнаго противорѣчія, связаннаго съ извѣстной растратою энергіи цѣлаго.

Можетъ быть, обсидіановые наконечники стрѣлъ и очень хороши,—но они противорѣчатъ обычаямъ, завѣтамъ предковъ, которые учили дѣлать наконечники изъ рыбьихъ костей,—и кромѣ того эти рыбьи кости теперь пропадаютъ даромъ, ихъ не на что употребить. Можетъ быть, перемѣна въ сѣвооборотѣ и обѣщаетъ увеличеніе урожаевъ,—но предки не дѣлали этого, а вѣдь они были мудры и благочестивы, и знали, что Богу угодно; какъ бы не прогнѣвить Бога этимъ баловствомъ. А если при этомъ имѣется еще черезполосица или общинное землевладѣніе съ обычнымъ трехпольемъ или иной системой, требующей въ опредѣленное время превращенія индивидуально-воздѣлываемыхъ полосъ въ общее пастбище,—то почти всякая перемѣна въ сѣвооборотѣ, введенная одними членами общины, чрезвычайно затрудняетъ веденіе хозяйства остальныхъ, живущихъ по старинѣ,—или просто становится невыполнимой.

Все это создастъ почву для другой, отрицательной тенденціи соціальнаго подбора; и если она перевѣситъ первую, положительную тенденцію, возникающую изъ «непосредственной полезности» данной формы, то соціальный подборъ устранитъ эту форму,—что и наблюдается нерѣдко въ дѣйствительности.

Ясно, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ двумя перемѣнными величинами. Одна изъ нихъ—степень «непосредственной полезности» новой технической комбинаціи, другая—степень «дисгармоніи», жизненнаго противорѣчія, вносимаго ею въ соціальное цѣлое. Первая величина опредѣляется сравнительно просто,—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ не возникаетъ особыхъ сомнѣній, увеличиваетъ ли «производительность

Digitized by Google

труда» новый техническій пріемъ, и въ значительной или незначительной мѣрѣ. Вторая величина—«соціальное сопротивленіе»—гораздо сложнѣе, ее труднѣе выразить сколько-нибудь простой формулой. Тѣмъ не менѣе, можно указать два основныя условія, отъ которыхъ зависитъ ея возрастаніе или уменьшеніе.

Первое условіе—это степень «новизны» данной технической формы, или, что то же, степень ея *различія* съ прежними, уже существующими техническими формами, съ которыми она должна сочетаться въ системѣ цѣлаго. Чѣмъ больше это различіе, чѣмъ «непривычнѣе» новая комбинація, тѣмъ, вообще говоря, болѣе значительно то непосредственное сопротивленіе, которое она встрѣчаетъ въ соціальной средѣ. Изобрѣтеніе парохода встрѣчено было самымъ широкимъ непониманіемъ какъ народа, такъ и просвѣщенныхъ людей, вплоть до Наполеона,—и трудности, съ которыми пришлось изобрѣтателю бороться, были громадны *).

Но паровозъ, изобрѣтенный позднѣе, представлялъ изъ себя нѣчто менѣе необычное—сходство съ пароходомъ ставило его ближе къ существующей уже техникѣ, и соціальный успѣхъ былъ достигнутъ легче. Изъ двухъ однородныхъ изобрѣтеній, въ одинаковой мѣрѣ обладающихъ «непосредственной полезностью», больше шансовъ на сохраненіе и развитіе имѣетъ то, которое менѣе «ново» по своему содержанію, которое больше имѣетъ точекъ соприкосновенія со старой техникой. Даже соціально-психологическіе моменты «любопытства» и «интереса къ новому» включаютъ въ себѣ *недовѣріе* и *страхъ* передъ этимъ новымъ, и отсюда—стремленіе отнестись къ нему болѣе познавательно, чѣмъ практически,—т. е. не вводить его въ жизненный обиходъ.

---

*) Первый пароходъ, изобрѣтенный за 100 лѣтъ до Фультона, былъ просто разломанъ толпою, а его изобрѣтателю, Папину, просвѣщенными властями было запрещено примѣнять столь преступный способъ передвиженія. Пароходъ Фультона Наполеонъ I назвалъ «дѣтской игрушкой».

Digitized by Google

Другое условіе, отъ котораго зависитъ сила тенденціи отрицательнаго подбора, это степень *пластичности* соціальной системы. Строеніе общества опредѣляетъ собою большую или меньшую возможность введенія въ него новыхъ комбинацій. Застойное первобытно-родовое общество въ силу основного устройства своей организаціи въ сотни и тысячи разъ менѣе способно *сохраняться, измѣняя свои формы*, чѣмъ современное, капиталистическое. Причиною такой неподвижности является прежде всего бѣдность общаго жизненнаго содержанія, благодаря которой все «новое» имѣетъ очень мало шансовъ найти сколько-нибудь гармонирующіе съ нимъ элементы, и выступаетъ какъ-бы въ роли «инороднаго тѣла», попавшаго въ живой организмъ. Особенно важенъ въ этомъ отношеніи недостатокъ организующихъ формъ—слабое развитіе рѣчи и познанія. Въ отрывочномъ, зародышевомъ мышленіи, ограниченномъ въ силу недостатка словъ и понятій, съ трудомъ укладывается что бы то ни было необычное. Тутъ царствуетъ стихійный консерватизмъ *).

*) Обыкновенно, когда полудикимъ племенамъ приходится поневолѣ слишкомъ быстро усваивать элементы цивилизаціи, начинается прогрессивное вымираніе этихъ племенъ. Было бы ошибочно приписывать этотъ процессъ исключительно водкѣ и сифилису, приносимымъ культурными гостями. Вымираніе наблюдается и тамъ, гдѣ дѣйствіе этихъ факторовъ сравнительно ограниченно, да и нельзя сказать, чтобы дикари отличались вообще слабымъ здоровьемъ. Быстрая ломка формъ жизни, мышленья, привычекъ, напряженное усвоеніе извнѣ навязаннаго «новаго»—все это ведетъ къ колоссальной растратѣ нервной энергіи, къ чрезмѣрной работѣ психической системы, которой ставится задача устранять безчисленныя противорѣчія, возникающія изъ неприспоспособленности старой, консервативной организаціи къ новому, текучему содержанію. Эта чрезмѣрность нервно-психической работы должна, въ силу необходимаго антагонизма между напряженностью психической жизни и генеративной дѣятельности, замедлять размноженіе и понижать жизнеспособность новыхъ поколѣній. Недостаточно пластичная система *гибнетъ* подъ наплывомъ новаго содержанія, которому не въ силахъ оказать достаточнаго сопротивленія.

Digitized by Google

Бѣдность жизненнаго содержанія—не единственное, но, вообще говоря, главное условіе, порождающее недостатокъ пластичности соціальныхъ системъ. Изслѣдовать другія условія намъ здѣсь не приходится, такъ какъ это завлекло бы насъ въ частности. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что одно и то же новое приспособленіе, при данной степени его «новизны», гораздо труднѣе сохраняется и развивается въ болѣе застойной соціальной системѣ, чѣмъ въ болѣе пластичной. Тенденція отрицательнаго подбора въ первомъ случаѣ сильнѣе.

Итакъ, новая техническая форма лишь тогда войдетъ въ соціальную жизнь и сохранится въ соціальной средѣ, когда ея «непосредственная полезность», энергетическій плюсъ жизни, связанный съ нею, перевѣситъ отрицательныя тенденціи подбора, возникающія изъ нарушенія ею исторически даннаго равновѣсія соціальной жизни. Поэтому, между прочимъ, новыя формы жизни легче прокладываютъ себѣ дорогу, когда самое это равновѣсіе становится менѣе устойчивымъ, расшатываемое сильными ударами кризисовъ, революцій, войнъ и т. д.

VII.

«Идеологія» есть одна изъ составныхъ частей—и очень важная—той соціальной среды, отъ которой зависитъ судьба новой формы, технической или идеологической. Консервативное и задерживающее вліяніе идеологіи можетъ быть громадно. Исторія знаетъ примѣры, когда цѣлая культура становилась неспособной къ развитію благодаря тому, что вырабатывала идеологію, исключающую соціальный прогрессъ. Такъ было съ рабовладѣльческой культурой древняго міра, почти такъ—съ феодально-католической культурой Испаніи новаго времени и феодально-бюрократической культурой Китая.

Съ другой стороны, широкая и гибкая идеологія чрезвычайно облегчаетъ развитіе новыхъ формъ и органическое ихъ сліяніе съ соціальнымъ цѣлымъ,—ея организующія формы могутъ сыграть какъ бы роль связующаго звена между «новымъ»,

Digitized by Google

«непривычнымъ» и «старымъ», «привычнымъ». Главную роль въ этомъ смыслѣ играютъ формы познанія: онѣ помогаютъ «понять» и усвоить новое. Многія изобрѣтенія и усовершенствованія погибали потому, что были «непонятны» людямъ своего времени въ силу недостатка знаній.

Одного не можетъ сдѣлать никакая идеологія—*вызвать* развитіе, послужить для него *первичнымъ двигателемъ*. Она не можетъ этого потому, что имѣетъ не прямое, а косвенное отношеніе къ источнику всякаго развитія—къ непосредственной борьбѣ человѣка съ природою. Если иногда принимаютъ, что это не такъ,—что «идеологія» сама можетъ быть настоящей исходной точкою развитія, то это бываетъ обыкновенно, благодаря неясности въ употребленіи термина «идеологія». Всю *научную дѣятельность* людей относятъ къ «идеологіи», а такъ какъ изъ этой дѣятельности, несомнѣнно, исходятъ иногда толчки къ техническому прогрессу, то и приходятъ къ выводу, что идеологія способна быть самостоятельнымъ стимуломъ развитія. Ошибка здѣсь та, что «научная дѣятельность» отнюдь не вся сводится къ «идеологіи».

Всякій «научный» прогрессъ беретъ свое начало въ сферѣ *непосредственныхъ отношеній человѣка съ природою*, въ сферѣ «техническаго опыта». Такимъ «техническимъ опытомъ» является въ одинаковой мѣрѣ и опытъ мастерской, фабрики, полевой работы,—и опытъ лабораторіи, физическаго кабинета, обсерваторіи, геологическихъ раскопокъ, собиранія растеній и ловли птицъ естествоиспытателемъ. Различіе непосредственныхъ цѣлей ровно ничего не измѣняетъ въ самомъ *типѣ* дѣятельности, который и здѣсь и тамъ одинаковъ—именно, непосредственная борьба съ природою. Поэтому «научно-техническій» опытъ есть отнюдь не «идеологическій» опытъ,—«идеологія» начинается здѣсь съ тѣхъ *понятій*, которыя на почвѣ «техническаго» опыта создаются. И если, напр., супруги Кюри въ своей «научной» работѣ открыли радій, примѣненіе котораго, вѣроятно, преобразуетъ цѣлыя обширныя области соціальной техники, то они достигли этого не «идеологическимъ» путемъ

Digitized by Google

чистаго мышленія, а «техническимъ» путемъ анализа веществъ. Ни анализъ химическій, ни анализъ спектральный не представляютъ изъ себя «идеологическихъ» процессовъ, это процессы «техническіе». И даже тамъ, гдѣ объектомъ научнаго изслѣдованія служитъ живое человѣческое тѣло и его функціи, сущность дѣла остается та же: какъ объектъ изслѣдованія, человѣческій организмъ есть комплексъ «внѣшней природы», такой же, какъ тѣ инструменты и машины, которыя при этомъ примѣняются.

Научно-техническій опытъ отличается отъ обыденно-техническаго только систематичностью и планомѣрностью выбора условій, при которыхъ онъ протекаетъ. Благодаря этой особенности, научно-техническій опытъ легче и законченнѣе организуется при помощи «понятій», чѣмъ опытъ обыденно-техническій; съ этой особенностью связана и непосредственная цѣль «научной работы». Въ такомъ именно смыслѣ можно, пользуясь формулой Энгельса, обозначить научно-техническій опытъ, какъ «производство идей», но надо не забывать, что практически это прежде всего все-таки производство извѣстныхъ комбинацій *во внѣшней природѣ*, стало быть, въ то же время— «производство вещей». И если Энгельсъ полагаетъ, что въ соціалистическомъ обществѣ «производство идей», какъ двигатель соціальнаго развитія, получитъ преобладаніе надъ «производствомъ вещей», то это мысль совершенно вѣрная,—но она отнюдь не должна быть понята такимъ образомъ, что роль двигателя соціальнаго развитія перейдетъ къ «идеологіи», а только такимъ, что одна область техническаго процесса при этомъ выступитъ на первый планъ сравнительно съ другой его областью, отнюдь, однако, не отнимая у нея окончательно значенія такого двигателя. *Всюду*, гдѣ человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ природою, изъ этой встрѣчи рождаются стимулы соціальнаго развитія.

Я иллюстрирую отношеніе двухъ областей техническаго опыта однимъ примѣромъ, который показываетъ не только ихъ принципіальную однородность, но и возможность прямого ихъ

Digitized by Google

совпаденія. Какъ извѣстно, въ техникѣ мореплаванія опредѣленіе долготы имѣетъ громадное практическое значеніе; главнымъ инструментомъ для такого опредѣленія является хронометръ, поставленный по нулевому меридіану, а способомъ для такой установки хронометра можетъ служить наблюденіе надъ затменіями спутниковъ Юпитера, въ связи съ соотвѣтственными таблицами. Когда капитанъ направляетъ на Юпитера свой телескопъ, онъ въ точности повторяетъ то, что 300 лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ впервые Галилей; и хотя одинъ ставитъ себѣ «обыденно-техническую» цѣль найти дорогу и избѣгнуть рифовъ, тогда какъ другой ставилъ себѣ «научно-философскую» цѣль—проникнуть въ природу вещей,—*непосредственно-техническое* содержаніе ихъ дѣйствій одинаково: въ обоихъ случаяхъ при помощи опредѣленныхъ пріемовъ и орудій вносится измѣненіе въ непосредственныя отношенія человѣка съ природою. Доставка лучей планеты къ человѣческому глазу въ увеличенномъ количествѣ и съ измѣненнымъ взаимнымъ отклоненіемъ посредствомъ телескопа,—отличается ли это по существу отъ доставки химической энергіи для человѣческихъ организмовъ въ измѣненной для лучшаго усвоенія комбинаціи посредствомъ орудій добыванія пищи и кухонныхъ приспособленій? Если это сравненіе и заставитъ читателя улыбнуться, благодаря тому, что оно непривычно, то оно не станетъ отъ этого менѣе справедливымъ, какъ и старая идея о переходѣ энергіи солнечныхъ лучей въ химическую энергію огурца.

Превращеніе опыта обыденно-техническаго въ научно-техническій и обратно есть особенно характерная и постоянная черта машиннаго производства *).

Я считалъ необходимымъ остановиться на этомъ вопросѣ для того, чтобы отчетливымъ выясненіемъ понятій устранить всякую возможность смѣшенія въ дальнѣйшемъ анализѣ «идес-

*) Нѣкоторыя еще изъ относящихся сюда соображеній см. «Изъ психологіи общества», стр. 83—85, гдѣ весь вопросъ затронутъ въ болѣе популярной формѣ.

Digitized by Google

логіи» съ *научной техникой*. Врядъ ли какому другому понятію пришлось пережить столько путаницы, какъ понятію «идеологіи». До сихъ поръ многіе даже изъ довольно ученыхъ «критиковъ» историческаго монизма упорно смѣшиваютъ «идеологическое» съ «психическимъ». Тѣмъ болѣе вѣроятны недоразумѣнія съ болѣе тонкими различіями.

VIII.

Переходя къ подбору формъ идеологическихъ, надо прежде всего отмѣтить исключительную роль соціальной среды въ этомъ подборѣ. По отношенію къ формамъ техническимъ мы видѣли, что тамъ первымъ непосредственнымъ факторомъ подбора является среда внѣ-соціальная. Для развитія формъ идеологическихъ она такого непосредственнаго значенія не имѣетъ; она вліяетъ на нихъ только *черезъ техническій процессъ*.

Это положеніе вытекаетъ изъ того факта, что идеологія стоитъ не въ прямомъ, а въ косвенномъ отношеніи къ борьбѣ общества съ природою, къ той борьбѣ, которая лежитъ въ основѣ «естественнаго» подбора формъ жизни. Между природою и соціально-организующими приспособленіями стоятъ приспособленія «организуемыя». Вслѣдствіе этого подборъ идеологическихъ формъ имѣетъ болѣе узкій, я бы сказалъ—болѣе односторонній характеръ: это только соціальный подборъ.

Нетрудно опредѣлить основное направленіе той линіи, по которой идетъ дѣйствіе соціальнаго подбора въ идеологической области. Въ многоэтажной идеологической надстройкѣ это направленіе снизу вверхъ, отъ технической жизни къ высшимъ, всеохватывающимъ организующимъ формамъ, къ «послѣднимъ обобщеніямъ» въ познаніи, къ «основамъ конституціи», въ правовой жизни, къ «нравственному идеалу» въ этической и т. д. Если стимулы развитія исходятъ изъ техническаго процесса, то раньше всего они должны дѣйствовать на непосредственно связанныя съ нимъ первично-организующія приспособленія; и только тогда, когда измѣнятся эти послѣднія, должны

Digitized by Google

оказаться неприспособленными къ нимъ, подвергнуться измѣненіямъ и дѣйствію подбора формы, *ихъ* организующія—идеологическіе комплексы второго порядка, и т. д. Такова, какъ мы сказали, *основная* линія соціальнаго подбора. Прямымъ выводомъ изъ нея является *возрастаніе консерватизма идеологическихъ формъ по направленію снизу вверхъ, отъ организующихъ приспособленій низшаго порядка къ высшимъ.*

Все это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что наблюдается въ дѣйствительности. По отношенію къ области познанія — вся исторія науки можетъ служить иллюстраціей. Реформа сложившейся системы понятій всегда идетъ снизу. Сперва идетъ накопленіе частныхъ фактовъ, не укладывающихся въ рамки системы; но вначалѣ этого несоотвѣтствія просто не замѣчаютъ. Затѣмъ, когда изъ новыхъ фактовъ образуются обобщенія, явно не сходящіяся съ частными обобщеніями имѣющейся системы, тогда люди начинаютъ высказывать недоумѣніе и ставить вопросы; а система, какъ цѣлое, всетаки продолжаетъ сохраняться. Ея частныя положенія исправляютъ и подправляютъ, чтобы сгладить противорѣчія,—а ея высшіе принципы остаются незыблемы. Только когда ихъ несоотвѣтствіе съ преобразованнымъ базисомъ системы становится слишкомъ рѣзкимъ, тогда и высшіе принципы пріобрѣтаютъ характеръ «спорныхъ», оказываются подъ знакомъ вопроса,—что означаетъ уже начало «отрицательнаго подбора». Но рѣшающимъ моментомъ для этого подбора является возникновеніе новыхъ «высшихъ принциповъ», такой же степени широты и общности, какъ старые, и въ то же время вполнѣ гармонирующихъ со всей суммой фактовъ и частныхъ обобщеній, охватываемыхъ системою. Для старыхъ высшихъ формъ наступаетъ эпоха безнадежной конкурренціи, въ которой онѣ, наконецъ, и погибаютъ.

Въ сферѣ отношеній собственности наблюдается аналогичный порядокъ. Начинается дѣло съ измѣненія фактическихъ отношеній собственности—измѣняется ея конкретное распредѣленіе между лицами и группами и конкретное «экономическое» содержаніе связи между ними и «вещами», составляющими ихъ

Digitized by Google

собственность. Затѣмъ реформируются частныя нормы обычая и права, которыми систематизируются и регулируются ближайшимъ образомъ эти отношенія,—издаются, напр., отдѣльные законы, соотвѣтственные измѣнившимся экономическимъ условіямъ. Затѣмъ только вовлекается въ преобразующій процессъ «конституція» общества, основные принципы его правовой организаціи.

Если я очень бѣгло и въ самыхъ общихъ чертахъ набрасываю въ обѣихъ иллюстраціяхъ связь и послѣдовательность соціальнаго развитія, то это потому, что, подходя ближе къ вопросу, мы неминуемо встрѣчаемся съ очень важнымъ для насъ его усложненіемъ, вытекающимъ изъ далеко не полнаго единства соціальной системы,—для новѣйшихъ и древнихъ культурныхъ обществъ, изъ дробленія на классы, приводящаго къ одновременному существованію различныхъ идеологическихъ системъ, къ ихъ борьбѣ и къ неодинаковому направленію ихъ развитія. Мы и вернемся потомъ къ разсмотрѣнному здѣсь вопросу, когда нашъ анализъ будетъ расширенъ введеніемъ въ него понятія «классовъ» и «классового развитія».

Но уже сейчасъ мы должны остановиться на другомъ усложненіи вопроса.

IX.

«Многоэтажность» идеологической надстройки, направленіе основной линіи ея развитія снизу вверхъ и возрастаніе консерватизма формъ въ этомъ же направленіи объясняютъ одинъ изъ замѣчательныхъ жизненныхъ парадоксовъ, съ которымъ встрѣчается теорія соціальнаго развитія. Именно, въ то самое время, когда реальныя основы сложной идеологической системы уже исчезаютъ, и даже въ наибольшей части исчезли,—въ верхнихъ слояхъ идеологіи развитіе соотвѣтствующихъ имъ идеологическихъ формъ еще продолжается и завершается. Такъ, религіозная догматика католицизма заканчивала свое развитіе, а ея высшій—авторитарный—принципъ получилъ наиболѣе пол-

Digitized by Google

ную и чистую формулировку уже тогда, когда феодальный базисъ католицизма былъ разрушенъ на 99/100, и новыя формы жизненной борьбы порождали новыя понятія. Въ государствахъ новаго времени бюрократически-абсолютистская конституція и ея теорія достигаютъ своего предѣльнаго развитія — въ системѣ, формально тожественной съ азіатскимъ деспотизмомъ,—уже тогда, когда отношенія производства требуютъ совершенно иныхъ государственныхъ формъ, и т. под. Въ нижнихъ слояхъ идеологіи начинается новая линія развитія, въ верхнихъ—продолжается прогрессивно-поступательное движеніе по старой линіи. Роль соціальнаго подбора оказывается рѣзко-двойственной, и это потому, что непосредственная соціальная среда для различныхъ слоевъ идеологіи различна.

Для низшихъ слоевъ надстройки эту среду образуютъ съ одной стороны техническія формы, съ другой—ближайшія высшія изъ идеологическихъ. Для высшихъ слоевъ—ближайшія низшія идеологическія формы и формы еще высшія. Когда непосредственная среда низшихъ слоевъ уже успѣла съ одной стороны («снизу») преобразоваться и значительно преобразовать ихъ, среда высшихъ слоевъ остается еще прежняя, и вліяетъ на ихъ выработку въ прежнемъ направленіи.

Все это естественно вытекаетъ изъ той закономѣрности, которую мы обозначили, какъ «основную линію идеологическаго развитія». Но на почвѣ соціальнаго подбора *изъ нея* возникаетъ еще другая, производная закономѣрность—«производная линія идеологическаго развитія», съ обратнымъ первой направленіемъ.

Какъ мы только что указали, ближайшая и непосредственная соціальная среда каждаго даннаго слоя идеологической надстройки, та среда, отъ которой наиболѣе прямымъ образомъ должно зависѣть его развитіе, слагается изъ слоя, лежащаго ниже, и лежащаго выше, изъ формъ, *имъ* организуемыхъ, и формъ, *его* организующихъ. Къ той и другой части своей среды онъ и долженъ приспособляться въ процессѣ подбора.

Вслѣдствіе этого мы имѣемъ основанія ожидать, что дан-

Digitized by Google

ная идеологическая форма, или данная группа ихъ, принадлежащая къ одному и тому же слою, должны измѣниться не только въ томъ случаѣ, если преобразуется *ниже* находящійся слой, но и въ томъ случаѣ, если въ силу какихъ-либо причинъ измѣнится находящійся *выше*. При какихъ же условіяхъ это бываетъ?

По мѣрѣ развитія общества, техническій процессъ, расширяясь и разрастаясь по различнымъ направленіямъ, превращается въ крайне сложную, развѣтвленную систему; различныя его области настолько дифференцируются одна отъ другой, что ведутъ до извѣстной степени самостоятельное существованіе. Напр., въ наше время при сильно развитомъ общественномъ раздѣленіи труда, сельское хозяйство живетъ въ значительной степени иной жизнью, чѣмъ обрабатывающая промышленность, торговля иной жизнью, чѣмъ ученый міръ, и т. д. Въ средніе вѣка феодальныя формы существованія деревни шли рядомъ съ мелко-буржуазнымъ развитіемъ городовъ и т. под. Совершенно естественно, что каждая такая область соціально-технической системы вырабатываетъ и до извѣстной степени отдѣльную идеологію, какъ это легко видѣть на всѣхъ приведенныхъ нами примѣрахъ. Своеобразіе возникающихъ такимъ образомъ «организующихъ» надстроекъ обнаруживается на всемъ ихъ протяженіи, отъ самыхъ нижнихъ до самыхъ верхнихъ звеньевъ. Такимъ образомъ даже послѣднее, «все-организующее» звено этой цѣпи, можетъ заключать въ себѣ слѣды своего происхожденія изъ опредѣленной области соціальнаго процесса.

Вполнѣ естественно, что развитіе идеологическаго ряда совершается въ различныхъ областяхъ соціальной жизни не съ одинаковой энергіей и полнотой. Та область, въ которой оно идетъ всего быстрѣе и интенсивнѣе, пріобрѣтаетъ раньше всѣхъ другихъ *законченныя* идеологическія системы, познавательныя или нормативныя. Въ другихъ областяхъ аналогичныя системы оказываются въ это время еще неполными—лишенными высшихъ организующихъ формъ. Но такъ какъ жизненная отдѣльность всѣхъ

Digitized by Google

этихъ областей весьма относительна, и рядомъ съ нею имѣется болѣе или менѣе тѣсная жизненная связь между ними,—и такъ какъ всякая организующая форма, если она упрочивается и развивается, имѣетъ тенденцію охватывать неопредѣленно широкое содержаніе,—то происходитъ во многихъ случаяхъ прямое объединеніе незаконченныхъ идеологическихъ рядовъ съ законченными: высшія организующія формы этихъ послѣднихъ становятся таковыми же и для первыхъ, функціонально замѣняютъ собою ихъ недостающія звенья,—явленіе, для котораго имѣется много аналогій въ біологическомъ мірѣ.

Но при этомъ неизбѣжно должно произойти взаимное приспособленіе между высшими объединяющими формами, и тѣми низшими, которыя теперь попали въ сферу ихъ организующей функціи. Принимая во вниманіе особенно значительный консерватизмъ высшихъ формъ, легко себѣ представить, что приспособленіе это сведется въ большинствѣ случаевъ къ измѣненію именно низшихъ, болѣе частныхъ формъ; при этомъ онѣ будутъ измѣняться въ такомъ направленіи, чтобы создалась полная гармонія между ними и высшими организующими формами. Очевидно, что этотъ процессъ приспособленія низшихъ слоевъ идеологіи къ высшимъ въ данной области можетъ продолжаться и дальше внизъ *вплоть до техническихъ формъ* этой области. Такъ возникаетъ вторая, производная линія идеологическаго развитія—сверху внизъ.

Иллюстрацій этого процесса можно указать сколько угодно. Въ первый разъ, когда мнѣ пришлось обратить на него вниманіе, я приводилъ примѣры исключительно изъ области формъ мышленія: авторитарный *дуализмъ организаторской и исполнительской функціи*, идеологія котораго, сложившись въ сферѣ основныхъ отраслей коллективнаго труда, распространилась затѣмъ на всѣ области техническаго и идеологическаго опыта, такъ что всякое явленіе дѣйствительности стало познаваться въ удвоенномъ образѣ, какъ сочетаніе «тѣлеснаго» и «духовнаго» или «видимости» и «сущности» и т. под.; метафизическій формализмъ пустыхъ абстракцій, словесно объединяющихъ

Digitized by Google

противорѣчивое содержаніе, исходная точка котораго лежитъ въ соціальной связи и соціальныхъ противорѣчіяхъ рынка, и который наложилъ свою печать на все обыденное, научное, философское мышленіе буржуазнаго міра; энергетическій монизмъ, возникшій изъ техническаго опыта машиннаго производства, и стремящійся въ наше время преобразовать всѣ области научнаго,—а за нимъ, конечно, и обыденнаго мышленія и т. под. *). Но то же самое наблюдается и столь же часто, въ сферѣ «нормативной» идеологіи—обычая, права, нравственности.

Такъ, строгое право собственности новаго времени, соотвѣтствующее собственности по римскому праву, сложилось, несомнѣнно, въ сферѣ обмѣна, торговли, торговаго капитала и зародышей промышленнаго капитала; въ деревнѣ, съ ея въ первые вѣка новаго времени все еще натурально-хозяйственными отношеніями, существовали совершенно иные обычно-правовые элементы собственности и ея не систематизированныя нормы. Чѣмъ болѣе тѣсной становилась экономическая связь торгово-промышленнаго и земледѣльческаго міра, чѣмъ шире и глубже ихъ общеніе, тѣмъ въ большей мѣрѣ проникали въ сельско-хозяйственный міръ новыя правовыя нормы и,—сверху внизъ преобразуя отношенія собственности,—сильно ускоряли коренную реформу всей этой сферы соціальной жизни, вплоть до ея техническихъ формъ. Аналогичнымъ образомъ и нравственный идеалъ мѣщанства—идеалъ «абсолютной справедливости», подъ которой скрывается просто точный обмѣнъ эквивалентовъ,—возникши изъ отношеній мелкаго обмѣна, захватываетъ затѣмъ въ сферу своего вліянія всѣ остальныя жизненныя отношенія мѣщанства—отношенія семьи, дружбы, любви, идейнаго общенія людей: всюду проникаетъ оцѣнка человѣческихъ чувствъ и дѣйствій съ точки зрѣнія единаго высшаго принципа—«все должно оплачиваться, ничего даромъ!».

*) См. «Изъ психологіи общества»—вся статья «Авторитарное мышленіе» (стр. 95—157), и еще раньше—«Познаніе съ истор. точки зрѣнія» (стр. 187—213).

Digitized by Google

Можно было бы привести еще другія иллюстраціи, но настоящимъ ихъ полемъ является ученіе о классахъ и классовой психологіи, безъ котораго даже приведенные нами примѣры не могутъ быть поняты во всей полнотѣ. Тамъ мы и вернемся къ этому вопросу, а пока отмѣтимъ одно интересное и важное «превращеніе» двухъ линій идеологическаго развитія, основной и производной.

Это общіе научные методы, *индукція* и *дедукція*.

X.

Имѣя своимъ базисомъ весь техническій опытъ (какъ «обыденно-техническій», такъ и спеціальный «научно-техническій»), наука стремится планомѣрно организовать его въ гармоничныхъ и стройныхъ формахъ познанія. Слѣдовательно, она сознательно и систематически выполняетъ процессъ выработки опредѣленныхъ идеологическихъ рядовъ. Но сознательное творчество организующихъ формъ не имѣетъ иныхъ способовъ и путей, чѣмъ творчество стійхійное, и необходимо его воспроизводитъ, только въ болѣе гармоничномъ и болѣе сокращенномъ видѣ. *Индукція* и представляетъ изъ себя такое «идеализированное» воспроизведеніе *основной* линіи стихійнаго идеологическаго развитія, линіи, идущей отъ «болѣе частнаго» къ «болѣе общему», отъ организующихъ комбинацій болѣе узкаго къ комбинаціямъ болѣе широкаго значенія, словомъ отъ «низшихъ» формъ къ «высшимъ». Такое значеніе индукціи слишкомъ очевидно, чтобы на немъ надо было спеціально останавливаться. И совершенно въ такомъ же отношеніи находится *дедукція* къ *производной* линіи идеологическаго развитія, идущей отъ «общаго» къ «частному» или «сверху внизъ». И условія, и способъ примѣненія дедукціи сразу обнаруживаютъ это коренное тожество.

Дедукція примѣняется тогда, когда для извѣстной суммы эмпирическаго содержанія, или для извѣстнаго количества объединяющихъ его частныхъ формъ не хватаетъ гармонически

Digitized by Google

объединяющей ихъ общей формы, когда, напр., неизвѣстно, по какому «закону» происходятъ данныя «явленія». Тогда въ качествѣ этой общей формы пытаются примѣнить уже выработанную въ какой-нибудь смежной области опыта, и выясняютъ, получается ли при этомъ познавательное противорѣчіе, или наоборотъ, познавательная гармонія, возрастаніе возможности охватить опытъ организующими формами. Въ послѣднемъ случаѣ дедукція выполнена успѣшно, познавательная связь установлена, и частныя познавательныя формы, которыя требуется организовать, реформируются, приспособляясь къ тѣмъ высшимъ и болѣе общимъ, съ которыми онѣ этимъ путемъ объединились.

На примѣрѣ всего лучше можно пояснить сущность дѣла. Пусть въ области наблюденій надъ неорганической природою путемъ долгой и трудной индукціи пришли къ одному изъ конечныхъ обобщеній химіи и физики, а именно—къ идеѣ «вѣчности матеріи». По отношенію къ живой матеріи въ физіологическихъ процессахъ вопросъ, положимъ, еще не изслѣдованъ, и общаго закона ея количественныхъ измѣненій еще не получено. Тогда возникаетъ стремленіе примѣнить къ данной области опыта уже выработанную въ смежной области идею,—и здѣсь подчинить ей имѣющіяся уже наблюденія и частныя обобщенія. Но при этомъ самыя обобщенія должны преобразоваться подъ вліяніемъ новой, «организующей» идеи. Напр., эмпирическое обобщеніе—«когда животное голодаетъ, вѣсъ его тѣла уменьшается»—пріобрѣтаетъ такой новый видъ: «когда животное голодаетъ, вѣсъ его уменьшается на совершенно такую же величину, на какую возрастаетъ вѣсъ окружающей его среды». Это преобразованіе и есть результатъ «дедукціи». Но вопросъ заключается въ томъ, будутъ ли жизнеспособны преобразованныя такимъ способомъ обобщенія,—а это значитъ, будутъ ли они дѣйствительно «организовать» тотъ опытъ, который они охватываютъ, и не окажутся ли въ противорѣчіи съ нимъ. Въ первомъ случаѣ «дедукція подтверждается на опытѣ», во второмъ «дедукція опровергается опытомъ». Это такъ назы-

Digitized by Google

ваемая «провѣрка дедукціи»; выполненная сознательно и планомѣрно она быстро рѣшаетъ вопросъ о жизненной связи даннаго «общаго закона» съ данной «частной областью опыта». Въ нашемъ примѣрѣ эта провѣрка, сводящаяся къ технически-простымъ опытамъ—къ помѣщенію голодающаго животнаго въ замкнутую и легко поддающуюся взвѣшиванью среду, въ какой-нибудь большой герметически закрытый ящикъ, съ приспособленіями, гарантирующими возможность дыханія,—эта провѣрка приводитъ къ «подтвержденію дедукціи», и все ученіе объ органическомъ мірѣ преобразуется настолько, насколько этого требуетъ подчиненіе его закону «вѣчности матеріи».

Если въ научной дедукціи такая провѣрка происходитъ *сознательно* и *планомѣрно*, то въ стихійно протекающемъ идеологическомъ творчествѣ она совершается стихійно, но и тамъ она во всѣхъ соотвѣтствующихъ случаяхъ неизбѣжна и жизненно необходима. Когда, согласно закону «производной линіи идеологическаго развитія», какая-нибудь высшая организующая форма, познавательная или правовая, или нравственная, и т. под., «распространяется» на ту или иную область соціальной жизни, то соціальная судьба этихъ преобразованій и является *жизненной провѣркой* для данной высшей формы въ данной области. Напр., если принципъ собственности въ его крупно-буржуазной формѣ распространяется на жизнь деревни, еще не вышедшей изъ фазы феодально-общиннаго строенія съ небольшой примѣсью мелко-буржуазныхъ элементовъ,—то легко можетъ случиться, что преобразующая тенденція новой формы собственности вызоветъ сильный отрицательный подборъ, благодаря своему противорѣчію съ техническимъ и экономическимъ содержаніемъ, которое она должна организовать. Тогда она и «не привьется» въ этой области, пока не произойдутъ достаточныя и благопріятныя для нея измѣненія въ самомъ базисѣ деревенской жизни, и отрицательный подборъ не смѣнится положительнымъ.

Хотя высшія идеологическія приспособленія отличаются болѣе значительнымъ консерватизмомъ, чѣмъ низшія, но все-же

Digitized by Google

и ихъ консерватизмъ, разумѣется, не абсолютный. Поэтому тамъ, гдѣ они переносятся изъ той области, въ которой возникли, въ иную, порождая, такимъ образомъ, «производную линію идеологическаго развитія», они не всегда только *преобразуютъ* низшія формы, но нерѣдко, въ большей или меньшей степени, *сами преобразуются* ихъ вліяніемъ. То же самое и въ «дедукціи»: *провѣрка* дедуктивныхъ примѣненій какого-нибудь закона приводитъ зачастую къ измѣненію его формулы—обыкновенно, въ смыслѣ большей широты и точности. Такъ принципъ равенства дѣйствія и противодѣйствія, установленный Ньютономъ для механики, распространившись, въ XIX вѣкѣ, на другія области физическаго опыта, превратился въ принципъ сохраненія энергіи, способный по своей строгости и безпредѣльности примѣненія, стать всеобщею формой мышленія *).

Производная линія идеологическаго развитія, а также и ея частный случай—дедуктивное распространеніе познавательныхъ нормъ за предѣлы области ихъ возникновенія,—наблюдаются *не только тогда*, когда въ извѣстной области трудового опыта не хватаетъ высшихъ организующихъ нормъ, но также и тогда, когда наличныя нормы этого типа оказываются въ противорѣчіи съ измѣнившимся жизненнымъ содержаніемъ, которое онѣ должны организовать. Онѣ въ этомъ случаѣ могутъ быть «вытѣснены» нормами, сложившимися въ другой смежной области, но въ то же время болѣе, чѣмъ онѣ, гармонирующими съ преобразованнымъ базисомъ данной области. Такъ бываетъ особенно часто въ современную эпоху съ ея стремительнымъ развитіемъ, обостряющимъ несоотвѣтствіе между «нижними» и «верхними» идеологическими формаціями. Религіозное міровоззрѣніе русской деревни достаточно соотвѣтствовало техникѣ и экономикѣ эпохи крѣпостного права, но оно уже не подходитъ къ современ-

*) Чтобы не останавливаться на частномъ примѣрѣ, я не вхожу здѣсь въ разъясненіе тожества обоихъ принциповъ. Популярное изложеніе этого вопроса см. мою работу «Основн. элементы истор. взгляда на природу», глава, посвященная «3-ей стадіи развитія причинности».

Digitized by Google

ному содержанію деревенской жизни, съ сильно развитымъ денежнымъ хозяйствомъ и внутренней борьбою. Поэтому оно вытѣсняется «городскимъ» міровоззрѣніемъ, культомъ разума и знанія.

Остается еще прибавить, что производная линія идеологическаго развитія можетъ начинаться, конечно, не только съ самыхъ высшихъ организующихъ формъ, но и съ ниже лежащихъ, болѣе частныхъ, какъ и «дедукція» можетъ имѣть своею исходною точкою отнюдь не одни только высшіе законы или послѣднія обобщенія.

XI.

Хотя производная линія идеологическаго развитія направляется отъ высшихъ организующихъ формъ къ низшимъ, и можетъ даже оказать измѣняющее вліяніе на «послѣднія организуемыя»—техническія формы, это, однако, не дѣлаетъ идеологію ни при какихъ условіяхъ *первичнымъ* соціальнымъ двигателемъ развитія. За производною линіей всегда скрывается «основная»; тѣ идеологическія приспособленія, которыя преобразуютъ извѣстную область соціальной жизни «сверху внизъ», давая толчекъ даже ея техникѣ, сами явились результатомъ развитія, идущаго «снизу вверхъ», имѣющаго въ техническомъ процессѣ свою исходную точку. Значитъ, «въ конечномъ счетѣ» и здѣсь начало всему даютъ «техническія» измѣненія; и если мы встрѣчаемся съ процессомъ соціальнаго развитія, идущимъ въ противоположномъ направленіи, отъ идеологическихъ формъ къ техническимъ, то мы не можемъ считать соціально-генетическое изслѣдованье этого процесса выполненнымъ, пока не выяснимъ происхожденія выступающихъ въ немъ идеологическихъ измѣненій, пока не прослѣдимъ это происхожденіе вплоть до «техническаго базиса», его исходной точки.

Такимъ образомъ, изслѣдуя «соціальную среду», какъ условіе развитія (или деградаціи) соціальныхъ формъ, мы должны провести разграниченіе между двумя частями этой среды; всего

Digitized by Google

точнѣе разграниченіе это формулируется слѣдующимъ образомъ: въ процессѣ техническомъ лежатъ соціально-динамическія условія, въ идеологическомъ—соціально-статическія условія развитія формъ человѣческой жизни. Подъ «динамическими» условіями какого-нибудь явленія подразумѣваются тѣ, которыя составляютъ его «энергетическую причину», т. е. процессы, энергія которыхъ служитъ *источникомъ* даннаго явленія; и таково именно значеніе техническаго процесса въ соціальной жизни. Подъ условіями же «статическими» подразумѣваются всѣ остальныя: они оказываютъ вліяніе на ходъ явленія, на его «форму», они «опредѣляютъ» его въ смыслѣ границъ его развитія,—но не они его «вызываютъ», не они даютъ ему начало. Такова роль идеологіи по отношенію къ новымъ соціальнымъ формамъ и ихъ измѣненіямъ.

«Опредѣляющее» значеніе идеологіи въ соціальномъ процессѣ есть именно *ограничительное* и *формирующее* значеніе. Тутъ она оказывается могучимъ дѣятелемъ соціальнаго подбора. Предположимъ, что возникла, въ зародышѣ, новая соціальная форма; пусть это будетъ техническое приспособленіе—новая «машина» (т. е., конечно, производство и примѣненіе машины,—сама же машина, какъ мы знаемъ, вовсе не есть *соціальный* комплексъ). Что эта новая форма возникла изъ техническаго процесса, изъ его потребностей и изъ его матеріала,—этого пояснять и доказывать нѣтъ надобности. Каково же вліяніе существующей идеологіи? Чтобы представить себѣ ясно *ограничительную* сторону этого вліянія, достаточно сопоставить судьбу новой машины при ремесленномъ, капиталистическомъ и соціалистическомъ строѣ.

При ремесленномъ строѣ, съ цеховыми нормами, въ большинствѣ случаевъ *гибель новой формы тѣмъ неизбѣжнѣе, чѣмъ она технически выгоднѣе.* Чѣмъ сильнѣе повышаетъ машина производительность труда, тѣмъ болѣе она «вредна» съ точки зрѣнія цеховой организаціи. Вся система нормативныхъ приспособленій этой организаціи направлена къ точному опредѣленію формъ и границъ трудового процесса;

Digitized by Google

такимъ путемъ достигается устойчивое равновѣсіе мелко-буржуазныхъ ремесленныхъ хозяйствъ, ихъ сохраненіе отъ разрушительныхъ силъ рынка, съ его борьбою и его стихійностью. Машина угрожаетъ этой устойчивости, она нарушаетъ равновѣсіе мелкихъ хозяйствъ, она даетъ просторъ власти рынка надъ ними и при посредствѣ этой власти способна разрушить большинство ихъ, возвысивши взамѣнъ лишь немногія. Поэтому вся идеологія цехового строя рѣзко враждебна машинѣ, и вообще быстрому техническому прогрессу; она *ограничиваетъ* его. Если же она не уничтожитъ какое-нибудь вновь возникшее приспособленіе, то она придастъ ему *своеобразную соціальную форму:* она превратитъ его въ *привилегію* опредѣленной группы хозяйствъ, какого-нибудь «цеха», и установитъ для него рамки и условія его примѣненія въ производствѣ.

Не такова тенденція соціальнаго подбора со стороны идеологической среды того міра, гдѣ царствуетъ капиталъ. Здѣсь машина не встрѣчаетъ такого сопротивленія, которое возрастало бы параллельно ея непосредственной полезности для производства; наоборотъ, сопротивленіе *уменьшается* съ возрастаніемъ этой полезности, и шансы успѣха новой формы увеличиваются. Тѣмъ не менѣе сопротивленіе и тутъ существуетъ. Машина, повышающая производительность труда, не найдетъ себѣ мѣста въ производствѣ, если она *не прибыльна*, т. е. если ея рыночная цѣна не ниже цѣны той рабочей силы, которую она замѣщаетъ. Фетишистическая идея «прибыли» всецѣло господствуетъ надъ мышленіемъ предпринимателя—организатора производства—и опредѣляетъ собою его дѣйствія; все, что стоитъ въ противорѣчіи съ этой идеей, быстро и неизбѣжно устраняется отрицательнымъ подборомъ. Въ результатѣ, какъ извѣстно,—значительное ограниченіе для примѣнимости машинъ, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія капитала, при дешевой рабочей силѣ. И та же высшая капиталистическая идея регулируетъ—хотя и совершенно иначе, чѣмъ цеховыя нормы—все производство и примѣненіе машины, опредѣляетъ конкретную *форму* даннаго техническаго приспособленія:

Digitized by Google

съ точки зрѣнія прибыльности рѣшается вопросъ о матеріалахъ для постройки машины, объ ея размѣрахъ, о количествѣ и качествѣ рабочихъ при ней, о дополнительныхъ приспособленіяхъ въ родѣ регуляторовъ, огражденій и т. д.

Въ соціалистическомъ обществѣ всѣ ограниченія, вытекающія изъ привилегій или изъ подчиненія фетишу прибыли исчезаютъ. Тамъ, въ сознательной и планомѣрной организаціи производства, вопросъ о всякой новой машинѣ рѣшается съ точки зрѣнія ея прямой «полезности».—Но даже тамъ, хотя въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ нашемъ обществѣ, относительный консерватизмъ идеологіи будетъ вліять ограничительнымъ образомъ на примѣненіе новыхъ техническихъ приспособленій: и это вліяніе будетъ становиться ощутельнымъ—иногда даже рѣшающимъ—по отношенію къ такимъ, напр., машинамъ, которыя достигаютъ лишь ничтожнаго повышенія производительности труда, и къ такимъ, полезность которыхъ хотя и вѣроятна, но еще не вполнѣ установлена. Что касается самыхъ формъ осуществленія и примѣненія новыхъ техническихъ комбинацій, то здѣсь большую роль будутъ, по всѣмъ даннымъ, играть *эстетическія нормы* соціальнаго сознанія...

Слѣдовательно, даже тогда «идеологія» останется ограничительной и формирующей, но не самостоятельно движущей силою соціальнаго развитія — «статическимъ», но не «динамическимъ» его условіемъ.

Резюмируя связь и зависимость между «идеологіей» и «техникой» въ процессѣ соціальнаго развитія, мы приходимъ къ слѣдующимъ формулировкамъ:

1. Техническій процессъ есть область непосредственной борьбы общества съ природою, идеологія—область организующихъ формъ соціальной жизни. Въ конечномъ счетѣ, техническій процессъ представляетъ именно то содержаніе, которое организуется идеологическими формами.

Digitized by Google

2. Соотвѣтственно такому соотношенію, техническій процессъ представляетъ основную, идеологія—производную область соціальной жизни и соціальнаго развитія. Энергетически, идеологія обусловлена техническимъ процессомъ въ томъ смыслѣ, что она возникаетъ и развивается за счетъ свойственнаго ему перевѣса ассимиляціи надъ дезассимиляціей. Съ качественной стороны, матеріалъ идеологическихъ формъ также имѣетъ свое начало въ технической области.

3. Развитіе техническихъ формъ совершается подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ какъ подбора «внѣ-соціальнаго» (вліяній со стороны внѣшней природы), такъ и подбора соціальнаго. Развитіе идеологіи непосредственно подчиняется лишь соціальному подбору.

4. Исходная точка всякаго соціальнаго развитія лежитъ въ техническомъ процессѣ. Основная линія развитія идетъ отъ техническихъ формъ черезъ низшія организующія формы идеологіи къ высшимъ. Соотвѣтственно этому, въ томъ же направленіи идетъ возрастаніе консерватизма соціальныхъ формъ.

5. Производная линія соціальнаго развитія, направляющаяся отъ высшихъ организующихъ формъ къ низшимъ и отъ идеологіи къ техникѣ, есть всегда лишь продолженіе и отраженіе основной линіи. Она не только не измѣняетъ относительно бо̀льшей величины консерватизма высшихъ формъ идеологіи, но даже опирается на этотъ консерватизмъ, какъ на свое необходимое условіе.

6. Такимъ образомъ въ техническомъ процессѣ лежатъ динамическія условія соціальнаго развитія и деградаціи, движущія силы этихъ процессовъ, въ идеологіи — статическія условія, силы ограничительныя, регулирующія, формирующія.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ МОНИЗМЪ.

В. Классы и группы.

I.

Въ предыдущей части нашего анализа общество все время разсматривалось какъ одно жизненное цѣлое, съ единымъ направленіемъ подбора его элементовъ—соціальныхъ формъ. Но такая точка зрѣнія законна только до извѣстнаго предѣла; она выражаетъ собою *отвлеченіе* отъ нѣкоторыхъ чертъ, реально выступающихъ въ жизни общества то въ большей, то въ меньшей степени. На дальнѣйшихъ стадіяхъ анализа эти черты должны быть приняты во вниманіе; а онѣ сводятся къ *относительной жизненной отдѣльности* опредѣленныхъ частей общества, и, соотвѣтственно этой отдѣльности, *относительно различному направленію* подбора соціальныхъ формъ въ предѣлахъ этихъ частей.

Первобытное общество, маленькое и тѣсно сплоченное, чуждо раздѣленія на классы; степень его жизненнаго единства подобна той, какая свойственна живому организму,—конечно, не организму высшаго типа, а какому-нибудь изъ низшихъ многоклѣточныхъ, вродѣ кишечно-полостныхъ или лучистыхъ. Начало дробленія общества на классы и соціальныя группы лежитъ тамъ же, гдѣ и начало всякаго вообще соціальнаго развитія—въ техническомъ прогрессѣ. Расширяясь и вростая по различнымъ направленіямъ во внѣшнюю природу, соціально-

Digitized by Google

техническій процессъ подвергся сильной *дифференціаціи*, которая выразилась въ «раздѣленіи труда». Какъ мы видѣли, развитіе техническихъ формъ находится въ зависимости не только отъ «соціальнаго подбора», но также — и прежде всего — отъ подбора «внѣ-соціальнаго», отъ непосредственныхъ воздѣйствій внѣшней природы. Разнообразіе внѣшнихъ природныхъ условій, въ которыхъ приходится выполнять свой трудъ различнымъ членамъ и группамъ разрастающагося и все шире раскидывающагося въ пространствѣ соціальнаго цѣлаго, даетъ исходную точку для развитія «общественнаго раздѣленія труда»- для отдѣленія сельскаго хозяйства отъ обрабатывающей промышленности и отъ горнаго дѣла, а затѣмъ дальнѣйшаго распаденія этихъ отраслей на болѣе мелкія.

Параллельно съ этимъ дробленіемъ общества шло другое, также обусловленное расширеніемъ и усложненіемъ техники, но вытекавшее изъ него инымъ путемъ. Именно, раздѣленіе труда уменьшало степень непосредственной согласованности отдѣльныхъ трудовыхъ функцій и увеличивало непосредственныя противорѣчія техническаго процесса. Отсюда возникла необходимость приспособленія, направленнаго къ непосредственному и систематическому согласованію частей трудового процесса, къ непосредственному и систематическому устраненію выступающихъ въ немъ частныхъ противорѣчій,—и такое приспособленіе выработалось въ видѣ отдѣленія организаторской функціи отъ исполнительской.

«Организаторъ» трудового процесса представляетъ изъ себя персональную форму «организующаго приспособленія», какъ «идеологія» — форму безличную. Въ развитіи жизни очень часто бываетъ, что однородныя функціи выполняются органами, въ высшей степени неоднородными по своему генезису и по самому типу своего устройства. Впрочемъ, есть, конечно, и разница въ характерѣ «организующихъ» функцій организатора человѣка, и какой-нибудь «идеи» или «нормы»: въ первомъ случаѣ эта функція имѣетъ болѣе непосредственный, болѣе живой и текучій характеръ. Каждое «распоряженіе» организа-

Digitized by Google

тора есть какъ-бы «норма», созданная имъ для *даннаго частнаго* случая, тогда какъ даже наиболѣе скромная по жизненному значенію норма идеологическая охватываетъ цѣлый неопредѣленный рядъ частныхъ случаевъ. Зато дѣятельность организатора несравненно полнѣе охватываетъ каждый частный случай, къ которому относится, и можетъ опредѣлить его собою всецѣло,—а идеологическая безличная форма всегда опредѣляетъ тотъ или иной соціальный фактъ лишь частично, захватываетъ лишь какую-нибудь одну его «сторону» или особенность. Коренное же сходство обоихъ типовъ «организующихъ соціальныхъ приспособленій» выражается и въ цѣпи ихъ развитія, въ образованіи здѣсь и тамъ восходящихъ рядовъ, съуживающихся снизу вверхъ: какая-нибудь феодальная цѣпь организаторовъ, идущая отъ главы крестьянскаго семейства черезъ множество вассально-сюзеренныхъ звеньевъ къ императору или папѣ, или бюрократическая цѣпь — отъ послѣдняго городового до абсолютнаго монарха — вполнѣ аналогична какой-нибудь идеологической цѣпи понятій или нормъ, отъ самыхъ частныхъ до самыхъ общихъ.

Разграниченіе исполнителей и организаторовъ, а также организаторовъ различныхъ степеней можетъ такъ же—и даже еще въ большей мѣрѣ — послужить основой для *различныхъ* направленій соціальнаго подбора, какъ и первая указанная нами форма раздѣленія труда. Чтобы не смѣшивать эти генетически-неоднородные и жизненно-несходные способы дробленія общества, мы будемъ дѣленіе перваго рода обозначать терминомъ «соціальныя группы» (земледѣльцы, ремесленники, торговцы и т. под.), дѣленіе второго рода — терминомъ «классы» (рабовладѣльцы и рабы, предприниматели и рабочіе и т. д.). Такимъ образомъ типическое отношеніе соціальныхъ группъ для насъ будетъ *спеціализація*, типическое отношеніе классовъ — *господство и подчиненіе* *).

*) Схематическій обзоръ развитія и предѣльныхъ формъ того и другого соціальнаго отношенія я далъ, въ популярномъ видѣ, въ статьѣ «Собираніе человѣка» (книга «Новый Міръ», Москва 1906 г.).—

Digitized by Google

II.

Само по себѣ, раздѣленіе труда въ обществѣ еще далеко не равняется его дробленію на группы и классы. Пока различія или даже частичныя противорѣчія не выходятъ за предѣлы техническаго процесса, до тѣхъ поръ это не болѣе какъ различія и противорѣчія частей одного цѣлаго, неизбѣжныя, разумѣется, во всякой сложной формѣ жизни; и соціальный подборъ стремится гармонизировать отношенія этихъ частей посредствомъ выработки *организующихъ формъ*. Только тогда, когда эти различія и противорѣчія *организуются какъ таковыя*, только тогда, когда они переходятъ въ область организующихъ формъ, такъ что создаются отдѣльныя «идеологіи»,—тогда можно уже говорить о групповомъ и классовомъ дѣленіи общества.

Въ старо-индійской общинѣ имѣлась, несомнѣнно, хотя и примитивная по характеру, но довольно значительная спеціализація; но это еще не означало дробленія общины на соціальныя группы, потому что вся область мышленія и нормъ во всемъ существенномъ оставалась тожественной для всѣхъ членовъ коллективности. Выдѣленіе «старѣйшинъ» также не означало дѣленія на классы, по такой же точно причинѣ: старѣйшина въ общинѣ, какъ организаторъ труда, являлся только человѣкомъ наибольшаго опыта по сравненію съ другими членами общины, но во всемъ способѣ «пониманія» этого опыта не отличался отъ остальныхъ. Напротивъ, въ городской общинѣ среднихъ вѣковъ каждое ремесло организовалось въ особую соціальную группу: живя отдѣльною жизнью въ сферѣ техники, оно закрѣпляло эту отдѣльность съ одной стороны системой ремесленнаго обученія, недоступной для представителей другихъ

Понятіе «сословія» (юридически обособленной части общества) для насъ здѣсь не представляется полезнымъ въ анализѣ. «Сословіемъ» бываетъ или классъ, или соціальная группа.

Digitized by Google

ремеслъ,—съ другой етороны, особой системой нормъ, въ видѣ цехового статута регулирующихъ внутреннюю жизнь ремесла, въ видѣ спеціальныхъ привилегій цеха — внѣшнюю жизнь. Эту отдѣльность идеологическій консерватизмъ упрочиваетъ настолько, что когда внутри ремесла происходитъ уже новое распаденіе—на классы,—и «подмастерья» организуются съ самостоятельной идеологіей противъ «мастеровъ»,—то союзы подмастерьевъ, расширяясь, нерѣдко выходятъ за предѣлы отдѣльнаго города и даже отдѣльной націи,—но никогда не переходятъ рамокъ отдѣльнаго ремесла: возникаютъ между-городскіе и международные союзы подмастерьевъ одного ремесла, но нѣтъ между-ремесленныхъ союзовъ подмастерьевъ хотя бы одного города.

Что же касается этого классового дробленія ремесла, то оно становится совершившимся фактомъ лишь тогда, когда подмастерье, переставши быть простой «личинкой» мастера, вынуждается своимъ экономическимъ положеніемъ смотрѣть на жизнь и на свои интересы *иначе*, чѣмъ мастеръ, и создавать для себя иныя нормы поведенія, чѣмъ тѣ, которыя соотвѣтствуютъ взглядамъ и желаніямъ мастеровъ, словомъ—когда возникаетъ «идеологія» подмастерій.

Вообще, можно сказать, что настоящая отдѣльность соціальныхъ группъ и классовъ начинается тамъ, гдѣ изъ раздѣленія труда рождается *взаимное непониманіе* людей.

Такимъ образомъ, *основа* этихъ соціальныхъ дѣленій лежитъ въ техническомъ процессѣ, въ «производствѣ»; но ихъ *формирующій* моментъ есть идеологія или, вѣрнѣе, «идеологіи».

III.

Соціализація труда создаетъ, главнымъ образомъ, частичную *качественную* неоднородность жизненнаго опыта людей. Жизненный матеріалъ, организуемый въ идеологическихъ формахъ, у сапожника не тотъ, что у земледѣльца, у земледѣльца не тотъ, что у моряка и т. д. Вначалѣ, когда самая соціализація

Digitized by Google

еще только намѣчается и каждый работникъ родовой общины только *преимущественно* посвящаетъ себя опредѣленной отрасли труда, занимаясь, время отъ времени, и другими, и обладая нѣкоторымъ «умѣньемъ» почти во всѣхъ нихъ, это различіе техническаго опыта отдѣльныхъ работниковъ по сравненію съ общимъ для нихъ жизненнымъ содержаніемъ такъ ничтожно, что можетъ отразиться, и то въ слабой степени, лишь на самыхъ «частныхъ» понятіяхъ, на самыхъ низшихъ звеньяхъ идеологическаго ряда, безслѣдно исчезая на выше лежащихъ его ступеняхъ. По мѣрѣ развитія спеціализаціи, область идеологическихъ различій, съ одной стороны, расширяется внизу ряда, съ другой—поднимается отъ нижнихъ звеньевъ все выше. Каждое уже возникшее различіе, становясь условіемъ соціальнаго подбора, усиливаетъ собою различіе въ *направленіи* этого послѣдняго, и новыя различія создаются съ каждымъ шагомъ все легче и легче. Такимъ образомъ дифференцирующая тенденція—если бы она могла проявиться въ чистомъ, изолированномъ видѣ—должна прогрессивно усиливаться; и величина совершившейся дифференціаціи выражалась бы тогда, говоря математически, чѣмъ нибудь въ родѣ показательной функціи *).

Но рядомъ съ дифференцирующей существуетъ непрерывно другая, противоположная тенденція — «интегрирующая» или просто — организующая. *Общее* содержаніе жизни соціальныхъ группъ не только не исчезаетъ, но въ свою очередь растетъ, особенно благодаря взаимному общенію людей. А общеніе при спеціализаціи продолжаетъ сохраняться, и даже прогрессируетъ, потому что стимулируется ею: чѣмъ дальше идетъ спеціализація, тѣмъ меньше отдѣльныя группы могутъ обходиться одна безъ другой, тѣмъ неизбѣжнѣе и чаще между ними «экономическія» сношенія, а на ихъ почвѣ и взаимный обмѣнъ опытомъ и идеями. Когда же взаимное «непониманіе» соціальныхъ

---

*) Т. е. функціи, для которой основная перемѣнная (въ данномъ случаѣ время (служитъ *логариѳмомъ*, показателемъ степени (напр. $У = a^x$)

Digitized by Google

группъ (разумѣется, всегда частичное) становится ощутительнымъ препятствіемъ къ общенію, источникомъ реальныхъ «недоразумѣній», тогда соціальный подборъ стремится выработать общія для этихъ группъ идеологическія формы взаимнаго «пониманія»; происходитъ вынужденное жизненной необходимостью «ознакомленіе» соціальныхъ группъ между собою, взаимодѣйствіе и взаимная шлифовка ихъ міровоззрѣній въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ сказывается противорѣчіе. Эта вторая тенденція можетъ въ свою очередь прогрессивно усиливаться, получая опору въ каждомъ уже достигнутомъ успѣхѣ, повышающемъ для различныхъ группъ однородность среды соціальнаго подбора.

Такимъ образомъ, передъ нами двѣ прогрессивно развивающіяся антагонистичныя тенденціи. Отъ всей суммы конкретныхъ условій зависитъ перевѣсъ той или другой изъ нихъ. Пока дифференціація техническаго процесса идетъ все дальше, можно въ общемъ констатировать, среди ряда колебаній, перевѣсъ первой, дифференцирующей тенденціи въ жизни различныхъ соціальныхъ группъ. Но на опредѣленной ступени развитія, совпадающей съ началомъ машиннаго производства, совершается поворотъ.

Изъ колоссальнаго матеріала техническаго опыта, систематизированнаго наукою, вырабатываются общіе техническіе пріемы, такія техническія формы, которыя, при незначительныхъ варіаціяхъ частностей, примѣнимы въ различныхъ видахъ общественнаго труда. Сущность этого преобразованія заключается въ томъ, что между органами человѣка и орудіями, непосредственно дѣйствующими на матеріалы труда, выступаетъ новое звено—механическій аппаратъ; и отношеніе человѣка къ внѣшней природѣ концентрируется въ отношеніи къ этому аппарату—къ машинѣ. А машины, отражая въ своемъ устройствѣ результаты самаго разносторонняго, вѣками накопленнаго опыта, сведеннаго научнымъ познаніемъ къ простѣйшимъ формамъ,—машины гораздо болѣе однородны и существенно сходны между собою, чѣмъ матеріалы и продукты ихъ работы; и содержаніе техни-

Digitized by Google

ческаго опыта для людей, работающихъ съ машинами, гораздо болѣе сходно и однородно, чѣмъ для старыхъ спеціалистовъ-ремесленниковъ или рабочихъ мануфактуръ. Усовершенствованіе машинъ, ведущее мало-по-малу къ превращенію всѣхъ ихъ въ «автоматическіе механизмы», усиливаетъ эту тенденцію до неизвѣстнаго еще предѣла. «Спеціализація» какъ бы переходитъ съ людей на машины; и не только происходитъ сближеніе «спеціальностей» по основному содержанію ихъ техническаго опыта, но кромѣ того ослабѣваетъ связь между лицомъ и «спеціальностью»: переходы отъ одного занятія къ другому становятся все легче. Такъ соціальное развитіе подрываетъ въ концѣ концовъ соціально-групповое дѣленіе, и для общества намѣчается путь къ новой, высшей цѣлостности *).

IV.

Классовое дѣленіе общества и въ своей основѣ, и въ своемъ развитіи, и въ своихъ конечныхъ результатахъ глубже, чѣмъ соціально-групповое. Въ своей конечной фазѣ оно не сглаживается, незамѣтно притупляясь, какъ это послѣднее,—но насильственно преодолѣвается въ суровой борьбѣ и жестокихъ кризисахъ.

Различіе въ содержаніи опыта для «организатора» и «исполнителя», съ самаго начала раздѣленія этихъ функцій, и качественное, и количественное. Но качественное различіе опыта здѣсь не того типа, какъ въ обыкновенной «спеціализаціи», а совершенно иного. Сапожникъ, кузнецъ, земледѣлецъ выполняютъ очень различные трудовые акты,—но всѣ эти акты лежатъ въ одной жизненной плоскости, въ сферѣ непосредственнаго воздѣйствія со стороны человѣческаго организма на внѣ-соціальную природу, непосредственной борьбы съ нею, — словомъ,

---

*) Болѣе обстоятельная и детальная обрисовка этой тенденціи дана въ «Кратк. курсѣ эконом. науки», изд. 8-ое, стр. 212, 218—220, 294—296, а также «Новый міръ», стр. 37—40.

Digitized by Google

въ области *техническаго* процесса въ самомъ полномъ и строгомъ значеніи этого слова. Не такова роль «организатора», направляющаго и координирующаго ихъ трудъ, — будетъ ли это патріархъ родовой общины, или средневѣковой феодалъ, или рабовладѣлецъ античнаго міра, или предприниматель эпохи капитализма: онъ воздѣйствуетъ на природу *черезъ* этихъ исполнителей, онъ не вступаетъ съ нею въ непосредственную борьбу (*поскольку* онъ именно организаторъ, а не исполнитель), его трудъ не принадлежитъ къ техническому процессу въ такой мѣрѣ и въ такомъ смыслѣ, какъ трудъ исполнителей. Для организатора непосредственный объектъ дѣятельности—не природа внѣ-соціальная, а другіе люди; и орудіе этой дѣятельности — не средства производства, а средства общенія. Мы уже сравнивали организатора по его функціи съ идеологическими приспособленіями, — и дѣйствительно, его соціально-трудовая роль, при всей своей громадной важности, стоитъ въ «косвенномъ» отношеніи къ внѣшней природѣ, находится въ области «идеологическаго процесса».

Организаторъ «обдумываетъ», составляя наиболѣе цѣлесообразный планъ организуемыхъ трудовыхъ процессовъ,—и «распоряжается», сообщая каждому исполнителю, что онъ долженъ дѣлать, а затѣмъ «контролируетъ» работу, останавливая и ограничивая исполнителей тамъ, гдѣ они уклоняются отъ этого плана. Какъ видимъ, его работа воспроизводитъ въ зародышевомъ видѣ и въ текучемъ состояніи всѣ три основные типа идеологическихъ формъ, указанные нами выше. Все это глубоко отграничиваетъ его функцію,—и слѣдовательно, содержаніе его опыта,—отъ исполнительской функціи съ ея «непосредственно-техническимъ» опытомъ.

Съ количественной стороны опытъ организатора также отличается отъ опыта исполнителя, большей широтою и полнотою, и эта разница тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе спеціализація исполнительскаго труда.

Наконецъ, степень *организованности* опыта въ психикѣ организатора должна быть, для успѣшнаго выполненія его функ-

Digitized by Google

ціи, значительно выше, чѣмъ та, которая требуется для исполнителя,—различіе, которое вмѣстѣ съ предыдущимъ выражаютъ обыкновенно однимъ словомъ—«образованность». И дѣйствительно, «образованность» во всѣ времена была специфическимъ отличіемъ организаторскихъ классовъ.

Итакъ, опытъ болѣе широкій и разносторонній, болѣе организованный, и въ то же время менѣе непосредственно-трудовой, не основанный на прямой борьбѣ съ внѣшней природой — таковы особенности организаторскаго существованія.

Сама по себѣ, широта и разносторонность опыта есть, конечно, въ высшей степени благопріятное условіе для *пластичности* и *прогрессивности* соціальнаго типа,—богатый матеріалъ жизни даетъ много элементовъ и стимуловъ для развитія. Организованность опыта можетъ быть иногда благопріятнымъ, иногда неблагопріятнымъ условіемъ въ этомъ отношеніи,— все зависитъ отъ *формы*, въ какой организованъ опытъ. Но рѣшительно неблагопріятное значеніе имѣетъ здѣсь третья характеристика организаторскаго типа—его *не прямое* отношеніе къ трудовой борьбѣ съ природою, его—большее или меньшее—отдаленіе отъ этой непосредственной борьбы, исходной точки всякаго соціальнаго прогресса. Изъ этой особенности рождается глубокая *консервативная* тенденція; и она-то въ большинствѣ случаевъ настолько сильно налагаетъ свою печать на организаторское существованіе, что противоположная, прогрессивная тенденція блѣднѣетъ и исчезаетъ передъ нею.

Но это происходитъ только тогда, когда вся идеологія даннаго организаторскаго класса уже вполнѣ организовалась, развернувшись въ опредѣленную систему. Пока этого нѣтъ, пока идеологія класса не завершилась, не систематизировалась отъ самыхъ низшихъ звеньевъ до послѣднихъ высшихъ, до тѣхъ поръ интенсивно идетъ работа идеологическаго творчества, и консерватизмъ класса, не имѣя опоры въ прочной группировкѣ нормъ и идей, остается скрытымъ. Вотъ почему въ молодыхъ организаторскихъ классахъ, какую бы эпоху мы ни взяли, такъ много жизни и движенія, — прямая противоположность тому,

Digitized by Google

что наблюдается въ позднѣйшей фазѣ, когда эти классы уже «организовали» жизнь въ предѣлахъ своего міровоззрѣнія и интересовъ*).

Во всякомъ случаѣ, самое направленіе развитія организаторскаго класса не можетъ быть тожественно съ направленіемъ развитія класса, ему подчиненнаго: слишкомъ значительно различіе основной соціальной функціи того и другого, слишкомъ значительно различіе въ содержаніи опыта, и различіе вытекающихъ изъ него стремленій, интересовъ.

V.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ выясненію сущности этого различія въ направленіяхъ классового развитія и вытекающихъ изъ него результатовъ, намъ надо нѣсколько конкретизировать самое понятіе «организаторскаго класса».

Я уже указалъ, что организаторская функція сама по себѣ еще не обусловливаетъ «классового бытія» и классовой отдѣльности, что «классъ» возникаетъ только вмѣстѣ съ идеологическою обособленностью организаторовъ и исполнителей. Теперь я прибавлю, что организаторскій классъ обыкновенно складывается и становится классомъ раньше, чѣмъ «исполнительскій», нерѣдко у перваго уже имѣется опредѣленное міропониманіе и выработанная система нормъ, организующихъ его жизнь и ограждающихъ его интересы, тогда какъ второй остается аморфной соціальной массою, для которой организаторская идеологія есть внѣшняя, угнетающая сила, а собственной идеологіи нѣтъ или есть только зародышевыя комбинаціи. Рабовладѣльцы ан-

*) Схематическій характеръ всей этой работы не позволяетъ мнѣ сколько-нибудь останавливаться ни на основныхъ проявленіяхъ консерватизма организаторскаго соціальнаго сознанія, ни даже на тѣхъ вліяніяхъ, которымъ онъ ограничивается и нерѣдко маскируется. Обо всемъ этомъ я писалъ въ статьѣ «Авторитарное мышленіе» (книга «Изъ психологіи общества», стр. 104—111).

Digitized by Google

тичнаго міра были настоящимъ классомъ,—а рабамъ такъ и не удалось никогда возвыситься до степени класса.

Но въ такихъ случаяхъ, какъ этотъ, все-же наблюдается глубокая дифференціація, рѣзко выдѣляющая организаторскій классъ среди общества. Часто не бываетъ и этого, — организаторская функція, будучи обособленной персонально, не успѣваетъ вовсе вызвать этой дифференціаціи, такъ что вообще не получается двухъ различныхъ направленій развитія. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда организаторъ несравненно тѣснѣе связанъ трудовымъ процессомъ со своими «исполнителями», чѣмъ съ другими подобными организаторами. Я остановлюсь на двухъ комбинаціяхъ этого рода, имѣющихъ спеціальное значеніе для нашего анализа.

Мелко-буржуазное семейное хозяйство заключаетъ въ себѣ одного организатора—глава семьи,—и нѣсколькихъ подчиненныхъ—жена, дѣти, домашніе рабы (называемые въ современномъ обществѣ «прислугою»). Что касается этой послѣдней группы, то она въ обществѣ съ наемнымъ трудомъ обособляется, пріобрѣтая черты пролетарскаго класса; но въ предѣлахъ собственно «семьи» связь остается самой тѣсной. Мелкій буржуа слишкомъ рѣзко отдѣленъ отъ другихъ, ему подобныхъ, самостоятельныхъ мелкихъ буржуа, противорѣчіями конкурренціи и обмѣна, и слишкомъ много жизненныхъ отношеній объединяютъ его съ женой и дѣтьми; кромѣ того, въ типичномъ мелкобуржуазномъ хозяйствѣ глава его не только «организаторъ», но также «исполнитель»; въ трудѣ ремесленномъ, земледѣльческомъ, мелко-торговомъ другіе члены семьи только «помогаютъ» ему, подчиняясь его указаніямъ. Въ результатѣ, такое хозяйство можетъ представлять одну сплоченную коллективность, съ общей линіей развитія.

Но если — какъ это въ большинствѣ случаевъ наблюдается за послѣдніе вѣка, — хозяйство кухни и дѣтской достаточно рѣзко обособляется отъ хозяйства мастерской, лавки, конторы, и становится исключительной спеціальностью женщины, какъ подчиненная функція въ этой

Digitized by Google

системѣ отношеній, — то никакая жизненная близость мужчины и женщины въ семьѣ не помѣшаетъ тому, что ихъ соціальные типы станутъ развиваться не въ одинаковомъ направленіи, что дифференцирующая тенденція выступитъ на первый планъ. Дифференціація здѣсь имѣетъ двойственный характеръ,—и соціально-групповой, и классовой одновременно. И подчиненіе мужу, и спеціализація на домашнемъ хозяйствѣ создаютъ изъ женщины тотъ соціально-низшій типъ, какой она представляетъ изъ себя еще и теперь въ среднихъ и частью низшихъ слояхъ общества.

Въ мелко-буржуазной и средне-буржуазной семьѣ женщина тяготѣетъ по преимуществу къ религіозно-авторитарной идеологіи, съ ея консерватизмомъ, переходящимъ среди общаго прогресса жизни въ прямую реакціонность. Мужчина, хотя тоже не чуждый этихъ тенденцій, по сравненію съ нею является носителемъ позитивизма и прогрессивности. Рядомъ съ узостью и невѣжествомъ средней женщины, міровоззрѣніе мужчины кажется широкимъ и свѣтлымъ. Почему все это такъ? Религіозная и консервативная идеологія есть выраженіе отношеній господства—подчиненія. Женщина въ буржуазной семьѣ вращается исключительно въ рамкахъ этихъ отношеній, потому что другая сторона буржуазнаго міра—его анархическія отношенія между хозяйствами, его конкурренція—закрыта отъ женщины фигурою ея мужа,—непосредственное участіе въ этой сторонѣ жизни для женщины недоступно. Иное дѣло мужчина: для него, кромѣ авторитарной организаціи семейнаго хозяйства, близка и непосредственно ощутительна соціальная борьба, *анархическая* форма соціальной организаціи. Поэтому въ его идеологическомъ мірѣ занимаетъ крупное мѣсто и соотвѣтственная идеологія — метафизическая или буржуазно-позитивная *), съ ея прогрессивной

*) Буржуазный позивитизмъ съ его пустыми, чистыми абстракціями есть только болѣе высокая форма буржуазной метафизики, въ которой такія же абстракціи еще не лишены остатковъ фетишистической оболочки. Взаимный переходъ этихъ формъ легко наблюдать у такихъ мыслителей, какъ Спиноза, Кантъ, Спенсеръ.

Digitized by Google

тенденціей, выражающей стремленіе удержаться въ жестокой борьбѣ за существованіе; эта идеологія можетъ рѣшительно оттѣснить авторитарно-консервативную. И если получающаяся такимъ путемъ глубокая идеологическая неоднородность все-же не создаетъ широкихъ и острыхъ классовыхъ противорѣчій, способныхъ рѣзко раздѣлить женщину и мужчину въ семьѣ, то это, главнымъ образомъ, потому, что въ предѣлахъ своей семьи мужчина — организаторъ — гораздо больше руководится авторитарной идеологіей, чѣмъ внѣ семьи: соотвѣтственно внутреннимъ отношеніямъ семьи, на сцену выступаютъ именно тѣ идеологическія приспособленія, которыя выражаютъ и поддерживаютъ авторитарную организацію. Здѣсь находитъ себѣ полное объясненіе тотъ обычный грубый парадоксъ буржуазнаго лицемѣрія, что мужчина-атеистъ цѣнитъ религіозность своей жены и находитъ нужнымъ воспитывать въ религіи своихъ дѣтей. По той же самой причинѣ мужчина и *консерваторъ* въ своей семьѣ; и онъ особенно охотно поддерживаетъ ту узкую спеціализацію, которая сводитъ къ такимъ ничтожнымъ размѣрамъ опытъ женщины, и гарантируетъ невозможность для нея выйти изъ рамокъ семьи и подчиненія.

Я остановился на всемъ этомъ отнюдь не для того, чтобы критиковать тѣ или иныя соціальныя отношенія, а только для того, чтобы иллюстрировать относительность понятія «класса» и необходимость цѣлаго ряда опредѣленныхъ условій для перехода отъ простого раздѣленія организаторскихъ и исполнительскихъ функцій до классового разграниченія. Судьба буржуазныхъ женщинъ самый близкій для нашего времени случай неполнаго развитія въ этомъ направленіи; отсюда и своеобразный характеръ буржуазнаго женскаго движенія нашихъ временъ, движенія, во многомъ напоминающаго классовое, но не классового *).

*) Здѣсь кстати будетъ маленькое поясненіе по поводу мелкой буржуазіи, которую обыкновенно называютъ «классомъ». Съ точки зрѣнія принятаго нами критерія, по которому классовое дѣленіе основывается на дифференціаціи организаторской и исполнительской

Digitized by Google

VI.

Другой примѣръ разграниченія организаторской и исполнительской функціи безъ классового разъединенія, примѣръ также очень важный для нашихъ цѣлей,—это отношенія «идеологовъ» и «массы».

Спеціально анализировать эти отношенія здѣсь не приходится *). Организаторская функція идеолога, кто-бы онъ ни былъ, литераторъ, философъ, религіозный учитель, политическій вождь,—не можетъ подлежать сомнѣнію, въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ идеологія есть всегда область организующихъ приспособленій. Идеологъ «организуетъ» жизненныя отношенія и опытъ людей, создавая «формы» для того и другого и путемъ общенія дѣлая эти формы «соціальными». Степень широты и значенія этой работы можетъ быть очень различна, отъ эфемерной и ничтожной роли какого-нибудь мелкаго поэтическаго произведенія, систематизирующаго нѣкоторое количество впечатлѣній, переживаемыхъ немногими людьми, до всесвѣтной преобразовательной дѣятельности великаго религіознаго реформатора. Но самый способъ организующей работы въ существенныхъ чертахъ одинъ и тотъ же, значительно отличаю-

---

роли, мелкая буржуазія не классъ, а недифференцированный соціальный типъ, эмбріонъ двухъ классовъ одновременно, буржуазіи и пролетаріата, аморфная масса, изъ которой кристаллизуются классы. Потому и возможно общество, состоящее изъ одной мелкой буржуазіи, но не изъ однихъ капиталистовъ или однихъ наемныхъ рабочихъ. Отсюда и та неустойчивость идеологическаго типа, которая свойственна мелкой буржуазіи, но несвойственна настоящимъ «классамъ», съ установившимися тенденціями соціальнаго подбора. — Но въ капиталистическомъ обществѣ и мелкая буржуазія получаетъ нѣкоторыя черты «класса»,—поскольку экономически и политически принуждена испытывать «подчиненіе» капиталу.

*) Отчасти я сдѣлалъ это въ другой работѣ—«Изъ психологіи общества», стр. 103-104 и 107-108.

Digitized by Google

щійся отъ обычнаго, который сводится къ «распоряженіямъ» и «приказаніямъ», требующимъ «подчиненія». Здѣсь передъ нами такой типъ организующаго процесса, который дѣлаетъ роль идеолога какъ-бы промежуточнымъ звеномъ между ролью обычнаго персональнаго организатора, и безличныхъ идеологическихъ формъ. Идеологъ лично вырабатываетъ организующія формы, но онѣ не прямо и непосредственно организуютъ жизнь и опытъ людей (какъ это дѣлаютъ «распоряженія», «приказанія» и т. п.), а только пройдя черезъ соціальный подборъ и пріобрѣтя въ немъ характеръ безличныхъ нормъ и идей, подобныхъ нормамъ и идеямъ, выработаннымъ стихійно. Напр., религіозный учитель предлагаетъ массамъ такую-то религіозную доктрину; но доктрина эта только тогда станетъ реально организующей формой для опыта и дѣятельности этихъ массъ, когда она будетъ усвоена ими, какъ «истина», т. е. приметъ безличную форму соціально-сложившейся познавательной системы. Начальнику «повинуются» потому, что онъ начальникъ, т. е. организаторъ; ученію идеолога слѣдуютъ не потому, что онъ идеологъ, а потому, что его ученіе «истинно»; — и самъ онъ можетъ, благодаря этой истинности, т. е. соціальной приспособленности его ученія, стать «вождемъ», т. е. организаторомъ, которому подчиняются уже непосредственно и слѣпо; но именно постольку онъ уже тогда не просто идеологъ, а «вождь», «царь», «воплотившійся богъ», вообще представитель *власти*.

Существуютъ, конечно, всевозможныя переходныя формы между чистымъ идеологомъ» и непосредственно-практическимъ «организаторомъ», дѣйствующимъ силою власти. Типическимъ совмѣщеніемъ этихъ формъ является «законодатель»; ближе къ типу собственно «идеолога» стоитъ партійный политическій вождь, ближе къ противоположному типу — высшіе представители всякой восходящей цѣпи организаторовъ, обладающіе властью въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ создавать «нормы», обязательныя не только для даннаго момента, но и на будущее.

Digitized by Google

Намъ, однако, сейчасъ не важны частности, особенности, переходныя формы этихъ типовъ; для насъ существенъ только вопросъ о томъ, можетъ ли отношеніе «идеологовъ» къ «массамъ» стать классовымъ разграниченіемъ, и если нѣтъ, то почему. Теперь для насъ должно быть ясно, что поскольку «идеологи» остаются идеологами, такое превращеніе невозможно: «идеологъ» создаетъ организующія формы для трудового опыта «массъ»,—но эти формы пріобрѣтаютъ жизненное значеніе лишь постольку, поскольку онѣ оказываются и становятся на самомъ дѣлѣ «идеологіей» этихъ массъ, т. е. выражаютъ ихъ дѣйствительный опытъ, дѣйствительныя стремленія. Такимъ образомъ «идеологъ» выполняетъ свою роль лишь при условіи коренного совпаденія *его* опыта и тенденцій развитія съ опытомъ и тенденціями развитія тѣхъ *массъ*, которымъ онъ служитъ. Слѣдовательно, существенное различіе направленій соціальнаго подбора въ средѣ «идеологовъ» и въ средѣ ихъ «массъ» невозможно.

Конечно, при извѣстныхъ условіяхъ и изъ «идеологовъ» можетъ создаться организаторскій *классъ*, но только это уже не будетъ классъ идеологовъ тѣхъ массъ, надъ которыми онъ будетъ господствовать.

Изложеннаго, я думаю, достаточно для выясненія самого понятія «классовыхъ различій». Излишне, я полагаю, останавливаться на частныхъ соотношеніяхъ «классовъ» и «соціальныхъ группъ», напр. на «соціально-групповомъ» дѣленіи какого-нибудь организаторскаго класса, возникающемъ на спеціализаціи организаторовъ, или на «классовомъ» дѣленіи какой-нибудь соціальной группы, возникающемъ изъ обособленія въ ней «организаторовъ» и «исполнителей». Мы перейдемъ, поэтому, къ существенно-важному для насъ вопросу о смѣнѣ классовъ, объ ихъ соціальной судьбѣ, о тенденціяхъ развитія и объ условіяхъ деградаціи классовыхъ общественныхъ системъ.

Digitized by Google

VII.

Для упрощенія вопроса представимъ себѣ общество, состоящее всего изъ двухъ классовъ, господствующаго и подчиненнаго. Вопросъ о самой формѣ господства мы оставимъ пока въ сторонѣ—рабовладѣльцы и рабы, или феодалы и ихъ крестьяне, или капиталисты и пролетаріи... Пусть весь или почти весь непосредственно-техническій процессъ выполняется классомъ подчиненнымъ; господствующій классъ такъ же строго спеціализировался на организаторской функціи въ обществѣ. Разсмотримъ, какъ должно тогда совершаться развитіе обоихъ классовъ.

Первоначальное и основное содержаніе опыта, которое должно организовать «идеологія», есть все тотъ же непосредственно-техническій процессъ. Въ началѣ, пока раздѣленіе двухъ частей общества еще только зарождается, и затѣмъ пока оно развивается до своего завершенія, «организаторы» сохранятъ еще и нѣкоторую прямую связь съ непосредственно-техническимъ трудомъ; но даже и тогда, когда они сами вовсе перестаютъ быть хотя бы отчасти «исполнителями», ихъ «опытъ» и направленіе соціальнаго подбора въ ихъ средѣ, вырабатывающаго идеологическія формы, еще не могутъ существенно разойтись съ «опытомъ» исполнителей и направленіемъ подбора въ ихъ средѣ, пока организаторы непосредственно и непрерывно организуютъ трудъ исполнителей. Въ этихъ предѣлахъ «организуемое» идеологіей содержаніе для тѣхъ и другихъ остается еще одно и то же,—оно только неодинаково и неравномѣрно распредѣлено между двумя частями общества. Благодаря этому неравномѣрному распредѣленію опыта, благодаря тому, что «организаторская» психика охватываетъ его въ болѣе широкихъ размѣрахъ, хотя и въ менѣе живыхъ, менѣе

Digitized by Google

интенсивныхъ проявленіяхъ *), благодаря этому получается и неравномѣрное распредѣленіе идеологической творческой работы, которая въ наибольшей части протекаетъ въ организаторской средѣ. Въ исполнительской средѣ возникаютъ, вообще говоря, только или почти только самыя низшія звенья идеологической цѣпи, тѣ, которыя самымъ непосредственнымъ образомъ и въ самыхъ узкихъ размѣрахъ организуютъ техническій опытъ: создавать формы болѣе широко организующія несравненно легче и быстрѣе могутъ тѣ, кто болѣе широко охватываютъ опытъ, т. е. организаторы. Такимъ образомъ, именно они вырабатываютъ всѣ или приблизительно всѣ высшія звенья каждой цѣпи.

Но это еще отнюдь не означаетъ идеологическаго *расхожденія* между организаторской и исполнительской частью соціальнаго цѣлаго. Совсѣмъ нѣтъ: пока еще—вся «организаторская» (по генезису) идеологія организуетъ, въ конечномъ счетѣ, всецѣло то же самое содержаніе, которое, по частямъ, въ иныхъ пропорціяхъ, но все-таки является и содержаніемъ непосредственнаго опыта «исполнителей». Это одна, общая идеологія; она, конечно, въ большей полнотѣ доступна верхнему слою общества, и сравнительно отрывочно усваивается нижнимъ,—но ни здѣсь, ни тамъ она не сталкивается съ жизненнымъ противорѣчіемъ,—и здѣсь и тамъ она дѣйствительно выполняетъ свою организующую функцію. Таково, напр., общее религіозное міровоззрѣніе феодаловъ и крестьянъ въ началѣ феодальнаго развитія общества; оно удовлетворяетъ и тѣхъ и другихъ, оно соотвѣтствуетъ пока еще не расходящимся между собою основнымъ содержаніямъ опыта тѣхъ и другихъ.

Однако на этой идиллической фазѣ дѣло не можетъ остановиться. Разлагающимъ моментомъ является ростъ общественной системы и измѣненіе способовъ производства. Область не-

*) Представленіе и понятіе о какомъ-нибудь трудовомъ дѣйствіи есть, разумѣется, менѣе живая и интенсивная психофизіологическая реакція, чѣмъ самое выполненіе дѣйствія.

Digitized by Google

посредственной борьбы съ природой неминуемо испытываетъ измѣненія,—и эти измѣненія даютъ толчекъ къ настоящей «классовой» дифференціаціи.

Представимъ себѣ патріархальную общину *до-классическаго* древняго міра, той эпохи, когда дѣти царей (т. е. патріарховъ и племенныхъ вождей) самолично пасли скотъ, и когда царь, обращаясь къ своему «рабу» Эвмею, называлъ его: «свинопасъ богоравный». Въ эту эпоху нѣтъ и рѣчи о двухъ «классахъ», объ идеологическомъ разъединеніи, и т. д. Хозяйство—натуральное, почти не переходящее за предѣлы участка, занимаемаго общиной, напр. одного изъ островковъ Архипелага. Хотя «цари» и другіе патріархи выполняютъ почти исключительно «организаторскія» функціи, но они живутъ совершенно общею жизнью со своими родственниками и «рабами», вообще—«исполнителями» въ трудовой системѣ, работу которыхъ они *непосредственно* организуютъ. Но вотъ натуральное хозяйство шагъ за шагомъ начинаетъ осложняться мѣновымъ. Между патріархальными родовыми общинами, между племенными «царствами» развивается обмѣнъ, все въ большей мѣрѣ превращающій ихъ изъ самостоятельныхъ экономическихъ коллективностей въ клѣточки несравненно болѣе широкаго цѣлаго, соціальной системы съ возрастающимъ раздѣленіемъ труда между ея частями. Это существенное преобразованіе далеко не въ одинаковой мѣрѣ касается двухъ различныхъ частей каждой такой общины, организаторовъ и исполнителей; на жизнь и дѣятельность первыхъ, она имѣетъ *непосредственное* и наиболѣе сильное вліяніе, на вторыхъ—гораздо болѣе слабое, и притомъ почти исключительно *косвенное* вліяніе. Представителями родовыхъ общинъ въ ихъ мѣновыхъ и вообще внѣшнихъ сношеніяхъ выступаютъ, конечно, организаторы; для всѣхъ остальныхъ жизнь по-прежнему концентрируется внутри общины, въ ея повседневномъ трудѣ, въ той части ея хозяйства, которая все еще остается «натуральною».

Изъ этого вытекаютъ два результата громадной важности. Съ одной стороны возникаетъ жизненное сближеніе между ор-

Digitized by Google

ганизаторами различныхъ общинъ, порождаемое ихъ общими дѣлами и интересами,—между-общинными сношеніями, обмѣномъ *) и всѣми производными этихъ связей, политическими и религіозными формами. Съ другой стороны, прежняя жизненная близость между главой общины и его подчиненными постепенно ослабляется, потому что содержаніе трудового опыта оказывается уже и количественно и качественно все болѣе неодинаковымъ: опытъ организатора включаетъ въ себя новое, расширяющееся содержаніе, далеко переходящее за предѣлы непосредственной трудовой жизни общины, и принадлежащее къ трудовому опыту болѣе сложной коллективности, частью которой стала данная община; опытъ исполнителей этого новаго содержанія не включаетъ,—развѣ только въ ничтожной степени. Отнынѣ организующая идеологическая дѣятельность двухъ частей общества оперируетъ надъ различнымъ матеріаломъ,—исходный пунктъ «классового» дробленія имѣется на-лицо.

Отнынѣ идеологія господствующаго класса должна охватывать и натурально-хозяйственную, и мѣновую жизнь,—и внутри-общинное распредѣленіе труда, и соціальное, между-общинное его раздѣленіе,—и трудовой опытъ отдѣльныхъ хозяйствъ, и опытъ общественнаго цѣлаго («Pòlis», городъ, государство). Все это и обнаруживается безъ труда въ идеологіи свободныхъ людей классическаго міра: тамъ есть и «обычай» (нормы натурально-хозяйственнаго міра), и формальное право рядомъ съ «нравственностью» (нормы мѣнового общества), и живая конкретная политеистическая религія (познавательная система натуральнаго міра), и наука съ философіей (познаніе отвлеченное, впервые находящее почву въ мѣновомъ

*) Еще раньше мѣновыхъ сношеній, потребность общей защиты отъ нападающихъ враговъ создаетъ болѣе или менѣе широкіе союзы и соглашенія общинъ. Но дифференцирующаго вліянія въ сколько-нибудь сильной степени эти комбинаціи не оказываютъ, такъ какъ общая борьба непосредственно сближаетъ и организаторовъ, и исполнителей.

Digitized by Google

обществѣ). Античное искусство черпаетъ изъ обоихъ источниковъ жизни, и даетъ идеальному, надъ-человѣческому или, что то же, коллективно-человѣческому содержанію формы, по своей непосредственности и простотѣ родственныя наивному реализму первобытнаго искусства. Такова господская идеологія классической эпохи.

Теперь, какова другая сторона медали? Болѣе узкое и по преимуществу «натурально-хозяйственное» содержаніе трудового опыта рабовъ *) не нуждается въ этой сложной господской идеологіи, и не соотвѣтствуетъ ей. Въ средѣ рабовъ по преимуществу сохраняется старое, наивно-религіозное міровоззрѣніе, которое во многихъ своихъ частяхъ для господъ уже сводится къ «суевѣріямъ» (замѣтимъ, что даже и женщины «господскихъ» семей, подчиненіе которыхъ мужу и отцу представляетъ смягченную форму рабства, также сохраняютъ и наивную религіозность, и склонность къ «суевѣріямъ» въ гораздо большей степени, чѣмъ свободные мужчины). Взаимныя отношенія рабовъ, равно какъ и ихъ отношенія съ хозяевами и отношенія членовъ господской семьи между собою,—словомъ, внутренній строй рабовладѣльческаго хозяйства, — опредѣляются опять-таки по преимуществу «обычаемъ», т. е. нормативными приспособленіями стараго типа, а не формальнымъ правомъ, которое господствуетъ въ между-хозяйственныхъ отношеніяхъ, мѣновыхъ, политическихъ и т. д. Наука, философія, высшія формы искусства—не для рабовъ, не только въ томъ смыслѣ, что рабовладѣльческая эксплоатація не

*) «Рабами» назывались первоначально всѣ тѣ члены патріархальной общины, которые не были связаны съ нею кровнымъ родствомъ—принятые въ общину иноплеменники, захваченные на войнѣ плѣнники и т. д. Положеніе ихъ очень мало отличалось отъ положенія остальныхъ членовъ общины, подчиненныхъ ея главѣ, и совершенно не соотвѣтствовало нашей обычной идеѣ «рабства». Впослѣдствіи, когда община подверглась классовому дифференцированью, «рабами» (уже въ новомъ, болѣе суровомъ смыслѣ) оказались всѣ, кромѣ собственной семьи господина.

Digitized by Google

оставляетъ силъ и возможностей для всего этого, но также и въ томъ, что все это органически не сходится съ повседневнымъ существованіемъ раба, все это не гармонизируетъ его опытъ *).

Но этимъ отношеніе идеологій далеко еще не исчерпывается. Надо имѣть въ виду, во-первыхъ, тотъ фактъ, что идеологическое творчество было вообще по преимуществу дѣломъ организаторовъ, и что даже въ раннихъ стадіяхъ эпохи рабства оно въ наименьшей степени могло протекать въ психикѣ исполнителей. Идеологическое творчество, какъ мы знаемъ, рождается изъ соціальнаго избытка энергіи, изъ перевѣса ея усвоенія надъ затратами,—а этотъ избытокъ или перевѣсъ концентрируется сначала почти весь,—затѣмъ, какъ увидимъ, и весь цѣликомъ, въ «организаторской» части соціальнаго цѣлаго. Во-вторыхъ, надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что организаторская функція «господъ» не ограничивается однимъ техническимъ процессомъ, но охватываетъ и область «идеологическую», такъ что «господа» предписываютъ рабамъ опредѣленныя нормы и внушаютъ имъ опредѣленныя понятія. По этимъ причинамъ идеологія рабовъ и не можетъ складываться самостоятельно; ея пробѣлы заполняются матеріаломъ господской идеологіи,—да и не только пробѣлы: во многихъ случаяхъ идеологическія формы могутъ быть «навязаны» рабамъ въ прямомъ противорѣчіи съ содержаніемъ ихъ опыта...

Какой видъ представляетъ при такихъ условіяхъ идеологическая жизнь рабовъ?

---

*) Читатель по этому поводу, можетъ быть, вспомнитъ объ «ученыхъ рабахъ», которые были знакомы съ искусствами, литературой, философіей, а иногда, хотя рѣдко, и самостоятельно работали въ этихъ областяхъ. Но такіе рабы, въ общемъ, являлись исключеніемъ, и самая ихъ образованность въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣла характеръ ремесленной дрессировки. Это положеніе измѣняется лишь въ позднѣйшихъ фазахъ развитія рабства, когда господа и организаторскую роль въ производствѣ все болѣе перелагаютъ на рабовъ, что измѣняетъ психологію послѣднихъ.

Digitized by Google

Наибольшую ея долю составляютъ сохранившіяся отъ прошлаго нормы и понятія, связанныя съ натурально-хозяйственной стороною жизни рабовладѣльческой организаціи, и медленно, въ зависимости отъ непосредственныхъ измѣненій техники рабскаго труда, преобразуемыя собственнымъ развитіемъ (или деградаціей) класса рабовъ.

Другую, уже меньшую часть своей идеологіи рабы получаютъ за счетъ идеологическаго творчества господъ, при чемъ эта часть, въ свою очередь, должна быть раздѣлена на двѣ. Одни идеологическія приспособленія усваиваются рабами отъ господъ «интегрально», т. е. такъ, что становятся постоянной и неотдѣлимой частью рабской идеологіи: это тѣ, которыя гармонируютъ съ опытомъ и стремленіями рабовъ и гармонизируютъ ихъ существованіе. Другія идеологическія приспособленія входятъ въ жизнь рабовъ, какъ постоянное противорѣчіе, навязываются имъ «насильственно», путемъ «принужденія»; это тѣ, которыя не соотвѣтствуютъ опыту или стремленіямъ рабовъ, хотя вполнѣ соотвѣтствуютъ интересамъ господъ.

Такъ, напр., нѣкоторыя техническія знанія или религіозныя вѣрованья, даже нѣкоторыя особенно широкія нравственныя нормы, выработанныя въ господской средѣ, могли настолько подходить къ жизненному содержанію рабовъ, что рано или поздно возникли бы у нихъ самостоятельно, если бы не были уже даны готовыми; ясно, что такія идеологическія формы въ средѣ рабовъ находятъ сразу только положительный подборъ, и укореняются въ ихъ психикѣ, какъ растенія въ благопріятной по составу почвѣ. Наоборотъ, многія правовыя нормы, созданныя господами въ ихъ отношеніяхъ къ рабамъ, напр., абсолютная власть господъ въ спариваньи рабовъ, право господина пользоваться всѣми рабынями, обычай сковывать общей цѣпью рабовъ на плантаціяхъ во избѣжаніе ихъ побѣговъ,—такія нормы едва ли когда-нибудь стали для рабовъ положительной и нераздѣльной частью ихъ міровоззрѣнія. Въ психикѣ рабовъ эти нормы должны были встрѣтить отрицательный подборъ, и потому онѣ вовсе не могли стать *нормами*

Digitized by Google

рабской идеологіи. Однако, онѣ такъ или иначе навязаны рабамъ, усвоены ими, управляютъ ихъ поведеніемъ? Да, но не какъ *ихъ нормы*, а совершенно въ иномъ смыслѣ и въ иной формѣ. Тутъ мы пришли къ центральному пункту классового разъединенія, и на немъ намъ слѣдуетъ спеціально остановиться.

VIII.

Общество, раздробленное на классы, есть все-же общество, т. е. нѣкоторое *жизненное цѣлое.* Когда въ двухъ его частяхъ направленіе соціальнаго подбора расходится, какъ въ только что встрѣтившемся намъ случаѣ, то все-же дѣло не сводится къ тому, что нормы, созданныя рабовладѣльцами въ ихъ интересахъ и ненавистныя рабамъ, остаются только въ рабовладѣльческой средѣ. Нѣтъ, если по своему содержанію нормы эти относятся и къ жизни рабовъ, то вопросъ рѣшается нѣкоторой *равнодѣйствующей соціальнаго подбора*, двухъ его направленій, выступающихъ въ двухъ областяхъ соціальной среды. Эта равнодѣйствующая оказывается иногда и въ пользу подчиненнаго класса,—навязываемая ему «норма» исчезаетъ изъ жизни, напр. угнетающій законъ превращается въ мертвую букву, какъ это было съ нѣкоторыми англійскими законами о сельскихъ рабочихъ въ XIV—XVI вѣкахъ. Но чаще равнодѣйствующая отклоняется въ сторону господствующихъ классовъ; это и вполнѣ понятно, если мы примемъ во вниманіе, что въ ихъ сферѣ концентрируется весь избытокъ соціальной энергіи, весь ея плюсъ, остающійся отъ борьбы съ природою, что имъ «принадлежитъ» весь «прибавочный трудъ» общества, — вся «прибавочная стоимость», если выразить тотъ же основной фактъ въ обычныхъ терминахъ экономистовъ. И тогда, не смотря на отрицательную тенденцію подбора въ средѣ «подчиненнаго» класса, данная идеологическая форма сохраняется и «организуетъ» его жизненныя отношенія, вѣрнѣе — ограничиваетъ и опредѣляетъ ихъ.

Digitized by Google

Эта идеологическая форма входитъ въ существованіе подчиненныхъ классовъ не какъ форма гармонизирующая, а какъ создающая противорѣчіе,—какъ внѣшній фактъ, къ которому надо приспособляться, подобный враждебнымъ силамъ внѣшней природы. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—и постольку, поскольку возникаетъ такое отношеніе, — *часть соціальной среды* (господствующій классъ) *превращается для другой части* (класса подчиненнаго) *въ явленіе внѣ-соціальное*, въ новую область внѣ-соціальной среды. Это и есть *основное классовое противорѣчіе* въ его самой общей формѣ.

Къ враждебной силѣ внѣшней природы можно относиться двояко: либо *пассивно*, покоряясь ея власти, либо *активно*—борясь съ нею. Въ эпоху власти природы надъ человѣкомъ въ массѣ случаевъ неизбѣжно было отношеніе перваго рода: при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь пещернымъ львомъ, съ которымъ немыслимо было бороться, и отъ котораго невозможно было убѣжать, человѣкъ фаталистически отдавался на волю судьбы. Еще всего два вѣка тому назадъ таково было отношеніе человѣчества, напр., къ дѣйствію молніи. Съ развитіемъ силы и опыта, съ переходомъ отъ власти природы надъ человѣкомъ къ господству человѣка надъ нею, исчезаютъ остатки такого отношенія, и пассивность уступаетъ мѣсто борьбѣ. То же самое и въ области внутреннихъ отношеній общества, и спеціально—общества классового.

Въ эпоху рабства общественная сила соціальнаго цѣлаго еще настолько безусловно господствуетъ надъ классомъ подчиненнымъ, трудомъ котораго она же и создается,—что иного отношенія къ извнѣ навязаннымъ нормамъ, кромѣ пассивнаго за ничтожными исключеніями не существуетъ. Классовое противорѣчіе на-лицо, но классовой борьбы нѣтъ.

Какъ совершается *при такихъ* условіяхъ развитіе классового общества?

Digitized by Google

IX.

Пока рабовладѣлецъ непосредственно организуетъ трудъ своихъ рабовъ, до тѣхъ поръ внутренняя связь его хозяйства далеко перевѣшиваетъ разъединяющую тенденцію классовыхъ различій и зарождающихся классовыхъ противорѣчій. Рабочіе тогда для рабовладѣльца—подчиненный членъ *того же соціальнаго цѣлаго*, къ которому самъ рабовладѣлецъ принадлежитъ, *его работникъ, но не его орудіе*; рабовладѣлецъ еще не есть *владѣлецъ* рабовъ, но ихъ *господинъ*.

Въ этой фазѣ развитія классъ господъ является носителемъ техническаго прогресса. Господинъ, имѣющій небольшое число рабовъ, нерѣдко не только руководитъ ихъ трудомъ, но и работаетъ самъ съ ними. Участіе господъ въ технически-трудовомъ процессѣ, если и не всегда непосредственное, то всегда *близкое*. Производительный трудъ рабовъ въ господскомъ мышленьи выступаетъ какъ необходимый *соціальный* процессъ.

Организаторская функція можетъ дифференцироваться и дробиться, какъ и всякая другая. Это съ ней и происходитъ по мѣрѣ исторически совершающагося роста рабовладѣльческаго хозяйства*)

Не имѣя фактической возможности лично и непосредственно руководить всѣмъ трудомъ своихъ рабовъ, рабовладѣлецъ начинаетъ временно поручать и частично совсѣмъ передавать это руководство другимъ лицамъ, частью, конечно, членамъ своей семьи, частью же — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше — нѣкоторымъ наиболѣе опытнымъ и толковымъ рабамъ. Это—на-

---

*) Напомню читателю, что я пишу не экономическое изслѣдованіе, и потому не могу останавливаться на вопросѣ о причинахъ возрастанія размѣровъ рабовладѣльческихъ хозяйствъ, упадка наиболѣе мелкихъ изъ ихъ числа и т. п.

Digitized by Google

чало того процесса, который отрываетъ классъ господъ отъ производительнаго труда.

Въ дальнѣйшемъ процессъ этотъ идетъ все быстрѣе. Лично для господина передача непосредственно-организующей функціи обученнымъ для этого рабамъ представляетъ громадный выигрышъ времени и энергіи, такъ что легко понять, съ какой силой долженъ дѣйствовать въ этомъ направленіи психическій соціальный подборъ. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ рабовладѣльческаго хозяйства, объединяющаго вмѣсто единицъ и десятковъ, уже сотни и тысячи рабовъ, не только непосредственно-организаторская функція переходитъ всецѣло къ отдѣльнымъ рабамъ, но и контроль надъ нею также поручается съ теченіемъ времени другимъ рабамъ, и возникаетъ *цѣпь организаторовъ*, въ которой господинъ представляетъ высшее звено. Этимъ путемъ создается пропасть между техническимъ процессомъ и соціальнымъ существованіемъ класса господъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—между рабами и господами.

Эта пропасть вовсе не становится менѣе глубокой отъ того, что часть рабовъ выполняетъ организаторскія функціи. Скорѣе напротивъ. Такъ какъ всецѣло и исключительно воля господина даетъ отдѣльнымъ рабамъ и отнимаетъ у нихъ власть надъ другими, то организаторская роль господина имѣетъ всеобщій и абсолютный характеръ, *качественно* отличаясь отъ частной, ограниченной, и при томъ случайной организаторской роли рабовъ, поставленныхъ надъ другими рабами. Воля господина въ предѣлахъ его хозяйства заключаетъ въ себѣ всякую власть, и творитъ всѣ низшія власти, и ничѣмъ не ограничена, тогда какъ все остальное ограничено ею. Рабъ—управляющій передъ господиномъ равенъ послѣднему изъ рабовъ, и можетъ во всякій моментъ быть превращенъ въ послѣдняго изъ рабовъ. *Поэтому* чѣмъ больше становится разстояніе между функціей господина и техническимъ процессомъ, выражающееся въ идеологическомъ разстояніи между господиномъ и послѣднимъ исполнителемъ изъ числа рабовъ, тѣмъ больше дѣлается также разстояніе между господиномъ и высшимъ изъ рабовъ.

Digitized by Google

Тотъ идеологическій скачекъ, который мышленіе древняго міра дѣлаетъ при переходѣ отъ господина къ рабу, всего легче себѣ представить, если мы возьмемъ его прямое отраженіе—въ христіанской религіи. Христіанство, по своему происхожденію—религія рабовъ и всѣхъ угнетенныхъ,—явившись въ концѣ древняго міра, когда рабовладѣльческое хозяйство пришло къ завершенію своего типа, ярко и живо отразило этотъ типъ въ своей универсальной конструкціи. Іерархія людей, надъ ней іерархія ангеловъ и святыхъ,—но даже самый приближенный къ Богу изъ числа святыхъ передъ нимъ—абсолютное ничтожество, какъ и послѣдняя козявка; однимъ своимъ словомъ Богъ можетъ превознести послѣдняго изъ послѣднихъ до недосягаемой высоты перваго послѣ себя, и низвергнуть перваго изъ первыхъ въ бездну ничтожества.*) Та же конструкція повторяется и въ политическомъ устройствѣ Римскаго государства въ абсолютной власти императора, стоящей внѣ законовъ и создающей законы.

Та пропасть, которая отдѣлила господъ отъ непосредственно-техническаго процесса, существенно измѣнила линію развитія самого класса господъ.

Измѣненіе это заключается въ томъ, что связь между господиномъ и рабами—вообще перестаетъ быть *соціальной* связью. Въ основѣ всякой соціальной связи лежитъ *единство*

---

*) Въ позднѣйшей, феодальной версіи христіанства—въ католицизмѣ—этотъ идеологическій скачекъ нѣсколько смягченъ: тамъ святые обладаютъ болѣе или менѣе самостоятельными правами на вмѣшательство въ ходъ естественныхъ явленій, и могутъ передавать часть своей власти своимъ мощамъ, одеждамъ, изображеніямъ и т. п.; имъ можно молится, какъ меньшимъ богамъ; а Богородица представляетъ прямо промежуточное звено между высшимъ Богомъ и этими низшими. Такая конструкція вполнѣ соотвѣтствуетъ самому характеру феодальной зависимости, значительно смягченной по сравненію съ зависимостью рабовладѣльческаго міра. Въ цѣпи вассаловъ—сюзереновъ переходы отъ одного звена къ другому не такъ рѣзки, и высшій сюзеренъ, король или даже папа, не такъ рѣзко отдѣляется отъ слѣдующихъ за нимъ.

Digitized by Google

трудового процесса, какъ соціальной борьбы за существованіе. Теперь такого единства для господъ и рабовъ не существуетъ. Соотвѣтственно этому, рабъ для господина уже не является членомъ того соціального цѣлаго, къ которому самъ господинъ принадлежитъ. Но реальная связь не уничтожена. Во что же она обратилась?

Въ отношеніе между человѣкомъ и орудіемъ производства.

Въ самомъ дѣлѣ, техническій процессъ, выполняемый рабами, теперь не имѣетъ для господской коллективности, для общества, состоящаго изъ рабовладѣльцевъ, значенія соціально-техническаго процесса вообще. Онъ имѣетъ для нихъ то же значеніе, какъ для насъ—работа внѣ-соціальныхъ силъ, напримѣръ домашняго скота или машины. Рабъ тогда только instrumentum vocale, «говорящее орудіе».—Эта формула принадлежитъ самимъ древнимъ.

Но никакое соціальное цѣлое не можетъ существовать безъ своего особеннаго техническаго процесса, процесса непосредственной борьбы этого цѣлаго за его коллективную жизнь. Гдѣ же такой «техническій процессъ» для рабовладѣльческаго общества, въ которое рабы уже не входятъ, какъ его члены?

Мѣсто техническаго процесса для класса господъ, какъ отдѣльнаго соціальнаго цѣлаго, занимаетъ *процессъ эксплоатаціи рабовъ*, (а также ихъ добыванія). И этотъ фактъ былъ вполнѣ отчетливо сознанъ и формулированъ идеологами рабовладѣльцевъ, ихъ философами: «Все искусство господина сводится къ умѣнью использовать своихъ рабовъ». Всѣ поражающія насъ заявленія древнихъ писателей, въ которыхъ выражается полное отвращеніе и презрѣніе къ производительному труду, вытекаютъ изъ одного этого факта: «рабское» дѣло равнялось внѣ соціальнымъ процессамъ, выполнять его—значило становиться на уровень орудія или скота. Только тотъ, кто всецѣло живетъ эксплоатаціей, могъ считаться членомъ общества въ полной мѣрѣ, что и выражалось въ полнотѣ гражданскихъ правъ. Права ремесленниковъ и крестьянъ обыкновенно были ограничены—

Digitized by Google

эти люди разсматривались какъ существа промежуточныя между человѣкомъ—«политическимъ животнымъ»,—и рабомъ «орудіемъ, одареннымъ рѣчью».

Основу всякаго общественнаго разтитія составляетъ техническій прогрессъ. Какой же техническій прогрессъ возможенъ въ сложившемся рабовладѣльческомъ обществѣ?

Поскольку организаторскій классъ раньше являлся его носителемъ, постольку техническій прогрессъ теперь становится невозможенъ, какъ прогрессъ *техники производительнаго труда*; онъ принимаетъ форму *прогресса эксплоатаціи*, или, пожалуй, замѣняется прогрессомъ эксплоатаціи. Въ идеологіи рабовладѣльцевъ этотъ фактъ отражается такимъ образомъ, что даже для науки—которая первоначально возникала, разумѣется, изъ техники—техническія приложенія считаются «позорными», унижающими ея достоинство», и все развитіе науки, а также и философіи, совершается въ направленіи, частью совершенно чуждомъ идеѣ техническаго прогресса, частью прямо ей враждебномъ.

Но, можетъ быть, роль носителей техническаго прогресса отъ господъ переходитъ къ рабамъ? И этого нѣтъ въ дѣйствительности, и опять таки въ силу того, что развитіе класса господъ идетъ въ сторону прогресса эксплоатаціи. Рабъ-исполнитель доводится прогрессивно возрастающей эксплоатаціей до такого жизненнаго истощенія, при которомъ съ его стороны совершенно невозможны дополнительныя затраты энергіи на усовершенствованіе орудій и пріемовъ труда и на обдумываніе возможныхъ шаговъ въ этомъ направленіи. А рабъ-организаторъ? Его положеніе, конечно, нѣсколько лучше,—но направленіе его организаторской дѣятельности опредѣляется абсолютною волею господина; и такъ какъ эта воля предъявляетъ одно и только одно требованіе—maximum эксплоатаціи,—то и вся «прогрессивная» работа психики раба организатора уходитъ на рѣшеніе именно этой задачи. Отсюда—ужасающая жестокость рабовъ-управляющихъ къ подчиненнымъ и полное отсутствіе мысли объ улучшеніи условій и способовъ труда этихъ послѣднихъ.

Digitized by Google

Такъ создалось то безысходное противорѣчіе, которое привело къ гибели классическаго міра и его культуры: прогрессъ эксплоатаціи при отсутствіи техническаго прогресса. Этотъ типъ развитія самъ подрываетъ свои корни, самъ себя осуждаетъ,— и только случайно выполненіе казни надъ нимъ въ древней Европѣ выпало на долю сѣверныхъ пришельцевъ. Деградація и крушеніе все равно были неизбѣжны тамъ, гдѣ *паразитическое развитіе* господствующаго класса шло рядомъ съ *вырожденіемъ отъ истощенія* класса подчиненнаго, гдѣ весь излишекъ энергіи, возникающій изъ техническаго процесса, тратился за предѣлами этого процесса и гдѣ мало-по-малу сверхъ этого излишка сталъ растрачиваться такимъ же способомъ основной запасъ соціальной энергіи, воплощенный въ агентахъ техническаго процесса—производительныхъ работникахъ.

Таковъ *одинъ типъ* классового развитія общества, съ деградаціей, какъ необходимымъ исходомъ *).

---

*) Чтобы не усложнять вопроса, я не касался хода развитія и судьбы другихъ классовъ античнаго общества, потому что не имъ принадлежала опредѣляющая роль въ жизни и гибели древняго міра. Крестьянство и ремесленники, подавленные конкуренціей крупныхъ рабовладѣльческихъ хозяйствъ, разоряемые войнами, которыя велись ради добыванія рабовъ, достававшихся, конечно, въ концѣ концовъ крупнымъ рабовладѣльцамъ, истощаемые ростовщичествомъ со стороны этихъ послѣднихъ, не могли ни въ какомъ случаѣ послужить поддержкой для падающаго зданія. Пролетаріатъ паразитовъ только ускорялъ истощеніе соціальнаго цѣлаго.

Digitized by Google

X.

Другой типъ классового развитія общества лежитъ гораздо ближе къ намъ. Это—капитализмъ.

Исходной точкой *античнаго* классового развитія послужили патріархально-организованныя натурально-хозяйственныя общины, которыя лишь слабо и поверхностно объединялись понемногу связью общественнаго раздѣленія труда и выражающихъ его мѣновыхъ отношеній. Исходной точкой *современнаго* классового развитія явились мелко-буржуазныя хозяйственныя единицы, глубоко и тѣсно связанныя общественнымъ раздѣленіемъ труда, совершенно неспособныя поддерживать свое существованіе внѣ мѣновыхъ отношеній,—городскія ремесленныя и торговыя хозяйства среднихъ вѣковъ.

Повидимому, эти исходныя точки *предрѣшаютъ* тотъ или другой типъ классового развитія. Всюду, гдѣ классовое развитіе имѣло по преимуществу натурально-хозяйственный базисъ, оно направлялось по фатальному пути рабства; гдѣ преобладалъ базисъ мѣновой—развитіе шло по пути капитализма. Это подтверждается не только исторіей тѣхъ народовъ Востока, которые не знали мелко-буржуазной городской организаціи, и судьба которыхъ оказалась чуть ли не хуже судьбы классическаго міра;—это подтверждается и ходомъ развитія европейскихъ народовъ за послѣднее тысячелѣтіе. Именно, поскольку это развитіе совершалось (какъ классовое) имѣя за собою вначалѣ натурально-хозяйственное содержаніе, оно сбивалось на рабовладѣльческій типъ. Такова была въ большинствѣ случаевъ судьба деревни, которая получила классовую основу еще въ натурально-хозяйственной фазѣ. Крѣпостная система, развившаяся изъ феодальной основы, сильно напоминаетъ рабовладѣльческую и ведетъ, въ существенныхъ чертахъ къ тѣмъ же результатамъ: парази-

Digitized by Google

тическій типъ новѣйшей землевладѣльческой аристократіи отличается отъ древней рабовладѣльческой развѣ только меньшимъ благородствомъ, отсутствіемъ эстетической окраски; а вырожденіе крѣпостного крестьянства на почвѣ его истощенія чрезмѣрной эксплоатаціей аналогично вырожденію рабовъ, и до сихъ поръ еще даетъ себя чувствовать въ «идіотизмѣ деревенской жизни», замедляющемъ общій ходъ развитія современнаго міра.

Причина, въ силу которой различіе этихъ двухъ начальныхъ пунктовъ классовой дифференціаціи пріобрѣтаетъ такое рѣшающее значеніе для послѣдующаго, заключается, прежде всего, я полагаю, вотъ въ чемъ. Въ мелкихъ натурально-хозяйственныхъ организаціяхъ выдѣлившаяся организаторская функція, воплощенная, напр., въ патріархѣ, простираетъ свое вліяніе и воздѣйствіе на *всю* жизнь и дѣятельность организаціи, а спеціально—всѣхъ тѣхъ ея членовъ, которые выполняютъ исполнительную функцію; и это есть необходимый результатъ «самодовлѣющаго», экономически-замкнутаго характера такихъ организацій: организаторъ регулируетъ *все*, потому что это все есть полное органическое цѣлое, изъ котораго нельзя обособить какой-нибудь части. Когда же классовое разграниченіе рождается изъ мелко-буржуазныхъ отношеній, въ которыхъ каждая хозяйственная единица представляетъ экономическую дробь цѣлаго, то организаторская функція предпринимателя, который является сначала въ видѣ торговаго, потомъ въ видѣ промышленнаго капиталиста,—его организаторская функція (и ея выраженіе—его «власть») простирается только на опредѣленную, спеціализированную сферу дѣятельности исполнителя-рабочаго, на его профессіональный трудъ; въ остальной части своего существованія исполнитель «самостоятеленъ», т. е. самъ является «организаторомъ» своихъ дѣйствій и даже своего «частнаго хозяйства». Въ первомъ случаѣ для работника-исполнителя совершенно отсутствуетъ возможность самостоятельнаго развитія—онъ всецѣло «опредѣленъ» и ограниченъ внѣшней организующей силою; во второмъ случаѣ эта возможность существуетъ и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ меньшую долю су-

Digitized by Google

ществованія рабочаго занимаетъ его профессіональная функція, въ которой онъ «подчиненъ» организатору *).

Другая причина, по существу нераздѣльная съ первой, заключается въ томъ, что мелко-буржуазное общество, благодаря своему глубокому раздѣленію труда (и выражающему это раздѣленіе сложному соціально-групповому составу) образуетъ гораздо болѣе широкій базисъ для техническаго прогресса, чѣмъ патріархальное или феодальное общество, съ его слабымъ общественнымъ раздѣленіемъ труда (при которомъ все соціальное цѣлое сводится къ большему числу *почти стереотипно-тождественныхъ* натурально-хозяйственныхъ единицъ).

Итакъ, мы перейдемъ теперь къ вопросу объ основныхъ тенденціяхъ и предѣльныхъ результатахъ капиталистически-классового развитія.

XI.

Капиталистическій типъ классового развитія уже въ самомъ началѣ своемъ характеризуется рѣзко выступающей жизненной раздѣльностью «организаторскаго» или предпринимательскаго и «исполнительскаго» или рабочаго класса. Съ самаго начала обособленія этихъ частей общества, ихъ «стремленія» и «интересы» оказываются противоположны,—а это значитъ, что направленіе соціальнаго подбора въ нихъ существенно различно. Тутъ совсѣмъ нѣтъ той первичной гармоніи, того начальнаго идеологическаго единенія, какія наблюдаются въ патріархально-родовой группѣ, и даже феодальной. Нѣтъ съ самаго начала и той генетической непрерывности и устойчивости состава отдѣльной хозяйственной единицы — коллективности, какъ въ тѣхъ организаціяхъ: рабочій не прикрѣпленъ къ «организатору» предпріятія—капиталисту—ни кровной связью, ни связью необходимаго покровительства и наслѣдственнаго личнаго подчине-

*) Поэтому, между прочимъ, такое громадное значеніе для соціальнаго развитія имѣетъ уменьшеніе рабочаго дня.

Digitized by Google

нія.—Всѣ эти условія дѣлаютъ классовое развитіе при капиталистическомъ его типѣ несравненно болѣе быстрымъ, чѣмъ при всякомъ иномъ *)

Капиталистическое классовое развитіе—какъ и всякое классовое развитіе вообще—имѣетъ два полюса. Начнемъ съ верхняго—съ тенденцій, свойственныхъ «организаторскому» классу.

По существу—здѣсь повторяется уже знакомая намъ картина. Вначалѣ—сравнительно близкое, «непосредственно-организующее» отношеніе предпринимателя къ техническому процессу; затѣмъ—необходимо вызываемая самымъ ростомъ и усложненіемъ предпріятія частичная передача организаторскихъ функцій особымъ «исполнителямъ»—наемнымъ управляющимъ, надзирателямъ, ученымъ техникамъ и т. д.; затѣмъ, путемъ дальнѣйшаго переложенія организаторской работы на чужія плечи—полная фактическая утрата первоначальной роли въ производствѣ. И такъ какъ въ организаторскомъ классѣ, превращающемся такимъ образомъ въ классъ только господствующій, «усваивается» (или присваивается, что здѣсь одно и то же) весь излишекъ энергіи, доставляемый техническимъ процессомъ (здѣсь—въ формѣ «прибавочной стоимости»), то эта эволюція класса означаетъ сведеніе его къ чисто эксплоататорской функціи, къ голому паразитизму. Законченный результатъ этого процесса представляетъ типъ рентьера — землевладѣльца, или владѣльца акцій, или обладателя большихъ вкладовъ въ банкахъ,—людей, паразитирующихъ за счетъ прибавочнаго труда предпріятій, о которыхъ они знаютъ только по имени, — или даже *и настолько* не знаютъ (какъ бываетъ со вкладчиками банковъ, оказывающихъ кредитъ промышленнымъ предпріятіямъ).

Но есть важное различіе между этой формою паразитическаго перерожденія «организаторскаго» класса, и той, которую

*) Разумѣется, для того чтобы оно совершалось, необходимы опредѣленныя условія со стороны техническаго прогресса; но разъ эти условія есть, развитіе это не встрѣчаетъ тѣхъ *замедляющихъ препятствій*, которыя указаны въ нашемъ сопоставленіи.

Digitized by Google

мы видѣли у рабовладѣльцевъ классической древности. И для капиталиста, и для рабовладѣльца основная тенденція жизни есть, конечно, прогрессъ эксплоатаціи. Но въ то время какъ для рабовладѣльца эта тенденція всецѣло *замѣняла и вытѣсняла* тенденцію техническаго прогресса, для капиталиста она *сливается* съ этой послѣдней.

Таково вліяніе различной соціальной среды, въ которую поставлены эти два эксплоататорскіе типа. Рабовладѣльческія хозяйства, затронутыя обмѣномъ лишь въ своихъ верхушкахъ, слабо конкуррировали между собою, а потому и въ тѣ времена, когда рабовладѣлецъ былъ еще непосредственнымъ организаторомъ рабскаго труда, стимулы техническаго прогресса были ничтожны. Въ позднѣйшія же времена, когда мѣновая функція усилилась, и конкурренція стала ощутительной, соціальный типъ рабовладѣльца уже *вполнѣ* сложился и *вполнѣ* отграничился отъ всякой положительной роли въ производствѣ, а потому не могъ уже найти новыхъ путей приспособленія къ этой конкурренціи, кромѣ того же безпредѣльнаго выжиманія рабовъ. Напротивъ, капиталистъ соціально рождается уже среди конкурренціи, пожалуй, даже—изъ нея: вѣдь его власть не имѣетъ наслѣдственно-сословнаго характера, какъ власть рабовладѣльца, она завоевана въ той жестокой, на каждомъ шагу мрачно-преступной борьбѣ, которая называется «первоначальнымъ накопленіемъ», и расширяться дальше она можетъ лишь путемъ новой борьбы—капиталистической конкурренціи. Такимъ образомъ капиталистъ, какъ организаторъ предпріятія, постоянно испытываетъ на себѣ давленіе этой соціальной борьбы, въ которой побѣждаетъ тотъ, кто лучше вооруженъ, и въ которой высшая техника оказывается лучшимъ оружіемъ. Благодаря этому, съ самаго начала стремленіе къ maximum эксплоатаціи соединяется для капиталиста съ заботой о техническомъ прогрессѣ. А по мѣрѣ того, какъ стремленіе къ maximum эксплоатаціи встрѣчаетъ сопротивленіе рабочаго класса, забота о техническомъ прогрессѣ тѣмъ болѣе выступаетъ на первый планъ: когда одно оружіе въ жизненной борьбѣ притупляется, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе важно становится отточить другое. Для рабовладѣльца этого побужденія не существовало, потому что рабы не оказывали сопротивленія, а самое большее—умирали отъ истощенія.

По мѣрѣ своего удаленія отъ первоначальной роли въ производствѣ, по мѣрѣ ея передачи довѣреннымъ рабамъ, рабовладѣлецъ передавалъ имъ и свое принципіальное отношеніе къ хозяйству, т. е. требовалъ отъ нихъ только безпощадности въ дѣлѣ эксплоатаціи, но отнюдь не усовершенствованій въ способахъ производства. Капиталистъ, удаляясь отъ прямой организаторской дѣятельности въ своемъ предпріятіи, не перестаетъ еще ощущать дѣйствіе конкурренціи, а потому и не становится равнодушенъ къ техническому прогрессу. Отъ своихъ довѣренныхъ наемниковъ—директоровъ и инженеровъ—онъ требуетъ, поэтому, также не одной энергіи въ выжиманіи прибавочнаго труда рабочихъ, — но и технической предпріимчивости, умѣнья улучшать постановку дѣла, своевременнаго введенія вновь изобрѣтаемыхъ машинъ; капиталистъ особенно цѣнитъ въ этихъ служащихъ иниціативу въ усовершенствованьи предпріятія и техническую изобрѣтательность. Такимъ образомъ и дѣло техническаго прогресса не терпитъ существеннаго ущерба отъ того, что капиталистъ эволюціонируетъ въ паразита,—оно переходитъ только въ другія руки, — въ руки болѣе широкаго и болѣе жизненнаго класса капиталистическихъ «служащихъ», т. е. наемныхъ организаторовъ.

Соотвѣтственно измѣненіямъ соціальныхъ функцій класса капиталистовъ, мѣняется направленіе соціальнаго подбора въ его средѣ при выработкѣ его идеологическихъ формъ.

Въ области познавательныхъ приспособленій, технически-прогрессивная роль крупной буржуазіи на первыхъ стадіяхъ ея развитія сказывается *научной* и *матеріалистической* тенденціей. Возрастающая планомѣрность борьбы съ природою и власть общества надъ нею получаетъ свое выраженіе въ быстро расширяющейся суммѣ техническихъ знаній и въ развитіи «организующихъ» эти знанія *естественныхъ наукъ*. Въ созданіи этой части идеологіи участвуютъ, конечно, всѣ классы обще-

Digitized by Google

ства; но крупная буржуазія и ея идеологи, какъ изъ ея собственной среды, такъ и изъ среды примыкающей наемно-организаторской интеллигенціи, являются по преимуществу творцами *системы міровоззрѣнія*, имѣющей своей основою и содержаніемъ этотъ идеологическій матеріалъ.

Однако, техническая прогрессивность крупной буржуазіи связана, въ то же время, съ конкурренціей, со стихійной анархичностью и противорѣчивостью соціально-производственнаго цѣлаго; эта прогрессивность рождается, слѣдовательно, изъ власти общественныхъ формъ надъ людьми; а потому подчиненіе соціально-стихійнымъ силамъ есть специфическая форма для всего соціально-техническаго опыта крупной буржуазіи. Естественно, что соціальный подборъ въ соотвѣтствіи съ этой формою вырабатываетъ и все міровоззрѣніе крупной буржуазіи. Оно оказывается, при своемъ реально-техническомъ основномъ содержаніи, насквозь проникнуто *соціальнымъ фетишизмомъ*

Господство надъ людьми ихъ соціальныхъ отношеній воспринимается людьми, какъ постоянное активное вмѣшательство въ ихъ жизнь какихъ-то безличныхъ силъ, неуловимыхъ въ своей реальной формѣ, но непреодолимыхъ для какой бы то ни было попытки сопротивленія. «Мѣновая цѣнность» есть *первый* и наиболѣе типичный изъ этихъ «соціальныхъ фетишей»; она властвуетъ надъ людьми на рынкѣ, часто губитъ ихъ безпощадно; но что она такое—этого не въ силахъ понять фетишистъ рынка, ея трудовая сущность скрыта отъ него непроницаемою оболочкою,—это оболочка противорѣчій и борьбы, окутывающихъ собою реальное сотрудничество людей въ соціальномъ цѣломъ. Такой соціальный фетишъ въ силу неуловимости своего содержанія имѣетъ видъ *пустой абстракціи*; а въ то же время, какъ объединяющій моментъ обширнаго ряда явленій, онъ служитъ ихъ «организующей» познавательной формою, ихъ «объясненіемъ». «Товары продаются и покупаются въ такихъ-то соотношеніяхъ, потому что такова ихъ цѣнность»—вотъ формула соціально-фетишистическаго пониманія фактовъ.

Я не стану здѣсь на другихъ иллюстраціяхъ показывать

Digitized by Google

какъ *всѣ* области соціальной жизни въ своемъ буржуазно-идеологическомъ отраженіи получаютъ соціально-фетишистическую оболочку; не одинъ разъ я уже касался этого вопроса, и хотя ни разу не имѣлъ возможности остановиться на немъ съ такой полнотою, которой онъ заслуживаетъ, *) но здѣсь это было бы особенно затруднительно, такъ какъ отвлекло бы насъ далеко отъ основной нити изложенія. Для насъ достаточно того общаго соображенія, что если *основныя* жизненныя условія для класса капиталистовъ необходимо связаны съ соціально-фетишистическими формами мышленія, то соціальный подборъ въ этой классовой средѣ неизбѣжно будетъ обнаруживать тенденцію *всѣ* идеологическія формы согласовать, привести къ гармоніи съ этимъ фетишизмомъ. Въ результатѣ—и научно-философское буржуазное міровоззрѣніе проникается той «метафизичностью», которая группируетъ данныя опыта вокругъ пустыхъ абстракцій —«силъ» и «субстанцій»,—которая законы явленій принимаетъ, какъ *безличныя силы,* господствующія надъ природою, *неуловимыя въ своей реальной формѣ,* но *активныя и непреодолимыя*, подобно таинственнымъ силамъ рынка. Таковъ «матеріализмъ» буржуазіи: въ немъ всеобщей субстанціей является «матерія», опредѣляемая въ концѣ концовъ только какъ неизвѣстная причина ощущеній,—а въ качествѣ всеобщей формы выступаетъ столь же безсодержательный законъ причинности, сводящійся къ неизбѣжному наступленію обусловленнаго, разъ дана совокупность его условій,—при чемъ самый законъ играетъ роль активной силы, вызывающей переходъ отъ условій къ обусловленному**).

*) См. напр. «Изъ психологіи общества», ст. «Авторитарное мышленіе», стр. 145—149, и ст. «Развитіе жизни», стр. 75—77; также книга «Познаніе съ ист. точки зрѣнія», стр. 198—200 (нѣсколько иной способъ анализа); кн. «Новый міръ», стр. 30—33.

**) Въ области одной изъ самыхъ точныхъ наукъ—физики,—Эрнстъ Махъ блестяще показалъ, какъ почти каждое научное понятіе, кристаллизуясь, пріобрѣтало свойства фетиша, т. е. изъ простого обозначенія ряда фактовъ превращалось въ «объясняющее» ихъ «свойство» или «силу» или «сущность» вещей. Особенно поучителенъ въ этомъ

Digitized by Google

Наконецъ, третья черта буржуазнаго міровоззрѣнія въ эпоху положительной общественной роли буржуазіи—это *динамическая* или *эволюціонная* тенденція, вытекающая, разумѣется, все изъ той же технической прогрессивности.

Итакъ, міровоззрѣніе, исходящее изъ положительнаго научно-техническаго содержанія, эволюціонное, но въ то же время облеченное въ соціально-фетишистическія формы—таково направленіе въ которомъ вырабатывается познавательная идеологія капиталистовъ въ первой фазѣ развитія этого класса, до его паразитическаго вырожденія*).

Что касается нормативной идеологіи, то здѣсь крупная буржуазія, естественно, должна была въ юридическихъ и «нравственныхъ» формахъ систематизировать и тѣмъ самымъ прочно организовать основныя соціальныя условія своего «организаторскаго» положенія въ обществѣ, своего классового господства. Эта часть буржуазно-идеологической системы сводится къ двумъ принципамъ — *собственности* и *законности*, изъ которыхъ первый является по преимуществу «правовымъ», а второй—по

отношеніи, на мой взглядъ, анализъ «температуры» въ «Wärmelehre» и «массы» въ «Mechanik» (анализъ «энергіи» ошибочно усложненъ нѣсколькими «корнями», при чемъ, конечно, упущенъ основной — соціальный «корень»). Но, разумѣется, Маху чуждымъ осталось то міровоззрѣніе, которое одно въ силахъ радикально уничтожить самый *фетишизмъ* понятій, выяснивши его объективныя, внѣ-познавательныя основы.

*) Въ общемъ, крупной буржуазіи свойственна *матеріалистическая* окраска, въ силу, конечно, технически-прогрессивной роли этого класса. «Идеализмъ», генетически связанный съ религіозными міровоззрѣніями, и обыкновенно соединяющійся съ ними, болѣе свойственъ сословно-авторитарнымъ классамъ, напр. феодаламъ, дальше стоящимъ отъ техники и науки. *Мелкая буржуазія*, выдѣляющаяся изъ феодальной системы отношеній, въ силу своего консерватизма поддерживаемаго борьбою за сохраненіе своего соціальнаго положенія, долго удерживаетъ религіозныя и идеалистическія тендевціи. Крупная буржуазія въ свою очередь, какъ увидимъ, обнаруживаетъ эти тенденціи въ эпоху своего *упадка* и *вырожденія*, когда она становится авторитарна и консервативна.

Digitized by Google

преимуществу «моральнымъ». Я поясню эту характеристику, такъ какъ она можетъ вызвать нѣкоторое недоразумѣніе.

Мы уже видѣли, что реальныя отношенія производства облекаются въ нормативную форму отношеній собственности, что фактическія отношенія собственности систематизируются затѣмъ въ рядѣ нормъ болѣе общаго характера, и что въ концѣ концовъ эта идеологическая цѣпь завершается всеобщимъ, всепроникающимъ принципомъ «собственности»; содержаніе же этого принципа, измѣняющееся въ различныхъ общественныхъ формаціяхъ, опредѣляется основнымъ типомъ отношеній производства. Такъ, мелко-буржуазный принципъ собственности въ своемъ чистомъ видѣ заключаетъ въ себѣ идею непосредственнаго отношенія мелкаго производителя къ средствамъ и продуктамъ его труда,—то, что наши народники называютъ «трудовымъ началомъ»; въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ идеологи мелкой буржуазіи, начиная со временъ классической древности и до нашихъ дней, обнаруживаютъ тенденцію къ ограниченію не-трудовой частной собственности, и выдвигаютъ утопіи «мелко-буржуазнаго соціализма», сводящіяся къ созданію мелкой трудовой собственности за счетъ крупной не-трудовой. Крупно-буржуазный принципъ собственности имѣетъ, естественно, уже иное содержаніе, то, которое выражается словомъ «капиталъ», т. е. собственность, какъ орудіе господства надъ трудомъ и его эксплуатаціи, собственность, какъ «самовозрастающая цѣнность». Поверхностному взгляду капиталистическая концепція частной собственности кажется (благодаря отсутствію трудового момента) просто безсодержательной: частная собственность, и только. Но на практикѣ содержаніе принципа обнаруживается въ томъ всеобщемъ и основномъ для капиталистической системы фактѣ, что *продуктъ труда всецѣло и исключительно принадлежитъ собственнику средствъ производства, и ни въ какой мѣрѣ—трудящемуся.*

Всевозможныя правовыя нормы капиталистическаго общества обобщаются въ этомъ принципѣ и являются его частными приложеніями. Все гражданское законодательство — поскольку

Digitized by Google

оно создается именно крупной буржуазіей—служитъ организованнымъ воплощеніемъ этого принципа. Все уголовное законодательство и вся государственная конституція, поскольку они зависятъ отъ капиталистовъ, служатъ организованной охраной этого принципа.

Но такъ какъ все существованіе класса капиталистовъ окружено борьбою—какъ внутренней, въ видѣ конкурренціи, такъ и внѣшней, въ видѣ постоянныхъ конфликтовъ съ «исполнительскимъ» классомъ, пролетаріатомъ, и съ отстаивающей свое существованіе мелкой буржуазіей, и такъ какъ происходящія то и дѣло обостренія этой борьбы имѣютъ тенденцію нарушать жизненную устойчивость капитала и прочность его соціальнаго господства,—то *борьба противъ соціальной борьбы*, въ однихъ случаяхъ—только противъ ея крайностей (по отношенію къ конкурренціи), въ другихъ—противъ нея вообще (по отношенію къ классовымъ выступленіямъ пролетаріата и мелкой буржуазіи), эта борьба становится существеннымъ моментомъ въ соціальной жизни крупной буржуазіи. Организующія формы для этой борьбы вырабатываются въ видѣ различныхъ нормъ «соціальнаго и политическаго поведенія», которыя крупная буржуазія стремится распространить и упрочить во всемъ обществѣ. Конечное звено всѣхъ такихъ нормъ, выражающее ихъ основную и общую тенденцію,—это принципъ «законности».

Кажущаяся безсодержательность этого принципа, свойственная всѣмъ идейнымъ фетишамъ буржуазнаго общества, скрываетъ за собою очень реальное содержаніе. «Законность» требуетъ, какъ-будто, подчиненія установленнымъ въ обществѣ нормамъ, безъ отношенія къ тому, что въ нихъ заключаются; но такъ какъ это принципъ класса господствующаго въ производствѣ, то реально онъ означаетъ подчиненіе общества классовому господству крупной буржуазіи. Поэтому онъ и складывается вполнѣ лишь тогда, когда господство это становится въ широкихъ размѣрахъ совершившимся фактомъ.

Я назвалъ этотъ принципъ «по преимуществу моральнымъ» на томъ основаніи, что онъ, играя подчиненную роль по отно-

Digitized by Google

шенію къ принципу собственности, получаетъ реальную силу лишь постольку, поскольку съ нимъ сходится,—и тогда осуществляется путемъ принудительныхъ дѣйствій; поскольку же его тенденція не совпадаетъ съ тенденціей «священнаго начала собственности», постольку онъ имѣетъ лишь «идеальное» вліяніе, т. е. не проводится въ жизнь силою принужденія. Напр., «законность» поведенія низшихъ классовъ общества строго контролируется судами и другими властями и гарантируется суровыми наказаніями,—«законность» же въ отношеніяхъ самой буржуазіи къ этимъ низшимъ классамъ постоянно служитъ предметомъ обѣщаній и увѣреній буржуазныхъ политиковъ, и санкціонируется буржуазнымъ общественнымъ мнѣніемъ; но дальше этого дѣло не идетъ, если не вмѣшивается реальная сила другихъ классовъ.

Несмотря на эту практически-подчиненную роль, принципъ «законности» является настоящей «формою нормативнаго мышленія» для буржуазіи и ея идеологовъ; и даже тамъ, гдѣ приходится революціонно выступать противъ установленныхъ (другими классами) въ обществѣ нормъ, они невольно облекаютъ свою *анти-законную* борьбу все въ ту же форму «законности», напр. защиты «естественныхъ правъ» человѣка, гражданина, предпринимателя...

Таковы основныя идеологическія тенденціи организаторскаго класса капиталистовъ въ «реально-организаторской» фазѣ его развитія.

XII.

Рабочій классъ, постепенно выдѣляющійся въ теченіе приблизительно того же періода изъ мелкой буржуазіи города и деревни—изъ ремесленниковъ и крестьянъ, теряющихъ самостоятельную, одновременно организаторскую и исполнительскую функцію въ мелкомъ производствѣ,—рабочій классъ вначалѣ просто сохраняетъ сложившуюся раньше мелко-буржуазную идеологію; и только болѣзненныя противорѣчія, возникающія

Digitized by Google

изъ ея несоотвѣтствія съ его новымъ соціальнымъ положеніемъ и измѣняющейся, техникой приводятъ къ прогрессивному вытѣсненію этой идеологіи новыми тенденціями, создающими своеобразную собственную идеологію пролетаріата. Я буду говорить здѣсь, конечно, только объ этихъ тенденціяхъ, а не о мелко-буржуазныхъ пережиткахъ.

Познавательная сторона идеологіи пролетаріата, естественно, развивается въ научно-матеріалистическомъ направленіи. Это, вытекаетъ прямо изъ того факта, что рабочій является непосредственнымъ дѣятелемъ развивающагося техническаго процесса; и въ особенности *техника машиннаго производства* въ своемъ познавательномъ выраженіи неминуемо образуетъ матеріалистическое міропониманіе *). Точно также и динамическая тенденція необходимо свойственна идеологіи, рождающейся изъ трудовой дѣятельности, непрерывно реализующей техническій прогрессъ и непрерывно измѣняющей свое содержаніе въ полной зависимости отъ него.

Въ этихъ отношеніяхъ пролетарская идеологія вначалѣ совпадаетъ съ крупно-буржуазной и, вообще говоря, просто заимствуетъ матеріалъ этой послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальный фетишизмъ вначалѣ представляетъ общую окраску пролетарской идеологіи, впрочемъ, не столько подъ вліяніемъ идеологіи капиталистовъ, сколько вслѣдствіе сохраненія этого фетишизма отъ мелко-буржуазной фазы. Но чѣмъ дальше идетъ развитіе машинной техники и классовой борьбы пролетаріата

---

*) Въ своемъ изложеніи я, въ интерессахъ краткости и единства, не касаюсь вовсе первой ступени развитія трудового пролетаріата— рабочихъ мануфактуры. На этой стадіи рабочій, благодаря крайней узости опыта, вытекающей изъ мелочной спеціализаціи труда, и благодаря значительному консерватизму, вытекающему изъ (относительной) неподвижности техники въ каждой данной узкой спеціальности, гораздо ближе стоитъ къ рабамъ древняго міра, и лишь въ ничтожной мѣрѣ проявляетъ способность къ идеологическому развитію въ *самостоятельномъ* направленіи (а также и къ классовой борьбѣ).

Digitized by Google

тѣмъ значительнѣе расходится пролетаріатъ въ своемъ міровоззрѣніи съ классомъ капиталистовъ.

Начинается, однако, это расхожденіе, не здѣсь, а въ области нормативной идеологіи. Капиталистическій принципъ собственности означаетъ, какъ мы видѣли, подчиненіе производителя-пролетарія вообще; а спеціально собственность капиталиста на *купленную* имъ рабочую силу означаетъ подчиненіе пролетарія произвольно устанавливаемой капиталистомъ степени эксплуатаціи; и къ этому подчиненію направлены всѣ частныя правовыя нормы, выдвигаемыя крупной буржуазіей. Но пролетарій, какъ мы видѣли, не рабъ, безусловно и со всѣхъ сторонъ скованный необходимостью и привычкою подчиненія; за предѣлами своего «рабочаго дня» онъ—самъ свой собственный «организаторъ», и организаторъ своего частнаго хозяйства, напр. —«глава» своей семьи. Болѣе того,—въ самомъ актѣ продажи своей рабочей силы, въ этой исходной точкѣ его рабства, онъ выступаетъ, какъ безусловный владѣлецъ этой рабочей силы, который «можетъ» располагать ею, хотя практически онъ имѣетъ только—и то не всегда, и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ,—возможность выбрать себѣ хозяина. На почвѣ такихъ элементовъ соціальной независимости, первоначально являющихся только остатками мелко-буржуазной формы существованія, у рабочаго обнаруживается отнюдь не рабское отношеніе къ тѣмъ нормамъ, которыя создаются для него капиталистами.

Таково происхожденіе классовой борьбы. Начинается она—соотвѣтственно мелко-буржуазному происхожденію рабочаго — въ мелко-буржуазной формѣ борьбы индивидуальнаго продавца рабочей силы съ индивидуальнымъ ея покупателемъ—капиталистомъ—на рынкѣ рабочей силы; и ведется тогда изъ-за конкретныхъ нормъ подчиненія,—высоты заработной платы, длины рабочаго времени и т. д.,—нормъ для даннаго рабочаго т. е. наиболѣе частныхъ. Затѣмъ, благодаря коопераціи капиталистическаго предпріятія и благодаря обусловленной ею общности нормъ подчиненія, а также, конечно, благодаря инди-

Digitized by Google

видуальному безсилію рабочаго,—борьба эта шагъ за шагомъ «обобществляется» въ предѣлахъ предпріятія; далѣе—общность условій труда въ различныхъ предпріятіяхъ одной отрасли и взаимная зависимость ихъ успѣховъ въ борьбѣ ведетъ это обобществленіе борьбы за предѣлы отдѣльнаго предпріятія; наконецъ, общая зависимость рабочихъ различныхъ отраслей отъ рынка труда съ его безработной арміей, вмѣстѣ съ прогрессомъ техники, *сближающимъ*, какъ мы видѣли, трудовыя функціи различныхъ по спеціальностямъ рабочихъ, разрываетъ рамки отдѣльныхъ отраслей производства и дѣлаетъ рабочее движеніе наиболѣе широко-классовымъ, какое видѣлъ когда-либо міръ.

Но борьба въ этомъ процессѣ не только «обобществляется»,—она также «обобщается», т. е. направляется противъ *все болѣе общихъ* нормъ, создаваемыхъ крупной буржуазіей. Даже какъ борьба «экономическая», она все въ болѣе широкихъ размѣрахъ стремится измѣнить и замѣнить новыми конкретныя нормы подчиненія и эксплоатаціи,—но все-же *только* новыми нормами того же рода, болѣе выгодными для рабочихъ. Когда затѣмъ борьба возвышается до степени «политической», ея объектомъ становятся правовыя «нормы нормъ» экономическаго подчиненія, охватывающія область производства въ цѣломъ. Но тѣмъ самымъ борьба затрагиваетъ уже высшій, всеобъемлющій нормативный принципъ буржуазнаго бытія—капиталистическую частную собственность, принципъ буржуазнаго господства; т. е. вѣрнѣе, *обнаруживается* враждебная этому принципу тенденція всей пролетарской борьбы, эмбріонально скрытая уже въ низшихъ формахъ борьбы.

Въ этой борьбѣ рабочій классъ, выдвигая свои собственныя нормы, отъ болѣе конкретныхъ и частныхъ до самихъ общихъ и принципіальныхъ, создаетъ шагъ за шагомъ *всю собственную нормативную идеологію*, что и дѣлаетъ его *классомъ* въ самомъ полномъ и строгомъ значеніи этого слова. Что же это за идеологія?

Трудовой принципъ собственности, унаслѣдованный отъ мелко-буржуазной фазы, даетъ первичый матеріалъ для развитія

Digitized by Google

пролетарской нормативной идеологіи,—но только матеріалъ. Сначала выдвигаются просто конкретныя нормы оцѣнки рабочей силы, какъ «справедливыя», т. е. «соотвѣтствующія» затратамъ труда. Но затѣмъ, по мѣрѣ расширенія и углубленія борьбы, идея «справедливой» оцѣнки рабочей силы отступаетъ передъ тенденціей къ maximum оцѣнки, какого можно практически добиться, и тенденція эта обобщается въ представленіи, что *весь продуктъ* каждаго предпріятія произведенъ рабочими, и слѣдовательно *весь онъ* (или вся его цѣнность) *долженъ принадлежать рабочимъ**) Когда же борьба становится обще-классовой, то эти болѣе частныя нормативныя представленія уступаютъ мѣсто широкому, всеобъемлющему принципу общественной собственности на всѣ средства производства—принципу *соціализма.* Принципъ соціализма и есть высшее звено въ цѣпи развитія и обобщенія нормативной пролетарской идеологіи.

Этотъ принципъ стоитъ, конечно, въ рѣзкомъ противорѣчіи съ принципомъ капиталистической собственности; но онъ отнюдь не есть простое отрицаніе этого послѣдняго. Мы уже знаемъ, что соціальный подборъ—въ данномъ случаѣ соціально-классовой въ пролетарской средѣ—сохраняетъ и развиваетъ только такія идеологическія формы, которыя *организуютъ* реальное содержаніе жизни, въ конечномъ счетѣ именно техническій процессъ. Такое значеніе и имѣютъ всѣ нормы, выдвигаемыя пролетаріатомъ въ классовой его борьбѣ. Нормы конкретнаго характера, относящіяся къ заработной платѣ, рабочему дню и т. под., имѣютъ тенденцію организовать трудовой процессъ такъ, чтобы рабочая сила могла развиваться до maximum при непрерывно мѣняющейся техникѣ,—а это осуществляется именно путемъ повышенія уровня жизни работника. Нормы болѣе общаго характера, направленныя къ ограниченію капиталистической собственности вообще и, наконецъ, къ

*) Эта фаза развитія пролетарской идеологіи находитъ свое принципіальное выраженіе въ идеѣ *производительныхъ рабочихъ ассоціацій.*

Digitized by Google

ея устраненію,—эти нормы пролетарской идеологіи имѣютъ тенденцію передать рабочему классу общую организаторскую функцію въ системѣ производства, которая пока принадлежитъ капиталистамъ. Обѣ тенденціи суть реальныя тенденціи развитія самого производства. Въ прогрессирующей машинной техникѣ дѣйствительно создается высшій типъ работника, и по трудовой энергіи, и по интеллигентности,—типъ, характеризуемый высшимъ уровнемъ жизни; и капиталисты вынуждены отступать передъ нимъ въ борьбѣ, соглашаться на необходимыя для него измѣненія въ нормахъ эксплуатаціи,—потому что этого требуетъ самое производство, самая возможность его развитія. Въ то же время рабочій дѣйствительно пріобрѣтаетъ организаторскія функціи въ техническомъ процессѣ,—пріобрѣтаетъ ихъ какъ индивидуально, благодаря тому, что работа при машинѣ имѣетъ черты не только исполнительскаго, но и организаторскаго труда, притомъ чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени,—такъ и коллективно, благодаря тому, что въ экономической борьбѣ рабочіе реально ограничиваютъ организаторскую роль капиталистовъ въ ихъ предпріятіяхъ, а въ политической борьбѣ—организаторскую роль класса капиталистовъ во всей жизни общества*). Такимъ образомъ пролетарская нормативная идеологія выражаетъ дѣйствительныя трудовыя отношенія пролетаріата, и служитъ вполнѣ реально организующею формою ихъ развитія.

Однако, она не господствуетъ въ капиталистическомъ обществѣ, и пролетаріатъ принужденъ въ массѣ случаевъ приспособляться къ внѣшней силѣ нормъ, навязанныхъ господствующимъ классомъ. Въ борьбѣ съ этой внѣшнею силою, пролетаріатъ вырабатываетъ нормы поведенія, не имѣющія ничего

*) Обо всемъ этомъ здѣсь не приходится говорить подробно, но я не разъ довольно обстоятельно излагалъ основныя черты этихъ процессовъ,—прежде всего въ «Краткомъ курсѣ экономической науки» (въ параграфахъ о техникѣ и о сотрудничествѣ, отдѣлы «Машинный капитализмъ» и «Соціалистическое общество»). Затѣмъ въ книгѣ «Изъ психологіи общества», стр. 151—155 (ст. «Авторитарн. мышленье») и «Новый міръ, стр. 37—49.

Digitized by Google

общаго съ буржуазнымъ принципомъ «законности», и въ массѣ случаевъ прямо ему противорѣчащія. Эти пролетарскія нормы находятъ себѣ законченное, обобщающее выраженіе въ принципѣ *товарищеской классовой солидарности*. Принципъ «законности» требуетъ всеобщаго подчиненія установленнымъ внѣшнимъ нормамъ, за которыми скрывается классовое господство буржуазіи; принципъ классовой солидарности пролетаріевъ требуетъ подчиненія *сознаннымъ коллективнымъ интересамъ* рабочаго класса, т. е. практически, поскольку дѣло касается общей борьбы, интересамъ развитія этой борьбы. Поэтому всюду, гдѣ только установленныя нормы сковываютъ развитіе обще-пролетарской борьбы, рабочіе обнаруживаютъ тенденцію революціонно нарушить эти нормы, и принципъ ихъ поведенія, въ противоположность буржуазной «законности», «лойяльности», оказывается революціоннымъ.

Вслѣдъ за нормативной, и познавательная идеологія пролетаріата шагъ за шагомъ обособляется отъ буржуазной, и становится ея противоположностью. Съ одной стороны, пролетарское міровоззрѣніе освобождается отъ соціалистическаго фетишизма, съ другой стороны—его динамическая тенденція пріобрѣтаетъ характеръ *революціонной*, въ противоположность *эволюціонному* динамизму буржуазной идеологіи*). Въ результатѣ —и научно-матеріалистическая тенденція пролетарской идеологіи существенно расходится съ буржуазно-матеріалистической, такъ что даже обозначеніе ихъ однимъ и тѣмъ же словомъ есть, собственно, пережитокъ прошлаго.

Соціальный фетишизмъ, какъ мы видѣли, есть выраженіе общей неорганизованности соціальной системы производства, и складывается первоначально въ сферѣ обмѣна и конкурренціи, гдѣ онъ непосредственно достаточенъ для того, чтобы позна-

*) Я беру здѣсь слово «эволюція» въ первоначальномъ, болѣе узкомъ значеніи этого слова, какое сохранилось, напр., въ эмбріологіи: развитіе сходнаго изъ сходнаго, чуждое *качественнаго* преобразованія формъ.

Digitized by Google

вательно организовать противорѣчивое содержаніе опыта. Принимая участіе и въ обмѣнѣ, и въ конкурренціи, пролетаріатъ не можетъ миновать фазы соціальнаго фетишизма и, слѣдовательно, метафизически окрашеннаго міровоззрѣнія съ абстрактно-пустыми высшими обобщеніями; и въ этой фазѣ онъ еще пользуется буржуазнымъ познаніемъ, буржуазной философіей. Но по мѣрѣ того, какъ во внутреннихъ отношеніяхъ рабочаго класса конкурренція уступаетъ мѣсто солидарности, а во внѣшнихъ на мѣсто индивидуальной продажи пролетаріемъ его рабочей силы становится коллективная борьба съ классомъ капиталистовъ за лучшія условія труда, при чемъ вскрываются дѣйствительныя отношенія эксплуатаціи и подчиненія, замаскированныя формою продажи рабочей силы,—по мѣрѣ этихъ измѣненій исчезаетъ почва для соціальнаго фетишизма въ рабочемъ классѣ. Формы познанія, приспособленныя къ внутреннимъ противорѣчіямъ коллективнаго бытія, дѣлаются недостаточны и негодны, когда въ классовомъ существованіи пролетаріата эти внутреннія противорѣчія вытѣсняются внутреннимъ единствомъ съ одной стороны и внѣшними противорѣчіями (борьба съ классомъ капиталистовъ)—съ другой. Новый типъ познавательныхъ формъ выражаетъ новыя отношенія.

Въ области соціальной жизни принципъ новаго познанія заключается въ томъ, что соціально-направленный трудъ людей есть дѣйствительная основа цѣнности,—не только экономической, но и всякой иной. Техническая цѣнность продуктовъ, становящаяся на мѣсто фетиша мѣновой цѣнности, есть кристаллизованное въ нихъ количество соціально-трудовой энергіи людей. Познавательная цѣнность идей есть способность повышать сумму соціально-трудовой энергіи, планомѣрно опредѣляя, «организуя» пріемы и способы человѣческой дѣятельности «Нравственная» цѣнность*) человѣческаго поведенія имѣетъ

*) Слово «нравственность», относящееся къ области *нормъ принужденія*, здѣсь *не вполнѣ* подходитъ. Психологія свободы чужда собственно «нравственнаго», т. е. категорически-императивнаго элемента.

Digitized by Google

своимъ содержаніемъ повышеніе соціально-трудовой энергіи путемъ гармоническаго объединенія и сплоченія дѣятельности людей, путемъ «организаціи» ея въ направленіи maximum солидарности.

Соотвѣтственно измѣняющимся формамъ пониманія соціальной жизни, становятся недостаточны и неудовлетворительны прежнія формы познанія во всѣхъ областяхъ опыта; прежнія пустыя абстракціи, въ родѣ «субстанціи», «силы», «абсолютнаго», теряя фетишистическія свойства, теряютъ и свою жизненность; ихъ голая пустота вскрывается передъ растущимъ мышленіемъ, и онѣ не могутъ болѣе организовать его; если онѣ еще и продолжаютъ временно сохраняться, то лишь какъ обозначенія сознанныхъ пробѣловъ познанія. Новыя формы вырабатываются изъ новой техники, изъ ея общихъ, однородныхъ пріемовъ и методовъ, представляемыхъ системою машиннаго производства. Завершеніемъ этихъ формъ, ихъ высшимъ звеномъ для даннаго момента является законъ превращенія и сохраненія энергіи:—*это всеобщее выраженіе машинной техники* распространяется по «производной» линіи идеологическаго развитія на всѣ прочія области опыта и пріобрѣтая, такимъ образомъ, характеръ универсальнаго монистическаго принципа, до сихъ поръ оказывается способнымъ безъ противорѣчій организовать въ послѣдней инстанціи весь опытъ людей.

Энергетика еще раньше становится знакома буржуазной наукѣ, чѣмъ пролетарскому міровозрѣнію. Но въ буржуазномъ мышленьи и этотъ принципъ пріобрѣтаетъ метафизическую, т. е. соціально-фетишистическую окраску: сохраненіе энергіи понимается какъ вѣчность какой-то «субстанціи». Уже современные ученые и философы буржуазнаго міра—представители не столько буржуазіи, сколько наемной интеллигенціи съ ея промежуточно-классовымъ характеромъ—шагъ за шагомъ освобождаютъ энергетическій монизмъ науки отъ элементовъ метафизики и фетишизма, раскрывая его *методологическое* содержаніе. Но они не могутъ ни закончить этой работы устраненія фетишизма, ни развить и расширить до высшихъ предѣловъ по-

Digitized by Google

ложительное содержаніе принципа. Относя этотъ принципъ только къ физическому опыту, и не рѣшаясь распространить его на психическій, они не только съуживаютъ его смыслъ и значеніе, но также обнаруживаютъ остатки субстанціальнаго, т. е. метафизическаго пониманія энергіи, того пониманія, которое дѣлаетъ энергію субстанціей физическаго міра.*) Только въ пролетарскомъ мышленьи этотъ принципъ способенъ монистически проникнуть собою все познаніе и гармонически организовать весь опытъ.

Динамическая тенденція въ пролетарскомъ міровоззрѣніи расходится съ динамической тенденціей въ буржуазномъ благодаря различной роли обоихъ классовъ въ самомъ процессѣ соціальнаго развитія. Въ техническомъ прогрессѣ активно участвуютъ оба класса; но для буржуазіи этотъ прогрессъ жизненно-полезенъ лишь постольку, поскольку онъ расширяетъ возможность эксплоатаціи, т. е. поскольку соціально-трудовая организація, измѣняясь количественно, остается прежнею качественно,—сохраняетъ свою классовую форму. Напротивъ, для пролетаріата техническій прогрессъ превращается въ путь къ соціальной революціи, къ качественному измѣненію формы общества, къ уничтоженію его классового строя. Это различное отношеніе къ прогрессу въ основной области опыта и здѣсь и тамъ переносится на весь опытъ и на все познаніе. Въ результатѣ—противоположность «эволюціоннаго» динамизма буржуазной философіи съ «революціоннымъ»—пролетарской.

И съ этой стороны «научно-матеріалистическій» характеръ пролетарскаго міровоззрѣнія оказывается далеко не одинаковъ съ «научно-матеріалистическимъ» характеромъ міровоззрѣнія

*) Энергія, какъ организующее методологическое понятіе, очевидно, можетъ найти себѣ мѣсто и по отношенію къ психическому опыту,—и для познанія съ его монистической тенденціей попытки такого примѣненія обязательны и неизбѣжны. Но энергія какъ физическая «субстанція» не можетъ быть одновременно и «психической» субстанціей (т. е. «душой»).

Digitized by Google

буржуазнаго *). Познавательныя идеологіи двухъ классовъ расходятся по всѣмъ основнымъ линіямъ.

Противорѣчіе нормативныхъ и познавательныхъ идеологій постепенно возрастая, ведетъ къ прогрессивному разъединенію классовъ на два отдѣльныхъ общества, относящіяся каждое къ другому, какъ къ силамъ внѣшней природы.

Разъединеніе это достигаетъ maximum, когда классъ капиталистовъ окончательно утрачиваетъ реально-организующую функцію въ производствѣ, и превращается въ паразитическій классъ.

Тогда его нормативные принципы становятся реакціонными, а его міровоззрѣніе прямо дезорганизуется.

Капиталистическая собственность, освобожденная уже отъ *всякаго* производственнаго содержанія, превращается въ принципъ чистой эксплотаціи, подобный рабовладѣльческому принципу, и находитъ свое законченное воплощеніе въ биржевой игрѣ, а также кредитныхъ и акціонерныхъ спекуляціяхъ, граничащихъ съ простымъ грабежомъ.

Принципъ законности во многихъ случаяхъ оказывается уже не соотвѣтствующимъ классовому интересу, и еще чаще—не соотвѣтствующимъ интересу личному. Тогда онъ систематически и болѣе и менѣе явно нарушается. Въ то же время онъ формально признается и настойчиво навязывается остальному обществу всюду, гдѣ его сохраненіе остается выгоднымъ для капиталистовъ. Это противорѣчивое отношеніе класса капиталистовъ къ собственному принципу, конечно, подрываетъ въ корнѣ остатки вліянія, какими еще пользовался самый принципъ, и опредѣляется другими классами, какъ «грубое лицемѣріе».

Въ области познанія научно-матеріалистическая тенденція исчезаетъ, такъ какъ ея основа—техническій опытъ—стано-

---

*) Слово «матеріализмъ» въ примѣненіи къ пролетарской идеологіи можно допускать только въ самомъ широкомъ смыслѣ,—въ смыслѣ антитезы «идеализму» и всякой метафизикѣ.

Digitized by Google

вится далекой и чуждой для паразитическаго класса. Такая же судьба постигаетъ и динамическую тенденцію—по той же причинѣ, а также и потому, что въ атмосферѣ консерватизма и реакціонности, характеризующей отжившую буржуазію, элементы динамизма въ міровоззрѣніи встрѣчаютъ интенсивныя противорѣчія и подвергаются отрицательному подбору.— Остается только соціальный фетишизмъ, ничѣмъ не ограниченный и не смягченный, какъ организующая форма для все болѣе бѣднаго содержанія.

Впрочемъ, въ это время усилія буржуазіи закрѣпить за собою господство въ *сословно-авторитарныхъ* и государственныхъ формахъ, разъ его не удается удержать экономической силою,— усилія эти ведутъ къ воскрешенію въ буржуазіи элементовъ авторитарной идеологіи, подобныхъ феодальнымъ тенденціямъ; и разложеніе буржуазнаго мышленія осложняется проявленіями религіозности, ханжества и т. п.

Но въ это время пролетаріатъ, организовавшись въ силу, способную стройно организовать все производство, завершивъ выработку новой идеологіи, устраняетъ и анархію производства, и всѣ нормы господства крупной буржуазіи, замѣняя все это новыми, *своими* формами жизни. Источники паразитизма исчезаютъ, классъ паразитовъ распадается. Остается единое общество съ единой идеологіей. Классовое развитіе закончено, начинается новая фаза исторіи человѣчества, фаза объединеннаго гармоническаго развитія. Этотъ моментъ лежитъ еще въ будущемъ, но приводящія къ нему тенденціи настоящаго такъ сильны и очевидны, что его необходимость несомнѣнна.

* * *

Резюмируемъ главнѣйшіе выводы, касающіеся соціально-группового и классового дробленія общества.

1. И соціально-групповое, и классовое раздѣленіе общества являются результатомъ количественнаго и качественнаго прогресса техники. «Соціальныя группы» возникаютъ на почвѣ

Digitized by Google

развитія спеціализаціи, «классы»—на почвѣ прогрессивнаго обособленія организаторскихъ и исполнительскихъ функцій въ обществѣ. Сущность соціально-группового и классового разъединенія сводится къ жизненно-важнымъ различіямъ въ направленіи соціальнаго подбора.

2. Соціальныя группы или классы тогда пріобрѣтаютъ свойства опредѣленныхъ и устойчивыхъ соціальныхъ комплексовъ, когда у нихъ складываются опредѣленно-различныя идеологіи, чѣмъ и обусловливается устойчиво-различное направленіе соціальнаго подбора въ средѣ этихъ коллективностей.

3. Соціально-групповое обособленіе представляетъ по своей степени функцію двухъ перемѣнныхъ тенденцій—*дифференцирующей* технику, обостряющей различія спеціальностей, и *интегрирующей*, создающей сходство и единство въ спеціальныхъ функціяхъ производства. Исторически, въ развитіи техники наблюдается сначала—вплоть до эпохи машиннаго производства—преобладаніе первой изъ этихъ тенденцій; рамки соціальныхъ группъ укрѣпляются и достигаютъ той высокой степени прочности, которая характеризуетъ, напр., цеховыя разграниченія. Затѣмъ, накопленіе и организація соціально-техническаго опыта приводятъ къ тому, что перевѣсъ склоняется на сторону интегрирующей тенденціи: вырабатываются общіе методы борьбы съ природою въ самыхъ различныхъ отрасляхъ—методы, главнымъ образомъ, машиннаго производства,—и рамки спеціальностей расплываются, идеологіи соціальныхъ группъ сближаются и сливаются, пока въ единствѣ трудовыхъ методовъ не исчезаетъ совершенно соціально-групповое дробленіе общества.

4. Что касается классового дробленія, то оно на болѣе раннихъ стадіяхъ дифференціаціи задерживается тѣмъ особеннымъ отношеніемъ, которое существуетъ между функціей организатора и соціальной идеологіей. Организаторъ есть персональная форма организующаго приспособленія, идеологія—форма безличная. Организаторъ существуетъ и работаетъ, а идеологія развивается за счетъ *одной и той же* соціально-энергетической величины—за счетъ перевѣса усвоенія надъ затратами энергіи

Digitized by Google

въ непосредственно-трудовомъ, въ техническомъ процессѣ. Благодаря этимъ соотношеніямъ, первоначальными творцами идеологіи выступаютъ организаторскіе элементы общества, при чемъ, разумѣется, создаваемая ими идеологія является тогда общею для всего соціальнаго цѣлаго.

5. Идеологія, вырабатываемая организаторской частью общества, до тѣхъ поръ сохраняетъ полное жизненное значеніе для обѣихъ частей общества, пока организуемое ею содержаніе остается дѣйствительно общимъ для нихъ. Когда же это условіе нарушается, и жизненное содержаніе двухъ частей общества становится существенно различнымъ, —напр., въ началѣ эпохи рабства, когда верхняя часть общества вовлекается въ обмѣнъ, а нижняя часть продолжаетъ жить въ натурально-хозяйственныхъ рамкахъ,—тогда начинается идеологическое разъединеніе классовъ, тогда идеологія высшаго класса становится въ противорѣчіе съ жизненнымъ опытомъ и стремленіями низшаго, и это противорѣчіе въ дальнѣйшемъ возрастаетъ.

6. Организаторская функція «высшаго» класса позволяетъ ему организовать жизнь «низшаго» класса посредствомъ даже такихъ нормъ, которыя не соотвѣтствуютъ жизненнымъ условіямъ этого послѣдняго. Такія нормы для подчиняемаго имъ класса пріобрѣтаютъ значеніе внѣшней силы, подобной силамъ внѣ-соціальной природы,—силы враждебной, но къ которой необходимо приспособляться. Таково первичное и основное классовое противорѣчіе,—исходная точка развитія всякой классовой борьбы.

7. Существуетъ нѣсколько типовъ классового развитія. Изъ нихъ предѣльными являются два: типъ классическаго рабства, и типъ капитализма. Другіе типы, напр., феодальный, жизненно сводятся къ этимъ двумъ, переходя въ нихъ на извѣстной стадіи своего развитія (все это относится, конечно, не къ идеально-возможнымъ, а лишь къ исторически-извѣстнымъ типамъ классового развитія.)

8. Оба типа классового развитія совпадаютъ въ томъ отношеніи, что организаторскій классъ, прогрессивно удаляясь отъ технически-производственнаго процесса, теряетъ съ теченіемъ

Digitized by Google

времени реально-организаторскую функцію, превращаясь въ классъ паразитическій, и неизбѣжно вырождаясь, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряя и свою соціальную силу.

9. Оба типа различаются между собою по исходному пункту и по конечнымъ соціальнымъ результатамъ. Античный типъ классового развитія имѣетъ своимъ началомъ патріархальное, натурально-хозяйственное рабство, которое затѣмъ осложняется обмѣномъ, захватывающимъ лишь верхи общества. Организаторское вліяніе господина простирается на все существованіе рабовъ, связь господина и раба неподвижная (не можетъ быть разорвана волею раба, но только—волею господина). Этотъ типъ классового развитія быстро приводитъ къ превращенію непосредственнаго работника въ орудіе производства, и путемъ безпредѣльной эксплоатаціи обусловливаетъ его полное вырожденіе. Техническій прогрессъ прекращается. Рабская идеологія не успѣваетъ сложиться и не идетъ дальше зародышей; классовая борьба отсутствуетъ. Вырожденіе обоихъ классовъ завершается разложеніемъ и крушеніемъ всего общества.

10. Капиталистическій типъ классового развитія имѣетъ началомъ мелко-буржуазную мѣновую организацію. Организаторская роль предпринимателя ограничивается опредѣленной частью существованія рабочаго—рабочимъ днемъ. Связь подвижная (договорная). Этотъ типъ классового развитія приводитъ къ прогрессивному превращенію массы индивидуальныхъ работниковъ исполнителей въ сплоченную коллективность, приспособленную къ организаторской роли въ безпредѣльно расширяющихся размѣрахъ. Быстрый техническій прогрессъ, который свойственъ этому типу развитія, стимулируетъ быстрое развитіе противоположныхъ классовыхъ идеологій и классовой борьбы. Дѣло завершается крушеніемъ прежняго организаторскаго класса и переходомъ общества отъ классового развитія въ противорѣчіяхъ къ интегрально-гармоническому развитію. Стихійность внѣ-соціальная и соціальная одинаково преодолѣваются планомѣрно-организованной силою человѣчества, его власть надъ природою безпредѣльно возрастаетъ...

Digitized by Google

САМОПОЗНАНІЕ ФИЛОСОФІИ.

(Происхожденіе эмпиріомонизма).

I.

Циклъ явленій, подлежащихъ познанію, завершается самимъ познаніемъ. Здѣсь оно выступаетъ какъ одинъ изъ соціальныхъ процессовъ—наиболѣе сложный изъ всѣхъ, но принципіально познаваемый до конца. Ни въ его формахъ, ни въ его движеніи нѣтъ ничего по существу недоступнаго той организующей опытъ трудовой дѣятельности, которую *оно* изъ себя представляетъ. Отъ самыхъ частныхъ до самыхъ общихъ, всѣ формы познанія должны быть изслѣдованы со стороны ихъ генезиса, ихъ жизненнаго значенія, ихъ развитія, ихъ конечной судьбы.

Такъ мы и поступали во всемъ предыдущемъ изложеніи. При этомъ мы систематически пользовались опредѣленными методами и пріемами, выражающими опредѣленную точку зрѣнія на изслѣдуемый объектъ. Отчасти, мы анализировали, все съ той же точки зрѣнія, и самые методы изслѣдованья,—но только отчасти. Мы, напр., видѣли, что индукція и дедукція представляютъ изъ себя сокращенное воспроизведеніе процессовъ идеологическаго развитія вообще, какъ они протекаютъ въ соціальной жизни; мы отмѣчали связь закона сохраненія

Digitized by Google

энергіи съ машиннымъ производствомъ, и т. д. Дать сколько-нибудь исчерпывающій анализъ такихъ соотношеній мы здѣсь, очевидно, не имѣемъ возможности. Но для насъ обязательно выполнить по крайней мѣрѣ одно: основы *своего собственнаго міровоззрѣнія* мы должны опредѣлить со стороны ихъ соціальнаго генезиса, понять ихъ, какъ идеологическія производныя глубже лежащихъ соціальныхъ условій. Это мы и постараемся теперь сдѣлать.

Когда передъ нами имѣется опредѣленный типъ міровоззрѣнія, напр., религіозно-дуалистическій или, положимъ, метафизически-монистическій, то для точнаго выясненія его объективныхъ основъ слѣдуетъ, пользуясь индуктивными пріемами, поступать такъ. Прежде всего, возможно отчетливо установить ту соціальную среду—классъ, соціальную группу,—въ которой господствуетъ этотъ типъ міровоззрѣнія. Затѣмъ надо выяснить главныя соціально-трудовыя отношенія, свойственныя этой средѣ—данному классу, данной группѣ: мы можемъ a priori предполагать, что главныя черты міровоззрѣнія, опредѣляющія его типъ, зависятъ именно отъ главныхъ жизненныхъ отношеній той среды, которая порождаетъ и поддерживаетъ это міровоззрѣніе. Путемъ простого сравненія схемы міровоззрѣнія со схемою трудовыхъ отношеній соціальной среды мы можемъ, обыкновенно, получить уже матеріалъ для *гипотезы*, что такія-то черты міровоззрѣнія происходятъ изъ такихъ-то общихъ техническихъ отношеній, или формъ сотрудничества, или формъ внутренней борьбы, и т. д. Тогда на сцену выступаетъ «методъ различія»; его планомѣрное примѣненіе есть рѣшающій моментъ въ провѣркѣ гипотезы. Именно, надо посредствомъ дифференціальныхъ наблюденій установить, что̀ происходитъ съ такими-то чертами міровоззрѣнія, когда такое-то соціально-трудовое отношеніе—ихъ предполагаемая основа—развивается, упрочивается, распространяется, и что̀ происходитъ, когда оно деградируетъ, ослабѣваетъ, отмираетъ; во всѣхъ ли соціальныхъ комплексахъ, гдѣ оно имѣется на-лицо, обнаруживаются также и данныя черты міровоззрѣнія, или тенденція

Digitized by Google

къ ихъ развитію, а также и наоборотъ—вездѣ ли онѣ отсутствуютъ или уничтожаются тамъ, гдѣ нѣтъ этой предполагаемой ихъ основы, и т. д. *) Если во всѣхъ такихъ сопоставленіяхъ обнаруживается надлежащій параллелизмъ формъ познанія и формъ производства, то гипотеза имѣетъ подъ собою твердую почву, и въ качествѣ уже научной теоріи можетъ послужить базисомъ для новыхъ выводовъ и дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Оперируя этимъ способомъ, я выяснялъ въ предыдущихъ своихъ работахъ происхожденіе дуалистическаго типа мышленія изъ трудового дуализма организаторскихъ и исполнительскихъ функцій,—происхожденіе метафизическаго монизма пустыхъ абстракцій изъ анархически-противорѣчивой формы общественнаго раздѣленія труда, свойственной «товарному» обществу,—наконецъ, отчасти, и происхожденіе новѣйшихъ монистическихъ идей изъ товарищеской формы сотрудничества, характеризующей рабочій классъ. Легко понять, что изслѣдованье такого рода становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ *новѣе* міровоззрѣніе, съ которымъ оно имѣетъ дѣло: меньше данныхъ для сравненія, меньше матеріала для провѣрки, элементы гипотетическаго неизбѣжно сильнѣе. По той же самой причинѣ изслѣдованье тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе распространено изслѣдуемое міровоззрѣніе, чѣмъ болѣе «индивидуально» оно окрашено, и т. д.

Всѣ эти трудности при соціально-генетическомъ анализѣ нашихъ основныхъ («эмпиріомонистическихъ») положеній выступаютъ съ большой силою;—но если само міровоззрѣніе жизненно, если оно не плодъ индивидуальныхъ особенностей, а вы-

*) Во всѣхъ такихъ сравненіяхъ надо, конечно, имѣть въ виду неизбѣжное *запаздываніе* въ развитіи и деградаціи формъ идеологическихъ, какъ производныхъ и болѣе консервативныхъ, по отношенію къ соотвѣтственнымъ соціально-трудовымъ формамъ, какъ первичнымъ и болѣе гибкимъ.

Digitized by Google

раженіе опредѣленной и прогресивной соціальной тенденціи, вообще—если оно дѣйствительно заслуживаетъ изслѣдованья, то нѣтъ основаній считать трудности непредолимыми. Такъ это или нѣтъ—всего легче выяснить практически, путемъ попытки рѣшенія самого вопроса.

II.

Намъ придется начать съ отчетливой формулировки того мѣста, которое занимаетъ наша точка зрѣнія по отношенію къ обычной антитезѣ матеріалистическихъ и идеалистическихъ философскихъ системъ. Разъ мы найдемъ, что она принадлежитъ къ первому или ко второму ряду, у насъ явится сразу возможность распространить на нее тѣ выводы, которые могутъ быть сдѣланы по отношенію къ этому ряду вообще.

Формально, различіе матеріалистическихъ и идеалистическихъ точекъ зрѣнія сводятъ обыкновенно къ вопросу о соотношеніи «матеріи» и «духа»: что считать первичнымъ, и что—производнымъ. Для насъ, очевидно, совершено необязательна самая антитеза, не только потому, что оба ея понятія смутны и неопредѣленны*), но также и потому, что поскольку изслѣдованье ихъ генезиса придаетъ имъ бо́льшую опредѣленность, они оказываются пережитками авторитарнаго дуализма, отраженіемъ низшей соціальной формаціи. Въ этомъ смыслѣ можно было бы обозначить нашу позицію, какъ одинаково чуждую матеріализма и идеализма. Но такая формулировка со-

*) Въ наукѣ—понятіе «матеріи» сводится къ выступающему въ уравненіяхъ механики коэффиціенту «массы;» а этотъ послѣдній, при точномъ анализѣ, оказывается «обратной величиной ускоренія» при взаимодѣйствіи двухъ физическихъ комплексовъ—«тѣлъ» см. E. Mach «Die Mechanik in ihrer Entwicklung»). Что же касается понятія «духа», то оно вообще не можетъ найти себѣ никакого мѣста въ наукѣ,—и не только въ болѣе точныхъ наукахъ «естественныхъ», но и въ сравнительно эмбріональныхъ до настоящаго времени «психологическихъ» и «соціальныхъ»

Digitized by Google

вершенно недостаточна для поставленной въ данный моментъ цѣли, — выясненія *генетическихъ* соотношеній «эмпиріомонизма» съ другими точками зрѣнія.

Для матеріалистическихъ системъ характерна ихъ особенно тѣсная связь съ естественными науками,—матеріалъ естественныхъ наукъ лежитъ всегда въ ихъ основѣ, методы естественныхъ наукъ онѣ возводятъ на степень высшихъ, всеобщихъ формъ познанія. Но сами естественныя науки представляютъ изъ себя высшую систематизацію *техническаго опыта*, «идеологію производительныхъ силъ», и такой же идеологіей является, слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ матеріалистическое міровозрѣніе во всѣхъ (или, можетъ быть, почти во всѣхъ) его историческихъ формахъ.

Идеалистическія системы стоятъ въ такомъ же особенномъ соотношеніи съ процессомъ идеологическимъ, въ какомъ системы матеріалистическія—съ техническимъ. Базисомъ для различныхъ формъ «идеализма» служатъ обыкновенно явленія «нравственныя» а также наиболѣе абстрактныя изъ формъ познавательныхъ—логическіе законы, чистыя категоріи познанія и т. п. Идеализмъ, слѣдовательно, есть «идеологія идеологіи» по преимуществу*)

Наша точка зрѣнія устраняетъ понятія «матеріи» и «духа», какъ неточныя и запутывающія анализъ. Но она пользуется сопоставленіемъ «физическаго» и «психическаго» опыта, и изслѣдуя ихъ соотношеніе приходитъ къ выводу, что изъ этихъ

*) Авторитарная и религіозная тенденція свойственны идеализму—за немногими исключеніями—въ гораздо большей степени, чѣмъ матеріализму. Это станетъ понятно, если мы припомнимъ объ основномъ родствѣ между идеологическими формами и *организаторской функціей* въ обществѣ: и здѣсь и тамъ организующія приспособленія соціальной жизни, въ одномъ случаѣ безличныя, въ другомъ—персональныя. Особенно тяготѣютъ къ авторитету и религіи тѣ формы идеализма, которыя опираются на «нравственное сознаніе», т. е. на *нормативную* идеологію въ самомъ чистомъ видѣ.

Digitized by Google

двухъ областей опыта «физическое» представляетъ *высшую* ступень организованности, а слѣдовательно и *производную*. Психическій опытъ организованъ индивидуально, физическій—соціально, т. е. это *различныя фазы* организующаго процесса, изъ которохъ *относительно-первичною* является «психическое». Не есть ли это идеализмъ въ оболочкѣ измѣненной терминологіи, признаніе «духа» за относительно первичное, изъ чего развивается «природа»? Думать такъ было бы въ высшей степени ошибочяо.

«Психическое» и «физическое, какъ формы *опыта*, отнудь не соотвѣтствуютъ понятіямъ «природы» и «духа» Эти послѣднія понятія имѣютъ метафизическое значеніе и относятся къ «вещи въ себѣ». Мы же, устраняя метафизическія «вещи въ себѣ» изъ своего анализа, какъ пустые фетиши, ставимъ на ихъ мѣсто «эмпирическую подстановку». Эта подстановка, исходная точка которой лежитъ въ признаніи каждымъ человѣкомъ психики другихъ людей, принимаетъ, что «основу» явленій физическаго опыта составляютъ *непосредственные комплексы различныхъ ступеней организованности*, къ числу которыхъ относятся и комплексы «психическіе». Признавая, что физіологическіе процессы высшихъ нервныхъ центровъ, какъ явленія физическаго опыта, суть отраженіе психическихъ комплексовъ, которые и могутъ быть «подставлены» на ихъ мѣсто, мы нашли, что и всѣ вообще физіологическіе процессы жизни допускаютъ подстановку комплексовъ «ассоціативнаго», т. е. психическаго типа; но подставляемыя комбинаціи тѣмъ менѣе сложны и тѣмъ ниже организованы, чѣмъ ниже сложность и организованность физіологическаго явленія. Далѣе, мы признали, что и за предѣлами физіологической жизни, въ мірѣ «неорганическомъ», эмпирическая подстановка не прекращается,—но тѣ «непосредственные комплексы», которые слѣдуетъ подставлять подъ неорганическія явленія, обладаютъ уже не ассоціативной формою организаціи, а иной, низшею; это не «психическія» комбинаціи, а комбинаціи менѣе опредѣленныя, менѣе сложныя, также различныхъ ступеней организованности, которая въ сво-

Digitized by Google

ей низшей, предѣльной фазѣ является просто какъ хаосъ элементовъ.

И вотъ, среди *непосредственныхъ* комплексовъ, подставляемыхъ подъ физическій опытъ, намъ и слѣдуетъ искать аналоговъ «природы» и «духа», чтобы установить ихъ взаимное отношеніе.

Но въ этой самой постановкѣ вопроса уже заключается, очевидно, и отвѣтъ: «природа», т. е. низшія, неорганическія и простѣйшія органическія комбинаціи, есть *генетически-первичное*, «духъ», т. е. высшія органическія комбинаціи, ассоціативныя, и особенно тѣ, которыя образуютъ «опытъ»—*генетически—вторичное*.

Такимъ образомъ, наша точка зрѣнія, не будучи «матеріалистической» въ узкомъ смыслѣ этого слова, принадлежитъ къ тому же ряду, къ которому принадлежатъ «матеріалистическія» системы: это, слѣдовательно, идеологія «производительныхъ силъ» техническаго процесса.

Ничѣмъ инымъ, конечно, и не могло быть міровоззрѣніе, стремящееся связать въ одно стройное цѣлое методы естественныхъ наукъ и «соціальный матеріализмъ» Маркса, являющійся по существу продолженіемъ этихъ методовъ въ сферѣ соціально-историческаго познанія.

III.

Въ классовомъ обществѣ всякое міровоззрѣніе является либо идеологіей какого-нибудь опредѣленнаго класса, либо опредѣленной комбинаціей различныхъ классовыхъ идеологій. Даже наиболѣе индивидуальное въ немъ можетъ быть только своеобразной комбинаціей элементовъ коллективнаго, классового мышленія. Ибо и личность создается и опредѣляется соціальной средой, въ классовомъ обществѣ—классовой.

Digitized by Google

Идеологія техническаго процесса есть въ такомъ случаѣ неизбѣжно идеологія класса, стоящаго въ близкомъ отношеніи къ техническому процессу, т. е. класса «производительнаго», въ *широкомъ* значеніи этого слова. Но въ современномъ обществѣ такая характеристика подходитъ и къ пролетаріату—классу «исполнительскаго» труда, и къ мелкой буржуазіи—классу самостоятельныхъ мелкихъ производителей, и даже къ нѣкоторой части крупной буржуазіи,—къ той части, которая продолжаетъ еще сохранять *непосредственно организаторскую* функцію въ своихъ предпріятіяхъ. Такимъ образомъ, вопросъ о классовомъ содержаніи философскихъ основъ нашего міровоззрѣнія еще не рѣшается его отношеніемъ къ области техническаго опыта.

Поэтому мы должны обратиться къ болѣе конкретному разсмотрѣнію этихъ основъ. Начать придется съ самаго общаго философскаго вопроса—объ отношеніи психическаго и физическаго міра. Здѣсь наша точка зрѣнія такова, что мы признаемъ, во-первыхъ, *принципіальную однородность* обѣихъ областей опыта, и, во-вторыхъ, необходимость *подчиненія психическаго опыта пожавательнымъ формамъ, возникающимъ на почвѣ опыта физическаго.* Принципіальная однородность заключается въ тожествѣ элементовъ той и другой области, и въ объясненіи различія ихъ закономѣрности, какъ различія индивидуальной и соціальной организованности опыта—двухъ стадій организующаго процесса. Подчиненіе же психическаго опыта нормамъ физическаго выражается въ психо-энергетикѣ съ различными ея частными примѣненіями.

Очевидно, что такая концепція совершенно не соотвѣтствуетъ привычкамъ мышленія буржуазіи и мелкой буржуазіи, привычкамъ, вытекающимъ изъ всего ихъ соціальнаго опыта. Эти классы *индивидуалистичны* по всѣмъ своимъ жизненнымъ тенденціямъ, потому что основы ихъ существованія—*частная собственность* и рынокъ съ его неизмѣнной *борьбою.* Этотъ индивидуализмъ находитъ себѣ мѣсто и въ ихъ концепціи опыта и познанія: въ ихъ теоріяхъ познанія субъектъ, познающій всегда—индивидуумъ.—и съ точки зрѣнія индивидуальной

Digitized by Google

познавательной дѣятельности ставятся и рѣшаются основные вопросы философіи *).

Съ другой стороны, именно у работника машиннаго производства въ его ежедневномъ трудовомъ опытѣ постоянно дается матеріалъ для идеи о принципіальной однородности «психическаго» и «физическаго, и о господствѣ надъ «психическимъ» законовъ «физическаго», но не обратно. На каждомъ шагу онъ встрѣчается съ практическимъ замѣщеніемъ элементовъ психической работы—волевого усилія, вниманія, даже соображенія—комбинаціями физическихъ элементовъ. Особенно *автоматическіе механизмы* съ ихъ самодѣйствующими регуляторами обнаруживаютъ на дѣлѣ эквивалентность механическихъ силъ съ работою интеллекта: они вытѣсняютъ въ значительной мѣрѣ даже трудъ наблюденія и контроля надъ производственными процессами; машина беретъ на себя даже то, что раньше могъ дѣлать только наиболѣе интеллигентный рабочій-механикъ, и чего не могъ рабочій менѣе образованный. При этомъ оказывается, что замѣщеніе происходитъ въ извѣстной пропорціональности: большее количество психической работы замѣщается, при данной системѣ механизмовъ, большимъ количествомъ механической работы; болѣе сложная психическая работа находитъ замѣну въ болѣе сложной физической комбинаціи, въ болѣе сложномъ «аппаратѣ». Въ то же время въ закономѣрности и планомѣрности движенія этихъ механизмовъ работникъ видитъ результаты накопленнаго опыта другихъ работниковъ мысли и дѣла, опыта человѣчества; и свою психическую работу въ процессѣ своего труда онъ вынужденъ постоянно приспособлять

*) Представленіе о соціальности опыта и познанія уже не чуждо идеологамъ промежуточныхъ группъ, именно, наемной интеллигенціи на службѣ у капитала и у буржуазнаго государства (т. е. у буржуазіи, какъ *класса*), особенно профессіональныхъ философовъ, начиная съ Л. Фейербаха, по меньшей мѣрѣ. Но это представленіе не проводится у нихъ въ міровоззрѣніи сколько-нибудь полно (даже у «эмпиріокритицистовъ»).

Digitized by Google

къ этой желѣзной закономѣрности и планомѣрности; но преобразовать *эту послѣднюю*, приспособляя ее къ процессамъ своей психики, онъ не можетъ, или, точнѣе, можетъ лишь въ относительно ничтожной степени; да и это онъ сумѣетъ практически осуществить лишь при условіи въ своей психической работѣ (напр., изобрѣтательской) постоянно полностью принимать во вниманіе все ту же закономѣрность, коллективно кристаллизованную въ существующей уже машинной техникѣ; т. е. и здѣсь онъ опять таки долженъ приспособлять индивидуальное творчество къ организованному коллективному.

Такимъ образомъ, въ соціально-трудовомъ опытѣ работника машиннаго производства существуетъ и имѣетъ основное жизненное значеніе матеріалъ, какъ для признанія принципіальной однородности «психическаго» и «физическаго», такъ и для тенденціи познавательно подчинять «психическое» коллективно выработаннымъ формамъ познанія «физическаго». Философія, организующая этотъ матеріалъ въ законченно-чистыя формы и дѣлающая эти формы всеобщими, должна разсматриваться, какъ идеологія даннаго класса,—конечно, именно постольку, поскольку она выполняетъ это въ дѣйствительности, и не примѣшиваетъ чуждыхъ тенденцій, противорѣчащихъ тенденціямъ пролетаріата.

Само собою разумѣется, изъ одного пролетарски-классового характера тенденцій данной философіи отнюдь еще не слѣдуетъ, что она можетъ и должна быть принята пролетаріатомъ и его идеологами: для этого надо, чтобы она дѣйствительно успѣшно, съ достаточной полнотой и гармоніей, организовала соціальный опытъ въ формахъ, соотвѣтствующихъ мышленію пролетаріата,—надо, чтобы въ ней не было ошибокъ и противорѣчій. Всякая попытка, сознательная или безсознательная, философски формулировать идеологію того или иного класса, должна прежде всего подлежать критикѣ со стороны своей «истинности», т. е. соотвѣтствія съ фактами и отсутствія внутреннихъ противорѣчій. Неудачныя попытки должны безпощадно обличаться и отвергаться,—«добрыя намѣренія» въ этомъ случаѣ не смягчающее, а отягчающее вину обстоятельство.

Digitized by Google

Поэтому и «самопознаніе философіи» должно выступать на сцену лишь *послѣ* научно-фактическаго ея обоснованія. Именно такой послѣдовательности я и держался.

IV.

Второе основное положеніе, выражающее, по нашему мнѣнію, эмпиріомонистическую тенденцію,—это ученіе о «подстановкѣ». Здѣсь наша задача представляла двѣ стороны: во-первыхъ, надо было очистить «подстановку» отъ осложнившихъ ее и затемнившихъ ея жизненный смыслъ элементовъ авторитарнаго дуализма и метафизическаго соціальнаго фетишизма,—задача отрицательная, «критическая»; во-вторыхъ, надо было обобщить «подстановку», на основаніи законной аналогіи распространить ее съ отдѣльныхъ физіологическихъ процессовъ жизни нервныхъ центровъ на всѣ процессы жизни вообще, а затѣмъ и на процессы неорганизованной природы, соотвѣтственно измѣняя при этомъ ея содержаніе,—задача положительная и «монистическая». Въ результатѣ должно было получиться соотвѣтствующее опыту и внутренно-связное, словомъ—«эмпиріомонистическое» пониманіе факта, составляющаго основу соціальности познанія,—и тѣмъ самымъ познанія вообще.

Критика «подстановки» направляется, главнымъ образомъ, противъ понятія «души» или «духа», созданнаго авторитарнымъ мышленіемъ, и противъ «вещи въ себѣ», производной этого понятія, выработанной соціальнымъ фетишизмомъ мѣнового общества. При этомъ сама собой устраняется та ошибочная и излишняя форма подстановки, которая считаетъ психическій опытъ «явленіемъ» какой-то «вещи въ себѣ», лежащей глубже его. Какъ исходная точка всякой подстановки, самъ онъ не требуетъ уже никакой подстановки въ свою очередь *). Ря-

*) Въ психо-физіологическомъ изслѣдованіи часто приходится, какъ мы видѣли, вмѣсто психическаго процесса брать соотвѣтственный физіологическій; но это вовсе не та «подстановка», о которой идетъ рѣчь, а *дѣйствіе ей обратное*.

Digitized by Google

домъ съ этимъ сокращеніемъ сферы подстановки идетъ ея расширеніе въ другую сторону, съ высшихъ физіологическихъ процессовъ на всю область физическаго опыта. Расширеніе это монистически необходимо, и въ дѣйствительности какъ обыденное, такъ и научное мышленіе всегда его практиковало, но большею частью, не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета. Философія же всегда обнаруживала къ нему величайшую склонность (многочисленныя теоріи «параллелизма»). Оно одно даетъ возможность понять все существующее, какъ рядъ дѣйствительно непрерывный,—всю линію развитія представить *безъ абсолютнаго скачка* (въ томъ пунктѣ, гдѣ «впервые возникаетъ сознаніе»).

Въ этомъ непрерывномъ ряду нѣтъ ничего неподвижнаго; и самыя *формы опыта* (время, пространство, причинность) мы должны разсматривать, какъ развивающіяся формы координаціи элементовъ и комплексовъ, какъ типы ихъ группировки въ процессѣ возрастанія организованности и взаимной связи переживаній, образующихъ опытъ.

Въ такомъ видѣ все ученіе о подстановкѣ характеризуется тенденціей строго позитивной, монистической и неуклонно-динамической. Всѣ эти характеристики свойственны только идеологіямъ классовъ прогрессивныхъ и прогрессирующихъ. Въ позитивной тенденціи выражается *растущее богатство реальнаго, близкаго къ непосредственной борьбѣ съ природой, жизненнаго содержанія*, — вытѣсняющее и дѣлающее жизненно-лишними всякіе призраки, всякіе фетиши. Монизмъ есть познавательное отраженіе *возрастающей организованности* жизни; прогрессъ практическаго единства живыхъ соціальныхъ силъ класса увеличиваетъ и обостряетъ потребность въ познавательномъ единствѣ представленій, содержаніе которыхъ въ своей основѣ есть, какъ мы знаемъ, лишь сокращеніе комплексовъ практическаго жизненнаго содержанія. — Наконецъ, связь между динамизмомъ міровоззрѣнія и жизненной прогрессивностью класса настолько проста и очевидна, что пояснять ее нѣтъ нидобности; maximum дина-

Digitized by Google

мизма въ познаніи соотвѣтствуетъ maximum революціонности въ жизни.

Всѣ эти черты въ совокупности указываютъ на идеологію пролетаріата.

V.

Посмотримъ теперь на общую картину міра, какой она выступаетъ съ точки зрѣнія нашихъ основныхъ положеній.

Нашъ universum есть прежде всего *міръ опыта*. Но это не только міръ *непосредственнаго* опыта; нѣтъ, онъ гораздо шире. Какъ міръ *возможнаго непосредственнаго опыта*, онъ простирается въ безконечность, т. е. имѣетъ тенденцію неопредѣленно далеко расширяться. Но онъ, кромѣ того, пополняется «подстановкой», и здѣсь уже является, какъ міръ «косвеннаго опыта». Психическая жизнь другого человѣка и наши собственныя «подсознательныя» переживанія никогда не могутъ стать для насъ объектомъ прямого, непосредственнаго опыта; однако, они не лежатъ и внѣ нашего опыта вообще,—тогда объ нихъ не пришлось бы и думать и говорить.—Наше изслѣдованіе привело насъ къ выводу, что такое расширеніе universum'а путемъ подстановки необходимо параллельно всей линіи «физическаго опыта», но съ тѣмъ, чтобы содержаніе «подстановки» измѣнялось въ соотвѣтствіи со степенью *организованности* тѣхъ физіологическихъ и просто физическихъ процессовъ, по отношенію къ которымъ выполняется «подстановка».

Въ результатѣ всего, universum представляется въ такомъ видѣ.

Безконечная сумма элементовъ, тожественныхъ съ элементами нашего опыта, сгруппированы въ безконечные ряды комплексовъ различныхъ ступеней организованности, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, отъ смутнаго «хаоса элементовъ» до комплексовъ человѣческаго опыта и, можетъ быть, еще гораздо болѣе совершенныхъ формъ.

Digitized by Google

Эти комплексы сплетаются въ болѣе сложныя комбинаціи они «дѣйствуютъ» другъ на друга, они «измѣняютъ» другъ друга, они «отражаются» одинъ въ другомъ, — какъ мы это видимъ на комплексахъ своего непосредственнаго опыта. «Сознаніе» человѣка есть сложная, измѣнчивая, устойчивая въ измѣненіяхъ комбинація, въ которой другія комбинаціи «отражаются» въ видѣ «воспріятій», «внѣшнихъ впечатлѣній» и т. под. Изъ этихъ «отраженій» образуется обширный матеріалъ психическаго опыта. Въ немъ возникаютъ, путемъ дѣйствія однихъ «комплексовъ-отраженій» на другіе, комплексы-отраженія *второго порядка* — «косвенный опытъ», міръ «подстановки». Посредствомъ «подстановки» создается связь *общенія* между различными «сознаніями», а путемъ этого общенія вырабатываются *общіе типы организаціи опыта* (время, пространство, причинность), — и часть коллективнаго опыта (существующаго по частямъ въ различныхъ психикахъ) пріобрѣтаетъ ту «соціальную организованность», которая характеризуетъ *физическій опытъ*.—Весь этотъ сложный процессъ развитія, отъ хаоса элементовъ къ объективной закономѣрности физическаго опыта по существу однороденъ: измѣненіе комплексовъ соединеніемъ однихъ съ другими и взаимнымъ вліяніемъ ихъ другъ на друга, измѣненіе, ведущее ко все большей ихъ организованности и связности.

Въ этой безконечно развертывающейся ткани universum'а отдѣльныя ея «клѣтки» -- комплексы и ихъ комбинаціи — не сливаются въ одно непрерывное поле, подобное полю сознанія, но остаются раздѣленными между безчисленными самостоятельными «полями комплексовъ». Чтобы представить эту раздѣльность въ тѣхъ же всеобщихъ формахъ опыта, слѣдуетъ принять опредѣленный типъ измѣненій: *интерференцію* непосредственныхъ комплексовъ-процессовъ *). Если два комплекса связаны

*) Не мѣшаетъ напомнить, что «комплексы» надо понимать *динамически*, а не статически: это непрерывное возникновеніе и устраненіе элементовъ, подобныхъ элементамъ опыта, въ опредѣ-

Digitized by Google

посредствомъ третьяго и къ этому третьему присоединяется комплексъ ему противоположный—устраненіе тѣхъ элементовъ, которые въ первомъ возникаютъ и возникновеніе тѣхъ, которые въ немъ исчезаютъ,—то этотъ промежуточный, связывающій комплексъ «уничтожается» для опыта, и связь двухъ другихъ прерывается. Такъ примѣненіемъ идеи причинности (ибо «интерференція» есть одна изъ ея формъ) *перерывы сводятся къ непрерывности.*

Слѣдовательно, вотъ наша концепція мірового цѣлаго: безконечные ряды комплексовъ, разлагаемыхъ познаніемъ на элементы, тожественные съ элементами опыта, и находящихся на различныхъ ступеняхъ организаціи. Ткань, въ которую сплетаются эти ряды, принимается познаніемъ какъ непрерывная, а ея кажущіеся перерывы — какъ результатъ интерференціи, т. е. взаимоуничтоженія противоположныхъ комплексовъ, служащихъ связью между другими.

Откуда возникла вся эта картина *съ соціально-генетической* точки зрѣнія? Этотъ вопросъ обязательно поставить потому, что всякая картина міра *прежде всего* должна соотвѣтствовать непосредственной картинѣ наиболѣе важныхъ для человѣка и наиболѣе постоянныхъ въ его опытѣ *соціальныхъ* отношеній, среди которыхъ онъ живетъ. Отвѣтъ же на этотъ вопросъ является самъ собою, если мы въ самой этой картинѣ на мѣсто комплексовъ вообще поставимъ *соціальные комплексы*, ихъ высшую и сложнѣйшую форму.

Тогда передъ нами получается точное изображеніе современнаго общества, въ которомъ объединяются трудовыя группировки самыхъ различныхъ степеней организованности, отъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ до колоссальныхъ капиталистическихъ трэстовъ, отъ индивидуальной семьи до великихъ политическихъ партій. Всѣ эти комбинаціи взаимно вліяютъ другъ

ленной комбинаціи. Мы часто пользуемся и статическимъ понятіемъ комплекса,—но тогда дѣло идетъ, разумѣется, объ обыкновенномъ *подвижномъ равновѣсіи.*

Digitized by Google

на друга, взаимно измѣняютъ другъ друга, такъ или иначе «отражаются» одна въ другой. Но въ то же время онѣ не сливаются непосредственно въ одно цѣлое, онѣ существуютъ раздѣльно, несмотря на реальную жизненную связь (сложнаго сотрудничества), которая дѣлаетъ изъ нихъ *одно* общество. «Принципомъ» раздѣльности является *борьба*, возникающая тамъ, гдѣ соприкасаются эти комбинаціи (напр., на «рынкѣ», который связываетъ всѣ различныя экономическія предпріятія). Эта борьба, процессъ, въ которомъ соединяются противоположныя тенденціи, стремясь взаимно уничтожить другъ друга и частично осуществляя это, — эта борьба, съ соціально-генетической точки зрѣнія, есть первообразъ той «интерференціи непосредственныхъ комплексовъ», которая обусловливаетъ собою перерывы комплексовъ въ нашей общей картинѣ міра.

Устанавливая, такимъ образомъ, связь нашей картины міра съ соціальнымъ устройствомъ нашей эпохи, какъ связь «отраженія» съ «первообразомъ», мы можемъ сдѣлать изъ нея два дальнѣйшихъ вывода. Первый выводъ тотъ, что эта связь удовлетворяетъ одному изъ существенныхъ требованій, выражающихъ условія *исторической истинности* міровоззрѣнія. Второй выводъ тотъ, что въ этой картинѣ, если считать ее вѣрной для современнаго познанія, едва ли можно ожидать *коренныхъ* измѣненій раньше *коренного* переустройства соціальной жизни; ибо данное строеніе общества должно создавать тенденцію къ сохраненію этой основной познавательной схемы.

На этомъ я заканчиваю свою попытку выполнить «самопознаніе» по отношенію къ своему міровоззрѣнію. Мнѣ пришлось пользоваться больше методомъ аналогій, чѣмъ сравнительно точнымъ абстрактно-историческимъ методомъ, который я обрисовалъ въ началѣ статьи. Это, конечно, придаетъ всей попыткѣ болѣе гипотетическій характеръ; но тогда же, въ началѣ статьи, я указалъ тѣ трудности изслѣдованія, которыя дѣлали это неизбѣжнымъ. А если мой читатель дастъ себѣ трудъ присталь-

Digitized by Google

но вглядѣться въ мою попытку, онъ въ ея содержаніи найдетъ, можетъ быть, больше непосредственной убѣдительности, чѣмъ могъ бы дать самъ по себѣ методъ ея построенія. Въ историко-философскихъ объясненіяхъ идеологіи, благодаря сложности, но въ то же время и близости ихъ объекта къ собственной организаціи познающаго, роль живой интуиціи,— по необходимости очень значительная,—можетъ практически оказываться и очень успѣшной по результатамъ, какъ не разъ отмѣчали историки-матеріалисты.

Мы пришли къ такой характеристикѣ намѣченнаго философскаго міровоззрѣнія: пролетарская по тенденціямъ, познавательная идеологія техническаго процесса, въ своей общей схемѣ воспроизводящая основныя черты строенія современнаго общества.

Всѣ процессы жизни цикличны, и для развивающейся жизни конецъ одного цикла переходитъ въ начало другого, высшаго. Циклично и познаніе, которое тоже есть одинъ изъ жизненныхъ процессовъ. И когда оно приходитъ къ *познанію самого познанія*, когда, пройдя черезъ рядъ объектовъ восходящей сложности, оно въ концѣ этого ряда находитъ самого себя, и такимъ путемъ возвращается къ себѣ, — оно завершаетъ тѣмъ самымъ одинъ изъ цикловъ своего развитія. Это завершеніе есть въ то же время высшая форма провѣрки; и если въ ней оно находитъ себѣ подтвержденіе, то съ тѣмъ большей увѣренностью и ясностью начинаетъ оно тогда новый циклъ своего развитія...

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Предисловіе . . . . . I.

1. Три матеріализма . . . . . III.

2. Энергетика и эмпиріокритицизмъ . . XVI.

3. Путь эмпиріомонизма . . . . . XXII.

4. Объ эклектизмѣ и монизмѣ . . . . XXXIX.

Общественный подборъ (основы метода) 1

Историческій монизмъ:

А. Главныя линіи развитія 31

Б. Классы и группы 85

Самопознаніе философіи (происхожденіе эмпиріомонизма) 143

Digitized by Google

Digitized by Google